ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ПЯТАЯ.

Издана подъ редакціей

М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.
В. І. Завадскаго. Б.-Васильковская ул., д. №№ 29—31.
1891.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ПЯТАЯ.

Издана подъ редакціей

М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.
В. І. Завадзкаго. Б.-Васильковская ул., д. №№ 29—31.
1891.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго университета св. Владиміра.

Деканъ *Т. Флоринскій.*

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ и личномъ составѣ Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ 1890 году.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ 1890 году.

I. ЗАСѢДАНІЕ 4-го ФЕВРАЛЯ.

а) Д. чл. *Н. В. Стороженко* прочелъ сообщеніе *„О малороссійскомъ ополченіи въ 1812 году“* (напечатано во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

б) Д. чл. *И. М. Каманинъ* сообщилъ *„О новыхъ матеріалахъ по исторіи Колеивщины“ (Уманской рѣзни 1768 г.).*

На основанія изученія какъ изданныхъ раньше матеріаловъ, такъ и вновь открытыхъ самимъ референтомъ въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, онъ высказалъ предположеніе о происхожденіи названія возстанія 1768 г. Колеивщиной, указалъ ея общія причины и ближайшій поводъ, отмѣтилъ степень участія Запорожья и духовенства въ дѣлѣ возстанія, очертилъ районъ возстанія, обрисовалъ форму, въ которой оно выразилось, опредѣлилъ мѣры, принятыя для подавленія возстанія, и, наконецъ, изложилъ содержаніе приговора надъ главными участниками возстанія. (Сообщеніе это будетъ напечатано, со всѣмъ относящимся къ нему матеріаломъ, въ одной изъ ближайшихъ книгъ „Чтеній“).

в) Д. чл. *С. Т. Голубевъ* разъяснилъ слѣдующее *библіографическое недоразумѣніе:* Въ нѣкоторые библіографическіе труды записано изданіе львовскимъ типографомъ М. Слезкою *„Краткаго собранія объ артикулахъ вѣры“* 1646 г., за которое будто-бы Слезка подвергся отъ кіев. митрополита Петра Могилы церковному от-

лученію. Референтъ считаетъ подобное мнѣніе недоразумѣніемъ: Слезкою означенная книга никогда издаваема не была, а онъ подвергнутъ былъ Петромъ Могилою отлученію *за изданіе Служебника*. Свои положенія референтъ доказывалъ на основаніи вновь открытыхъ имъ документовъ.

—

Избраны по баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Общества *Е. Н. Дверницкій* и *В. И. Василенко*.

II. ЗАСѢДАНІЕ 18-го ФЕВРАЛЯ.

а) Д. чл. *П. В. Владиміровъ* сдѣлалъ „*Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII столѣтія*“ (напечатанъ во II-мъ отдѣлѣ четвертой книги „Чтеній“).

б) Д. чл. *В. З. Завитневичъ* познакомилъ Общество съ „*трудами VIII Археологическаго Съѣзда*“, бывшаго въ Москвѣ въ январѣ этого года.

Сказавъ нѣсколько словъ о дѣятельности Съѣзда вообще, референтъ остановился, главнымъ образомъ, на докладахъ А. С. Будиловича и Д. А. Хвольсона.

Профессоръ Будиловичъ въ своемъ изслѣдованіи поднялъ на Съѣздѣ старый вопросъ о происхожденіи слова „Русь“. Признавая всѣ предыдущія попытки въ этомъ родѣ неудовлетворительными и раздѣляя то мнѣніе представителей Славяно-Балтійской школы, что Русь не слѣдуетъ смѣшивать съ Варягами, этотъ почтенный ученый высказалъ мнѣніе, которое можетъ быть сведено къ слѣдующимъ положеніямъ. Слово Русь произошло отъ готскаго слова Hrôthis. Въ англосаксонскихъ источникахъ VIII—IX вѣка. слово это, какъ географическій терминъ, встрѣчается въ формѣ hrôdh, hroedh, hreidh и чаще всего въ сочетаніи съ словомъ Gotaland. Позднѣе названіе Reidh-gotaland совершенно естественно перешло въ Рось-Готаландію. Столицею этой Рейдготіи, какъ объ этомъ говорится въ извѣстной сагѣ Harvararsaga, былъ Damprstadir, т. е. городъ Днѣпра, а западною границею ея были Harvadhafjöll, въ которыхъ слѣдуетъ видѣть искаженное готское названіе Карпатовъ, какъ это еще раньше высказано было Куникомъ. Рейдготія или Рось-Готія находилась, слѣдовательно, гдѣ то въ предѣлахъ нашего кіевскаго Поросья. Этихъ Рейдготовъ слѣдуетъ отождествлять съ тѣми готами временъ Герма-

нариха, которые, по сказанію Іордана и греко-латинскихъ источниковъ, жили на востокѣ отъ Дакіи и назывались Greutungi или, что тоже, Hrôth-ungi, или Hreidh-ungi. Эта гипотеза проф. Будиловича, высказанная въ основѣ своей по частямъ еще раньше, имѣетъ въ себѣ ту симпатичную сторону, что она отвѣчаетъ на давно сознанную историками потребность искать основаніе для объясненія слова Русь на югѣ, а не на сѣверѣ. Признаніе слова Русь исконнымъ названіемъ Руси Южной имѣетъ за собою всѣ преимущества, потому что она, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ К. Д. Бестужевъ-Рюминъ, „очень хорошо объясняетъ постоянное сохраненіе имени Руси за Русью Кіевскою“. Что же касается географическаго положенія Рейдготіи и упоминаемаго въ Гарвараръ-сагѣ города Днѣпра, то въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія позднѣйшее изслѣдованіе по этому вопросу проф. Вигфуссона, который, какъ мы знаемъ изъ реферата проф. Н. П. Дашкевича, пріурочиваетъ этотъ городъ къ Кіеву. Сущность вопроса, слѣдовательно, сводится къ тому, можно ли филологически Рейдготовъ отожествлять съ Грейтунгами и можно-ли отъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ производить Русь Готовъ? Преній по поводу реферата г. Будиловича не было, и другіе филологи по этому вопросу своего мнѣнія не высказали. Но, зная отношеніе филологовъ къ другимъ подобнымъ же вопросамъ, можно напередъ сказать, что полное единогласіе нашихъ филологовъ въ данномъ вопросѣ едвали возможно.

Въ тѣсной связи съ разсмотрѣннымъ рефератомъ стоитъ рефератъ Д. А. Хвольсона. Этотъ почтенный гебраистъ указалъ на новое изданіе сочиненія извѣстнаго арабскаго писателя IX вѣка Ибнъ-Хордадбе, сдѣланное лейденскимъ профессоромъ де-Гуйе по рукописи, представляющей новую редакцію названнаго сочиненія. Вотъ въ этой-то новой, самимъ авторомъ дополненной, редакціи есть, между прочимъ, извѣстіе о томъ, что находившіеся въ Багдадѣ *славянскіе* евнухи служили *переводчиками русскимъ* купцамъ. Сославшись на показаніе другихъ арабскихъ писателей, свидѣтельствующихъ, что русскіе были славяне, г. Хвольсонъ сдѣлалъ выводъ, что указанное мѣсто въ сочиненіи Хордадбе представляетъ новое доказательство въ пользу племеннаго родства Руси со славянами. Въ происшедшихъ по этому вопросу преніяхъ представители школы, доказывающей тожество Руси съ Варягами, заявили, что арабскимъ писателямъ, ко-

гда дѣло идетъ объ этнографическихъ опредѣленіяхъ, не слѣдуетъ-де вѣрить, а что касается извѣстія, что славяне могли служить переводчиками русскимъ, то это-де указываетъ лишь на очень раннее сожительство тѣхъ и другихъ тамъ гдѣ-то на сѣверѣ.....

III. ЗАСѢДАНІЕ 18-го МАРТА.

а) П. чл. *В. Б. Антоновичъ* сдѣлалъ сообщеніе „*О бронзовыхъ орудіяхъ, находимыхъ въ предѣлахъ Кіевской губерніи*“. Отмѣтивъ тотъ общій фактъ, что кіевская губернія вообще не даетъ погребальнаго типа бронзоваго вѣка, докладчикъ указалъ на слѣдующіе бронзовые предметы, найденные за все время производства раскопокъ въ разныхъ могилахъ: 8 экземпляровъ бронзовыхъ цѣпей, нѣсколько топоровъ со втулкой на подобіе теперешнихъ, и одинъ экземпляръ такъ называемаго крылатаго топора, 5 наконечниковъ бронзовыхъ копій въ видѣ лавроваго листа, 2 булавы и одна діадема; далѣе на 600 раскопокъ цѣликомъ только одна гробница можетъ быть отнесена къ бронзовому вѣку, да и она не особенно характерна. Если сравнить это ничтожное количество находокъ съ другими археологическими древностями, данными кіевской губерніей, то они составятъ каплю въ морѣ. Вопросъ о томъ, откуда явились въ данной территоріи эти, очевидно, случайно закопанные предметы, по мнѣнію референта, можетъ быть рѣшенъ на основаніи сличенія ихъ съ находками въ территоріи на западъ и на востокъ отъ разсматриваемой. Оказывается, что аналогичные предметы, дубликаты каждой изъ найденныхъ вещей, можно встрѣтить, съ одной стороны, въ Пештскомъ Музеѣ, гдѣ хранятся вещи, найденныя въ Венгріи, съ другой—въ восточныхъ русскихъ музеяхъ, представляющихъ находки въ бассейнѣ р. Камы. Въ восточныхъ коллекціяхъ не встрѣчается правда булавы, но большая близость раскопокъ Кіевской губерніи къ Камѣ характеризуется отсутствіемъ какъ здѣсь, такъ и тамъ, бронзовыхъ мечей, которыхъ въ Венгріи, напротивъ, очень много. Но основаніи этихъ данныхъ референтъ высказываетъ слѣдующую догадку: если количество бронзы, находимой въ полосѣ Кіевской губ., сѣверной части полтавской и южной черниговской и по окраинамъ Подоліи и Волыни, такъ незначительно, то можно предположить, что она была

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ 1890 году.

Сообщенія, помѣщенныя въ сокращеніи:

О новыхъ матеріалахъ по исторіи Колеивщины.—*И. М. Каманина*. 1

Библіографическое недоразумѣніе.—*С. Т. Голубева*. .

О трудахъ VIII-го Археологическаго Съѣзда.—*В. З. Завитневича*. 2

О бронзовыхъ орудіяхъ, находимыхъ въ предѣлахъ Кіевской губерніи.—*В. Б. Антоновича*. 4

Какъ относились у насъ въ старину къ самоубійству.—*О. И. Левицкаго*. 5

Страница изъ исторіи ново-сербской словесности („Сатиръ“ Рельковича).—*А. И. Степовича*. 7

О глаголическомъ памятникѣ XII и трудахъ П. А. Ровинскаго.—*Т. Д. Флоринскаго*. 14

Крестьяне и крестьянскій вопросъ въ Лифляндіи въ XVII и XVIII вв.—*И. В. Лучицкаго*. 15

СТРАН.

Малоизвѣстныя лица и событія конца XVIII в.—*И. М. Каманина*. 17

Новые матеріалы, извлеченные изъ англійскаго государственнаго архива.—*А. В. Романовича-Славатинскаго*. 19

Археологическія раскопки близь Керчи лѣтомъ 1890 г..—*Ю. А. Кулаковскаго*. 20

О древлянскихъ могильникахъ.—*В. Б. Антоновича*. 23 и 25

Памятникъ древне-греческаго искусства, хранящійся въ музеѣ университета св. Владиміра.—*А. И. Сонни*. . . 26

Личный составъ Общества Нестора къ 1-му января 1891 г. 28

Извлеченіе изъ отчета о дѣятельности Общества въ 1890 г. (по библіотекѣ и кассѣ). 33

ОТДѢЛЪ II.

Изслѣдованія.

Нѣсколько мѣстъ начальной лѣтописи.—*А. И. Соболевскаго*. 1

Страница изъ исторіи Екатерининскаго наказа (объ отмѣнѣ пытки въ Россіи).—*В. С. Иконникова*. 11

Евреи въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII вѣкѣ.—*И. М. Каманина*. 36

Луцкая старина.—*О. И. Левицкаго*. 54

Гадяцкая старина.—*В. И. Василенко*. 91

Малороссійское ополченіе 1812 года.—*Н. В. Стороженко*. 103

О церкви и иконѣ св. Богородицы подъ названіемъ „Пирогощи“, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ и въ словѣ о Полку Игоревѣ.—*И. И. Малышевскаго*. 113

Замокъ князя Семена Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ.—*В. З. Завитневича*. 134

Къ исторіи открытія Золотыхъ Воротъ.—*Н. Н. Ологблина*. 142

СТРАН.

Описаніе Черноморья, составленное Эмидіемъ д'Асколи въ 1634 г.—*Н. П. Дашкевича.* 172

ОТДѢЛЪ III.

Матеріалы.

Descrittione del Mar negro et della Tartaria per il. d. Emidio Dortelli d'Ascoli. 1632 a. — Сообщилъ *Н. П. Дашкевичъ.* 1

Письмо канцлера Олбрахта Гаштолда къ земскому подскарбію Богушу Боговитиновичу въ началѣ XVI в. (1522—1530 гг.) о защитѣ г. Кіева отъ разоренія его татарами.—Сообщилъ *И. М. Каманинъ.* 47

Акты по исторіи монастырскаго землевладѣнія въ Малороссіи (1636—1730 гг.).—Сообщилъ *А. М. Лазаревскій.* 49

Акты по управленію Малороссіею гр. П. А. Румянцева за 1767 г.—Сообщилъ *М. Ф. Владимірскій-Будановъ.* 93

Къ исторіи водворенія въ Кіевѣ уніи.—Сообщилъ *О. И. Левицкій.* 137

Матеріалы для исторіи западно-русской церкви.—Сообщилъ *С. Т. Голубевъ.* 145

сюда занесена народомъ, не населявшимъ эту территорію, а только передвигавшимся черезъ нее. Такихъ народовъ исторія отмѣчаетъ три: гунновъ, аваровъ и венгровъ, которые всѣ несомнѣнно были вооружены бронзой. Идя съ Урала, они проходили чрезъ данную территорію, останавливались на ней; кому-нибудь изъ нихъ и принадлежитъ находимая здѣсь случайно бронза.

б) Д. чл. *О. И. Левицкій* въ своемъ докладѣ прослѣдилъ, *„какъ относились у насъ въ старину къ самоубійству“*. Указавъ сначала на то, что самоубійство есть наиболѣе частое явленіе лишь въ человѣческомъ обществѣ, референтъ отмѣтилъ общее мнѣніе многихъ ученыхъ, что при разсмотрѣніи количества самоубійствъ въ древнемъ и новомъ мірѣ, среди образованныхъ государствъ въ различные эпохи ихъ исторической жизни, обнаруживается связь между количествомъ самоубійствъ и большею или меньшею высотою умственнаго развитія государства; мнѣніе д-ра Мазарыка объ исключительной связи самоубійствъ съ силою религіозныхъ вѣрованій референтъ не раздѣляетъ, но причины самоубійствъ предполагаетъ и въ соціально-экономическихъ условіяхъ жизни народа; во всякомъ же случаѣ, думаетъ, что окончательное рѣшеніе вопроса о причинахъ самоубійствъ теперь преждевременно и возможно лишь въ будущемъ при болѣе тщательномъ изученіи всѣхъ сторонъ этого печальнаго явленія и при взаимномъ содѣйствіи естественно-исторической, историко-статистической и политико-экономической наукъ. Обращаясь собственно къ своему вопросу о томъ, какъ смотрѣли у насъ на самоубійство въ разныя времена, г. Левицкій пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1, въ древнемъ языческомъ мірѣ преобладало безразличное отношеніе къ самоубійству и самоубійцамъ;

2, впервые отнеслось къ нему съ осужденіемъ христіанство, вслѣдствіе своего взгляда на жизнь, какъ даръ Бога, и такое отношеніе его формулировано въ концѣ IV вѣка въ каноническихъ отвѣтахъ александрійскаго епископа Тимофея, а возведено въ церковный законъ едва на шестомъ вселенскомъ соборѣ (691 г.), когда постановлено было погребать убійцъ отдѣльно, вдали отъ церквей, а не тамъ, гдѣ хоронились умершіе естественною смертію христіане.

3) Этотъ обычай хоронить убійцъ отдѣльно перешелъ изъ Греціи и на Русь; отношеніе русской церкви лучше всего характери-

зуется выраженіемъ въ грамотѣ (1417 г.) московскаго митрополита Фотія ко псковскому духовенству; въ ней онъ напоминаетъ, что самоубійцъ „не велѣно у церквей хоронити, ни надъ ними пѣти, ни поминати, но въ пустѣ мѣстѣ, въ яму вложивъ, закопати; створить же о душахъ ихъ Господь, яко же Самъ вѣсть, по своимъ неизрѣченнымъ судьбамъ"; и русское духовенство всегда такъ же гуманно относилось къ самоубійцамъ до реформъ Петра Великаго.

4) Въ западной Европѣ, подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма и жестокихъ гоненій за малѣйшее отступленіе отъ ученія церкви, выработался взглядъ на самоубійство, какъ на уголовное преступленіе, наказуемое по законамъ; наказаніемъ же было: уничтоженіе силы духовнаго завѣщанія самоубійцы, конфискація имущества и позорное погребеніе рукою палача.

5) Со времени Петра Великаго, заимствовавшаго образцы для своего законодательства на западѣ, принимается и возводится въ законъ этотъ взглядъ и мало-по-малу распространяется въ Сѣверной Россіи.

6) Юго-западная Русь, открытая, со времени соединенія своего съ Литвою и Польшей, западно-европейскому вліянію, рано усвоиваетъ себѣ вышеуказанный взглядъ на самоубійство, какъ на преступленіе, и доказательство его существованія здѣсь референтъ находитъ въ судебномъ приговорѣ 1782 года магистрата г. Олыки по поводу одного случая самоубійства (Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. V, т. I, акты о городахъ) и въ современныхъ воззрѣніяхъ народа на тѣхъ, кто лишаетъ себя жизни добровольно.

7) Наконецъ, въ заключеніе, референтъ указалъ на исчезновеніе изъ современныхъ западно-европейскихъ судебныхъ кодексовъ карательныхъ мѣръ противъ самоубійства и на сохраненіе ихъ въ русскомъ.

в) Д. чл. *Т. Д. Флоринскій* сообщилъ: 1) о новоизданныхъ памятникахъ сербской старины (α, Стари српски хрисовуљи, акти, биографије, летописи, типици, поменици, записи и др. Прибрао их Љуб Стојановић у Београду 1890 г. Споменик Ш издала Српска Краљевска Академија. 4⁰ 226 стр.—β, Светостефански хрисовул краља Стефана Уроша II Милутина. Из старога сараја изнесла на свијет земаљска плада за Босну и Херцеговину. Са 4 снимка. У Бечу 1890 г. 8⁰. 47 стр.);

2, о юбилейныхъ изданіяхъ въ память пятисотлѣтія Косовской битвы (α, Косовска споменица 1389—1889. Бој на Косову године 1389 у народним песмама. 1889. 8°. 227 стр.—β, Petstogodišnjoj uspomeni Kosovskoga boja na Vidov dan godine 1389. Posvećuje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. 1. Boj na Kosovu. Uzroci i posljedice. Od d-ra Fr. Račkoga. II. Kosovski junaci i dogadjaji u narodnoj epici. Od d-ra T. Maretića. U Zagrebu. 1889. 181 стр. Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Knjiga XCVII;

3, объ исторіи Русскаго народа на чешскомъ языкѣ [D-ra J. L. Piče: Dějiny národa ruského. Díl. I v Praze 1889; 8°. 284. (Novočeska Bibliotheka vydávaná nákladem Musea královstvi Českého. Čislo XXVIII).] и

4, объ исторіи Чешскаго народа на польскомъ языкѣ (Rys dziejów czeskich. Skreślił według źródeł Justin Feliks Gajsler. Z zapomocy Kassy pomocy dla osób pracujących na polu naukowem imienia d-ra Jozefa Mianowskiego Tom I. Warszawa, 1888. 8°. 281). (Это сообщеніе напечатано въ „Универ. Изв.“ 1890 г. № 6).

—

Въ настоящемъ засѣданіи единогласно избраны въ почетные члены *В. С. Иконниковъ* и *В. Б. Антоновичъ* по случаю исполнившагося 25-лѣтія ихъ ученой и служебной дѣятельности.

Въ дѣйствительные члены избранъ *А. Н. Ясинскій*.

IV. ЗАСѢДАНІЕ 22-го АПРѢЛЯ.

а) Секретарь Общества *Н. П. Дашкевичъ* прочелъ сообщеніе отсутствующаго д. чл. *А. И. Соболевскаго*: *„Нѣсколько мѣстъ начальной лѣтописи“* (напечатано во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

Въ обсужденіи этого сообщенія принимали участіе И. И. Малышевскій, В. Б. Антоновичъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ и В. З. Завитневичъ.

б) Д. чл. *Т. Д. Флоринскій* прочелъ сообщеніе также отсутствующаго д. чл. *А. І. Степовича*: *„Страница изъ исторіи новосербской словесности („Сатиръ“ Рельковича).* Вотъ болѣе подробное содержаніе этого сообщенія:

Во всемъ итогѣ произведеній, явившихся въ сербской словес-

ности втеченіе восемнадцатаго столѣтія, нѣтъ, быть можетъ, ни одного, которое могло бы по значительности, важности и занимательности сравниться съ „Сатиромъ“ М. А. Рельковича[1]) (1732—1798 г.). Хотя составитель „Сатира“ издалъ въ свѣтъ еще нѣсколько книгъ, преимущественно назначенныхъ для училищнаго употребленія, но собственно его литературная извѣстность опредѣлилась и упрочилась окончательно, главнымъ образомъ, вышеназваннымъ произведеніемъ, чего оно вполнѣ и заслуживало по замѣчательнымъ для своего времени достоинствамъ. При своемъ появленіи въ свѣтъ „ Сатиръ“ произвелъ на тогдашній читающій сербскій міръ глубокое впечатлѣніе, сразу составивъ автору литературную славу, и былъ нѣкоторымъ образомъ причиною даже извѣстнаго переворота во взглядахъ и мнѣніяхъ читателей, чему особенно содѣйствовало рѣзкое и правдивое изображеніе недостатковъ и пороковъ современнаго автору общества; но дальнѣйшая литературная судьба этого произведенія далеко не соотвѣтствуетъ тому блестящему пріему, какой оказали ему современники. Позднѣйшіе сербскіе историки литературы почти ничего не сказали о „Сатирѣ“; они не только не удѣлили ему того вниманія, какого заслуживало это произведеніе какъ по своему значенію въ современной ему словесности, такъ и по безотносительной важности и цѣнности содержанія въ историческомъ отношеніи, но даже просто иногда оцѣнивали его значительно ниже другихъ произведеній, которыя ни относительно, ни безотносительно далеко не могутъ равняться съ „Сатиромъ“. Объ отдѣльномъ излѣдованіи, которое было бы посвящено „Сатиру“, мы уже и не говоримъ: исторія сербской словесности находится еще въ столь неразвитомъ и неразработанномъ состояніи, что о подобной роскоши ей нечего и думать. Но, по крайней мѣрѣ, не слѣдова-

---

[1]) *Satir iliti divi csovik,* изд. въ Дрезденѣ въ 1761 г. Слѣдующія изданія были сдѣланы въ 1779, 1822, 1857 и 1875 г. Въ 1793 г. въ Вѣнѣ появилось изданіе „Сатира“ кирилловскими буквами, сдѣланное Стефаномъ Ранчемъ, котораго нужно отличать отъ извѣстнаго тогда ученаго сербскаго историка Іоанна Ранча. Изданіе это, повторенное и въ 1807 г, отличается отъ подлинника нѣкоторыми отмѣнами въ языкѣ, цѣлью которыхъ было сблизить народную „чакавщину“ подлинника съ господствовавшимъ тогда въ книгѣ славяносербскимъ языкомъ; въ кирилловскомъ изданіи отмѣны эти выражены словами „на просто сербскій превео“; на самомъ дѣлѣ этотъ „просто сербскій“ языкъ оказывается гораздо болѣе кудрявымъ и искусственнымъ, чѣмъ языкъ подлинника.

ло бы и умалять значеніе писателя, котораго нѣкоторые изъ сербскихъ же цѣнителей ставятъ чуть ли не рядомъ съ знаменитымъ Качичемъ-Міошичемъ Андреемъ, какъ предтечу новаго направленія въ словесности... А между тѣмъ, по нашему мнѣнію, „Сатиръ“ Релковича представляется въ такой мѣрѣ выдающимся произведеніемъ, особенно со стороны содержанія, въ которомъ прекрасно отразился духовный обликъ и матеріальное состояніе современнаго автору общества его родной страны—Славоніи, что смѣло можетъ занять собою исключительное вниманіе историка литературы; затѣмъ, изображенія автора являются до такой степени естественными, трезвыми и правдивыми, что, среди прочихъ натянутыхъ произведеній чопорнаго восемнадцатаго вѣка въ сербской словесности, его „Сатиръ“ долженъ быть признанъ поворотнымъ пунктомъ въ такой же мѣрѣ, какъ, напр., „Фелица“ Державина или „Душенька“ Богдановича въ исторіи русской словесности.

„Сатиръ“ состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части Сатиръ излагаетъ въ стихахъ, адресованныхъ къ Славонцу, свои замѣчанія о его землѣ и соотечественникахъ на протяженіи 13 пѣсенъ, а во второй Славонецъ „отпѣва у стіховы Сатиру“, т. е., въ стихахъ возражаетъ на рѣзкія сатирическія выходки противника; вторая часть состоитъ всего изъ девяти пѣсенъ. Приведемъ начало первой части, довольно характерное какъ по языку, такъ и со стороны содержанія, озаглавленное въ подлинникѣ такъ: Казуе (т. е. Сатиръ) лѣпоту стапя Славоніе:

Славоніе, земле племенита,
Весьма ты си лѣпо узорита
Накичена четиримъ водама.
На прилику земалскога рая
Рѣке теку са четыри края:
Отъ истока Дунавъ вода плива,
Са запада студена Иллова,
Отъ полночи Драва вода тече,
Кодъ Альмаша у Дунавъ утиче.
Іошъ у полдне Сава вода тече
И у Дунавъ о Бѣоградъ чеше.
По теби се све бѣле градови,
Као по води сиви лабудове:

Бродъ, Градишка, Осекъ и Варадинъ,
Што е спрамъ ны ялъ Нишъ, яли Видинъ.
. . . . . .
Іошъ вароше имашь[1]) племените,
Кое тебе са сви страна ките...

Далѣе авторъ перечисляетъ остальные города Славоніи, ея иноческія обители, мѣста, замѣчательныя обиліемъ плодовъ, рыбы, вина и другихъ естественныхъ богатствъ. Глава оканчивается мнѣніемъ, которое авторъ высказываетъ о происхожденіи и значеніи имени „славяне“: онъ думаетъ, что названіе это ближайшимъ образомъ происходитъ отъ именъ существительныхъ: или „слава“, такъ какъ народъ этотъ прославился еще во время Александра Македонскаго, или „слово“.

Изобразивши во 2-й главѣ бѣдствія, коимъ подверглась Славонія вслѣдствіе войнъ съ турками, а въ 3-й отдохновеніе страны по удаленіи турокъ, авторъ переходитъ къ сатирическому изображенію нѣкоторыхъ неприглядныхъ сторонъ общественной жизни славонцевъ. Такъ, напримѣръ, онъ горько упрекаетъ соотчичей своихъ въ невѣжествѣ и дурномъ, далекомъ отъ христіанскаго идеала, образѣ жизни; въ частности (въ 6-й главѣ), нападаетъ на суетность славонскихъ дѣвицъ и ихъ пристрастію къ одному изъ наслѣдій турецкаго ига, *колу* (хороводу), которое онѣ, вмѣстѣ съ нарядами, предпочитаютъ даже церковному богослуженію. Очевидно, авторъ здѣсь уже сильно увлекся аскетически-церковною точкой зрѣнія и рѣзко напалъ въ сущности на совершенно безполезный въ нравственномъ отношеніи народный обычай водить хороводы.

Особенно, однако же, удачно вышло, на нашъ взглядъ, сатирическое изображеніе обычая „посѣла“, которому авторъ почему то придаетъ тоже турецкое происхожденіе, называя его, нисколько не смущаясь, „третьею школою турскою“. Такъ именуетъ онъ обычай славонскихъ женщинъ выходить по праздникамъ на улицу и зани-

---

[1]) Славонцы живутъ къ сѣверу отъ нынѣшняго Сербскаго королевства вдоль австрійской границы и по языку (—чакавщина, отъ слова *ча*=что, какъ у настоящихъ сербовъ што=что, отсюда штокавщина) очень близки къ далматинско-хорватской вѣтви Сербскаго народа; по вѣроисповѣданію они - православные и католики, отчасти уніаты. Впрочемъ, различіе отдѣльныхъ вѣтвей сербскаго племени—дѣло очень трудное и спутанное.

Fragmente von Dr. Jagić.—Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Bd. XXXVIII).

Затѣмъ, 2) *Т. Д. Флоринскій* сдѣлалъ докладъ о новѣйшихъ капитальныхъ *трудахъ П. А. Ровинскаго* [1]), посвященныхъ тщательному и глубокому изученію Черногоріи, причемъ особенно остановился на вышедшемъ въ нынѣшнемъ году первомъ томѣ его обширнаго сочиненія: „Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ", представляющемъ подробнѣйшую и обстоятельнѣйшую географію и исторію этой замѣчательной славянской страны.

—

Въ настоящемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Общества единогласно избранъ г. помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа *графъ Александръ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ*.

VI. ЗАСѢДАНІЕ 21-го ОКТЯБРЯ.

Д. чл. *И. В. Лучицкій* прочелъ первую часть своего обширнаго доклада: *„Крестьяне и крестьянскій вопросъ въ Лифляндіи въ XVII и XVIII вѣкахъ"*.

Появленіе нѣмецкихъ колоній въ Лифляндіи въ половинѣ XII в. имѣло цѣлью обращеніе туземнаго населенія въ христіанство; хотя впослѣдствіи къ проповѣди присоединялось и завоеваніе, создавшее рядъ духовныхъ владѣній, но въ виду главной цѣли пришельцевъ—миссіонерской дѣятельности, отношенія между ними и туземнымъ населеніемъ слагались путемъ соглашеній и договоровъ, въ которыхъ личная свобода туземцевъ всегда ограждалась; о томъ же заботились германскіе императоры и римскіе папы въ своихъ грамотахъ и буллахъ. Населеніе продолжало сохранять право личной свободы, со всѣми вытекающими изъ него частными правами; зависимость выражалась лишь въ платежѣ населеніемъ въ пользу духовныхъ властей десятины съ плуга, какъ земельной нормы, а иногда и въ отбываніи воинской повинности. Со второй половины XIII в. ко-

[1]) Это сообщеніе также появится въ „Универс. Извѣстіяхъ" въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ.

личество крестьянскихъ работъ увеличивается (обязанность работать по 4 дня въ годъ на помѣщика, помогать при постройкѣ крѣпостей, при кошеніи сѣна, рубкѣ лѣса и проч.). По акту 1284 г. населеніе пользуется еще большими льготами, а въ XIV в. папы уже налагаютъ отлученіе на помѣщиковъ за жестокое обращеніе ихъ съ крестьянами. За недостаткомъ документальныхъ данныхъ о томъ, какъ совершился этотъ переходъ, референтъ разсмотрѣлъ исторію образованія изъ ордена меченосцевъ лифляндскаго дворянства, которое пріобрѣтаетъ право самоуправленія и собственнаго суда, вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ земли во владѣніе; съ развитіемъ правъ дворянства усиливается потеря правъ кореннымъ населеніемъ: къ началу XV в. они теряютъ право перехода, а въ концѣ этого же вѣка и дѣти крѣпостныхъ считаются уже крѣпостными.

Съ присоединеніемъ Лифляндіи въ 1561 г. къ Польской Коронѣ права дворянства были подтверждены, а крестьяне очутились въ полномъ порабощеніи; право господина было неограниченно, а повинности чрезмѣрны. Сознана была необходимость въ облегченіи положенія крестьянъ, чего особенно настойчиво требовалъ король Стефанъ-Баторій; стремленіе же королей, вообще, руководить дѣлами страны вызвало въ средѣ дворянъ неудовольствіе; послѣдніе стали искать себѣ другаго покровителя и нашли его въ лицѣ шведскихъ королей въ 1601 году; шведскіе короли, не знавшіе крѣпостнаго права въ своей странѣ, ведутъ упорную борьбу съ нимъ въ Лифляндіи; въ особенности важенъ рядъ законоположеній Густава-Адольфа съ 1629 года, расширяющихъ права крестьянъ и ограничивающихъ произволъ владѣльцевъ; въ 1667 г. произведено было отобраніе въ казну земель, изъ которыхъ въ частномъ владѣніи осталось только $^1/_6$ ихъ; рядомъ съ этимъ произведены были такіе реформы въ экономическомъ положеніи крестьянъ, которые дѣлали невозможнымъ возвратъ къ прежнему положенію вещей. Противъ этихъ мѣропріятій стало протестовать дворянство въ 1692 г., но было уже поздно: они входили въ силу; тѣмъ не менѣе шведскіе короли недостигли еще полнаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

—

Въ этомъ же засѣданіи, за истеченіемъ трехлѣтняго срока, въ предсѣдатели Общества на новое трехлѣтіе единогласно избранъ

М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Также единогласно избраны: въ должность библіотекаря *И. М. Каманинъ* и въ дѣйствительные члены *П. А. Ровинскій.*

VII. ЗАСѢДАНІЕ 11-го НОЯБРЯ.

Д. чл. *И. М. Каманинъ* указалъ въ своемъ докладѣ на *„малоизвѣстныя лица и событія конца XVIII в.“* Смутные годы XVIII в. давали не мало жертвъ тѣхъ политическихъ переворотовъ, которые составляютъ отличительную черту того времени; изъ такихъ жертвъ референтъ указалъ на двухъ женщинъ: Авдотью Устрицкую и Анну Яковлеву. Первая была „женщина польской націи“, которой по указу 1749 года позволялось жить въ предѣлахъ Россіи, гдѣ угодно (до 1749 г. она пребывала въ Казани), ей назначалась пенсія, довольно по тому времени значительная, въ 150 руб., и запрещался лишь выѣздъ за границу, въ Польшу; пенсія назначалась до выхода замужъ или до смерти. Трудно рѣшить, была-ли эта жертва политической интриги, или ея дѣло имѣло романическую подкладку.

Трагичнѣе была судьба другой женщины, Анны Яковлевой; по какому то секретному дѣлу женщина или дѣвушка (неизвѣстно), имя которой не названо, была пострижена по высочайшему повелѣнію въ монастырь (какой, также не сказано), подъ именемъ Ніоры; потомъ она была разстрижена и сослана въ Сибирь, въ Туруханскъ, подъ именемъ Анны Яковлевой; тамъ она оставалась до 1802 года, когда комитетъ, учрежденный императоромъ Александромъ I для пересмотра всѣхъ уголовныхъ дѣлъ предшествовавшихъ царствованій и о заточенныхъ по секретнымъ дѣламъ заключенникахъ, нашелъ возможнымъ дать свободу Аннѣ Яковлевой, поселивъ ее въ качествѣ послушницы въ Кіево-Флоровскомъ монастырѣ. Въ 1816 г., когда новый комитетъ, съ задачами комитетами 1802 г. собиралъ свѣдѣнія о такихъ же заключенникахъ, то кіев. митрополитъ Серапіонъ донесъ кіевскому губернатору объ Аннѣ Яковлевой; въ 1816 году она была уже 65-лѣтней старухой, (слѣдов. род. въ 1751 году) вела жизнь чрезвычайно строгую и часто болѣла. Въ дѣлѣ о ней также нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на то, была ли Яковлева простой политической преступницей, или импер. Екатерина II видѣла въ ней одну

изъ самозванокъ, выдававшихъ себя за дочерей Елисаветы Петровны.

Жизнь Запорожья, мало изученная за недостаткомъ письменныхъ памятниковъ, также открываетъ иногда изслѣдователю неизвѣстные скрывавшіеся доселѣ въ старыхъ дѣлахъ факты. Изъ нихъ референтъ сообщилъ о двухъ: 1) Въ 1750 г. съ назначеніемъ въ малороссійскіе гетманы графа К. Г. Разумовскаго возникло громкое дѣло о миргородскомъ полковникѣ Капнистѣ, который обвинялся въ намѣреніи отравить Разумовскаго и при содѣйствіи Турціи силою занять гетманство; назначенная по этому дѣлу коммиссія признала Капниста невиновнымъ; тѣмъ не менѣе слухи объ этомъ дѣлѣ достигли Запорожья и здѣсь породили разнообразные нелѣпые толки о томъ, что кошевой атаманъ Василій Сычъ будто-бы измѣнилъ, что куренной атаманъ Передерій находится въ сношеніяхъ съ Капнистомъ и назначенъ имъ въ полковники, что казацкой черни кошевой позволяетъ идти грабить въ Польшу помѣщиковъ, что также разрѣшаетъ будто-бы какой-то „москаль“, стоящій подъ Чернымъ лѣсомъ, и даже платитъ за то деньги, и что вообще козаки должны быть вооружены и готовы къ первому призыву, чтобы начать какое-то дѣло. Эти нелѣпые слухи въ разное время и отъ разныхъ лицъ слышалъ одинъ харьковскій козакъ Титаренко который и объявилъ за собой „слово и дѣло государево“.

2) Въ 1762 г. Запорожье опять едва было не возбуждено попыткой крымскаго хана Крымъ-Гирея привлечь козаковъ въ свое подданство и вмѣстѣ съ ними начать войну съ Россіей. Приглашеніе было сдѣлано чрезъ одного изъ старшинъ, Самуила Недзельскаго, но не имѣло успѣха, потому что послѣдній сообщилъ о намѣреніи хана кошевому атаману Петру Кальнишевскому и кіевскому губернатору, который распорядился ханскихъ пословъ, если-бы они прибыли, принять, но такъ, чтобы чернь ничего не знала, и, выслушавъ ихъ, дать хану отвѣтъ, что козачество по своей „рабской должности“ остается вѣрнымъ русскому престолу, а потому попытка хана безъуспѣшна и „навсегда презрительна“; затѣмъ послы должны были быть выпровожены за границу Запорожья подъ строгимъ карауломъ. Недзельскій за обнаруженную имъ вѣрность награжденъ саблей съ надписью „за усердіе“, а Кальнишевскому выражена высочайшая благодарность за его благоразумныя дѣйствія и мѣропріятія въ этомъ дѣлѣ.

б) Предсѣдатель Общества *М. Ф. Владимірскій-Будановъ* разсмотрѣлъ *„отношеніе графа П. А. Румянцева къ порядкамъ бывшей гетманщины“* (напечатано въ Ш-мъ отдѣлѣ настоящей книги подъ заглавіемъ: *„Одинъ годъ управленія Малороссіею графа П. А. Румянцева—1767“*).

Въ обсужденіи затронутаго г. предсѣдателемъ вопроса принялъ участіе д. чл. *И. В. Лучицкій.*

в) Д. чл. *О. И. Левицкій* докончилъ начатый имъ обзоръ *„сохранившихся въ г. Луцкѣ памятниковъ старины“* (вмѣстѣ съ рефератомъ его, читаннымъ въ засѣданіи 7-го октября, напечатанъ во П-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

По поводу сообщенія г. *Левицкаго* нѣсколько замѣчаній сдѣлано почет. чл. *В. Б. Антоновичемъ.*

—

Въ дѣйствительные члены Общества избраны: *Н. И. Ивановъ*, *И. Г. Турцевичъ*, *В. А. Мякотинъ* и *В. К. Пискорскій.*

VIII. ЗАСѢДАНІЕ 25-го НОЯБРЯ.

а) Д. чл. *А. В. Романовичъ-Славатинскій* сдѣлалъ сообщеніе *„о новыхъ матеріалахъ, извлеченныхъ изъ англійскаго государственнаго архива“*. Доцентъ Варшавскаго университета В. А. Александренко, занимаясь въ англ. архивахъ, открылъ нѣкоторые неизданные документы. Въ дипломатической перепискѣ л. Ньюкэстля, ст. секретаря „полуденныхъ дѣлъ“ при королѣ Георгѣ II, сохраняющейся въ Британскомъ музеѣ, найдено было имъ письмо кн. А. Д. Кантемира отъ 18 мая 1735 г. къ герцогу Ньюкэстлю, а въ Госуд. архивѣ (Public record office)—другое письмо кн. А. Д. Кантемира къ тому же лицу, отъ 19 мая того же года, и депеша л. Фолнера, англ. посла въ Константинополѣ, 1736 г.

Съ писемъ Кантемира сняты были фотографическіе снимки и о нихъ было сообщено г. Александренко въ письмѣ къ редактору Ж. М. Н. Пр. отъ 1 іюля 1889. Въ этомъ письмѣ приведенъ текстъ обоихъ писемъ. Содержаніе перваго изъ нихъ вполнѣ ясно: дѣло идетъ о пріисканіи для русскаго флота, разореннаго преемниками Пе-

тра В., офицеровъ. Менѣе понятно содержаніе втораго письма, весьма плохо сохранившагося: въ немъ кн. А. Д. Кантемиръ благодарилъ за приказъ л. Капулю. Что это за приказъ? Изъ депешъ представителей Россіи въ Константинополѣ Неплюева и Вешнякова видно, что л. Капуль, англ. посолъ въ Константинополѣ, сильно интриговалъ противъ Россіи. Въ 1736 г., послѣ отозванія по болѣзни Неплюева, Вешняковъ доносилъ Остерману о рѣзкой перемѣнѣ въ поведеніи л. Капуля, переставшаго интриговать. Это, можетъ быть, произошло вслѣдствіе того приказа изъ Лондона, за который кн. А. Д. Кантемиръ благодарилъ г. Ньюкэстля своимъ письмомъ отъ 19 мая 1735 г. Скоро, стараніями кн. Кантемира, л. Капуль былъ замѣненъ л. Фолнеромъ, отрывокъ изъ депеши котораго отъ 18 мая 1736 г., нигдѣ еще не напечатанный, былъ прочтенъ референтомъ.

б) Д. чл. *Ю. А. Кулаковскій* сообщилъ результаты своихъ послѣднихъ *„археологическихъ раскопокъ близъ г. Керчи лѣтомъ 1890 года“*.

Въ маѣ настоящаго года, при добываніи камня на знаменитой Митридатовой горѣ, случайно найдена была катакомба съ фресками. Директоръ мѣстнаго музея г. Гроссъ немедленно принялъ мѣры къ ея охраненію, а затѣмъ снялъ планъ и сдѣлалъ снимки съ рисунковъ, которыми она была украшена. Для провѣрки снимковъ и описанія ея Императорская археографическая коммиссія командировала въ Керчь референта, который произвелъ раскопки въ сосѣднихъ мѣстностяхъ и среди открытыхъ катакомбъ нашелъ одну, чрезвычайно важную, такъ какъ она можетъ бросить свѣтъ на исторію Керчи въ концѣ V в. по Р. Х. Прежде всего референтъ далъ описаніе пещеры съ фресками, открытой 1 мая. Подобныхъ ей катакомбъ извѣстно до сихъ поръ восемь: первая раскопана въ 1841 г. Ашикомъ, но, къ сожалѣнію, такъ плохо описана и иллюстрирована, что все богатство сложныхъ фресокъ и характеръ работы пропадаютъ и не даютъ матеріала для дальнѣйшихъ сравненій. Въ 1867 г. найдено двѣ катакомбы съ плохими и дурно сохранившимися фресками; въ 1872 г.—одна большая изъ двухъ катакомбъ, описанная Стасовымъ, съ многочисленными хорошими рисунками, широко вводящими изслѣдователя въ образъ тогдашней жизни и дающими обильный матеріалъ для сравненій. Въ 1873, 1875 и 1877 годахъ открыто еще 4 катакомбы, и 9-я въ настоящемъ году. По характеру—всѣ

онѣ одинаковы, и небольшое различіе заключается только въ тонкости отдѣлки и способѣ нанесенія фресокъ. Самый терминъ „катакомба", примѣненный еще Ашикомъ и удержанный археологами, по мнѣнію референта, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и гораздо вѣрнѣе было-бы употребить терминъ „погребальная пещера", такъ какъ разсматриваемый типъ похоронъ ближе всего подходитъ къ этрусскимъ погребальнымъ камерамъ. Представленіе о катакомбѣ возникло вслѣдствіе того, что, когда отыскано было много пещеръ, оказалось, что можно пролѣзать изъ одной въ другую; но проходы эти, дѣло рукъ человѣческихъ позднѣйшаго времени и пробиты грабителями, тайкомъ обыскивавшими пещеры. Постояннымъ тайнымъ обворовываньемъ объясняется и отсутствіе почти во всѣхъ до сихъ поръ найденныхъ пещерахъ какихъ-либо предметовъ, кромѣ развѣ груды костей, въ безпорядкѣ сваленныхъ въ уголъ. Катакомба, открытая 1-го мая, по характеру изображеній и по манерѣ работы вполнѣ аналогична извѣстнымъ въ этомъ родѣ и прежде. Она выдолблена въ слоѣ глины, лежащей повсюду на скатѣ горы Митридата ниже верхняго слоя камня; всѣ стѣны покрыты штукатуркой и поверхъ ея грубо набросаны фрески, причемъ во многихъ мѣстахъ онѣ сильно попорчены и выковырены. Фонъ рисунка свѣтло-желтый, контуры тѣла и одѣяній сдѣланы красной краской. Чаще другихъ попадающійся орнаментъ, похожій на червяка, есть цвѣточная повязка, (повязка, какъ хорошо извѣстно, имѣла важное мѣсто въ погребальномъ обрядѣ грековъ). Фигуры изображаютъ на одной стѣнѣ Гермеса, на другой—Сатира. Главная сцена—возлежащій человѣкъ и подлѣ него съ одной стороны женщина, а съ другой—рабъ, подающій вино—не въ первый разъ попадается въ Керчи и несомнѣнно имѣетъ связь съ вопросомъ о такъ наз. cenas funebres. Мужской костюмъ—мѣстный скиѳскій. Надпись на стѣнѣ опредѣляетъ имя владѣльца пещеры—Сорака (Σώρακος). Гермесъ и Сатиръ выдаютъ въ немъ грека и человѣка греческаго культа, а по времени катакомба можетъ быть отнесена ко II или III в. по Р. Х. Другая катакомба, найденная самимъ референтомъ, не имѣетъ фресокъ, но едва-ли не важнѣе предыдущей, такъ какъ есть первый случай находки христіанской пещеры въ этой мѣстности. Мѣсто ея нахожденія—ниже по склону Митридатовой горы, въ застроенномъ нынѣ кварталѣ, въ частной усадьбѣ. Она вырыта въ слоѣ глины на глу-

бинѣ 4-хъ сажень; стѣны не выровнены и отдѣльные удары орудія, которымъ она дѣлана, замѣтны до сихъ поръ и имѣютъ металлическій блескъ. Центральная площадка немного болѣе кубической сажени и отъ нея въ три стороны отъ входа на половину высоты идутъ какъ-бы лежанки. Всѣ стѣны покрыты надписями, сдѣланными толстой кистью. Обыскана катакомба, очевидно, давно, такъ что кромѣ разрозненныхъ костей, черепковъ глины и стекла, ничего не найдено. Входъ былъ закрытъ камнемъ, на которомъ высѣченъ равноконечный крестъ. На стѣнахъ изображено еще 17 крестовъ, начинающихъ или кончающихъ собою надписи. На центральной стѣнѣ найдена дата катакомбы—788-й годъ Босфорской эры, или 491-й по Р. Х. Засимъ всѣ почти стѣны сплошь покрыты надписями, представляющими молитвы, начальные стихи изъ псалмовъ, или прокимены, и цѣлый псаломъ 90-й, (ничѣмъ существенно не отличающійся въ своемъ текстѣ отъ современнаго). Одна надпись сообщаетъ и имена двухъ почившихъ здѣсь людей, дающихъ поле для догадокъ объ ихъ происхожденіи. Всѣ надписи въ цѣломъ несомнѣнно должны соотвѣтствовать какой-либо церковной службѣ, и референтъ полагаетъ, что служба эта есть чинъ освященія пещеры и погребенія. Отъ 491-го года, которымъ помѣчена катакомба, нѣтъ свѣдѣній о судьбахъ Пантикапеи, но нахожденіе христіанской катакомбы 491 года служитъ вполнѣ опредѣленнымъ ручательствомъ за продолженіе жизни Босфора во все время гуннскаго погрома. Катакомба ископана по тому-же типу, какъ и открытыя раньше языческія пещеры II и III вв. Населеніе данной мѣстности значитъ, не мѣнялось, хоронило своихъ покойниковъ на старомъ кладбищѣ и не утеряло разъ пріобрѣтенной культуры и своего христіанства; слѣдовательно, можно утверждать, что городъ не былъ сметенъ и разрушенъ гуннами, какъ то говорятъ нѣкоторые историки. Относительно національности погребенныхъ въ открытой пещерѣ лицъ референтъ не пришелъ къ опредѣленнымъ выводамъ, хотя на основаніи историческихъ данныхъ о времени возникновенія христіанства среди готовъ, о ихъ появленіи и утвержденіи на Босфорѣ и о судьбахъ ихъ здѣсь въ интересующее его время, склоненъ признать въ нихъ готовъ. Съ половины III-го вѣка готы сидѣли на Босфорѣ, они утвердили здѣсь христіанство, имѣли духовную іерархію и епископа. Гуннское нашествіе разобщило ихъ отъ главной массы ихъ племе-

ни. Вторженіе гуннскихъ кочевниковъ въ Крымъ раздѣлило обитавшихъ здѣсь готовъ на двѣ части, одна изъ нихъ перешла, б. м. около половины V вѣка, на Таманскій полуостровъ. Эти остатки готскаго племени хранили свое христіанство въ православномъ исповѣданіи, какъ то засвидѣтельствовано для VI вѣка у Прокопія, такъ какъ о христіанствѣ туземнаго босфорскаго населенія нѣтъ у насъ свѣдѣній, а христіанство пришло съ готами, то вѣроятнымъ является предположеніе, что и эта пещера была готской.

в) Поч. чл. *В. Б. Антоновичемъ* былъ сдѣланъ докладъ *„о древлянскихъ могильникахъ“*, которые были раскапываемы и изучаемы имъ въ теченіе трехъ лѣтъ въ системахъ рѣкъ Ирпеня, Тетерева и Уши. Могильники разбросаны здѣсь въ различныхъ направленіяхъ и на различныхъ поверхностяхъ (возвышенныхъ, ровныхъ и низменныхъ) группами, по 150—200 кургановъ въ каждой. На этомъ пространствѣ изслѣдовано 313 кургановъ; изъ нихъ 303 принадлежатъ, по мнѣнію референта, древлянамъ; курганы имѣютъ форму купола съ крутыми боками; по большей части они обнесены рвами; высота кургана и ширина окружающаго его рва равна 1—$1^1/_2$ метра. Для насыпи кургановъ служила земля, на которой они расположены; въ курганахъ встрѣчаются всегда черепки глиняныхъ горшковъ, и размельченныя кости животныхъ; эти предметы располагаются въ курганахъ на разстояніи каждыхъ 30—50 сантиметровъ, что, по мнѣнію изслѣдователя, можетъ быть объяснено совершавшимися періодически тризнами на могилахъ и новыми затѣмъ насыпями на нихъ. Въ высокихъ курганахъ подъ вершиной ихъ найдены въ формѣ крыши срубы (въ одномъ найдена крыша изъ валуновъ). Покойники въ могилахъ клались разно—на линіи горизонта ($25^0/_0$), выше (на 35 сант.—$17^0/_0$) и ниже ея (на 59 сант.—$58^0/_0$); въ 26 случаяхъ они положены на слояхъ земли, отличающихся яркостью красокъ, а въ 44 они присыпаны смѣсью земли съ золою и углемъ; въ 57 случаяхъ тѣла обложены деревянными брусьями на подобіе склеповъ; брусья эти клались съ разныхъ сторонъ; попадаются чаще всего дубовые, рѣже сосновые, березовые, кленовые и липовые брусья иногда они обложены березовой корой; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ брусьевъ, находятся желѣзные гвозди у головы и ногъ; гвозди торчатъ головками вверхъ; по мнѣнію референта, ими прибивалось покрывало; въ 116 могилахъ ($47^0/_0$) подъ скелетами встрѣчаются

подстилки то изъ тонкихъ деревянныхъ досокъ, то изъ золы съ углѐмъ, то изъ бѣловатаго глея, то изъ мелкихъ рѣчныхъ камней, то изъ растолченнаго кремня. Въ большинствѣ могилъ лежитъ по одному покойнику; коллективныя могилы—явленіе рѣдкое. Скелеты лежатъ обыкновенно на спинѣ съ вытянутыми ногами, головой на западъ, руки же чаще всего вытянуты иногда согнуты и очень рѣдко клались на грудь. Ростъ древлянскихъ покойниковъ выше средняго. Большая часть череповъ короткоголовые, хотя встрѣчаются среднеголовые и длинноголовые; изъ этихъ череповъ три черепа имѣли по двѣ лобныхъ кости, а въ двухъ затылочная кость раздѣлялась пополамъ; послѣднее явленіе рѣдчайшее въ Европѣ (до сихъ поръ извѣстно только 12 такихъ череповъ); въ одномъ черепѣ наблюдалась искусственная микрокефалія въ первый разъ во всей центральной Россіи, встрѣчающая на Кавказѣ; въ нѣкоторыхъ скелетахъ найдены переломанныя кости, что доказываетъ незнакомство древлянъ съ самыми примитивными пріемами хирургіи.

—

Слушали: Отношеніе г. предсѣдателя Комитета по устройству художественно-промышленнаго музея въ Кіевѣ о принятіи Обществомъ Нестора участія въ устройствѣ этого музея.

Опредѣлили: Предоставить г. предсѣдателю Общества Нестора отвѣтить на это предложеніе согласно съ интересами Общества.

Слушали: Предложеніе г. предсѣдателя Общества почтить память М. Ю. Лермонтова по случаю наступающаго каникулярнаго времени въ одномъ изъ засѣданій Общества, имѣющихъ быть въ маѣ 1891 г.

Опредѣлили: Просить д. чл. П. В. Владимірова приготовить къ этому собранію рѣчь.

Въ дѣйствит. члены избранъ *А. С. Крыловскій.*

IX. ЗАСѢДАНІЕ 9-го ДЕКАБРЯ.

а) Д. чл. *И. В. Лучицкій* прочелъ некрологъ о недавно скончавшемся англійскомъ историкѣ и экономистѣ *Джемсѣ Роджерсѣ*, указавъ на созданное имъ направленіе въ наукѣ въ связи съ главными событіями его жизни.

б) Поч. чл. *В. Б. Антоновичъ* окончилъ чтеніе своего доклада о *„древлянскихъ могильникахъ“*; прежде всего референтъ отмѣтилъ незначительное количество находимаго въ могилахъ оружія—преимущественно копій, уступающихъ по величинѣ копьямъ, находимымъ въ курганахъ другихъ славянскихъ племенъ; за тѣмъ указалъ, что изъ посуды найдено нѣсколько цѣльныхъ глиняныхъ сосудовъ, сдѣланныхъ при помощи гончарнаго колеса, и очень много черепковъ; чаще, чѣмъ цѣлые сосуды, ставились деревянныя ведра, отъ которыхъ сохранились обручи и дужки; въ трехъ же могильникахъ встрѣчены чаши изъ человѣческихъ череповъ; у пояса или у руки покойника попадались огнива и кремни; на занятія древлянъ указываютъ находки серповъ, кузнечнаго молота и пряслицъ; отъ одежды остались бронзовыя украшенія и куски матерій: пеньковой, шерстяной и даже шелковой; найдены также слѣды овчиннаго тулупа и шапки; много попадается металическихъ колецъ, служившихъ украшеніемъ для женщинъ, которыя вплетали ихъ въ волоса; найдены ожерелья, браслетъ, перстни бронзовые и серебряные безъ спайки, остатки обуви въ видѣ полусапожекъ, но безъ подошвы; стекляныя буссы, покрытыя позолотой, служили украшеніемъ шеи. Орнаменты имѣютъ форму кружковъ и линій, а иногда воспроизводятъ форму листьевъ. На основаніи найденныхъ предметовъ и извѣстій лѣтописи референтъ характеризовалъ древлянъ, какъ племя, достигшее уже значительной степени культурнаго развитія; они имѣютъ своихъ князей, ведутъ международныя сношенія, хоронятъ своихъ покойниковъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, не отличаются воинственностью, знакомы съ земледѣліемъ, разводятъ домашнихъ животныхъ, знаютъ промыслы: гончарный, бочарный, кузнечный и выдѣлку тканей; предметами мѣстнаго производства у древлянъ были глиняныя и желѣзныя издѣлія, пряслицы изъ шифера и ткани; серебряныя же бронзовыя, сердоликовыя и стекляныя издѣлія были предметомъ ввоза и мѣновой торговли, такъ какъ монетъ въ древлянскихъ могильникахъ не найдено.

в) Поч. чл. *И. И. Малышевскій* прочелъ сообщеніе о *„кіевской церкви „Пирогощи“, упоминаемой въ лѣтописи и въ словѣ о Полку Игоревѣ* (напечатано во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

Нѣсколько замѣчаній по поводу этого реферата сдѣлали о. *П. Г. Лебединцевъ*, *П. А. Лашкаревъ* и *С. Т. Голубевъ*.

г) Д. чл. *А. И. Сонни* обратилъ вниманіе Общества на одинъ любопытный и рѣдкій *„памятникъ древне-греческаго искусства, хранящійся въ музеѣ университета св. Владиміра“*, куда, по сохранившемуся преданію, попалъ изъ Керчи.—Это небольшая (11,$_5$ сант.) бронзовая статуэтка, представляющая обнаженную мужскую фигуру съ молотомъ въ опущенной правой рукѣ и съ особеннаго рода сѣкирою въ поднятой кверху лѣвой. Референтъ видитъ въ ней изображеніе Гефеста, основывая свое предположеніе на величественномъ выраженіи лица, напоминающаго черты Зевса, типъ котораго съ легкими измѣненіями примѣнялся греческими художниками и къ Гефесту, далѣе на молоткѣ—постоянномъ аттрибутѣ „божественнаго кузнеца“; наконецъ, на нѣкоторой непропорціональности ногъ, намекающей на извѣстную хромоту Гефеста, въ данномъ случаѣ, впрочемъ, весьма искусно замаскированную тѣмъ обстоятельствомъ, что болѣе длинная нога значительно выдвинута впередъ. Нѣкоторое сомнѣніе возбуждаетъ только совершенная нагота, не встрѣчающаяся въ дошедшихъ до насъ статуарныхъ изображеніяхъ Гефеста, весьма, впрочемъ, не многочисленныхъ. Изслѣдователь объясняетъ ее предположеніемъ, что богъ представленъ въ своей кузницѣ, гдѣ въ такомъ именно видѣ его изображаетъ не только Гомеръ, но и нѣкоторыя рельефы и фрески. Отсутствіе у сѣкиры древка и положеніе, въ которомъ ее держитъ богъ, по мнѣнію референта указываютъ на то, что Гефестъ изображенъ только что изготовившимъ сѣкиру, самая форма которой не позволяетъ видѣть въ ней аттрибутивный кузнечный топоръ, съ какимъ Гефестъ изображается въ сценѣ рожденія Аѳины Паллады. Сѣкира статуэтки—боевое оружіе, котораго греки не знали, но которое за то составлялъ характерную особенность восточныхъ народовъ, въ особенности скиѳовъ. Полную аналогію для ея формы, напоминающей средневѣковую алебарду, референту удалось найти только на одномъ памятникѣ, на извѣстной керченской вазѣ, изображающей бытовую сцену изъ жизни скиѳовъ и изготовленной аѳинскимъ художникомъ Ксенофонтомъ въ одной изъ греческихъ колоній Южной Россіи. Такимъ образомъ, сѣкира въ рукѣ Гефеста указываетъ на Скиѳію; изящество-же работы заставляетъ предположить въ художникѣ, работавшемъ статуэтку, грека, жившаго, быть можетъ, еще въ 3 столѣтіи до Р. Х.; отсюда референтъ выводитъ заключеніе, что онъ, по-

добно живописцу вазъ Ксенофонту, принадлежалъ къ числу художниковъ, переселившихся изъ Эллады въ греческія колоніи на югѣ Россіи и вводившихъ въ свои произведенія мотивы заимствованные изъ быта туземнаго скиѳскаго населенія. Это смѣшеніе эллинскаго и мѣстнаго элементовъ, по словамъ референта, и придаетъ статуэткѣ особенный интересъ помимо художественности ея исполненія и рѣдкости сюжета.

Наконецъ, д) помощникъ секретаря Общества *И. М. Каманинъ* прочелъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора въ 1890 году (извлеченіе изъ отчета помѣщено ниже).

—

Въ этомъ же засѣданіи было доложено отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества съ приглашеніемъ принять чрезъ своего депутата участіе въ занятіяхъ Предварительнаго Комитета по устройству IX Археологическаго Съѣзда, имѣющаго быть въ г. Вильнѣ въ 1892 году, и опредѣлено: просить д. чл. *А. В. Прахова* быть депутатомъ отъ Общества Нестора въ занятіяхъ означеннаго Комитета, о чемъ и увѣдомить Археологическое Общество.

Личный составъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца къ 1-му января 1891 года.

Почетные члены:

Николай Христіановичъ **Бунге**, предсѣдатель Комитета Министровъ.

Графъ *Иванъ Давыдовичъ* **Деляновъ**, министръ Народнаго Просвѣщенія.

Высокопреосвященный **Платонъ**, митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

Князь *Александръ Михайловичъ* **Дондуковъ-Корсаковъ**.

Аѳанасій Ѳеодоровичъ **Бычковъ**, академикъ и директоръ Императорской Публичной Библіотеки.

Владиміръ Владиміровичъ **Вельяминовъ-Зерновъ**, попечитель Кіевскаго учебнаго округа, почетный членъ Императорской Академіи Наукъ.

Александръ Николаевичъ **Веселовскій**, академикъ и профессоръ С.-Петербургскаго университета.

Игнатій Викентьевичъ **Ягичъ**, академикъ и профессоръ Вѣнскаго университета.

Францъ **Рачкій**, членъ Академіи Наукъ въ Загребѣ.

Владиміръ Ивановичъ **Ламанскій**, профессоръ С.-Петербургскаго университета.

Константинъ Николаевичъ **Бестужевъ-Рюминъ**, академикъ, б. профессоръ С.-Петербургскаго университета.

О. *Антоній* **Петрушевичъ**, каноникъ церкви св. Юра во Львовѣ.

Иванъ Игнатьевичъ **Малышевскій**, членъ-основатель, профессоръ Кіевской духовной академіи.

Евгеній Евсигніевичъ **Голубинскій**, профессоръ Московской духовной академіи.

О. *Петръ Гавриловичъ* **Лебединцевъ**, членъ-основатель, каѳедральный протоіерей Кіево-Софійскаго Собора.

Петръ Васильевичъ **Знаменскій**, профессоръ Казанской духовной академіи.

Михаилъ Осиповичъ **Кояловичъ**, профессоръ С.-Петербугской духовной академіи.

Владиславъ Норбертовичъ **Юргевичъ**, вице-президентъ Одесскаго общества исторіи и древностей.

Графиня *Прасковья Сергѣевна* **Уварова**, предсѣдатель Московскаго археологическаго общества.

Владиміръ Степановичъ **Иконниковъ**, членъ-основатель, профессоръ университета св. Владиміра.

Владиміръ Бонифатіевичъ **Антоновичъ**, членъ-основатель, профессоръ университета св. Владиміра.

Предсѣдатель Общества—*Михаилъ Флегонтовичъ* **Владимірскій-Будановъ**, ординарный профессоръ университета св. Владиміра.

Кандидатъ предсѣдателя—*Иванъ Игнатьевичъ* **Малышевскій**.

Казначей—*Ѳеодоръ Яковлевичъ* **Фортинскій**, ректоръ и ординарный профессоръ университета св. Владиміра.

Секретарь—*Николай Павловичъ* **Дашкевичъ**, профессоръ университета св. Владиміра.

Библіотекарь и помощникъ секретаря—*Иванъ Михайловичъ* **Каманинъ**.

Члены совѣта:

Петръ Гавриловичъ **Лебединцевъ**.
Владиміръ Степановичъ **Иконниковъ**.
Владиміръ Бонифатіевичъ **Антоновичъ**.
Иванъ Васильевичъ **Лучицкій**, проф. у-та св. Влад.

Петръ Александровичъ **Лашкаревъ**, членъ-основатель, проф. Кіев. дух. акад.

Степанъ Тимофеевичъ **Голубевъ**, проф. Кіев. дух. акад. и приватъ-доц. у—та св. Влад.

Алексѣй Васильевичъ **Розовъ**, проф. Кіев. дух. акад.

Орестъ Ивановичъ **Левицкій.**

Дѣйствительные члены:

Андріевскій, *Алексѣй Александровичъ.*

Андріяшевъ, *Алексѣй Ѳомичъ.*

Багалѣй, *Дмитрій Ивановичъ*, проф. Харьков. у-та.

Бережковъ, *Михаилъ Николаевичъ*, проф. Нѣжин. истор.-филол. института.

Бершадскій, *Сергѣй Александровичъ*, проф. С.-Петербург. у-та.

Бехъ, *Степанъ Ивановичъ.*

Брандтъ, *Романъ Ѳеодоровичъ*, проф. Москов. у-та.

Будиловичъ, *Антонъ Семеновичъ*, проф. Варшав. у-та.

Булгаковъ, *Аѳанасій Ивановичъ*, доц. Кіев. дух. акад.

Василенко, *Викторъ Ивановичъ.*

Владиміровъ, *Петръ Владиміровичъ*, проф. у-та св. Влад.

Воскресенскій, *Константинъ Николаевичъ.*

Голицынъ, *Н. Н.*, князь.

Голубовскій, *Петръ Васильевичъ*, прив.-доц. у-та св. Влад.

Гольшевъ, *Иванъ Александровичъ.*

Горленко, *Василій Петровичъ.*

Дверницкій, *Емельянъ Николаевичъ.*

Демченко, *Василій Григорьевичъ*, проф. у-та св. Владиміра.

Дмитріевскій, *Алексѣй Аѳанасьевичъ*, доц. Кіев. дух. акад.

Ефименко, *Петръ Савичъ.*

Ждановъ, *Иванъ Николаевичъ*, проф. С.-Петербург. историко-филолог. института.

Житецкій, *Павелъ Игнатьевичъ.*

Завитневичъ, *Владиміръ Зеноновичъ*, доц. Кіев. дух. акад.

Ивановъ, *Николай Ивановичъ.*

Иващенко, *Петръ Семеновичъ.*

Исаевъ, *Иванъ Петровичъ.*

Истоминъ, *Михаилъ Павловичъ*.

Каменскій, *Иванъ Ѳеодоровичъ*.

Клячинъ, *Василій Петровичъ*.

Кнауэръ, *Ѳеодоръ Ивановичъ*, проф. у-та св. Влад.

Кочубинскій, *Александръ Александровичъ*, проф. Новорос. у-та.

Красносельцевъ, *Николай Ѳомичъ*, проф. Новорос. у-та.

Крыловскій, *Амвросій Семеновичъ*.

Кулаковскій, *Юліанъ Андреевичъ*, проф. у-та св. Влад.

Кулишеръ, *Михаилъ Игнатьевичъ*.

Лавровскій, *Николай Алексѣевичъ*, попечитель Дерпт. уч. округа.

Лазаревскій, *Александръ Матвѣевичъ*.

Лилеевъ, *Михаилъ Ивановичъ*.

Линниченко, *Иванъ Андреевичъ*, прив.-доц. Москов. у-та.

Люба-Радзиминскій, *Сигизмундъ Владиміровичъ*.

Любовичъ, *Николай Николаевичъ*, проф. Варшав. у-та.

Ляскоронскій, *Владиміръ Григорьевичъ*.

Мазараки, *Сергѣй Аркадьевичъ*.

Майковъ, *Леонидъ Николаевичъ*, помощ. директора Императ. Публ. Библіотеки и адъюнктъ Академіи Наукъ.

Малининъ, *Василій Николаевичъ*, проф. Кіев. дух. академіи и прив.-доц. у-та св. Влад.

Мищенко, *Ѳеодоръ Герасимовичъ*, проф. Казан. у-та.

Модестовъ, *Василій Ивановичъ*, проф. Новорос. у-та.

Молчановскій, *Никандръ Васильевичъ*.

Мусинъ-Пушкинъ, графъ *Александръ Алексѣевичъ*, помощ. попечителя Кіев. учеб. округа.

Мякотинъ, *Венедиктъ Александровичъ*.

Науменко, *Владиміръ Павловичъ*.

Николайчикъ, *Ѳеодоръ Даниловичъ*.

Ничипоренко, *Иванъ Ивановичъ*.

Оглоблинъ, *Николай Николаевичъ*.

Павловъ, *Платонъ Васильевичъ*, б. проф. у-та св. Влад.

Петровскій, *Мемнонъ Петровичъ*, б. проф. Казан. у—та.

Петрушевскій, *Дмитрій Моисеевичъ*.

Пискорскій, *Владиміръ Константиновичъ*.

Покровскій, *Ѳеодоръ Яковлевичъ*, доц. Кіев. дух. акад.

Пономаревъ, *Степанъ Ивановичъ*.

Поповъ *Нилъ Александровичъ*, б. проф. Москов. у-та.

Похилевичъ, *Лаврентій Ивановичъ*.

Праховъ, *Адріанъ Викторовичъ*, проф. у-та св. Влад.

Прохаска, *Антоній*, во Львовѣ.

Ровинскій, *Павелъ Аполлоновичъ*.

Романовичъ-Славатинскій, *Александръ Васильевичъ*, проф. У-та св. Владиміра.

Савваитовъ, *Павелъ Ивановичъ*, членъ импер. Рус. археолог. общ.

Сикорскій, *Иванъ Алексѣевичъ*, проф. у-та св. Влад.

Синицкій, *Александръ Даниловичъ*.

Соболевскій, *Алексѣй Ивановичъ*, проф. с.-Петербург. у-та.

Соколовъ, *Матвѣй Ивановичъ*, проф. Нѣжин. истор.-филолог. института.

Сонни, *Адольфъ Израилевичъ*, проф. у-та св. Влад.

Степовичъ, *Андроникъ Іоанникіевичъ*.

Стороженко, *Андрей Владиміровичъ*.

Стороженко, *Николай Владиміровичъ*.

Тальбергъ, *Дмитрій Германовичъ*, проф. у-та св. Владиміра.

Теличенко, *Иванъ Васильевичъ*.

Трегубовъ, *Елисей Кипріяновичъ*.

Турцевичъ, *Иванъ Григорьевичъ*.

Успенскій, *Ѳеодоръ Ивановичъ*, проф. Новорос. у—та.

Флоринскій, *Тимоѳей Дмитріевичъ*, проф. у—та св. Влад.

Ханенко, *Александръ Ивановичъ*.

Хрущовъ, *Иванъ Петровичъ*, членъ—основатель, членъ Учебнаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Щербина, *Владиміръ Ивановичъ*.

Ярмоховичъ, *Яковъ Климентьевичъ*.

Ясинскій, *Антонъ Никитичъ*.

Ясинскій, *Михаилъ Никитичъ*.

Ястребовъ, *Митрофанъ Филипповичъ*, проф. Кіев. дух. акад.

Извлеченіе изъ отчета о состояніи и дѣятельности Общества Нестора лѣтописца въ 1890 г.[1]).

(По библіотекѣ и кассѣ).

Библіотека Общества въ отчетномъ году пополнялась, какъ обмѣномъ его изданій на изданія другихъ ученыхъ учрежденій и обществъ, такъ равно пожертвованіями членовъ и частныхъ лицъ.

Къ началу 1890 года въ библіотекѣ находилось на лице историческихъ сочиненій и матеріаловъ 381 названіе въ 781 томѣ и брошюрѣ.

Въ теченіе года поступило 103 названія въ 122 томахъ и брошюрахъ.

За тѣмъ къ началу 1891 г. состоитъ на лице 484 названія въ 903 томахъ и брошюрахъ.

Сверхъ того имѣются въ библіотекѣ нераспроданныя α) 56 экземпляровъ, каждый въ двухъ томахъ съ атласомъ, „Трудовъ Ш-го Археологическаго Съѣзда“, бывшаго въ Кіевѣ лѣтомъ 1874 г. и β) 157 экземпляровъ „Указателя выставки Ш-го Археологическаго Съѣзда“.

Изданныхъ Обществомъ Нестора-лѣтоп. своихъ „Чтеній“ осталось: первой книги 83 экземпляра, второй—172, третей—101 и четвертой—238.

---

[1]) Первая часть отчета, въ которой сообщаются свѣдѣнія о засѣданіяхъ Общества и личномъ составѣ его, опущена, потому что она представляетъ собою лишь краткое повтореніе того, что заключается въ 1-мъ отдѣлѣ настоящей книги.

Въ текущемъ году библіотека Общества положила у себя начало *отдѣлу рукописей*, получивъ въ даръ девять отдѣльныхъ документовъ и рукописный сборникъ XVIII вѣка отъ своего члена проф. *А. В. Романовича-Славатинскаго* и рукопись Литовскаго Статута XVIII в. отъ г-жи Н. В. Плетневой.

Наконецъ, благодаря заботамъ *Ф. Я. Фортинскаго*, завѣдывавшаго библіотекой по ноябрь 1890 года, она приведена въ полный порядокъ и всѣмъ имѣющимся книгамъ составленъ обстоятельный подвижной каталогъ.

Средства Общества по 1-ое декабря текущаго года находились въ такомъ состояніи:

Отъ прошлаго 1889 г. оставалось . . .	1091	руб.	22	коп.
Въ теченіе 1890 г. поступило:				
1) изъ государств. казначейства . .	800	„		
2) членскихъ взносовъ	175	„		
3) отъ продажи изданій Общества .	109	„	76	„
Всего .	2175	руб.	98	коп.

Изъ этой суммы употреблено:

1) На изданіе „Чтеній“ и канцелярскіе расходы	890	руб.	97	коп.
2) на библіотеку	78	„	71	„
3) на бланки и почтовые расходы .	36	„	84	„
4) на устройство засѣданій, прислугѣ и проч.	79	„	33	„
Всего же израсходовано .	1085	руб.	85	коп.

За тѣмъ къ 1-му декабря въ кассѣ Общества остается 1090 руб. 13 коп.

—

Засѣданія Общества привлекали всякій разъ большее или меньшее количество слушателей; въ числѣ ихъ были и такіе постоянные посѣтители, которые не пропускали почти ни одного засѣданія; Общество Нестора считаетъ это явленіе отраднымъ, какъ доказательство сочувствія публики къ его задачамъ.

ОТДѢЛЪ II.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

НѢСКОЛЬКО МѢСТЪ НАЧАЛЬНОЙ ЛѢТОПИСИ.

Мы имѣемъ изданія нѣсколькихъ списковъ Начальной Лѣтописи. Здѣсь передъ нами рядъ текстовъ болѣе или менѣе искаженныхъ переписчиками, часто съ такими варіантами, которые позволяютъ понимать одно и то же мѣсто различно. Изданіе самой Лѣтописи, подлиннаго Нестора въ возстановленномъ видѣ, у насъ отсутствуетъ, и, кажется, мы даже не можемъ ожидать появленія его въ скоромъ времени. Въ виду этого настоящія замѣтки имѣютъ право увидѣть свѣтъ.

Разбираясь въ варіантахъ Лѣтописи, мы пользовались тѣми правилами, которыя выработала на западѣ такъ называемая критика текста и которыя изложены у Турнье въ 10-мъ томѣ „Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes“ и у Бласса въ „Handbuch der klassischen Altertums-Wissenschaft“, изд. Ив. Мюллера.

Списки Лѣтописи намъ извѣстны лишь по печатнымъ изданіямъ: Лаврентьевскій, вмѣстѣ съ Троицкимъ, Радзивиловскимъ и Академическимъ,—по изданію Археографической Коммиссіи 1872 года, а Ипатскій съ Хлѣбниковскимъ—по изданію той же Коммиссіи 1871 года. Сверхъ того, мы пользовались сокращеніями Начальной Лѣтописи въ Новгородской Лѣтописи (по изд. Археографической Коммиссіи 1888 года) и въ такъ наз. Лѣтописцѣ Переяславскомъ (по изданію князя Оболенскаго 1851 года).

I.

„Днѣпръ потече изъ *Оковьскаго* лѣса“....

Такъ Лавр., Тр., Хл.; Ип., Ак., Переясл.: *Воковьского;* Радз.: *Волковьскаго.*

Варіантъ *Воковьского* отличается отъ вар. *Оковьскаго* лишь присутствіемъ *в*, которое должно было явиться въ сравнительно позднее время (ср. древн. *остръ* и поздн. *вострый*). Такимъ образомъ эти два варіанта легко сводятся къ одному—*Ок*—. Третій варіантъ, *Волковьскаго*, находящійся лишь въ одномъ Р., не имѣетъ признаковъ древности: онъ—результатъ осмысленія переписчикомъ неизвѣстнаго ему названія *Воковьскаго.*

И такъ, оригиналъ Лѣтописи долженъ былъ говорить объ *Оковьскомъ* лѣсѣ. Срв. соврем. село *Оковцы* въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губ.

II.

„...Словѣни... Отъ нихъ же Кривичи... Таже *Съверъ* отъ нихъ. На Бѣлѣ-озерѣ сѣдять Весь...“.

Такъ Лавр. и Тр.; Ип.: *Съверо;* Радз., Ак. и Переясл.: *Съвера.* Сравни:

„друзии сѣдоша по Деснѣ и по Семи и по Сулѣ и нарекоша *Съверъ*“. Такъ Лавр. и Тр.; Ип. и Хл.: наркошася *Съвера*; Радз.: нарекошася *Съвера*; Ак.: нарекошася *Съверо*; Переясл.: наричются *Съвера*;

„се бо токмо словѣнескъ языкъ... Дреговичи, *Съверъ*, Бужане“. Такъ Лавр. и Тр.; Ип.: *Съверо*; Радз., Ак., Переясл.: *Съвера*;

„живяху въ мирѣ Поляне и Деревляне, *Съверъ* и Радимичи“. Такъ Лавр. и Тр.; Ип., Радз. и Ак.: *Съверо*; Переясл.: *Севера*;

„Радимичи и Вятичи и *Съверъ* одинъ обычай имяху“. Такъ Лавр. и Тр.; Ип.: *Северо*; Радз. и Ак.: *Съверо*; Переясл.: *Съвера*;

„иде (Олегъ) на *Съверяне* и побѣди *Съверяны*. Такъ Лавр., Радз. и Ак.; Тр. и Переясл.: на *Съверы*...; Ип.: на *Съвяры*.... *Съверы*...; Хл. *Съверідны*... *Съвяряны*...;

„иде Олегъ на Грекы... поя... Поляны и *Съверу* и Деревляны“. Такъ Ип. и Хл.; Тр.: *Съверъ*; Радз. и Ак.: *Съверо;* Пер.: *Севѣры;*

„Мьстиславъ... постави *Съверъ* въ чело ....и сступися чело *Съверъ* съ Варягы... видѣ лежачиѣ сѣчены: отъ своихъ— *Съверъ* и Ва-

рягы Ярославлѣ [1])... Такъ Лавр. и Ип.; Хл.: лежаща свои *Съверы*; Радз. и Ак...: постави *Съверо*...; Радз.: ступишася... со *Съверы*; Ак.: отъ своихъ *Съверо*.

Сопоставленіе всѣхъ выписанныхъ мѣстъ показываетъ, что въ большинствѣ случаевъ русское племя называется *Съверъ* или *Съверо*, въ меньшинствѣ—*Съвера* и *Съверы;* сверхъ того, оно носитъ имя *Съверяне*. Что до послѣдняго, то оно вполнѣ правильно, и намъ нѣтъ надобности о немъ распространяться. Изъ четырехъ первыхъ именъ лишь одно могло находиться въ оригиналѣ лѣтописи. Какое? Форма *Съвера* встрѣчается сравнительно рѣдко, чтобы можно было на ней остановиться, да кромѣ того, изъ нея нельзя объяснить всѣ другія формы; форма *Съверы* есть явное позднѣйшее осмысленіе другой формы; форма *Съверъ* легко могла произойти изъ *Съверо* (подъ вліяніемъ сущ. *съверъ* и другихъ причинъ). Такимъ образомъ форма *Съверо*, какъ чтеніе наиболѣе трудное и вмѣстѣ съ тѣмъ очень частое въ спискахъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія: изъ нея не трудно объяснить всѣ другія формы; она должна была находиться у лѣтописца.

Теперь для насъ вполнѣ понятно первое изъ выписанныхъ нами мѣстъ Лѣтописи. Въ немъ говорится о племени *Съверо*, а не о странѣ свѣта: нарицательное *съверъ* никогда у насъ не колебалось въ окончаніи. Вслѣдствіе этого для него необходима та разстановка знаковъ препинанія, которую сдѣлали мы.

Слѣдовательно, лѣтописецъ производитъ Сѣверянъ, вмѣстѣ съ Кривичами и Полочанами, отъ Словѣнъ (Радимичи и Вятичи, по его мнѣнію,—отъ Ляховъ).

III.

„Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне Велыняне *а Улучи* Тиверьци сѣдяху бо по *Днѣстру* присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множьство ихъ; сѣдяху бо по *Днѣстру* оли до моря“.

Такъ Лавр.; Тр.: *а Лутичи и* Тиверци сѣдяху бо *по Днѣстру* присѣдяху бо къ Дунаеви; Ип.: *а Улутичи* Тиверци сѣдяху *по Бугу* и *по Днѣпру* и присѣдяху бо къ Дунаеви.... сѣдяху бо *по Бугу* и по *Днепру*...; Радз. и Ак.: Дулѣбы живяху по Бугу *а Улучи*

---

[1]) Акад. Бычковъ опускаетъ *и* передъ *Варягы* и видитъ въ *Съверъ* род. мн.

(улутичи) Тиверци сѣдяху *по Бугу* и *по Днепру*...; Переясл.: *а Уличи* Тиверци и сѣдяху *по Бугу и по Днѣстру* и до Дуная; Новг.: бѣша сѣдяще *Улиць по Днѣпру* внизъ, а пб семъ приидоша межи *Богъ и Днѣстръ* (922 г.).

Прежде всего здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двумя важными варіантами, восходящими своимъ происхожденіемъ къ значительной древности. Одинъ рядъ списковъ говоритъ о сѣдѣніи по Днѣстру; другой—по Бугу и Днѣпру; Переясл. и Новг. имѣютъ сводное чтеніе [1]). Несомнѣнно, передъ нами чтеніе оригинала Лѣтописи и неловкая поправка одного изъ очень древнихъ ея списковъ (въ немъ оставлено: *по Дунаеви)*, поправка, вѣроятно, на чемъ-нибудь основанная.

Затѣмъ мы имѣемъ дѣло съ названіемъ: *Улучи, Улутичи, Лутичи.* Послѣдній варіантъ, конечно, произошелъ изъ втораго. Второй не имѣетъ достаточныхъ правъ на наше особенное вниманіе: корень *лут* (не *лют)* въ славянскихъ племенныхъ названіяхъ не встрѣчается. Первый варіантъ—несомнѣнное искаженіе: окончаніе должно быть *ичи,* какъ вообще въ подобныхъ названіяхъ. Онъ едва ли могъ произойти изъ *Уличи* (такъ въ разныхъ лѣтописныхъ спискахъ и сводахъ подъ 885, 922 и 940 г.). Наоборотъ, послѣдній варіантъ легко могъ образоваться изъ *Улучи.* Мы едва ли ошибемся, если возстановимъ древнее названіе въ видѣ *Улучичи*—жители какого-то *Улучья* (срв. *Лучьскъ—Луцкъ*; срв. также дер. *Лучичи* къ сѣверу отъ Припети, въ Минской губ.; можетъ быть, это древняя колонія Улучичей). Во всякомъ случаѣ опущеніе одного изъ двухъ тожественныхъ рядомъ стоящихъ слоговъ—дѣло обычное въ рукописяхъ; смѣшеніе *ч* съ *т* въ древнемъ уставномъ письмѣ также до извѣстной степени возможно.

Затѣмъ передъ нами частица *бо.* Лавр. имѣетъ ее послѣ *Тиверьци сьдяху*; Тр. имѣетъ ее и здѣсь, и послѣ перваго *присъдяху*; Ип. не имѣетъ послѣ *сьдяху* и имѣетъ послѣ *присъдяху.* Едва ли чтеніе Ип. сп. не самое древнее. Чтеніе Тр. сп. легко можетъ быть объяснено изъ него: переписчикъ видѣлъ въ *гдѣ нынѣ—Тиверци* одно предложеніе, и потому поставилъ *бо* послѣ *сьдяху*; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сохранилъ древнее *бо* послѣ *присъдяху.* Въ Лавр. сп. мы имѣемъ уже исправленіе того чтенія, которое находится въ Тр.: первое *бо* сохранено, а второе, древнее *бо,* какъ совсѣмъ лишнее, выброше-

[1]) Понятно, сообщеніе Новг. л. о передвиженіи Ул. ни на чемъ не основано.

но. Такимъ образомъ мы считаемъ древнѣйшимъ чтеніемъ: Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху *бо* къ Дунаеви....

Наконецъ мы должны сказать о союзѣ *и* между *Улучи* и *Тиверьци*. Этотъ союзъ находится лишь въ одномъ Тр.; всѣ прочіе наши списки его не знаютъ. Понятно, мы не имѣемъ права приписывать его лѣтописцу и должны думать, что послѣдній его не ставилъ въ своемъ текстѣ.

Теперь мы можемъ возстановить все мѣсто въ томъ видѣ, въ какомъ, по нашему мнѣнію, оно должно было быть въ оригиналѣ Лѣтописи:

„Дулѣби живяху по Бугу, къде нынѣ Велыняне а Улучичи. Тиверьци сѣдяху по Днѣстру; присѣдяху бо къ Дунаеви. Бѣ множьство ихъ; сѣдяху бо по Днѣстру оли и до моря".

Союзъ *а* въ древне-русскомъ яз. нерѣдко употребляется въ значеніи *и* (какъ въ соврем. чешскомъ). Вотъ одинъ примѣръ изъ Русской Правды по сп. ок. 1282 г.: выдадять на потокъ *а* на разграбление.

Должно замѣтить, что Начальная Лѣтопись ни разу не упоминаетъ рядомъ, какъ два разныя племени, Дулѣбовъ и Улучичей. Если она говоритъ о Дулѣбахъ (907 г.), она молчитъ объ Улучичахъ, и на оборотъ (885 г.). Это показываетъ, что для лѣтописца Дулѣбы и Улучичи были почти одно и то же (цѣлое и часть).

IV.

„Радимичи, Вятичи и Сѣверъ.... творяху *кладу* велику и възложахуть на *кладу* мертвеца, сожьжаху....".

Такъ Лавр., Тр., Ип.; Радз. и Ак.: ...*краду*.... на *краду*....

Слово *клада* нерѣдко въ древне-русскихъ текстахъ: въ оцѣ же си *клады* не разумѣѭши.... и се *клада* въ оцѣ твоѥмь (Ев. Ярославск. Арх. дома XIII в., л. 41); положьнъ въ дубравѣ межю двѣма *кладома* (чтеніе о Бор. и Глѣбѣ въ Паремейникѣ 1271 г. л. 263 об.) и др. Это ц.-слав. *клада*=р. *колода*.

Слово *крада* отличается гораздо большею рѣдкостью. Оно извѣстно лишь въ древнѣйшихъ русскихъ текстахъ, списанныхъ съ церк.-слав. оригиналовъ, между прочимъ въ Святославовомъ Сб. 1073 г. Оно употребляется здѣсь въ значеніи *костеръ* (Миклошичъ, Словарь).

Которое изъ этихъ двухъ словъ находилось въ оригиналѣ Лѣтописи? *Крада* для переписчиковъ XIV в. и слѣд. было уже непонятнымъ словомъ, и они легко могли поправить его на ясное для нихъ по смыслу *клада*; что же до передѣлки *клада* въ *крада*, то она, конечно, для нихъ была невозможна. Сверхъ того, *крада* даетъ несравненно лучшій смыслъ мѣсту, чѣмъ *клада*. Вслѣдствіе этого мы должны признать безусловную древность за *крада*.

V.

„Рѣша *Русь* Чюдь Словѣни и Кривичи Вся: земля наша велика“...

Такъ Лавр., Тр., Ип., Хл. и Переясл.; Радз. и Ак.: *Руси*. Въ Лѣтописцѣ патр. Никифора, помѣщенномъ при Новгородской Кормчей ок. 1282 г. и заключающемъ въ себѣ замѣтки по русской исторіи (изъ Начальной Лѣтописи): „придоша *Русь*, Чюдь, Словенѣ, Кривичи к Варягомъ рѣша“ (Буслаевъ, Истор. Хр., стр. 390).

Сравни:

„имаху дань Варязи.... на Чюди и на *Словѣнехъ*, на Мери и на ....*Кривичихъ*“;

„поиде Олегъ, поимъ.... Варяги, Чюдь, *Словѣни*, Мерю.... *Кривичи*“;

„иде Олегъ на Грекы..., поя множество Варягъ и *Словѣнъ* и Чюдь и *Кривичи*...“

Обратимъ вниманіе на значенія слова *Русь* въ Нач. Лѣтописи. Ихъ два. Въ одномъ Русь—варяжское племя; это значеніе для насъ не интересно. Въ другомъ Русь—всѣ славянскія племена древнерусской территоріи вмѣстѣ или ихъ территорія какъ одно цѣлое:

„се бо токмо словѣнескъ языкъ въ *Руси*: Поляне, Деревляне, Новогородьци.....“;

„а се суть инии языци, иже дань дають *Руси*: Чюдь, Меря.... Пермь, Печера....“; и т. п.

Начальная Лѣтопись не употребляетъ третьяго значенія слова *Русь*: кіевляне, кіевская область, которое нерѣдко въ Лѣтописяхъ Кіевской, Галицко-волынской и Новгородской XII—XIII в. [1]) и кото-

[1]) Должно имѣть въ виду, что ни древніе новгородскіе и смоленскіе документы, ни Слово о полку Игоревѣ не знаютъ этого значенія.

рое, повидимому, сравнительно поздне по происхожденію. Единственное мѣсто въ Нач. Лѣтописи, въ которомъ *Русь* нѣкоторые толкуютъ: кіевляне, находится подъ 898 г.:... „Чеси и Ляхове и Поляне, яже нынѣ зовомая *Русь*“. Но изъ этого мѣста вовсе не видно, чтобы лѣтописецъ считалъ Русью однихъ Полянъ. Онъ какъ будто хотѣлъ сказать только то, что его Поляне принадлежатъ къ Руси, что они отличны отъ другихъ Полянъ, которые принадлежатъ къ Ляхамъ (Лавр. сп., стр. 5).

Отсутствіе въ Начальной Лѣтописи хотя бы одного несомнѣннаго случая употребленія *Русь* въ значеніи: кіевляне дѣлаетъ понятнымъ то, что мы въ ней ни разу не находимъ употребленія названія *Русь* рядомъ съ названіями *Словѣне*, *Кривичи*; иначе говоря, упоминаніе Словѣнъ Кривичей и т. п. исключаетъ упоминаніе Руси, и на оборотъ: гдѣ говорится о Руси, нѣтъ рѣчи ни о Словѣнахъ, ни о Кривичахъ.

Что же мы видимъ въ первомъ изъ выписанныхъ мѣстъ Лѣтописи? Одни списки, въ томъ числѣ самые древніе, имѣютъ *Русь*, *Словѣнъ* и *Кривичей* рядомъ, какъ три слова равныя по объему значенія; другіе списки, младшіе, отдѣляютъ *Русь* отъ *Словѣнъ* и *Кривичей* и придаютъ слову *Русь* значеніе: Варяги.

Изъ сказаннаго выше ясно, что мы должны отдать предпочтеніе тому изъ двухъ варіантовъ, въ которомъ стоитъ форма *Руси*, дат. ед., и смотрѣть на него, какъ на вышедшій изъ-подъ пера лѣтописца. Другой варіантъ (*Русь*, им. ед.), несогласный въ употребленіи слова *Русь* ни съ однимъ мѣстомъ Лѣтописи, легко можетъ быть объясненъ изъ перваго: переписчики XIII в. и слѣд. уже не знали *Русь* въ значеніи: Варяги и потому, плохо понимая смыслъ фразы при дат. *Руси*, замѣнили его именительнымъ *Русь*.

VI.

„Изъбрашася трие брата съ роды своими ...и придоша къ Словѣномъ пѣрвѣе и срубиша городъ Ладогу, и сѣде старѣйший въ Ладозѣ Рюрикъ.... И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля. По двою же лѣту.... прия Рюрикъ власть всю одинъ и пришедъ къ Ильмерю и сруби городъ надъ Волховомъ, и прозваша и Новъгородъ. И сѣде ту княжа, и раздая мужемъ своимъ волости....“.

Такъ Ип. и Хл.; Радз. и Ак.: „отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля *Новъгородъ тіи суть людье Новгородци отъ рода варяжьска, преже бо бѣша Словѣни.* По двою лѣту...“. Переясл. согласенъ съ Р. и Ак., но имѣетъ: „.. .прозвашася русская земля Новгородце...“.

Лаврент. и Тр. сп. (а также Новг.) рѣзко отличаются отъ Ип., Хл., Радз. и Ак. тѣмъ, что не имѣютъ словъ: *къ Словѣномъ первѣе и срубиша Ладогу, въ Ладозѣ, и пришедъ къ Ильмерю—и сѣде ту княжа;* т. е. они не упоминаютъ объ основаніи Ладоги и Новгорода и княженіи Рюрика въ Ладогѣ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ Лавр. (а также Новг.) имѣетъ тѣ слова, которыхъ нѣтъ въ Ип. и Хл. и которыя подчеркнуты нами въ Р. и Ак.: *Новгородьци ти суть* ... Тр. здѣсь согласенъ съ Лавр. лишь на половину: „прозвася Руская земля *а Новгородьци отъ рода варяжьска....*“.

Такимъ образомъ передъ нами три варіанта: одинъ, Радз. и Ак.,—полный, другой, Ип. и Хл.,—болѣе краткій, и третій, Лавр. и Тр.,—очень краткій.

Первый, полный, долженъ былъ быть въ оригиналѣ Лѣтописи: изъ него легко объясняются два другіе варіанта. Въ немъ было упомянуто о названіи Новгорода русскою землею прежде, чѣмъ сказано объ основаніи Новгорода, т. е. допущена непослѣдовательность въ разсказѣ [1]). Это подало поводъ переписчикамъ исправлять мѣсто. Одни избѣгли непослѣдовательности тѣмъ, что выкинули изъ текста упоминаніе объ основаніи Ладоги и Новгорода; другіе, напротивъ, исключили преждевременное упоминаніе о названіи Новгорода русскою землею.

Текстъ оригинала, по нашему мнѣнію, долженъ былъ читаться такъ:

„Избрашася трие брати съ роды своими... и придоша къ Словѣномъ первѣе и срубиша городъ Ладогу; и сѣде старѣй въ Ладозѣ, Рюрикъ.... И отъ тѣхъ Варягъ прозвася руская земля Новъгородъ. Тіи суть людье Новгородьци отъ рода варяжьска, преже бо бѣша Словѣне. По двою лѣту.... прия Рюрикъ власть единъ, и пришедъ къ Ильмерю и сруби городъ надъ Волховомъ, и прозваша и Новъгородъ. И сѣде ту княжа, и раздая мужемъ своимъ волости“.

---

[1]) Почти тожественная непослѣдовательность въ разсказѣ есть у Нестора раньше: „Полямъ же жившемъ о собѣ.... иже и *до сее братьи,* бяху Поляне, и живяху.... *Быша три братья,* единому имя Кий“ и т. д. (Лавр. сп., стр. 8).

VII.

„....Кий, Щекъ, Хоривъ.... мы сѣдимъ платяче дань *родомъ ихъ* Козаромъ".

Такъ Лавр. и Тр.; Ип., Хл. и Переясл.: мы сѣдимъ *роды (родъ) ихъ* и платимы дань Козаромъ; Радз. и Ак.: мы сѣдимъ, платяче дань Козаромъ.

Нельзя сомнѣваться, что упоминаніе о *родѣ* было въ первоначальномъ текстѣ: оно не можетъ быть позднѣйшею вставкою. Поэтому отсутствіе этого упоминанія въ Р. и Ак. указываетъ лишь на то, что переписчики затруднялись въ пониманіи нашего мѣста. Варіантъ Ип. и Хл. даетъ хорошій смыслъ; но если бы онъ читался въ оригиналѣ Лѣтописи, что могло побудить переписчиковъ такъ или иначе его передѣлывать? Варіантъ Лавр. и Тр. даетъ крайне странный смыслъ, ставя Кія съ братьями въ родство съ Козарами (а раньше Лѣтописецъ далъ понять, что Кій былъ Полянинъ). Сверхъ того, изъ него нельзя удовлетворительно объяснить ни одного изъ другихъ варіантовъ.

Итакъ, ни одинъ варіантъ не имѣетъ правъ на признаніе его подлиннымъ, вышедшимъ изъ подъ пера лѣтописца. Мы должны составить новое чтеніе, въ которомъ бы смыслъ былъ близокъ къ хорошему смыслу варіанта Ип. и Хл., а грамматическая форма слова *родъ* была бы близка къ формѣ Лавр. и Тр.

Это чтеніе, по нашему мнѣнію, таково: „мы сѣдимъ *родъмь ихъ* платяче дань Козаромъ"=мы сидимъ съ ихъ родомъ (родственниками), платя дань Козарамъ.

Форма *родъмь*—ф. твор. ед. рѣдкаго въ памятникахъ даже древнѣйшей славянской письменности—твор. сопровожденія безъ предлога (Miklosich, Vgl. Syntax, 723). Сравни: приде *силою* многою, ста *полкы* своими, поидоста *полкы* своими, прешедъ *полкы* своими и т. п. (Ип. сп. стр. 265, 266). Эта архаическая форма твор. была уже непонятна въ XIV в. и слѣд., и переписчики, считая мѣсто испорченнымъ, старались возстановить его смыслъ, одни—выбрасывая странную форму, другіе—измѣняя ее въ форму им. п. *(роды, родъ* изъ *родъмь)*, третьи—давая ей новое мѣсто въ предложеніи.

Срв.: „Поляне.... живяху кождо *съ* своимъ *родомъ*";

„(Кий) хотяше сѣсти *съ родомъ* своимъ"; „Вятко сѣде *съ родомъ* своимъ".

VIII.

„Въ лѣто 915.... расварившася Грѣцкыя воеводы. Видѣвше Печенѣзи, яко сами на ся *рать* имуть, отъидоша“....

Такъ въ Ип. и Хл.; Радз.: *рѣчь*; Ак.: *рѣть*.

Первый изъ трехъ варіантовъ даетъ неудовлетворительный смыслъ: др.-русск. *рать*=войско, военный походъ; а здѣсь рѣчь идетъ о *сварѣ* воеводъ между собою; второй не даетъ вовсе смысла. Только третій варіантъ кажется намъ древнимъ. Слово *реть* хорошо извѣстно церковно-славянскимъ и древнѣйшимъ русскимъ текстамъ; оно значитъ: споръ, соревнованіе (Миклошичъ, Слов) и так. обр. синонимично со словомъ *свара* (глаголъ *сваритися*). Въ XIV в. и слѣд. оно было уже непонятно переписчикамъ, и они старались такъ или иначе осмыслить неясное для нихъ мѣсто.

А. Соболевскій.

СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРІИ ЕКАТЕРИНИНСКАГО НАКАЗА (ОБЪ ОТМѢНѢ ПЫТКИ ВЪ РОССІИ).

Русскій историкъ и публицистъ XVIII стол., князь М. М. Щербатовъ, въ извѣстномъ своемъ произведеніи „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“, по поводу уголовнаго уложенія, составленнаго при Елисаветѣ Петровнѣ, замѣчаетъ: „Наполнили его неслыханными жестокостями пытокъ и наказаній, такъ что когда по сочиненіи оное было, безъ чтенія Сенатомъ и другихъ государственныхъ чиновъ, поднесено къ подписанію государыни, и уже готова была сія добросердечная государыня не читая подписать, перебирая листы, вдругъ попала на главу пытокъ, взглянула на нее, ужаснулась тиранству и, не подписавъ, велѣла передѣлывать. Такъ, чудеснымъ образомъ, избавилась Россія отъ сего безчеловѣчнаго законодательства“. Н. И. Панинъ въ началѣ царствованія Екатерины II однажды замѣтилъ, что онъ „недавно читалъ дѣло Волынскаго, и чуть его параличъ не убилъ. Такія мученія претерпѣлъ несчастный Волынскій, и такъ очевидна его невинность“ [1]). Въ другой разъ Панинъ разсказывалъ Порошину, что онъ собралъ отовсюду донесенія о колодникахъ, гдѣ они содержатся, по какимъ дѣламъ и въ чье правленіе были разосланы. „Изволилъ говорить, замѣчаетъ Порошинъ, что превеликая у него теперь о томъ книга; что вчера читалъ ее и съ удивленіемъ видѣлъ, что люди за такія вины кнутьями сѣчены и въ ссылки посланы были, за которыя бы только выговоромъ строгимъ наказать было достаточно, что потому

---

[1]) Записки Порошина, изд. ред. Рус. Стар., стр. 69—70.

нѣкоторымъ образомъ можно разсуждать о нравахъ тѣхъ временъ“ [1]). Мнѣніе Екатерины II о дѣлѣ Волынскаго хорошо извѣстно [2]).

Въ этихъ отзывахъ обозначился уже поворотъ во взглядахъ на всю систему наказаній, господствовавшую тогда, и въ частности на пытки. Петръ В. запретилъ употреблять пытку въ малыхъ дѣлахъ [3]). Въ началѣ царствованія Елисаветы послѣдовало весьма существенное смягченіе относительно пытки, наказанія кнутомъ и смертной казни, съ опредѣленіемъ возраста для малолѣтнихъ до 12 лѣтъ, и отмѣна пытки для виновныхъ въ описке титула [4]). Въ 1751 г. пытка была отмѣнена въ корчемныхъ дѣлахъ, при чемъ Сенатъ высказалъ уже свой взглядъ на пытку вообще: „По корчемнымъ дѣламъ не пытать, читаемъ въ указѣ Сената, для многихъ въ томъ затрудненій и кровопролитія, *и чтобы, не стерпя пытокъ*, не могли па кого и напрасно говорить, и тѣ-бъ, на кого станутъ говорить, *и невинные* не могли подпасть напрасному истязанію“ [5]). Затѣмъ Сенатъ воспрещаетъ дѣлать пристрастные розыски надъ крестьянами, прикосновенными къ бунту, а когда военныя власти донесли однажды, что кре-

---

[1]) Тамъ же, стр. 428—429.

[2]) Чтен. въ Моск. Общ. исторіи, 1858 г., кн. IV, 142—144.

[3]) Современникъ Петра В., извѣстный своею дѣятельностью, архіеп. холмогорскій Аоанасій († 1702) предписывалъ соловецкому архимандриту не производить пытокъ (Рус. Стар. 1887, LVI, 338); а нѣсколько позже В. Н. Татищевъ, во время своего управленія сибирскими заводами, не позволялъ земскимъ судьямъ пытать людей безъ согласія главнаго заводскаго правленія (Соловьевъ, XX, 203).

[4]) Полн. соб. законовъ, №№ 8601 и 8933 и Журналы Сената 1741 и 42 гг. (Соловьевъ, XXI, 175—176). Впрочемъ неправильность примѣненія пытки къ малолѣтнимъ Сенатъ признавалъ и ранѣе того, по поводу бывшихъ случаевъ въ 1729 и 1739 гг.; но замѣчательно, что, при обсужденіи этого вопроса въ 1742 году, въ общемъ собраніи Сената и Синода, Сенатъ былъ за отмѣну означенныхъ наказаній и пытки до 17 лѣтъ, а Синодъ, ссылаясь на дозволеніе вступать въ бракъ ранѣе 17 лѣтъ и приведеніе къ присягѣ съ 12 лѣтъ, допускалъ возможнымъ понизить возрастъ до 12 лѣтъ, и это мнѣніе взяло верхъ (К. Побѣдоносцевъ: Историческія изслѣд. и статьи, стр. 288). Чтобы судить, о томъ, какія суровыя формы суда существовали въ это время въ духовномъ управленіи, см. любопытное увѣщаніе новгор. архіеп. Амвросія Юшкевича арханг. архіеп. Варсонофію, 1742 г. (Чт. М. О. ист. 1880, кн. I, 7—10).

[5]) П. С. Зак. № 9912; Соловьевъ XXIII, с. 132. Ук. 22 янв. 1757 г. запрещено было женщинамъ рвать ноздри и ставить клейма (№ 10686). Такой поворотъ въ мнѣніяхъ представляется весьма существеннымъ послѣ того, какъ въ суровое царствованіе Анны Ивановны неоднократно сожигали людей за религіозныя отступленія, волшебство и поджоги (Лѣт. занятій Арх. ком., вып. VII, с. 65; Рус. Арх. 1886, I, 386; Рус. Старина 1878, XXIII, 307—310 1885, XLV, 190—191; Соловьевъ, XX, 310).

стьяне и посадскіе люди, зная объ этомъ, не говорятъ правды, а потому не разрѣшитъ-ли Сенатъ пытать ихъ, то послѣдній отвѣчалъ, чтобы о тѣхъ лицахъ, которыя подлежатъ пыткѣ, были составлены обстоятельные экстракты о каждомъ порознь съ выписками приличныхъ указовъ и съ приложеніемъ собственнаго мнѣнія, которые и прислать въ Сенатъ на разсмотрѣніе, ибо безъ того точнаго рѣшенія положить нельзя [1]).

Въ проектѣ Елисаветинской коммиссіи права дворянъ въ отношеніи ихъ крестьянъ опредѣляются такъ: „Дворянство имѣетъ надъ людьми и крестьянами своими мужескаго и женскаго полу и надъ имѣніемъ ихъ полную власть безъ изъятія, *кромѣ* отнятія живота и наказанія кнутомъ и произведенія надъ оными *пытокъ*“ [2]).

Время составленія уголовнаго уложенія при Елисаветѣ было послѣднею эпохою господства пытки: во второй половинѣ XVIII в., именно съ восшествіемъ на престолъ Петра III и затѣмъ Екатерины II начинается постепенное ограниченіе пытки, завершившееся полною ея законодательною отмѣною въ 1801 г. [3]). Уничтоженіе тайной канцеляріи и „ненавистнаго израженія слова и дѣла“, не смотря на кратковременность царствованія Петра III, отразилось въ передѣлкѣ

---

[1]) Журн. Сен. за 1753 г. (Соловьевъ, XXIII, 213). Уже при Елисаветѣ Петровнѣ новгор. губ. Григорій Орловъ (отецъ фаворита Екатерины II) отмѣнилъ однажды назначенную судомъ пытку, какъ ненадежный способъ для открытія истины, и рѣшилъ дѣло безъ пытки (K. Blum, Ein russ. Staatsmann. Des Grafen Jak. Joh. Sievers Denkwürdigkeiten, I, 260—261).

[2]) Латкинъ, Законод. коммиссіи въ Рос. въ XVIII ст., I, 1887, 155—156.

[3]) Побѣдоносцевъ, Историч. изслѣд., с. 277—293 (на стр. 292-293—замѣчанія автора о постепенномъ смягченіи видовъ пытки въ XVII и XVIII стол.). Ср. Русскія пытки, Историческій очеркъ (Рус. Арх. 1867 г., с. 1139—1167); О тайной канцел. при Елисаветѣ Петровнѣ по подлин. матеріал. (Рус. Стар. 1875, XII, 523—539); Старин. дѣла объ оскорбл. величества (1701—1797), А. В. Арсеньева (Истор. Вѣстникъ 1881, т. IV, 578—601; 822—838); Ванька Каинъ, Г. В. Есипова (XVIII вѣкъ, т. III, 280—342); Дѣла сыскнаго приказа о раскольникахъ 1743—1757 г., Н. В. Калачова (Чтен. Моск. Общ. ист. 1870, II, 13—64); Заплечный мастеръ, 1768 г., Л. Трефолева (Рус. Арх. 1868 г., 1064—1068); Обрядъ—како обвиненный пытается, изъ дѣлъ тайной канцеляріи 1735—54 гг.—это справка о пыткахъ, составленная по требованію Екатерины II (Рус. Стар. т. VIII, 58—59). Любопытна также слѣдующая рукопись въ собраніи А. А. Титова (изъ рукоп. О. М. Бодянскаго): „Какимъ образомъ и въ какихъ случаяхъ розыскъ и пытки производить и какія за разныя преступленія казни, наказанія и штрафы“, скоропись XVIII стол., на 749 листахъ (Охран. каталогъ славянорус. рукоп. А. А. Титова. В. I. Ростовъ, 1881, № 307).

22 главы проекта Уложенія, о которомъ мы упоминали выше. По вступленіи же на престолъ, Екатерина II *дословно* повторила указъ Петра III съ замѣною лишь „отеческаго милосердія"—„матернимъ" [1]).

Не отмѣняя открыто пытки, Екатерина II на первыхъ порахъ значительно ограничиваетъ ея примѣненіе. Присутствуя въ 1763 г. въ Сенатѣ, она повелѣла стараться, какъ возможно уменьшить кровопролитіе; если же всѣ средства будутъ истощены, тогда уже пытать, притомъ въ приписныхъ городахъ пытокъ не производить, а отсылать преступниковъ въ провинціальныя и губернскія канцеляріи и тутъ поступать съ крайнею осторожностью, чтобы какъ-нибудь вмѣстѣ съ виновными и невинные не потерпѣли *напраснаго истязанія* [2]). Но уже въ 1765 г., вслѣдствіе поступившихъ донесеній о большихъ затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ по причинѣ значительныхъ разстояній въ Сибири, при исполненіи означеннаго постановленія, послѣдовалъ указъ: „изъ сихъ мѣстъ колодниковъ въ губерніи не возить, а стараться дѣла окончить *безъ пытокъ* въ указный срокъ" [3]).

Съ другой стороны, по поводу вновь возникшаго недоразумѣнія въ Сенатѣ, въ 1765 г. было постановлено по уголовнымъ дѣламъ совершенный возрастъ считать уже въ 17 лѣтъ; ранѣе этого возраста пытокъ не производить, а по изслѣдованіи дѣла, представлять Сенату, при чемъ преступниковъ менѣе 17 лѣтъ, которые смертной казни не заслуживаютъ, а лишь тѣлесное наказаніе,—наказывать безъ представленія въ Сенатъ отъ 15—17 лѣтъ—плетью, отъ 10—15 лѣтъ—роз-

---

[1]) Полн. С. Зак., отъ 21 февр. 1762 г., № 11445; отъ 19 окт. 1762 г., № 11685. Проекты Уголовнаго уложенія 1754—1766 г., изд. подъ редакц. А. А. Востокова, съ предислов. Н. Д. Сергѣевскаго, Спб. 1882, стр. IX и XV. Отмѣняя тайную канцелярію, императоръ въ томъ же актѣ поручалъ Сенату снабдить постановленіемъ всѣ судебныя мѣста, а въ особенности отдаленныя, чтобы допросы какъ свидѣтелей, такъ и доносителей производились „сколь возможно *безъ пытки*" (Полн. Собр. Зак., т. XV, № 11445).

Въ числѣ бумагъ Шацкой провинц. канцеляріи есть указъ 1761 г. о сломаніи въ домѣ канцеляриста Петаковскаго застѣнка, устроеннаго для пытокъ злодѣевъ (Журн. Тамб. ученой архив. ком. 4 окт. 1885 г. Опись дѣламъ Шацкаго архива, стр. 50).

[2]) Журн. Сената (Соловьевъ, XXV, 273). Впрочемъ, по ук. 10 фев. 1763 г. дѣлалось еще различіе въ примѣненіи пытки между человѣкомъ *подлаго* и *неподлаго* состоянія (№ 11750).

[3]) П. С. Зак. № 12345. Требованіе это выполнялось по разнороднымъ преступленіямъ (Соловьевъ, XXVII, 8—9, 154). Пытка не была употреблена и въ дѣлѣ Салтыковой—Салтычихи (Соловьевъ, ib. 152). Но любопытно, какъ старались ее обойти и даже показывали виновной жестокость розыска надъ приговореннымъ преступникомъ (Рус. Стар. 1874, X, 500—502, 541).

гами, а 10 лѣтъ и менѣе—отдавать для наказанія родителямъ или помѣщикамъ [1]). Подобное же отношеніе къ пыткѣ наблюдалось и въ дѣлахъ политическаго характера. Такъ, когда открылся заговоръ Гурьевыхъ,—то Екатерина поручила изслѣдовать это дѣло *безъ пытокъ* [2]). Какъ видно, обошлось безъ нихъ и въ дѣлѣ Мировича, хотя въ числѣ членовъ чрезвычайнаго суда явились ревностные защитники „жестокаго розыска и истязанія“ (Ив. Ив. Неплюевъ, А. И. Черкасовъ и даже нѣкоторыя духовныя лица [3]). А когда возникло вторичное дѣло Арсенія Мацѣевича (политическаго характера), то князь Вяземскій писалъ архангелогородскому прокурору, что такъ какъ, „по милосердію ея величества, *никакія истязанія терпимы быть не могутъ*, то чтобы по сему дѣлу отнюдь побоями никто истязанъ не былъ“ [4]). Въ дѣлахъ, соприкосновенныхъ съ суевѣріемъ и колдовствомъ, Сенатъ старается выяснить мѣстной администраціи естественныя причины ихъ; за насильное вымогательство признанія—отрѣшаетъ воеводъ отъ должности, освобождая обвиняемыхъ вовсе отъ наказанія, при чемъ сообщаетъ объ этомъ во всѣ канцеляріи и управленія (1769—1770 гг.), а въ 1772 г. издаетъ общее распоряженіе о запрещеніи архіереямъ и прочимъ духовнымъ особамъ вступать въ слѣдственныя дѣла о *чародѣйствахъ*, какъ подлежащихъ гражданскому суду [5]). Однако по городамъ нерѣдко все еще производились пытки по разбойнымъ, воровскимъ и др. дѣламъ [6]).

---

[1]) Журналы Сената (Соловьевъ, XXVI, 130—131).

[2]) Сборн. Рус. ист. общ., VII, 171—178; Соловьевъ, XXV, 163.

[3]) Соловьевъ, XXVI, стр. 11—17. Любопытно въ этомъ случаѣ отношеніе къ мнѣніямъ самой Екатерины и ген.-прок. кн. Вяземскаго, а также объясненіе поведенія Черкасова (XVIII вѣкъ, III, 365—366 и 386—387. Ср. Сборн. Рус. ист. общ. т. VII, 365—373; Историч. Вѣстн. 1888 г., т. XXXII, 265—301). Импер. Іоаннъ Антоновичъ, частію не изд. док. (Рус. Стар. 1877, XXIV, 497—508; XXV, 291—306; 493—511).

[4]) Арс. Мацѣевичъ, наша моногр. (Рус. Стар. 1879 г., т. XXVI, стр. 187).

[5]) Журн. Сената за 1769—72 гг. (Соловьевъ, XXIX, 119—120). Авторъ отмѣчаетъ въ этихъ дѣлахъ удивительное сходство въ показаніяхъ колдуновъ о ихъ сношеніяхъ съ дьяволомъ съ дѣлами подобнаго рода на западѣ: они цѣловали дьявола въ podex, червей пускали на вѣтеръ и т. п. (с. 196, пр. 26). По вопросу о волшебствѣ Екатерина любила ссылаться на авторитетъ Монтескье (Сборн. Р. И. об. X, 95).

[6]) Соловьевъ, XXVII, стр. 13—14. Въ 1768 г. производились пристрастные допросы въ Яросл. провинц. канцеляріи „женкамъ“, обвиненнымъ въ любодѣйствѣ съ духовными лицами (при чемъ эти послѣднія ограждались отъ такихъ допросовъ и тѣлесныхъ наказаній въ силу указа 1767 г.), а также крестьянину, обвинявшемуся въ отравленіи жены по-

Какъ извѣстно, Екатерина принимала весьма близкое участіе въ судьбѣ несчастныхъ семействъ—Каласа и Сирвена, ставшихъ жертвами фанатизма и невѣжества тогдашняго французскаго суда, а Вольтеръ считалъ болѣе важнымъ для своего дѣла, чѣмъ даже самая матеріальная помощь, оказанная ею въ настоящемъ случаѣ,—разрѣшеніе императрицы—„помѣстить ея имя во главѣ тѣхъ, которые помогаютъ ему раздавить фанатизмъ и сдѣлать людей болѣе снисходительными и человѣчными“ [1]). Въ свою очередь, знаменитое сочиненіе Беккаріи. „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“, 1764 г. (1-е изданіе безъ имени автора), также вызвано было процессомъ Каласа и всецѣло направлено противъ пытокъ и смертной казни. Во Франціи сочиненіе это подверглось запрещенію, какъ неуважающее законодательства [2]), но Екатерина II, вскорѣ по выходѣ его въ свѣтъ, познакомилась съ нимъ [3]), а въ на-

---

мѣщика и т. п. „Конечно, пытки Екатерининскаго времени были, сравнительно съ прежними легки. Заплечный мастеръ работалъ однѣми плетьми, не употребляя другихъ орудій казни“ (Разсказы объ яросл. старинѣ, Л. Трефолева, Р. Арх. 1876, III, 317—328). Ср. дѣло о пыткѣ въ Воронеж. губ. канцел. мнимой волшебницы, 1772 г. (Ист. Вѣстн. 1882, VIII, 693—695). Въ Екатерининской коммиссіи нѣкоторые дворяне настаивали на введеніе *для воровъ и разбойниковъ* пытокъ, а суздальское дворянство жаловалось на уничтоженіе смертной казни и ограниченіе пытки, послѣдствіемъ чего, по его мнѣнію, было увеличеніе разбоевъ, убійствъ и грабежей (Рус. Вѣстн. 1861, окт. Матер. для ист. Екатерин. ком., С. М. Соловьева, 335—339). Однако рядомъ съ этимъ дѣлались заявленія, „чтобы дворянина никогда не пытать“, въ силу его преимущественнаго положенія (Сборн. Рус. ист. общ. IV, 148, 462 и др.). О тогдашнихъ нравахъ самаго дворянства, его жестокихъ расправахъ въ деревняхъ и примѣненіи пытокъ относительно крѣпостныхъ крестьянъ см. статью А. Н. Корсакова: „Дѣла давно минувшихъ дней“, 1767—1777 гг. (по генералъ-прокур. дѣламъ, хранящ. въ Моск. арх. мин. юстиціи. Ист. Вѣстн. 1888, XXXIV, 176—201).

[1]) Сборн. Р. И. об., т. X, 93—96. Уже въ 1788 г. была напечатана „Исторія сокращенная о смерти Жана Каласа и о Каласахъ вообще, съ пріобщеніемъ къ тому разныхъ писемъ, представленій и прочаго изъ твореній г. Вольтера, перев. съ франц.“ (Спб. при Импер. Акад. Наукъ, перев. Еф. Рознотовскій). Здѣсь же сообщаются свѣдѣнія о дѣлѣ Сирвена и объ отношеніи къ обоимъ процессамъ имп. Екатерины II (179 стр.).

[2]) Сборн. Рус. ист. общ., X, 184.

[3]) Екатерина II безъ сомнѣнія читала это соч. во франц. переводѣ аб. Морелле 1766 г., который выдержалъ, въ теченіе одного года, 7 изданій.

Въ 1769 г. Ѳ. Г. Каринъ, извѣстный въ свое время писатель, издалъ, на основаніи идей Беккаріи, „Разсужденіе о добродѣтеляхъ и награжденіяхъ, служащее послѣдованіемъ разсужденія о преступлен. и наказан., перев. съ франц. яз.“ (12+34 стр., Спб.) и посвятилъ свой трудъ маршалу Екатер. ком. А. И. Бибикову. Переводъ соч. Беккаріи былъ изданъ Д. Языковымъ въ 1803 г. и А. Хрущовымъ въ 1806 г. (Губерти, Хронол. обозр. замѣч. рус. книгъ XVIII стол. I, 242); о Ѳ. Г. Каринѣ ст. М. Н. Лонгинова (Рус. Стар.

чалѣ 1767 г. приглашала автора его въ Россію, имѣя въ виду поручить ему разработку той части законодательства, которую онъ выбралъ въ своей книгѣ, и соглашалась подчинить его въ этомъ отношеніи лишь непосредственно своей власти [1]). Приглашеніе это совпадаетъ какъ разъ съ ея работами по Наказу, который въ вопросѣ о пыткѣ вполнѣ слѣдуетъ воззрѣніямъ того же Беккаріи [2]). Одновременно же съ тѣмъ проф. естественнаго и народнаго права въ Московскомъ унив. К. Г. Лангеръ, ученикъ Геттингенскаго и Іенскаго университетовъ, въ своей рѣчи, произнесенной въ день восшествія на престолъ Екатерины (28 іюня 1767 г.) и озаглавленной „О происхожденіи и свойствѣ вышняго криминальнаго суда, и что употребленіе онаго разсуждать надлежитъ по различному состоянію гражданствъ и по намѣренію, которое въ наказаніи людей имѣть должно", очевидно, подъ вліяніемъ означенныхъ работъ, заявлялъ: „Коль много обязано человѣчество и правосудіе государынѣ, которая, уничтоживъ предразсудки и злоупотребленія, каковымъ подвержена бо́льшая часть криминальныхъ законовъ, основываетъ его (правосудіе) не на застарѣлыхъ мнѣніяхъ, не на порядкахъ, древностію введенныхъ, *а на здравомъ разумѣ и пользѣ управляемаго общества*". Въ заключеніе ораторъ открыто нападаетъ на пытки и снова хвалитъ милосердіе императрицы [3]).

Свои воззрѣнія на пытку Екатерина изложила въ X-й главѣ

1870 г., II, 75—76). Каринъ пользовался въ Москвѣ репутаціею отчаяннаго „вольтеріанца". Есть три новѣйшихъ перевода соч. Беккаріи: Ив. Соболева. Радомъ 1878 г.; С. Заруднаго. Спб. 1879; С. Бѣликова, Харьк. 1889 г. Послѣдніе два подробно касаются отношенія его къ Наказу и русскому законодательству.

[1]) Сборн. Р. И. об., X, стр. 183—185 (переписка о приглашеніи Беккаріи). Беккарія готовъ былъ принять выгодныя предложенія императрицы, но потомъ отказался, по причинѣ слишкомъ большой привязанности къ родинѣ. Нѣсколько позже (1771 г.) принятъ былъ въ русскую службу нѣм. юристъ, Францъ Бёмеръ, которому поручено было заняться сочиненіемъ по уголовному судопроизводству (Сборн., т. XIII, 81, 385); ср. Рус. Стар., т. XVII, стр. 17.

[2]) Самая обширная глава „Наказа" X-я (107 статей): „О обрядѣ криминальнаго суда" составляетъ собственно переводъ изъ соч. Беккаріи, сдѣланный по приказанію императрицы Григ. Вас. Козицкимъ, какъ видно изъ собственноручной отмѣтки ея на рукоп. Наказа, хран. въ Сенатѣ, въ залѣ общаго собранія, въ серебр. ковчегѣ (Историч. свѣд. о Екатерин. ком., Д. Полѣнова. Сборн. Р. И. об., IV, стр. 40—42).

[3]) Біографич. словарь профес. Москов. универс., I, 448—449. Это было время господства пытки въ большей части Европы; въ Ганноверѣ она даже была возстановлена послѣ Наполеона (Шлоссеръ, Ист. XVIII стол., IV, 74, 359; VIII, 315, 428).

„Наказа"; а когда эти мнѣнія встрѣтили нѣкоторыя возраженія и даже рѣзкія замѣчанія, то она отвѣчала: „О семъ слышать не можно, и казусъ не казусъ, гдѣ *человѣчество страждетъ*" [1]). Другой не менѣе важный принципъ, высказанный тамъ же Екатериною, согласно съ Беккаріей,—слѣдующій: „Человѣка не можно почитать виновнымъ *прежде* приговора судейскаго и законы не могутъ его лишать защиты своей *прежде* нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные". И нѣсколько позже (1772 г.), по поводу ареста Ѳедора Сукина, вслѣдствіе оговора его Сергѣемъ Пушкинымъ, по дѣлу о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, она писала: „По случаю письма кн. Волконского (нач. Москвы) не могу оставить безъ примѣчанія, что желательно, чтобъ впредь поступлено было съ большею осторожностію въ разсужденіи особенной безопасности. Ѳедоръ Сукинъ теперь арестованъ, по показанію на него Сергѣя Пушкина. Ему Сукину не сдѣлано, по призыву его въ Московскій сенатъ, никакого допроса, слѣдовательно онъ сталъ арестованъ, не знавъ причины его ареста, какъ то изъ вышеписаннаго письма видно. Приличнѣе впредь будетъ Сенату въ случаяхъ подобныхъ, по призыву допросить, а потомъ, если дѣло того требуетъ, арестъ слѣдовать можетъ тутъ, гдѣ оный правительствомъ за законный почтенъ будетъ; теперь же арестъ Сукина *видъ имѣть можетъ насилія, въ чемъ шлюсь на правила большаго Наказа X главы*" [2]).

Точно также, въ важныхъ вопросахъ своей законодательной дѣятельности, Екатерина любила обращаться къ Блакстону [3]), и въ бумагахъ Храповицкаго, поступившихъ отъ Н. В. Сушкова въ Московскій публ. музей, находимъ собственноручныя выписки ея изъ Блакстона, подъ заглавіемъ: „*Habeas corpus*", очевидно предназначавшіяся для новыхъ узаконеній и относящіяся уже къ 1790 г. [4]).

[1]) Сборн. Р. И. об., т. X, 75—87. Въ Наказѣ Екатерина замѣчаетъ: „Пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силу и крѣпость свои уповающаго",—почти дословно слѣдуя Беккаріи.

[2]) Объ этомъ дѣлѣ Сборн. Р. И. об., т. XIII, стр. 222, 228—229; XVIII вѣкъ, сборн. П. И. Бартенева, I, 69—76, 390—395. Подобнаго же характера дѣло капитана Голохвастова, 1774 г., возбужденное противъ новгор. губ. Я. Сиверса и также рѣшенное въ пользу потерпѣвшаго (Сборн. Рус. ист. об., II, 419—22), не смотря на то уваженіе, какимъ пользовался Сиверсъ у императрицы.

[3]) См. нашу статью: Сенатъ въ цар. Екатерины II, (Рус. Арх. 1888 г., № 1).

[4]) Бумаги Н. В. Сушкова въ Моск. публ. музеѣ, А. Викторова, оттискъ изъ Моск. Вѣд. 1872, стр. 9 и 19. „Habeas corpus act", который англичане называютъ своею *вто-*

Впослѣдствіи Екатерина признавала, что Наказъ ея „ввелъ единство въ правила и разсужденія; по крайней мѣрѣ стали знать *волю законодавца и по оной поступать*“; а Бибиковъ въ своей рѣчи, при закрытіи общей коммиссіи, предлагалъ членамъ дѣйствовать въ духѣ того же „Наказа“ и распространять въ обществѣ его человѣколюбивыя начала[1]). Есть также указаніе, что по настоянію извѣстнаго Сиверса, близкаго въ то время къ законодательнымъ работамъ Екатерины и пріѣзжавшаго въ Москву во время дѣйствій коммиссіи, была разослана тайная инструкція губернаторамъ, въ которой предписывалось, чтобъ въ уголовныхъ дѣлахъ, требующихъ *пытки*, сообразоваться съ X-й главой Наказа, и Сиверсъ, въ присутствіи котораго была написана Екатериною эта инструкція, на колѣняхъ принялъ ее изъ рукъ императрицы. Но, узнавъ объ этомъ, нѣкоторые сенаторы и придворные замѣтили, что теперь никто, ложась спать, не можетъ до утра ручаться за свою жизнь. Не смотря, однако, на свой секретъ, инструкція скоро стала извѣстною и вызвала общую радость[2]).

Независимо отъ того правительство считало необходимымъ постоянно напоминать подчиненнымъ властямъ о нечиненіи пытокъ. Такъ, поручая въ 1772 г. полк. Волкову произвести въ Орловскомъ уѣздѣ слѣдствіе по дѣлу о скопцахъ, императрица требовала, чтобы при изысканіи правды поступлено было „безъ всякаго истязанія“[3]). По причинѣ неправильнаго примѣненія пытки за поджогъ Луганской станицы (жженіе огнемъ), Сенатъ въ 1774 г. совсѣмъ освободилъ виновныхъ отъ наказанія кнутомъ[4]). Сама Екатерина II, обыкновенно столь чуткая къ общественному мнѣнію Западной Европы, по поводу пугачевскаго бунта, особенно опасалась того, что „послѣдняя

рою Великою Хартіею, былъ утвержденъ въ 1679, въ деспотическое правленіе Карла II, въ интересахъ огражденія личности гражданъ отъ судебнаго и административнаго произвола. Онъ прямо относится къ тому предмету, о которомъ говоритъ выше Екатерина.

[1]) Записки Бибикова, 63. Необходимо замѣтить, что черезъ „Наказъ“ идеи Беккаріи перешли потомъ и въ Сводъ Законовъ.

[2]) Blum, Ein russischer Staatsmann. Des Grafen J. J. Sievers Denkwürdigkeiten z. Gesch. Russlands. I, 261—262.

Чтеніе „Наказа“ было обязательно для членовъ суда по субботамъ, однако не разрѣшалось нижнимъ канцел. служителямъ, а также воспрещалось выдавать его постороннимъ лицамъ (П. Собр. Законовъ, №№ 12977 и 13107).

[3]) Соловьевъ, XXIX, 130—131.

[4]) Ibid., 118.

причтетъ насъ ко времени царя Ивана Васильевича“ [1]). Поэтому, назначая (29 іюля 1774 г.) гр. П. И. Панина начальникомъ войскъ для подавленія бунта, она дважды напоминала ему, „чтобы суровая казнь нигдѣ мѣста не имѣла, а прочія нигдѣ, кромѣ крайности, употреблены не были“, и она удерживала его отъ напрасной жестокости, а потомъ ограничила и самыя полномочія его указомъ 1754 г. [2]). Она запретила употреблять пристрастные допросы [3]); но, когда Пугачевъ долго не хотѣлъ давать отвѣтовъ, то С. П. Потемкинъ потребовалъ его къ себѣ и пригрозилъ, что вынудитъ у него показанія силою [4]); а самъ Потемкинъ въ докладѣ императрицѣ говоритъ даже, что для того, чтобы открыть тайну, „учинено было ему малое наказаніе, и по доводамъ тѣмъ убѣждаемъ былъ злодѣй и открылся противъ вопросительныхъ пунктовъ“ [5]).

Въ Малороссіи, какъ видно изъ распоряженія гр. П. А. Румянцева, въ случаѣ запирательства виновныхъ, при допросахъ ихъ подвергали наказанію „батожьемъ“ [6]).

По поводу означенныхъ неоднократныхъ напоминаній и подтвержденій, можно заключать, что секретная инструкція, данная губернаторамъ, нерѣдко нарушалась мѣстною администраціею. Вслѣдствіе этого

---

[1]) Записки Бибикова, 115—116 (письмо къ Я. Е. Сиверсу). Въ то же время (1774) она писала А. И. Бибикову: „Пожалуй, прикажите секретной комиссіи осторожной быть въ разборѣ и наказаніи людей: при распросахъ какая нужда сѣчь? *Двѣнадцать лѣтъ* тайная экспедиція (это указываетъ и на время возникновенія послѣдней) ни одного человѣка при допросахъ не сѣкла ничѣмъ, а всякое дѣло на чисто разобрано было и всегда болѣе выходило, нежели мы желали знать“ (Сборн. Рус. ист. общ., XIII, 396).

Повидимому Екатерина имѣла основаніе опасаться за общественное мнѣніе Европы. Такъ, при усмиреніи бунта яицкихъ казаковъ ген. Фрейманомъ въ 1772 г., слѣдств. коммиссія въ Оренбургѣ производила свои допросы *съ пристрастіемъ*, и около 130 чел. умерщвлены были среди страшныхъ *пытокъ* (Яицков. войско, В. Н. Витевскаго, Рус. Арх. 1879, III, 455).

[2]) Сборн. Рус. ист. общ., т. VI, 120, 129, 180—184.

[3]) XVIII вѣкъ, изд. П. И. Бартеневымъ, I, 129.

[4]) Записки Рунича, 151, 174 (Рус. Стар. 1870, сс. 352 и 372).

[5]) Чтен. Моск. общ. ист. 1858, II (допросы Пугачева, стр. 39).

Точно также по дѣлу самозванца Іова Мосякина (въ окт. 1774 г.), узнавъ о назначенной ему жестокой казни гр. П. И. Панинымъ, Екатерина повелѣла отмѣнить и вмѣсто нея, буде онъ убивства производилъ, то его повѣсить просто, *не дѣлая ему никакихъ мученій*, если же онъ убивства не дѣлалъ, то сѣчь кнутомъ и т. д. (Воронеж. Бесѣда на 1861 г., стр. 13).

[6]) Кіев. Стар. 1884, IX, 354.

въ 1774 г. послѣдовало уже высочайшее повелѣніе во всѣ присутственныя мѣста *о нечиненіи пытокъ* вообще, хотя также *секретнаго* характера. Вотъ что писалъ архангельскій губернаторъ соловецкому архимандриту:

„Въ 15 день сего мѣсяца удостоился я получить *въ секретномъ предложеніи* отъ его сіятельства, г-на д. т. с. генералъ-прокурора и разныхъ орденовъ ковалера кн. Александра Вяземскато *имянное ея и. в. высочайшее повелѣніе* о недѣланіи присутственнымъ мѣстамъ *ни по какимъ дѣламъ, ни подъ какимъ видомъ, никому, никакихъ при допросахъ тѣлесныхъ истязаній для познанія о дѣйствіяхъ истины.* И во исполненіе сего всевысочайшаго повелѣнія, предписавъ *во всѣ вѣдомства моего присутственныя мѣста*, за должное нашелъ, въ разсужденіе *могущихъ иногда быть и въ Соловецкомъ монастырѣ такихъ дѣлъ*, сообщить о томъ вашему в. преподобію, *прося содержать оное въ глубочайшемъ секретѣ*. Ноября 15 дня 1774 г.“.

Актъ этотъ, недавно извлеченный изъ дѣлъ Соловецкаго архива, разработанныхъ въ цѣломъ рядѣ статей М. А. Колчинымъ [1]), имѣетъ несомнѣнную важность, такъ какъ въ послѣдующихъ случаяхъ, касавшихся неправильнаго примѣненія пытки, правительство строго держалось изложенныхъ въ немъ основаній. Подробные мотивы по этому предмету были выражены въ цѣломъ рядѣ указовъ Екатерины II и предложеній ген. прокурора кн. Вяземскаго къ воронеж. губерн. И. А. Потапову, извлеченныхъ изъ архива Воронежскаго губернскаго правленія и касающихъ различныхъ дѣлъ, производившихся въ 1778 году, о неправильномъ употребленіи въ которыхъ пытки стало извѣстно высшему правительству. Такъ, 1) губерн. Потапову данъ былъ выговоръ указомъ императрицы по дѣлу объ убійствѣ крестьянъ ген. поруч. Суворова крестьянами прапор. Евлакова, по наущенію послѣдняго, при чемъ губернаторъ предписалъ учинить убійцамъ пытку для отысканія денегъ (500 р.) и паспортовъ умерщвленныхъ „Мы не могли найти тутъ, писала Екатерина, тѣхъ причинъ, которыя вамъ малѣйшій къ тому поводъ дать могли, тѣмъ

---

[1]) Ссыльные и заточенные въ острогѣ Соловецк. мон. XVI—XIX в. Истор. очеркъ по дѣламъ Соловецкаго архива (Рус. Стар 1887, т. LVI, 338).

болѣе, что главное преступленіе, т. е. убійство, и безъ сего *мучительнаго и невѣрнаго средства*, обличено было; производить же оную для отысканія денегъ и паспортовъ умерщвленныхъ какъ можно было, когда *всѣ* о пыткахъ резолюціи губернаторомъ *точно* предписано, *основывать на X главѣ Наказа*, даннаго отъ насъ коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. Слѣдуя *прямому сея главы разуму*, ежели не доставало только признанія.... то для чего не обвинить ихъ по законамъ и какая настояла нужда извлекать изъ нихъ признаніе *образомъ безчеловѣчнымъ*"? и т. д. По этому поводу императрица потребовала отъ губернатора немедленнаго объясненія причинъ, вызвавшихъ его распоряженіе. Съ своей стороны, Сенатъ пытку вмѣнилъ виновнымъ въ наказаніе, а, по полученіи объясненія отъ губернатора, выразился отдѣльно, что „поступка губернатора въ данномъ случаѣ онъ апробовать не только не можетъ, но тѣмъ паче примѣчаетъ, что въ подобныхъ сему дѣлахъ не только пытка къ открытію истины, сколько *благоразумное* по окрестностямъ въ дѣлѣ испытаніе нужны.... и для того *впредь* въ таковыхъ дѣлахъ, въ коихъ до кровопролитія доходить будетъ, поступить вамъ съ крайнею осторожностью, слѣдуя изданнымъ уже на то *высоч. повелѣніямъ*". 2) Въ томъ же 1778 г., „по дошедшимъ до правительства свѣдѣніямъ, на основаніи дѣлъ, въ тайной канцеляріи производимыхъ, оказалось, что нѣкоторыя губернскія канцеляріи и подчиненныя имъ правительства, для познанія по показаніямъ преступниковъ истины, распрашиваютъ не только самихъ преступниковъ, но и оговариваемыхъ ими *подъ плетьми; а какъ пытки съ таковыми пристрастными распросами не разнствуютъ въ мученіяхъ человѣческаго тѣла*, то по сему самому, писалъ ген. прокур. кн. Вяземскій тому же воронеж. губернатору, *отрѣшеніемъ пытокъ отрѣшились вовсе и бываемые прежде всякаго рода пристрастные распросы*, отъ которыхъ преступники, во избавленіе себя, скрываютъ только настоящія дѣлъ своихъ происшествія, или и самыя свои преступленія извиняютъ выдуманными ложно какими-нибудь обстоятельствами". Поэтому ген. прокур. отъ имени императрицы предписывалъ губернатору отписать во всѣ присутственныя мѣста, чтобы, согласно съ указомъ *11 ноября 1767 г.* ни подъ какимъ видомъ при допросахъ *никакихъ тѣлесныхъ наказаній никому дѣлано не было*—и чтобы для изысканія истины поступлено было *по правиламъ X-ой главы коммисскаго Наказа.*

Наконецъ 3), въ томъ же году и въ той же Воронежской губерніи, по высочайшему повелѣнію, сообщенному ген. прокуроромъ Потапову, экономическій крестьянинъ Ефимъ Титовъ, принадлежавшій къ расколу и подвергшійся за дерзости при слѣдствіи, по распоряженію губернатора, наказанію плетьми, былъ освобожденъ отъ дальнѣйшаго взысканія, вмѣстѣ съ другими, прикосновенными къ этому дѣлу лицами. Сообщая объ этомъ, кн. Вяземскій писалъ Потапову, что императрица дала *примѣтить*, что вы наказаніе оное Титову, во время произведенія слѣдствія, дѣлать приказали отнюдь *не согласно съ человѣколюбіемъ* и соизволеніемъ Ея И. Вел., ибо человѣкъ, о которомъ еще производилось слѣдствіе, *никакъ прежде рѣшенія дѣла наказыванъ быть не можетъ*, да и самое сіе доказано, что чинимое оному Титову при слѣдствіи наказаніе, или прямо сказать несходственное *съ разумомъ и съ человѣчествомъ слово: пристрастный распросъ*, не привело его ни до познанія, ниже до раскаянія, а только вышло то, что онъ по маломыслію своему, сдѣлалъ въ себѣ заключеніе такое, что онъ будетъ мучиться за Христа, чего ради рекомендовать вашему прев., дабы вы впредь отъ такихъ не только не нужныхъ, но *и совсѣмъ не согласныхъ съ правосудіемъ* Е. И. В. наказаній *конечно удержалися*, потому наипаче, что такія, по слабости разума человѣческаго, прегрѣшенія должны быть исправляемы по слову апост. Павла *духомъ кротости, а не тѣлеснымъ наказаніемъ*“ [1]).

Можно полагать, что не въ одной Воронежской губерніи случались подобныя отступленія [2]), вызывавшія замѣчанія и выговоры мѣстной администраціи за отступленія отъ закона, на общее значеніе и обязательность котораго постоянно указывала правительственная власть, вмѣнявшая при этомъ обыкновенно самое производство пытки въ наказаніе потерпѣвшему. Но еще чаще подобныя нарушенія бывали въ военномъ вѣдомствѣ, которое привыкло руководствоваться спеціальными положеніями. Въ этомъ отношеніи

---

[1]) Воронеж. Бесѣда на 1861 г., отд. II, стр. 29—34. Ср. распоряженіе гр. П. А. Румянцова о запрещеніи особаго вида пытки, сохранявшагося еще въ Малороссіи—привязывать убійцу къ трупу убитаго—этого остатка древняго судебно-уголовнаго обычая (см. Кіев. Стар. 1884, т. VIII, стр. 20—21).

[2]) Ср. напр. дѣла, производившіяся въ Керенскомъ уѣздѣ, въ 1772 г. (Труды Тамб. учен. арх. ком. Общее собр. 1886, 22 апр., стр. 52—54).

рельефный примѣръ представляетъ слѣдующій докладъ императрицѣ ген. прок. кн. Вяземскаго, также относящійся къ 1778 году. Послѣдній писалъ:

„Царицынскаго 2-го баталіона солдатъ Яковъ Дмитріевъ, пьяный, въ банѣ болталъ своимъ товарищамъ слѣдующее: въ крымскихъ степяхъ находится съ арміею бывшій третій императоръ Петръ Ѳедоровичъ, который прежде сего содержался въ Царицынѣ подъ карауломъ, откуда и выкраденъ донскими казаками; при немъ предводительствуетъ тою арміею Желѣзный Лобъ, противъ котораго уже и сраженіе съ нашей стороны было, гдѣ и побито двѣ дивизіи, и мы его какъ отца ожидаемъ; а на границѣ стоитъ съ войскомъ П. А. Румянцовъ и противъ него не обороняетъ, а сказываетъ, что онъ ни съ которой стороны защищать не хочетъ". Солдату Дмитріеву, какъ видно, былъ сдѣланъ *пристрастный допросъ, собственно не пытка, а битье батогами;* онъ сознался, что говорилъ и слышалъ все сказанное на улицѣ отъ неизвѣстныхъ людей.

Императрица утвердила докладъ генер. прокурора, въ которомъ выражено, что „всѣ слова говорены были Дмитріевымъ по самому его невѣжеству, купно и въ пьянствѣ, и самыя говоренныя имъ слова, какъ они суть пустыя и вымышленныя, достойны совершенного презрѣнія: за таковое произнесенное имъ вранье вмѣнить ему въ наказаніе произведенное ему при слѣдствіи *битье батогами,* изъ-подъ караула освободить и принять на службу по прежнему" [1]).

Въ военномъ вѣдомствѣ прежній порядокъ продолжалъ однако господствовать вплоть до 1782 г., къ которому относится слѣдующій любопытный актъ, отмѣняющій дѣйствовавшій въ военныхъ частяхъ порядокъ розыска, а вмѣстѣ съ тѣмъ излагающій и весь ходъ дѣла по вопросу объ отмѣнѣ пытки въ царствованіе Екатерины II.

Указъ нашей военной коллегіи:

„Въ 1763 годѣ, янв. 15 дня, запретили мы производить въ уѣздныхъ городахъ положенныя по законамъ пытки, оставя оныя въ однихъ губернскихъ и провинціальныхъ канцеляріяхъ. А въ 1767 годѣ, ноября 13 дня, указали мы послать *изъ Сената секретныя по-*

---

[1]) Рус. Арх. 1878 г. II, 472. Замѣчательно также, когда полк. Лялинъ доносилъ Сенату о запирательствѣ крестьянъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности, то спрашивалъ: какъ съ такими поступать—*пытать ихъ или пристращивать батогами* (Соловьевъ, XXIII, 213).

велѣнія въ губернскія и провинц. канцеляріи, чтобъ въ случаяхъ, гдѣ законами предписано, по дѣламъ производить пытки, чтобы не производя оныхъ, докладывалися губернатору, и ожидали отъ него приказаній, губернаторамъ же отъ Сената повелѣли, *послать при томъ указъ по одному экземпляру Наказа, даннаго коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, съ тѣмъ,* чтобы они губернаторы впредь до указа въ дѣлахъ, доходящихъ до пытки, основывали свои резолюціи о изысканіи доказательства и облики на правилахъ X главы вышепомянутаго *Наказа.* Наконецъ, въ 1774 годѣ ноября 8, повелѣли мы нашему ген. прокурору *писать ко всѣмъ губернаторамъ, что не взирая на вышеизображенные указы,* данные отъ насъ на случай пытокъ и изысканія доказательства и облики, *по дѣламъ въ тайной экспедиціи производимымъ, открылось,* что нѣкоторыя губернскія канцеляріи и подчиненныя имъ правительства для познанія по показаніямъ преступившихъ о дѣйствіяхъ ихъ истины, распрашивали не только самыхъ преступниковъ, но и оговариваемыхъ ими подъ плетьми. *А какъ пытки съ таковыми пристрастными распросами не разнствуютъ,* то повелѣли мы, *чтобъ ни подъ какимъ видомъ при допросахъ никакихъ тѣлесныхъ истязаній никому дѣлано не было, но въ изысканіи истины и облики поступано было какъ въ помянутомъ нашемъ указѣ сказано, по правиламъ X главы коммисскаго Наказа.* А какъ дошло нынѣ до нашего свѣдѣнія, *что производимые воинскіе суды въ производствѣ дѣлъ употребляютъ и понынѣ пристрастные распросы; то въ совершенное прекращеніе таковыхъ, не сходствующихъ ни мало съ человѣколюбіемъ нашимъ средствъ,* повелѣваемъ нашей военной коллегіи, *сообразуясь всѣмъ вышеписаннымъ на сей случай правиламъ, предписать секретно по всѣмъ командующимъ дивизіями и особыми корпусами* къ единственному ихъ свѣдѣнію, *чтобъ основывались они однообразно на помянутыхъ правилахъ, строжайше наблюдая оное при всѣхъ учреждаемыхъ подъ ихъ начальствомъ военныхъ судахъ,* чтобъ въ такихъ случаяхъ, когда подсудимые въ кригсректахъ по законамъ доходить будутъ до пристрастныхъ распросовъ; то *не производя имъ оныхъ,* представлять о томъ прежде командующимъ, яко то въ дивизіяхъ дивизіоннымъ, въ корпусахъ корпуснымъ, а въ гарнизонахъ и во всѣхъ отряженныхъ отъ дивизіи полкахъ и командахъ, ближнимъ отъ того мѣста генералъ-губернаторамъ, или въ небытность оныхъ отправляющимъ ихъ должности,

и ожидать отъ нихъ на то повелѣній. *Повелѣнія же командующіе не инако дать имѣютъ, какъ точно основываясь на правилахъ X главы вышепомянутаго Наказа*". Екатерина. Въ С.-Петербургѣ. Генваря въ 1 день 1782 года [1]).

Въ такъ называемыхъ дѣлахъ по оскорбленію величества рѣшенія импер. Екатерины II поражаютъ своимъ контрастомъ съ рѣшеніями всѣхъ предыдущихъ дѣлъ, возникавшихъ въ печальное время существованія Преображенскаго приказа и Тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи: допросы производились обыкновенно безъ пытокъ; иногда виновныхъ, вмѣсто прежней пытки и ударовъ плетью, сажали дня на два „безъ пищи и питья", а по докладѣ императрицѣ, слѣдовала такая резолюція: „вмѣнить имъ двухдневное сидѣнье безъ пищи и питія въ наказаніе—и отпустить на свободу" [2]).

Любопытно также смягчающее отношеніе императрицы и въ другихъ дѣлахъ, требовавшихъ примѣненія жестокихъ наказаній [3]). Извѣстно однако, что въ вѣдѣніи генералъ-прокурора находилась тогда Тайная экспедиція, а вѣрнымъ исполнителемъ его распоряженій по этой части былъ знаменитый С. И. Шешковскій [4]), обычнымъ

---

[1]) Въ П. С. Зак. напеч. указъ Адмир. коллегіи (1 янв. 1782 г.) о нечиненіи подсудимымъ при допросахъ тѣлесныхъ наказаній, съ прилож. именнаго указа, даннаго по сему предмету Военной коллегіи (№ 15313). А. Л. Зиссерманъ помѣстилъ его однако, какъ *непечатный*, въ числѣ документовъ, извлеченныхъ изъ арх. Воен. министер. (Историч. зам. въ Рус. Вѣстн. 1877, № 12, с. 663—670). Наши комментаторы Беккаріи не обращаютъ должнаго вниманія на приведенныя выше данныя (ср. Зарудный: Беккарія, с. 165).

[2]) Старинныя дѣла объ оскорбленіи велич. 1701—1797, А. В. Арсеньева (Историч. Вѣстн. 1881, т. IV, 580—601, 822—838).

Въ 1745 г. сержантъ Ярославовъ (19 лѣтъ) за непристойныя рѣчи о правительствѣ, хотя *въ пьяномъ видѣ*, подвергался пыткамъ, а въ 1778 г. отставн. поруч. Мневскій, привлеченный къ слѣдствію за рѣчь, составленную отъ имени Павла Петровича противъ „правителей", былъ освобожденъ отъ всякаго наказанія (Историч. Вѣстн. 1882, т. VII, стр. 515—517, 531—533). Точно также въ 1792 г. пьяный пророкъ, забравшійся во дворецъ вел. князя Павла Петровича и препровожденный въ тайн. канцелярію, былъ отправленъ на родину съ оговоркою, чтобы изъ Тверской губ. его никуда не отпускать (Ист. Вѣст., т. VIII, 499—501).

[3]) См. ея резолюціи на всеподдан. доклады Сената 1767 – 77 гг. (Ист. Вѣстн. 1888, т. XXXIII, стр. 177—201).

[4]) Имя его встрѣчается уже при слѣдствіи по дѣламъ Арсенія Мацѣевича (Ист. Вѣстн. 1885, т. XXII, стр. 670) и Мировича (Рус. Стар. 1879, т. XXV, стр. 301). Въ 1750-хъ гг. онъ служилъ подъ начальствомъ извѣстнаго гр. А. П. Шувалова, въ званіи канцеляриста тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцеляріи (Монаст. колодники прошлаго столѣтія въ

способомъ дознанія котораго служило—*сѣченіе*. Благодаря этому обстоятельству, сложился слѣдующій разсказъ. Говорятъ, Потемкинъ, встрѣтивъ однажды Шешковскаго, спросилъ его: „каково кнутобойничаешь, Степанъ Ивановичъ"?—„Помаленьку, помаленьку", отвѣчалъ онъ [1]). Къ нему-то и относится извѣстный разсказъ о таинственномъ креслѣ, въ которомъ производилась эта расправа [2]). Объ этомъ способѣ, раскрытія истины есть указанія и въ оффиціальныхъ данныхъ (напр. въ докладѣ императрицѣ о Невзоровѣ [3]). Слухи объ этихъ пріемахъ безъ сомнѣнія ходили въ обществѣ—и вотъ, когда возникло въ Московскомъ университетѣ дѣло горячаго послѣдователя Канта, проф. Мельмана (1795 г.), котораго допрашивали о его мнѣніяхъ и въ Тайной экспедиціи, то онъ писалъ: „Просьба моя, чтобы *не шутили и не*

Твер. епархіи по арх. докум. Твер. дух. консист., П. П. Соколова, изд. Архив. ком. Тверь, 1883, стр. 27—30). По вступленіи своемъ на престолъ, Екатерина II, именнымъ указомъ 19 окт. 1762 г., подтвердила повелѣніе Петра III объ отмѣнѣ тайной канцеляріи, но вслѣдъ за тѣмъ, *безъ всякаго указа*, при Сенатѣ возникаетъ Тайная экспедиція (Ист. Вѣст. ibid. 668). Любопытно, что, вскорѣ по вступленіи на престолъ импер. Павла I (21 ноября 1796 г.), назначенъ былъ состоять при Сенатѣ докторъ Сутгофъ „и особливо при тайной экспедиціи, *который по существу ея оной надобенъ*" (ibid. 679; ср. П. С. Зак., № 17514).

[1]) О Шешковскомъ см. статьи: П. А. Ефремова (Рус. Стар. 1870, II, 637—639); Н. В. Калачова (Рус. Арх. 1866, 263); А. Н. Корсакова, по докум. Моск. арх. мин. юст. (Ист. Вѣстн. 1885, т. XXII, 656—687); ср. Библ. Зап. 1858, I, 734—735. Въ это время Шешковскому передавались на предварительное разсмотрѣніе: интимная переписка заподозрѣнныхъ лицъ, производство по злоупотребленіямъ лицъ административныхъ и служащихъ (какъ дѣло иркут. ген.-губ. Якобія, секр. иностр. кол. Вальца, уличеннаго въ сношеніяхъ съ иностранными министрами), дѣла секретнаго и политическаго характера вообще (масонскія, Новикова, Радищева и т. п.). Письма интимнаго содержанія императрица иногда удерживала у себя, не желая сообщать ихъ Шешковскому, но свои замѣчанія на книгу Радищева она послала ему. По иркутскимъ дѣламъ велѣно было сказать, „чтобы Шешковскій ничего не таилъ отъ Сената". Шешковскій имѣлъ и личные доклады у Екатерины, по важнѣйшимъ дѣламъ (напр. о масонахъ), а иногда вводился въ ея аппартаменты „черезъ заднія двери" (Дневникъ Храповицкаго по изд. Н. П. Барсукова, стр. 51, 55, 63—65, 69, 70, 192, 280, 339, 340, 368, 369, 398, 407, 409, 459—460).

[2]) Рус. Стар., т. X, 781—785.

[3]) Сборн. Р. И. общ., II, стр. 141. Разсказываютъ также, что однажды императрица, узнавъ о легкомысленныхъ вракахъ ген. майорши Кожиной, приказала тому же Шешковскому наказать ее за это, прибавивъ: „она всякое воскресенье бываетъ въ публичномъ маскарадѣ, поѣзжайте *сами* и, взявъ ее оттуда въ тайную экспедицію, слегка *тѣлесно* накажите и обратно туда же доставьте *со всею благопристойностію*" (Рус. Стар. 1872, V, 138). Впрочемъ разсказъ этотъ принадлежитъ къ области анекдотической литературы.

уничижали человѣческой природы и нашего вѣка (напримѣръ, *тѣлесными наказаніями, что было у меня и тогда мыслію*), пусть заступятся за доброе дѣло и *ушлютъ меня, куда хотятъ и смѣютъ*". Онъ былъ признанъ поврежденнымъ въ умѣ и высланъ за р. Мемель, въ Пруссію. Уѣхавъ изъ Россіи въ страшной меланхоліи, Мельманъ вскорѣ умеръ въ Георгенбургѣ, близъ Кёнигсберга [1]).

Тѣмъ не менѣе, отступленія отъ представленныхъ нами выше, повидимому столь категорическихъ, постановленій объ отмѣнѣ пытки, на практикѣ продолжались до начала цар. Александра I, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ указъ 27 сентября 1801 г.

„Съ крайнимъ огорченіемъ, читаемъ въ немъ, дошло до свѣдѣнія моего, что, по случаю частыхъ пожаровъ въ городѣ Казани, взятъ былъ по подозрѣнію въ зажигательствѣ одинъ тамошній гражданинъ подъ стражу, былъ допрошенъ и не сознался, *но пытками и мученіями* исторгнуто у него признаніе и онъ преданъ суду. Въ теченіе суда *вездѣ*, гдѣ было можно, онъ, отрицаясь отъ вынужденнаго признанія, *утверждалъ свою невинность; но жестокость и предубѣжденіе не вняли его гласу—осудили на казнь*. Въ срединѣ казни и даже по совершеніи оной, тогда какъ не имѣлъ уже онъ причинъ искать во лжи спасенія, онъ призвалъ всенародно Бога во свидѣтели своей невинности и въ семъ призываніи *умеръ. Жестокость толь вопіющая, злоупотребленіе власти толь притѣснительное и нарушеніе законовъ* въ предметѣ толико существенномъ и важномъ, заставили меня во всей подробности удостовѣриться на самомъ мѣстѣ сего происшествія въ истинѣ онаго, и на сей конецъ отправилъ я въ Казань флигель-адъютанта моего подполк. Альбедиля, чтобъ съ извѣстнымъ мнѣ его безпристрастіемъ обнаружилъ онъ всѣ дѣла сего обстоятельства.... Донесеніе его, на очевидныхъ обстоятельствахъ основанное, къ истинному сожалѣнію моему, не только утвердило свѣдѣнія, до меня дошедшія, *но и удостовѣрило, что не въ первый разъ допущены тамошнимъ правительствомъ таковыя безчеловѣчныя и противозаконныя мѣры*". И на основаніи того же указа всѣ лица, виновныя въ обнаруженныхъ жестокостяхъ, подлежали отрѣшенію отъ должностей и суду по всей строгости законовъ, а вмѣстѣ съ

---

[1]) Чтен. М. Об. ист. 1863, II, смѣсь, 86—120; Лѣт. рус. литер., V, 44.

тѣмъ выражалась увѣренность, что „Правит. Сенатъ, зная всю важность сего *злоупотребленія и до какой степени оно противно самымъ первымъ основаніямъ правосудія и притѣснительно всѣмъ правамъ гражданскимъ*, не оставитъ при семъ случаѣ сдѣлать *повсемѣстно* по всей Имперіи найстрожайшія подтвержденія, чтобы *нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ высшихъ, ни въ низшихъ правительствахъ и судахъ, никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допущать, ни исполнять никакихъ истязаній, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія;* чтобъ присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставлена ревизія дѣлъ уголовныхъ, *въ основаніе своихъ сужденій и приговоровъ полагали личное обвиняемыхъ передъ судомъ сознаніе*, что въ теченіе слѣдствія не были они подвержены какимъ либо *пристрастнымъ допросамъ*, и чтобъ, наконецъ, *самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству* наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народа“ [1]).

Приведенный актъ со всею очевидностью подтверждаетъ, что примѣненіе пытки признавалось самимъ правительствомъ дѣйствіемъ притѣснительнымъ и противозаконнымъ. Оно признавалось, какъ *отступленіе* отъ закона, и вызвало въ свою очередь актъ, объявлявшій вновь, но уже *всенародно* объ отмѣнѣ пытокъ въ Россіи. Однако и послѣ этого *орудія пытки* продолжали сохраняться, а нерѣдко и примѣняться на дѣлѣ не только въ сельскомъ или помѣщичьемъ быту [2]), но и въ средѣ служилаго класса, а иногда даже въ болѣе видныхъ мѣстахъ, притомъ уже самой администраціей. Такъ, 9 февр. 1827 г. былъ данъ высоч. указъ Сенату, въ которомъ объяснялось, что нѣкто служилый сотникъ Григорій Левицкій сажалъ малороссіянина Климова въ станичной избѣ въ какую-то *неподвижную колоду*, каковой способъ держанія людей указъ признавалъ „за родъ пытки, отъ послѣдствій каковой Климовъ и умеръ“, а потому повелѣно было „всѣ подобныя *орудія истребить повсемѣстно*“ [3]). Въ 1834 г. примѣненіе *жестокой пытки* имѣло мѣсто въ Москвѣ, по поводу поджоговъ и волненія

---

[1]) П. С. Зак., № 20022. Ср. „Какъ поняли указъ объ отмѣнѣ пытокъ въ Балтійскомъ краѣ“, статья Е. Чешихина (Рус. Архивъ 1887, т. III, 449—452).

[2]) Записки Я. М. Невѣрова (Рус. Стар. 1883, т. XL, 438—440); Дѣятельн. Нижегор. ученой арх. ком., XII, 286.

[3]) Рус. Стар. 1883, т. XL, 440, примѣч.

черни, но оно признано было злоупотребленіемъ подчиненныхъ властей[1]). Гораздо рельефнѣе представляется случай, происшедшій въ 1847 г., въ Костромѣ, во время бывшихъ тамъ въ сентябрѣ большихъ пожаровъ. По поводу ихъ кѣмъ-то распространенъ былъ слухъ, будто-бы пожары были слѣдствіемъ заговора поляковъ и произведены находящимися въ томъ краѣ ихъ соотечественниками. Такое мнѣніе, по словамъ оффиціальной записки, стало почти общимъ въ городѣ и преимущественно у нѣкоторыхъ обывателей высшаго сословія, хотя даже въ самомъ началѣ оно не имѣло ни малѣйшихъ основаній. „Первымъ дѣломъ мѣстной власти (такъ гласитъ далѣе оффиціальное объясненіе, помѣщенное въ Костром. Губ. Вѣд. 1847, №№ 44 и 49, по распоряженію костром. воен. губ. кн. А. А. Суворова-Рымникскаго) было—захватить подъ стражу всѣхъ проживающихъ въ Костромѣ уроженцевъ польскихъ и другихъ западныхъ губ. Всѣ они безъ изъятія, обоего пола, были заключены въ городскую тюрьму, а нѣкоторые подъ конвоемъ солдатъ съ обнаженнымъ оружіемъ были еще водимы по городу для показанія народу (въ числѣ ихъ были старшій врачъ городской больницы, 28 лѣтъ, состоявшій на службѣ, и нѣкоторые чиновники). Но этого мало. Взведя слѣпо вину на безвинныхъ, предавъ ихъ позору и строгому тюремному заключенію, начальство города Костромы приступило къ мѣрамъ еще болѣе оскорбляющимъ чувство справедливости: усиливаясь придать винѣ мнимой видъ вины истинной, нѣкоторыхъ изъ числа имѣвшихъ несчастіе не принадлежать къ чисто-русскимъ по происхожденію и неизъятыхъ, по состоянію своему, отъ тѣлеснаго наказанія, оно при допросахъ подвергло жестокимъ истязаніямъ. Такимъ образомъ забытъ завѣтъ, изреченный устами законодателя—монарха почти за полвѣка: „дабы самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной“. Но да не падутъ этотъ стыдъ и эта укоризна на наше время“! Между тѣмъ слѣдствіе обнаружило, что извѣты на обвиняемыхъ были добыты отъ несовершеннолѣтнихъ и незаслуживающихъ довѣрія лицъ, а нѣкоторыя показанія даже чрезъ пристрастіе при допросахъ бывшимъ *начальникомъ губерніи*. Поэтому, по высоч. пове-

[1]) Рус. Старина 1889, т. LXIII, стр. 149: допрашиваемаго привязывали внизъ головой и били нагайками, перетягивали руки и вѣшали за веревку на гвоздь и т. п.

лѣнію, всѣ лица, взятыя подъ стражу, были немедленно освобождены, а по полученіи достовѣрнаго свѣдѣнія объ истязаніяхъ, дѣланныхъ при производствѣ бывшимъ начальникомъ губ. допросовъ, его имп. велич., „отозвавъ гражд. губерн. д. с. сов. Григорьева, какъ единственнаго въ томъ виновника, въ С.-Петербургъ, высоч. повелѣть соизволилъ: предать его военному суду при С.-Петерб. ордонансъ-гаузѣ“ [1]). Впрочемъ лѣтопись пристрастныхъ допросовъ прекращается не такъ скоро [2]), не смотря на установленную и обычную форму заявленія со стороны подсудимаго, что пристрастныхъ допросовъ чинимо ему не было [3]).

Наконецъ, заслуживаетъ упоминанія, какъ были приняты подобныя требованія въ Прибалтійскомъ краѣ. Такъ, когда въ 1847 г. Ямбургскій уѣздный судъ потребовалъ къ производящемуся въ немъ частному дѣлу *колодку*, которая употреблялась, какъ *орудіе пытки*, при Малосковицкомъ лютеранскомъ приходѣ, Петерб. губ. Ямб. уѣзда,

---

[1]) Оба объявленія перепечатаны въ Рус. Старинѣ (1879, XXVI, 341—346).

[2]) О позднѣйшихъ случаяхъ пристрастныхъ допросовъ (въ 1860 г.—Побѣдоносцевъ, 283; въ 1879 г.—дѣло о стан. приставѣ Поповѣ въ Ряз. окр. судѣ, Зарудный, 190).

[3]) Дѣло губерн. секрет. Алексѣева, 1844 г. (Труды Рязан. учен. арх. ком., II, 78); дѣло о крестьянахъ, судимыхъ за похороненіе живой крестьянки Маньковой, 1855 г. (Журн. Мин. Юст. 1864, т. XX, стр. 709).

О другихъ видахъ наказаній, примѣненіе которыхъ вызывало, подобно пыткамъ, не менѣе горячіе протесты (Ист. Вѣст. 1888, XXXIII, 486—87; Рус. Арх. 1882, II, 537; наша моногр. Гр. Н. С. Мордвиновъ, Спб. 1873, стр. 365—383). Англ. путешествен. Упл. Коксъ, бывшій въ Россіи въ 1778 г., замѣчаетъ: „Русскіе уголовные законы буквально не присуждаютъ преступниковъ къ казни, но въ дѣйствительности ведутъ къ тому же результату“. Онъ упоминаетъ о трехъ случаяхъ смерти, бывшихъ въ одну зиму въ Петербургѣ, отъ кнута, и замѣчаетъ, что многіе преступники умираютъ подъ кнутомъ или отъ послѣдствій его (Рус. Стар. 1877, XIX, 38). Подобныя же слѣдствія имѣло иногда наказаніе „тяжалыми кнутьями“ въ деревняхъ (дѣло Шацкой канцел. 1771 г., Журн. Тамб. уч. арх. ком. 22 апр. 1886, стр. 52). Даже позже (1817) въ тюрьмахъ существовало наказаніе кнутомъ по брусьямъ, отъ котораго можно было умереть за третьимъ ударомъ (Рус. Стар. 1888, LVIII, 580). Но уже въ самомъ началѣ цар. Александра I (1 авг. 1801 г.) гр. П. В. Завадовскій писалъ гр. С. Р. Воронцову: „Не надѣюсь, чтобы стало моей жизни окончить преважное (законодательное) дѣло, а непомѣрно хочется истребить кнутъ, котораго я не видалъ ни въ натурѣ, ни въ дѣйствіи; одно наименованіе поднимало и поднимаетъ во мнѣ всю ненависть“ (Арх. кн. Воронцова, т. XII, 267). Горячимъ защитникомъ его отмѣны при Александрѣ I былъ, какъ извѣстно, и Мордвиновъ. Правда, мнѣніе послѣдняго, во время обсужденія проекта Уложенія 1845 г., считалось уже преувеличеннымъ (Ц. Беккарія въ перев. Соболева, стр. 16, примѣч.); однако и Блудовъ полагалъ, что кнутъ жесточе даже смерти (Рус. Арх. 1889, I, 99); а французы—эмигранты, подлежавшіе этому наказанію въ Россіи (при Павлѣ I), готовы были предпочесть смерть кнуту (Ж. М. Н. П. 1889, № 1, 68).

то, исполнивъ приказаніе, петербургская лютеранская консисторія просила, однако, судъ „возвратить сіе орудіе мѣстному пастору, по минованіи въ немъ надобности". Случай этотъ сдѣлался извѣстнымъ бывшему въ то время мин. внутр. дѣлъ Л. А. Перовскому и онъ потребовалъ свѣдѣній отъ консисторіи. Послѣдняя отвѣтила, что до 1833 г. „въ лютеранскихъ церквахъ употреблялось *сіе орудіе, по распоряженію пасторовъ и церковныхъ старостъ*, для наказанія *крестьянъ*". Имѣя же въ виду, „что подобныя *колодки* признаны законами нашими *родомъ пытки*, и потому давно запрещены даже въ мѣстахъ заключенія арестантовъ", мин. внутр. дѣлъ, съ своей стороны, предложилъ протестантской генеральной консисторіи „немедленно сдѣлать зависящее отъ нея распоряженіе къ истребленію могущихъ еще быть при церквахъ ея вѣдомства колодокъ и всякихъ подобныхъ орудій, внушивъ притомъ всѣмъ подвѣдомственнымъ ей проповѣдникамъ и церковнымъ старостамъ, что они отнюдь не имѣютъ права подвергать прихожанъ за какіе бы то ни было проступки не только тѣлеснымъ наказаніямъ, но даже аресту, ибо, на основаніи существующихъ законовъ, право сіе принадлежитъ одной гражданской власти". Но вслѣдъ за тѣмъ министръ, узнавъ о настояніи консисторіи на возвращеніи колодки пастору, довелъ объ этомъ случаѣ до свѣдѣнія государя, „которому угодно было признать сіе требованіе нелѣпымъ и незаконнымъ", почему и сдѣлано было распоряженіе, „чтобы Ямб. уѣздный судъ не удовлетворялъ требованія консисторіи и *истребилъ колодку* по минованіи въ ней надобности для производящагося о томъ суднаго дѣла" [1]). Между тѣмъ еще въ 1752 г. запрещено было примѣнять пытку въ провинціяхъ, отъ Швеціи присоединенныхъ, на основаніи ихъ правъ, по Ништадтскому и Абовскому трактатамъ [2]).

[1]) Орудіе пытки въ 1847 г., Г. И. Студенкина (Рус. Стар. 1887, LIV, 249—250).

[2]) П. С. З., № 9923.—На скандинавскомъ сѣверѣ и въ Англіи, вслѣдствіе болѣе ранняго развитія института присяжныхъ, пытка выходитъ изъ употребленія, а примѣненіе ея признается злоупотребленіемъ (Побѣдоносцевъ, 281; Маколей, I, 122—123, 175; II, 95, 363; III, 47—52, 111. 138, 154; IV, 28; VI, 33, 95, 267; IX, 276—277). Въ Остзейскомъ краѣ пытка была отмѣнена Карломъ XI, въ 1686 г. (Gesch. des Gerichtswesens und Gerichtsverfahrens in Liv- Est- und Kurland, v. F. G. v. Bunge, 209, 255, 259, 276). Для сравненія напомнимъ, что въ Пруссіи пытка была отмѣнена въ 1740 и 1754 гг.; въ Даніи—въ 1770; въ Австріи—въ 1784 и 1787 гг.; во Франціи—въ 1789 г.; въ Баваріи и Виртембергѣ—въ 1806 г.; въ Ганноверѣ—въ 1822 г.; въ Готѣ—въ 1828 г.; однако бывали и значительныя отступленія.

Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ напомнимъ еще случай, сопровождавшій отмѣну смертной казни въ томъ же Прибалтійскомъ краѣ. Извѣстно, что въ 1744 г. было объявлено присутственнымъ мѣстамъ, чтобы они не приводили въ исполненіе смертныхъ приговоровъ до полученія указа, а сообщали обстоятельныя выписки объ осужденныхъ на смертную казнь или политическую смерть—въ Сенатъ, послѣ чего ни одно вѣдомство не получало указа о приведеніи въ исполненіе смертныхъ приговоровъ; но Ревельская губернская канцелярія вошла въ Сенатъ съ представленіемъ, что ландратъ и магистратъ, ссылаясь на *древнія привилегіи,* считаютъ своимъ правомъ приводить въ исполненіе криминальныя сентенціи безъ дальней конфирмаціи со стороны высокой короны и потому просятъ *о возвращеніи имъ этого права;* въ противномъ случаѣ, колодники будутъ умножаться и на пропитаніе ихъ не будетъ ставать средствъ. Сенатъ однако приказалъ—послать въ Эстляндію указъ—отнюдь не приводить въ исполненіе смертныхъ приговоровъ [1]).

Не менѣе рельефно выступаетъ въ этомъ отношеніи дѣятельность правительства и въ областяхъ, недавно присоединенныхъ отъ Польши. Вскорѣ уже по вступленіи въ должность литовскаго ген.-губернатора, кн. Н. В. Репнинъ издалъ (1795) слѣдующее замѣчательное распоряженіе: „Къ непремѣнному наблюденію здѣсь объявляется, что благостію *законоположеній,* отъ Ея И. В. Россіи данныхъ, *пытки или жестокія тѣлесныя наказанія и смертная казнь* не извѣстны у народовъ, скипетромъ ея управляемыхъ, и ею *вовсе* ниспровержены; почему и подтверждается наикрѣпчайше, чтобы *никакое судебное мѣсто* не дерзало по сему роду уголовныхъ дѣлъ само собою по своему повелѣнію или приговору исполненіе дѣлать, ни въ которомъ изъ оныхъ отнюдь не употреблять, *въ изысканіи истины и для достиженія оной, пытокъ, или какихъ подобныхъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній,* а надлежитъ во всѣхъ тѣхъ изысканіяхъ достигать до истины *свидѣтельствами* посторонними, объясняющими дѣло, *кроткими увѣщаніями,* судіями подсудимымъ дѣлаемыми; такожъ приводить, въ случаѣ надобности, священниковъ для чиненія подсудимымъ подоб-

[1]) Полн. Собр. Зак., № 9312; Соловьевъ, XXII, стр. 113. О сѣтованіяхъ по поводу смягченія тѣлесныхъ наказаній въ томъ же краѣ со введеніемъ новыхъ учрежденій при Екатеринѣ II см. записки Нейендаля (Прибалт. Сборн., т. IV, стр. 431—432).

ныхъ кроткихъ увѣщаній словомъ Божіимъ и самою, *въ послѣдней крайности, присягою,* дабы довести подсудимаго *до признанія*, но гдѣ однакожъ откроются совершенно ясныя доказательства, тутъ уже признаніе подсудимаго не столь нужно, ежели онъ въ своемъ упорствѣ онаго и не будетъ дѣлать“ [1]).

Распоряженіе это, въ связи съ другими, представленными нами выше данными, несомнѣнно убѣждаетъ въ признаніи правительственною властью отмѣны пытки въ цар. Екатерины II на всемъ пространствѣ русской территоріи. Лучшимъ подтвержденіемъ нашего вывода можетъ служить и недавно напечатанный документъ по дѣлу флигель-адъют. П. А. Бибикова [2]), который въ перепискѣ съ кн. А. Б. Куракинымъ, во время пребыванія Павла Петровича за границею (1782), выражалъ свое нерасположеніе къ Потемкину и недовольство современнымъ порядкомъ вещей, а его симпатіи къ Павлу могли уже служить достаточнымъ основаніемъ, чтобы придать этому дѣлу болѣе серьезный, политическій характеръ [3]). Преданный суду особой коммиссіи при тайной сенатской экспедиціи, Бибиковъ былъ допрашиваемъ кн. Вяземскимъ совмѣстно съ Шешковскимъ, но въ приговорѣ о немъ коммиссіи читаемъ: „Къ испытанію отъ Бибикова самого истины кажется другаго средства не остается, какъ чрезъ истязаніе; но сіе послѣднее средство, *по силѣ состоявшихся высочайшихъ законовъ о нечиненіи подсудимымъ не только пытокъ, но и пристрастныхъ распросовъ*, мы нижеподписавшіеся *почли неудобнымъ, несвойственнымъ и невозможнымъ къ открытію истины*, тѣмъ паче, что и

---

[1]) Сборникъ Рус. ист. общ., т. XVI. Бумаги кн. Н. В. Репнина (стр. 358—359). Точно также кн. Потемкинъ, купивъ у кн. Кс. Любомирскаго имѣніе (1787), сдѣлалъ немедленно распоряженіе: „Всѣ находящіяся въ купленномъ мною у кн. Любомирскаго польскомъ имѣніи *висьлицы* предписываю тотчасъ приказать сломать, не оставляя и знаку оныхъ; жителямъ же объявить, чтобы они исполняли приказанія господскія изъ должнаго повиновенія, *а не изъ страха казни*“ (Рус. Арх. 1869, стр. 920—921). Какъ широко пользовались этимъ правомъ польскіе помѣщики—см. Архивъ Ю. З. Россіи (ч. VI, т. I, стр. 72, 175, 254, 308, 353, 390; т. II, 209—217).

[2]) О постоянныхъ подозрѣніяхъ, существовавшихъ по поводу отношеній къ молодому двору, см. въ нашей моногр. „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“ (стр. 49—50). Ср. еще дѣло свящ. Бабича, 1770 г. (Древ. и Нов. Рос. 1878, III, 346) и дѣло Байбакова, 1785 г. (Чт. въ Моск. Общ. ист. 1867, II, 36—39).

[3]) Этимъ матеріаломъ мы могли воспользоваться уже по отпечатаніи почти всей статьи и потому помѣщаемъ его здѣсь.

высочайшаго *Наказа*, даннаго коммиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія гл. 9-й въ 123 параграфѣ точно сими словами предписано: Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію; само человѣчество вопіетъ противъ оныя и требуетъ, чтобъ она была вовсе уничтожена“ [1]). По приговору коммиссіи, 28 апр. 1782 г., утвержденному императрицею, Бибиковъ былъ сосланъ въ Астрахань, гдѣ и умеръ спустя два года (1784).

Наказъ Екатерины II коммиссіи Уложенія былъ плодомъ ея увлеченія политическою и философскою литературою XVIII стол.; онъ былъ результатомъ ближайшаго изученія ею двухъ знаменитыхъ произведеній этого вѣка—„Духа законовъ“ Монтескье и „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“ Беккаріи [2]); а насколько гуманныя идеи современной литературы проникли въ сознаніе по крайней мѣрѣ лучшихъ представителей времени Екатерины II, лучше всего можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ въ рѣчи директора Академіи Наукъ Домашнева, произнесенной имъ 23 іюня 1777 г. „Наша эпоха, говорилъ онъ, почтена прекраснымъ названіемъ философской, не потому, чтобы многіе имѣли право на имя философа, или чтобы увеличилось количество познаній, а потому, что *философскій духъ* сдѣлался духомъ времени, священнымъ началомъ *законовъ* и нравовъ: онъ освятилъ правосудіе—*человѣколюбіемъ*, обычаи чувствомъ; онъ легъ въ основаніе двухъ важнѣйшихъ предметовъ—*законодательства* и нравственности“ [3]).

В. Иконниковъ.

---

[1]) По Госуд. архиву, дѣло Бибикова (Импер. Марія Ѳедоровна, Евг. Шумигорскаго, Р. Арх. 1890, № 10, стр. 115—122).

[2]) Беккарія по вопросу о пыткѣ имѣлъ предшественниковъ, каковы: Томазій, Гревій и др.

[3]) Акты Академіи Наукъ за 1777 г., ч. I, стр. 12—20.

ЕВРЕИ ВЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНѢ ВЪ XVIII В.

I.—*Отношеніе польскаго и русскаго правительства къ евреямъ въ лѣвобережной Украинѣ.*

Первое появленіе евреевъ въ лѣвобережной Украинѣ должно быть отнесено къ глубокой древности, приблизительно ко времени основанія Русскаго государства; они могли проникать сюда съ востока, изъ нѣкогда сильнаго Хазарскаго ханства, исповѣдывавшаго іудейскую вѣру и даже господствовавшаго нѣкоторое время надъ поднѣпровскими славянами, и съ юга, изъ Тавриды, гдѣ существовали значительныя еврейскія колоніи еще съ 1-го вѣка по Р. Х.; съ принятіемъ русскими христіанства, дальнѣйшимъ распространеніемъ его, усиленіемъ на Руси византійскаго вліянія, неблагопріятнаго евреямъ, и развитіемъ религіозной нетерпимости, рядомъ съ гибелью поддерживавшаго евреевъ Хазарскаго ханства, а также и вслѣдствіе экономическихъ столкновеній ихъ съ христіанскимъ населеніемъ, евреи съ XII вѣка подвергаются преслѣдованіямъ на Руси и даже совершенно изгоняются; 1113-й г., когда имущество евреевъ въ Кіевѣ было разграблено и многіе изъ нихъ перебиты, былъ рѣшительнымъ въ судьбѣ ихъ на Руси; самое имя ихъ становится презрѣннымъ; нашествіе монголовъ должно было смести и то незначительное число евреевъ, которое оставалось послѣ погрома 1113 года. Между тѣмъ на западѣ, въ Польскомъ государствѣ, они пріобрѣтаютъ значеніе сначала какъ элементъ колонизаціонный, а потомъ, мало по малу, становятся необходимыми и какъ сила экономическая, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ промышленные,

торговые и финансовые обороты страны; со времени Люблинской уніи евреи проникаютъ и въ юго-западный край въ большомъ противъ прежняго количествѣ и, захватывая въ аренду панскія имѣнія, дѣлаются фактическими распорядителями ихъ и неизбѣжными посредниками между владѣльцами и крестьянами; съ тѣхъ поръ, куда проникала шляхта, туда за ней слѣдовали и евреи, являясь неотступными спутниками ея.

Лѣвобережная Украина, т. е. приблизительно нынѣшнія губерніи Черниговская и Полтавская, также находилась нѣкоторое время подъ властью Польши и подвергалась ея вліянію. Полтавская область оставалась подъ этимъ вліяніемъ очень долгое время, т. е. отъ времени подчиненія южной Руси литовскимъ князьямъ и соединенія послѣдней съ Польшею и до войнъ Богдана Хмельницкаго, когда онъ подчиняетъ этотъ край московскимъ государямъ. Колонизаторами Полтавщины и распространителями здѣсь польской культуры были князья Вишневецкіе, необъятныя владѣнія которыхъ носили общее названіе Вишневеччины, а центромъ ихъ былъ г. Лубны; несомнѣнно, что и евреи, съ весьма ранняго времени, пользуясь покровительствомъ сильныхъ магнатовъ, свободно переходили на лѣвый берегъ Днѣпра и спокойно жили вмѣстѣ съ ними до величайшаго гоненія на нихъ, начавшагося въ 1648 г. Никакихъ ограниченій права поселенія здѣсь евреевъ мы не знаемъ.

Черниговская область, напротивъ, оставалась большею частью подъ вліяніемъ русской культуры и начало вліянія польской надо отнести лишь къ 1619 году, когда по Деулинскому перемирію этотъ край достался Польшѣ. Находясь подъ властью сѣверно-русскихъ князей, Черниговская земля не знала евреевъ и ихъ гнета. Но въ 1619 году переселяются сюда польскіе помѣщики, а за ними слѣдуютъ и евреи; покровителями послѣднихъ могли быть крупные землевладѣльцы, какъ, напр., Абрамовичи, Пясочинскіе и друг. [1]); коренное православное населеніе не могло примириться съ новыми насельниками; мы не имѣемъ свѣдѣній, въ чемъ выражало оно свой протестъ, но что оно выражало его, доказываетъ самое существованіе

[1]) А. М. Лазаревскій: Описаніе старой Малороссіи, т. I, Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1888 г. стр. 3.

единственной, дошедшей до насъ, грамоты королевича Владислава, который получилъ въ „администрацію“ области Смоленскую, Сѣверскую и Черниговскую; въ этой грамотѣ Владиславъ-Сигизмундъ, наслѣдственный князь, называя себя великимъ княземъ и правителемъ княжествъ Московскаго, Смоленскаго, Сѣверскаго и Черниговскаго, говоритъ, между прочимъ: „зная хорошо, какъ много жиды невѣрные въ городахъ и мѣстечкахъ и другихъ поселеніяхъ препятствуютъ жизни христіанскаго населенія какъ въ торговлѣ, такъ и въ поддержаніи хорошаго управленія и процвѣтанія городовъ, за благо разсудили мы постановить, чтобы они не были терпимы нигдѣ въ области Черниговской и Новгородъ-Сѣверской и, о томъ къ свѣдѣнію каждаго объявляя, выражаемъ нашу непремѣнную волю, чтобы въ указанныхъ мѣстахъ не допускали жидовъ ни селиться, ни проживать, чтобы не осмѣливались принимать ихъ въ города и чтобы они не только не брали никакихъ арендъ, но никакой продажи и покупки не производили въ тѣхъ видахъ, дабы ко вреду подданныхъ не расширялись. Что должны исполнить, если желаете снискать наше благоволеніе“. Грамота была дана въ Гроднѣ 8-го февраля 1623 г. [1]).

Такимъ образомъ, и вредъ, причиняемый евреями крестьянамъ, и рѣшительная необходимость ихъ удаленія изъ лѣвобережной Украины одинаково признается высшею правительственною властью. Не смотря, все-таки, на положительное требованіе этой власти измѣнить ненормальныя отношенія, шляхта, большею частью непочтительно относившаяся къ королевскимъ требованіямъ, если они шли въ разрѣзъ съ ея личными интересами, и на этотъ разъ не исполнила требованій грамоты тѣмъ болѣе, что она была личнымъ распоряженіемъ королевича, а не актомъ законодательнымъ. Евреи продолжали оставаться въ Черниговской и Сѣверской землѣ до самаго возстанія Богдана Хмельницкаго, когда они первые пали жертвой народной мести, „бо першей“, говоритъ Самовидецъ въ своей лѣтописи [2]), „устрашившися, шляхта жидовъ повидавали з маетностями, а на потомъ и самихъ подоставали и вистинали“. Многіе тогда изъ евреевъ, сообщаетъ тотъ же лѣ-

---

[1]) Кіев. Старина, 1883 г., № 1, стр. 214.

[2]) Лѣтопись Самовидца по новооткрытымъ спискамъ. Изд. Врем. Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ, 1878 г., стр. 13.

тописецъ, изъ страха смерти приняли христіанскую вѣру; но потомъ, воспользовавшись минутой, бѣжали въ Польшу и возвратились къ своей прежней вѣрѣ. „И такъ на Украинѣ жадного жида не осталo“, заключаетъ лѣтопись.

Наступившее вслѣдъ за смертью Богдана Хмельницкаго смутное время для Украины отвлекло вниманіе общества и правительства отъ евреевъ, и они, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, могли, конечно, заходить въ заповѣдную для нихъ страну, селиться въ ней и заниматься излюбленными промыслами. Но такому неопрэдѣленному положенію дѣлъ долженъ былъ наступить рано или поздно конецъ, и онъ наступилъ ровно черезъ 75 лѣтъ послѣ начала казацкихъ войнъ. Само собою разумѣется, что арендаторство и торговля евреевъ должны были вызвать въ населеніи жалобы, если въ началѣ XVIII вѣка русское правительство вынуждено было обратить вниманіе на еврейскія профессіи; на основаніи именнаго указа императорицы Екатерины I, отъ 26 апрѣля 1727 года[1]), болѣе рѣшительнаго, чѣмъ всѣ *предшествовавшіе ему распоряженія*[2]), указа, состоявшагося по опредѣленію верховнаго тайнаго совѣта, велѣно было всѣхъ евреевъ, жившихъ въ Малой Россіи, непремѣнно выслать за рубежъ, но при этомъ смотрѣть, чтобы они не вывозили съ собой золотой и серебрянной монеты; а если бы у кого таковая была найдена, то должна была быть обмѣнена на мѣдную русскую монету. Приведенный указъ затрогивалъ близко интересы тѣхъ землевладѣльцевъ, въ имѣніяхъ которыхъ жили евреи—арендаторы, и побудилъ ихъ къ ходатайству о смягченіи участи евреевъ; это необходимо предположить въ виду того, что въ „рѣшительныхъ пунктахъ“, данныхъ гетману Даніилу Апостолу 22-го августа 1728 года[3]), между прочимъ, сказано, что евреямъ разрѣшается пріѣздъ въ Малую Россію на ярмарки для торговли; торговля имъ дозволяется только оптовая, но не розничная на локти и фунты; на вырученныя деньги они обязаны покупать товары же и, такимъ образомъ, денегъ, золота и серебра, отнюдь не должны они вывозить; при этомъ властямъ предписывалось

---

[1]) Первое Полное Собраніе Законовъ, № 5063.

[2]) Несомнѣнно, что этими распоряженіями запрещалось пребываніе евреевъ за Днѣпромъ; но чьи были эти распоряженія и когда изданы, неизвѣстно.

[3]) Ibid., № 5324, пунктъ 14-й.

„накрѣпко смотрѣть“, чтобы пріѣзжающіе евреи не ввозили въ Малую Россію копѣекъ и другой монеты подъ россійскимъ гербомъ; наконецъ, относительно поселенія евреевъ подтверждался и оставлялся въ полной силѣ указъ 1727 года. Но подтвержденіе его не имѣло теперь никакого значенія, потому что евреи, переѣзжая круглый годъ съ ярмарки на ярмарку, могли безъвыѣздно жить въ Украинѣ и свободно вести торговлю; такимъ образомъ, указъ 1727 года былъ обойденъ и лишенъ всякой силы. Этого однако же имъ показалось мало, и украинское дворянство стало, вѣроятно, хлопотать о распространеніи указа 1728 года и на Слободскіе полки нынѣшней Харьковской губерніи; хлопоты привели къ желанному результату и 31-го іюля 1734 года[1]) данъ былъ на имя князя Шаховскаго высочайшій указъ, по которому евреи получали два весьма важныя преимущества: 1) въ виду малаго количества въ Слободскихъ полкахъ „купецкихъ людей“ и „недовольнаго торговаго промысла“ евреямъ дозволена розничная продажа на фунты и локти и 2) разрѣшеніемъ пріѣзжать въ Слободскіе полки значительно разширена территорія для ихъ торговыхъ и финансовыхъ операцій, но обязательство покупать на вырученныя деньги товары же и не вывозить золота и серебра оставлено въ прежней силѣ.

На основаніи двухъ приведенныхъ указовъ, евреи считали уже, кажется, свое положеніе упрочившимся, потому что стали брать въ аренду шинки, мельницы и проч. въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Но спокойное пользованіе пріобрѣтенными и самовольно присвоенными себѣ правами было неожиданно нарушено и при томъ со стороны, откуда меньше всего можно было этого ожидать: ихъ же единовѣрецъ Ирша Лазаревъ явился въ началѣ апрѣля 1738 года въ Москву въ Сенатскую контору и просилъ отдать ему на откупъ право взиманія съ евреевъ налога, который, по его словамъ, необходимо было ввести, потому что живущіе въ Малой Россіи евреи, занимаясь долгое время шинкарствомъ и получая отъ того хорошіе барыши, не несутъ никакихъ платежей и повинностей въ пользу государства. Лазарева сочли необходимымъ почему-то арестовать и препроводить при указѣ въ Генеральную войсковую канцелярію, отъ которой потребовано относительно случившагося объясненіе; въ тоже время Мо-

[1]) Первое Полн. Собр. Зак., № 6610, пунктъ 21-й.

сковская сенатская контора сообщила обо всемъ этомъ также и въ Сенатъ; отсюда между послѣднимъ, конторой его и Генеральной войсковой канцеляріей возникла переписка, тянувшаяся въ теченіи почти пяти лѣтъ. Сенатъ прежде всего поставилъ на видъ Генеральной войсковой канцеляріи нарушеніе указа 1727 года, требовалъ вѣдомостей о жившихъ въ Малороссіи евреяхъ и немедленной высылки ихъ за границу; это требованіе Сенату пришлось повторять нѣсколько мѣсяцевъ и наводить справки о всѣхъ прежнихъ указахъ относительно правъ евреевъ, пока наконецъ Генеральная войсковая канцелярія не выступила съ мнѣніемъ: съ высылкой евреевъ обождать въ виду происходившей войны Россіи съ Турціей до ея окончанія, потому что евреи, зная положеніе Россіи и будучи высланы, немедленно могутъ будто бы „учиниться шпіонами“. Это мнѣніе было принято во вниманіе, и евреи оставлены въ покоѣ; тѣмъ не менѣе, вѣдомости самыя точныя о числѣ евреевъ, времени, мѣстѣ ихъ поселенія, ихъ занятіяхъ, семейномъ составѣ, мѣстѣ родины и проч., требовались по прежнему; вѣдомости эти были посланы изъ Малороссіи только въ ноябрѣ 1738 года; вмѣстѣ съ тѣмъ генеральная войсковая канцелярія доносила объ освобожденіи изъ подъ ареста и отдачѣ на поруки присланнаго къ ней изъ Москвы еврея Ирши Лазарева. Въ это же время окончилось русско-турецкая война, и Сенатъ въ маѣ 1740 года обратился въ кабинетъ Ея Императ. Величества съ запросомъ: „высылать-ли жидовъ заграницу?“ Въ отвѣтъ на этотъ запросъ 11-го іюля того же года [1]) данъ былъ высочайшій указъ о немедленной высылкѣ евреевъ за рубежъ и тотчасъ сталъ приводиться въ исполненіе; при этомъ въ указѣ не было сказано, высылать-ли евреевъ и изъ Слободскихъ полковъ; недомолвка послужила поводомъ къ дальнѣйшей перепискѣ, пока вторымъ высочайшимъ указомъ 25 сентября 1740 года не былъ положенъ ей конецъ рѣшительнымъ повеленіемъ высылать евреевъ и изъ Слободскихъ полковъ.

Со вступленіемъ на престолъ Елисаветы Петровны не только пребываніе евреевъ въ Россіи, но даже временный пріѣздъ ихъ туда былъ рѣшительно запрещенъ указомъ 2 декабря 1742 года [2]); въ немъ государыня пишетъ: „нынѣ намъ извѣстно учинилось, что оные

[1]) Первое Полное Собр. Зак., № 8169.

[2]) С. М. Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. XXI, стр. 490.—Первое Полное Собр. Зак., № 8673.

жиды еще въ нашей имперіи, а наипаче въ Малороссіи, подъ разными видами жительство свое продолжаютъ, отчего не иного какого плода, но токмо яко отъ таковыхъ имени Христа Спасителя ненавистниковъ, нашимъ вѣрноподданнымъ крайняго вреда ожидать должно, того для повелѣваемъ: изъ всей нашей имперіи всѣхъ мужеска и женска пола жидовъ со всѣмъ ихъ имѣніемъ немедленно выслать заграницу и впредь ни для чего не впускать, развѣ кто изъ нихъ захочетъ быть въ христіанской вѣрѣ греческаго исповѣданія". Со времени изданія этого указа, въ теченіи полугодія, опять тянется переписка о количествѣ высланныхъ евреевъ, съ приложеніемъ о нихъ вѣдомостей.

Въ началѣ 1743 года евреи дѣлаютъ еще разъ попытку удержаться въ Малороссіи; ссылаясь на внезапность для нихъ царскаго указа, на большой привозъ на ярмарки товаровъ, которыхъ они не успѣли продать, на вексельныя сдѣлки съ русскими купцами и проч., они ходатайствовали чрезъ Кіевскаго генералъ-губернатора и Генеральную войсковую канцелярію о пріостановленіи высылки и разрѣшеніи пріѣзжать на ярмарки для торговли по прежнему. Въ отвѣтъ на представленіе Сената объ этомъ ходатайствѣ евреевъ императорица Елисавета сказала извѣстныя слова: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли".

Спустя 20 лѣтъ, въ царствованіе уже Екатерины II, именно въ 1764 году, малороссійское дворянство, вмѣстѣ со своимъ гетманомъ и старшиной, въ поданномъ государынѣ [1]) прошеніи снова пытается получить разрѣшеніе на пріѣздъ евресвъ для торга на ярмаркахъ. Эта просьба дворянства не была удовлетворена, хотя по указу 16 ноября 1769 г. [2]) на имя Кіевскаго генералъ-губернатора евреямъ дозволено селиться „единственно въ Новороссійской губерніи", что подтверждено 23 декабря 1791 г. [3]) и относительно права поселенія ихъ въ Екатеринославской губерніи и Таврической области.

Не смотря ни на какія запрещенія, евреи успѣли все-таки пробраться въ желанную всегда для нихъ Малороссію. Этотъ фактъ констатировалъ правитель Кіевскаго намѣстничества сенаторъ Кречетни-

---

[1]) Кіев. Старина, 1883 г., Іюнь, стр. 341.

[2]) Первое Полное Собр. Зак., № 13383.

[3]) Ibid., № 17006.

ковъ, когда 29 февраля 1792 г.[1]) принимая во вниманіе указъ 1791 г. 23 декабря, писалъ своему правленію, что такъ какъ ему извѣстно „что нѣсколько евреевъ состоятъ по городамъ губерній малороссійскихъ записанными въ числѣ гостей, купечества, мѣщанства и цехахъ"; то, не прибѣгая сразу къ крутымъ мѣрамъ высылки, онъ предписываетъ городничимъ и городовымъ магистратамъ, чтобы послѣдніе „евреевъ обвѣстили, дабы они, пріуготовя себя, изъ городовъ сея губерніи удалились, такъ какъ они правомъ гражданства и мѣщанства въ сихъ мѣстахъ пользоваться не должны и не могутъ". Городамъ предписывалось исключить записанныхъ евреевъ изъ своего состава и объявлялось, что таковые „съ истеченіемъ назначеннаго срока (который, однакожъ, не былъ опредѣленъ) положительно высланы будутъ". Только указомъ 23 іюня 1794 г.[2]) евреямъ было разрѣшено отправлять мѣщанскіе и купеческіе промыслы, между прочимъ, и въ губерніяхъ Черниговской и Новгородъ-Сѣверской, кромѣ Полтавской, а 9 декабря 1804 г.[3]) въ „Положеніи для евреевъ", когда ихъ права были болѣе расширены, позволялось имъ повсемѣстное пребываніе и покупка незаселеныхъ земель а также и въ губерніяхъ малороссійскихъ вообще, хотя арендаторство, шинкарство и даже жительство въ селахъ безусловно воспрещалось.

Въ 1792 г., какъ и въ 1738 г., требуются о всѣхъ живущихъ въ Малороссіи евреяхъ точныя вѣдомости, которыя мы и разсмотримъ далѣе.

II. — *Количество и распредѣленіе евреевъ въ лѣвобережной Украинѣ.*

Вѣдомости 1738 г. были составлены по опредѣленію Правител. Сената отъ 21 сентября 1738 года и по указу, посланному въ Генеральную войсковую канцелярію; свѣдѣнія нужны были о всѣхъ евреяхъ, живущихъ въ Малой Россіи, „въ крайней скорости"; требовалось сообщить, „сколько оныхъ, въ которыхъ городахъ, мѣстечкахъ и владѣльческихъ маетностяхъ и во всей Малой Россіи находится, и какіе промыслы имѣютъ, а особливо, сколько такихъ, кои питіями шинкуютъ и отъ кого также; кто изъ нихъ имѣютъ собственные свои дворы и заводы, и съ котораго времени въ тѣхъ мѣстахъ жи-

[1]) А. А. Историч. матеріалы изъ Архива Кіев. Губерн. Правленія. Кіевъ, 1882, стр. 151—155.

[2]) Первое Полное Собр. Зак., № 17224.

[3]) Ibidem, № 21547.

вутъ и для чего за состоявшимся въ 1727 году имяннымъ указомъ въ тѣ мѣста допущены и кто ихъ принималъ". Въ Генеральную войсковую канцелярію вѣдомости были доставлены изъ малороссійскихъ полковъ въ октябрѣ, а отсюда, въ видѣ экстракта, 16 ноября 1738 г. ихъ представили въ Сенатъ. Полковыя вѣдомости, однако-же, не заключаютъ въ себѣ всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, какія требовались сенатомъ; въ нихъ мы находимъ лишь данныя о количествѣ мужескаго и женскаго населенія, „изъ какихъ мѣстъ польской области, и въ какихъ годахъ зашли, и нынѣ за кѣмъ, и въ какихъ мѣстахъ живутъ, и въ какомъ званіи" (въ смыслѣ профессіи). Дѣлая сводъ всѣмъ даннымъ этихъ вѣдомостей 1738 года, мы находимъ, что во всей лѣвобережной Украинѣ оказалось населенныхъ евреями девять полковъ: 1—Кіевскій, 2—Черниговскій, 3—Стародубскій, 4—Нѣжинскій, 5—Переяславскій, 6—Прилуцкій, 7—Лубенскій, 8—Гадячскій и 9—Полтавскій.

Въ **Миргородскомъ** полку, по донесенію полковой канцеляріи, евреевъ не оказалось.

1) Въ **Кіевскомъ** полку количество евреевъ было очень незначительно; они встрѣчаются здѣсь только въ двухъ сотняхъ:

въ *Бобровицкой*—въ с. Мостыщахъ—6 душъ и

въ *Козелецкой*—въ г. Козельскѣ—4 души.

Всего въ Кіевскомъ полку было 10 душъ, въ двухъ селахъ, по 5 душъ въ каждомъ.

2) Въ **Черниговскомъ** полку мы находимъ евреевъ въ шести сотняхъ:

въ *Городницкой* они занимали три села: Стечинъ—1 душа, Ивашковку—2 и Куликовцы—8; всего ихъ было 11 душъ;

въ *Киселевской*—два села:

Наумовку—3 души и Кураковку—4; всего было 7 душъ;

въ *Менской*—одно село Домашнино—2 еврея;

въ *Понорницкой*—мѣстечко Понорницы—11 душъ, и два села: Козиловцы—6 и Орловецъ—7; всего было 24 души;

Въ *Сѣдневской*—мѣстечко Сѣдневъ—5 душъ, и два села: Бѣгичъ—5 и Новые Боровичи—3; всего—13 душъ.

въ *Сосницкой*—одно село Дубровку—9 душъ.

Вообще въ Черниговскомъ полку евреи занимали 2 мѣстечка и 11 селъ, т. е. 13 мѣстъ поселенія; всѣхъ евреевъ въ полку было

66; такимъ образомъ, на одно мѣсто поселенія приходилось по 5,07 души.

3) Въ **Стародубскомъ** полку евреи занимали лишь два села въ двухъ сотняхъ.

въ *Полковой*—одно село Гудовъ съ 2 душами

и въ *Погарской*—также одно село Гримячее съ 5 душами.

Всего въ полку было 7 евреевъ, т. е. по 3, 5 души приходилось на каждое изъ двухъ селъ.

4) Въ **Нѣжинскомъ** полку евреи жили какъ въ самомъ городѣ, такъ и десяти сотняхъ:

въ г. *Нѣжинѣ*, въ зависимости отъ магистрата, у войта и въ цѣховомъ домѣ жило 10 душъ, а въ зависимости отъ Нѣжинской сотенной администраціи—15; всего въ городѣ находилось 25 еврейскихъ душъ.

Въ *1-й полковой*—сотнѣ евреи жили въ двухъ селахъ: Комаровкѣ—13 д. и Малой Кошелевкѣ—2; всего было 15 душъ;

во *2-й полковой*—въ двухъ селахъ: Баклювцѣ—2 д. и Дорогинцѣ—7; всего 9 душъ;

въ *3-й полковой*—въ двухъ селахъ: Дримайловцѣ—7 д. и Ковчинѣ—6; всего—13 душъ;

въ *Батуринской*—въ одномъ селѣ Красномъ жило 6 евреевъ;

въ *Борзенской*—въ самомъ г. *Борзнѣ*—2 и въ двухъ селахъ: Красиловцѣ—3 д. и Плискахъ—6; всего—11 душъ;

въ *Глуховской*—въ двухъ селахъ: Мутинѣ—6 и Погребкахъ—4; всего—10 душъ;

въ *Дѣвицкой*—въ мѣстечкѣ Салтыковой Дѣвицѣ—4 и селѣ Дроздовцѣ—7; всего 11 душъ;

въ *Ивангородской*—въ мѣстечкѣ Бахмачѣ—11 и селѣ Фастовцахъ—11; всего—22 души;

въ *Конотопской*—въ селѣ Сосновцѣ—9 и слободѣ Кандыбовкѣ—2; всего 11 душъ;

Въ *Короповской*—въ четырехъ селахъ: Бѣльцѣ—10, Корильскѣ—4, Лукновѣ—4 и Рождественскомъ—2; всего 20 душъ;

въ *Кролевецкой*—въ одномъ селѣ Антоновцѣ—7 душъ,

и въ *Шаповоловской*—въ мѣстечкѣ Шаповаловцѣ—3 еврея.

Такимъ образомъ, во всемъ Нѣжинскомъ полку евреи занимали 2 города, 3 мѣстечка и 20 селъ; всѣхъ евреевъ въ полку было 163 души; слѣдовательно, на одно мѣсто поселенія вообще приходилось по 6,52 души.

5) Въ **Переяславскомъ** полку еврейское населеніе встрѣчается въ двухъ сотняхъ:

въ *Воронковской*—въ самомъ мѣстечкѣ Воронковѣ—15 душъ, и пяти селахъ: Веприкѣ—6, Глубокомъ—5, Здуровкѣ—8; Рогожевѣ—5 и Старомъ—3; всего 42 души

и въ *Яготинской*—въ двухъ селахъ: Бирловцахъ—7 и Капустинцахъ—5; всего—12 душъ.

Вообще же въ одномъ мѣстечкѣ и семи селахъ Переяславскаго полка жило 54 еврея; такимъ образомъ, на одно мѣсто поселенія среднимъ числомъ приходилось по 6,7 души.

6) Въ **Прилуцкомъ** полку евреи населяли пять сотенъ и нѣсколько селъ, сотня которыхъ не обозначена.

Въ *полковой* сотнѣ мы находимъ евреевъ въ трехъ селахъ: Лемешовкѣ—4, Липовицѣ—10 и Мамасовцѣ—6; всего—20 евреевъ;

въ *Иванищкой*—въ одномъ селѣ Березовцѣ было 12 евреевъ.

въ *Ичанской*—въ двухъ селахъ: Иржавцѣ—3 и Парафіевкѣ—2; всего 5 евреевъ;

въ *Красноколядинской*—въ пяти селахъ: Галцѣ—2, Кореницкомъ—3, Кропивнѣ—10, Самбурѣ Маломъ—7 и Теровцѣ—4; всего 26 евреевъ;

и въ *Монастырской*—въ одномъ Кривенковскомъ хуторѣ—4 еврея.

Наконецъ, въ девяти селахъ, сотня которыхъ не означена: Алексищахъ—3, Калюжинцахъ—6, Корибутовѣ—4, Куриловцѣ—3, Липовомъ—6, Мошасовкѣ—5, Переволь-ной—7, Раскахъ—12 и Харитоновкѣ—2; всего 48 евреевъ.

Вообще въ Прилуцкомъ полку было населено евреями 21 село, въ которыхъ числилось 115 евр. душъ; слѣдовательно, на одно село приходилось 5,47 души.

7) Въ **Полтавскомъ** полку только въ *1-й полковой* сотнѣ въ одномъ лишь селѣ Сколцѣ оказалось 3 еврея.

8) Въ **Гадячскомъ** же полку они встрѣчаются въ двухъ сотняхъ:
въ *Груньской*—въ мѣстечкѣ Грунѣ—4 души
и въ *Куземинской*—въ мѣстечкѣ Куземинѣ—4 души.
Всего въ Гадячскомъ полку было 8 душъ, по 4 на каждое мѣсто поселенія.

9) Въ **Лубенскомъ** полку евреи жили въ шести сотняхъ и въ нѣсколькихъ селахъ, сотня которыхъ не обозначена.

Въ *Глинской* сотнѣ—въ мѣстечкѣ Глинскѣ—5 и селѣ Андрушовцѣ—6; всего 11 душъ;

въ *Лахвицкой*—въ шести селахъ: Брисяхъ—4, Жабокѣ—3, Ивахникахъ—2, Пескахъ—3, Ридахъ—4, Свиридовкѣ—5; всего 21 душа;

въ *Лукомской*—въ двухъ селахъ: Онушкахъ—2 и Оржицѣ—6; всего 8 евреевъ;

въ *Пирятинской* въ четырехъ селахъ: Березовой Рудкѣ—14, Бѣлоцерковцахъ—3, Васильковомъ Городищѣ—7 и Журбинцахъ—5; всего 29 евреевъ;

въ *Роменской*—въ г. *Ромнахъ*—11 и двухъ селахъ: Коровинцахъ—3 и Рѣпкахъ—5; всего 19 душъ,
и въ *Чарнуской*—въ одномъ селѣ Бѣлоусовкѣ—6 евреевъ.

Въ девяти селахъ и одномъ мѣстечкѣ, сотня которыхъ не означена: Берестовцѣ—5, Будкахъ—3, Гамалѣевцѣ—2, Камлинкѣ—4, мѣстечкѣ Константиновѣ—7, Коренской—3, Курманахъ—4, Маклюпахъ—5, Семеновкѣ—5 и Хоружевцѣ—24; всего 62 души.

Во всемъ полку населенныхъ евреями оказывается одинъ городъ, одно мѣстечко и 26 селъ, въ которыхъ было 156 душъ; слѣдовательно, на одно мѣсто поселенія приходится по 5,56 души.

По степени населенности полки могутъ быть расположены въ такомъ порядкѣ: наиболѣе населены густо: Нѣжинскій, Лубенскій и Прилуцкій; среднюю степень населенности имѣютъ Переяславскій и Черниговскій и наименѣе населены: Кіевскій, Гадячскій, Стародубскій и Полтавскій. Такимъ образомъ, центромъ, вокругъ котораго начало группироваться евр. населеніе были Нѣжинъ и Лубны, а между ними и Прилуки; т. е. южная часть Черниговской и сѣверная Полтавской губ., отъ двухъ указанныхъ центровъ количество евреевъ слабѣетъ къ востоку; на западъ же оно гуще; сѣверная часть Черни-

говской губерніи и южная Полтавской совсѣмъ не имѣютъ евреевъ.

Причину наибольшаго стремленія евреевъ къ поселенію по линіи Нѣжинъ—Лубны должно искать въ торговомъ значеніи этихъ городовъ Черниговской и Полтавской губерніи; меньшее же тяготѣніе ихъ къ Днѣпру должно объяснить тѣмъ, что Днѣпръ, не имѣлъ тогда важнаго торговаго значенія, потому что нижнее и частью среднее теченіе было занято татарами и запорожскими казаками, всегда враждебно относившимися къ евреямъ и исключительно владѣвшими этимъ важнымъ воднымъ путемъ.

Всего по вѣдомостямъ въ общемъ итогѣ было евреевъ 582 души; но къ этому числу надо прибавить еще то, которое оказалось въ городахъ и селахъ, не вошедшихъ въ вѣдомости, но перечисленныхъ въ рапортѣ Кіевской губернской канцеляріи отъ 30 апрѣля 1743 г., о высылкѣ евреевъ за рубежъ, именно: въ Нѣжинѣ—98 душъ, въ Черниговѣ—6, въ Переяславлѣ—3, въ мѣстечкѣ Антоновкѣ—2, въ Воскресенской Слободѣ Кіевскаго полка—8 и на Ряшковской фабрикѣ—въ Прилуцкомъ полку—3; всего же 120 душъ. Входили-ли въ число этихъ выселенныхъ евреевъ и тѣ, кои означены въ вѣдомостяхъ, въ рапортѣ не говорится; если на всѣ цифры рапорта смотрѣть какъ на дополненіе къ вѣдомостямъ, то относительно Нѣжина нельзя рѣшить: показываетъ-ли цифра 98 дѣйствительное количество евреевъ въ Нѣжинѣ, или къ 25 нѣжинскимъ евреямъ присоединена и та часть евреевъ изъ селъ Нѣжинскаго полка, которая составляла одну изъ высылаемыхъ за рубежъ партій, а Нѣжинъ, какъ полковой городъ, былъ сборнымъ пунктомъ для нея? Въ такомъ случаѣ, почему высылались изъ другихъ городовъ слишкомъ малыя партіи и почему высылались единицами евреи изъ слободъ, фабрикъ и мѣстечекъ не чрезъ сборные пункты въ городахъ? Въ виду такихъ противорѣчій, мы склонны смотрѣть на цифру рапорта, какъ на дополненіе къ вѣдомостямъ.

Изъ того же рапорта Кіевской губернской канцеляріи, какъ и изъ „экстракта съ учиненнаго слѣдствія о имѣющихся жительствомъ въ Ахтырскомъ и Изюмскомъ полкахъ жидовъ“ [1]), мы узнаемъ, что

---

[1]) „Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства“ собранные Д. Багалѣемъ. Харьковъ, 1886 г.

евреи бродили и въ Слободской Украинѣ. По „экстракту“ въ Харьковской губер. насчитывается только 20 душъ; въ мѣстечкѣ Баромлѣ—10, въ Слободѣ Богословкѣ Изюмскаго полка—3 и въ селѣ Матвѣевкѣ Ахтырскаго полка—7. Евреи не имѣли здѣсь опредѣленнаго мѣста жительства и переходили изъ села въ село, торгуя въ кабакахъ то одного, то другаго помѣщика. Эти малонаселенныя пункты Харьковской губерніи смѣжны съ столь-же малонаселенными крайними пунктами на востокѣ губерній Черниговской и Полтавской и являются вообще крайними пунктами поселенія евреевъ на юго-востокѣ Малой Россіи; дополнительныя цифры нисколько не измѣняютъ сдѣланнаго вывода о географическомъ распредѣленіи евреевъ.

Всего, такимъ образомъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра оказалось почти 700 еврейскихъ душъ. Но изъ нихъ болѣе обстоятельны наши данныя только относительно тѣхъ 582 евреевъ, которые вошли въ вѣдомости и занимали нынѣшнія губерніи Черниговскую и Полтавскую; они составляли 130 семей; слѣдовательно, на каждую семью приходилось около 4,5 души.

Что касается до лицъ, въ имѣніяхъ которыхъ находили себѣ пріютъ евреи, то перепись различаетъ: великороссіянъ, „малороссійцевъ“, иноземцевъ и, наконецъ, царскія описныя маетности. Великороссіянъ она насчитываетъ—6, малороссіянъ—39 и иноземцевъ—5. Самое собою разумѣется, что въ числѣ помѣщиковъ, пользовавшихся услугами евреевъ, въ процентномъ отношеніи должны были преобладать иноземные землевладѣльцы, а за ними великорусскіе надъ малорусскими, если принять во вниманіе отношеніе помѣщиковъ той или другой народности, принимавшихъ къ себѣ евреевъ, къ общему числу владѣльцевъ той же народности.

Наибольшее число еврейскихъ семей было въ имѣніяхъ фельдмаршала графа Миниха, именно 15.

У трехъ братьевъ графовъ Головкиныхъ—11.

Въ царскихъ описныхъ маетностяхъ также—11.

У генеральнаго обознаго Якова Лизогуба—10.

У бунчуковаго товарища Андрея Полуботка—7.

По *пяти* семей было: въ вѣдѣніи Нѣжинскаго магистрата и у маіора Ганфа.

По *три* семьи мы встрѣчаемъ въ имѣніяхъ: кн. Трубецкаго, поручика Казимирова, бунчуковаго товарища Григорія Савича, бор-

зенскаго сотника Пантелеймона Забѣлы, воронковскаго сотника Афендика, у вдовы Имшенецкой, у бунчуковаго товарища Андрея Лизогуба и въ имѣніяхъ Кіево-Софійскаго монастыря.

По *двѣ* семьи было въ имѣніяхъ гр. Толстыхъ, генерала фонъ-Штофеля, сотника Милорадовича и у Нѣжинскаго войта Петра Тернавіота.

По *одной* семьѣ жило въ имѣніяхъ полковника Кишкина, Деревицкаго, умершаго графа Саввы Владиславовича Рагузинскаго, капитана Ланка, у генеральнаго судьи Михаила Забѣлы у бунчуковаго товарища Поланицкаго, Антона Милорадовича, братьевъ Кандыбъ, Лащинскихъ, Ивана Савича, Величковскаго, Стороженка, Требинскаго, Маркова, Бутовича, Гамалѣя, Савоскаго, Тарновскаго, Войцеховича, Лизогубовой, Корсакова, Селецкаго и Семенова; кромѣ того у бориспольскаго и лукомскаго священниковъ и свящ. Михаила Самойлова, у двухъ козаковъ и одной мѣщанки, а также въ г. Ромнахъ и мѣстечкѣ Красноколядинѣ.

Вообще же было у малорусскихъ помѣщиковъ 74 семьи, у великорусскихъ—32 и иноземныхъ—24; такимъ образомъ у малорусскихъ помѣщиковъ было лишь немного болѣе половины всего числа (130) семей, жившихъ на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Изъ перечисленныхъ именъ владѣльцевъ мы можемъ заключить, что наибольшую поддержку евреямъ оказывали крупные землевладѣльцы и при томъ иноземцы.

Евреи, жившіе въ Харьковской губерніи, перекочевывали отъ одного помѣщика къ другому; они встрѣчаются у обознаго полковаго Быстрицкаго, у полковника Теваишова, гр. Головкина, Уманца, Лесевицкаго, гр. Дуклиса, у капитана Безобразова, священника Карбовскаго и друг.

Всѣ еврейскія семьи вышли изъ правобережной Украины; наибольшее число ихъ переселилось изъ Овручскаго повѣта Кіевскаго воеводства—56, изъ Бѣлоруссіи (прилежащей къ Днѣпру)—40, изъ Кіевскаго повѣта—28 и изъ Волыни—6; такимъ образомъ, пограничные повѣты дали наибольшее число еврейскихъ семей. Всѣ переселенцы были въ означенныхъ повѣтахъ жителями городовъ—фактъ, показывающій, что только скученныя мѣста еврейскихъ поселеній на правомъ берегу Днѣпра, какими были города, недававшія прибыльныхъ занятій евреямъ, выдѣляли изъ себя колонистовъ на лѣвый берегъ; выходцевъ изъ селъ мы не встрѣчаемъ.

По времени поселенія вѣдомость въ общемъ итогѣ дѣлитъ евреевъ на поселившихся до указа 1727 года—3 семьи и на поселившихся послѣ указа 1727 г.—127 семей. Въ частности, число семей отъ 1727 и до 1733 постепенно увеличивается до 8-ми семей въ годъ; въ 1734 г. сразу прибываетъ 17; въ 1735—29; послѣ 1735 г. ежегодное количество еврейскихъ колонистовъ нѣсколько падаетъ, именно: въ 1736 и 1737 является лишь по 20 семей, а въ 1738 г.—8. Слѣдовательно, наибольшій наплывъ евреевъ замѣчается въ 1735 году, вслѣдъ за указомъ 1734, расширившимъ территорію поселенія евреевъ, и быстро падаетъ въ 1738 году, когда поднятъ былъ вопросъ о выселеніи евреевъ на мѣста ихъ прежняго жительства.

По профессіямъ всѣ еврейскія семьи оказываются арендаторами шинковъ, при чемъ о многихъ еще замѣчено, что они занимаются торговлей.

Когда сенатору М. Н. Кречетникову стало извѣстнымъ объ увеличивающемся числѣ евреевъ въ лѣвобережной Украинѣ, вопреки всѣмъ состоявшимся указнымъ запрещеніямъ и особенно указа 1791 г., то онъ тотчасъ же предписалъ Кіевскому намѣстническому правленію выслать всѣхъ оказавшихся въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ евреевъ и представить точныя вѣдомости, съ обозначеніемъ откуда, кто и когда прибылъ и „въ какомъ майстерствѣ упражняется“ [1]). Вѣдомости были доставлены; изъ нихъ мы видимъ, что въ уѣздахъ Кіевскаго намѣстничества жило

въ	Золотоношскомъ .	229 д.,	въ	Остерскомъ . .	77 д.
„	Козелецкомъ . .	159 „	„	Переяславскомъ .	53 „
„	Пирятинскомъ . .	155 „	„	Гадячскомъ . .	35 „
„	Хорольскомъ . .	104 „	„	Лубенскомъ . .	23 „
„	Кіевскомъ . . .	117 „	„	Миргородскомъ .	14 „

Всего оказалось 966 душъ, т. е. на 31% больше, сравнительно съ переписью 1738 года. Изъ этого числа въ городахъ жило: въ Кіевѣ—73, Лубнахъ—15, Миргородѣ—4 и Гадячѣ—4; всего 98, или 10% всего числа евреевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра.

---

[1]) А. А. Андріевскій. „Историческіе Матеріалы изъ Архива Кіевскаго Губернскаго Правленія“. Кіевъ 1882. Вып. I-й стр. 151—155. Къ сожалѣнію, издатель не сдѣлалъ никакихъ извлеченій изъ этихъ вѣдомостей, а привелъ лишь однѣ общіе итоги.

По мѣсту выхода евреевъ вѣдомость дѣлитъ ихъ на бѣлорусскихъ и польскихъ (каковыми считались еще тогда евреи воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго, Подольскаго и Брацлавскаго); тотъ и другой край даетъ почти равныя цифры: польскихъ—447, или 46%, и бѣлорусскихъ—519, или 54%. Сравнительно съ 1738 г., въ этомъ отношеніи произошла перемѣна: прежде бѣлорусскіе выходцы составляли лишь одну треть всѣхъ колонистовъ; теперь они даютъ большую половину переселяющихся; это явленіе могло зависѣть отъ двухъ причинъ: 1, отъ меньшихъ препятствій при переселеніи изъ Бѣлоруссіи, какъ изъ края, подобно Малороссіи, принадлежавшаго Россіи, т. е. передвиженіе совершалось въ границахъ одного и того же государства и 2, отъ болѣе стѣснительныхъ новыхъ условій жизни евреевъ въ Бѣлоруссіи, по присоединеніи ея къ Россіи, несмотря на данныя имъ при этомъ облегченія.

Время выхода евреевъ обозначено въ вѣдомости вообще: „съ оныхъ евреевъ, какъ по вѣдомостямъ объяснено, польскіе и бѣлорусскіе проживаютъ въ Малороссіи лѣтъ по пяти и болѣе“, т. е. они начали селиться около 1785 года.

Профессіи евреевъ, какъ бѣлорусскихъ, такъ и польскихъ, обычныя, излюбленныя ими: „тѣ и другіе“, говоритъ вѣдомость, „по договорамъ съ владѣльцами, находятся у продажи горячаго въ шинкахъ вина и другихъ питей, иные въ винокуренныхъ заводахъ, а прочіе упражняются въ рукодѣліи и въ партикулярномъ услуженіи“. Много-ли было такихъ „прочихъ“, мы не имѣемъ данныхъ.

Разсматривая географически распредѣленіе евреевъ въ 1792 году, мы видимъ, что наибольшее число ихъ живетъ въ уѣздахъ поднѣпровскихъ, а далѣе къ западу число ихъ очень ничтожно. Сравнивая распредѣленіе евреевъ этой переписи съ таковымъ же 1738 г., приходится наблюдать передвиженіе массы евреевъ отъ прежнихъ внутреннихъ торговыхъ пунктовъ къ Днѣпру, отъ Нѣжина и Лубенъ къ Козельцу и Золотоношѣ. Причину этого явленія надо искать въ развивавшейся все болѣе торговли по Днѣпру, который, послѣ успокоенія юга Россіи съ уничтоженіемъ Запорожья (1775 г.) и присоединеніемъ Крыма (1783 г.), становится единственной удобной дорогой для внѣшней торговли съ сосѣдями.

Данныхъ для установленія соотношенія между разселеніемъ евреевъ и экономическихъ положеніемъ крестьянъ, мы не находимъ.

Изъ изложеннаго мы можемъ сдѣлать слѣдующія заключенія:

1) Польское законодательство разрѣшало поселеніе евреевъ въ лѣвобережной Украинѣ; запретительная грамота королевича Владислава была лишь его личнымъ распоряженіемъ и ограничивалась однимъ сѣвернымъ краемъ. Напротивъ, русское правительство всегда относилось неблагопріятно имъ и запрещало ихъ поселеніе; малорусское дворянство, напротивъ, поддерживало евреевъ.

2) Переписи евреевъ 1738 г. и 1792 г. производились случайно, когда обнаруживалось пребываніе евреевъ въ мѣстности, поселеніе въ которой имъ было запрещено.

3) Обѣ переписи обнаруживаютъ незначительное количество евреевъ, непревышающее тысячи душъ.

4) Переселенцы—евреи выходили изъ ближайшаго Поднѣпровья праваго берега и преимущественно изъ городовъ.

5) Главными занятіями ихъ было шинкарство и торговля.

6) Разселеніе евреевъ подчинялось исключительно условіямъ, въ которыхъ находилась торговля лѣваго берега Днѣпра.

Н. Каланинъ.

Статистическія данныя для настоящей статьи заимствованы мной изъ дѣла Правител. Сената по Малороссійской экспедиціи за 1740 годъ, № 1843, лл. 353—584; это дѣло хранится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи; оно указано мнѣ уважаемымъ архиваріусомъ Н. Н. Оглоблинымъ, которому приношу мою искреннюю благодарность.

ЛУЦКАЯ СТАРИНА.

Нынѣшнимъ лѣтомъ мнѣ пришлось провести около двухъ недѣль въ г. Луцкѣ. Занимаясь здѣсь разысканіями въ области письменной и книжной старины, могъ ли я въ тоже время остаться равнодушнымъ къ вещественнымъ остаткамъ древности въ такомъ городѣ, который съ незапамятныхъ временъ служилъ культурнымъ центромъ для всей Волыни и гдѣ столько важныхъ историческихъ эпохъ необходимо должны были оставить неизгладимые слѣды! Основываясь на прошлой исторіи Луцка, я полагалъ, что если гдѣ, то здѣсь въ особенности археологъ долженъ найти обильный матеріалъ для изысканій. Дѣло въ томъ, что рѣдкій изъ нашихъ старинныхъ городовъ находился въ столь благопріятныхъ условіяхъ для накопленія и сохраненія памятниковъ своего историческаго прошлаго, какъ именно Луцкъ. Начать съ того, что на протяженіи почти тысячелѣтняго своего существованія онъ, въ силу особыхъ топографическихъ условій своего положенія, ни разу не мѣнялъ мѣста, на которомъ осѣлся впервые, какъ то случалось не разъ въ исторіи, наприм., нашего Кіева: расположенный на небольшомъ островѣ и съ трехъ сторонъ окруженный непроходимыми топями, Луцкъ тѣмъ самымъ былъ навсегда прикрѣпленъ къ своему мѣсту, выгоды котораго въ стратегическомъ отношеніи были неоцѣнимы. Съ другой стороны, со времени монгольскаго нашествія Луцкъ ни разу не подвергался сколько-нибудь серьезному разоренію, какія нерѣдко постигали другіе города. Терпѣлъ, конечно, и онъ немало со стороны татарскихъ вторженій, но степняки никогда и не пытались осадить этотъ издавна хорошо укрѣпленный городъ, защищенный притомъ

самою природою, и ихъ набѣги не имѣли другихъ послѣдствій, кромѣ разоренія предмѣстій; только козакамъ Хмельницкаго удалось овладѣть этой неприступной твердыней, но и они пощадили ее, потому что мѣщане добровольно отворили предъ ними ворота. Единственное бѣдствіе, отъ котораго много претерпѣлъ старый Луцкъ, это были пожары. Въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ едвали проходило десятилѣтіе, въ теченіе котораго Луцкъ не горѣлъ, иногда по нѣсколько разъ. Этому способствовала крайняя скученность города, вынужденнаго тѣсниться на небольшомъ островѣ, въ чертѣ укрѣпленій, и еще болѣе присутствіе всегда многочисленнаго еврейскаго населенія. Но и частые пожары не могли безслѣдно уничтожить всѣ древніе памятники, потому что старый Луцкъ на половину, если не болѣе, былъ построенъ изъ камня. Каменныя, напримѣръ, церкви существовали здѣсь уже въ XII ст., и одна изъ нихъ сохранилась почти до нашихъ дней; въ половинѣ XIV ст. заложенъ былъ и понынѣ существующій каменный же замокъ; въ XVI ст. имѣются документальныя свидѣтельства о существованіи въ Луцкѣ пяти или шести каменныхъ церквей, двухъ костеловъ и многочисленныхъ „камяницъ“, т. е. каменныхъ домовъ. Въ послѣдующее время число каменныхъ построекъ постоянно увеличивалось, и въ настоящее время трудно найти въ чертѣ стараго города такое мѣсто, гдѣ заступъ не встрѣтилъ бы препятствія въ видѣ мусора; на площадяхъ и въ усадьбахъ—всюду можно найти куски кирпичей самой разнообразной, нерѣдко очень старинной формы. При мнѣ въ одномъ мѣстѣ (въ чертѣ бывшаго „окольнаго“ замка) рыли колодезь, причемъ было выкопано нѣсколько пробныхъ ямъ,—и въ каждой я видѣлъ ряды каменныхъ наслоеній различныхъ эпохъ, идущіе на весьма значительную глубину. При такомъ обиліи каменныхъ построекъ въ старинномъ Луцкѣ пожары не представляли большой опасности въ смыслѣ истребленія древнихъ памятниковъ, по крайней мѣрѣ не могли уничтожить ихъ безъ слѣда.

Тѣмъ не менѣе, приходится констатировать прискорбный фактъ, что въ нынѣшнемъ Луцкѣ такихъ памятниковъ осталось очень немного. Правда, при въѣздѣ въ городъ, еще издали васъ поражаетъ видъ полуразрушенныхъ, окопченныхъ дымомъ, развалинъ католическихъ костеловъ и монастырей: доминиканскаго, бригитокъ, кармелитскаго и армянскаго; но всѣ эти, видимо, въ свое время очень

пышныя зданія не древнѣе половины или даже конца прошлаго столѣтія [1]) и для русской археологіи не представляютъ особаго интереса. Изъ числа же болѣе древнихъ монументальныхъ памятниковъ, заслуживающихъ вниманія по ихъ значенію въ исторіи г. Луцка, въ настоящее время сохранились только слѣдующіе:

1) Полуразрушенный, но все еще величественный каменный *замокъ*, заложенный въ половинѣ XIV ст. удѣльнымъ волынскимъ княземъ Любартомъ Гедиминовичемъ и достроенный его преемниками—Витовтомъ и Свидригайломъ [2]). Онъ занимаетъ небольшую возвышенную площадь, какъ бы самою природою предназначенную для укрѣпленія: съ трехъ сторонъ она окружена болотами рр. Стыра и Глушца, а съ четвертой, со стороны города, ее отрѣзываетъ довольно глубокій оврагъ, черезъ который перекинутъ мостъ. Когда-то оврагъ этотъ, или ровъ, былъ такъ глубокъ, что наполнялся водою изъ р. Стыра, и въ замокъ можно было проникнуть не иначе, какъ по подъемному мосту. Внутренняя площадь замка имѣетъ фигуру неправильнаго круга въ 55 саж. длины и 48 ширины и обнесена массивными стѣнами, высотою до трехъ и болѣе сажень, съ сохранившимися амбразурами и бойницами. Фундаменты ихъ сложены изъ дикаго камня-известняка, а самыя стѣны—изъ кирпича, между которымъ встрѣчаются и куски дикаго камня. Форма кирпичей продолговатая, немногимъ больше нынѣшней; отличительная же черта ихъ состоитъ въ томъ, что каждый кирпичъ (сколько можно судить по видѣннымъ нами экземплярамъ) имѣетъ на одной изъ плоскихъ сторонъ рядъ продольныхъ желобковидныхъ углубленій. Верхнія части стѣнъ, судя по матеріалу, были достроены въ позднѣйшее время—вѣроятно, при Сигизмундѣ-Августѣ, когда литовское правительство особенно заботилось о приведеніи въ лучшее оборонительное

---

[1]) За исключеніемъ, впрочемъ, кляштора бригитокъ, построеннаго въ первой половинѣ XVII ст. и реставрированнаго въ 1781 г. Въ настоящее время зданіе это передѣлывается въ городскую тюрьму, подобно тому какъ лѣтъ 10—12 назадъ опустѣлое зданіе бывшаго тринитарскаго кляштора перестроено для помѣщенія окружнаго суда, а бывшій бернардынскій костелъ обращенъ въ православную церковь (соборную). Очень жаль, что не утилизировано для подобной же цѣли великолѣпное зданіе бывшаго доминиканскаго костела; его теперь ломаютъ для добыванья камня, какъ равно и зданіе кармелитскаго кляштора.

[2]) Памятники Кіевской Коммиссіи, т. IV, отд. 2-й, стр. 66.

состояніе волынскихъ замковъ. Въ трехъ углахъ луцкаго замка возвышаются четырехъ-угольныя каменныя башни: одна при въѣздѣ, такъ называвшаяся „ворóтная“, другая—направо отъ нея, со стороны р. Стыра, а третья—влѣво, надъ р. Глушцемъ; послѣдняя носила издревле названіе „владычней“, потому что поддерживать ее въ исправности обязаны были луцкіе „владыки“, т. е. епископы, изъ доходовъ отъ церковныхъ имѣній. Башни имѣли когда-то по три и по четыре этажа, но уже болѣе ста лѣтъ (со времени пожара 1781 г.), какъ кровли и потолки въ нихъ разрушены, и нужно только удивляться тому, какъ эти великаны, лишенные надлежащихъ скрѣпленій, все еще противостоятъ разрушительному дѣйствію стихій, хотя многочисленныя и глубокія трещины въ башнѣ „воротной“ ясно показываютъ, что близокъ уже часъ, когда рухнетъ наконецъ эта вѣковая твердыня.

Сравнивая нынѣшнее состояніе луцкаго замка съ тѣмъ, въ какомъ изображаютъ его послѣднія польскія люстраціи (1765 и 1789 гг.), невольно приходишь въ изумленіе: какъ мало онъ измѣнился за послѣдніе сто лѣтъ и съ какимъ несокрушимымъ упорствомъ противостоитъ онъ совокупнымъ усиліямъ природы и человѣка, направленнымъ къ его разрушенію! Уже и въ то время замокъ, по словамъ королевскихъ люстраторовъ, былъ „dawnością czasow spustoszały“, башни „zrujnowane, а внутри замка „sama rudera murów i tylko znaki, gdzie niegdyś bywała rezydencya dziedzicznych książąt i panów Łucka“. Почти то же можно сказать и о настоящемъ его состояніи. Правда, западная стѣна его теперь на половину исчезла, но не отъ времени она обвалилась: въ 1780-хъ годахъ ее нарочно приказалъ разобрать луцкій староста, князь Іосифъ Чарторыйскій, чтобъ она не заслоняла свѣта построенному имъ, на мѣстѣ древняго княжескаго дворца, одноэтажному дому для гродскаго суда и помѣщенія актовыхъ книгъ, до тѣхъ поръ хранившихся частью въ замковыхъ башняхъ, частью же въ соборной церкви. Внутренній видъ замка подвергся болѣе значительнымъ перемѣнамъ: сто лѣтъ назадъ здѣсь существовала еще каѳедральная Іоанно-Богословская церковь, въ то время заново перестроивавшаяся, съ высокой каменной колокольней и съ деревяннымъ домомъ для жительства епископа и соборнаго клира; теперь нѣтъ и слѣда этихъ зданій. Сохранился лишь построенный княземъ Чарторыйскимъ одноэтажный каменный домъ

(теперь въ немъ—казармы) и еще развалины каменнаго зданія, въ которомъ нѣкогда помѣщалась „служба замковая“, т. е. гарнизонъ; на мѣстѣ же бывшаго епископскаго дома уже въ нынѣшнемъ столѣтіи построено небольшое каменное зданіе, принадлежащее теперь военному вѣдомству.

До самаго послѣдняго времени древній замокъ служилъ для луцкихъ обывателей своего рода каменноломней, откуда они безпрепятственно добывали кирпичъ для хозяйственныхъ надобностей. Къ счастью, стѣны замка такъ высоки, а старинная цементировка такъ прочна, что ломка эта оказывалась дѣломъ не особенно легкимъ; тѣмъ не менѣе въ стѣнахъ замка оказалось много пробоинъ, которыя изъ года въ годъ увеличивались и угрожали имъ неминуемымъ паденіемъ. Конецъ этому вандализму положилъ покойный кіевскій генералъ-губернаторъ А. Р. Дрентельнъ, приказавшій задѣлать всѣ дыры и пробоины въ стѣнахъ замка и подмуровать углы въѣздной башни, болѣе другихъ угрожающей паденіемъ. Какъ намъ передавали, онъ предполагалъ произвести и другія, болѣе капитальныя исправленія въ замкѣ, и только вслѣдствіе неожиданной его смерти эта прекрасная мысль осталась не осуществленною.

Еще одна любопытная подробность о луцкомъ замкѣ: его стѣны съ наружной стороны почти вездѣ исцарапаны различными надписями, начертанными въ разное время. Большею частью онѣ представляютъ иниціалы, а иногда и полныя имена и фамиліи лицъ, посѣтившихъ это мѣсто, съ обозначеніемъ годовъ; есть тутъ много именъ русскихъ, но еще больше польскихъ. Мы не имѣли терпѣнія разобрать всѣ надписи, такъ какъ ихъ здѣсь безчисленное множество и болѣе древнія изъ нихъ на половину истерлись; но вынесли такое впечатлѣніе, что стѣны замка представляютъ своего рода ляпидарную лѣтопись. Есть надписи, относящіяся къ XVIII, даже къ XVII ст., наприм., на одномъ камнѣ мы прочли: „An. Galcewski 1689“; на другихъ лишь иниціалы съ годами: 1682; ᾳχοϛ (1675) H. K.; I. R. 1627; 1612; а одинъ изъ камней имѣетъ помѣту: 1537. Наконецъ, встрѣчаются здѣсь и въ собственномъ смыслѣ лѣтописныя замѣтки, въ родѣ слѣдующихъ: „Augusŧ III krol umarł R. 1763“; „1781 d. 5 7-bris Łuck zgorżał“; Stan: Aug: król umarł roku 1798“ и т. под.

2) Остатки *окольнаго замка*. Отъ южной башни главнаго замка зъ западномъ направленіи, по берегу р. Стыра, тянулась нѣкогда крѣпостная каменная стѣна; за бывшимъ кляшторомъ бригитокъ она изогнутой линіей поворачивала на сѣверъ, огибала бывшій іезуитскій коллегіумъ, доходила до р. Глушца, почти у нынѣшняго Глушецкаго моста, затѣмъ острымъ угломъ поворачивала къ юго-востоку и берегомъ Глушца возвращалась на соединеніе съ замкомъ у „воротной“ башни, образуя такимъ образомъ замкнутое пространство въ формѣ удлиненнаго полукруга. Это былъ *пригородокъ*, или *замокъ окольный*, иначе называвшійся *дольнымъ* (т. е. нижнимъ), въ отличіе отъ замка *вышняго*, построеннаго, какъ мы упоминали, на небольшой возвышенности. Укрѣпленія нижняго замка, какъ и верхняго, заложены были княземъ Любартомъ, а достраивали ихъ Витовтъ и Свидригайло. Еще въ половинѣ XVI ст. они не были вполнѣ окончены: изъ люстраціи 1545 г. видно, что восточная сторона окольнаго замка (по берегу р. Глушца) имѣла деревянныя стѣны; были ли онѣ когда-либо впослѣдствіи замѣнены каменными—не извѣстно. Въ то время въ окольномъ замкѣ было 8 башенъ: 4 каменныхъ и столько же деревянныхъ. На мѣстѣ пересѣченія нынѣшнихъ Доминиканской и Кармелитской улицъ стояла въѣздная башня и при ней былъ мостъ, черезъ который происходило сообщеніе окольнаго замка съ городомъ; мѣсто это называлось *перекопомъ*. Отсюда, вдоль стѣнъ пригородка, вправо—до р. Стыра и влѣво– до р. Глушца шли земляные валы и глубокіе, наполненные водою рвы, въ которыхъ даже водилась рыба[1]). Валы эти, хотя по мѣстамъ и раскопанные, существовали еще въ 1816 г., какъ о томъ упоминаетъ въ путевыхъ запискахъ извѣстный польскій историкъ Юліанъ Нѣмцевичъ[2]). Въ настоящее время отъ нихъ и слѣда нѣтъ, а остатки рва можно видѣть въ той довольно глубокой долинѣ, которая спускается къ р. Стыру параллельно Доминиканской улицѣ. Надъ этой долиной, отъ угла каѳедральнаго костела, тянется массивная каменная стѣна, огибаетъ зданіе бывшаго кляштора бригитокъ и отсюда, съ значительными перерывами, доходитъ почти до самаго верхняго замка.

---

[1]) См. Люстрацію Луцкаго замка 1545 и 1552 гг.: Памятники Кіевск. Коммиссіи, т. IV и Архивъ Юго-зап. Россіи, часть VII, т. 1-й.

[2]) См. его „Podróże historyczne po ziemiach polskich“, стр. 208—213.

Это и есть остатокъ древнихъ укрѣпленій замка окольнаго, или пригородка, и именно остатокъ той самой стѣны, которая подробно описана въ люстраціи 1545 г. и относительно которой въ то время было еще живо преданіе, что заложилъ ее князь Любартъ, а достроилъ Свидригайло. И точно, форма и качество кирпича, изъ котораго она сложена, способъ цементировки, присутствіе въ нижнихъ рядахъ, и особенно въ фундаментѣ, дикаго камня—все это вполнѣ тождественно съ тѣмъ, что можно наблюдать и въ верхнемъ замкѣ. Особенно хорошо сохранилась эта стѣна въ усадьбѣ каѳедральнаго костела, гдѣ она укрѣплена контрфорсами и надъ ней, видимо, въ позднѣйшее время, сдѣлана надстройка; болѣе же всего она повреждена, а мѣстами и совсѣмъ разобрана, въ участкѣ между бывшимъ кляшторомъ бригитокъ и Замковой улицей: здѣсь она проходитъ по частнымъ усадьбамъ и закрываетъ видъ на рѣку. Еще въ 1765 г., когда луцкій замокъ не потерялъ стратегическаго значенія, королевскіе люстраторы жаловались, что одинъ изъ здѣшнихъ обывателей, усадьба котораго находилась въ окольномъ замкѣ, самовольно разобралъ часть городской стѣны „dla prospectu dworku swego“.

3) *Еврейская синагога.* Это—квадратное каменное зданіе, представляющее внутри довольно обширную залу съ высокимъ сводчатымъ потолкомъ. Поверхъ его массивныхъ стѣнъ со всѣхъ четырехъ сторонъ надстроены, почти въ 2 аршина вышиной, другія стѣны, закрывающія кровлю зданія,—съ каменными колонками очень оригинальнаго стиля и сохранившимися между ними бойницами. Къ юго-западному углу зданія примыкаетъ четырехъ-угольная двухъ-этажная башня съ такою же надстройкою и также съ бойницами. Внутри башни имѣется витая каменная лѣстница, на столько узкая, что по ней едва можетъ пройти одинъ человѣкъ. Архитектура всего зданія носитъ явную печать глубокой старины; форма кирпичей, способъ цементировки—тѣ же, что и въ замкѣ Любарта. Какое было первоначальное назначеніе этого зданія, кто былъ его строителемъ и съ какого времени евреи устроили здѣсь синагогу—объ этомъ не имѣется никакихъ свѣдѣній. Древнѣйшія люстраціи луцкаго замка ни слова не говорятъ объ этомъ зданіи, изъ чего можно, пожалуй, вывести заключеніе, что уже въ половинѣ XVI ст. оно было синагогой; въ луцкихъ актахъ также нѣтъ объ немъ упоминаній. Сами луцкіе евреи не знаютъ ничего достовѣрнаго объ

исторіи своей святыни, а передаютъ лишь, какъ глухое преданіе, слышанное отъ предковъ, будто нынѣшняя синагога существуетъ уже около 500 лѣтъ и уступлена имъ (или же разрѣшена къ постройкѣ) какимъ-то королемъ Казимиромъ, о чемъ якобы имѣется надпись на одномъ камнѣ вверху башни. Мы просили старика-школьнаго старосту показать намъ эту надпись, взбирались съ нимъ на башню, но надписи никакой тамъ не оказалось: по предположенію старосты, ее должно быть стерли въ недавнее время еврейскіе мальчики, часто взбирающіеся сюда [1]). Судя по положенію зданія нынѣшней синагоги на берегу Стыра, на окраинѣ стараго города, а равно по тому, что примыкающая къ нему башня понынѣ сохранила всѣ признаки фортификаціонной постройки, можно полагать что это загадочное зданіе когда то входило въ систему городскихъ укрѣпленій, выступавшихъ за предѣлы окольнаго замка, и можетъ быть служило въ нихъ отдѣльнымъ фортомъ, предназначеннымъ для защиты западной части города. Въ этомъ предположеніи всего болѣе утверждаютъ насъ сохранившіеся слѣды фундаментовъ, по видимому, каменной стѣны, направляющіеся далѣе отъ синагоги, по берегу р. Стыра, почти до бывшаго кармелитскаго костела. Объ этой стѣнѣ нѣтъ упоминанія въ люстраціяхъ XVI—XVIII ст., но она могла существовать въ болѣе раннее время, напр., въ эпоху Витовта, и въ такомъ случаѣ должна была примыкать другимъ концемъ къ окольному замку. Дѣйствительно, на востокъ отъ синагоги, въ очень близкомъ разстояніи, находится полуразрушенный доминиканскій костелъ, построенный на мѣстѣ древнѣйшаго, первоначальнаго костела того же ордена, а рядомъ съ нимъ на берегу рѣки, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ угла окольнаго замка, замѣтны фундаменты какого то очень древняго зданія и при нихъ — остатокъ необыкновенно массивной каменной стѣны, очень древней кладки, съ развалинами какой то пристройки съ арками, въ родѣ небольшой церкви. Одинъ изъ луцкихъ старожиловъ сообщилъ намъ слышанное имъ еще въ дѣтствѣ преданіе, что на этомъ мѣстѣ существовалъ нѣкогда *„дворецъ“ Витовта*, къ стѣнѣ котораго былъ пристроенъ небольшой *доминиканскій костелъ*. Преданіе это кажется намъ весьма правдоподобнымъ. Доминикане впер-

[1]) Проф. В. Б. Антоновичъ сообщилъ намъ, однако, что онъ видѣлъ эту надпись въ 1886 г.; она писана была по-еврейски и заключала хронологическую дату, соотвѣтствующую времени княженія Казимира Ягеллоновича.

вые появились въ Луцкѣ именно во времена Витовта, въ концѣ XIV ст., и утвердились здѣсь подъ защитою этого, перваго на Волыни, князя-католика. Страннымъ представляется, что для нихъ не нашлось мѣста внутри городскихъ укрѣпленій, и они вынуждены были заложить свой кляшторъ за чертой окольнаго замка; но этотъ фактъ становится вполнѣ естественнымъ, если дать вѣру преданію о существованіи здѣсь Витовтова „дворца“ и допустить, что во времена Витовта крѣпостная стѣна по берегу Стыра шла гораздо далѣе позднѣйшихъ границъ окольнаго замка, включая въ себя и башню нынѣшней синагоги. Впослѣдствіи, когда границы городскихъ укрѣпленій были съужены (вѣроятно, при Свидригайлѣ), оставшійся внѣ ихъ фортъ могъ быть оставленъ для защиты еврейской синагоги, которая была, можетъ быть, построена въ княженіе Казимира Ягеллоновича, какъ о томъ гласитъ мѣстное еврейское преданіе.

4) *Каѳедральный католическій костелъ* св. Троицы съ примыкающими къ нему каменными двухъ-этажными корпусами. Здѣсь нѣкогда помѣщался знаменитый въ лѣтописяхъ Волыни луцкій *іезуитскій коллегіумъ*, основанный въ 1606 г. и закрытый въ 1781 г. Самое зданіе было заложено лишь въ 1616 г. и строилось болѣе 25 лѣтъ на счетъ добровольныхъ пожертвованій мѣстнаго дворянства. Одними изъ главныхъ жертвователей оказались новообращенные іезуитами представители русскихъ княжескихъ родовъ: Вишневецкіе, Чарторыйскіе и Святополкъ-Четвертынскіе. Надо отдать справедливость луцкимъ іезуитамъ: созданный ими храмъ представляетъ chef-d'oevre архитектурнаго искусства XVII в. (въ стилѣ renaissance). Примыкающіе къ нему громадные корпуса, въ которыхъ когда то жили и учились студенты коллегіума, не смотря на неоднократные пожары, настолько еще сохранили печать отдаленной старины, что посѣтитель невольно переносится мыслью въ тѣ времена, когда въ этихъ, нынѣ пустынныхъ, корридорахъ шумѣла буйная молодежь, своими проказами нерѣдко наводившая ужасъ на мирное населеніе города. Въ двухъ залахъ помѣщается старинная коллегіатская библіотека, какимъ то чудомъ уцѣлѣвшая въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ томовъ, не смотря на многократные пожары, постигавшіе зданіе. Къ сожалѣнію, она не приведена въ порядокъ, и лишь въ недавнее время приступили къ составленію ея каталоговъ. Намъ удалось ознакомиться лишь съ одною ея половиною, хранящеюся въ

главной библіотечной залѣ; но и то, что мы успѣли замѣтить здѣсь при спѣшномъ осмотрѣ, привело насъ къ убѣжденію, что эта библіотека заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны любителей книжной старины. Кромѣ громаднаго количества старопечатныхъ польскихъ и латинскихъ сочиненій по разнымъ научнымъ отраслямъ [1]), здѣсь хранится также не мало рукописей и документовъ, главнымъ образомъ относящихся къ исторіи коллегіума, какъ, напримѣръ, приходорасходныя книги (Libri rationum perceptae et expensae collegii Luceoriensis Societatis Jezu), записи пожертвованій, списки студентовъ, письма и распоряженія генераловъ ордена, учебныя руководства и записки по разнымъ предметамъ; книги, куда вписывались диспуты іезуитскихъ богослововъ съ разновѣрцами и т. под. Болѣе интересны сборники подъ названіемъ: Libri actuum et exhibitionum, куда вносились публичныя рѣчи, діалоги, стихотворенія и наконецъ драмы и мистеріи, исполняемыя іезуитскими студентами. Такія книги велись изъ года въ годъ, и сохранилось ихъ довольно много. Изслѣдователь южно-русской школьной драмы навѣрное отыщетъ въ этихъ матеріалахъ много любопытнаго. Для примѣра приведемъ хотя однѣ заглавія піесъ, какія мы успѣли просмотрѣть и отмѣтить для памяти: 1) *Solis Regia*—драма, in Luceoriensi Atheneo demonstrata anno 1699, 31 aug.; 2) *Aurea Saecula*—мистерія въ стихахъ, in theatrum deducta декабря 10, 1714 г.; 3) *Christus patiens, ab Apolline et Musis deploratus*—публичный діалогъ, исполненный въ 1717 г.; 4) *Insani Amores*—драма, представленная 10 февраля 1729 г.; 5) *Bacchus*—латинская драма (1728 г.) съ польской интермедіей, въ которой дѣйствующія лица: *rusticus, latrones, евреи, нищій,* и т. под. *Rusticus* присланъ къ Бахусу пріятелемъ послѣдняго „паномъ *Запустомъ*“ съ предупрежденіемъ, что противъ него идетъ войной „панъ *Постъ*“. 6) *Concors discordia*, celebrata A. D. 1748; въ ней также есть интермедія, въ которой выступаютъ, какъ лица дѣйствующія: *Гармидеръ, Галасъ, Бурда и Голота*—бандуристъ; послѣдній выступаетъ на сцену съ возгласомъ: „Słuchajte, Lachy, mene Hołoty: łycho wam bude, utikajte“ и проч. Кромѣ сю-

[1]) Въ числѣ ихъ мы замѣтили, напр., сочиненіе кіевскаго бискупа Верещинскаго: *Politica*, изд. 1595 г., книгу іезуита Т. Рутки: *Goliat, swoim mieczem porażony*, изд. 1689 г., и т. под.

жетовъ классическихъ и библейскихъ, многія піесы написаны на разные случаи изъ жизни іезуитскаго патрона, св. Станислава Костки. Всѣ драмы и мистеріи XVII и первой половины XVIII ст. составлены по-латыни, и только интермедіи и иногда хоры—по-польски. Въ 1749 г. поставлена была первая драма изъ классической исторіи, составленная на польскомъ языкѣ; въ послѣдующее время ставились драмы даже изъ польской исторіи; но публичныя рѣчи (наприм., Orationes in renovatione studiorum, ежегодно произносимыя въ послѣднихъ числахъ августа, при началѣ учебныхъ занятій), а также элегіи и трены на смерть разныхъ лицъ (наприм, Elegia condolescens на смерть молодого п. Загоровскаго, каштелянича волынскаго) всегда были составляемы не иначе, какъ на латинскомъ языкѣ.

Въ той же библіотекѣ хранится нѣсколько рукописей на армянскомъ языкѣ (повидимому XVI—XVII ст.) и три сборника документовъ, относящихся къ исторіи существовавшей нѣкогда въ Луцкѣ армянской общины. Это—остатокъ библіотеки и архива давно упраздненной армянской церкви, обгорѣлыя развалины которой существуютъ и до настоящаго времени. Одинъ изъ сборниковъ имѣетъ заглавіе: Fundament kościoła, pod tytułem s. Szczepana, Łuckiego Ormeńskiego, составленъ пробощемъ этой церкви въ 1724 г. Наиболѣе ранній документъ въ немъ—грамота короля Сигизмунда I, подтверждающая продажу луцкимъ армяниномъ усадьбы п. Василію Патрикіевичу. Здѣсь же находится списокъ священниковъ луцкой армянской церкви съ 1554 г. Два другіе сборника начинаются грамотой короля Александра 1503 г., подтверждающей права армянской церкви и народности; но изъ текста грамоты не ясно, относится ли она спеціально къ луцкимъ армянамъ, или ко всему армянскому населенію, жившему въ то время въ предѣлахъ польско-литовскаго государства. Мы не имѣли времени подробно пересмотрѣть названные сборники, но полагаемъ, что они должны представлять нѣкоторый научный интересъ въ виду того, что исторія луцкихъ (какъ и вообще волынскихъ) армянъ—предметъ совершенно не разработанный наукой. До сихъ поръ не опредѣлено даже съ точностью время ихъ появленія на Волыни. Польскіе лѣтописцы (напр., Длугошъ) говорятъ о луцкихъ армянахъ и даже о существованіи въ Луцкѣ особой армянской каѳедры еще во времена Витовта; но по даннымъ люстраціи 1552 г. луцкая армянская колонія того времени

оказывается столь не многолюдной, что содержать ей своего епископа не было никакой надобности; позднѣйшія, вполнѣ достовѣрныя свидѣтельства не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ XVI—XVIII ст. въ Луцкѣ не было особой армянской каѳедры. Можно полагать, что внимательное изученіе упомянутыхъ сборниковъ, а равно хранящихся тамъ же другихъ армянскихъ рукописей, дало бы возможность составить достовѣрную исторію луцкой армянской общины и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить любопытный вопросъ—о причинахъ, побудившихъ армянъ поголовно выселиться изъ Луцка въ концѣ XVIII ст. Ихъ опустѣлый каменный храмъ, занятый впослѣдствіи подъ военные слады, подвергся пожару и въ такомъ обгорѣломъ, полуразрушенномъ видѣ стоитъ и въ настоящее время.

и 5) *Алтарная часть бывшаго братскаго Крестовоздвиженскаго храма*, въ нынѣшнемъ году обращенная въ церковь; подробнѣе объ ней мы скажемъ нѣсколько ниже.

Вотъ и всѣ архитектурные памятники луцкой старины, древность которыхъ восходитъ къ періоду времени съ половины XIV до половины XVII ст. Нельзя не признать, что ихъ очень мало для города, прожившаго почти тысячу лѣтъ и въ теченіе шести вѣковъ служившаго центромъ политической, религіозной и культурной жизни обширнаго края. Притомъ же, почти всѣ сохранившіеся луцкіе памятники говорятъ лишь о временахъ литовскаго господства на Волыни или о печальной эпохѣ латино-польской пропаганды въ этомъ краѣ; но между ними нѣтъ ни одного, который характеризовалъ бы старинный Луцкъ, какъ исконный русскій, православный городъ, нѣкогда столицу удѣльныхъ русскихъ князей и мѣстопребываніе православныхъ епископовъ. Почему не сохранилось ни одного изъ древнихъ православныхъ храмовъ, за исключеніемъ лишь жалкихъ остатковъ братской церкви—памятника сравнительно позднѣйшей эпохи? Ужели ихъ не было въ древнемъ Луцкѣ, или, быть можетъ, всѣ они были разрушены до основанія во время монгольскаго нашествія? Ничуть не бывало! Еще въ XII ст. въ Луцкѣ было на лице *четыре* монастыря и *шестнадцать* церквей, изъ коихъ три монастыря (Васильевскій, Пречистенскій и Спасскій на Красномъ) и нѣсколько церквей (Димитріевская, Іоанно-Богословская, св. Іакова, св. Екатерины и др.) были основаны еще древними луцкими князьямя: Мстиславомъ Владиміровичемъ Мономаховичемъ, Василькомъ Романовичемъ, Любартомъ Ге-

диминовичемъ и другими, и нѣкоторые изъ этихъ храмовъ уцѣлѣли до временъ возвращенія Волыни подъ власть Россіи. Въ настоящее время изъ числа старинныхъ церквей въ Луцкѣ сохранилась единственная Покровская, да и та въ уніатской постройкѣ прошлаго столѣтія; объ остальныхъ забыта самая память, такъ что при помощи лишь документальныхъ указаній намъ удалось опредѣлить мѣста (и то не всѣхъ), гдѣ онѣ стояли когда-то. Спрашивается, куда исчезли эти памятники древняго православія въ бывшей столицѣ Волыни? Конечно, многія церкви были истреблены пожаромъ, о чемъ имѣются документальныя свидѣтельства; но, вѣдь, не всѣ же онѣ были построены изъ дерева: пять или шесть изъ нихъ (и притомъ найболѣе древнія) были каменныя. Почему не уцѣлѣли, по крайней мѣрѣ, ихъ развалины, не сохранилось ни одного предмета древней церковной утвари? Что труднѣе всего уберечь отъ огня, какъ не книги! А вѣдь сберегліись же среди пожаровъ почти въ полной цѣлости 1167 томовъ древнихъ актовыхъ книгъ луцкихъ судовъ въ непрерывномъ порядкѣ съ 1561-го года! Если намъ возразятъ, что актовыя книги оберегались всегда съ особенною заботливостью и хранились въ найболѣе безопасномъ мѣстѣ—въ замкѣ (хотя и замокъ не всегда былъ обезпеченъ отъ пожаровъ), то мы могли бы указать на зданіе бывшаго іезуитскаго коллегіума, въ которомъ не только сохранились почти въ прежнемъ видѣ залы, гдѣ жили и учились нѣкогда іезуитскіе студенты, но уцѣлѣла даже ихъ библіотека и притомъ, какъ кажется, въ тѣхъ самыхъ шкафахъ, какія сдѣланы были при постройкѣ зданія. Между тѣмъ какъ отъ братской школьной библіотеки не сохранилось ни одной книги, и еслибъ не особенно счастливый случай, доставившій въ 1844 г. возможность кіевской археографической Коммиссіи пріобрѣсти старинные братскіе каталоги и нѣкоторыя другія рукописи, то въ настоящее время мы не имѣли бы никакихъ свѣдѣній о порядкахъ и уставахъ знаменитаго луцкаго братства и его училища. Этотъ поразительный и обидный для русскаго чувства контрастъ приходилось намъ наблюдать не въ одномъ Луцкѣ. Зайдите въ любой старинный костелъ на Волыни, и вамъ покажутъ портреты его основателей и благотворителей, покажутъ нѣсколько древнихъ образовъ и объяснятъ ихъ происхожденіе. А въ православной церкви если хотите найти что-нибудь подобное, то ищите не на видныхъ мѣстахъ въ самомъ храмѣ, а гдѣ-либо на хорахъ или на чердакѣ: тамъ, между разною рухлядью,

чаще всего найдете древній образъ, старинныя книти или рукописи, сохранившіяся только лишь потому, что никто не замѣчалъ ихъ здѣсь или не придавалъ имъ никакого значенія. По большей части предметы эти не внесены въ церковную опись и потому во всякое время могутъ исчезнуть безъ слѣда. Въ 1850-хъ годахъ въ церкви с. Зимно (владиміръ-вол. у.) хранилось рукописное евангеліе 1497 г., пожертвованное литовскимъ писаремъ Ѳедоромъ Янушкевичемъ, съ приложеніемъ стихираря, помянника и нѣкоторыхъ монастырскихъ документовъ съ 1460 по 1702 г.г. Оно было истребовано для разсмотрѣнія въ кіевскую археографическую Коммиссію и возвращено по принадлежности. Въ 1882 г. мы были въ Зимно и хотѣли видѣть эту драгоцѣнную рукопись, но ея давно уже тамъ не было; сохранилась лишь глухая память, будто евангеліе это кѣмъ-то было продано австрійскимъ евреямъ-антикваріямъ. Другой примѣръ: въ „Вѣстникѣ Югозап. Россіи“ (1863 г.) въ ст. А. Добротворскаго, въ числѣ другихъ старинныхъ рукописей, хранившихся въ то время въ библіотекѣ Загоровскаго монастыря, описанъ рукописный сборникъ стихотвореній XVII вѣка. Не давно мы имѣли возможность подробно осмотрѣть эту библіотеку и убѣдились, что упомянутый стихотворный сборникъ исчезъ безслѣдно. Наконецъ, нынѣшнимъ лѣтомъ были мы въ с. Бѣлостокѣ (луцк. у.) нарочито съ цѣлью ознакомиться съ архивомъ бывшаго Бѣлостоцкаго монастыря, основаннаго въ 1636 г. извѣстнымъ борцомъ за православіе, перемышльскимъ епископомъ Сильвестромъ Гулевичемъ. О существованіи этого архива было извѣстно изъ историко-статистич. описанія с. Бѣлостока, составленнаго бывшимъ здѣсь свящ. Василіемъ Абрамовичемъ и помѣщеннаго въ „Волынск. Епарх. Вѣдомостяхъ“ 1870 г. Къ сожалѣнію, намъ пришлось лишь видѣть старинные шкафы, въ которыхъ нѣкогда хранился монастырскій архивъ, но въ нихъ не было уже ни одного листа изъ древнихъ документовъ: по преданію, они были истреблены самимъ же о. Абрамовичемъ послѣ того, какъ онъ составилъ, на основаніи ихъ, довольно поверхностное „описаніе“ бывшаго Бѣлостоцкаго монастыря.

Нѣтъ, не пожары и не военныя тревоги, а главнымъ образомъ непростительное равнодушіе и прежнихъ, и отчасти нынѣшнихъ поколѣній было причиною того повсемѣстнаго истребленія предметовъ и памятниковъ старины, какое съ грустью приходится констатировать археологамъ и въ Луцкѣ и во всякомъ иномъ мѣстѣ юго-западнаго

края. Истребленіе это началось съ очень давняго времени и—что особенно печально—виновниками его чаще всего были представители русскаго духовенства—православнаго и впослѣдствіи уніатскаго Это было въ эпоху крайняго іерархическаго разстройства въ западно-русской церкви, когда высшія церковныя должности почти исключительно были занимаемы недостойными лицами, болѣе заботившимися о собственномъ обогащеніи, нежели о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ. Документальная исторія XVI—XVII ст. переполнена жалобами южноруссовъ о томъ, что ихъ пастыри разоряли церкви и монастыри и даже отдавали ихъ въ аренду, наравнѣ съ мельницами и винокурнями, расхищали цѣнные предметы изъ церковной утвари, „съ крестовъ великихъ малые чинили и собѣ поязы, ложки и сосуды злочестивые къ своимъ похотемъ справовали, изъ ризъ чинили саяны, съ петрохилевъ—брамы“ [1]). Изъ луцкихъ епископовъ рѣдкій не оказывался повиннымъ въ подобныхъ дѣлахъ, начиная съ Ѳеодосія Гулевича, который въ 1550-хъ годахъ разогналъ монаховъ луцкаго Васильевскаго монастыря, а его имѣнія—благочестивый даръ князя Василька Романовича—роздалъ своимъ дѣтямъ. Найболѣе печальную въ этомъ отношеніи память оставилъ по себѣ Іона Борзобогатый-Красенскій, до своего епископства бывшій луцкимъ войтомъ и откупщикомъ королевскихъ податей на Волыни. Онъ безъ зазрѣнія грабилъ подвѣдомственныя ему церкви; наприм., изъ Жидичинскаго монастыря похитилъ крестъ золотой „воздвизальный“, стоившій болѣе 1000 червонцевъ, нѣсколько серебряныхъ позолоченныхъ чашъ и другую цѣнную утварь [2]). Когда онъ умеръ (въ 1585 г.), его невѣстка и внуки дочиста разграбили луцкую каѳедральную церковь: изъ образа Богородицы вынули камень „великий, дорогий“ и отправили въ Данцигъ для продажи, взяли большой золотой крестъ „роботы вельми коштовнои, везенои (вязью) съ каменемъ дорогимъ“, евангеліе „вельми коштовное“, на пергаментѣ писаное, съ фундушами древнихъ князей, и нѣсколько другихъ пергаментныхъ книгъ; въ Дубищскомъ монастырѣ (близь Луцка) кельи разобрали и употребили на топливо, чернцовъ разогнали, колокола увезли, а изъ желѣзнаго клепала велѣли наковать топоры [3]). Не луч-

[1]) Акты Зап. Россіи, т. III, № 146. *Саянъ* — родъ стариннаго женскаго платья; *брамы*—нашивныя каймы, какими любили тогда отдѣлывать платья.

[2]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, часть 1, т. I, 233.

[3]) Ibidem, стр. 208—210.

ше былъ и преемникъ Іоны, извѣстный Кириллъ Терлецкій, по смерти котораго луцкая соборная церковь оказалась „барзо спустошалой, въ аппаратахъ и охендозствѣ обнажоной“[1]). Тоже повторялось и при его преемникахъ, уніатскихъ архіереяхъ. Въ 1617 г. въ Луцкѣ случился пожаръ, между прочимъ истребившій нѣсколько церквей. Тогдашній луцкій епископъ Евгеній Еловичъ-Малинскій, вмѣсто того, чтобы озаботиться возобновленіемъ сгорѣвшей Воскресенской церкви, отдалъ ея погостъ въ „вѣчное“ чиншевое владѣніе луцкому аптекарю Войтеху Вцисловичу за чиншъ по золотому въ годъ[2]). Его преемникъ, владыка Іеремія Почаповскій въ 1627 г. отдалъ въ чиншъ погостъ другой погорѣвшей церкви—Николаевской (каменной) „человѣкови богобойному“, мѣщанину Роману Левоновичу; а черезъ нѣсколько лѣтъ луцкій подкоморій князь Григорій Четвертинскій занесъ въ судъ протестацію о томъ, что этотъ „богобойный“ человѣкъ изъ развалинъ древней церкви „будынки для *корчмы* строитъ“ и безъ церемоніи выбрасываетъ изъ склеповъ „трупы съ тѣлами зацныхъ старожитныхъ“ покойниковъ[3]). Все это—факты, относительно которыхъ лишь случайно сохранились документальныя свидѣтельства; а сколько же ихъ прошло безслѣдно для памяти потомства! Удивляться ли тому, что отъ большинства луцкихъ церквей не сохранилось даже развалинъ, не говоря уже о цѣнныхъ предметахъ церковной утвари! Перечитывая церковные и монастырскіе инвентари XVI—XVII ст., приходишь въ изумленіе: сколько еще въ то время хранилось на Волыни древнѣйшихъ, по большей части „паркгаминовыхъ“ рукописныхъ книгъ: богослужебныхъ, учительныхъ, прологовъ, святоотеческихъ твореній, „пчелъ“, „златоструевъ“ и т. под.! Все это было, очевидно, наслѣдіемъ древнихъ вѣковъ, когда на списываніе книгъ смотрѣли какъ на благочестивый подвигъ, и ему съ усердіемъ посвящали свои досуги даже князья и княгини, какъ, наприм., Владиміръ Васильковичъ, князь волынскій, и св. Евфросинія, княжна полоцкая. Для нашего времени это были бы сокровища дороже злата и сребра; а вотъ въ 1621 г. уніатъ-священникъ владиміръ-волынской Михайловской церкви заложилъ одну такую книгу еврею-шинкарю всего лишь за 20 грошей[4]). Если въ этомъ фактѣ

---

[1]) Актовая книга Центр. Арх. № 2130, л. 162.

[2]) Акт. книга № 2124. л. 135.

[3]) Актовая книга, № 2473, л. 49.

[4]) Архивъ Юго-зап. Россіи, часть 1-я, т. 6, стр. 489.

и было что-либо исключительнаго, такъ это, пожалуй, застава церковной книги за спиртные напитки; но вообще отдача въ заставу книгъ, какъ и другихъ предметовъ церковной утвари, широко практиковалась духовенствомъ въ XVI—XVII ст. Всего вѣроятнѣе, что такимъ именно путемъ чаще всего и погибали эти драгоцѣнныя сокровища глубокой древности. Но что и говорить о книгахъ, когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безслѣдно утеряны даже чудотворныя иконы и другіе особенно-священные предметы. Гдѣ, напримѣръ, тотъ издревле чтимый на Волыни образъ св. „Николы Жидичинскаго“, которому „кланятися и молитися“ ѣздилъ въ 1227 г. князь Даніилъ Романовичъ Галицкій? Куда исчезла хранившаяся еще въ началѣ XVII ст. въ Луцкой соборной церкви часть животворящаго древа Креста Господня и часть мощей св. мученика Пантелеимона, вывезенныя изъ Греціи княземъ Дмитріемъ Любартовичемъ? Ихъ давно нѣтъ, и самая память объ этихъ священныхъ предметахъ совсѣмъ забыта.

Но оставимъ старыя времена. Они миновали; Волынь, какъ и другія западнорусскія области, возвращена Россіи; унія сразу же была подорвана, и православіе снова заняло господствующее положеніе въ исконно-русскомъ краѣ. Теперь, казалось бы, должны были наступить самыя благопріятныя времена для сохраненія и возстановленія памятниковъ древности, въ особенности тѣхъ, которые служили непререкаемымъ свидѣтельствомъ исконнаго господства въ возсоединенномъ краѣ русской вѣры и народности. На самомъ же дѣлѣ случилось нѣчто совсѣмъ иное: эпоха возстановленія православія и усиленія русскаго начала въ западномъ краѣ была временемъ самаго усиленнаго, почти окончательнаго истребленія старинныхъ и преимущественно церковныхъ памятниковъ, пощаженныхъ корыстолюбіемъ и невѣжествомъ прежнихъ поколѣній. Церковь св. Василія въ Овручѣ, Мстиславовъ храмъ во Владимірѣ, Братская и Дмитріевская церкви въ Луцкѣ, Богоявленская въ Острогѣ — всѣ эти драгоцѣнные памятники когда подверглись разрушенію (а иные и окончательному уничтоженію), какъ не въ девятнадцатомъ столѣтіи? Мы упоминаемъ лишь о памятникахъ монументальныхъ (и притомъ исключительно о волынскихъ); а сколько погибло въ нынѣшнемъ столѣтіи древностей предметныхъ и рукописныхъ! Много ли уцѣлѣло старинныхъ вещей и рукописей изъ ризницъ, библіотекъ и архивовъ многочисленныхъ уніатскихъ (въ древности православныхъ) монастырей, взкрытыхъ въ 1830-хъ годахъ?

Куда дѣвались архивы уніатскихъ консисторій и, въ особенности, актовыя книги епископскихъ судовъ, выписи изъ которыхъ (по частнымъ дѣламъ) дошли до насъ отъ временъ XVI и XVII ст.?

Какъ ни прискорбны всѣ эти потери, они были естественнымъ послѣдствіемъ того неопредѣленнаго, хаотическаго положенія, въ какомъ такъ долго оставались западно-русскія окраины со времени ихъ присоединенія къ имперіи. Вспомнимъ, какъ нерѣшительна и безпринципна была русская политика по отношенію къ этимъ областямъ во все время царствованія Павла I и Александра I! Съ какими колебаніями и неувѣренностью велось первоначально самое дѣло возстановленія здѣсь православія, и какъ долго господствовалъ и въ русскомъ обществѣ, и отчасти въ сферахъ правительственныхъ взглядъ на эти области, только какъ на покоренныя силою оружія! Въ это смутное время кому былъ досугъ и охота заботиться о памятникахъ старины! затѣмъ наступила пора окончательнаго упраздненія уніи и передачи всѣхъ церквей и монастырей въ православное вѣдомство. Этотъ переворотъ сопровождался новыми и едва ли не самыми крупными потерями въ области мѣстной старины. Покидая навсегда свои монастыри и церкви, уніаты старались забрать съ собою все, что было въ нихъ болѣе цѣннаго въ какомъ бы то ни было отношеніи, и оставляли въ наслѣдство православнымъ лишь малоцѣнные предметы церковной утвари и на роловину расхищенные архивы и библіотеки; а новые владѣльцы и это убогое наслѣдіе готовы были бы выбросить изъ церквей, какъ непристойную память объ уніи,—и сколько цѣнныхъ памятниковъ старины погибло благодаря этому несчастному недоразумѣнію! Нѣсколько лѣтъ назадъ, на колокольнѣ одной сельской церкви на Волыни, между разною рухлядью, случилось намъ отыскать древнее рукописное евангеліе, на поляхъ котораго какой-то простодушный ревнитель православія подписалъ: „сію книгу надобно подереть, ибо она уніятска, а теперъ надобно росийскихъ“: и дѣйствительно, рукопись оказалась съ оборваннымъ переплетомъ и съ изорванными листами, хотя писана задолго до уніи. Въ этомъ наивномъ предубѣжденіи, будто все старинное есть уніатское,—предубѣжденіи, не вполнѣ исчезнувшемъ даже въ настоящее время, по нашему мнѣнію, коренится одна изъ главныхъ причинъ всеобщаго равнодушія къ старинѣ, какое понынѣ замѣчается на Волыни, какъ и во всемъ западномъ краѣ. Только крайняя бѣдность и недостаточность матеріаль-

ныхъ средствъ вынуждаетъ здѣсь духовенство и прихожанъ кое-какъ поддерживать старинныя церкви и сохранять въ нихъ старинныя иконы и утварь; даже древнія рукописныя евангелія (съ сохранившимися окладами) въ иныхъ церквахъ берегутся лишь потому, что, за недостаткомъ новыхъ, употребляются иногда при совершеніи требъ и крестныхъ ходахъ. Но дайте средства—и завтра же все будетъ замѣнено новымъ, а отъ стараго не останется и слѣда.

Послѣ всего сказаннаго, надѣемся, никому не покажется страннымъ нижеслѣдующій разсказъ о томъ, какъ въ г. Луцкѣ, на памяти еще живущихъ поколѣній, были уничтожены древніе храмы—послѣдніе памятники искони процѣтавшаго здѣсь православія. Разсказъ этотъ составленъ на основаніи документальныхъ свѣдѣній, разысканныхъ нами въ дѣлахъ мѣстнаго духовнаго правленія и другихъ правительственныхъ учрежденій. Мы излагаемъ его нѣсколько съ бо́льшими подробностями, чѣмъ то требуется для цѣлей археологическихъ, потому что предметъ нашего разсказа представляетъ, по нашему мнѣнію, не одинъ лишь археологическій интересъ: это живая страница изъ первоначальной исторіи возстановленія православія на Волыни.

* * *

Всякому извѣстно, что Луцкъ издревле былъ русскимъ православнымъ городомъ и оставался вполнѣ таковымъ и въ то время, когда, по силѣ Люблинской уніи, въ 1569 г. былъ отторгнутъ отъ Литвы и присоединенъ къ Польшѣ. Въ ту пору въ немъ было 16 православныхъ церквей и 4 монастыря, а наряду съ ними всего лишь два католическихъ костела, да и тѣ существовали исключительно на счетъ королевскихъ фундушей и едвали имѣли достаточное число прихожанъ. Не забудемъ также, что въ Луцкѣ въ то время находилась каѳедра православныхъ луцко-острожскихъ епископовъ, основанная еще въ XIII ст., и что на многія сотни верстъ его окружало сплошное русское, православное населеніе.

Съ тѣхъ поръ минуло $2^1/_4$ столѣтія, и въ 1795 г. Луцкъ, вмѣстѣ съ западною Волынью, былъ присоединенъ къ Россіи, но присоединенъ далеко не въ прежнемъ видѣ: теперь въ немъ было 8 великолѣпныхъ костеловъ, три уніатскія церкви—и ни одной православной; древняя епископская каѳедра около столѣтія уже находилась въ уніатскихъ рукахъ; населеніе Луцка состояло изъ католиковъ, евреевъ

и уніатовъ, а вокругъ было русско-уніатское „хлопство“ и польско-католическое „панство“.

Тотчасъ приняты были мѣры къ возстановленію совершенно исчезнувшаго въ краѣ православія. Указомъ 1795 г. уніатская луцкая каѳедра объявлена была закрытою, какъ „ненужная“, а всѣ многочисленныя имѣнія, издревле ей принадлежавшія, отобраны въ казну и въ слѣдующемъ же году пожалованы императрицею Екатериною генералъ-аншефу Пасѣкову. Въ то же время, съ преобразованіемъ Луцка въ уѣздный городъ, сюда назначенъ былъ православный соборный причтъ, и въ его вѣдомство были переданы всѣ здѣшнія уніатскія церкви съ обращеніемъ ихъ въ православныя.

Такихъ церквей было въ то время въ Луцкѣ три: двѣ приходскихъ — Дмитріевская и Покровская и монастырская (базиліанская) Крестовоздвиженская. Была, впрочемъ, и четвертая церковь — замковая Іоанно-Богословская, построенная въ XIV ст. княземъ Любартомъ Гедиминовичемъ и съ тѣхъ поръ служившая каѳедральнымъ соборомъ для православныхъ и впослѣдствіи уніатскихъ епископовъ; но въ данное время она стояла въ недостроенномъ видѣ: въ 1776 г. уніатскій епископъ Сильвестръ Рудницкій приступилъ было къ фундаментальной перестройкѣ этого храма, но черезъ годъ умеръ, а его преемники почему то не позаботились довести до конца начатое имъ дѣло, и церковь, выведенная почти до кровли, около двадцати уже лѣтъ стояла въ этомъ жалкомъ видѣ.

Возникъ вопросъ: какую же изъ церквей назначить соборнымъ храмомъ для новоучрежденнаго уѣзднаго города? Дмитріевская и Покровская были невзрачны и малопомѣстительны; окончить же недостроенную церковь Іоанна Богослова было не на что, ибо хотя въ 1798 г., при императорѣ Павлѣ, луцкая уніатская каѳедра была снова возстановлена, но принадлежавшія ей имѣнія — благочестивый даръ древнихъ русскихъ и литовскихъ князей—не были уже возвращены. И вотъ вниманіе духовнаго православнаго начальства остановилось на базиліанской Крестовоздвиженской церкви. Это былъ довольно большой каменный храмъ, созданный въ 1630-хъ годахъ усердіемъ и иждивеніемъ знаменитаго въ волынскихъ лѣтописяхъ Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства. Когда-то при немъ существовала греко-славянская православная школа, типографія и „шпиталь“, или богадѣльня, вмѣстѣ съ больницей. Съ переходомъ въ унію (около 1720 г.) брат-

ство зачахло и не было въ состояніи содержать эти учрежденія; только училище продолжали еще поддерживать монахи базиліане, но и оно безслѣдно исчезло въ концу XVIII ст. Въ моментъ присоединенія края отъ всѣхъ этихъ нѣкогда цвѣтущихъ учрежденій не оставалось уже ничего, кромѣ монастырской церкви и каменнаго при немъ корпуса, въ которомъ помѣщались монахи-базиліане.

Въ 1797 г. Крестовоздвиженская церковь была у нихъ отобрана и обращена въ соборную, а въ бывшемъ братскомъ корпусѣ помѣщено Луцкое духовное правленіе и соборный причтъ; сверхъ того, нѣсколько келлій предоставлено было для жительства недавнимъ хозяевамъ зданія—базиліанамъ, монастырь коихъ не былъ пока закрытъ, а только предназначенъ къ закрытію. Не успѣли православные устроиться въ новомъ помѣщеніи, какъ къ 1803 г. случился пожаръ, отъ котораго пострадалъ и братскій корпусъ и еще болѣе соборный храмъ, такъ что нельзя было совершать въ немъ богослуженіе. Тогда соборъ перевели въ Покровскую церковь, стоявшую впустѣ со времени отобранія, за неимѣніемъ прихожанъ, а соборный причтъ остался безъ квартиръ и разбрелся по сельскимъ приходамъ. Починять обгорѣвшую церковь было некому и не на что. Богатые фундуши, нѣкогда принадлежавшіе Луцкому братству и состоявшіе въ имѣніяхъ, городскихъ домахъ и лавкахъ, оставались въ рукахъ базиліанъ; то же самое было и съ фундушами остальныхъ двухъ церквей, приписанныхъ къ собору. Когда происходило отобраніе Покровской церкви, то уніатскій настоятель ея Іосифъ Бучинскій удержалъ у себя документы на церковныя земли и продолжалъ владѣть ими по-прежнему, не смотря на то, что церковь принадлежала уже православнымъ. Попытался было соборный протоіерей о. Вигура отобрать эти земли при помощи суда, но въ 1799 г. проигралъ дѣло: луцкій повѣтовый судъ, поголовно состоявшій изъ чиновниковъ поляковъ, потребовалъ, чтобы истецъ представилъ подлинные документы на право владѣнія исковыми землями; а такъ какъ документы эти находились въ рукахъ Бучинскаго, то о. Вигура не имѣлъ возможности исполнить этого требованія, и ему въ искѣ было отказано. То же самое повторилось съ искомъ о фундушахъ Дмитріевской церкви, захваченныхъ луцкими доминиканами. Вотъ почему Покровская и Дмитріевская церкви въ первые годы послѣ ихъ отобранія стояли впустѣ: фундуши ихъ оставались въ рукахъ уніатскаго и католическаго духовенства, а прихожанъ вовсе не было, такъ

какъ все городское населеніе состояло изъ иновѣрцевъ. Въ виду такого безвыходнаго положенія, члены соборнаго причта и вмѣстѣ духовнаго правленія разбрелись по сельскимъ приходамъ, а обгорѣвшая Крестовоздвиженская церковь предана была въ жертву запустѣнію.

Тѣмъ временемъ луцкіе базиліане, освободившись отъ сожительства православныхъ, успѣли прочно устроиться въ покинутомъ зданіи. Они починили братскій корпусъ, устроили въ немъ домовую церковь и стали совершать въ ней богослуженіе, а остальную часть зданія отдавали въ наемъ. Теперь, въ царствованіе милостиваго императора Александра I, для ихъ ордена наступили другія времена, заставлявшія надѣяться, что ихъ часъ еще не пробилъ и что начатое съ такимъ тріумфомъ дѣло возстановленія православія въ западномъ краѣ не получитъ дальнѣйшаго развитія. Такъ оно почти и было на дѣлѣ. Правительственныя предположенія о сокращеніи уніатскихъ монастырей все еще оставались предположеніями, между тѣмъ уніатская іерархія была возстановлена, а въ 1807 г. получилъ высочайшее утвержденіе проектъ князя А. Чарторыйскаго о возвращеніи базиліанскому ордену утраченныхъ имъ правъ. Затѣмъ наступила тревожная пора Наполеоновскаго нашествія, а въ 1814 г. весь западный край волновался по поводу слуховъ о намѣреніи государя возстановить царство Польское съ присоединеніемъ къ нему Волыни, при чемъ поляки распускали слухъ, что всѣ присоединившіеся къ православію будутъ насильно возвращены въ прежнюю вѣру, т. е. въ унію. Естественно, что среди такихъ смутъ некому было заботиться о возстановленіи на Волыни православія, и луцкій соборный причтъ долго еще находился въ разсѣяніи. Не менѣе призрачнымъ было и существованіе луцкаго духовнаго правленія. Еще въ 30-хъ годахъ оно доносило своему начальству, что никто не хочетъ быть въ немъ первоприсутствующимъ и вмѣстѣ соборнымъ протоіереемъ, такъ какъ въ цѣломъ Луцкѣ числится всего одиннадцать душъ православныхъ прихожанъ, а если кто и согласенъ, то лишь съ тѣмъ, чтобъ жить въ подгороднемъ с. Гнидавѣ на приходѣ и заниматься хозяйствомъ. Дѣйствительно, въ то время, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, одинъ за другимъ перемѣнились въ этой должности протоіереи: Григорій Корнаковскій, Аѳанасій Лотоцкій и Исидоръ Метельскій (съ 1834 г.)

Польскій мятежъ 1830—31 гг. далъ другой поворотъ теченію

дѣлъ на Волыни, какъ и во всемъ западномъ краѣ. Такія мѣры, какъ закрытіе Кременецкаго лицея, упраздненіе на Волыни многихъ католическихъ монастырей, отобраніе Почаевской лавры, введеніе въ дѣлопроизводство всѣхъ присутственныхъ мѣстъ русскаго языка, обозначили до очевидности дальнѣйшее направленіе правительственной политики и заставили притихнуть латино-уніатскіе элементы. Въ 1833 г. состоялось, наконецъ, повелѣніе о закрытіи, въ числѣ другихъ, луцкаго монастыря и о передачѣ его зданій въ вѣдѣніе мѣстнаго православнаго духовенства. Когда приступили къ пріему братскаго корпуса, то оказалось, что въ немъ, кромѣ немногихъ базиліанъ, помѣщалась еще и городская больница, неизвѣстно когда и кѣмъ тамъ водворенная. Протоіерей Лотоцкій потребовалъ отъ городничаго вывести больницу и очистить зданіе; но городничій отвѣтилъ, что не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ больница состоитъ въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія и въ ней находятся на излѣченіи раненные и увѣчные воины и арестанты, и что прежніе монахи-базиліане жили много лѣтъ въ сосѣдствѣ съ больницей и не жаловались на тѣсноту. Тѣмъ не менѣе, въ слѣдующемъ году больница была выведена, и въ братскомъ корпусѣ попрежнему былъ помѣщенъ соборный причтъ и духовное правленіе.

Въ то же время духовенство начало судебный искъ о возвращеніи принадлежавшихъ нѣкогда братскому монастырю фундушей, почему то оставшихся въ пользованіи уніатовъ. Какъ значительны были эти фундуши, видно изъ того, что одна капитальная сумма, розданная базиліанами на проценты сосѣднимъ помѣщикамъ, простиралась до 19,000 р., не считая другихъ суммъ, занятыхъ луцкимъ еврейскимъ кагаломъ, доминиканами и др., счета коимъ духовенство не знало, такъ какъ базиліане удержали расчетныя книги и документы. Кромѣ денежныхъ суммъ, въ составъ монастырскихъ фундушей входила также довольно значительная недвижимая собственность: земли, городскіе дома и усадьбы, нѣкогда пожертвованные православному братству и теперь находившіеся въ чужихъ рукахъ. Процессъ объ этихъ фундушахъ длился нѣсколько лѣтъ и окончился неудачей; въ 1839 г. луцкій повѣтовый судъ постановилъ рѣшеніе: по силѣ закона о давности, православное духовенство потеряло право не только на исковыя суммы и имѣнія, но даже и на вчинаніе иска; сверхъ того, такъ какъ фундуши упраздненнаго по высочайшему повелѣнію луцкаго мона-

стыря переданы въ вѣдѣніе Жидичинской администраціонной коммиссіи (уніатской), то они должны и впредь оставаться въ ея распоряженіи, согласно волѣ правительства.

Эта неудача не остановила луцкаго духовенства въ его намѣреніи возвратить православнымъ церквамъ ихъ древнее достояніе. Убѣжденное горькимъ опытомъ, что для успѣшнаго вчинанія исковъ нужны подлинные документы, духовенство начинаетъ усердно разыскивать ихъ. Въ этомъ дѣлѣ особенное усердіе и способность выказалъ луцкій протоіерей Исидоръ Метельскій, занимавшій эту должность съ 1834 по 1867 г. Это былъ неутомимый труженикъ и страстный археологъ, съ увлеченіемъ раскапывавшій всюду, гдѣ могъ, старинные документы и другія письменныя свидѣтельства по исторіи мѣстныхъ церквей. Пользуясь тѣмъ, что древнія актовыя книги луцкихъ судовъ хранились еще въ то время на мѣстѣ, онъ первый воспользовался ими для извлеченія актовъ по исторіи древнихъ луцкихъ церквей и монастырей. По его представленію, учреждена была епархіальнымъ вѣдомствомъ особая коммиссія для отвърытія и объясненія документовъ на фундуши луцкихъ церквей, и душею этой коммиссіи былъ самъ Метельскій. Исходя изъ того соображенія, что всѣ имѣнія и земли, когда-либо принадлежавшія существовавшимъ нѣкогда въ Луцкѣ православнымъ церквамъ, должны быть возвращены православному вѣдомству, онъ возбудилъ длинный рядъ исковъ объ отобраніи земель и имѣній, пожертвованныхъ луцкимъ церквамъ и монастырямъ князьями Мстиславомъ Мономаховичемъ, Василькомъ Романовичемъ, Любартомъ, Свидригайломъ и другими благочестивыми князьями и панами съ XII по XVIII ст. Еслибы удался этотъ монструальный искъ, луцкая соборная церковь владѣла бы территоріей, равняющейся любому удѣльному княжеству. Но оказалось, что значительная часть древнихъ церковныхъ имѣній очутилась во владѣніи луцкихъ католическихъ монастырей, по закрытіи которыхъ (въ 1847 г.) поступила въ казну; другія земли и имѣнія перешли въ частныя руки въ незапамятныя времена. Тѣмъ не менѣе труды Метельскаго не пропали даромъ: почти половина г. Луцка была признана церковною фундушевою землею и укрѣплена, какъ собственность, за луцкой соборной церковью. Съ этой земли Метельскій, до своего перемѣщенія въ Кременецъ, успѣлъ собрать въ пользу церкви однихъ арендныхъ взносовъ болѣе 11,000 рублей.

Прилагая столько усердія къ возвращенію старинныхъ церковныхъ фундушей, луцкое духовенство далеко не съ такимъ усердіемъ заботилось о поддержаніи и сохраненіи тѣхъ самыхъ древнихъ церквей, фундуши которыхъ оно такъ старательно разыскивало. Церкви эти были: Дмитріевская, Крестовоздвиженская и недостроенная Іоанно-Богословская. Это были послѣдніе вещественные памятники древняго православія въ Луцкѣ—и всѣ онѣ исчезли на глазахъ археолога Метельскаго. Раньше всѣхъ была разобрана замковая, бывшая каѳедральная церковь Іоанна Богослова, построенная въ XIV ст. княземъ Любартомъ на мѣстѣ болѣе древней церкви того же имени, служившей усыпальницей древнимъ луцкимъ князьямъ. Какъ мы сказали уже, она, со времени смерти ея реставратора, уніатскаго епископа Сильвестра Рудницкаго (въ 1777 г.), стояла недостроенной и болѣе полувѣка подвергалась разрушительному дѣйствію стихій и расхищенію камня со стороны обывателей. Въ 1840 г. церковь эта была разобрана, а камень, по преданію, былъ проданъ на постройку луцкаго военнаго госпиталя. По чьему распоряженію состоялась эта продажа и разборка, въ дѣлахъ, которыми мы пользовались, нѣтъ свѣдѣній объ этомъ. Въ 1855 г. профессоръ Н. Д. Иванишевъ, основываясь на документальныхъ свидѣтельствахъ конца XVI ст. о томъ, что еще въ то время въ Іоанно-Богословской церкви существовала гробница князя Любарта и другихъ „змерлыхъ господарей христіанскихъ, великихъ князей рускихъ“, задумалъ произвести археологическія изслѣдованія въ склепахъ этой церкви съ цѣлью открытія упомянутыхъ великокняжескихъ гробницъ. Личныя разысканія самого Иванишова, начатыя осенью того же года и прерванныя наступившимъ ненастьемъ, не привели ни къ какимъ результатамъ. Во іюлѣ слѣдующаго года былъ отправленъ въ Луцкъ для окончанія начатаго изслѣдованія завѣдывавшій въ то время кіевскимъ университетскимъ музеемъ Волошинскій, который, послѣ мѣсячной работы, открылъ на глубинѣ $2^1/_2$ саженъ подъ развалинами церкви, на самомъ материкѣ, гробницу, устроенную изъ кирпича и отличающуюся чистотой отдѣлки. По вскрытіи каменной плиты, служившей крышкой, въ гробницѣ оказался скелетъ, обращенный лицемъ къ востоку. Слѣдовъ деревяннаго или иного какого либо гроба, а равно остатковъ одежды или другихъ вещей не оказалось въ гробницѣ, за исключеніемъ весьма мелкихъ кусочковъ дерева, которые, по мнѣнію Волошинскаго, могли составлять остатки деревян-

наго креста, вѣроятно находившагося въ рукахъ покойника. Былъ ли это прахъ Любарта или другого луцкаго князя—осталось не выясненнымъ. За недостаткомъ отпущенныхъ ему средствъ, Волошинскій прекратилъ работы, успѣвъ произвести раскопку лишь въ южной части церкви, но вынесъ такое убѣжденіе, что „слѣдовало бы разрыть до самаго материка если не все внутреннее пространство древней церкви, то по крайней мѣрѣ сѣверную ея половину", въ томъ предположеніи, не находятся ли гдѣ-либо вблизи открытой имъ гробницы общая великокняжеская усыпальница, о существованіи которой упоминается въ древнихъ документахъ. Но, разочарованная первыми неудачами, кіевская археографическая Коммиссія, на средства которой производились означенныя раскопки, видимо охладѣла къ этому дѣлу и только исходатайствовала распоряженіе генералъ-губернатора „о принятіи мѣръ къ охраненію отъ разрушенія посторонними лицами открытой гробницы". Самъ Волошинскій, по окончаніи раскопки, распорядился засыпать ее мусоромъ и землей, поставивъ столбъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ найдена имъ гробница. Въ настоящее время нѣтъ и признаковъ этого столба, и только небольшое углубленіе среди внутренней площади луцкаго замка указываетъ мѣсто, гдѣ нѣкогда возвышался древній каменный храмъ—каѳедра луцкихъ епископовъ.

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ разборки Іоанно-Богословской церкви, та же печальная судьба постигла Крестовоздвиженскую церковь, созданную нѣкогда „потомъ и слезами" благочестивыхъ луцкихъ братчиковъ и составлявшую когда-то гордость и славу православнаго населенія Луцка. Какъ мы уже сказали, это былъ довольно вмѣстительный, прочно построенный, каменный храмъ о трехъ полусферическихъ куполахъ, внутри которыхъ изображены были гербы князей Святополкъ-Четвертинскихъ, Пузынъ, пановъ Гулевичей и другихъ волынскихъ дворянскихъ родовъ, благотворившихъ луцкому братству и его святынѣ и подъ ея сводами находившихъ послѣднее успокоеніе. Около восьмидесяти лѣтъ церковь эта находилась въ рукахъ уніатовъ и, по странному велѣнію судьбы, едва дождалась возвращенія въ православное вѣдомство, какъ тотчасъ воцарилась въ ней мерзость запустѣнія. Мы упомянули, что въ 1803 г. церковь эта погорѣла; но такъ какъ купола и своды въ ней были каменные, то обгорѣла лишь кровля и другія деревянныя части, все же зданіе мало пострадало отъ пожара если могло простоять безъ починки болѣе полувѣка. Такъ можно за-

ключать и судя по рисунку этой церкви, снятому долго спустя послѣ пожара, въ 1840-хъ годахъ, и помѣщенному въ I т. „Памятниковъ Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ“. Тѣмъ не менѣе вопросъ о возобновленіи этого храма никогда не подымался, хотя половина тѣхъ фундушевыхъ земель, какія исхлопоталъ для соборной церкви протоіерей Метельскій, именно принадлежали бывшему братскому монастырю. Наоборотъ, съ 1852 г. поднятъ былъ вопросъ о сломкѣ Крестовоздвиженской церкви, не встрѣтившій, однако, поддержки въ епархіальномъ управленіи. Въ 1855 г. соборный причтъ вторично представилъ рапортъ объ угрожающемъ положеніи стѣнъ и куполовъ опустѣвшаго церковнаго зданія и о необходимости сломки его съ тѣмъ, чтобы добытый кирпичъ употребить на починку соборнаго (бывшаго братскаго) дома, гдѣ помѣщались члены причта, а въ нижнемъ этажѣ *тюрьма*. По словамъ рапорта благочиннаго Метельскаго, только западная сторона церкви и главный куполъ въ то время угрожали опасностью паденія, остальная же часть, по его мнѣнію, могла долго еще простоять. Эти-то угрожавшія паденіемъ части храма Метельскій и рекомендовалъ разломать немедленно, а кирпичъ употребить на починку дома. Въ это же время въ духовное правленіе поступило предложеніе отъ луцкаго мѣщанина, еврея Аврума Сороки, о томъ, что онъ согласенъ на свой счетъ сломать *всю церковь* и въ вознагражденіе за то получить въ свою пользу кирпичъ, за вычетомъ того количества, какое потребуется для починки церковнаго дома. Мысль о сломкѣ зданія Крестовоздвиженской церкви путемъ продажи ея съ торговъ не разъ уже была предлагаема луцкимъ городничимъ, настаивавшимъ на немедленной ея сломкѣ въ виду угрожающаго положенія зданія; но епархіальное начальство относилось несочувственно къ этой мысли, и только убѣдившись въ невозможности оставлять зданіе въ опасномъ положеніи, консисторія приняла составленный причтомъ проектъ о сломкѣ церковнаго зданія съ подряда и представила его въ святѣйшій синодъ на утвержденіе. Синодъ въ 1857 г. разрѣшилъ сломать Крестовоздвиженскую церковь, но только не съ подряда, а „хозяйственнымъ способомъ“, самому комитету, учрежденному для починки соборнаго дома, и съ тѣмъ условіемъ, чтобы остальной кирпичъ, какой не будетъ употребленъ на починку корпуса, и другіе матеріалы были сложены въ приличномъ мѣстѣ и хранимы впредь до особаго распоряженія епархіальнаго начальства.

Комитетъ почему-то не спѣшилъ воспользоваться полученнымъ разрѣшеніемъ; а тѣмъ временемъ наступила весна, и въ ночь съ 27 на 28 апрѣля 1858 г. главный куполъ церкви обрушился.

Началась опять длинная переписка. Снова всплылъ проектъ о сломкѣ зданія путемъ продажи его съ торговъ. На первый разъ консисторія рѣшительно ему воспротивилась и въ протоколѣ отъ 28 іюня признала, что „продажа зданія древней церкви населяющимъ почти исключительно г. Луцкъ евреямъ не прилична и для многихъ могла бы послужить соблазномъ и поводомъ къ нареканіямъ на православное духовенство и вообще на православіе; допустивъ же къ покупкѣ зданія только христіанъ, при недостаткѣ другихъ соревнователей нельзя ожидать, чтобы продажа совершилась съ предположенною выгодою для церкви; кромѣ того, и христіанъ нѣтъ возможности обязать, чтобы матеріаламъ, кои будутъ получены отъ разборки церковнаго зданія, было дано приличное употребленіе“. Впослѣдствіи протоіерей Метельскій (въ рапортѣ отъ 16 февраля 1862 г.), цитируя выраженія означеннаго протокола о неприличіи продажи древняго храма, писалъ: „это—святая правда, которой не слѣдовало бы нарушать, особенно въ такомъ городѣ, въ которомъ преобладаютъ иновѣрцы и невѣрные“. Тѣмъ не менѣе, не видя другого исхода, консисторія въ 1860 г. сдѣлала постановленіе о сломкѣ церковнаго зданія путемъ продажи его съ торговъ. „Съ скорбію сердца (сознавался впослѣдствіи тогдашній волынскій архіепископъ Антоній) я долженъ былъ наконецъ согласиться на докладъ о семъ консисторіи по вниманію къ тому, что видѣнная мною лично въ 1861 г. печальная картина продолжительнаго оставленія древней святыни въ совершенномъ запустѣніи, съ опасностью для жителей, представляла постоянный укоръ православію въ глазахъ иновѣрныхъ, тогда какъ сломка зданія, хотя неблаговидная, по крайней мѣрѣ одновременно прекращаетъ этотъ позоръ“. Въ мартѣ 1862 г. были въ первый разъ произведены торги на сломку Крестовоздвиженской церкви, причемъ высшую противъ другихъ цѣну (375 р. 50 к.) предложилъ еврей Гершко Ерлихъ. Консисторія этихъ торговъ не утвердила и иприказала произвести другіе, съ тѣмъ чтобы по возможности было оказано предпочтеніе христіанамъ предъ евреями. На вторичныхъ торгахъ, въ маѣ 1863 г., высшую сумму (541 р. 20 к.) предложилъ опять таки еврей, луцкій мѣщанинъ Абрамъ Сорока, а на

переторжку никто не явился. Нечего было дѣлать, консисторія утвердила торги, и 28 іюня 1864 г. протоіерей Метельскій заключилъ съ евреемъ Сорокою контрактъ, по силѣ котораго послѣднему предоставлено было право сломать всю церковь, за исключеніемъ лишь фундаментовъ и находящихся внутри и внѣ церкви похоронныхъ склеповъ, и получить въ свою пользу кирпичъ, желѣзо и другіе матеріалы. Въ первоначальный текстъ контракта было внесено условіе, по которому Сорока, подъ угрозою штрафа въ 500 р., обязывался дать этимъ матеріаламъ „приличное“ назначеніе и ни въ какомъ случаѣ не допустить, чтобы они „перешли въ еврейскія постройки“; но Сорока рѣшительно отказался принять это условіе, и оно было затѣмъ выключено.

Въ іюлѣ еврей Сорока приступилъ къ сломкѣ бывшаго братскаго храма, славнѣйшей нѣкогда святыни въ краѣ Волынскомъ. Ломалъ онъ его все лѣто и часть осени и успѣлъ сломать почти весь, за исключеніемъ алтарной части. Въ сентябрѣ посѣтилъ Луцкъ кіевскій генералъ-губернаторъ Анненковъ и обратилъ вниманіе на то, что производится разборка какого-то стариннаго храма. Узнавъ, что это былъ за храмъ и какимъ путемъ онъ сдѣлался еврейскою собственностью, генералъ-губернаторъ, какъ разсказываютъ, пришелъ въ негодованіе и немедленно приказалъ удалить евреевъ съ церковнаго погоста. Въ письмѣ къ волынскому преосвященному онъ выражалъ горькое сожалѣніе, что не сохраненъ, хотя бы въ разрушенномъ видѣ, древній памятникъ православія въ краѣ, искони русскомъ, имѣющемъ такъ мало благолѣпныхъ храмовъ, высказывалъ мысль о необходимости возстановить разрушенную святыню и въ этихъ видахъ просилъ о содѣйствіи къ огражденію ея отъ дальнѣйшаго разрушенія. Результатомъ этого письма было экстренное предписаніе преосвященнаго Антонія на имя протоіерея Метельскаго о немедленномъ прекращеніи разборки Крестовоздвиженской церкви и безотговорочномъ переселеніи послѣдняго на жительство въ г. Луцкъ [1]).

Въ то же самое время генералъ-губернаторъ вошелъ съ особымъ представленіемъ въ министерство внутр. дѣлъ, въ которомъ

---

[1]) Послѣ пожара 1845 г. о. Метельскій переселился въ Жидичинъ и жилъ тамъ въ домѣ бывшихъ уніатскихъ архіереевъ. Тамъ же помѣщалось и Луцкое духовное правленіе.

изложилъ подробно всѣ обстоятельства даннаго дѣла и въ заключеніе писалъ: „хотя я и убѣждаюсь, что епархіальное начальство принимало всѣ зависящія отъ него мѣры къ недопущенію Крестовоздвиженской церкви къ сломкѣ и продажѣ зданія евреямъ, тѣмъ не менѣе считаю долгомъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что разборка евреями древняго храма производитъ въ народѣ крайне тягостное впечатлѣніе, и было бы весьма желательно, чтобы правительство оказало какое-нибудь пособіе къ возстановленію этого древняго памятника“, а на первый разъ ассигновало бы извѣстную сумму на поддержаніе развалинъ и обнесеніе ихъ оградой. Министерство вполнѣ согласилось съ мнѣніемъ генералъ-губернатора и въ декабрѣ того же года предписало волынскому губернатору: немедленно принять развалины храма и весь добытый съ нихъ матеріалъ отъ еврея Сороки въ свое вѣдомство; дальнѣйшую разломку этихъ развалинъ отнести на счетъ церковно-строительныхъ суммъ и произвести ее хозяйственнымъ способомъ; и такъ какъ, при настоящемъ состояніи сихъ развалинъ, возстановленіе древней церкви въ прежнемъ видѣ не возможно, а сооруженіе новаго храма потребовало бы значительныхъ издержекъ со стороны правительства, то, въ видахъ сохраненія сего памятника православія, устроить на томъ же мѣстѣ изъ церковнаго матеріала каменную *часовню*, чертежъ и смѣту которой представить на утвержденіе; въ случаѣ же претензіи со стороны еврея Сороки по поводу прекращенія дѣйствія заключеннаго имъ съ духовенствомъ контракта, удовлетворить его на законномъ основаніи [1]).

Такимъ образомъ, въ результатѣ всей этой исторіи оказалось лишь то, что древній храмъ былъ уничтоженъ, а духовенство, вмѣсто ожидаемыхъ выгодъ для соборной церкви, нажило массу хлопотъ и непріятностей. Остатки Крестовоздвиженской церкви послѣ того еще болѣе двадцати лѣтъ стояли въ видѣ печальной развалины и реста-

---

[1]) Еврей Сорока заявилъ претензію тотчасъ по прекращеніи работъ и потребовалъ вознагражденія за убытки на сумму болѣе 6000 рублей. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ буквально сыпалъ жалобами и прошеніями на имя генералъ-губернатора, въ министерство внутр. дѣлъ и даже въ святѣйшій синодъ. Послѣ долгой переписки онъ согласился наконецъ удовлетвориться предложеннымъ ему вознагражденіемъ въ 1080 р., въ счетъ коихъ 680 р. выданы были изъ церковно-строительныхъ суммъ и кромѣ того онъ получилъ обратно свой задатокъ 400 р.

врированы лишь въ прошломъ году, о чемъ подробнѣе скажемъ нѣсколько ниже.

По уничтоженіи Крестовоздвиженской церкви, оставался въ Луцкѣ еще одинъ замѣчательный памятникъ православной древности—каменная церковь св. Димитрія, находившаяся въ окольномъ замкѣ, противъ бывшаго кляштора бригитокъ. Въ точности время основанія этой церкви не извѣстно. Основываясь на документальныхъ свидѣтельствахъ XVI ст. о томъ, что еще въ то время въ ней хранилась подлинная дарственная запись князя Мстислава Владиміровича Мономаховича на имѣніе Демьяново, многіе считаютъ этого князя не только благотворителемъ этой церкви, но и строителемъ ея. Во всякомъ случаѣ, церковь св. Димитрія построена не позже XII в. и, не смотря на всевозможныя превратности въ ея судьбѣ, сохранилась почти въ первоначальномъ своемъ видѣ чуть не до нашихъ дней, удержавъ на своихъ стѣнахъ древнія фрески и орнаменты. Въ XVI ст. она принадлежала роду дворянъ Гулевичей, изъ котораго происходилъ православный луцкій епископъ Ѳеодосій Гулевичъ, умершій около 1555 г. Въ началѣ XVII ст. одинъ изъ его потомковъ, принявъ католичество, вступилъ въ число братіи луцкаго доминиканскаго кляштора и въ 1623 г. записалъ ему въ даръ свою родовую церковь вмѣстѣ съ ея фундушами. Запись эту тогда же опротестовали другіе Гулевичи, остававшіеся православными, а равно мѣстный священникъ и прихожане, утверждавшіе, что право распоряженія ихъ церковью должно принадлежать единственно королямъ, какъ прямымъ наслѣдникамъ ея строителей—древнихъ русскихъ князей, и дѣло объ этой церкви (вѣрнѣе, объ ея фундушахъ) тянулось въ польскихъ судахъ до конца XVIII ст., затѣмъ возобновлено было въ 1830-хъ годахъ протоіереемъ Метельскимъ и прекратилось лишь по случаю закрытія въ 1847 г. кляштора луцкихъ доминиканъ и конфискаціи ихъ имѣній—въ томъ числѣ и тѣхъ, которыя нѣкогда принадлежали Дмитріевской церкви. Послѣ того, какъ церковь эта въ 1795 г. была отобрана въ православное вѣдомство, она долгое время стояла впустѣ, за неимѣніемъ фундушей и отсутствіемъ прихожанъ; но когда въ 1832 г. въ Луцкѣ открыта была гимназія, то, по желанію ея преподавателей, было возобновлено бо-

гослуженіе въ Дмитріевской церкви, какъ ближайшей къ гимназіи. Затѣмъ, по переводѣ гимназіи въ м. Клевань, въ этой церкви по временамъ совершалось богослуженіе полковыми священниками для квартировавшихъ въ Луцкѣ военныхъ частей. Въ 1845 г. церковь св. Димитрія пострадала отъ пожара и болѣе не была починяема. Дѣйствіе стихій, а еще болѣе святотатственная рука хищниковъ очень быстро разрушили этотъ драгоцѣнный памятникъ глубокой древности, лишенный какого бы то ни было надзора и попеченія. А тѣ, кому прежде всѣхъ слѣдовало бы чтить и оберегать эту вѣковую святыню, смотрѣли на нее преимущественно какъ на строительный матеріалъ, могущій быть употребленнымъ на практическія надобности. Вопросъ о сломкѣ Дмитріевской церкви въ первый разъ былъ поставленъ протоіереемъ Метельскимъ въ 1858 г. Въ рапортѣ епархіальному начальству отъ 20-го сентября онъ, изложивъ вкратцѣ исторію этого храма, въ заключеніе предлагалъ слѣдующее: „Какъ же древняя вышеписанная церковь св. Димитрія въ 1845 г. обгорѣла и наконецъ безъ покрытія значительно разрушается, отъ чего можетъ послѣдовать опасность, то всепокорнѣйше прошу сдѣлать постановленіе о разломкѣ сей церкви такимъ способомъ, чтобы по мѣрѣ разломки кирпичъ былъ продаваемъ на подложеніе основанія подъ назначенныя въ казенныхъ селахъ къ исправленію церкви, а деньги за кирпичъ вносимы были въ пользу луцкой соборной церкви; или дозволено было бы луцкимъ чиновникамъ на свой счетъ ломать для зданія ограды около луцкой Покровской церкви“.

Отвѣта на это представленіе не послѣдовало; по крайней мѣрѣ его нѣтъ въ дѣлѣ, которымъ мы пользовались. Семь лѣтъ спустя, въ 1865 г. прот. Метельскій снова доносилъ своему начальству слѣдующее: „Въ г. Луцкѣ находится древняя каменная Дмитріевская церковь, маловмѣстительная, какъ свидѣтельствуютъ открытые мною акты, построенная великимъ княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ Мономаховичемъ. Въ этой церкви, во время постовъ, служили полковые священники, а когда она въ 1845 г. обгорѣла, то съ того времени мало-помалу начала разрушаться, и уже во входѣ вся передняя стѣна выломана и кирпичъ расхищенъ, и въ самую церковь скотъ свободно входитъ, но къ предотвращенію таковаго запустѣнія святыни нѣтъ никакого способа“. Въ этомъ же рапортѣ о. Метель-

скій упоминаетъ, что имъ былъ возбужденъ въ луцкомъ уѣздномъ судѣ искъ о возвратѣ издревле принадлежавшаго Дмитріевской церкви имѣнія д. Коршовца, захваченнаго доминиканами, что дѣло было уже на окончательномъ рѣшеніи сената, но такъ какъ въ это время имѣнія католическихъ монастырей были взяты въ казенное вѣдомство, то въ искѣ о возвратѣ Коршовца было отказано.

На этомъ прекращаются наши документальныя свѣдѣнія о послѣдней судьбѣ Дмитріевской церкви; изъ личныхъ же распросовъ намъ не удалось узнать опредѣлительно, когда именно и по какому случаю церковь эта была разобрана. Несомнѣнно лишь то, что въ настоящее время отъ нея нѣтъ и слѣда. Желательно, чтобы позаботился кто-либо поставить хотя бы крестъ на томъ мѣстѣ, на которомъ въ теченіе семи вѣковъ стояла православная святыня; въ противномъ случаѣ, пройдетъ еще десять-двадцать лѣтъ, и никто не будетъ въ состояніи точно указать ея мѣсто, такъ какъ и теперь уже указанія мѣстныхъ жителей довольно сбивчивы. Всего естественнѣе было бы позаботиться объ этомъ луцкому православному братству.

Къ счастью, память о Дмитріевской церкви не совсѣмъ потеряна для исторической археологіи. Въ 1866 г. посѣтилъ Луцкъ извѣстный собиратель и издатель памятниковъ западно-русской старины П. Н. Батюшковъ. Въ то время Дмитріевская церковь еще не была разобрана и находилась въ томъ печальномъ видѣ, въ какомъ описывалъ ее за годъ предъ тѣмъ протоіерей Метельскій, т. е. безъ кровли и съ выломанной входной стѣной. Сопровождавшій г. Батюшкова художникъ Струковъ срисовалъ ея внѣшній и внутренній видъ, снялъ планъ и образецъ древняго орнамента. Его рисунки были затѣмъ помѣщены въ одномъ изъ первыхъ выпусковъ „Памятниковъ Русской Старины въ западныхъ губерніяхъ“. Интересныя эти рисунки составляютъ въ настоящее время все, что осталось намъ отъ драгоцѣннѣйшаго памятника глубокой древности, пережившаго страшныя времена монгольщины и погибшаго въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, на глазахъ археологическихъ коммиссій, въ эпоху общаго романтическаго увлеченія древностью.

Любопытно, что въ то время, когда древніе луцкіе храмы равнодушно отдавались на жертву запустѣнію или даже были продаваемы на сломъ, въ это же самое время въ Луцкѣ сознавалась настоятельная нужда въ сколько-нибудь приличной церкви для помѣщенія въ ней собора. Какъ было нами упомянуто, со времени пожара, испортившаго Крестовоздвиженскую церковь, соборъ былъ временно помѣщенъ въ Покровской церкви—тѣсной, убогой, построенной въ прошломъ вѣкѣ по типу уніатскихъ церквей и при томъ стоящей въ низкомъ мѣстѣ и закрытой еврейскими домами. По уничтоженіи Братской и Дмитріевской церквей, эта убогая церковь осталась единственнымъ православнымъ храмомъ въ городѣ, имѣвшемъ въ то время нѣсколько великолѣпныхъ католическихъ костеловъ. Это было не совмѣстимо съ достоинствомъ господствующаго въ государствѣ исповѣданія, и вотъ съ 1832 года начата была переписка о построеніи въ Луцкѣ приличнаго соборнаго храма. Переписка эта продолжалась болѣе сорока лѣтъ—и въ это именно время допущено было погибнуть такому прекрасному храму, какимъ былъ братскій Крестовоздвиженскій. Не далѣе какъ въ 1871 г. прихожане единственной и въ то время Покровской (она же и соборная) церкви, составляя актъ объ учрежденіи въ Луцкѣ православнаго братства, жаловались, что въ ихъ городѣ преобладаетъ католическій и еврейскій элементъ, что на ряду съ множествомъ костеловъ у нихъ нѣтъ ни одной приличной церкви и что „39-лѣтняя переписка о построеніи собора въ Луцкѣ не возымѣла желаемаго успѣха, бывъ начата и ведена въ то время, когда паписты, стоявшіе на каждой ступенькѣ административной лѣстницы, тормозили всякое дѣло, касавшееся православія“. Въ виду такого печальнаго положенія дѣлъ, и было учреждено въ томъ же году въ Луцкѣ православное братство подъ древнимъ титуломъ *Крестовоздвиженскаго*. При содѣйствіи новаго братства исходатайствовано было наконецъ правительственное разрѣшеніе на передачу духовному вѣдомству зданія упраздненнаго бернардынскаго костела для обращенія его въ соборный храмъ, каковой и былъ освященъ въ 1880 году.

Долгое время луцкое братство (новой формаціи) замыкалось въ сферу исключительныхъ заботъ о нуждахъ своей приходской церкви и по характеру дѣятельности мало отличалось отъ обыкновенныхъ церковно-приходскихъ попечительствъ. Только въ недавнее время,

съ открытіемъ окружнаго суда, привлекшаго въ Луцкъ на постоянное жительство интеллигентныхъ людей, изъ коихъ многіе вступили въ число членовъ мѣстнаго братства, задачи послѣдняго нѣсколько расширились и, между прочимъ, обращены на сохраненіе мѣстныхъ церковныхъ древностей. Къ сожалѣнію, въ ту пору въ Луцкѣ и охранять уже было нечего, за исключеніемъ лишь остатковъ бывшаго братскаго Крестовоздвиженскаго храма.

Храмъ этотъ, какъ мы знаемъ, благодаря вмѣшательству кіевскаго генералъ-губернатора Анненкова, не былъ до конца разобранъ въ 1864 г.: отъ него осталась алтарная часть и фундаменты стѣнъ бывшей церкви. Въ то время существовало предположеніе построить на этомъ мѣстѣ часовню, но съ теченіемъ времени мысль эта была забыта [1]), и остаткамъ братскаго храма суждено было еще долго простоять въ видѣ развалинъ. Эти развалины до самаго послѣдняго времени представляли очень печальное зрѣлище. Надобно сказать, что усадьба бывшаго братскаго монастыря выходитъ восточной стороной на базарную площадь—самое бойкое торговое мѣсто въ городѣ. Пользуясь этимъ, соборный причтъ еще въ 1830-хъ годахъ отдалъ эту часть усадьбы въ аренду торговцамъ—евреямъ, которые настроили здѣсь съ полъ-десятка лавчонокъ и при нихъ лачугъ для собственнаго жительства, и этими постройками совершенно заслонили остатки храма, очутившіеся гдѣ-то на задворкахъ. Мы живо по-

---

[1]) Любопытна исторія этой не состоявшейся въ свое время часовни. Мысль объ ея сооруженіи впервые была выражена 1864 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ въ отвѣтъ на представленіе генералъ-губернатора Анненкова о возстановленіи Крестовоздвиженской церкви, въ виду чего отъ еврея Сороки былъ пріобрѣтенъ весь наличный кирпичъ и приказано было составить чертежъ и смѣту для часовни. Въ 1867 г. въ волынское губ. церковно-строительное присутствіе были представлены два проекта: одинъ архит. Бетюцкимъ—съ предположенною разломкою оставшихся развалинъ Крестовоздвиженской церкви, а другой инженеръ-поручикомъ Пархоменкомъ—съ сохраненіемъ этихъ развалинъ. По первому проекту исчислена смѣта въ 5258 р. 40 $\frac{1}{2}$ коп., а по второму—въ 4255 р. 14 коп. Присутствіе одобрило первый проектъ, но генералъ-губернаторъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ отдалъ предпочтеніе второму. Тогда и церковно-строительное присутствіе утвердило проектъ г. Пархоменка, но такъ какъ смѣта имъ была составлена на основаніи прежняго урочнаго положенія, то проектъ въ 1870 г. былъ возвращенъ автору для исправленія смѣтнаго расчета. На этомъ дѣло и остановилось, хотя переписка о томъ продолжалась до 1880 г. Въ нынѣшнемъ году эта часовня сооружена Луцкимъ братствомъ по собственному его почину и безъ всякаго соображенія съ прежними проектами, о которыхъ братству едвали было и извѣстно.

мнимъ гнетущее впечатлѣніе, лично испытанное нами при посѣщеніи этихъ развалинъ лѣтомъ 1882 года: смрадъ и нечистоты вынуждали закрывать носъ и поспѣшно уходить отъ этой мерзости запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Самая память о былomъ существованіи здѣсь православнаго храма и монастыря была забыта: среди городскаго населенія развалины братской церкви до самаго послѣдняго времени слыли подъ именемъ „*базиліанскихъ*“. Новое луцкое братство обратило вниманіе на это безобразіе и, при вліятельной поддержкѣ покойнаго генералъ-губернатора А. Р. Дрентельна, добилось того, что еврейскія лачуги были снесены и алтарная часть бывшаго братскаго храма открыта свѣту Божію; вслѣдъ за тѣмъ весь погостъ былъ расчищенъ и засаженъ цвѣтами и кустарниками. Въ то же время братство задумало воздвигнуть новый Крестовоздвиженскій храмъ на развалинахъ древняго; но такъ какъ это грандіозное предпріятіе не можетъ быть вскорости осуществлено при тѣхъ незначительныхъ матеріальныхъ средствахъ, какими располагаютъ братчики, то они пришли къ мысли реставрировать уцѣлѣвшую отъ сломки алтарную часть древняго храма, сдѣлать къ ней небольшую пристройку и въ этой часовнѣ устроить временную братскую церковь, пока не будутъ собраны достаточныя средства для перестройки ея въ большой, вмѣстительный храмъ. Въ настоящее время мысль эта приведена въ исполненіе, и 26-го минувшаго августа луцкіе братчики имѣли удовольствіе присутствовать при торжествѣ освященія обновленной ими святыни въ тѣхъ стѣнахъ, гдѣ еще такъ недавно царствовало запустѣніе.

Закончимъ нашъ очеркъ краткой исторической поминкой еще объ одной древней луцкой церкви, проданной въ 1858 г. на сломъ подъ видомъ упраздненнаго католическаго костела: говоримъ о каменной церкви апостола Іакова. Время ея основанія теряется въ отдаленной древности; можно полагать, что она построена еще въ эпоху княженія въ Луцкѣ потомковъ св. Владиміра. Въ половинѣ XV ст. церковь св. Іакова еще существовала; въ это время князь Свидригайло Ольгердовичъ особой грамотой передалъ луцкимъ епископамъ право патронатства надъ нею, равно какъ и надъ другою, также „мурованною“, церковью св. Екатерины, о которой и память

давно исчезла въ Луцкѣ,—и грамота эта хранилась въ луцкой каѳедральной церкви еще въ 1580-хъ годахъ [1]). Люстрація 1552 г. упоминаетъ о „церкви мурованной св. Якова апостола“, но прибавляетъ, что въ то время она была уже „пуста“ и самый погостъ ея числился принадлежащимъ п. Михайлу Свинюскому [2]). Съ тѣхъ поръ объ этой церкви нѣтъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ до самаго конца XVIII ст. Была ли она возобновляема, или все время стояла впустѣ—точно не извѣстно. Конечная же судьба ея была такова. Въ 1793 г. сгорѣлъ до основанія въ Луцкѣ кляшторъ бонифратровъ, стоявшій тамъ, гдѣ пересѣкаются нынѣшнія Доминиканская и Кармелитская улицы. Вмѣсто того, чтобы заново строиться на старомъ пепелищѣ, бонифратры заняли находившуюся и въ то время въ запустѣніи, но еще, очевидно, достаточно прочную церковь св. Іакова, починили ее и обратили въ костелъ, устроивъ въ ней алтарь на прежнемъ мѣстѣ, т. е. обращеннымъ къ востоку, и вообще мало измѣнивъ ея первоначальный, древне-православный видъ, а на погостѣ построили каменный корпусъ для кляштора. Ровно черезъ пятьдесятъ лѣтъ бонифратры погорѣли и на новомъ мѣстѣ, а еще черезъ три года ихъ монастырь подвергся закрытію. Болѣе десяти лѣтъ стояли впустѣ ихъ погорѣлыя зданія и, наконецъ, въ 1858 г. были проданы съ торговъ вмѣстѣ съ усадебнымъ мѣстомъ. Купилъ ихъ помѣщикъ луцкаго у. Іосифъ Крашевскій и скоро продалъ помѣщику Гродецкому, а тотъ въ свою очередь перепродалъ ихъ луцкимъ евреямъ; послѣдніе немедленно самую церковь разобрали до основанія, а матеріалъ употребили на починку кляшторныхъ зданій, въ которыхъ устроили для себя жилыя помѣщенія. Вышло пребезобразное строеніе, нѣчто въ родѣ огромной корчмы; въ немъ и въ настоящее время живутъ нѣсколько еврейскихъ семействъ на правахъ собственниковъ.

Ор. Левицкій.

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, часть I, т. 1, стр. 182 и 207.

[2]) Ibidem, часть VII, т. 1, стр. 163.

ГАДЯЦКАЯ СТАРИНА.

I. *Гетманскій замокъ.* Существованіе гадячскаго замка относится ко временамъ владычества Польши надъ Малороссіею. Изъ описанія Шафонскаго видно, что еще въ его время существовали „хотя неполныя, съ 1645 г., на польскомъ языкѣ замковыя дневныя записки, гдѣ замку гадяцкаго королевскаго управитель, на польскомъ языкѣ намѣстникъ называемый, иногда самъ, иногда обще съ гадяцкимъ войтомъ, всѣ дѣла жителей гадяцкихъ и до замку принадлежащихъ поселянъ разбиралъ. Сія судовая дневная записка, съ выгнаніемъ козаками поляковъ въ 1654 г., на польскомъ языкѣ кончилась, а за оною продолжалась такимъ же образомъ на русскомъ, гдѣ тоже намѣстники замковые, обще съ ратушею, всякую расправу дѣлали“ [1]).

Послѣ изгнанія поляковъ, во время гетманства Выговскаго, гадяцкій замокъ былъ гетманскою резиденціею. Подъ Гадячемъ состоялся 6 сентября 1658 г. договоръ Выговскаго съ Польшею, по которому, между прочимъ, предоставлено „гетману именоваться гетманомъ русскимъ и первымъ сенаторомъ воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго; по смерти же его избрать преемника вольными голосами изъ четырехъ человѣкъ каждаго помянутаго воеводства“, а также „гетманъ имѣетъ право представить изъ каждаго полка по сту козаковъ для пожалованія имъ шляхетныхъ вольностей

---

[1]) Опис. Черниг. намѣст., стр. 88.

и правъ“ [1]). Но стремленіе Выговскаго къ насажденію шляхетства среди козачества не имѣло успѣха: „съ сего времени начались между козаками раздоры и несогласія, такъ что полки той стороны Днѣпра, по старанію поляковъ и по необузданности козаковъ, ежечасно оглашали своихъ гетмановъ, а сей стороны—своихъ“. Вскорѣ послѣ того, въ 1662 г., войско избрало гетманомъ Ивана Мартиновича Брюховецкаго, который „выгналъ изъ Гадяча за Днѣпръ Выговскаго и самъ въ оном жилъ“ [2]). Брюховецкій не меньше Выговскаго поработалъ въ пользу шляхетства малороссійскихъ старшинъ и въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ успѣшно: 11 сентября 1665 г. онъ прибылъ въ Москву съ огромною свитою изъ 535 человѣкъ. „Со времени присоединенія Малороссіи къ Московскому государству, говоритъ Костомаровъ, въ первый разъ пріѣзжалъ въ столицу, и при томъ съ такою большою ассистенціею, малороссійскій гетманъ, и былъ онъ на этотъ разъ принятъ съ большимъ почетомъ, какъ важная владѣтельная особа“ [3]). По поднесеніи статей, „государь изъявилъ милостивую похвалу гетману и его свитѣ, пригласилъ въ тотъ день Брюховецкаго съ первыми чиновниками къ своему столу, пожаловалъ его бояриномъ и въ Стародубскомъ полку Шептаковскою сотнею съ селами и деревнями въ вѣчное и потомственное владѣніе, а генеральнымъ: обозному, судьѣ, есауламъ, хорунжему, бунчужному и всѣмъ полковникамъ даровалъ дворянское достоинство, многія помѣстья и жалованныя грамоты. Между прочимъ, по этимъ статьямъ предназначалось „Гадячу съ принадлежностями состоять при гетманской булавѣ“.

Не смотря на всѣ царскія милости, Брюховецкій вошелъ въ сношеніе съ турецкимъ султаномъ, и, въ концѣ концовъ, въ маѣ 1668 г., къ гетману прибылъ султанскій посланный для заключенія договора, по которому гетманъ со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и со всею Лѣвобережною украиною отдавался турецкому падишаху въ подданство.

Вскорѣ послѣдовалъ трагическій конецъ Брюховецкаго. Въ походѣ подъ Опошней, при встрѣчѣ съ войсками Дорошенка, завол-

---

[1]) Бант.-Камен., Истор. Мал. Рос., т. II, стр. 30.

[2]) Шафонскій, стр. 70.

[3]) Руина, стр. 98.

новалось все козачество и закричало: „мы за гетманство Брюховецкаго биться не станемъ“, а старшина приступила съ требованіемъ, чтобъ онъ сдалъ гетманство Дорошенку. Двое сотниковъ схватили Брюховецкаго за руки и потащили къ Дорошенку. Послѣдній приказалъ приковать его къ пушкѣ: то былъ обычный пріемъ наказанія у козаковъ. „Но Дорошенко, отдавши такой приказъ, произвелъ движеніе рукою, которое поняла по своему свирѣпая толпа: бросились на Брюховецкаго, изорвали и истерзали на немъ платье до того, что онъ остался нагишомъ, били его ружейными дулами, дубинами и забили до смерти. Запорожцы, прибывшіе съ атаманомъ Чугаемъ, выбивались изъ силъ, чтобы сколько-нибудь остановить народную злобу и направить ее на Дорошенка. Ничто не могло спасти Брюховецкаго: онъ лежалъ уже мертвымъ, весь синій отъ побоевъ. Тѣло повезли въ Зѣньковъ, тамъ положили въ гробъ и отвезли въ Гадячъ. Тѣло бывшаго боярина и гетмана было до того изуродовано, что близкіе люди и самая жена гетмана едва могли узнать, чей трупъ привезли тогда въ Гадячъ. Его похоронили по христіанскому обряду съ подобающими его сану почестями въ церкви Богоявленія, въ Гадячѣ, имъ же самимъ построенной“ [1]).

Еще въ 1649 г. возникъ Гадяцкій или Зѣньковскій полкъ, подъ начальствомъ полковника Бурлая; но въ слѣдующемъ году Гадяцкій полкъ причисленъ былъ къ Полтавскому и оставался въ немъ до гетманства Юрія Хмельницкаго, составляя собою *Гадяцкое староство* (или волость), бывшее при булавѣ гетманской и управляемое особымъ намѣстникомъ или господаремъ [2]). По описанію Шафонскаго, послѣ изгнанія поляковъ, „замковое правленіе надъ жителями гадяцкими и надъ поселянами еще оставалось, гдѣ уже въ 1655 г. опредѣленъ изъ малороссіянъ намѣстникъ, который съ ратушными урядниками дѣла словесно судилъ, и оныя расправы уже на русскомъ языкѣ въ дневную записку вносили“. „Когда въ 1665 г. ключъ Гадяцкій съ тѣмъ самымъ замкомъ и съ тѣми крестьянами, кои въ козаки не поступили, гетману Брюховецкому на его или на урядъ гетманскій отданъ, то съ того времени гетманы опредѣляе-

---

[1]) Тамъ же, стр. 214—215.

[2]) Собр. соч. Мих. Максимовича, т. I, стр. 728.

мыхъ въ замокъ управителей назвали господарями, что значитъ *прикащики*. Сіи господари оставались еще нѣсколько въ той силѣ, въ которой и польскіе намѣстники находились. И поелику гетманы и полковники козацкіе войною еще были заняты и своихъ судовъ не учредили, то, по прежнему обычаю, какъ крестьяне, такъ и козаки, судились у тѣхъ же господарей и ратушныхъ урядниковъ, и чрезъ то ихъ власть и уваженіе не только не уменьшалось, но увеличивалось". Но уже, по словамъ автора, въ 1680 г., а можетъ быть и прежде, полковое начальство и при немъ господари, войты и бурмистры имѣли судъ и расправу во всѣхъ дѣлахъ, пока, наконецъ, господари и ратушные урядники отъ того вовсе удалены, и господари остались только гетманскими управителями или прикащиками, а ратуша—при управленіи однихъ мѣщанъ и замковыхъ крестьянъ; но и ратуша уничтожилась, когда, въ 1764 г., замокъ гадяцкій и всѣ къ нему принадлежащія деревни были пожалованы графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому въ вѣчное владѣніе. Затѣмъ, въ 1785 г., гадяцкій замокъ и принадлежащіе къ нему крестьяне въ количествѣ 9949 д. муж. пола куплены были въ казну за 596850 р., а за графомъ осталось 2786 д. крестьянъ [1]).

Въ 1788 г. замокъ перешелъ во владѣніе города; именно: изъ дѣла гадяцкой городской думы узнаемъ, что черниговскій директоръ экономіи Забѣла, предложеніемъ на имя общей гадяцкой городской думы, отъ 24 іюня 1788 г., требовалъ прислать къ нему, кого слѣдуетъ, для принятія въ вѣдомство городской думы состоящихъ въ г. Гадячѣ „казенной волости Гадяцкой пріѣзжихъ и шинковыхъ домовъ и оброчныхъ статей, на основаніи указа Правительствующаго Сената, послѣдовавшаго въ черниговскую казенную палату 24 апрѣля 1788 г." Дума командировала изъ числа присутствующихъ въ ней гласныхъ Александра Тихоновича, Ивана Лѣсного и Леонтія Жуковца для принятія изъ казны въ городское вѣдомство оброчныхъ статей и проч., которымъ была составлена 26 іюня подробная пріемная опись.

Пресловутый замокъ, сколько можно судить изъ описи, представлялъ окопанную земляным валомъ и обнесенную дубовымъ па-

[1]) Опис. Черниг. намѣст., стр. 625, 629—630.

лисадникомъ усадьбу съ массою жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ. Главное зданіе—„господскій домъ“ примыкалъ къ башнѣ при въѣздныхъ воротахъ и заключалъ 9 покоевъ большихъ и малыхъ, раздѣленныхъ на три части, соединявшіеся проходными сѣнями. Эта хоромина была деревянная и отличалась простотою устройства. Можно на этотъ разъ дать полную вѣру словамъ Шафонскаго, что „расположеніе и строеніе домовъ было издавна у дворянъ огромно, но безъ всякихъ правилъ, украшеній и домашняго покоя“; за то во времена Шафонскаго, хотя рѣдко, „стали показываться строенія и домы, которые невеликолѣпны, но сколько-нибудь знаніе и вкусъ означаютъ, не упоминая домовъ, знатнымъ особамъ принадлежащихъ“[1]). Впрочемъ, замокъ въ послѣдніе годы своего существованія, совершенно утративъ прежнее значеніе, представлялъ уже, собственно говоря, панскую экономію, скромно обставленную и до того запущенную, что, наприм., обои въ парадныхъ комнатахъ были ободраны, нѣкоторыя постройки значительно обветшали и дошли до разрушенія.

При замкѣ находился виноградный садъ, о которомъ мы скажемъ ниже.

Пріемщики донесли думѣ, что „нѣкоторые съ тѣхъ строеній вовся сгнили и обрушились на землю, а другіе начали такъ же приходить весма въ великую обветшалость, и что естли они оставатимутся и далѣе безъ должнаго объ оныхъ со стороны думы призрѣнія, то не по многомъ времени могутъ всѣ оніе строенія прійтить въ конечное опустошеніе и негодность“. Дума нашла, что изъ поступившихъ построекъ только „шурша (трактиръ), въ коей нынѣ винная продажа производится, и броваръ (пивоварня) годніе и въ наемъ наемнымъ людямъ для пріобрѣтенія городскихъ доходовъ поступить могущіе, а протчіе всѣ начали уже приходить въ крайнюю обветшалость, почему и слѣдуютъ сіи послѣдніи къ продажѣ, дабы дума не могла современемъ лишиться должного своего съ нихъ дохода“. Объ этомъ было сдѣлано представленіе черниговскому губернатору Андрею Степановичу Милорадовичу, который отъ 26 іюля выразилъ: „Я въ разсужденіи, что городская гадяцкая дума, не по личному своему свѣдѣнію о прописанныхъ строеніяхъ, но по увѣренію преж-

[1]) Тамъ же, стр. 26.

де бывшихъ гласныхъ, вошла ко мнѣ съ нинѣшнимъ запросомъ, не объясняя, какіе именно съ числа оныхъ по крайней обветшалости слѣдуютъ къ продажѣ и сколько всѣхъ ихъ числомъ", предписалъ думѣ произвести, вмѣстѣ съ городничимъ Савичемъ, освидѣтельствованіе построекъ и донести объ оказавшемся; „впредь же въ случающихся донесеніяхъ быть аккуратнѣе, опасаясь за подобное неудостовѣрителное (донесеніе), по мѣрѣ упущенія и происшедшаго вреда, взысканія по законамъ". Какъ и можно было ожидать, дума, обще съ городничимъ, отрапортовали, что „подлинно оніе строенія такъ ветхи, что никакъ не могутъ поступить въ отъкупъ на приобрѣтеніе съ нихъ въ городскую сумму доходу, ибо ежели оніе, какъ надлѣжитъ, поправить, то и съ оправкою всѣ тѣ строенія той суммы не могутъ стоить, которая можетъ быть употреблена на поправленіе оныхъ, да и людей здѣсь таковыхъ, которимъ-бы можно было оніе строенія, на приобрѣтеніе съ оныхъ въ городскую сумму доходовъ, нанимать, не оказывается; почему ежели оныхъ завременно распродать повелѣно не будетъ, то могутъ притить въ конечную обветшалость и ничтожество". Въ видѣ иллюстраціи, была представлена губернатору соотвѣтствующая духу донесенія опись построекъ. Понятно, что губернатору оставалось только дать разрѣшеніе на продажу съ публичныхъ торговъ, наказавъ при томъ „стараться, сколько можно, на болшую выручку денегъ къ ползѣ городу". Послѣ того, на торги 28 октября того же года явились: предводитель дворянства уѣзда Гадяцкаго Василь Чарнышъ, купецъ Прохоръ Урюпинъ, повѣренный предводителя дворянства Черниговской губерніи коллежскій канцеляристъ Петръ Бѣлякъ, расправный гадяцкій судья Корнетъ Завадовскій, коллежскій ассесоръ Иванъ Ставицкій. За всѣ безъ исключенія строенія „посулилъ" высшую сумму 411 р. 5 к. предводитель Чарнышъ.

По постановленію 30 октября[1]), дума признала, что, „въ разсужденіи посуленной, изъ числа участвовавшихъ въ торгѣ охотниковъ, г. коллежскимъ ассесоромъ Чарнышомъ превосходнѣйшей противъ всѣхъ суммы 411 р. 5 к., слѣдовало бы все, назначенное къ распродажѣ, строеніе оставить за онымъ г. Чарнышомъ". Дума скоро однако спохватилась, что при продажѣ „упустила выговорить", 1) чтобы ограда

[1]) Дѣло гадяц. город. думы, стр. 68.

около виноградnаго сада, за снятіемъ палисадника, была замѣнена плетнемъ, и 2) чтобы сараи, занятые подъ складъ казеннаго кирпича и извести, оставались безъ снятія съ мѣста, пока кирпичъ и известь будутъ перенесены въ другое хранилище. По этому дума изобрѣла компромиссъ и порѣшила предложить Чарнышу устроить плетень для огражденія виноградnаго сада и оставить сараи на мѣстѣ, пока будетъ храниться казенный кирпичъ и известь—и въ такомъ случаѣ всѣ купленныя постройки останутся за нимъ, а иначе будетъ произведенъ „съ протчими охотниками другой торгъ съ выговоркою таковихъ кондицій". Въ тотъ же день Чарнышъ поспѣшилъ принять предложенныя условія, и въ тотъ же день дума утвердила торги за Чарнышомъ и заключила съ нимъ контрактъ, по которому приняты означенныя выше условія. Но открылось новое недоразумѣніе: „въ разсужденіи, что замокъ купно съ городскимъ гадяцкимъ валомъ" отданы уже думою на откупъ черниговскому губернскому предводителю дворянства Семену Прокофьевичу Масюкову, снятіе купленныхъ строеній „должно быть не далѣе, какъ за востребованіемъ его, Масюкова". Принявъ на себя обязанность огородить виноградный садъ, предводитель Чарнышъ успѣлъ заполучить его въ безплатное пользованіе на четыре года, такъ какъ садъ „не будучи на сіе лѣто открытъ изъ земли, и чрезъ то пришелъ весьма въ великую порчь, такъ что не толь никакого плода зъ себя дать не можетъ, но очень малою частію уже и дерева осталось". За это Чарнышъ посулилъ „привесть его (садъ) въ найлучшое состояніе; словомъ, чтобъ онъ могъ совершенно плодъ приносить, не требуя за то ничего изъ думы на работниковъ, къ тому потребныхъ, ниже чего либо изъ лѣса и протчаго".

Впослѣдствіи пришлось казнѣ заплатить за перекладку своего кирпича съ одного мѣста на другое, „въ заплату работникамъ 342 р. 80 к., на вывозку къ покрытію онаго притяжинъ и соломы съ притяжинами 5 р. 20 к., и на переноску съ мѣста на мѣсто, перемѣръ и ссыпку 2842 четв. извести 113 р. 60 к.", всего 492 р. 10 к., а вся масса гетманскихъ построекъ досталась за 411 р. мѣстному уѣздному предводителю дворянства, который, послѣ благополучнаго исхода переписки, извѣстилъ думу (5 марта 1789 г.) что купленныя имъ постройки проданы губернскому предводителю дворянства

Черниг. губ. Семену Прокофьевичу Масюкову“ съ тѣмъ, что новый покупщикъ принимаетъ за собой и виноградный садъ въ аренду.

Что касается замковыхъ виноградниковъ, то о нихъ велось особое дѣло. Виноградники прежде находились въ вѣдѣніи смотрителя казенныхъ имѣній поручика Зеленскаго и приняты въ вѣдѣніе города бургомистрами Иваномъ Лѣснымъ, Яковомъ Миняйломъ и Иваномъ Харченкомъ 2 іюня 1788 г. по описи, причемъ въ состоящемъ подъ самымъ замкомъ виноградномъ саду при освидѣтельствованіи явилось винограда: „1) въ трехъ мѣстахъ открытаго 383 куста, съ коихъ въ одномъ мѣстѣ 107, въ другомъ 76, а въ третемъ 200 кустовъ; 2) въ землѣ зарытого и по нынѣ еще не открытого 76 грядокъ; 3) при Колѣсницкомъ дворцу въ зиму незакопываного, нынѣ бурьяномъ заросшего и совсѣмъ почти вымерзлого, 36 градокъ, отъ которыхъ въ сіе лѣто плода получить не можно“. Нужно замѣтить, что, по словамъ Шафонскаго, „въ замкѣ по горѣ заведенъ графа Кириллы Григорьевича управительми хорошій виноградъ“ [1]) и что имѣніе перешло въ казну менѣе 3 лѣтъ предъ тѣмъ.

Послѣ произведенной публикаціи объ отдачѣ виноградниковъ въ аренду, явились въ думу 3 іюля „охотники“ взять садъ на откупъ; изъ нихъ порутчикъ Степанъ Геевскій просилъ отдать ему на Колѣсникахъ виноградной садъ („на зиму незаритый въ землю и чрезь то пришедшій въ крайнее поврежденіе и разореніе“) безденежно на четыре года съ такимъ условіемъ: „я чрезъ то четирегодъное время долженъ буду привесть въ совершенной порядокъ и отдать тоть садъ съ таковимъ оплетомъ, съ каковимъ нинѣ и прійму“. Другой охотникъ, коллежскій канцеляристъ Іванъ Коноваловъ, желалъ взять тотъ же садъ „на шесть лѣтъ безденежно“. Само собою разумѣется, что садъ на Колѣсникахъ отданъ первому, т. е. Геевскому на 4 года „на прописанныхъ въ томъ контрактѣ кондиціяхъ“.

„Къ другому же саду при замкѣ никто (по словамъ думскаго постановленія) съ охотниковъ взять его на откупъ не является по причинѣ, что оной какъ закопанъ бывшимъ казенныхъ имѣній

---

[1]) Опис. Черн. намѣст., стр. 633.

смотрителемъ порутчикомъ Зеленскимъ прошедшого года съ осени на зимное время въ землю, то не только въ удобное весняное время не открытъ изъ земли, но даже таковъ отданъ и въ вѣдомство магистрата, кромѣ что открито оного нѣкоторая очень малая часть, да и то уже совсѣмъ не въ удобное весняное, а въ позное средилѣтное время, почему какъ оной неоткопанной поднесь остается въ земли, такъ и сей не во время отъкритой пришелъ въ крайнее запущеніе и негодность, а по сей то самой причинѣ и охотниковъ ко взятью того винограду въ оброкъ ни за заплату за него чего либо хотя малѣйше денегъ въ городскую сумму, ни съ таковими кондиціями, съ каковыми отданъ вышъписанной при Колѣсницкомъ дворцу состоящій виноградный садъ реченному порутчику Геевскому, не является“ [1]). Поэтому дума постановила: донести объ этомъ черниговскому губернатору и казенной палатѣ и произвести новую публикацію для вызова желающихъ. Мы уже знаемъ, что садъ при замкѣ достался Масюкову, вмѣстѣ съ замковыми постройками.

II. *Замковые и городскіе валы.* Еще до поступленія замка въ собственность города селитерной опошанской [2]) заводчикъ, поручикъ Иванъ Тимченковъ, въ прошеніи 16 марта 1787 г., поданномъ въ гадяцкую думу, просилъ объ уступкѣ ему „къ перемочкѣ на селитру“ городскаго вала, „въ разсужденіи, что въ г. Гадячу состоящей вокру́гъ крѣпости валъ пришолъ совсѣмъ въ обветшалость, и что по силѣ высочайше жалованной для городовъ грамотѣ, города уѣздные всѣ вообще должны быть по времени перестроены противу плановъ“. Дума предвидѣла: 1) что г. Гадячъ непремѣнно долженъ будетъ „по времени имѣть свою перемѣну“, то есть быть перестроенъ „противу плану, каковъ для него данъ будетъ“, 2) что потому и состоящій вокругъ замка его валъ, хотя бы былъ и не въ такомъ худомъ состояніи, какъ нынѣ

---

[1]) Между тѣмъ изъ пріемной описи можно видѣть, что именно на Колѣсникахъ виноградники не были закопаны и заросли бурьяномъ, а при замкѣ находились сравнительно въ лучшемъ положеніи.

[2]) Въ то время Опошня была, можно сказать, столицей селитрозаводчиковъ, такъ какъ многіе изъ незначительныхъ дворянъ промышляли селитровареніемъ и арендовали селитряныя бурты на значительномъ пространствѣ (Шафонскій, Опис. Черниг. намѣст.).

оный есть, но при перестройкѣ города подверженъ будетъ конечному истребленію либо перемѣнѣ, а „потому городовая дума и сама, съ своей стороны, держитъ мнѣнія, что лучше всего „нанять“ оной просителю Тимченку для перемочки на селѣтру“, разсчитывая при этомъ на немалый доходъ; но „поелику сія дума, какъ первого здѣлать, такъ и въ послѣднемъ просителю отказать не смѣетъ“, то представила объ этомъ кіевскому, черниговскому и новгородско-сѣверскому генералъ-губернатору графу Румянцову-Задунайскому.

Отвѣта отъ графа на это никакого не послѣдовало, а между тѣмъ нашелся другой селитрозаводчикъ, дѣйствовавшій въ высшихъ сферахъ: черниговскій губернскій предводитель дворянства, секундъ-маіоръ Семенъ Масюковъ. Обратился въ Черниговское намѣстническое правленіе съ заявленіемъ, что онъ желаетъ взять „на перемочку селитры имѣющейся въ г. Гадячѣ старинный земляный обветшалый валъ, съ присовокупленнымъ къ нему старинымъ же окопомъ, называемымъ замокъ“. Намѣстническое правленіе нашло, что, по силѣ городового положенія, „есть долгъ городской думы стараться о умноженіи городскихъ доходовъ, и нѣкоторыхъ городовъ сей губерніи городскія думы, соотвѣтствуя сему всевысочайшему узаконенію въ отправленіи своихъ должностей, имѣвшіеся въ ихъ городахъ валы отдали давно въ откупы явившимся охотникамъ за заплату въ пользу городовъ для вываривания селитры; со стороны же гадяцкой городской думы о взятьи въ откупъ имѣющихся валовъ для вываривания селитри за заплату въ пользу города не только вызову охотниковъ не учинено и по нынѣ, но ниже какова распоряженія о семъ“. Поэтому 24, января 1788 г., предписано отдать валы желающимъ по публикаціямъ, и „не упустить въ числѣ протчихъ кондицій постановить, чтобы, на отвращеніе безобразія, могущаго быть отъ разритья валу и отъ побросанія земли въ кучахъ, откупщики обязаны были всѣ ямины, отъ разкопанія валу послѣдовавшія, засыпать и заровнять и излишнюю землю за тѣмъ остающуюся, гдѣ прилично и для выровненія мѣстъ необходимо будетъ, употребить“. Того же числа и черниговскій губернаторъ Андрей Милорадовичъ („поелику распоряженіе городскими доходами, по силѣ городового положенія, непосредственно къ нему относится“) сверхъ указа намѣстническаго правленія, съ своей стороны, „особливо предлагаетъ думѣ, дабы она

старалась о умноженіи городскихъ доходовъ на ползу города", дѣлая тѣже наставленія относительно раскопки и уборки земли.

На эти укорительныя замѣчанія дума послала оправдательные рапорты, заключающіеся въ томъ, что она не получила отъ генералъ-губернатора никакой резолюціи на свое представленіе, и что окопъ при замкѣ находится въ казенномъ вѣдомствѣ и „въ числѣ прочихъ препорученныхъ думѣ на ползу города статей не считается, а потому (дума) не смѣетъ прежде полученія въ совершенное свое владѣніе употребить къ доходу городскому". Вмѣстѣ съ тѣмъ, дума ходатайствовала о передачѣ въ ея распоряженіе окоповъ а также замка съ постройками, площади и другихъ оброчныхъ статей.

Послѣ передачи въ вѣдѣніе города бывшаго замка съ постройками, дума сдѣлала публикацію и назначила на 31 августа 1788 г. торги на отдачу валовъ и окоповъ для селитроваренія. На торги явились: означенный выше Масюковъ, поручики Акимъ Драгомановъ и Степанъ Геевскій и серпуховскій купецъ Иванъ Берданосовъ. Дума оставила откупъ за Масюковымъ на 4 года за предложенную имъ плату по 40 р. оть котла въ лѣто, съ тѣмъ, между прочимъ, условіемъ, что „съ оныхъ валу и замку долженъ онъ, Масюковъ, перемочить всю ту землю, которая по пробѣ окажется способною, а по перемочкѣ насыпать оные валы такъ какъ они и были". Варка селитры должна начаться съ городскаго вала, окопы же при замкѣ могли быть разрываемы только послѣ распродажи бывшихъ строеній. Затѣмъ, вслѣдствіе заявленія Масюкова черниговскому губернатору о томъ, что вмѣстѣ съ городскимъ валомъ досталось ему и строеніе въ замкѣ, „весма ветхое и неспособное ни къ чему иному, какъ вмѣсто дровъ сжечь", почему, для устраненія затратъ по перевозкѣ, губернаторъ предписалъ гадяцкому городничему не препятствовать Масюкову избрать пустырь подъ горою къ рѣкѣ и устроить два котла для селитроваренія. Остается неизвѣстнымъ, обращены ли на топливо бывшіе постройки въ замкѣ, или какое другое употребленіе сдѣлало изъ нихъ предводитель Масюковъ.

Въ настоящее время на мѣстѣ бывшаго гетманскаго замка существуетъ каменная твердыня тюремнаго. Мѣстность представляется высокимъ холмомъ, обрывистымъ съ трехъ сторонъ, съ остатками

валовъ. Въѣздные ворота находились, очевидно, со стороны городской площади по направленію къ улицѣ, гдѣ теперь почтовая станція. Съ правой стороны, въ ярахъ разбросана теперь масса городскихъ домовъ и избушекъ. Виноградниковъ вблизи нынѣшняго тюремнаго замка не существуетъ, и только на Колѣсникахъ, какъ намъ говорили, въ усадьбѣ г. Кошеваго еще водится виноградъ.

В. Василенко.

Малороссійское ополченіе 1812 года.

12-го іюня 1812 года Французы перешли черезъ р. Нѣманъ. Императоръ Александръ I, пребывавшій въ это время въ Вильнѣ, сдѣлалъ попытку „избавить человѣчество отъ бѣдствій новой войны“, пославши генералъ-адъютанта Балашева съ письмомъ къ Наполеону, въ которомъ предлагалъ примиреніе, подъ условіемъ немедленнаго удаленія Французовъ изъ русскихъ владѣній. Попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ, и иноземныя полчища разлились по сѣверо-западному краю. Россія не была готова къ ихъ отраженію.

Между тѣмъ непріятель стремительно двигался впередъ—нужно было скорѣе выработать планъ военныхъ дѣйствій и хлопотать объ увеличеніи количества войскъ. Одной изъ первыхъ мѣръ, принятыхъ Государемъ, было распоряженіе о наборѣ конныхъ козачьихъ полковъ въ Малороссіи.

Въ концѣ іюня былъ отправленъ на имя малороссійскаго генералъ-губернатора князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго слѣдующій высочайшій рескриптъ:

„Князь Яковъ Ивановичъ! Извѣстное Ваше усердіе и ревность ко всему, что нужно для блага и защиты отечества, побуждаютъ Меня возложить на Васъ попеченіе о сформированіи козачьихъ полковъ въ губерніяхъ, начальству Вашему ввѣренныхъ, и объ оныхъ, по мѣрѣ готовности, въ Калугу и Тулу отправленіи. Вы можете въ семъ случаѣ соображаться съ настоящими надобностями, зная, сколько нужно умноженіе числа войскъ противъ непріятеля многочисленнаго и сильнаго. Сіе формированіе можетъ замѣнить Малороссіи обыкновенный рекрутскій наборъ, въ

протчихъ губерніяхъ къ осени приготовляемый. Отечество, въ надеждѣ на Вашу дѣятельность, ожидаетъ отъ Васъ сей немаловажной услуги. Въ протчемъ пребываемъ Вамъ благосклонный".

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою: „Александръ". Главная квартира м. Бельмонтъ, іюня 25 дня 1812 года.

Получивъ милостивый рескриптъ и желая, какъ можно скорѣе, оправдать довѣріе Государя, князь Лобановъ-Ростовскій немедленно разослалъ всѣмъ земскимъ коммиссарамъ, ближайшимъ начальникамъ козачьяго сословія, копіи съ рескрипта, съ приложеніемъ собственнаго нижеслѣдующаго воззванія, въ которомъ онъ обѣщаетъ выхлопотать у Государя въ награду за скорый и успѣшный наборъ козачьихъ полковъ полное освобожденіе козаковъ отъ рекрутскихъ наборовъ.

„Я при семъ случаѣ, пишетъ князь, имѣю всему здѣсь козачьему состоянію объявить, что тѣмъ снаряженіемъ избавляются они не токмо перваго рекрутскаго набора, но, по миновании въ тѣхъ полкахъ надобности, всѣ они распустятся въ домы свои, но навсегда останутся принадлежащими украинскому войску и по первому востребованію обязаны опять явиться на службу и составить свои полки, офицера же пользуются содержаніемъ и всѣми по службѣ правами, уланскимъ офицерамъ присвоенными: они имѣютъ установленную форму по полкамъ, они считаются на службѣ даже въ то время, когда полки распустятся, ибо тогда будетъ ихъ обязанностью имѣть полное свѣдѣніе о состояніи и занятіи подчиненныхъ имъ козаковъ. Таковое сихъ полковъ устройство столь близко похоже съ древнимъ состояніемъ малороссійскихъ воиновъ, что нѣтъ сомнѣнія, что здѣшнее козачее общество предоставитъ однимъ избраннымъ пользоваться и польстится употребить сей случай, чтобы доказать многочисленной формировкой, что они всѣ достойны получить навсегда право составлять изъ себя защиту и служить не по очереди рекрутской, а по усердію къ Царю и ревности къ ремеслу, въ коемъ отличаться они всегда умѣли, ибо кто не вѣдаетъ, что быть на войнѣ было сущее дѣло предковъ ихъ; и потому ожидать можно, что безъ наряду отъ меня представится изъ каждой сотни больше одного охотника, послѣ чего доведется мнѣ донесть Царю, Отцу Россіи, что „всѣ козаки давно на злодѣя готовы и потому сказать

повели, Всемилостивѣйшій Государь, быть имъ въ свободное время дома и отъ рекрутства свободными, ибо на оборону царства Твоего составятъ они всегда цѣлое войско".

Но поелику нужно мнѣ вѣдать прежде точную ихъ о томъ мысль и усердіе, имѣю рекомендовать вамъ, господамъ коммиссарамъ, объявить въ каждомъ повѣтѣ Высочайшій рескриптъ и заключеніе мое и стребовать отъ каждаго волостнаго правленія, дабы втеченіи пяти дней каждое подало отзывъ, коликое число съ того вѣдомства козаковъ имѣетъ быть людей къ составленію помянутаго войска. Предваряется, что могутъ быть назначаемы въ козаки, не взирая ни на лѣта, ни на ростъ, ни на маловажные тѣлесные недостатки, но съ единственнымъ наблюденіемъ силъ и способности къ службѣ сего рода. Одежда ихъ должна состоять въ короткомъ безъ полъ суконномъ полукафтанѣ и въ двухъ шароварахъ, изъ коихъ одни суконные и другіе холщевые, двѣ пары сапогъ, двѣ рубашки, одна шапка съ овчиннымъ околышкомъ и волосянымъ султаномъ, одна суконная епанча и одна ладунка патронная. Сукна назначаются, какія удобнѣе и выгоднѣе можно здѣсь найти, не исключая даже и сѣрого. Стараться, чтобы были одного цвѣту на тысячи двухстахъ человѣкахъ.

Каждый имѣть долженъ одну лошадь. Качество сей лошади опредѣляется также одной способностью къ верховой ѣздѣ безъ всякого ограниченія лѣтъ, роста и статей; сбрую ея составляетъ обыкновенное козачее сѣдло, уздечка, маленькій чемоданъ, баклажка для воды и саква для фуража.

Оружіе полагается для козака нижняго чина: пика, сабля, одинъ пистолетъ, на пятьдесятъ человѣкъ шестнадцать штуцеровъ или ружей какого бы калибра они ни были, изъ оныхъ же вещей чего не достанетъ, пополнится изъ собраннаго по губерніямъ на милицію оружія. Патроны и порохъ будутъ выданы. Ко времени совершеннаго сформированія дано будетъ свидѣтельство, по коему и начнется довольствованіе отъ казны жалованьемъ и провіантомъ, до того же времени содержаться обществомъ своимъ.

Офицеры и унтеръ-офицеры получаютъ отъ казны все имъ положенное съ самого времени опредѣленія ихъ въ полки.

Особенно предписывается всѣмъ нижнимъ земскимъ судамъ объявить немедленно всѣмъ отставнымъ воинскимъ оберъ-офицерамъ,

унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, также и милиціоннымъ, что имѣющіе изъ нихъ о службѣ своей свидѣтельства и желающіе ознаменовать свое усердіе могутъ въ составъ сего войска быть приняты и пользоваться вышесказанными выгодами и сего ради чинили бы онѣ себя отзывы, съ приложеніемъ документовъ своихъ, прямо ко мнѣ или въ нижній земскій судъ, который будетъ о томъ представлять мнѣ. Князь Лобановъ-Ростовскій. — 1812 года, іюля 10 дня. Полтава".

Едва успѣлъ князь Лобановъ-Ростовскій сдѣлать первыя распоряженія о наборѣ козачьихъ полковъ, какъ былъ обнародованъ манифестъ отъ 6-го іюля о созывѣ ополченій во всей Россіи. Въ виду, выраженной въ манифестѣ, крайней нужды въ возможно скоромъ сформированіи и снаряженіи въ походъ ополченій, князь Лобановъ-Ростовскій послалъ немедленно распоряженіе полтавскому и черниговскому губернскимъ правленіямъ, чтобы не стѣснять козаковъ точнымъ выполненіемъ распоряженія отъ 10-го іюля, хлопотать лишь о возможно большемъ количествѣ войскъ и за скорое снаряженіе опять обѣщалъ исходатайствовать у Государя освобожденіе отъ рекрутскихъ наборовъ и, кромѣ того, временныя льготы въ уплатѣ податей. Въ этомъ же, нижеслѣдующемъ, распоряженіи Лобанова-Ростовскаго изложена и организація формируемыхъ козачьихъ полковъ:

„Полтавскому и черниговскому губернскимъ правленіямъ:

Вслѣдствіе полученнаго мною, отъ 6-го сего мѣсяца, Высочайшаго Его Императорскаго Величества рескрипта, съ коего здѣсь копію прилагаю, о формированіи ополченій, я нахожу нынѣ, за поступленіемъ уже отъ нѣкоторыхъ козачьяго состоянія людей удовлетворительныхъ извѣщеній, также и по неизбѣжности скорѣйшаго исполненія, объявить необходимымъ сей же день черезъ нарочныхъ во всѣхъ повѣтахъ, что къ составленію тѣхъ козачьихъ полковъ потребно снаряженныхъ съ каждой сотни ревизскихъ козачьихъ душъ по четыре человѣка, къ облегченію-жъ по части преждепредписанной одежды разрѣшается быть каждому козаку въ новомъ только суконномъ кафтанѣ или полукафтанѣ какого-бы цвѣта ни былъ лишь бы одного съ прочими покроя, число же шароваровъ и обуви какъ прежде сказано и шапки одного-жъ покроя; впрочемъ, разборъ людей, лошадей, составленіе конской сбруи, оружія, имѣть каждому,

какъ въ первомъ объявленіи отъ 10 сего мѣсяца писано. А поелику составленіемъ таковаго числа войскъ знаменуется усердіе малороссійскихъ козаковъ, то я поставлю долгомъ донесть о томъ Его Императорскому Величеству и быть у Его престола ходатаемъ, дабы благоволилъ Онъ приказать не вмѣщать козачье общество въ рекрутскую очередь и въ податяхъ участвовать только какъ состоянію ихъ прежде повелѣно было, ибо обязываются они составлять изъ себя войско, какое въ нужный часъ потребно быть можетъ, уважая удобность быть въ мирное время въ домахъ своихъ. Таковой милости ожиданіе заставляетъ меня предложить губернскому правленію, какъ и казенной палатѣ пріостановиться со сборомъ второй половины податей съ козаковъ, и съ помощію земской и городской полиціи и волостныхъ правленій имѣть наблюденіе, дабы какъ можно болѣе людей снаряжено было съ полученія сего на каждомъ мѣстѣ черезъ двѣ недѣли. Каждый полкъ имѣетъ состоять изъ двѣнадцати сотень; въ полку чиновниковъ назначается: одинъ полковой командиръ, два штабъ-офицера, два адъютанта, два квартирмистра, одинъ казначей, одинъ штабъ-трубачъ, на каждые полтораста человѣкъ одинъ ротмистръ или штабъ-ротмистръ, поручикъ, корнетовъ два, вахмистръ одинъ, унтеръ-офицеровъ десять и трубачей два. Всѣ тѣ чиновники несомнѣнно явятся въ надлежащее время къ своимъ мѣстамъ. Подлежитъ теперь земскимъ коммиссарамъ занятся вообще, совмѣстно съ волостными правленіями, наименованіемъ тѣхъ селеній, въ коихъ удобно будетъ сотнямъ собираться, и представить мнѣ о томъ донесенія, дабы, по полученіи оныхъ отъ каждаго повѣта, я могъ бы рѣшить, гдѣ удобнѣе тѣ сотни сводить къ составленію полковъ; касательно же оружія, симъ полкамъ подлежащаго, хотя я и беру всѣ мѣры помочь въ томъ сему обществу и надѣюсь нѣкоторое число достать, но не меньше надлежитъ всему обществу стараться добывать оное между себя, сколько можно болѣе, дабы тѣмъ лучше достойными быть царскаго на подвиги ихъ милостивѣйшаго воззрѣнія. Повторяется господамъ коммиссарамъ оповѣщеніе тѣмъ отставнымъ оберъ- и унтеръ-офицерамъ, что они станутъ получать жалованье со дня ихъ въ полкъ помѣщенія. Князь Лобановъ-Ростовскій. — Іюля 16 дня 1812 года. Полтава".

18-го іюля былъ обнародованъ второй манифестъ о созывѣ земскаго ополченія. Дѣйствіе этого манифеста распространялось и на

Малороссію—одновременно она должна была выставить конные полки изъ лицъ, принадлежавшихъ къ козачьему сословію, и земское ополченіе изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Такое усиленное формированіе войскъ было крайне тягостно для обывателей, въ особенности въ виду труднаго въ ту пору экономическаго положенія Полтавской губерніи, а потому многіе стали уклоняться отъ всякаго участія подъ предлогомъ болѣзни, неимѣнія средствъ и т. п. Къ тому же возникли недоразумѣнія между высшими представителями мѣстной власти генералъ-губернаторомъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ и полтавскимъ губернскимъ маршаломъ Дмитріемъ Прокофьевичемъ Трощинскимъ.

Оставивъ постъ министра удѣловъ, Трощинскій отправился на родину, гдѣ полтавское дворянство, гордясь подобнымъ представителемъ, избрало его въ губернскіе маршалы. Объ общественной дѣятельности его въ этомъ новомъ званіи мало извѣстно. Восемь лѣтъ провелъ Трощинскій на родинѣ до назначенія своего министромъ юстиціи, проживая, преимущественно, въ любимомъ своемъ селѣ Кибенцы (миргородскаго уѣзда). Изъ помѣщенныхъ нами въ „Кіевской Старинѣ“ за 1886 г. четырехъ писемъ его къ князю Лобанову-Ростовскому видно, что Трощинскій принималъ горячее участіе въ дѣлѣ формированія земскаго ополченія и казачьихъ полковъ. Два изъ этихъ писемъ писаны въ Полтавѣ въ одинъ и тотъ же день и помѣчены 30 августа 1812 года; второе служитъ какъ бы продолженіемъ перваго или припискою къ нему. Трощинскій заявляетъ, что казаки еще не готовы къ походу въ Калугу. Главной причиной замедленія былъ недостатокъ въ офицерахъ. Предполагалось замѣстить вакантныя должности въ казачьихъ полкахъ назначенными по выбору дворянства кандидатами для земскаго ополченія, но и здѣсь недоставало еще пятидесяти офицеровъ и даже уже поступившіе выбывали ежедневно по болѣзнямъ и другимъ законнымъ и незаконнымъ причинамъ. Получая неблагопріятныя свѣдѣнія о формированіи ополченія, Трощинскій былъ внѣ себя:

„Несчастное продолженіе отступленія армій нашихъ, съ одной, и медленность въ выводѣ полтавскаго ополченія въ назначенныя ему мѣста, съ другой стороны, толико для меня мучительны, пишетъ онъ Лобанову-Ростовскому, что я отъ досады и огорченія слегъ и

уже третій день лежу въ постели. Я не могу надивиться, какъ благородные люди могутъ равнодушны быть въ дѣлѣ толико важномъ, каково есть защита отечества. Всякой часъ получаю отзывы, что избранные чиновники, подъ предлогомъ болѣзней и другихъ причинъ безстыдно уклоняются отъ службы, а владѣльцы въ поставкѣ козаковъ и всего принадлежащаго великія остановки дѣлаютъ. Извините, милостивый государь, (болѣе) истины писать не въ состояніи".

Какъ ни волновался Трощинскій, и какъ ни хлопоталъ онъ о скорѣйшемъ снаряженіи полтавскаго земскаго ополченія, но дѣло медленно подвигалось впередъ; тормозилъ его, между прочимъ, и самъ Лобановъ-Ростовскій своими распоряженіями, шедшими нерѣдко въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ дѣла. Его предписаніе о продовольствіи 6,500 лошадей коннаго ополченія во время похода на счетъ обывателей вывело Трощинскаго изъ терпѣнія, и онъ изложилъ Лобанову-Ростовскому свой взглядъ на положеніе дѣлъ:

„Я увѣренъ,—пишетъ онъ 24 сентября изъ Полтавы,—что пожертвованіемъ дворянства здѣшней губерніи на земское ополченіе вы поставляете истинную цѣну; вамъ извѣстно, что оно, по недостатку промышленности, довольно скудно и прежними расходами на поставку артиллерійскихъ лошадей, воловъ, фуръ и на уплату за винокуреніе весьма доходы свои истощило. Несмотря на то, при воззваніи къ защитѣ отечества, опредѣлило оно взнесть на земское ополченіе въ два мѣсяца деньгами до четырехъсотъ тысячъ рублей, поставить 6,500 лошадей съ полною сбруею, по нынѣшнимъ дорогимъ цѣнамъ составляющихъ не менѣе шестисотъ пятидесяти тысячъ рублей, дать на годовое продовольствіе сего войска 80,000 четвертей муки и овса, съ пропорціею крупъ, стоющихъ конечно болѣе 300,000 р.; и того, не считая 13,500 козаковъ, одежды ихъ и вооруженія и слишкомъ 500 фуръ съ погонщиками, пожертвовавъ болѣе чѣмъ на 1,360,000 р., кажется, доказало оно въ полной мѣрѣ рвеніе свое къ службѣ государю и отечеству. Продовольствіе сѣномъ лошадей ополченія сего не могло дворянство взять на себя по сущей невозможности, найпаче не зная, куда необходимость заставитъ въ теченіе войны подвинуть за границы губерніи столь многочисленную конницу и будетъ ли прокормленіе оной сѣномъ соотвѣтствовать его способамъ, истощаемымъ на защиту престола и отечества.

Дворянство думало, что правительству, располагающему симъ ополченіемъ, не недостанетъ средствъ къ прокормленію сѣномъ 6500 лошадей, куда бы они по обстоятельствамъ войны переведены ни были".

Немало взволновало Трощинскаго распоряженіе Лобанова-Ростовскаго о пользованіи суммами, пожертвованными, вслѣдствіе высочайшаго манифеста отъ 6-го іюля, купечествомъ и евреями. Трощинскій полагалъ, что, по смыслу манифеста, право распоряжаться новыми пожертвованіями принадлежитъ ему; Лобановъ же Ростовскій, не сносясь съ нимъ, распредѣлялъ ихъ по своему усмотрѣнію. Въ разъясненіе этого недоразумѣнія Трощинскій послалъ изъ Кибинецъ 23 октября длинное письмо Лобанову Ростовскому, въ которомъ, между прочимъ, пишетъ: „Весьма прискорбно мнѣ видѣть, что тогда, когда единодушіе всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, начальниковъ и подначальныхъ, необходимо къ изобрѣтенію средствъ для отраженія всеобщаго врага и къ дѣйствованію соглашенными волями и силами къ достиженію единственнаго предмета, защиты отечества, въ то самое время распоряженія мои, къ коимъ давно извѣстнымъ вамъ опредѣленіемъ губернскаго правленія былъ я уполномоченъ, опровергаются начальническою властью вашею, которую достойно уважать научился я прохожденіемъ сорока-пятилѣтняго служенія моего, равно какъ не выходить никогда изъ правъ и предѣловъ званія, носимаго мною. Ваше сіятельство избавили бы меня отъ сей непріятности, если бы въ началѣ августа, по полученіи Высочайшаго рескрипта, изволили меня предувѣдомить, что обстоятельства не позволяютъ вамъ одобрить распоряженіе губернскаго правленія, которое отклонить въ свое время не имѣлъ я никакого права, ниже благовиднаго предлога. Сіе заставляетъ меня покорнѣйше просить ваше сіятельство, буде имѣете еще въ виду подобныя сему или совокупно съ губернскимъ правленіемъ, или особенно мои несоглашенныя съ начальническими предположеніями вашего сіятельства обстоятельства, сдѣлать милость заблаговременно о томъ предварить меня, дабы я могъ достодолжно сообразовать поступки мои съ мыслями и распоряженіями вашего сіятельства, которые единственнымъ предметомъ имѣютъ, конечно, общественное благо".

Хотя Лобановъ-Ростовскій усиленно хлопоталъ относительно выполненія Высочайшей воли о возможно скоромъ снаряженіи ополченія, но онъ выказалъ себя въ этомъ дѣлѣ, какъ видимъ, крайне нераспоря-

дительнымъ. Это, а также крайне тяжелое экономическое положеніе Полтавской губерніи, и были главными причинами того, что сборы полтавскаго ополченія такъ растянулись, что оно не попало на театръ военныхъ дѣйствій и по изгнаніи французовъ за предѣлы Россіи было немедленно распущено.

Вслѣдствіе непосильныхъ требованій, предъявленныхъ къ населенію, и нераспорядительности высшихъ властей, малороссійскіе козаки лишились возможности принять участіе въ отраженіи грознаго непріятеля и заслужить такимъ образомъ обѣщанныя Лобановымъ-Ростовскимъ монаршія милости. Въ 1818 году уже преемникъ Лобанова-Ростовскаго князь Николай Григорьевичъ Репнинъ получилъ слѣдующій рескриптъ:

„Господину Малороссійскому Военному Губернатору. При сильныхъ мѣрахъ, кои къ оборонѣ отечества пріемлемы были въ 1812 году, поручалъ я предмѣстнику вашему сформированіе козачьихъ полковъ въ Малороссіи, поставивъ ему на видъ рескриптомъ 25 іюня того года, что оное замѣнитъ обыкновенный рекрутскій наборъ, съ прочихъ губерній къ осени приготовляемый. Такимъ образомъ, составлено было изъ козачьего сословія 15 полковъ на правѣ ополченія, введеннаго вслѣдъ затѣмъ манифестами 6-го и 18-го іюля внутри государства, въ составѣ коего находились и конные козачьи полки изъ ямщиковъ и поселянъ внутреннихъ губерній. Вамъ извѣстна служба сихъ послѣднихъ и что съ окончаніемъ войны они распущены по домамъ. Малороссійскіе-жъ козаки въ послѣдующее съ 1812 года время освобождены были отъ рекрутскихъ наборовъ и податей, кромѣ собираемыхъ по указамъ 11-го іюня 1816 года по четыре рубля съ души, въ намѣреніи дать имъ новое образованіе.

По правиламъ, принятымъ въ основаніе новаго устройства поселяемыхъ войскъ, соединеніе владѣемыхъ козаками земель въ особые округи, кои бы отдѣляли ихъ отъ земель помѣщичьихъ, должно предшествовать всѣмъ предполагаемымъ о семъ предметѣ распоряженіямъ, но для приведенія онаго въ исполненіе требуется слишкомъ продолжительное время, чтобы козаки могли между тѣмъ остаться безъ всякой службы отечеству. Посему Я повелѣваю вамъ:

1) Козачье сословіе въ обѣихъ малороссійскихъ губерніяхъ ввести въ обыкновенную рекрутскую повинность по прежнему при настоящемъ наборѣ.

2) Въ знакъ же признательности къ усердію козаковъ, оказанному скорымъ сформированіемъ изъ среды себя полковъ, объявить имъ, что они оставляются при тѣхъ самыхъ податяхъ—по четыре съ души, кои собираются съ нихъ на основаніи указовъ Моихъ отъ 11-го іюня 1816 года.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Александръ“.

С.-Петербургъ, 25 августа 1818 г.

Н. Стороженко.

О церкви и иконѣ св. Богородицы подъ названіемъ „Пирогощи", упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ и въ словѣ о Полку Игоревѣ.

Въ лѣтописяхъ и въ словѣ о Полку Игоревѣ есть нѣсколько краткихъ и въ нѣкоторомъ отношеніи загадочныхъ извѣстій о церкви и иконѣ подъ названіемъ „Пирогощи". Разъясненіе этихъ извѣстій, насколько оно возможно,—хотя бы только въ смыслѣ вѣроятныхъ выводовъ,—составляетъ цѣль настоящихъ замѣтокъ.

Извѣстія лѣтописи и слова о церкви Пирогощи.

Въ лѣтописи по Лавр. списку подъ 1131 г. говорится: *в тоже лѣто заложи Мстиславъ церковь святыя Богородицы Пирогощую.* Лѣтопись по Ип. списку сообщаетъ тоже подъ 1132 г.: *в сеже лѣто заложена бысть церкви каменна святая Богородица, рекомая Пирогоща.* Подъ 1136 г. она же сообщаетъ: *томъ лѣтѣ церкви Пирогощи совершена бысть.* Слово о Полку Игоревѣ, оканчивая рѣчью о возвращеніи Игоря изъ плѣна половецкаго, въ послѣднихъ строкахъ гласитъ: *вьются голоси чрезъ море до Кіева; Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святой Богородицѣ Пирогощей.* Эти, хотя и краткія, извѣстія даютъ основаніе для слѣд. выводовъ:

1) Богородичная церковь Пирогощи была въ Кіевѣ, что, впрочемъ, на столько ясно, что пока не требуетъ объясненій.

2) Церковь эта была *каменная,* строилась около *четырехъ* лѣтъ (1132—1136 г.). Только большія церкви строились тогда у насъ въ теченіе четырехъ, пяти, шести, семи лѣтъ, а малыя каменныя церкви строились въ одинъ годъ и ранѣе, какъ то извѣстно по лѣто-

писямъ о тѣхъ и другихъ[1]). Естественно ожидать, что церковь сравнительно большая, слѣд. отличавшаяся солидностію и прочностію постройки, могла просуществовать долго, и, если была разрушена, то не могли безслѣдно исчезнуть ея остатки, развалины.

3) Церковь заложена Мстиславомъ, сыномъ Владиміра Мономаха, княжившимъ въ Кіевѣ съ 1126 г. Но она только заложена этимъ княземъ, скончавшимся 15 апр. слѣдующаго послѣ заложенія церкви 1133 г. Слѣд. постройка церкви продолжена и окончена другими. Кто же были эти другіе? Во главѣ ихъ необходимо предполагать брата и преемника Мстиславова—Ярополка (1133—† 18 февр. 1140 г.), хотя лѣтописи и не говорятъ объ этомъ. Но заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что Ипатская лѣтопись, сообщающая о кіевскихъ событіяхъ вообще полнѣе и точнѣе Лаврентьевской, не упоминаетъ именъ строителей церкви Пирогощи ни при заложеніи, ни при совершеніи ея, а выражается: „заложена бысть“, „совершена бысть“. Лѣтописи, за весьма рѣдкими исключеніями, не опускаютъ отмѣчать имена строителей церквей, если строеніе ихъ было единоличнымъ дѣломъ князя, епископа, боярина, инока и т. д. Поэтому, если въ лѣтописяхъ о строеніи церкви говорится въ общей формѣ: „заложиша“, „заложена бысть“, „построиша“, „построена бысть“ и т. под., то слѣдуетъ понимать, какъ большею частію и понимается, что строеніе церкви было не единоличнымъ чьимъ-либо дѣломъ, а совокупнымъ дѣломъ цѣлой группы людей извѣстнаго класса, извѣстной части населенія,—словомъ, дѣломъ общественнымъ. Думается поэтому, что и церковь Пирогощи, бывъ заложена Мстиславомъ, продолжена и окончена строеніемъ при содѣйствіи Ярополка, но при особенномъ участіи кіевлянъ извѣстнаго класса, извѣстной части населенія, участвовавшихъ и въ ея заложеніи при Мстиславѣ.

4) Для какого класса людей могла служить церковь Пирогощи,

---

[1]) Десятинная церковь въ Кіевѣ строилась шесть лѣтъ (991—996), Печерская—пять лѣтъ (1073—1078), хотя впрочемъ внутренняя отдѣлка и росписаніе ея продолжались еще нѣсколько лѣтъ, такъ что она освящена въ 1089 г.; Новгородскій Софійскій соборъ строился семь лѣтъ (1045—1052 г.). Примѣръ болѣе продолжительнаго строенія, а также строенія каменныхъ же церквей, въ теченіе года и даже менѣе того, можно видѣть въ выпискахъ, собранныхъ по этому предмету у преосв. Макарія: Исторія русск. церкви. Т. III, стр. 89. Спб. 1868 г.

заложенная Мстиславомъ, продолженная и оконченная людьми этого класса? Мстиславъ, князь умный, просвѣщенный и благочестивый, извѣстенъ тѣмъ, что будучи еще, при жизни отца, княземъ въ Новгородѣ построилъ двѣ церкви: одну, такъ сказать, княжескую, для себя и ближайшихъ людей, а именно церковь Благовѣщенія на княжескомъ городищѣ близь Новгорода, другую—церковь св. Николая чудотворца на Ярославовомъ дворищѣ, находившемся на торговой сторонѣ Новгорода, рядомъ съ гостиннымъ дворомъ, такъ что эта церковь построена имъ для народа, для торговаго и промышленнаго населенія [1]). Ставъ великимъ княземъ въ Кіевѣ, онъ и здѣсь строитъ сперва церковь княжескую во имя св. Ѳеодора, своего ангела по хр. имени (Ѳеодора), которая и считалась *отнею*, т. е. фамильною, у его дѣтей и потомковъ. Естественно думать, что вторая, построенная имъ церковь—Пирогощи, заложена имъ, подобно второй новгородской, въ торговой части Кіева, для здѣшняго торговаго и промышленнаго населенія. Вообще Мономахъ и лучшіе Мономаховичи извѣстны, какъ князья народолюбцы, благосклонные къ народу, участливые къ его нуждамъ, за что и сами пользовались любовію народа и въ Кіевѣ, гдѣ народъ много разъ энергически проявляетъ свою преданность имъ, и въ Новгородѣ, гдѣ вѣчники кричали Изяславу, сыну Мстислава: „ты нашъ Владиміръ, ты нашъ Мстиславъ“! Въ князѣ съ такимъ характеромъ, какъ Мстиславъ Мономаховичъ, самое построеніе церкви было дѣломъ не только благочестія, но и участливости къ церковнымъ интересамъ народа, тогда тѣсно связаннымъ съ интересами общественными. Въ частности, значеніе постройки Богородичной церкви Пирогощи, какъ церкви, именно, для торговаго и промышленнаго населенія, можетъ освѣщаться нѣкоторыми особенными условіями въ быту его, наставшими со времени Мономаха. Призванный на великое княженіе кіевлянами въ моментъ сильнаго народнаго волненія, проявившагося по смерти Святополка Изяславича, правленіе котораго было тяжелымъ для кіевлянъ, Мономахъ сейчасъ озаботился улучшеніемъ порядка и законодательства, обративъ въ частности вниманіе и на интересы торговаго и промышленнаго класса. Такое значеніе имѣютъ въ извѣстныхъ дополни-

[1]) П. Собр. Русск. лѣт., III, 122.

тельныхъ къ „Русской Правдѣ“ статьяхъ Мономаха статьи о *ростахъ*, направленныя, говоря по нашему, къ упорядоченію кредита и ослабленію ростовщичества, и въ особенности статьи въ огражденіе гостей, т. е. купцевъ, на случай могущихъ постигать ихъ несчастій, каковы „утопленіе“, т. е. кораблекрушеніе, разграбленіе отъ войны и пожаръ. Такое законодательное покровительство, безъ сомнѣнія, повліяло на улучшеніе быта торговаго и промышленнаго класса и на самое развитіе торговаго и промышленнаго дѣла. Съ другой стороны, этому же самымъ существеннымъ образомъ способствовало при Мономахѣ и Мстиславѣ устраненіе одного весьма важнаго препятствія для внѣшней торговли, особенно греческой, торговли съ Греціею, центромъ которой былъ именно Кіевъ. Препятствіемъ этимъ были хищные Половцы, сторожившіе и грабившіе кіевскихъ гостей, ведшихъ торговлю съ Греціею, или *гречниковъ*, особенно когда они возвращались изъ Греціи съ деньгами или закупленными дорогими товарами. Мономахъ еще въ послѣдніе годы Святополка нанесъ ударъ Половцамъ у самаго Дона. Ставъ в. княземъ онъ продолжалъ самъ или чрезъ своихъ сыновей и мужей наносить имъ новые удары до самаго Дона, а послѣ Мономаха сынъ его, умный и сильный Мстиславъ, загналъ Половцевъ за Донъ, Волгу и даже за Яикъ, какъ говоритъ лѣтопись, можетъ быть, уже и преувеличенно [1]). Во всякомъ случаѣ, путь по Днѣпру въ Грецію былъ очищенъ, и торговля греческая получила свободу и широкое развитіе. Какое развитіе получила эта торговля, какое значеніе она имѣла для самихъ князей, можно судить по тому обстоятельству, что когда послѣ Мстислава, вслѣдствіе возобновившихся княжескихъ усобицъ, Половцы опять придвинулись къ Кіевской Руси, грозя хищничествомъ и гостямъ на торговомъ пути ихъ по Днѣпру, то князья снаряжаютъ отряды, выступаютъ и сами въ походъ на встрѣчу возвращающимся гостямъ, чтобы охранить ихъ отъ хищниковъ. И замѣчательно, что это дѣлаютъ именно князья Мономаховичи, какъ Ростиславъ, сынъ нашего Мстислава, и Мстиславъ его внукъ, который, возбуждая и другихъ князей къ походу на охрану гречниковъ, говорилъ, что этого требуютъ наша честь и польза [2]). Так. образомъ, въ преданіяхъ Моно-

---

[1]) Лѣт. по Ип. сп., стр. 217—218. Спб. 1871 г.

[2]) Тамъ же, стр. 360—368.

маховичей былъ, говоря по нашему, принципъ покровительства торговымъ людямъ и торговому дѣлу, унаслѣдованный отъ Мономаха и Мстислава. Справедливо мнѣніе историка Соловьева, что князья даже непосредственно заинтересованы были въ торговлѣ, имѣя и свои предметы сбыта и потребности купли, причемъ, само собою понятно, пользовались услугами бывалыхъ и опытныхъ гостей, какъ посредниковъ и пособниковъ. Сверхъ того, торговля гостей давала имъ источникъ дохода въ пошлинахъ, какъ то очень извѣстно. Въ виду такихъ соображеній, мы наклонны утверждать, что построеніе церкви Пирогощи для торговыхъ людей, подобно такой же Новгородской церкви, было со стороны Мстислава въ частности—дѣломъ, направленнымъ къ лучшему благоустроенію этихъ людей и торговыхъ интересовъ, въ связи съ интересами князя. Въ Новгородѣ и Ладогѣ и нѣмецкіе гости имѣли свои патрональныя церкви, бывшія средоточіемъ ихъ торговой союзности. Имѣли такія церкви и новгородскіе купцы, строенныя или княземъ или дружинами купцевъ. Именно сынъ нашего Мстислава Всеволодъ построилъ для одной части ихъ церковь Іоанна Предтечи на Опокахъ, учредилъ при ней „Ивановское купецтво“ или товарищество, съ шестью старостами, съ обязательствомъ взноса для поступающихъ въ него, съ установленіемъ *въсчихъ пошлинъ* съ пріѣзжихъ гостей на содержаніе церкви и въ пользу князя[1]). Какъ на примѣръ церкви, построенной въ Новгородѣ дружиною купцевъ или гостей и бывшей патрональной у нихъ, укажемъ на церковь св. Пятницы, построенную въ 1156 г., въ пользу которой платились и пошлины гостями, ведшими торговлю съ *Готландскимъ берегомъ*[2]). Что было въ Новгородѣ, то необходимо предполагать и въ Кіевѣ, который не уступалъ Новгороду въ торговомъ значеніи, будучи, по выраженію историка Соловьева, такою складкою товаровъ южныхъ, какъ Новгородъ—сѣверныхъ. Мстиславъ не дожилъ до окончанія церкви Пирогощи, послѣ котораго могъ-бы создать учрежденіе, подобное тому, какое впослѣдствіи

---

[1]) Замѣчанія въ защиту подлинности устава, даннаго Всеволодомъ этой церкви, сдѣланы нами въ рецензіи на „Исторію русской церкви“ проф. Голубинскаго, помѣщенную въ Запискахъ академіи наукъ 1882 г.

[2]) Новгородскія лѣтописи стр. 8. Спб. 1879. Исторія Россіи С. Соловьева, т. III. Изд. 2-е стр. 47.

осуществилъ въ Новгородѣ его сынъ. За то сама эта церковь, строеніе которой продолженное и оконченное, какъ мы сказали на основаніи лѣтописныхъ выраженій о немъ, цѣлою группою людей и, прибавимъ теперь, тѣхъ людей, для кого она строилась т. е. торговыхъ людей, между которыми, благодаря улучшившемуся быту ихъ, теперь были люди сильные средствами,—эта церковь сама собою становилась опорою торговой союзности въ качествѣ главной, патрональной церкви торговаго и промышленнаго класса людей.

Икона Св. Богородицы Пирогощи.

Прежде, чѣмъ идти далѣе въ рѣчи о церкви, слѣдуетъ сказать объ иконѣ св. Богородицы, имѣвшей тоже названіе—Пирогощи. Подъ 1155 г. въ обоихъ спискахъ древней лѣтописи говорится, что князь Андрей (Боголюбскій), не за долго предъ тѣмъ своимъ отцемъ, княжившимъ тогда въ Кіевѣ, Юріемъ Суздальскимъ посаженный въ Вышгородѣ, пошелъ безъ воли отца изъ Вышгорода въ Суздальскую область и при этомъ взялъ изъ Вышгорода икону св. Богородицы, *юже принесоша съ Пирогощею изъ Царяграда во единомъ кораблѣ*. Взятую икону Андрей украсилъ золотомъ, серебромъ и дорогими камнями и поставилъ въ церкви Богородичной во Владимірѣ, гдѣ она пріобрѣла историческую извѣстность и славу. Она считалась иконою, писанною евангелистомъ Лукою, т. е, какъ необходимо думать, копіею съ таковой иконы, находившейся въ Царьградѣ, откуда она принесена вмѣстѣ съ Пирогощею. Всего вѣроятнѣе, это была копія съ славной иконы *Одигитріи*, ибо эта именно икона извѣстна въ Царьградѣ, какъ писанная евангелистомъ Лукою. Икона Пирогощи не пріобрѣла у насъ такой извѣстности, какъ Вышгородская, въ послѣдствіи Владимірская. Но необходимо полагать, что и икона Пирогощи была почему либо замѣчательна,—и уже потому, что упоминается наравнѣ съ Вышгородскою и что къ ней ѣхалъ на поклоненіе избавившійся изъ плѣна Игорь Сѣверскій. Замѣчательна она могла быть всего вѣроятнѣе тѣмъ, что схожа была по своему происхожденію съ иконою Вышгородскою, т. е. была копіею съ какой либо иконы въ Царьградѣ, уважаемой, хотя и нестолько славной, какъ Одигитрія. Одигитрія значитъ *путеводительница*. Икона этого имени находилась въ церкви монастыря, который назывался μονὴ τῶν Ὁδηγῶν

или τῆς Ὁδηγητρίας и находился на берегу Мраморнаго моря близь императорскаго дворца, подлѣ воротъ городской стѣны отъ моря. Одигитрія считалась покровительницею людей, отправлявшихся въ далекія путешествія и плаванія и пѣвшихъ предъ нею напутственные молебны; императоры брали ее въ военные походы [1]). По всей вѣроятности, и Пирогоща была копіею, съ какой либо другой уважаемой и *патрональной* иконы. Въ Греціи было въ обычаѣ, что люди извѣстной профессіи, промысла, имѣли своихъ патрональныхъ святыхъ, патрональныя церкви и иконы. Если она принесена для церкви Пирогощи, какъ церкви торговаго люда, то она и могла быть копіею съ такой же патрональной иконы въ Греціи.

Когда принесены иконы Вышгородская и Пирогоща изъ Царьграда? Очевидно, ранѣе 1155 г. въ которомъ одна изъ нихъ взята Андреемъ изъ Вышгорода во Владиміръ. Проще то заключеніе, что онѣ принесены по порученію князя Мстислава послѣ заложенія имъ церкви Пирогощи, для которой предназначалась одна изъ иконъ. Еще отецъ Мстислава Мономахъ имѣлъ у себя (въ копіи) икону цареградской Одигитріи, которую получилъ или отъ матери гречанки или, что вѣроятнѣе, пріобрѣлъ самъ непосредственно для новопостроенной имъ церкви въ Смоленскѣ, гдѣ ее и поставилъ. Мстиславъ любилъ пріобрѣтать святыни иконъ, онъ былъ даже любителемъ греческаго искусства и пѣнія [2]). Своего рода греколюбіе могло поддерживаться въ немъ и его родственными связями съ Греціею не только по отцу, Мономаху, но и по сестрѣ, бывшей замужемъ за греческимъ царевичемъ Леономъ, и дочери, веденной (замужъ) въ Грецію „за

---

[1]) Свѣдѣнія объ иконѣ Одигитріи со ссылками на первоисточники см. въ Полномъ Мѣсяцесловѣ Востока, арх. Сергія, т. II, стр. 218—219 и въ книгѣ г. Кондакова: „Византійскія церкви“, стр. 14 и д.

[2]) Съ именемъ Мстислава связано пріобрѣтеніе для построенной имъ въ Новгородѣ церкви св. Николая чудотворной иконы этого Святителя, называемой Дворищенскою. Для другой построенной имъ же церкви въ Новгородѣ—церкви Благовѣщенской Мстиславъ велѣлъ написать евангеліе и посылалъ его въ Царьградъ для обложенія великолѣпными досками. Это—извѣстное Мстиславово евангеліе, находящееся теперь въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ. Въ лѣтописи есть извѣстіе, что къ Мстиславу пришелъ изъ Царьграда Мануилъ, „гораздый пѣвецъ“, самъ третей, т. е. съ двумя другими пѣвцами. Конечно, онъ пришелъ по вызову князя для пѣнія въ его княжеской церкви. Онъ оставался близкимъ къ дому Мстислава и потомъ. Ип. лѣт. подъ 1137 г.

царя", какъ говоритъ лѣтопись. Извѣстенъ случай посылки Мстиславомъ трехъ ладій или кораблей въ Грецію, куда на этихъ кораблях онъ отправилъ въ заточеніе непокорныхъ князей полоцкихъ съ ихъ женами и дѣтьми [1]). Князь, имѣвшій предъ собою примѣръ отца, пріобрѣвшаго икону Одигитріи изъ Царьграда, бывшій въ такихъ связяхъ и сношеніяхъ съ Греціею, имѣвшій въ своемъ распоряженіи судна для посылокъ въ Грецію, быть можетъ купеческія, такой князь оказывается вполнѣ компетентнымъ для усвоенія ему такого дѣла, какъ порученіе о пріобрѣтеніи иконы Пирогощи, назначавшейся для новой церкви этого названія и принесенной, вмѣстѣ съ иконою Вышгородскою, или еще при жизни князя или по его смерти.

Есть, однакоже, другое извѣстіе о принесеніи этихъ иконъ. Поздняя Никоновская лѣтопись говоритъ, что иконы принесены въ Кіевъ князю Георгію, разумѣя здѣсь Юрія Суздальскаго, княжившаго въ Кіевѣ въ 1155—1157 г. Столько же поздняя Степенная книга привноситъ новый варіантъ, говоря, что этому князю Георгію принесена была одна икона, отождествляемая ею съ иконою Пирогощею, какое имя она переноситъ на купца, принесшаго ту икону на кораблѣ [2]). Показаніе Степенной книги объ одной иконѣ, вмѣсто двухъ, и о купцѣ Пирогощѣ, какъ такого произведенія, составители котораго во многомъ обнаруживаютъ наклонность къ переиначиваніямъ и пополненіямъ древнихъ сказаній съ помощію догадокъ и измышленій, должно быть отвергнуто въ виду прямаго противорѣчія его древнимъ свидѣтельствамъ объ особой иконѣ Пирогощи и о церкви Пирогощи. Но показаніе не одной Степенной книги, но и Никоновской лѣтописи о о князѣ Георгіѣ обращаетъ на себя вниманіе. Дѣло въ томъ, что Мстиславъ, извѣстный въ древней лѣтописи съ христіанскимъ именемъ Ѳеодора, въ одной изъ Новгородскихъ лѣтописей является съ именемъ Георгія [3]). Какъ бы въ согласіи съ такимъ фактомъ является фактъ благотворенія этого князя Новгородскому Георгіевскому или Юрьевскому монастырю, который въ 1119 г. построенъ былъ сыномъ Мстислава Всеволодомъ совмѣстно съ игуменомъ Киріакомъ и, какъ видится,

---

[1]) Ип. лѣт. подъ 1122 и 1130 гг.

[2]) Ник. лѣт. подъ 1155 г.; Ст. Кн. 1, 253.

[3]) Новгородскія лѣтописи, стр. 187—188. Спб. 1879 г.

по мысли Мстислава, недавно предъ тѣмъ (до 1117 г. княжившаго въ Новгородѣ [1]), Оказывается так. обр., что Мстиславъ, кромѣ этого княжескаго имени, имѣлъ два христіанскія имени. Съ XIV в. даже примѣры двухъ христіанскихъ именъ у одного лица у насъ довольно извѣстны, имѣя нѣкоторую аналогію съ западнымъ обычаемъ давать по два, три и болѣе именъ. Но въ кіевскомъ періодѣ нашей исторіи примѣръ Мстислава съ двумя хр. именами остается единственнымъ. Не вдаваясь въ возможныя объясненія этого обстоятельства, довольствуемся тѣмъ, что имя Георгія у Мстислава есть фактъ, если не историческій, то литературный, лѣтописный, хотя и поздній. Возможно, что составители Никоновской лѣтописи и Степенной книги имѣли предъ собою какую либо запись или сказаніе, гдѣ, при рѣчи о принесеніи иконъ Вышгородской и Пирогощи или одной Вышгородской, стояло имя князя Гооргія, какъ имя Мстислава. Но зная, по древней лѣтописи, только одно хр. имя его Ѳеодора и имѣя въ виду, что икона Вышгородская взята отсюда во Владиміръ Андреемъ, сыномъ Георгія Суздальскаго, отнесли къ послѣднему пріобрѣтеніе иконъ изъ Царьграда. Такъ или иначе было, но показаніе этихъ позднихъ и во многомъ весьма ненадежныхъ лѣтописей не можетъ имѣть значенія въ виду изложенныхъ выше основаній для мысли, что иконы Вышгородская и Пирогощи принесены были князю Мстиславу или, по краней мѣрѣ, по его заказу, хотя и послѣ его кончины. Послѣднее возможно. Князь могъ заказать иконы по заложеніи церкви, какъ заказывали въ подобныхъ случаяхъ и другіе. Но онъ скоро скончался, такъ что иконы могли быть получены послѣ его смерти.

Названіе Пирогощи для иконы и церкви.

1) Тождество названія иконы и церкви „Пирогощи“ вызываетъ вопросъ: церковь ли получила названіе отъ иконы или икона отъ церкви? Бываетъ, замѣчаетъ по этому поводу одинъ изъ нашихъ церковныхъ историковъ, что церковь получаетъ названіе отъ иконы,

---

[1]) Объ основаніи церкви и монастыря св. Георгія—тамъ же стр. 188—189. О благотвореніи Мстислава церкви и монастырю свидѣтельствуетъ его грамота, новѣйшее изданіе которой въ „Христоматіи по исторіи русскаго права“. Вып. 1, стр. 110. Кіевъ 1876 г.

бываетъ и обратно, такъ что вопросъ остается нерѣшимымъ. Думаемъ, что для рѣшенія его надо принять въ соображеніе слѣдующее обстоятельство: тѣ церкви, которыя, кромѣ такъ называемыхъ *воименъ*, т. е. общихъ наименованій, происходящихъ отъ праздниковъ и святыхъ, имѣютъ еще особенныя названія, заимствуютъ ихъ отъ названія иконъ въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда икона тождественнаго съ церковію названія имѣетъ *давнюю извѣстность и славу подъ этимъ своимъ названіемъ*, ставшимъ для нея историческимъ, каковы Одигитрія, Иверская, Влахериская и какими у насъ съ теченіемъ времени стали иконы Владимірская, Знаменская, Казанская. Имѣла ли икона Пирогощи свое особенное историческое названіе въ Греціи, съ которымъ она или вѣрнѣе копія ея пришла въ Кіевъ, или она получила свое названіе уже въ Кіевѣ? Можетъ быть предположеніе, что икона принесенная изъ Царьграда и получившая у насъ названіе Пирогощи, была копіею съ греческой иконы, носившей названіе Πυργίτης, Πυργότης, Πυργοτίσσα, происходящее отъ πύργος— башня. Въ различныхъ мѣстностяхъ Царьграда существовали сооруженія подъ названіемъ пирговъ или башень. Названіе нѣкоторыхъ пирговъ соединялись съ названіемъ церквей, часовень, иконъ, находившихся по близости или внутри пирговъ [1]). Извѣстенъ въ частности *Пиргъ* въ Галатѣ, предмѣстіи Царьграда за Золотымъ рогомъ, гдѣ сосредоточивалось торговое населеніе города. Здѣсь находилась Богородичная церковь съ монастыремъ и въ ней икона Св. Богородицы, слывшая подъ названіемъ *Галатской въ Пиргѣ*, или, что̀ тоже, Галатской Пирготиссы [2]). Если наша икона Пирогощи была копіею съ этой или другой иконы, называемой въ Царьградѣ Пирго-

---

[1]) Паспати, Βυζαντίναι Μελεται, стр. 14—18, 20, 22, 35, 39 и др. Въ частности здѣсь указываются: πύργος ἁγιου Νικόλαου, πύργος τοῦ Χριστοῦ, стр. 35, 180.

[2]) Объ этомъ Пиргѣ, Богородичномъ монастырѣ и иконѣ въ немъ—у Дю-Канжа (IV, 88), у М. Крузія (Turco-Graecia стр. 205), у архим. Сергія (Полный Мѣсяцесловъ Востока, т. II. Зам. стр. 191). Отъ одного изъ почтенныхъ знатоковъ константинопольскихъ древностей мы слыхали, что названіе Пирготисса, подобно названію Портатисса, усвоялось даже не одной, а нѣсколькимъ иконамъ Богородичнымъ. Но повѣрить этого интереснаго сообщенія въ настоящее время не можемъ, не имѣя подъ руками тѣхъ источниковъ, на которыхъ оно основано. Въ классическомъ сочиненіи г. Кондакова: „Византійскія церкви и памятники Константинополя (Одесса. 1886 г.)“, есть указанія на башни и столпы въ связи съ церквами и иконами. Но названія Пирготиссы мы здѣсь не встрѣтили.

тиссою, то это греческое названіе и могло переиначиться у насъ въ названіе Пирогощи.

2) Думаемъ, однакоже, что на этомъ объясненіи нельзя остановиться. Русское названіе иконы и церкви, хотя бы и переиначенное съ греческаго, должно было имѣть свой смыслъ, обусловленный явленіями изъ живой дѣйствительности.

Но прежде, чѣмъ перейдемъ къ отысканію возможнаго смысла русскаго названія, сдѣлаемъ оговорку относительно попытки пріурочить названіе иконы и церкви къ одной мѣстности внѣ Кіева. Именно, нѣкоторымъ изъ описывателей Кіева и окрестностей казалось возможнымъ, даже несомнѣннымъ, что названіе Пирогощи произошло отъ урочища Пирогово, находящагося въ 15 в. отъ Кіева и извѣстнаго Гнилецкими пещерами, относимыми ко времени преп. Ѳеодосія [1]). Указывали на то, что въ Ермолаевскомъ спискѣ Ип. лѣтописи, при извѣстіи о совершеніи церкви, стоитъ не Пирогощи, а *Пироговища*, а на полѣ противъ этого мѣста—приписка „въ Пироговѣ“. Варіантъ Ермалаевскаго списка, какъ списка слишкомъ поздняго — начала XVIII в.—и при томъ крайне неисправнаго, могъ бы быть оставленъ безъ вниманія. Важнѣе, прибавимъ мы, то, что въ Радзивиловскомъ спискѣ, относимомъ къ концу XV в., въ извѣстіи объ иконѣ Пирогощи—стоитъ не съ Пирогощею, а съ *Пироговищею* [2]). Существованіе такого варіанта въ двухъ, хотя и позднѣйшихъ спискахъ, могло бы указывать на существованіе варіанта и въ говорѣ. Но въ виду того, что чтеніе Пирогоща стоитъ по всюду въ древнихъ спискахъ, въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ, Никоновской и Степенной, да еще и въ словѣ о Полку Игоревѣ,—чтеніе это безспорно должно быть признано первоначальнымъ и точнѣйшимъ. Что касается до приписки на полѣ слишкомъ поздняго Ермалаевскаго списка „въ Пироговѣ“, то это только собственная догадка самаго составителя списка, который зналъ о существованіи урочища съ названіемъ Пирогова и думалъ названіемъ урочища объяснить названіе церкви. Приписка эта нисколько не обязываетъ переносить церковь Пирогощи въ Пирогово.

---

[1]) „Сказаніе о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи“ г. Л. Похилевича, стр. 31. Кіевъ, 1864 г.

[2]) Лѣт. по Лавр. сп., стр. 329, Спб. 1872.

Указывали еще на остатки щебня и кирпича въ мѣстности подлѣ Пирогова, называемой въ народѣ *церковище*, какъ на вѣроятные остатки церкви Пирогощи; но эти остаткивовсе не таковы, чтобы видѣть въ нихъ остатки церкви строенія древняго кіевскаго періода и при томъ *значительной*[1]). Наконецъ, выраженіе слова о Полку Игорева: „*ѣдетъ* Игорь *по Боричеву* къ святой Богородицѣ Пирогощей", осязательно указываетъ на самый Кіевъ, какъ мѣсто церкви. Но не было ли и въ Кіевѣ мѣстности съ названіемъ Пирогощи? Такая мѣстность, какъ мѣстность, нигдѣ не встрѣчается ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ памятникахъ. Но это еще не все. Когда древнія лѣтописи обозначаютъ церкви по мѣстностямъ, то *никогда* не выражаются слитнымъ оборотомъ: церковь Берестовская, Кловская и т. под., а *всегда* выражаются такъ: на Берестовѣ, на Кловѣ, на Выдобичахъ, у Выдобичъ, на Новомъ дворѣ, на торжищи, на торгу и т. д. Так. обр. названіе Пирогощи произошло не отъ мѣстности.

Остается единственно возможнымъ искать смысла русскаго названія Пирогощи по предполагаемому отношенію его къ какому либо бытовому явленію или учрежденію, а въ такомъ случаѣ—опредѣлить характеръ этого учрежденія или явленія по прямому значенію слова, подобно тому, какъ названіе *Десятинная* опредѣляется словомъ *десятина*, назначенная этой церкви св. Владиміромъ. Чтобы могло означать слово *Пирогощи*, варіирумое, хотя въ позднихъ и рѣдкихъ памятникахъ, словомъ *Пироговища*?

Возможны такія объясненія: слово Пирогоща можно представлять сложнымъ изъ *пиръ*, *пиро* и *гоща*. Гоща проще всего производить отъ *гость*—купецъ, по формаціи чрезъ гощу, сходной съ словами *роща* отъ *ростъ*, *рощу*, *проща* отъ *простить*, *прощаю* и т. п. Конечное *гоща*, несуществующее отдѣльно, могло бы быть понимаемо, какъ сокращенная прилагательная форма въ виду того, что въ винительномъ падежѣ пишется въ лѣтописи Пирогощ*ю*. Но что значитъ пиръ или пиро? Не думаемъ видѣть здѣсь слово *пиръ* въ смыслѣ *пира*, хотя *праздничные пиры* при церквахъ и на погостахъ были тогда обычны. Есть другое болѣе коренное значеніе слова пиръ и пиро. Оно показано въ ученомъ трудѣ проф. Будило-

---

[1]) Что еще со времени Ѳеодосія могъ существовать здѣсь *скитъ*—это вѣроятно; но о существованіи монастыря съ каменною церковію нѣтъ никакихъ извѣстій.

вича: „Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексическимъ". Кіевъ 1878 г. Здѣсь въ § 62, стр. 97, цѣлымъ рядомъ цитатъ изъ филологовъ и лексикографовъ, изъ славистовъ и др. указано древнее корневое значеніе этого слова въ языкахъ, начиная съ санскрита, греческаго, латинскаго, въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ. Повсюду значеніе это сводится къ хлѣбному зерну, отсюда къ мукѣ, хлѣбу, пирогу. Для насъ важнѣе указаніе на греч. πυρὸς пшеница; церковно-славянское по Миклошичу—просо, пшено; старо-русское, указываемое Далемъ—*пира*, рожь, мука. Конечно отъ *пиро* произошло и *пирогъ*, въ прямѣйшемъ смыслѣ пшеничнаго хлѣба; однокоренное съ нимъ и слово *пиръ* въ смыслѣ большаго обѣда, на которомъ фигуриретъ особенно *пирогъ*. Так. обр., церковь Пирогощи можетъ означать церковь гостей или купцевъ, ведшихъ особенно хлѣбную торговлю, или говоря но нашему,—церковію *купцевъ хлѣбнаго рынка, житняго базара*. Но возможно и другое, толкованіе въ связи съ варіантомъ *Пировища*. Въ одномъ актѣ, хотя и позднемъ, относящемся къ 1620 г., встрѣчается выраженіе *пироговая пошлина*, или дань, въ смыслѣ торговой пошлины, взимавшейся въ казну съѣстными припасами и видимѣе—продуктами хлѣбными или деньгами въ замѣнъ продуктовъ (А. А. Эксп. Ш, 154). Такая пошлина взималась именно съ Соловецкаго монастыря, которому дана была льгота отъ нея царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Извѣстно, что на дальнемъ сѣверѣ долго удерживались такіе термины и бытовыя явленія древнихъ временъ Руси, какіе исчезли въ срединныхъ частяхъ Россіи. Возможно, что пироговая пошлина въ древнія времена была распространенною, имѣя отношеніе къ церквамъ и монастырямъ. Возможно, что церкви, стоявшей на хлѣбномъ торгу, бывшей главною и патрональною церковью торгующаго здѣсь люда, предоставлено было право имѣть у себя вѣсы и мѣры, согласно уставу св. Владиміра, и собирать за нихъ и по нимъ вѣсчія и помѣрныя пошлины съ купцевъ, торгующихъ на этомъ рынкѣ, пріѣзжающихъ торговать извнѣ. отправляющихъ свои возы или судна съ хлѣбами въ другія мѣста,—словомъ такія пошлины, подобныя которымъ установлено было сыномъ Мстислива Всеволодомъ собирать въ пользу церкви Іоанна Предтечи въ Новгородѣ и самими новгородскими гостями въ пользу церкви Св. Пятницы, и что, подобно установленію Всеволода, часть

этой пошлины должна была поступать и князю, заложителю церкви Пирогощи. Какое толкованіе принять изъ двухъ предлагаемыхъ? Думаю, что они не исключаютъ, а только пополняютъ одно другое, указывая на двѣ тѣсно связанныя стороны одного и того же учрежденія или бытового явленія, выражаемаго словами Пирогоща и Пироговища, изъ которыхъ первое, какъ *первоначальное*, считаемъ все таки болѣе надежнымъ даннымъ для объясненія русскаго названія церкви.

Предлагаемое объясненіе русскаго названія можетъ быть, впрочемъ, примиримо съ предположеніемъ объ иконѣ Пирготиссѣ, какъ начальномъ источникѣ названія Пирогоща. Нашъ народъ искони привыкъ къ именамъ и названіямъ святыхъ прилагать свои толкованія, взятыя изъ бытовыхъ явленій: на св. Власія онъ перенесъ черты представленій о своемъ Волосѣ, на Симона *Зилота*—представленіе о *зельѣ* или *зильѣ* и къ дню его пріурочиваетъ собираніе цѣлебнаго зелья, къ Маккавеямъ—собираніе *маку*, къ Науму—начало ученія, (на умъ) и т. под. Так. обр. и Пирготисса могла быть переиначена въ Пирогощу, съ пріуроченіемъ къ первому названію представленія, выражаемаго послѣднимъ, т. е. икона Пирготисса явилась съ значеніемъ *намѣстной* иконы той патрональной церкви, которая была церковію гостей хлѣбнаго торговища, имѣвшею право на пироговыя пошлины или пошлины съ хлѣбнаго зерна.

Мѣстонахожденіе церкви Пирогощи.

Гдѣ находилась церковь Пирогощи? Полагаемъ, что она находилась на Подолѣ, на *подольскомъ торговищѣ*. Въ XII в. Кіевъ, какъ городъ, раздѣляется на „Гору и Подоліе“, какъ двѣ главныя части его. Гора была заполнена церквами: каѳедральными, княжескими, монастырскими, между которыми были и большія. Мыслимо-ли, чтобы Подоліе, вторая главная часть города, не имѣла своей и притомъ видной и значительной церкви? Извѣстно, что и новгородскіе гости, ведшіе торговлю въ Кіевѣ, а отсюда, вѣроятно, и съ Греціей, жили на Подолѣ и имѣли здѣсь свою патрональную церковь Св. Михаи-

---

[1]) Впрочемъ слово *Гоща*, какъ названіе селъ или урочищъ, встрѣчалось намъ въ указателяхъ географическихъ названій при изданіяхъ „актовъ“.

ла, слѣдуетъ думать, малую и съ кладбищемъ при ней, по тогдашнему обычаю, судя по прилагаемому къ ней названію божница. Мыслимо-ли, что бы кіевскіе гости Подольскаго торговища не имѣли здѣсь своей, уже не малой, а большой церкви? Такою мы признаемъ церковь Пирогощи, для которой и не найдемъ другаго мѣста, кромѣ Подольскаго торговища. Прибавимъ къ тому, что Подольское торговище въ XII в. является главнымъ и даже единственнымъ, собственно городскимъ, торговищемъ, кромѣ котораго упоминается еще *бабій торжекъ*, находившійся на горѣ, гдѣ-то около Десятинной церкви, на которомъ, какъ понятно, торговали бабы булками, зеленью и проч.; а по всей вѣроятности и просфорами, какъ и нынѣ, ибо и тогда просфоры покупались на торгу, какъ видно изъ памятниковъ. Подольское торговище развилось ранѣе 1068 г. Въ этомъ году оно является люднымъ и сильнымъ. Здѣсь кіевляне „сотвориша вѣче“ по случаю отказа князя Изяслава дать имъ коней и оружіе для битвы съ Половцами, которые, послѣ пораженія князей у Переяславля, угрожали Кіеву. Вѣче закончилось освобожденіемъ изъ поруба сидѣвшаго въ немъ полоцкаго князя Всеслава, послѣ чего Изяславъ бѣжалъ въ Ляхи къ своему затю Болеславу Польскому, а Всеславъ провозглашенъ княземъ въ Кіевѣ. Когда Изяславъ возвратился и приближался къ Кіеву съ Болеславомъ и Ляхами, то кіевляне торговища послали сказать его братьямъ Святославу и Всеволоду, что если они не защитятъ ихъ отъ гнѣва и мести Изяслава и позволятъ ему ввесть ляховъ въ Кіевъ, то они зажгутъ городъ и уйдутъ въ Грецію. Это говорили, конечно, болѣе вліятельные люди торговища, гости, которые могли привесть въ исполненіе свою угрозу, знали пути въ Грецію и имѣли средства туда отправиться, бросивъ въ Кіевѣ и перенеся туда свою торговлю. Изяславъ сдался на уговоры Святослава, пришелъ въ Кіевъ только съ Болеславомъ и съ небольшимъ числомъ ляховъ, но напередъ послалъ своего сына Мстислава, который казнилъ зачинщиковъ вѣча, въ числѣ ихъ многихъ „безъ вины, не испытавъ“, какъ замѣчаетъ лѣтописецъ—монахъ; а потомъ принялъ еще одну карательную или полицейскую мѣру въ отношеніи къ торговищу: онъ „изгналъ торгъ на гору“. Подольское торговище послѣ этого должно было пріупасть; едва-ли оно поднялось и въ ближайшее затѣмъ время, особенно въ тяжелое для кіевлянъ княженіе Изяславова сына Святополка, о чемъ было

говорено выше. За то со времени Мономаха, при немъ и сынѣ его Мстиславѣ, оно, благодаря участію и покровительству этихъ добрыхъ, заботливыхъ и умныхъ князей, безспорно поднялось. И въ ближайшее затѣмъ время мы уже видимъ торговище людным и сильнымъ, и, что́ характерно, оно энергически высказывается въ защиту сына Мстиславова Изяслава, очевидно, по особенной, внушенной благодарностію, преданности дому Мономаха, бывшей общею и у всѣхъ кіевлянъ, о чемъ также говорено. Построеніе церкви Пирогощи было весьма важнымъ моментомъ въ развитіи торговища и совпадаетъ съ важными обстоятельствами въ судьбѣ его и вообще кіевскихъ людей. Мономахъ, заботившійся о поднятіи благосостоянія кіевлянъ и, въ частности, торговаго люда, имѣлъ въ 1124 г. великое горе, можетъ быть и ускорившее его смерть, послѣдовавшую въ слѣдующемъ году. Весь городъ, *Гора и Подоліе*, постигнуты были страшнымъ пожаромъ, продолжавшимся два дня. Сгорѣли дома, лавки и множество церквей, и конечно и тѣ деревянныя церкви, какія были и на Подолѣ. Заложеніе новой церкви Пирогощи послѣдовало на восьмой годъ послѣ пожара. И это естественно. Сперва надлежало застроиться домами, лавками, возстановить торговыя дѣла и тогда уже приступить къ построенію церкви. Но въ обновленномъ торговищѣ добрый и участливый князь пожелалъ вмѣстѣ съ гостями построить уже не деревянную церковь, а каменную и большую. По всей вѣроятности она построена была, по обычаю, на мѣстѣ сгорѣвшей, деревянной церкви. Замѣчательны обстоятельства, непосредственно предшествовавшія освященію церкви въ 1136 г. Въ этомъ году происходила жестокая усобица, поднятая противъ брата и преемника Мстиславова Ярополка черниговскими Ольговичами въ союзѣ съ половцами. Битвы начались у Переяславля; кіевляне усердно подвизаются въ нихъ за своего Мономаховича, но многіе изъ ихъ вождей, бояръ кіевскихъ, попадаютъ въ плѣнъ къ Ольговичамъ. Ольговичи съ половцами подступаютъ къ Кіеву и здѣсь начинается „лютая сѣча“. Но добрый князь Ярополкъ, жалѣя народъ, пошелъ на уступки, началъ переговоры о мирѣ, а между тѣмъ явился митрополитъ Михаилъ съ крестомъ и окончательно умиротворилъ князей, послѣ чего, конечно, плѣнные были освобождены. „Въ то же лѣто“, говоритъ вслѣдъ за симъ лѣтописецъ, „совершена бысть церковь св. Богородицы Пирогощи“. Торжество освященія церкви наступило вслѣдъ за торжествомъ мира

послѣ лютой сѣчи. Вѣроятно, оно совершено тѣмъ же митрополитомъ Михаиломъ. Естественно, что съ построеніемъ новой церкви Пирогощи тверже установились при ней тѣ бытовыя явленія торговой союзности подъ покровомъ патрональной церкви, о какихъ сказано было выше.

Полагая мѣстность церкви на Подольскомъ торговищѣ или близь него, мы должны сдѣлать оговорку относительно выраженія слова о Полку Игоревѣ: „ѣдетъ Игорь по Боричеву къ св. Богородицѣ Пирогощей". Это понимается нѣкоторыми такъ, что Игорь ѣхалъ къ этой церкви при въѣздѣ въ Кіевъ, ѣхалъ на гору, слѣд. церковь находилась на горѣ. Но еще Закревскій въ своемъ „Описаніи Кіева" основательно замѣтилъ, что такое пониманіе—односторонне и отнюдь не необходимо, что Игорь могъ ѣхать къ церкви и поднимаясь на гору и спускаясь съ горы. Съ большею увѣренностью утверждаетъ это достопочтенный членъ нашего общества протоіерей П. Г. Лебединцевъ въ своей краткой замѣткѣ о церкви Пирогощи, помѣщенной въ „Кіевской Старинѣ" [1]). Прибавимъ, что пониманіе ѣзды въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, согласнѣе съ лѣтописью, которая умалчиваетъ о поѣздкѣ Игоря къ церкви Пирогощи, о чемъ она не умолчала бы, если бы эта поѣздка была на самомъ первомъ въѣздѣ его въ Кіевъ, какъ особенно видный актъ религіознаго обѣта его, ибо она любитъ отмѣчать такіе акты. Лѣтопись говоритъ, что Игорь, освободясь изъ плѣна, побывалъ сперва въ своемъ Новгородъ-Сѣверскѣ, потомъ Черниговѣ у брата Ярослава съ мыслью и просьбою о помощи и затѣмъ пріѣхалъ въ Кіевъ къ князю Святославу, какъ великому князю и главѣ черниговскихъ Ольговичей. Такимъ образомъ, уже по свиданіи съ Святославомъ, жившимъ на Горѣ, Игорь спустился по Боричеву къ церкви Пирогощи.

Позднѣйшая судьба церкви Пирогощи.

Остается указать ту церковь, въ которой съ найбольшею вѣроятностью слѣдуетъ признать преемницу церкви Пирогощи, въ обновленномъ видѣ стоящую на томъ же мѣстѣ. Согласно съ мнѣні-

---

[1]) Кіевская Старина. 1887 г. Декабрь. Статья: *Еще одна изъ древнѣйшихъ церквей въ Кіевѣ.*

емъ достопочтеннаго П. Г. Лебединцева признаемъ такою Успенскую церковь на Подолѣ, называемую *градскою соборною*, опираясь на слѣдующія данныя и соображенія:

1) Въ постройкѣ этой церкви, не одинъ разъ возобновлявшейся, примѣтны однакоже уцѣлѣвшія черты церковныхъ построекъ кіевскаго, великокняжескаго періода. Планъ ея представляетъ удлиненный прямоугольникъ съ тремя абсидами, или закругленными выступами, на восточной сторонѣ: это извѣстный планъ древнѣйшихъ кіевскихъ церквей, уцѣлѣвшій и сохраненный въ этой церкви при возобновленіи ея „на старомъ фундаментѣ“, какъ гласитъ одна записка о ней начала XVII в. Матеріаломъ постройки служилъ уцѣлѣвшій въ стѣнахъ церкви широкій и тонкій, почти квадратный кирпичъ съ толстыми между нимъ слоями цемента изъ извести и жженаго, толченаго кирпича. Я долженъ упомянуть, что на эти признаки древнѣйшей постройки въ Успенской церкви уже указано было Закревскимъ и П. Г. Лебединцевымъ, изъ которыхъ, впрочемъ, только послѣдній присоединяетъ къ этому предположеніе, что Успенская церковь есть древняя Пирогоща въ обновленномъ видѣ. Можетъ быть, что послѣ изложенныхъ выше разъясненій о постройкѣ церкви Пирогощи, о ея мѣстѣ и значеніи, какъ церкви Подольскаго торговища, предположеніе это окажется болѣе твердымъ.

2) Къ церкви Успенской и по ея объему и по прочности ея постройки, свидѣтельствуемой уцѣлѣвшими остатками ея, достаточно примѣнимо и то представленіе о церкви Пирогощи, какое дано было здѣсь въ самомъ началѣ на основаніи извѣстій о строеніи ея въ теченіе около четырехъ лѣтъ, т. е., что это была церковь сравнительно большая и отличалась прочностью строенія. Къ церкви Пирогощи надо было спускаться съ горы по Боричеву. Конечно, спустившись по Боричеву на Подолъ, можно было такъ или иначе доѣхать къ церкви Пирогощи и не необходимо требовать, чтобы Боричевъ взвозъ доводилъ непосредственно къ самой этой церкви, отождествляемой нами съ Успенской церковью.

3) Важнѣе для насъ указать на имѣющіяся свѣдѣнія по исторіи Успенской церкви, служащія къ подкрѣпленію представленія о ней, какъ церкви, строенной въ кіевскій великокняжескій періодъ и какъ преемницы самаго значенія церкви Пирогощи, церкви торговища и торговыхъ людей въ Кіевѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣ-

ній имѣлись прежде и собраны уже въ „Описаніи Кіева“ Закревскаго. Въ послѣднее время найдены новыя драгоцѣнныя свѣдѣнія о ней. Они заключаются въ замѣткахъ объ этой церкви, сдѣланныхъ въ началѣ XVII в. уставщикомъ ея іереемъ Кирилломъ Ивановичемъ въ одномъ лѣтописномъ сборникѣ, изъ котораго извлечена Кіевская лѣтопись, писанная въ концѣ первой четверти XVII в., помѣщенная, съ предварительными свѣдѣніями о немъ, въ „*Сборникѣ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и зап. Руси*“, изданномъ Кіевскою Археографическою Коммиссіей подъ редакціею профессора Вл. Бон. Антоновича. На основаніи этихъ источниковъ, краткая лѣтопись Успенской церкви уже помѣщена была прот. П. Г. Лебединцевымъ въ „Кіевской Старинѣ“. Я ограничусь извлеченіемъ тѣхъ данныхъ объ Успенской церкви, которыя прямѣе служатъ цѣли, т. е. къ уясненію тождества Успенской церкви съ древней церковью Пирогощи.

1) Для очевидца обновленія этой церкви въ 1613 г., уставщика ея іерея Кирилла Ивановича, она представлялась существующею *на старомъ мѣстѣ и фундаментѣ съ незапамятныхъ временъ*, такъ что онъ не нашелъ въ хроникахъ извѣстій даже о начальномъ возобновленіи ея на этомъ старомъ фундаментѣ. Этотъ старый фундаментъ, существовавшій съ незапамятныхъ временъ, есть фундаментъ церкви кіевскаго великокняжескаго періода.

2) Но Кириллъ Ивановичъ имѣлъ предъ глазами антиминсъ *на старомъ престолѣ церкви* и приводитъ бывшую на немъ надпись, свидѣтельствующую, что онъ освященъ для алтаря этой церкви кіевскимъ митрополитомъ Мисаиломъ при королѣ Казимірѣ, т. е. въ 70-хъ годахъ XV в. Церковь каменная и немалаго размѣра, обновленная въ такое время, осязательно свидѣтельствуетъ о себѣ, какъ о церкви, строенной въ кіевскій великокняжескій періодъ. Ибо со времени татарскаго погрома надъ Кіевомъ, въ теченіи болѣе 200 лѣтъ не только не строились новыя каменныя церкви, но и большая часть старыхъ оставались въ развалинахъ или въ запущеніи. Возобновленіе церкви Успенской на Подолѣ сближается со временемъ обновленія Лаврской великой, совершившагося при помощи тогдашняго кіевскаго князя Семена Олельковича. Примѣръ этотъ могъ и послужить поощреніемъ къ возобновленію подольской Успенской церкви для тогдашнихъ кіевлянъ, положеніе которыхъ притомъ улуч-

шилось къ этому времени, въ сравненіи съ былыми временами послѣ татарскаго погрома.

3) Обновленная въ 70-хъ годахъ, церковь въ 1482 г. подверглась новому опустошенію отъ татаръ Менгли-гирея. Тотъ же о. Кириллъ нашелъ въ „хроникѣ“ извѣстіе, что „сія божественная церковь была изнищена, все побрано: серебро и злато, кресты и иконы полуплены (ободраны) и попалено все отъ поганаго царя перекопскаго и отъ нечестивыхъ его агарянъ“. Это извѣстіе показываетъ, во-первыхъ, что обновленная церковь была богато украшена, что, слѣдовательно, радѣтелями о ней, ктиторами ея были люди сильные средствами, какими были, безъ сомнѣнія, богатые кіевскіе граждане—купцы; во-вторыхъ, что церковь была собственно не разрушена, а только пожжена и ограблена, какъ то извѣстно и о судьбѣ Кіево-Софійскаго собора во время нашествія Менгли-Гирея 1482 г.

4) Однакоже церковь опять была возобновлена тѣми же кіевлянами и упоминается, какъ существующая и видная въ XVI в., настоятелемъ которой въ 1581 г. является протопопъ Яковъ, называемый *Матеребожскимъ*, т. е. протопопомъ церкви Божіей Матери.

5) Ближайшее затѣмъ обновленіе церкви послѣдовало въ 1613 г., послѣ того, какъ уніаты, присланные митрополитомъ Поцѣемъ, захватили каѳедральный Софійскій соборъ. Кіевскіе граждане съ приходскимъ духовенствомъ, преимущественно Подола, отвергая унію и уніатовъ, обратили въ кафедральный соборъ подольскую Успенскую церковь и при этомъ весьма заботливо обновили и украсили ее на общія средства, какъ то описываетъ очевидецъ, тотъ же уставщикъ церкви іерей Кириллъ Ивановичъ, и какъ засвѣдительствовалъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофилъ, посѣтившій Кіевъ, а здѣсь и Успенскую церковь въ 1620 г.

6) Не идя далѣе въ лѣтописи этой церкви, присовокупимъ только, что она въ актахъ и другихъ памятникахъ называется церковію, стоящею *на торгу, на рынкѣ, церковію* житняго торга, житняго *рынка*, церковію *градскою, соборною.* Она была преемницей стоявшей на Подольскомъ торговищѣ Пирогощи, какъ позднѣйшій *торгъ, житній* торгъ, *житній* рынокъ былъ преемникомъ древняго торговища. Къ довершенію историческихъ аналогій о церкви Пирогощи и церкви Успенской на Подолѣ укажемъ на то характеристическое

обстоятельство, что въ 1672 г. гетманъ Самойловичъ своимъ универсаломъ подтверждаетъ *старое* право этой церкви брать *помѣрное* или пошлины за мѣры съ *зернового* хлѣба, привозимаго на кіевскій базаръ или торгъ. Это старое право представляется далекимъ отголоскомъ обычнаго права вѣсчихъ и помѣрныхъ пошлинъ, какія взимались въ пользу Пирогощи и князя въ болѣе старое время, время кіевскаго великокняжескаго періода.

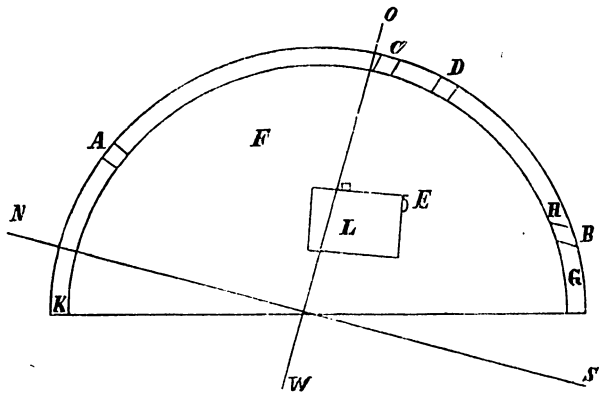
Н. Малышевскій.

Замокъ князя Семена Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ.

(Результатъ пробной археологической раскопки).

В. И. Гошкевичъ, занимаясь изученіемъ вопроса о земельныхъ владѣніяхъ кіевскихъ монастырей, въ относящихся сюда документахъ XVI—XVIII вв. встрѣтилъ указаніе на мѣсто-положеніе замка князя Семена Олельковича, правившаго Кіевомъ въ XV вѣкѣ († 1471 г.). Провѣрка этихъ данныхъ на мѣстѣ обнаружила, что на лѣвой сторонѣ Днѣпра, противъ Кіева, дѣйствительно существуетъ земляной окопъ, топографическое положеніе котораго вполнѣ совпадаетъ съ показаніями письменныхъ источниковъ. При дальнѣйшемъ изученіи исторической судьбы этого окопа выяснилось, что онъ, подъ именемъ „Городьца", выступаетъ уже на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей. Первый разъ онъ упоминается въ лѣтописи подъ 1025 годомъ, въ связи съ разсказомъ о мирѣ, заключенномъ между Ярославомъ I и Мстиславомъ Тмутараканскимъ „у Городьца". Послѣ этого онъ не разъ встрѣчается въ лѣтописи въ теченіи XI—XII в., при чемъ его легко смѣшать съ извѣстнымъ Остерскимъ городкомъ. Послѣдній разъ, насколько извѣстно, онъ упоминается въ Ипатской лѣтописи подъ 1237 годомъ въ связи съ разсказомъ о первомъ появленіи Татаръ въ окрестностяхъ Кіева: „Меньгуканови же пришедшу сглядать Кыева, ставшу же ему на оной странѣ Днѣпра *во градка Пѣсочного*, видивъ градъ удивися красотѣ его и величеству его".

Указанная судьба этого городища привлекла къ нему просвѣщенное вниманіе предсѣдателя Императорской Археологической Коммиссіи, графа А. А. Бобринскаго, по иниціативѣ котораго Коммиссія предложила мнѣ произвести въ немъ пробныя раскопки. Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью познакомить съ результатами этой раскопки, произведенной 29—31 мая минувшаго 1890 года [1]).



Настоящее городище расположено къ сѣверу отъ деревни Вигуровщины, на восточномъ берегу продолговатаго озера, представляющаго остатокъ русла рѣчки Гнилуши, составлявшей рукавъ р. Черторыи. Форма городища—почти правильный полукругъ, примыкающій открытою стороною къ озеру. Вокругъ вала видны слѣды глубокаго когда-то рва, теперь по мѣстамъ почти совершенно занесеннаго пескомъ. Длина вала 390 арш.; длина линіи, соединяющей концы полукруга 201 арш.; длина линіи, опущенной перпендикуляромъ къ послѣдней отъ средины вала, т. е. широта городища въ центрѣ 129 арш. Отвѣсная высота насыпи вала не вездѣ одинакова; южный конецъ подымается на $2^1/_2$ арш. надъ почвеннымъ слоемъ; сѣверный—на 1 арш.; средняя часть вала—на 2 арш. и 12 верш.; широта насыпи у основанія среднимъ числомъ равняется 28 арш. Для выхода изъ городища есть два прохода: одинъ съ сѣвер-

[1]) Извѣстія древнихъ письменныхъ источниковъ которые съ большею или меньшею вѣроятностью могутъ быть отнесены къ названному городищу, собраны В. И. Гошкевичемъ въ его статьѣ: „Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ“. (Труды Кіевск. Дух. Акад. 1890. Февраль. 228—254).

ной (A) стороны, другой съ южной (B); оба, повидимому, современны первоначальному образованію вала. Кромѣ того съ восточной стороны валъ имѣетъ двѣ выемки, одна значительная (C), другая малозамѣтная (D); но обѣ онѣ образовались уже на памяти мѣстныхъ обывателей путемъ дѣйствія вѣтра на песчаную насыпь вала.— Топографія внутренней части городища обусловливается характеромъ берега озера, на которомъ оно расположено. Восточный берегъ озера въ направленіи съ сѣвера на югъ постепенно повышается, подымаясь въ южной части городища до $5^1/_2$ арш. надъ уровнемъ воды въ озерѣ. Сообразно съ этимъ южная площадь городища возвышенна, сѣверная—низменна. Южная возвышенная часть городища прорѣзана по линіи AB продолговатымъ углубленіемъ, образовавшимся, повидимому, вслѣдствіе искони существовавшаго здѣсь прохода и проѣзда. Сѣверная часть городища настолько низменна, что во время весенняго половодія нерѣдко заливается водою изъ озера. Послѣднее обстоятельство по всей вѣроятности было причиною того, что древніе обитатели этого городка воздвигали свои постройки только въ сѣверной его части, въ чемъ можно убѣдиться на основаніи сохранившагося здѣсь мусора, представляющаго слѣды человѣческаго жилья.

При своемъ археологическомъ изслѣдованіи я руководствовался слѣдующими соображеніями. Южная оконечность вала представляла крутой обрывъ, при обвалахъ котораго обнаруживались человѣческіе костяки въ гробахъ. Это обстоятельство заставило меня прежде всего обслѣдовать южную оконечность вала до прохода B. Предназначенная для раскопки площадь (G) имѣла по длинѣ вала 16 арш., въ ширину $22^1/_2$ арш. Площадь эта предварительно окопана была со всѣхъ сторонъ траншеями, при помощи которыхъ опредѣлена была линія, обозначившая границу между нетронутымъ почвеннымъ слоемъ и верхнею насыпью. При послойномъ сниманіи насыпи вала въ обозначенныхъ траншеями предѣлахъ найденъ былъ 21 костякъ, изъ которыхъ 10 было дѣтскихъ; остальные принадлежали взрослымъ людямъ. Всѣ покойники похоронены были въ деревянныхъ гробахъ; гробы находились въ насыпи на различной высотѣ; большая часть ихъ помѣщена была въ центральной части вала, на глубинѣ $^1/_2$ аршина отъ поверхности насыпи; другіе лежали на самомъ почвенномъ слоѣ. Никакихъ предметовъ при костяхъ не найдено. Сравнительно

хорошая сохранность костяковъ не позволяетъ относить ихъ къ глубокой древности. Подъ насыпью, на почвенномъ слоѣ, оказалось *огнище*. Начинаясь въ центрѣ, оно наполняло собою весь юго-восточный уголъ отведенной для изслѣдованія площади и находилось, кажется, на самомъ возвышенномъ пунктѣ озернаго берега. Огнище это, мало походило на тѣ кострища, съ которыми археологамъ приходится встрѣчаться въ курганахъ съ трупо-сожженіемъ: оно было слѣдствіемъ дѣйствія сильнаго и продолжительнаго огня. О силѣ огня можно заключать изъ того, что многіе предметы не только мѣдные, но и желѣзные, совершенно разложились и, смѣшавшись съ пескомъ, образовали цѣлыя груды безформеннаго сплава. Что этотъ сплавъ образовался путемъ воздѣйствія огня на металлическіе предметы, имѣвшіе опредѣленную форму, это видно изъ такихъ остатковъ, какъ мѣдная пряжка, нѣсколько такихъ же пластинокъ и остатокъ, повидимому, раковидной мѣдной фибулы. Въ центрѣ кострища находилось небольшое овальной формы углубленіе, вымазанное красной глиной и служившее, кажется, мѣстомъ раскладки огня. Что это мѣсто служило чѣмъ то въ родѣ жаровни, это видно изъ того, что не только красная глина, но и находившійся подъ нею толстый слой илистаго чернозема, превратились отъ дѣйствія огня въ твердый какъ камень кирпичъ Но непосредственное дѣйствіе огня не ограничивалось этимъ пунктомъ; оно обнимало довольно широкую площадь, вся поверхность которой при вскрытіи съ трудомъ поддавалась ударамъ заступа. Въ составлявшемъ кострище мусорѣ явно можно было отличить куски древеснаго угля, кости большихъ животныхъ, скорлупу отъ яйца и слѣды нѣкоторыхъ другихъ органическихъ предметовъ.

Но въ то время, когда одна часть рабочихъ, находясь на верху насыпи, снимала ее горизонтальными слоями, другая часть, работая въ боковыхъ траншеяхъ, раскапывала туже насыпь вертикальными слоями, приближаясь такимъ образомъ отъ периферіи къ центру. Послѣдній способъ раскопки далъ возможность констатировать слѣдующій фактъ. Подъ насыпью вала, ниже уровня земли, обнаружено было еще нѣсколько костяковъ; но здѣсь покойники погребены были въ то время, когда насыпи вала еще не было: вертикальныя линіи, обозначавшія границы могилъ, подымались здѣсь лишь до извѣстнаго уровня, затѣмъ прекращались. При вертикальномъ

разрѣзѣ насыпи казалось, какъ будто бы гробы поставлены были на свои мѣста съ боку, они какъ будто задвинуты были въ продѣланныя съ боку ниши. Такимъ образомъ въ исторіи настоящаго кладбища можно отмѣтить двѣ эпохи: первая—до образованія искусственной насыпи вала, вторая—послѣ образованія послѣдней. Не лишне будетъ отмѣтить и слѣдующій фактъ. Костяки обоихъ кладбищъ, т. е. верхняго и нижняго, принадлежали покойникамъ арійскаго племени; но въ обрядѣ ихъ погребенія замѣчена слѣдующая разница: покойники нижняго кладбища хоронились въ особаго рода войлочныхъ шапкахъ, извѣстныхъ на юго-западѣ Россіи подъ именемъ „шеломковъ“; въ обрядѣ же погребенія покойниковъ верхняго кладбища ничего подобнаго не замѣчено. Въ свою очередь, по отношенію къ послѣднимъ можно отмѣтить то, что они погребались въ особаго рода кожаныхъ башмакахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „кожанцовъ“. Кромѣ того въ одномъ изъ гробовъ нижняго кладбища найдена лишь верхняя часть человѣческаго костяка безъ ногъ; въ другомъ гробу оказалось двѣ головы, лобная часть въ одной изъ которыхъ пробита, повидимому, какимъ то тупымъ орудіемъ.

Настоящая раскопка обнаружила так. образомъ тотъ фактъ, что южная оконечность вала искони служила мѣстомъ кладбища. Теперь естественно возникалъ вопросъ: ограничивалась-ли кладбищенская часть площадью G, или она простиралась по ту сторону прохода B въ предѣлы площади H? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо было перенести изслѣдованіе по другую сторону прохода B, что и сдѣлано было мною. Стѣна вала, ограничивавшая проходъ B съ востока (H) изслѣдована была путемъ прорытія во всю ширину вала траншеи шириною въ 3 аршина. На этомъ пространствѣ обнаружено было 9 гробовъ, которые точно также находились на различной высотѣ: одни помѣщались въ насыпи вала, другіе опускались на нѣсколько вершковъ (до 9) ниже поверхности земли. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующій фактъ. Въ самой насыпи здѣсь обнаружено, такъ сказать, два яруса: верхній и нижній; при чемъ замѣчено было, что нѣкоторые изъ гробовъ опускались въ землю въ то время, когда верхняго яруса насыпи еще не существовало. Изъ этого видно, что валъ разсматриваемаго городища насыпанъ былъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ два пріема и слѣдовательно въ исторіи его слѣдуетъ различать двѣ эпохи—

древнѣйшую и новѣйшую. Этотъ фактъ мною отчасти подмѣченъ былъ и при изслѣдованіи площади G, но тамъ онъ выступалъ не такъ рельефно. Кромѣ того мною произведено было изслѣдованіе въ проходѣ C и въ сѣверной оконечности вала (K). Но въ этихъ пунктахъ ни гробовъ, ни двухъ-яруснаго состава насыпи вала не было обнаружено. Изъ этого слѣдуетъ, что верхній ярусъ насыпи образовался при ремонтѣ вала, которому подверглись лишь нѣкоторыя его части. Обращаю на этотъ фактъ особенное вниманіе потому, что онъ соотвѣтствуетъ имѣющимся указаніямъ письменныхъ источниковъ относительно исторической судьбы настоящаго городища. Въ исторіи это городище, какъ мы видѣли выступаетъ два раза. Первый разъ оно фигурируетъ подъ общимъ названіемъ „Городца“ и упоминается въ лѣтописи въ промежутокъ времени отъ 1026 по 1237 г. Второй разъ оно выступаетъ на историческую сцену въ XV вѣкѣ, когда въ немъ „замочокъ и дворъ былъ князя Семена Олельковича“. Представляется вполнѣ вѣроятнымъ, что князь Семенъ Олельковичъ, рѣшивши избрать это городище мѣстомъ для своего загороднаго дворца, нашелъ нужнымъ подновить его валъ, насыпь котораго къ XV вѣку могла сильно пострадать отъ времени. Для объясненія факта происхожденія вышеупомянутаго пожарища, не лишне будетъ напомнить слѣдующее извѣстіе лѣтописи. Такъ какъ пожарище это находится подъ верхнею насыпью вала, то и происхожденіе его естественно должно быть относимо къ первой эпохѣ въ исторіи городища, и вотъ подъ 1135 годомъ Ипатская лѣтопись сообщаетъ намъ слѣдующее извѣстіе. Черниговскій князь Всеволодъ Ольговичъ съ своими союзниками, мстя тогдашнему великому князю кіевскому Ярополку за опустошеніе Черниговскихъ волостей, „поидоша воююче села и городы Переяславъской волости и люди сѣкуще, даже и до Киева придоша и *городець зажгоша* на святаго Андрея день, ѣздяху по *оной сторонѣ Днѣпра*, люди емлюще а другыя сѣкуще, не утягшимъ перевестися имъ“.... Нѣтъ ничего не правдоподобнаго въ томъ, что наше пожарище и представляетъ слѣды пожара, истребившаго деревянныя постройки городца въ 1135 году. Принятію этого предположенія можетъ препятствовать лишь слѣдующее соображеніе. Древніе русскіе городки строились обыкновенно такимъ образомъ: избранное мѣсто окапывалось рвомъ, насыпался земляной валъ и по вѣнцу его сооружались деревянныя стѣны. Такъ какъ разсматрива-

емое пожарище занимаетъ площадь, отведенную подъ насыпь вала, то слѣдовало бы ожидать, что оно окажется выше уровня почвеннаго слоя, а между тѣмъ въ данномъ случаѣ оно находится на послѣднемъ. Но дѣло въ томъ, что разсматриваемое мѣсто представляетъ естественную возвышенность, которая на $5^1/_2$ арш. подымается надъ уровнемъ воды въ Гнилушѣ. Такой пунктъ не нуждался въ особой искусственной насыпи; крѣпостная стѣна здѣсь могла быть сооружена на естественномъ возвышеніи. Тутъ же непосредственно къ стѣнѣ могла примыкать какая нибудь постройка, слѣды сожженія которой и остались въ нашемъ пожарищѣ.

Приступая къ изслѣдованію внутренней части городища, я предварительно приказалъ прорыть въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько пробныхъ ямъ. Посредствомъ этихъ ямъ выяснилось, что культурный слой, состоящій изъ перегноя, изъ котораго вѣтромъ и дождемъ выносятся разнаго рода предметы, самой большей толщины достигаетъ въ границахъ площади L. Площадь эта, длиною (съ сѣвера на югъ) въ 20 арш. и шириною (съ востока на западъ) въ 18 арш., окопана была глубокими траншеями и затѣмъ поверхность ея, на глубинѣ культурнаго слоя, снималась очень тонкими пластами; при этомъ обнаружилось, что культурный слой, начинаясь въ западной части очень тонкимъ пластомъ, самой большей толщины достигалъ въ юго-западной части площади L, гдѣ глубина его доходила до $1^1/_2$ арш. На всемъ этомъ пространствѣ прежде всего попадались черепки отъ битой посуды и кости большихъ и малыхъ домашнихъ животныхъ. Посуда, насколько можно судить на основаніи сохранившихся черепковъ, приготовлена была на гончарныхъ станкахъ, изъ хорошей различнаго цвѣта глины. Что касается формы посуды и попадающагося на нѣкоторыхъ черепкахъ орнамента, то въ нихъ нѣтъ ничего типичнаго, настолько характернаго, чтобы ихъ можно было относить къ той или другой опредѣленной эпохѣ. Изъ другихъ предметовъ при изслѣдованіи данной площади найдены были: желѣзный топоръ древняго славянскаго типа; шесть желѣзныхъ стрѣлъ, изъ которыхъ пять копье-видныхъ и одна якоре-видная, съ двумя зазубнями и втулкой для надѣванія на древко; нѣсколько небольшихъ желѣзныхъ ножиковъ, на подобіе тѣхъ, которые попадаются въ славянскихъ курганахъ, небольшія ножницы того типа, который и теперь употребляется для стрижки овецъ, куски желѣзныхъ тонкихъ

обручей для оковки ведеръ такого типа, съ которымъ приходится встрѣчаться въ славянскихъ курганахъ, нѣсколько общеизвѣстныхъ шиферныхъ пряслицъ; два колечка: одно изъ тонкой мѣдной проволоки безъ спайки, другое изъ какого-то составнаго металла, сдѣланное въ подражаніе витымъ кольцамъ; оба кольца принадлежатъ къ типу, съ которымъ приходится встрѣчаться въ курганахъ; желѣзный ручной браслетъ, желѣзная иголка, небольшая мѣдная бубенчиковидная пуговка, небольшой натѣльный орнаментированный крестикъ, и нѣсколько другихъ желѣзныхъ предметовъ, точно опредѣлить назначеніе которыхъ затруднительно.

Путемъ сопоставленія предметовъ, добываемыхъ изъ кургановъ, съ такими же предметами несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, въ настоящее время доказана удивительная устойчивость формъ многихъ предметовъ домашнаго обихода. Въ виду этого весьма трудно сказать, къ какой именно эпохѣ относятся всѣ вышепоименованные предметы. Всего вѣроятнѣе то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ наслоеніями нѣсколькихъ эпохъ.

В. Завитневичъ.

Къ исторіи открытія Золотыхъ Воротъ (1832—1838 гг.).

(По бумагамъ К. А. Лохвицкаго).

Значительно пострадавшія во время татарскаго погрома Кіевскія Золотыя Ворота болѣе пятисотъ лѣтъ стояли въ видѣ развалинъ—до 1750 г., когда „для сохраненія и вида древности“ были засыпаны землею[1]). Подъ такимъ прикрытіемъ этотъ памятникъ

---

[1]) См. ст. *Д. И. Сапожникова:* „Къ Исторіи Кіев. Золот. Воротъ“ („Кіев. Стар.“, 1886, май), стр. 165—167. *Н. В. Закревскій* ошибочно относитъ засыпку воротъ къ 1745—46 гг. („Опис. Кіева“, I, 324—325, 327). Въ какомъ видѣ они находились въ половинѣ XVIII в. показываетъ печатаемый ниже указъ 1743 года.

„Указ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской из государственной военной коллегіи генералу фелтмаршалу и кавалеру, сенатору и государственной военной коллегіи президенту князю Василію Володимеровичу Долгорукому сего августа 4-го дня.

В указѣ Ея Императорскаго Величества и́с правителствующаго сената в военную коллегію писано:

По указу Ея Императорскаго Величества правителствующій сенатъ по доношенію военной коллегіи, которымъ представляла, что в ту коллегію киевская гарнизонная канцелярия доноситъ: обретающияся де тамо у починки киевскихъ и протчихъ крепостѣй и ретранжементов инженеръ подполковникъ Дебоскетъ представлял, что усмотрено имъ в верхнѣмъ городѣ Киеве над Золотыми проежжими Воротами зделан валганкъ из брусьевъ и з досокъ; которые де брусья и доски весма погнили и пришли в негодность, и з немалымъ страхомъ пешые люди по оном ходятъ, и артилерии перевозить никакъ невозможно, и чтобъ зделать валганкъ; да подле техже Воротъ выходъ обвалился, а на оных Воротахъ имѣютца от бывшей каменной церкве стены, которые де для делания оного валганка и воротъ сломать, ибо де без ломания оныхъ стенъ того валганка и воротъ понадлежащему зделать не можно; а понеже те каменные стены из древних болѣе петисотъ

XI вѣка просуществовалъ около 80 лѣтъ и только въ 1832 г. вновь явился на свѣтъ Божій. Честь открытія его принадлежитъ Кондрату Андреевичу *Лохвицкому*, чиновнику особыхъ порученій при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ. Пользуясь находящимся у меня собраніемъ бумагъ Лохвицкаго, представлю нѣсколько любопытныхъ данныхъ къ исторіи открытія и возобновленія въ 1832—38 гг. Золотыхъ воротъ. Помимо этого прямаго значенія, разсматриваемыя бумаги Лохвицкаго цѣнны и въ томъ отношеніи, что даютъ матеріалъ по немаловажному въ исторіи культуры вопросу—объ отношеніяхъ правительства и общества къ памятникамъ родной старины. Бумаги Лохвицкаго говорятъ о 1830-хъ годахъ, когда изученіе кіевскихъ древностей особенно расширилось, благодаря, главнымъ образомъ, иниціативѣ и трудамъ митрополита Евгенія Болховитинова. Въ дѣ-

---

летъ состоятъ и прежде бывъшими в Киевѣ инженерами сломаны не были, и для того та канцелярия безъ особливого указу сломать ихъ не можетъ, и требовала о том указа; и военная коллегия от правителствующаго сената требовала оные от бывшей каменной церкви стены для строения, вместо обетъшалыхъ валганка и Воротъ, повелено-ль будетъ сломат; понеже де те каменные стены, какъ помянутая канцелярия представляетъ, из древнихъ болѣе петисотъ летъ состоятъ, и за темъ той коллегіи безъ особливого на то указа решение учинить невозможно,—приказали: по оному доношению показанныхъ в Киевѣ церковныхъ стенъ не ломать, а валганкъ и помянутой выходъ, как потребно, починить, исправить, зделавъ для тверъдости каменной фундаментъ в самой крайнѣй скорости; понеже, какъ выше показано, оные стены из древнихъ болѣе петисотъ летъ состоятъ, и прежними инженѣрами ломаны не были, и для того, дабы оной валганкъ и выходъ исправлѣны были и ныне без сломания оных стенъ конечно в нынешнимъ лете, о том велеть прилежное старание иметь; сего ради к тому исправлению и другихъ инженерныхъ офицеровъ определить. И сего ж августа 9-го дня, по тому Ея Императорскаго Величества указу в государственной военной коллегіи определено о неломаніи в Киеве вышеписанныхъ имѣющихся над Золотыми Воротами от бывшей каменной церкве церковных стенъ, а валганка и выхода, какъ потребно, о починки и исправленіи, зделавъ для твердости каменной фундаментъ, в самой крайней скорости, и дабы оное исправлено было конечно в нынешнемъ лете; в томъ о имении прилежного старания и определеніи к тому исправлению и другихъ инженерных офицеровъ исполнение учинить. Канцелярия главной артилеріи и фортификаціи; о томъ в тое канцелярию указъ посланъ; генералу фелтмаршалу и кавалѣру, сенатору и государственной военной коллегіи президенту, князь Василью Володимеровичу Долгорукову о том ведать. Августа 11 дня, 1743 года.

У подлиннаго указу подписано тако: Иванъ Казловъ. Секретарь Дмитрей Мурановъ. Канцеляристъ Иванъ Авсяниковъ. Генеральный писарь Сергей Протопоповъ. Киевской гарнизонной канцеляріи писарь Василей Сакаловъ".

(Изъ отдѣльныхъ документовъ Кіев. Централ. Архива).

лѣ изученія и раскрытія кіевскихъ древностей Лохвицкій, несомнѣнно, былъ ученикомъ м. Евгенія, очень часто работавшимъ подъ непосредственнымъ руководствомъ своего многоученаго учителя (напр. —при раскопкахъ въ 1824 г. остатковъ Десятинной церкви). Эта школа не могла пройти безслѣдно даже для такого диллетанта въ археологіи, какимъ былъ Лохвицкій.

I.

Открытіе Золотыхъ Воротъ (1832 г.).

По чьей иниціативѣ Лохвицкій принялся за открытіе Золотыхъ Воротъ? Самъ ли онъ дошелъ до признанія возможности найти мѣсто расположенія развалинъ и раскрыть ихъ, или кто другой внушилъ ему такую увѣренность?—Бумаги Л—го, къ сожалѣнію, не даютъ прямаго отвѣта на этотъ вопросъ, но по нѣкоторымъ косвеннымъ даннымъ слѣдуетъ заключить, что иниціатива всего этого дѣла принадлежала именно самому Лохвицкому.

Если бы мысль о раскрытіи воротъ была кѣмъ-либо (напр., всего вѣроятнѣе—митроп. Евгеніемъ) внушена Л—му, онъ не рѣшился бы скрыть это обстоятельство въ своихъ оффиціальныхъ бумагахъ. Оффиціальныя лица, къ которымъ шли эти бумаги, уличили бы Л-го, если бы нашли неправду въ его постоянныхъ увѣреніяхъ, что честь иниціативы въ дѣлѣ открытія Золотыхъ Воротъ и самое открытіе ихъ принадлежитъ именно ему, Л—му, а не кому либо другому. Да и сами обиженные подобными завѣреніями Л—го поспѣшили бы такъ или иначе съ своими протестами. Однако, ничего подобнаго мы не видимъ. Никто при жизни Л—го не протестовалъ противъ того, что честь открытія Воротъ всецѣло, отъ перваго шага до послѣдняго, принадлежитъ только ему. Когда Л—й потребовалъ, что бы именно эта мысль была выражена въ надписи на Золотыхъ Воротахъ,—его представленіе уважили.

Но что во время раскопки Воротъ Л—й прибѣгалъ къ руководству м. Евгенія—это несомнѣнно. Изъ бумагъ Л—го видно, что онъ относился къ митрополиту съ большимъ уваженіемъ и высоко ставилъ его историческія и археологическія познанія. Самъ Л—й не былъ богатъ ими, но все таки видно, что, приступая къ открытію

Воротъ, онъ постарался, насколько возможно, изучить ихъ исторію. Онъ перечелъ и сдѣлалъ выписки изъ доступныхъ ему лѣтописей—о постройкѣ Воротъ Ярославомъ въ 1037 г., изъ Синопсиса, Карамзина и пр. Вездѣ онъ обращалъ особенное вниманіе на тѣ выраженія источниковъ, гдѣ рѣчь шла о мѣстонахожденіи Золотыхъ Воротъ. Видно, что мысль его работала надъ открытіемъ этого мѣста въ теперешнемъ Кіевѣ. Ему не трудно было найдти мѣсто Воротъ, такъ какъ онъ былъ знакомъ и съ позднѣйшей исторіей ихъ—въ XVII и XVIII вв. Такъ, Лохвицкій зналъ, что Ворота были засыпаны землею въ XVIII в., но ошибался, относя это обстоятельство къ царствованію Анны Ивановны. Въ одной изъ своихъ „записокъ о раскрытіи Золотыхъ Воротъ“ онъ говоритъ, что Ворота „при укрѣпленіи стараго Кіева графомъ Минихомъ совсѣмъ въ валу засыпаны землею“. Во всякомъ случаѣ и это ошибочное извѣстіе позволило Л—му ориентироваться въ опредѣленіи мѣстонахожденія Воротъ.

Едва ли не самый рѣшительный толчекъ къ раскрытію Воротъ получилъ Л—й, когда познакомился съ видомъ развалинъ Воротъ, снятымъ съ натуры въ 1651 г. и найденнымъ въ Петербургѣ, въ портфелѣ послѣдняго польскаго короля Станислава Августа. Видъ былъ помѣщенъ въ № 1-мъ журнала „Сѣверный Архивъ“ за 1822 г. Лохвицкій сдѣлалъ полную выписку статьи, сопровождавшей въ журналѣ этотъ видъ Золотыхъ Воротъ.

На рѣшимость Л—го заняться раскопкою Воротъ какое-то особенное вліяніе оказалъ генералъ-фельдмаршалъ графъ (впослѣдствіи—князь) Фабіанъ Вильгельмовичъ *Остенъ-Сакенъ*, главнокомандующій 3-й арміи, штабъ которой былъ расположенъ въ то время въ Кіевѣ. Не одинъ разъ въ своихъ бумагахъ Л—й съ благодарностію вспоминаетъ о графѣ Сакенѣ, но въ чемъ именно выразилось его содѣйствіе—прямо не говоритъ. Онъ глухо выражается въ одной изъ своихъ „записокъ“, что раскопку Золотыхъ Воротъ произвелъ „по особому порученію“ Сакена, а въ другой „запискѣ“ читаемъ, что работы велись „по соизволенію и *убѣжденію* генералъ-фельдмаршала“.... Вѣроятно Сакенъ на столько интересовался кіевскими древностями, что его „убѣжденіе“ имѣло цѣну въ глазахъ Лохвицкаго.

Но фельдмаршалъ Сакенъ содѣйствовалъ Л—му и съ матеріальной стороны. Въ своей „докладной запискѣ“ 1835 г. гр. Гурьеву Л—й говоритъ, между прочимъ, что открылъ Золотыя Ворота „*съ*

пособіями и по убѣжденію генералъ-фельдмаршала кн. Сакена". Личныя средства Л—го были, повидимому, не велики, а между тѣмъ раскопку пришлось вести сначала на „собственныхъ моихъ издержкахъ"—говоритъ онъ. Только въ 1833 г. кіевскій генералъ-губернаторъ графъ Василій Васильевичъ *Левашовъ*, „по любви къ древностямъ", испросилъ 1500 р., отпускавшіеся ежегодно въ распоряженіе графа на расходы по раскрытію кіевскихъ древностей. Левашовъ передалъ эту сумму въ распоряженіе „*Комитета* по раскрытію и сохраненію кіевскихъ древностей". Комитетъ, какъ и слѣдовало, расходовалъ эту сумму на разныя нужды по своей спеціальности, въ томъ числѣ временами отпускалъ деньги и Лохвицкому на раскрытіе Золотыхъ Воротъ и на другія его работы. Но Л—й считалъ неправильнымъ такой порядокъ расходованія отпускаемыхъ денегъ. Онъ полагалъ, что вся сумма отпускалась именно на раскрытіе Золотыхъ Воротъ и на другія подобныя его работы (на раскрытіе развалинъ Ириинской церкви и проч.). Основывался онъ на томъ, что сумма эта была отпущена Левашеву вскорѣ послѣ „Высочайшаго повелѣнія 4 генваря 1833 г.", которое предписывало Лохвицкому „продолжать раскрытіе древностей подъ покровительствомъ гр. Левашова". Принявши сумму въ свое завѣдываніе, Комитетъ древностей взглянулъ на дѣло иначе и, очевидно, убѣдилъ въ правильности своего взгляда и Левашова. По крайней мѣрѣ, всѣ старанія Лохвицкаго цѣликомъ получать отпускаемую сумму—оставались безуспѣшными: сумма осталась въ полномъ распоряженіи Комитета, который (какъ увидимъ ниже) вообще не ладилъ съ Лохвицкимъ, а вѣроятно потому такъ рѣдко и выдавалъ ему просимыя деньги....

Сколько именно получилъ Л—й казенныхъ денегъ на раскопку Золотыхъ Воротъ и сколько истратилъ изъ своихъ и частныхъ средствъ—изъ бумагъ не видно. Но жалобы Л—го на скудость получаемой имъ субсидіи и на трату собственныхъ средствъ продолжались во все время возобновленія Золотыхъ Воротъ. Эти жалобы доходили до того, что въ одной изъ своихъ докладныхъ записокъ 1834 г. гр. Левашову Лохвицкій иронически спрашиваетъ: „продолжать ли" ему раскрытіе кіевскихъ древностей „на свой счетъ, или на казенный"?... И въ бумагахъ слѣдующихъ годовъ продолжаемъ встрѣчать увѣренія Л—го, что раскопки Золотыхъ Воротъ и другихъ

древностей онъ производилъ „частію на свой коштъ", а частію на средства, собранныя *„складчиною любителей* священныхъ древностей"....

Первыя работы по раскрытію Воротъ произведены Л—мъ лѣтомъ 1832 г. Какъ именно шли эти раскопки, сколько рабочихъ участвовало въ нихъ, были-ли у Л—го помощники—на все это, къ сожалѣнію, не даютъ отвѣта имѣющіяся у меня бумаги Сохранились только свѣдѣнія о томъ видѣ Золотыхъ Воротъ, въ какомъ явились они на свѣтъ Божій въ началѣ раскопки. Объ этомъ говоритъ одна изъ „записокъ о раскрытіи воротъ". Привожу отсюда цѣликомъ описаніе первоначальнаго вида Воротъ:

„Верхняя часть *сводовъ* въ Воротахъ (оказалась) разломана; *стѣны* строенія каменнаго, съ *полуколоннами*, отъ перваго до четвертаго столба примыкающими къ стѣнѣ; двѣ полуколонны внутрь Воротъ. Равнымъ образомъ и съ правой стороны внутрь Воротъ такое-же (?) разстояніе между стѣнъ съ простѣнками и полуколоннами должно быть, ибо съ правой стороны *не совсѣмъ открыто*: спереди Воротъ въ свѣтлости *12 аршинъ*, а внутрь отъ въѣзда до выѣзда *38 аршинъ*. Стѣны и полуколонны *щекатурены*, но къ симъ стѣнамъ и полуколоннамъ *пристройка* примѣтно придѣлана не щекатурная, чрезъ что можетъ быть (откроются) и *окошки*, которые направо и налѣво закрыты. Кладка сего зданія изъ *кирпичей старой формы*, родъ посадки (?), и изъ *тесаныхъ камней*, на *цементѣ* древнемъ. Кирпичь толщиной въ *полвершка*, длина *восемь*, а ширина *6 вершковъ* съ половиною".

Въ заключеніе „записка" Лохвицкаго говоритъ: „по обширности сихъ Воротъ не возможно въ скоромъ времени раскрыть, на что потребуется значительная сумма „и вообще" требуется дальнѣйшее изслѣдованіе сей царственной древности"....

Нѣсколько позже Лохвицкій убѣдился въ необычайной прочности открытыхъ имъ развалинъ Золотыхъ Воротъ. „По изслѣдованіи моемъ—говоритъ онъ въ одной изъ „докладныхъ записокъ" гр. Левашеву—оказалось, что *фундаменты* съ обѣихъ сторонъ подъ стѣнами толщиною въ *14 футовъ*, а глубиною *въ землѣ глинистой—въ 7 футовъ*, *съ контрфорсами* двойныхъ стѣнъ, связанныхъ цементомъ древнимъ, на которомъ и кладка зданія сего—составляетъ одну массу, слѣдовательно во времени погода отъ воздушныхъ перемѣнъ са-

мое малѣйшее вліяніе имѣетъ. И когда сіе древнее зданіе чрезъ 8 вѣковъ осталось въ крѣпости таковой, что ломомъ отдѣлить нельзя цементъ отъ кирпичей и камней дикихъ, то остатки Златыхъ Вратъ могутъ еще *простоять 10 вѣковъ*, при сбереженіи хозяйственномъ"....

Къ осени 1832 г. раскрытіе Воротъ значительно подвинулось впередъ. Вышеприведенное описаніе первоначальнаго вида раскрытыхъ Воротъ Лохвицкій дополняетъ слѣдующими подробностями:

Полуколонны Золотыхъ Воротъ—плоскія. „Съ *львой* стороны при входѣ изъ города во врата, по фасаду, вдоль имѣютъ $11^1/_2$ саженей. Съ *правой* стороны внутрь вратъ по фасаду $5^1/_2$ саж. Между стѣнами въ планѣ Воротъ ширина $3^1/_2$ саж., вышина $4^1/_2$ саж. *Длина* же внутренности Воротъ въ проѣздѣ *должна быть 12 саженей*, потому что подъ землею фундаментъ продолжается 12 саженей". Длина правой стѣны Воротъ должна бы быть одинакова съ лѣвою стѣною, между тѣмъ лѣвая имѣетъ въ натурѣ $11^1/_2$ саж., а правая—только $5^1/_2$ саж. Лохвицкій объясняетъ эту разницу тѣмъ обстоятельствомъ, что „*съ поля* (т. е. со стороны противоположной въѣзду въ Ворота изъ города) правая сторона до половины Вратъ совсѣмъ *истреблена*", недостаетъ здѣсь стѣны на 6 саженей.

При въѣздѣ въ Ворота изъ города открыты на лѣвой стѣнѣ „полукруглые фальшивые *4 окна, съ арками*, или со сводами". Окна „оказались закладенными кирпичемъ древнимъ и каменьями. Кладка сего зданія изъ кирпичей древней формы, родъ *плиты*, или *посадки* (?), и изъ тесаныхъ камней, на цементѣ".

„При сихъ Вратахъ были *каморы*, или кладовыя (но теперь ихъ нѣтъ), какъ изъ *Пролога* ноября 26 дня явствуетъ".... Эти „каморы" очень интересовали Лохвицкаго и онъ, повидимому долго не терялъ надежды найти ихъ.... Въ одной „запискѣ" конца 1832 г. Л—й говоритъ: „хотя и отрыты совсѣмъ сіи Врата, но можетъ быть въ стѣнѣ закрытъ ходъ въ каморы, потому что чувствительна *пустота на львой* сторонѣ въ концѣ Вратъ, изъ чего заключить можно, что должны быть подъ стѣнами въ каморахъ своды"....

При открытіи Золотыхъ Воротъ Лохвицкимъ найдены слѣд. *предметы древности* (см. „записку" его отъ 30 ноября 1832 г.).

„1) *Крестъ* въ кругу съ разными фигурами вырѣзанными на разбитой *плитѣ шиферной* фіолетоваго цвѣта. Крестъ точно такого вида, какъ на гробницѣ Ярослава въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Дол-

жно думать, это была закладка церкви Благовѣщенской надъ Золотыми Воротами, построенной Ярославомъ, потому что примѣтно—*миромъ помазанъ* (?) крестъ.

2) *Вѣнецъ желѣзный* съ иконы о четырехъ скважинахъ, можетъ быть отъ той же церкви.

3) *Крючокъ*, на каковыхъ въ церквахъ вѣшаютъ лампады предъ иконами.

4) *Стрѣлы желѣзныя* татарскія (?).

5) *Пика желѣзная.*

6) *Золота листоваго* продувного *6 кратъ*, каковымъ обиты были Врата Златыя и каковымъ въ древности обкладывались у иконъ вѣнцы желѣзные".

Эти предметы въ 1834 г. пожертвованы были Лохвицкимъ въ музей новооткрытаго университета св. Владиміра.

Вотъ все, что можно извлечь изъ бумагъ К. А. Лохвицкаго относительно первоначальной исторіи открытія Золотыхъ Воротъ въ 1832 г. Перехожу къ дальнѣйшей судьбѣ этого памятника.

II.

Мѣры по очисткѣ и укрѣпленію Золотыхъ Воротъ (1832—1837 гг.).

Къ осени 1832 г. Золотыя Ворота были настолько раскрыты, что генералъ-губернаторъ гр. Левашовъ, по мысли Лохвицкаго, нашелъ возможнымъ предложить проѣзжавшему въ то время черезъ Кіевъ имп. Николаю—осмотрѣть новооткрытый памятникъ древности. Имп. Николай посѣтилъ развалины 9 сентября 1832 г., внимательно осмотрѣлъ ихъ и, пройдя Ворота насквозь, произнесъ: „памятникъ, достойный сохраненія".... При этомъ ли случаѣ, или въ другомъ мѣстѣ, но Л—й былъ представленъ государю гр. Левашевымъ, какъ главный дѣятель по раскрытію Золотыхъ Воротъ. При этомъ государь приказалъ Левашеву, чтобы Лохвицкому было поручено, „наблюдать за сохраненіемъ" Золотыхъ Воротъ.

Но Л—му казалось недостаточнымъ только охранять Ворота. Онъ хотѣлъ продолжать раскопку ихъ и принять разныя мѣры по укрѣпленію развалинъ и приведенію ихъ въ болѣе благообразный

видъ. Не находя въ такихъ стремленіяхъ поддержки со стороны гр. Левашева, Л—й счелъ необходимымъ обратиться къ государю со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, въ которомъ просилъ вообще „о дозволеніи продолжать раскрытіе древностей“ въ Кіевѣ и, въ частности, о дальнѣйшемъ раскрытіи и о поддержкѣ Золотыхъ Воротъ.

Сохранился небольшой (черновой) отрывокъ этого любопытнаго прошенія. Привожу его цѣликомъ, какъ матеріалъ къ характеристикѣ К. А. Лохвицкаго:

„ . . . . . Рылся я въ этой древней столицѣ русскихъ славянъ не для славы, почести или сокровищъ. Довольно, для вѣчной памяти, трехъ словъ вдохновенныхъ князя—царя царей: „памятникъ, достойный сохраненія“! Златыя Врата Ярослава открыты посильными трудами моими и складчиною любителей священныхъ древностей, по указанію рукописной лѣтописи Кіевской о славныхъ дѣлахъ предковъ Вашего импер-го Величества.

„Италія сохраняетъ какъ святыню черепки древней Помпеи и Геркулана, а мы русскіе ужели охладѣемъ къ остаткамъ истинной свято-кіевской древности!.... При открытіи остатковъ фундаментовъ Свято-Десятинной церкви отрыта была неизвѣстная гробница, можетъ быть превосходнѣе (т. е.—въ смыслѣ древности) гробницы в. кн. Ярослава Владиміровича, находящейся въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Но усердіе мое осталось безъ успѣха. Гробница эта въ 1826 году опять *зарыта*.... Да и прочіе знаменитые памятники, открытые мною—одни зарыты, другіе остаются *въ небреженіи*.... Это обстоятельство долгомъ вѣрноподданническимъ почитаю довести до свѣдѣнія Вашего имп-го Величества. Удостойте воззрѣть на планы, рисунки и самыя описанія, для отечественной исторіи приготовленныя, изъ которыхъ видѣть можно вѣрное сходство съ натурою „памятниковъ, достойныхъ сохраненія“....

Прошеніе это имѣло значительный успѣхъ. Послѣдовало Высочайшее повелѣніе отъ 4 генваря 1833 г. (препровожденное, вмѣстѣ съ прошеніемъ Лохвицкаго, гр. Левашеву статсъ-секретаремъ *Лонгиновымъ*), разрѣшавшее Л—му „продолжать раскрытіе древностей подъ покровительствомъ гр. Левашева“. Позже, какъ мы знаемъ, Левашовъ исходатайствовалъ ежегодный отпускъ 1500 р. на раскрытіе кіевскихъ древностей. Въ апрѣлѣ графъ далъ предписаніе Л—му про-

должать расчистку Золотыхъ Воротъ, за что Л—й немедленно и принялся.

Въ томъ же апрѣлѣ Л—й открылъ въ лѣвой стѣнѣ Золотыхъ Воротъ, „на свой коштъ, *три окна* со сводами, закладенныя древними кирпичами". Лѣтомъ этого же года обрывали землю вокругъ и внутрѣ развалинъ, кромѣ того шла „очистка Воротъ отъ грязи и нечистоты". Земля была снята, сколько предполагалось на тотъ годъ („все исполнено"), но очистка шла такъ медленно, что Л—й не одинъ разъ жаловался на это гр. Левашеву, настаивая на необходимости „совершенно очистить и обмыть (sic) каждый камушекъ отъ нечистоты, чтобъ видѣть и видъ снять во всей красотѣ антика"....

Тѣ же работы продолжались и въ слѣдующемъ 1834 г. Весною Лохвицкій сдѣлалъ гр. Левашову „представленіе" о проектированныхъ на то лѣто работахъ около Золотыхъ Воротъ, развалинъ Иринин-й ц. и пр. Вслѣдствіе этого представленія „его сіятельство—говоритъ „журналъ" Кіевской Губернской Строительной Комиссіи, отъ 23 мая 1834 г.—поручить изволилъ Строительнаго Отряда Путей Сообщенія г. полковнику *Ковалевскому* составленіе смѣты на таковыя работы". Ковалевскій составилъ смѣту на 1368 р. 70 к. Генералъ-губернаторъ приказалъ выбросить изъ смѣты—а) 80 р. „за снятіе плана и фасада съ Золотыхъ Воротъ", б) 30 р. „за снятіе плана съ церкви св. Ирины, о чемъ сдѣлается распоряженіе впослѣдствіе, если сіе будетъ нужно...." и—в) 200 р. „на писца съ канцелярскими припасами, въ каковомъ расходѣ не имѣется надобности"....

Вмѣстѣ съ тѣмъ гр. Левашовъ предписалъ Строительной Комиссіи привести смѣту работъ „въ дѣйствіе посредствомъ подряда, а въ случаѣ не явки желающихъ—хозяйственнымъ образомъ, съ тѣмъ, что бы производство работъ производилось *по указанію г. Лохвицкаго*". Необходимыя на работы деньги Комиссія должна помѣрѣ недобности требовать отъ Казенной Палаты изъ 1500 р. ассигнованныхъ на текущій годъ въ распоряженіе генералъ-губернатора на кіевскія древности. По истеченіи года Комиссія представляетъ ген.-губернатору отчетъ „въ употребленіи сихъ денегъ, для сообщенія онаго г. министру внутреннихъ дѣлъ".

Строительная Комиссія немедленно предписала кіевской полиціи сдѣлать „во всѣхъ частяхъ города со всею аккуратностію опу-

бликованіе, съ вызовомъ желающихъ взять на себя означенный подрядъ на 1050 р. 70 коп.". Торги были назначены на 14 мая, съ переторжкою черезъ 3 дня, въ Казенной Палатѣ, куда Комиссія отослала „смѣту и кондиціи". Торги должны были происходить при членѣ Комиссіи полковникѣ Ковалевскомъ.

Но торги не состоялись, такъ какъ желающихъ „никого не явилось". Тогда Комиссія постановила „во исполненіе предложенія г. военнаго губернатора—*очистку* у Золотыхъ Воротъ *стѣнъ отъ земли* со всѣхъ сторонъ и прочіе предметы по смѣтѣ значащіеся (т. е.—разныя работы у развалинъ Ирининской церкви и на Андреевской горѣ, около предполагаемыхъ Лохвицкимъ остатковъ Крестовоздвиженской церкви) поручить произвести члену сей Губ. Строит. Комиссіи Строительнаго Отряда Путей Сообщенія г. полковнику Ковалевскому—хозяйственнымъ распоряженіемъ, съ тѣмъ, чтобы работы сіи произведены были по указанію соревнователя отечественной исторіи (sic) и древностей Россійскихъ г. пятаго класса Лохвицкаго".... „На первый разъ" предписано было Казенной Палатѣ отпустить Ковалевскому 500 р. выдать ему „прошнурную книгу" и проч.

Такимъ образомъ работы въ 1834 г. по очисткѣ Золотыхъ Воротъ раздѣлялъ съ Л—мъ и Ковалевскій. Работы шли настолько успѣшно, что въ началѣ іюня Л—й доносилъ гр. Левашову: „по приказанію вашего сіятельства съ Золотыхъ Воротъ *земля снята*, начали (стѣны) *мыть со святою водою*"....

Къ концу мѣсяца это мытье было покончено и—*25 іюня* произошло довольно торжественное *освященіе* Воротъ. Лохвицкій такъ доносилъ объ этомъ событіи гр. Левашову: „по резолюціи вашего сіятельства, въ высокоторжественный день рожденія его имп-го величества, при *молебственномъ* священнослуженіи святителю Николаю о здравіи государя императора Николая Павловича—Златыя Врата, по окончаніи очистки окроплены святою водою, а ввечеру были *иллюминованы*"....

Этимъ торжествомъ оффиціально какъ бы было признано, что развалины Золотыхъ Воротъ окончательно приведены въ надлежащій видъ. Однако, Лохвицкій не успокоился на этомъ и продолжалъ хлопотать объ укрѣпленіи открытыхъ имъ развалинъ.

Золотыя Ворота въ это время перешли въ вѣдѣніе состоявшаго при университетѣ „Комитета по раскрытію и сохраненію кіевскихъ древностей“. Лохвицкій не могъ уже самостоятельно распоряжаться относительно Золотыхъ Воротъ и долженъ былъ дѣйствовать чрезъ комитетъ. Между тѣмъ Комитетъ этотъ почему-то невнимательно относился къ разнымъ ходатайствамъ Л—го и затягивалъ исполненіе ихъ. Такъ, 17 мая 1835 г. Л—й доложилъ гр. Левашову о необходимости покрыть землю у Золотыхъ Вратъ „дерномъ въ три слоя“. Левашовъ 20 мая приказалъ Строительной Комиссіи исполнить ходатайство Л—го. Однако, Комиссія ничего не дѣлала, о чемъ Л—й „неоднократно докладывалъ“ Комитету Древностей, „но по сіе время (писалъ онъ въ августѣ) не исполнено“.

Между тѣмъ, осенью ждали въ Кіевѣ проѣзда государя, и это особенно заставляло Л—го заботиться о приведеніи Золотыхъ Воротъ въ лучшій видъ. Въ августѣ Л—й докладывалъ гр. Левашеву:

„Кіевскій Строительный Комитетъ вслѣдствіе предложенія вашего сіятельства сообщилъ мнѣ имѣть наблюденіе за работами, производимыми кіевскимъ городовымъ архитекторомъ, по покрытію Златыхъ Вратъ Ярославовыхъ въ предохраненіе отъ порчи; а какъ оной Комитетъ промедлилъ по сему предмету—съ 20 мая составляя смѣту въ 92 р. 60 к.,—время же сближается къ прибытію Государя Императора, то я сообщилъ г. архитектору о немедленномъ приступѣ къ сей работѣ“.

Позже Л—й снова писалъ Левашову: „не имѣя резолюціи на донесенія мои, осмѣливаюсь просить васъ, сіят-й графъ, позволить мнѣ готовиться къ пріѣзду Государя Императора“, какъ по раскрытію разныхъ древностей, такъ и относительно „планировки и описанія оныхъ“. Въ частности, Л—й просилъ: „покрыть Златыя Врата надобно скорѣй, *позаливавъ известью*, въ три слоя *дерномъ*, гдѣ я намѣренъ по швамъ дерну посѣять сѣмянъ цвѣтовъ воздушныхъ“....

Но посѣщеніе Государемъ Золотыхъ Воротъ осенью 1835 г., повидимому, не состоялось; по крайней мѣрѣ слѣдовъ этого посѣщенія не сохранилось въ бумагахъ Л—го. Предложенія Л—го относительно заливки вершины развалинъ известью и покрытія Воротъ дерномъ исполнены только въ 1836—37 гг., по распоряженію Временнаго Комитета Древностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Комитетъ распоря-

дился особымъ образомъ „укрѣпить“ Ворота. Лохвицкій такъ разсказываетъ объ этомъ:

„Въ 1837 г., по отъѣздѣ Государя Императора и Цесаревича, Наслѣдника всероссійскаго престола, Комитетъ Временный, подъ предсѣдательствомъ г. попечителя *фонъ-Братке*, положилъ и исполнилъ: *проломали* въ остаткахъ Златыхъ Вратъ *четыре дыры* насквозь и продѣли въ нихъ два *желѣзныхъ прута* съ кольцомъ, а потомъ замазали свѣжею известью, чрезъ что безъ всякой нужды подвергли порчѣ и самому разрушенію безповоротно восьми вѣковъ священную древность. А съ другой южной стороны придѣлали новые *контрфорсы* изъ булыжныхъ кругляковъ на свѣжей известкѣ, что портитъ „памятникъ, достойный сохраненія“, который безъ всякой неприличной новой передѣлки самостоятельный въ теченіи восьми сотъ лѣтъ, можетъ столько безъ всякой помощи стоять, потому что фундаментъ углубленъ на сажень и въ толщину на двѣ сажени, на цементѣ греческомъ, который такъ дикой камень съ кирпичами связалъ, что никакое вліяніе воздушныхъ перемѣнъ не можетъ повредить, потому что со всѣмъ усиліемъ каменьщики *ломали двѣ недѣли*—пробивали оные четыре окошка для желѣзныхъ прутьевъ, подъ предлогомъ скрѣпленія Золотыхъ Воротъ“!....

Въ другой запискѣ Л—й говоритъ, что эти скрѣпленія, придуманныя „безнужно и даже *ко вреду* памятника“, произведены „по журналу Комитета, *вопреки моего* мнѣнія“.... Члены Комитета „на ту работу вывели въ расходъ *до 2 тысячъ рублей* (?!) изъ суммы, отпускаемой по Высочайшему повелѣнію единственно на раскрытіе древностей, мнѣ предоставленныхъ 4 генваря 1833 года“....

Несогласія Л—го съ Комитетомъ Древностей по этому и другимъ вопросамъ заставили его выйти изъ состава Комитета....

Во все это время Л—й усердно хлопоталъ также о снятіи точнаго плана и видовъ Золотыхъ Воротъ. Еще въ 1832 г., въ ожиданіи Государя, Л—й снялъ самъ съ натуры планъ фасада и профилей Воротъ, и поднесъ его Государю. Въ 1834 г. этотъ планъ былъ провѣренъ и исправленъ поручиками корпуса инженеровъ путей сообщенія *Зальсскимъ* и *Веселаго*, подъ наблюденіемъ начальника V округа путей сообщенія полковника *Шишова* (чертилъ этотъ планъ канцеляристъ изъ дворянъ Николай *Михеда*). Экземпляры

этого плана Лохвицкій поднесъ университету св. Владиміра, Московскому Обществу Исторіи и Древностей и друг.

III.

Вопросъ о надписи къ Золотымъ Воротамъ (1834—1838 гг.)

Мелочной въ сущности вопросъ о составленіи надписи къ Золотымъ Воротамъ въ дѣйствительности разросся въ довольно крупное дѣло, чрезвычайно любопытное для характеристики кіевскаго общества разсматриваемаго времени.

Первая мысль о составленіи надписи явилась у Лохвицкаго въ 1834 г., въ день торжественнаго освященія Золотыхъ Воротъ. Донося гр. Левашову объ этомъ торжествѣ, Л—й писалъ между прочимъ: „всепокорнѣйше прошу исходатайствовать высочайшее дозволеніе—на Вратахъ сдѣлать надпись, (со внесеніемъ) собственныхъ словъ его имп-го величества: „памятникъ, достойный сохраненія". Сіе обстоятельство внесется въ отечественную исторію современныхъ событій"....

Гр. Левашовъ благосклонно принялъ предложеніе Л—го и 28 іюня пригласилъ его къ себѣ „для нѣкотораго совѣщанія о надписи къ Золотымъ Воротамъ". Въ совѣщаніи принималъ участіе и *Карцовъ*, правитель канцеляріи Левашова. Что именно здѣсь было рѣшено—неизвѣстно; видно только, что полная разработка вопроса о надписи всецѣло была предоставлена одному Л—му, безъ участія кого-либо другаго.

Л—й немедленно принялся за порученное дѣло. Между тѣмъ, въ августѣ Левашовъ уѣхалъ въ Петербургъ, исходатайствовалъ тамъ высочайшее разрѣшеніе на прибитіе доски съ надписью къ Золотымъ Воротамъ и 6 сентября прислалъ изъ Петербурга слѣдующее предписаніе Л—му (за № 356): „по представленію вашему, за № 12, предписавъ состоящему при мнѣ г. подполковнику барону *Фитингофу* распорядиться, *совмѣстно съ вами*, о сдѣланіи одной *доски* съ приличною надписью къ открытымъ вами Золотымъ Воротамъ, о семъ вашему высокородію даю знать".

Л—й былъ непріятно пораженъ такимъ оборотомъ дѣла.... Привлеченіе сторонняго человѣка къ дѣлу, столь близкому Л—му и воз-

никшему по его иниціативѣ, говорило о какомъ-то недовѣріи Левашова къ Л—му. Притомъ, очень страненъ былъ и самый выборъ Левашова; въ университетскомъ городѣ, богатомъ и помимо новооткрытаго университета интеллигентными силами, графъ не нашелъ никого, кромѣ нѣмца Фитингофа, для составленія русской надписи къ историческому памятнику!.... Съ административной точки зрѣнія Левашовъ находилъ такой выборъ правильнымъ, такъ какъ Фитингофъ въ то время исполнялъ обязанности предсѣдателя Строительнаго Комитета, какъ „директоръ работъ“ по г. Кіеву. Но если въ качествѣ „директора работъ“ Фитингофъ и могъ быть полезенъ въ матеріальной сторонѣ вопроса о доскѣ, то въ вопросѣ о самой надписи онъ совсѣмъ не былъ компетентенъ. Обстоятельства не замедлили это подтвердить....

Л—му пришлось подчиниться желанію гр. Левашова и вступить въ сношенія съ бар. Фитингофомъ. Въ началѣ ихъ отношенія, повидимому, ладились. 20 сентября баронъ увѣдомилъ Л—го, что генералъ-губернаторъ поручилъ ему „распорядится обще съ вами“ о сдѣланіи доски съ надписью. Вмѣстѣ съ тѣмъ баронъ, сообщая о полученіи присланнаго Л—мъ рисунка доски, просилъ указаній относительно мѣры, матеріала („изъ камня, или изъ металла, какого именно“) и стоимости доски.

Отвѣта Л—го на это сообщеніе Фитингофа не сохранилось, но въ письмѣ къ предсѣдателю Моск. Общества Исторіи и Древностей, въ ноябрѣ 1834 г., Л—й пишетъ, что „*доску шиферную*, фіолетоваго цвѣта, для надписи я взялъ *отъ развалинъ* отрываемой мною церкви *св. Ирины*, сооруженной тѣмъ же Ярославомъ I-мъ. Длина (доски) 1 аршинъ съ половиною, ширина 13 вершковъ, толщина въ 1 вершокъ. Отполировалъ ее со всѣхъ сторонъ и теперь заказывается на нее *рама бронзовая*. Слова будутъ рѣзные въ доскѣ и позолоченные“.

Доска была одобрена гр. Левашовымъ и передана Фитингофу для нарѣзки надписи. Въ выборѣ доски именно изъ Ирининскихъ развалинъ нельзя не видѣть, что К. А. Лохвицкій обладалъ въ значительной степени археологическимъ вкусомъ и тактомъ....

2 ноября Фитингофъ письменно проситъ Л—го прислать „надпись для Златыхъ Вратъ, о которой вы мнѣ говорили, что имѣется у васъ уже *одобренная* его сіятельствомъ г. ген.-губернаторомъ. Она

мнѣ нужна *для соображенія* по имѣющемуся у меня на сей предметъ предписанію".

Л—й отослалъ свой проектъ надписи Фитингофу, хотя не могъ не смутиться тѣмъ обстоятельствомъ, что надпись требовалась барономъ не прямо для вырѣзки на доскѣ, а только „для соображенія" съ какимъ-то особымъ „предписаніемъ" гр. Левашова.... И дѣйствительно, надпись Л—го, сначала, „одобренная" Левашовымъ, теперь „показалась краткою" и была *отвергнута*. Университетскій совѣтъ, по требованію Левашова, представилъ „двѣ надписи: одна короткая, другая длинная, но *ни одна* изъ нихъ неапробована".... И баронъ А. Фитингофъ, гвардіи подполковникъ, оказался по мнѣнію генерала—отъ—кавалеріи гр. Левашова—самымъ удачнымъ авторомъ надписи, побѣдившимъ на этомъ негласномъ конкурсѣ цѣлый сонмъ ученыхъ мужей!...

Объ этой въ сущности „неприличной надписи" барона Фитингофа рѣчь будетъ ниже, а теперь займемся вопросомъ о проектахъ надписи, составленныхъ Лохвицкимъ и университетомъ. Въ бумагахъ Л—го сохранились 6 различныхъ проектовъ надписи. Вотъ первый проектъ Лохвицкаго—тотъ самый, что сначала былъ „аппробованъ" гр. Левашовымъ, а потомъ отвергнутъ, какъ, „краткій":

„Памятникъ, достойный сохраненія—Златыя Врата Ярослава I-го, XI вѣка, открытыя 5-го к. Лохвицкимъ, 9 сентября 1832-го года. Кіевъ".

Главный смыслъ этой надписи, несомнѣнно, заключается въ указаніи на „открывателя Златыхъ Вратъ", какъ называетъ себя Л—й въ одной изъ своихъ записокъ. Побужденіе это мнѣ кажется извинительнымъ: кто бы отказался отъ чести открытія такой почтенной древности и не позаботился бы связать свое имя съ крупнымъ своимъ открытіемъ.... Надпись въ общемъ приличная, но странное впечатлѣніе производятъ вставленныя слова имп. Николая. Слѣдовало, по крайней мѣрѣ, пояснить—кѣмъ они произнесены, а безъ такого поясненія эти слова представляются совершенно излишнею какою-то похвалою не то „открывателю", не то кому-то другому....

Слѣдующія двѣ надписи (поставленныя въ одной бумагѣ Л—го рядомъ и подъ нумераціей), можетъ быть, именно тѣ, какія были составлены университетскимъ совѣтомъ:

„1) По Высочайшему повелѣнію открыты Золотыя Ворота Ярославовы, сооруженныя въ 1037-мъ году, которыя признаны Его Императорскимъ Величествомъ Памятникомъ, достойнымъ сохраненія. 9-го сентября 1832-го года. Кіевъ".—„2) Златыя Врата, сооруженныя великимъ княземъ Ярославомъ въ 1037-мъ году, и по разореніи непріятелемъ зарыты были въ земляномъ валу, а въ 1832-мъ году открыты соревнователемъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ".... (Конца нѣтъ).

Обѣ надписи настолько нескладны, что не рѣшаюсь настаивать, чтобы именно онѣ были составлены университетскимъ совѣтомъ.... Притомъ, Л—й называетъ (см. выше) одну изъ университетскихъ надписей „короткою", а другую—„длинною". Вышеприведенныя же надписи почти одного размѣра.

„Длинною" же можетъ быть названа слѣд. надпись (сохранившаяся на отдѣльномъ листкѣ безъ всякихъ объяснительныхъ помѣтъ):

„Остатки Златыхъ Вратъ Благовѣрнаго Государя Великаго Князя Ярослава—Георгія Владиміровича признаны Государемъ Императоромъ Николаемъ I Памятникомъ, Достойнымъ Сохраненія.—Сіи Златыя Врата, сооруженныя около половины XI вѣка, по разореніи, въ теченіи 8 вѣковъ зарыты были въ крѣпостномъ замляномъ валу, а въ 1832-мъ году по дозволенію Кіевскаго Военнаго Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора Графа Василія Васильевича Левашова, открылъ Соревнователь Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 5-го класса Кодратъ Лохвицкій".

Но кто былъ авторомъ этого проекта надписи—не могу сказать. Слѣдующій же стихотворный проекъ надписи несомнѣнно принадлежитъ Лохвицкому:

„Трофей! Врата Златыя—
Исторгнутъ у Батыя:
Сквозь нихъ прошелъ премудрый царь
Великихъ Россовъ Государь,
И вдохновенно здѣсь прорекъ:
„Памятникъ, достойный сохраненія".

9-го сентября
1832-го года. *Кодратъ Лохвицкій*".

Стихи не мудрые, навѣянные, очевидно, словами имп. Николая, которыхъ поэтъ не ухитрился уложить въ размѣръ своего стихотворенія....

Сохранился, наконецъ, еще одинъ проектъ Л—го, представленный имъ въ Моск. Общество Ист. и Древн., въ слѣд. письмѣ на имя предсѣдателя его (привожу только тѣ строки письма, кои относятся къ вопросу о надписи), написанномъ въ ноябрѣ 1834 г.:

„Г-нъ Кіевскій военный Подольскій и Волынскій генералъ-губернаторъ гр. Левашовъ предписалъ мнѣ о приготовленіи одной доски съ приличною надписью къ Золотымъ Воротамъ великаго князя Ярослава Владиміровича, мною открытымъ въ 1832 году.... Такъ какъ предоставлено мнѣ въ семъ дѣлѣ распорядиться, то долгомъ поставляю покорнѣйше просить, *чтобъ* сія *надпись отъ Общества* Ист. и Др. Росс. *сочинена* и помѣщена была въ статью „Трудовъ“ Общества для отечественной исторіи.

„Моя мысль: надписать—Государемъ нашимъ вдохновенно, въ срединѣ сихъ Златыхъ Вратъ, самимъ произнесенныя три слова: „Памятникъ, достойный сохраненія! 9 сентября 1832 г.“—А подъ сими словами: „Златыя Врата Ярославовы XI вѣка“.—И еще пониже: „Открылъ въ 1832 г. Соревнователь Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 5 класса Лохвицкій. Кіевъ“.

„Впрочемъ, я увѣренъ, что Общество наше о семъ важномъ предметѣ лучше сдѣлаетъ надпись, дабы съ сею надписью памятникъ словъ Всеавгустѣйшаго Монарха достойно сохранился въ исторіи Общества и Древностей Россійскихъ“....

Этотъ проектъ очень близокъ къ первому проекту Л—го. Не знаю—одобрило-ли Общество Ист. и Др. надпись Л—го, во всякомъ случаѣ гр. Левашовымъ и бар. Фитингофомъ она была отвергнута наравнѣ съ двумя университетскими проектами.

3 декабря Л—й неожиданно получилъ отъ барона слѣд. увѣдомленіе (соблюдаю правописаніе оригинала): „въ слѣдствіе Предписанія Его С-ва Г-на Ген. Губернатора, къ остаткамъ Златыхъ Воротъ *Доску* съ надлѣжащей надписью, *заказалъ я* здѣлать ювилиру *Стрелбицкому*, заключилъ снимъ и контрактъ, о чемъ для свѣденія симъ Ваше Высокородіе увѣдомить честь имею“.

Какую же „надлѣжащую надпись“ соорудилъ безграмотный баронъ?—„По *совмѣстному* сему порученію отъ начальства я былъ

увѣренъ—писалъ въ 1835 г. Лохвицкій гр. Гурьеву,—что надпись, мною сообщенная барону Фитингофу, вырѣзывается на доскѣ каменной, мною ему посланной, надлежаще, какъ должно. Но къ удивленію увидѣлъ, что *вырѣзывается надпись слѣдующаго* содержанія:

„По соизволенію Государя Императора Николая 1-го *Отрыты* изъ вала въ 1832-мъ году, *Остатокъ* Златыхъ Вратъ, *Сооружены* при великомъ князѣ Ярославѣ 1-мъ. Около *1073 г.* по Р. Х.“

„Видя въ сей надписи *погрѣшности* и самую *несправедливость*, неоднократно напоминалъ барону Фитингофу въ присутствіи почтенныхъ свидѣтелей—*исправить* оную, или и вовсе *уничтожить*, но онъ не уважилъ моихъ совѣтовъ, и тѣмъ отдѣлился отъ предписаннаго совмѣстнаго со мною участія въ семъ дѣлѣ“....

„Несправедливость“ Л—й находилъ въ томъ, что его имя совершенно было выброшено изъ надписи.... Впрочемъ, впослѣдствіи Л—й добился своего права: имя его было вырѣзано на доскѣ, въ отдѣльной надписи. Но главная надпись оставлена во всей неприкосновенности ея историческихъ и грамматическихъ „погрѣшностей“....

30 іюля 1835 г. доска съ этою баронскою надписью была повѣшена на лѣвой стѣнѣ развалинъ Золотыхъ Воротъ, идя изъ города. Каменная доска, заключенная въ бронзовую раму, съ позолоченными буквами надписи—была довольно красива, но „неприличная надпись“ все портила.... Была вырѣзана на доскѣ и добавочная надпись о Лохвицкомъ, но баронъ распорядился нарѣзать ее такъ низко, что слова ея были „подъ каймой рамы *закрыты*“, притомъ и буквы этой надписи были темныя, „безъ позолоты“.... Надпись была слѣдующая: „*Открылъ* Златыя Врата 5-го класса *Лохвицкій* въ Кіевѣ, 9 сентября 1832-го года“.

Справедливое негодованіе Лохвицкаго на такое явное игнорированіе его заслуги выразилось прежде всего жалобою въ Моск. Общество Ист. и Древностей. Очевидно, въ Кіевѣ онъ не находилъ себѣ защитниковъ. Въ краткомъ своемъ сообщеніи въ Общество, отъ 9 августа, Л—й приводитъ обѣ надписи и говоритъ о первой, что она „сочинена въ канцеляріи кіевскаго военнаго губернатора, устраивалъ подполковникъ бар. Фитингофъ, *аппробовалъ гр. Левашовъ*“ (но и раньше, и позже Л—й вездѣ называетъ авторомъ надписи именно самого бар. Фитингофа....). Говоря вкратцѣ о „погрѣшно-

стяхъ" надписи (главная ошибка ея, что вмѣсто „1037 года", какъ бы слѣдовало, поставленъ вдругъ—„1073 г."!), Л—й такъ заключаетъ свое письмо: „о семъ важномъ происшествіи по должности Соревнователя донося, прошу оное Общество внести въ статью „Трудовъ" своихъ, потому что *сія новость* послана *для напечатанія въ журналѣ*, а можетъ быть (пойдетъ и за границу)".

Дѣйствительно, въ бумагахъ Л—го сохранилось слѣд. черновое письмо его къ нѣкоему *А. И. Цимерману*:

„М. Г.! Отъ 15-го сего августа послалъ я вамъ всѣ просимыя древности. *О новой же надписи* на Златыхъ Вратахъ какъ можно скорѣе *передайте* г-ну *Булгарину*—напечатать *въ „Пчелѣ"*; потому что *К. С.* (?) ѣдетъ 1-го сентября въ С.П.Б., то чтобъ сіе напечатаніе было готово, и вы ему этимъ *сдѣлаете удовольствіе*.—Этотъ случай и вамъ, и Булгарину дастъ полный входъ къ нему. Выхваляйте *его сія(-ву)* въ семъ случаѣ предусмотрительность великихъ словъ, изреченныхъ Г(осударемъ) И(мператоромъ): Памятникъ, достойный сохраненія.—Прошу отвѣтить, что вы сдѣлаете. О семъ предварительно извѣстенъ М(инистръ) Про(свѣщенія) по сей командѣ".

Очевидно, Л—й хотѣлъ чрезъ „Пчелу" передать надпись Фитингофа публичному осмѣянію.... Онъ нарочно вводитъ въ заблужденіе Циммермана, когда увѣряетъ, что извѣстіе „Пчелы" доставитъ удовольствіе „его сіятельству".... Кто здѣсь разумѣется подъ „его сіятельствомъ": гр. Левашовъ или его преемникъ гр. Гурьевъ? И что могутъ обозначать относящіеся къ тому же лицу иниціалы *К. С.?*— Въ іюлѣ 1835 г. ген.-губернаторомъ былъ уже Гурьевъ, но это не мѣшало и гр. Левашову оставаться еще въ Кіевѣ и собраться въ Петербургъ только 1-го сентября. Слѣд., письмо могло разумѣть и того и другаго. Но что значатъ иниціалы К. С.—не могу сказать. Любопытно знать, напечатала-ли „Пчела" сообщеніе о надписи къ Золотымъ Воротамъ и узналъ-ли гр. Левашовъ—кому онъ обязанъ опубликованіемъ этой нелѣпости, „апробованной его сіятельствомъ"?....

Нелѣпость ея отлично доказалъ сначала самъ Л—й, а затѣмъ и университетскій совѣтъ. Разборъ Л—го помѣщенъ въ его „докладной запискѣ", представленной 24 іюля 1835 г. графу Александру Дмитріевичу Гурьеву. Записка начинается такъ:

„Во избѣжаніе *публичной критики* и въ предохраненіе чести участвовавшихъ въ сочиненной надписи на Златыя Врата Ярославо-

вы, бар. Фитингофомъ устроенной, честь имѣю представить вашему сіятельству ходъ и разборъ сей надписи"....—Разсказавши, за тѣмъ, уже извѣстную намъ исторію своихъ сношеній съ Фитингофомъ Л—й переходитъ къ слѣд. разбору надписи:

„....Долгомъ поставляю объяснить сію надпись:

1) „*По соизволенію* Государя Императора Николая 1-го отрыты изъ вала въ 1832-го году"....

„Но Государь Императоръ, въ бытность свою 9 сентября 1832 г. въ Кіевѣ, нашелъ уже Златыя Врата *открытыми* и отрытыми мною *безъ Высочайшаго повелѣнія* съ пособіями и (по) убѣжденію генералъ-фельдмаршала князя Сакена, съ позволенія г. генералъ-губернатора гр. Левашова. И пройдя сквозь Врата, Всеавгустѣйшій Монархъ произнесъ слѣдующія слова: „памятникъ, достойный сохраненія!" Слѣдовательно, несправедливо въ надписи вырѣзано—„по соизволенію"....

„Далѣе: *отрыты*. .. *остатокъ* Златыхъ Вратъ, *сооружены*"....

„Здѣсь *нѣтъ смысла грамматическаго:* „отрыты" и „сооружены"—во множественномъ числѣ, а „остатокъ"—въ единственномъ. Погрѣшность противъ грамматическихъ правилъ!—У Златыхъ Вратъ остались *двѣ стѣны*, слѣдовательно—не одинъ „остатокъ", а „остатки"....

„Наконецъ: „при вел. кн. Ярославѣ 1-мъ около *1073 года* по Р. Х."

„По исторіи извѣстно, что в. к. *Ярославъ I скончался въ 1054 году*. Какимъ же образомъ сооружены Златыя Врата при Ярославѣ послѣ смерти его?—А сіе доказываетъ или невѣденіе исторіи, или сочинитель сей надписи *шутя* переставилъ цифры—единицы на мѣсто десятковъ, а десятки на мѣсто единицъ.... Извѣстно по исторіи: въ 1037 г. Ярославъ соорудилъ Златыя Врата, а не въ 1073 г.".

Возмущенный Л—й основательно далѣе говоритъ, заканчивая свою записку: „изъ всего вышеписаннаго позволительно заключить, что г. баронъ *Фитингофъ не за свое дѣло взялся*—сочинять таковую надпись, и тѣмъ неприличнымъ поступкомъ причинилъ казнѣ убытокъ, *а мнѣ обиду*, потому что публика должна отнести оную надпись сочиненію моему, въ которой я не участвовалъ, какъ мнѣ неизвѣстной, такъ и вредной для исторіи и для Отечества. Хотя она обдѣлана и въ прелестномъ видѣ на казенной счетъ, по прописан-

нымъ причинамъ не благоугодно ли будетъ вашему сіятельству *уничтожить* оную надпись и аппробовать приличную надпись Всеавгустѣйшаго Монарха слова: „Памятникъ, достойный сохраненія"—Златыя Врата Ярославовы XI вѣка, открытыя мною 9 сентября 1832 г. въ Кіевѣ".

Но на эту горячую просьбу „резолюціи не послѣдовало"—отмѣчаетъ на запискѣ Л—й. А чья-то хладнокровная къ поднятому вопросу рука помѣтила вверху записки: „отправить къ статскому совѣтнику Лохвицкому".... Вѣроятно вотъ послѣ этого-то отказа Л—й и написалъ Цимерману вышеприведенное письмо (слѣд.—отсюда можно заключить, что въ письмѣ рѣчь идетъ скорѣе о гр. Гурьевѣ, чѣмъ о гр. Левашовѣ)....

Но толки о неприличной надписи продолжались такъ настойчиво, что гр. Гурьевъ въ декабрѣ 1835 г. просилъ попечителя учебнаго округа затребовать мнѣніе университетскаго совѣта о надписи. 6-го февраля 1836 г. попечитель переслалъ Гурьеву слѣд. замѣчанія совѣта:

„Надпись состоитъ изъ *3-хъ частей*, или трехъ слѣдующихъ одно за другимъ выраженій: въ первомъ заключаются слова—„По соизволенію Государя Императора Николая 1-го, отрыты изъ бала въ 1832 году...."; слова втораго выраженія: „Остатокъ Златыхъ Вратъ...", а третьяго: „сооружены при великомъ князѣ Ярославѣ 1-мъ около 1037 года по Р. Х."

Совѣтъ университета ставитъ здѣсь „1037 г.", т. е.—тотъ именно годъ, въ который—по свидѣтельству лѣтописи—заложены Ярославомъ Золотыя Ворота. Этотъ годъ долженъ былъ стоять и въ надписи на Золотыхъ Воротахъ. Но мы знаемъ, что баронъ Фитингофъ вмѣсто „1037 г." вырѣзалъ на доскѣ—„1073 г.". Съ этимъ годомъ доска и красовалась на Воротахъ, какъ говоритъ Лохвицкій въ „докладной запискѣ" Гурьеву, поданной въ іюлѣ 1835 г. Въ февралѣ же 1836 г. университетскій совѣтъ увѣряетъ, что на доскѣ стоитъ „1037 г." Что же это значитъ?—Возможно, что послѣ замѣчаній Л—го бар. Фитингофъ постарался исправить самую грубую ошибку своей надписи, такъ что къ 1836 г. она уже была исправлена въ этомъ отношеніи. Но быть можетъ университетскій совѣтъ, вообще очень мягко критикующій „погрѣшности" надписи, просто обошелъ эту слишкомъ щекотливую ошибку въ хронологіи, надѣясь,

что она само собою исправится при составленіи новой надписи и вырѣзкѣ новой доски....

Продолжаю „замѣчанія“ университета.

„1) Разсматривая эти отдѣльныя надписи вмѣстѣ, нельзя не замѣтить, что *несогласованіе* въ числѣ существительнаго *„остатокъ“* съ глаголами *„отрыты“*—въ первой надписи и *„сооружены“* въ третьей, не смотря на то, что надписи *отдѣлены* одна отъ другой—при первомъ взглядѣ ощутительно для всякаго читающаго: это—грамматическая несообразность, препятствующая ровному и связному послѣдованію одного выраженія надписи за другимъ. Несообразности этой легко бы было избѣжать измѣненіемъ втораго выраженія: вмѣсто „остатокъ Златыхъ Вратъ“—можно бы было написать: „Златыя Врата“.

„2) Вообще въ размѣщеніи 3-хъ частей надписи одной за другою избранъ *порядокъ самый не естественный* и неправильный, отчего и происходитъ какая-то неопредѣлительность, неясность въ надписи. Прежде означено—когда Златыя Врата отрыты изъ вала, а послѣ—когда они сооружены. Между тѣмъ, какъ естественный порядокъ требовалъ бы означить прежде самый предметъ—памятникъ, далѣе—время сооруженія онаго, и наконецъ—дальнѣйшую его судьбу. Слѣдовательно, удерживая видъ и объемъ надписи существующей, должно бы было вторую часть ея перенести на первое, первую на третье, а третью на второе мѣсто“.

„3) Весьма не безполезно бы было нѣсколько *познакомить читающаго* надпись не съ первымъ только началомъ и послѣднимъ открытіемъ этого памятника древности, но вообще *съ исторіею* его, какъ это и сдѣлано въ проектѣ надписи, составленномъ въ совѣтѣ университета. Въ противномъ же случаѣ онъ (памятникъ) останется такъ сказать нѣмымъ для большей части зрителей“.

„4) Наконецъ, по мнѣнію совѣта, слова: „при Ярославѣ I-мъ“—лучше бы было замѣнить словами: „при *Ярославѣ Владиміровичѣ*“. На памятникѣ имя соорудителя должно носить слѣды того времени, въ которое сооруженъ памятникъ. Великій же князь Ярославъ извѣстенъ своему вѣку, лѣтописямъ и преданіямъ подъ именемъ Ярослава Владиміровича, и имя „Ярославъ Владиміровичъ“ гораздо многозначительнѣе, роднѣе русскому сердцу, нежели имя „Ярославъ I-й“....

Сообщая генералъ-губернатору эти замѣчанія университетскаго совѣта, попечитель, съ своей стороны, находитъ ихъ „основательными“.

Однако, и эта „основательныя“ замѣчанія не подвинули дѣла впередъ.... „Неприличная надпись“ по прежнему безобразила Золотыя Ворота. Такъ оставалось дѣло и въ 1837 и 1838 годахъ. Въ 1837 г. Л—й ходатайствовалъ предъ Кіевскимъ Комитетомъ Древностей „о перемѣнѣ неприличной надписи, на Златыхъ Вратахъ повѣшенной, которую графъ *Бенкендорфъ предписывалъ снять*“.... Но и сильная рука гр. Бенкендорфа, нарочно писавшаго гр. Гурьеву о снятіи надписи, не помогала дѣлу: *и въ 1838 г.* Л—й пишетъ въ одной изъ своихъ „записокъ“, что „неприличная надпись.... по сіе время *не снята*.... на посмѣяніе врагамъ Россіи“....

О дальнѣйшей судьбѣ надписи въ бумагахъ К. А. Лохвицкаго нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

IV.

Хлопоты Лохвицкаго о наградѣ за открытіе Золотыхъ Воротъ и проч. (1833—38 гг.).

Усердно занимаясь раскрытіемъ кіевскихъ древностей, К. А. Лохвицкій не забывалъ и себя, и во все описываемое время (1833—38 гг.) не разъ принимался хлопотать о вознагражденіи за открытіе Золотыхъ Воротъ и другихъ памятниковъ старины ... Впрочемъ, эти хлопоты его довольно извинительны, такъ какъ собственныя средства Л—го были невелики, а правительственная субсидія выдавалась въ очень скромныхъ размѣрахъ, да и та находилась въ распоряженіи не Лохвицкаго, а Комитета Древностей, который относился къ К. А-чу далеко не сочувственно и ставилъ ему всевозможныя препятствія. Съ 1833 г. начинаются жалобы Л—го на помѣхи со стороны Комитета Древностей и продолжаются до 1838 г.

Такъ, еще въ 1833 г. Л—й писалъ въ одной изъ своихъ докладныхъ записокъ гр. Левашову, что „за открытіе „памятниковъ, достойныхъ сохраненія“ на счетъ заслуженнаго мною великимъ трудомъ и 40-ка лѣтнею службою царскаго жалованья—я *не* *въ Коми-*

тетъ Кіевскомъ, но въ соотчичахъ (sic) Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ ожидаю себѣ признательности"... Очевидно и въ это время отношенія Л—го къ „Временному Комитету Изысканія Древностей въ Кіевѣ" настолько обострились, что Л—й считалъ возможнымъ не скрывать этого и въ оффиціальныхъ своихъ бумагахъ....

Въ послѣдствіи онъ еще рѣзче выражался о Комитетѣ. Въ 1838 г. Л—й писалъ, что Комитетъ „во всѣхъ открытіяхъ моихъ дѣлаетъ *препятствія*, а открытые (мною) *памятники* остаются *въ небреженіи*: одни безъ разбору *истребляются*, а другіе распоряженіемъ самого Комитета, по предсѣдательству г. *Фонбратке, портятся*...." (здѣсь Л—й разумѣетъ, между прочимъ, вышеупомянутое скрѣпленіе Золотыхъ Воротъ желѣзными прутьями и пристройку контрфорсовъ). Въ томъ же году жаловался онъ министру нар. просвѣщенія, что *„по 12-ти* докладнымъ запискамъ, представленнымъ (въ 1837 г.) Комитету Древностей, *нѣтъ* по сіе время разрѣшенія"...

Комитетъ въ 1838 г. составляли слѣд. лица: предсѣдателемъ былъ попечитель Кіевскаго учебнаго округа Е. Ф. фонъ-*Брадке*, а членами—ректоръ университета св. Владиміра *К. А. Неволинъ*, ординарные профессора: *И. Даниловичъ*, *М. А. Максимовичъ*, *С. Зѣновичъ* и *С. Орнатскій*, директоръ 1-й Кіевской гимназіи *А. Петровъ* и испр. должность адъюнкта *А. Ставровскій*. Кромѣ того, иногда приглашались въ засѣданія извѣстный кіевскій археологъ *М. Берлинскій*, строитель Десятинной церкви гвардіи поручикъ *Анненковъ* и др. лица.

Раньше и Лохвицкій состоялъ членомъ Комитета, но къ этому времени вышелъ изъ его состава и сталъ въ явно враждебныя отношенія къ нему. Особенно враждовалъ онъ съ попечителемъ Брадке. Отношенія ихъ крайне обострились въ 1838 г., когда Брадке уволилъ Л—го, вопреки его желанію, отъ завѣдыванія *университетскимъ музеемъ* древностей, которымъ Л—й управлялъ со дня открытія его въ 1836 г., безъ всякаго денежнаго пособія отъ университета. За пожертвованіе „болѣе 100 предметовъ древностей", послужившихъ основою музея, Л—й получилъ отъ университетскаго совѣта званіе *„почетнаго благотворителя"*....

Оскорбленный такимъ изгнаніемъ изъ музея, открытаго по его же мысли и только благодаря его богатому вкладу [1]), Л—й прямо писалъ

[1]) [redacted] вкладъ Лохвицкаго въ музей состоитъ: 1) изъ кирпичей, обломковъ

въ 1838 г., что предсѣдатель Комитета „*мститъ* мнѣ *за отца своего* сенатора фонъ Братке“.... Въ письмѣ того же 1838 г. къ министру народнаго просвѣщенія Л—й подробнѣе разъясняетъ причину „личностей“ къ нему Брадке. Л—й говоритъ: „г. предсѣдатель Временнаго Комитета, истребовавъ мой послужной списокъ и прочіе подлинные документы по службѣ, видѣлъ, что *отецъ* его фонъ-Братке, будучи сенаторомъ и правящимъ должность *государственнаго контролера, предалъ меня* 8 августа 1817 г. *суду*, по проискамъ подсудимаго въ правительствующемъ сенатѣ подрядчика (морскаго вѣдомства) купца *Касиковскаго*. Но судъ и сенатъ, и Совѣтъ (Государственный), и конфирмація Государя Императора Александра I-го *оправдали меня*, признавъ по службѣ мое отличіе, по нахожденію моему начальникомъ 1-го отдѣленія *Адмиралтействъ Счетной Экспедиціи*, гдѣ я отыскалъ пропадавшее дѣло о недовозахъ онаго Касиковскаго казеннаго хлѣба на сумму до 800,000 рублей, который капиталъ долженъ бы быть или пропавшимъ, или въ частныхъ рукахъ. Законъ повелѣваетъ: предающихъ суду невинныхъ чиновниковъ, и тѣмъ болѣе по пристрастію, за отличіе по службѣ и оправданныхъ—должно судить, не взирая ни на какое лице, предателей, потому что пристрастіе равняется смертоубивству. Вотъ первая причина личности противъ меня г. предсѣдателя Комитета фонъ-Братке!“....

Впрочемъ, о другихъ „причинахъ личности“ Брадке Л—й не говоритъ. Какъ бы тамъ ни было—правъ-ли Л—й въ своемъ объясненіи причины вражды къ нему Брадке, или не правъ, но Комитетъ Древностей, предсѣдательствуемый фонъ-Брадке, скупо отпускалъ Л—му деньги изъ ежегодно ассигнуемой казною суммы въ 1500 р. на раскрытіе и поддержку кіевскихъ древностей. Такъ, еще въ 1833 г. Л—й представилъ гр. Левашову „докладную записку“ слѣд. содержанія:

Лѣтомъ этого года подполковникъ *Загурскій*, чиновникъ особыхъ порученій генералъ-губернатора, доложилъ послѣднему, что за

камней и т. п. 2) изъ древностей поддѣльныхъ: копіе Ярослава, пшеница св. Андрея, новодѣльные вериги, голосники и т. п.—Въ числѣ 100 предметовъ едва 5—6 имѣютъ археологическое значеніе. *Прим. Ред.*

работы, произведенныя Л—мъ по раскрытію Золотыхъ Воротъ и остатковъ Ининской церкви, слѣдуетъ ему выдать „до 200 рублей". Л—й находитъ расчетъ Загурскаго неосновательнымъ: „изъ прилагаемаго мною отзыва къ нему, г. Загурскому, удостойте познать, что оное донесеніе гадательно, по сей причинѣ и резолюція вашего сіятельства можетъ быть противоположна"....

Въ отвѣтъ на сообщеніе статсъ-секретаря *Донгинова* (см. выше) о высочайшемъ разрѣшеніи Л—му продолжать раскрытіе древностей, гр. Левашовъ—говоритъ Л—й въ той же докладной запискѣ—увѣрялъ его „въ готовности воспользоваться первымъ случаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ моихъ по открытію древностей къ исходатайствованію для меня Высочайшей Милости. 4-го іюля № 7026-мъ также подтвердили, что труды мои въ открытіи историческихъ древностей *не останутся* безъ надлежащаго вниманія и *возмездія*"....

Описавши свои послѣднія открытія у Золотыхъ Воротъ (см. выше) и Ининской церкви, Л—й продолжаетъ: „исполнивъ волю монаршую и вашего сіятельства предписанія, просилъ я васъ, сіятельнѣйшій графъ, 2 іюня № 10-мъ, повергнуть труды мои со всею находкою Золотыхъ Воротъ и св. Ириною и *издержками моими* при раскрытіяхъ моихъ—предъ Всемилостивѣйшимъ Монархомъ. При семъ прошеніи приложилъ я записку о службѣ моей. Но вмѣсто исходатайствованія обѣщанной милости монаршей можно-ли, *чтобъ я лишенъ* былъ не только *найденныхъ древностей и собственности своей* безъ воли Высочайшей, по одному только гадательному донесенію г-на Загурскаго?—*Златыя Врата и св. Ирину посвящаю* всеавгустѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу и отъ Его Величества ожидаю резолюціи высочайшей"....

Записка оканчивается вышеприведенными словами Л—го, что онъ ждетъ „признательности" не отъ кіевскаго комитета Древностей, а отъ „соотчичей" Моск. Общества Ист. и Др. и, „что обязывъ совѣсть мою благодарностію *говорить и писать правду* благодѣтелю, ожидаю справедливости вашего сіятельства"...

Но никакой „справедливости" Л—й не дождался отъ гр. Левашова: 14 августа того же 1833 г.—какъ пишетъ Л—й въ Моск. Общ-во Ист. и Др.—графъ сообщилъ Л—му, „что *по упражненіямъ* моимъ отъ меня зависитъ обращаться и *ожидать награды* отъ Общества Исторіи и Древностей"....

Разсказавши, затѣмъ (въ письмѣ отъ 20 августа), Обществу Ист. и Др. о вышеприведенныхъ (въ докладной запискѣ) обѣщаніяхъ Левашова, Л—й продолжаетъ, что такъ какъ „предлагаемыхъ мнѣ (Левашовымъ) *200 р. не принялъ* за *щебень* отрытый св. Ирины, а о щебнѣ семъ предоставилъ его сіятельству распоряжаться для пользы города по данной власти ему свыше (какъ извѣстно этотъ древній щебень пошелъ *въ основаніе мостовыхъ* кіевскихъ, чѣмъ не мало возмущался Лохвицкій....), то памятники—Золотыя Ворота и церковь древнюю (св. Ирины) *посвящаю* великодушному покровителю знаменитаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, а самое *раскрытіе на свой счетъ* сихъ древностей, посильный трудъ и усердіе мое *жертвую* любезнымъ соотчичамъ моимъ сего Общества, коего имѣю счастіе быть соревнователемъ“....

Но видно эта „жертва“, дѣйствительно, была не легка Л—му: по крайней мѣрѣ и въ слѣдующихъ годахъ Л—й продолжалъ хлопотать о „возмездіи“ за понесенные расходы по раскрытію кіевскихъ древностей. Такъ, за 1834 г. встрѣчаемся съ новою докладною запискою Л—го гр. Левашову, отъ 5 февраля, гдѣ Л—й писалъ между прочимъ:

„Помазанникъ Святаго Истиннаго всемилостивѣйшій Государь Императоръ...., снисходя на посильное усердіе, удостоилъ всеподданнѣйшее мое прошеніе вручить покровительству благодѣтельной десницы вашего сіятельства. По высочайшей власти предписать мнѣ изволили ваше сіятельство продолжать открывать древности отечественной исторіи богоспасаемаго града Кіева, и я, подкрѣпляемый помощію Божіею, въ покорности моей осмѣливаюсь повергнуть открытій моихъ два плана Золотыхъ Воротъ и церкви св. Ирины, съ описаніями оныхъ и запискою о Златыхъ Вратахъ. По отношеніямъ вашего сіятельства объ исходатайствованіи *суммы* на раскрытія древностей, мною продолжаемыя.... *я не имѣю* о послѣдствіи *Высочайшей резолюціи*, то, въ надеждѣ на великодушное вашего сіятельства въ дѣлахъ моихъ покровительства и обо мнѣ ходатайства у великаго Государя, всепокорнѣйше прошу почтить меня предписаніемъ и распоряженіемъ, слѣдующихъ раскрытій древностей въ Кіевѣ продолжать ли оныя мнѣ *на свой счетъ* или на казенный?“....

Въ письмѣ Л—го къ неизвѣстному лицу, въ 1835 г., читаемъ между прочимъ: „за посильный трудъ и усердіе мое *представляя*

неоднократно гр. *Левашову* г-ну министру внутреннихъ дѣлъ, для доклада Государю Императору, объ обращеніи жалованья и квартирныхъ денегъ въ пенсіонъ, возвыся оный столовыми 2000 рублями, но не имѣю счастія по это время получить сей милости, о чемъ извѣстно по канцеляріи кіевскаго военнаго губернатора".

Любопытно слѣд. заключеніе этого письма: „въ текущемъ 1835 г. никакихъ открытій древностей не было, по причинѣ особеннаго мнѣ порученія отъ генералъ-губернатора и по выбору отъ дворянства депутатомъ при обревизованіи домовъ и измѣреніи въ нихъ комнатъ для уравнительнаго воинскаго постоя по кіевской Квартирной Комиссіи, *и по недозволенію раскрывать древности* г-мъ военнымъ губернаторомъ графомъ Гурьевымъ".... Очевидно, Л—й не могъ похвалиться хорошими отношеніями къ гр. Гурьеву уже въ самомъ началѣ его пріѣзда въ Кіевъ.

О тѣхъ же хлопотахъ говоритъ и слѣд. письмо Л—го къ другому неизвѣстному лицу („его превос-ву"), кажется 1836 г. (даты нѣтъ): „прошедшаго года ваше пр-во сами были свидѣтелемъ открытія древностей кіевскихъ, обще съ графомъ Василіемъ Васильевичемъ (Левашовымъ). И его сіятельство по обѣщанію представилъ истекшаго августа 25-го, за № 87-мъ, г-ну министру внутреннихъ дѣлъ его пр-ву Димитрію Николаевичу (*Блудову*) объ исходатайствованіи мнѣ у всемилостивѣйшаго Государя столовыхъ по 2 тысячи въ годъ, *за мои* посильные труды и *открытіе кіевскихъ древностей*, частію на свой коштъ, для исторіи отечественной. Но какъ по сіе время не выходитъ сія награда, то, по вашей любви къ истинной добродѣтели—здѣлайте милость, пособите мнѣ, чрезъ кого слѣдуетъ, о семъ предметѣ, совокупно съ Иваномъ Ѳедоровичемъ *Журавлевымъ* и Петромъ Сергѣевичемъ *Кайсаровымъ*".

Пока друзья Л—го хлопотали по его ходатайству о „наградѣ" за раскрытіе кіевскихъ древностей, въ 1837 г. онъ былъ порадованъ пожалованіемъ ему *перстня* отъ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Л—й такъ разсказываетъ объ этомъ радостномъ для него событіи (въ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія, отъ 21 марта 1838 г.): въ бытность въ 1837 г. въ Кіевѣ (вмѣстѣ съ Государемъ) „Наслѣдникъ всероссійскаго престола *съ уваженіемъ* удостоилъ *принять древности* и всѣ *памятники* принялъ *въ свое покровительство*, потому что я *на счастіе Его* Импер-го Высочества ихъ

раскрылъ; а въ одобреніе трудовъ моихъ по службѣ пожаловалъ мнѣ драгоцѣнный *перстень*“....

Но хлопоты о пенсіи или о столовыхъ деньгахъ и въ 1838 г. продолжались, повидимому, также безуспѣшно. По крайней мѣрѣ въ томъ же письмѣ министру народнаго просвѣщенія, отъ 21 марта 1838, Лохвицкій пишетъ, между прочимъ, что министръ удостоилъ его „великодушно защищать“ отъ притѣсненій кіевскаго попечителя фонъ-*Брадке*, „взявъ на себя посильные труды мои и объ нихъ ходатайствовать—о *денежной наградѣ*, по недостаточному состоянію моему, которое истощилъ я на обогащеніе исторіи отечественной по открытіямъ тѣхъ памятниковъ кіевскихъ, которые всеавгустѣйшій монархъ Николай I-й призналъ „достойными сохраненія“....

Увѣнчались ли эти хлопоты К. А. Лохвицкаго какимъ успѣхомъ и когда именно—изъ сохранившихся бумагъ его не видно.

Н. Оглоблинъ.

ОПИСАНІЕ ЧЕРНОМОРЬЯ,

составленное Эмидіемъ д'Асколи въ 1634 г.

—

Историческая географія нашего отечества немало обязана старой итальянской картографіи и литературѣ путешествій по землямъ, прилегающимъ къ Черному Морю, и по смежному Востоку. Эти страны интересовали и привлекали предпріимчивыхъ итальянцевъ уже съ XIII в. либо по тому, что представляли поле для религіозной пропаганды, либо вслѣдствіе обширныхъ торговыхъ оборотовъ, какіе совершали тамъ Генуя и Венеція, либо, наконецъ, въ виду политическихъ плановъ, возникавшихъ въ связи съ торговыми предпріятіями и политикою папъ. Къ этимъ главнымъ побужденіямъ присоединялся нерѣдко мотивъ любознательности, направлявшій во всѣ вѣка къ путешествіямъ въ отдаленные края. Многія изъ путешествій итальянцевъ по Черноморью и смежнымъ землямъ не прошли безслѣдно для потомства, благодаря тому, что были увѣковѣчены въ запискахъ.

Въ русской исторической литературѣ извѣстенъ цѣлый рядъ такихъ мемуаровъ, составленныхъ итальянцами и представляющихъ для нея значительный интересъ. Во главѣ ихъ можетъ быть поставлена столь цѣнная для исторіи востока въ половинѣ XIII в. записка францисканца Плано-Карпини, путешествовавшаго ко двору великаго хана въ 1246 и 1247 гг. и проѣзжавшаго чрезъ южную Русь. За этимъ описаніемъ слѣдуетъ относящаяся къ концу XIII в. запись со словъ знаменитѣйшаго путешественника среднихъ вѣковъ, Марко Поло, о пребываніи его въ Татаріи, о татарахъ, земляхъ имъ подвластныхъ и о другихъ странахъ Востока. Къ сожалѣнію, М. Поло не призналъ возможнымъ сообщить много данныхъ о Россіи По мѣрѣ приближе-

нія къ XVI—XVII вв. количество такихъ матеріаловъ увеличивается. Не такъ давно акад. А. Н. Веселовскій помѣстилъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ изложеніе итальянской записки XIV в., относящейся къ Крыму. Описанія путешествій Венеціанцевъ Барбаро (съ 1436 г.) и Контарини (1474—77) извѣстны въ нашей исторической литературѣ уже съ 30-хъ годовъ, такъ какъ вошли въ „Библіотеку иностранныхъ путешествій по Россіи“ В. Н. Семенова [1]). Названный уже нами А. Н. Веселовскій напечаталъ „Нѣсколько географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о древней Россіи изъ разсказовъ Италіянцевъ“ [2]). Въ этой статьѣ 1) по книгѣ: „La Republica di Venezia e la Persia,“ составленной Берше (Guglielmo Berchet), изложены „Разсказы о Россіи Венеціанцевъ, ѣздившихъ въ Персію въ XVI и XVII вѣкахъ,“ между прочимъ, даны свѣдѣнія о путяхъ, которыми направлялись путешественники и торговые караваны изъ средней Азіи на Западъ, и (на стр. 728) говорится кратко объ опасности, грозившей Константинополю отъ козацкихъ чаекъ (saiche). Затѣмъ 2) по рукописи Флорентійской національной библіотеки переданъ написанный въ 1504 (?) г. [3]) разсказъ генуэзца Георгія „О бытѣ и нравахъ Черкесовъ,“ который можетъ быть сопоставленъ съ частью „описанія“ Черноморья д'Асколи, относящеюся къ тѣмъ же народцамъ. Наконецъ, 3) сообщенъ переводъ „Смѣхотворнаго путешествія Лактанція Рокколини въ Московію,“ составляющаго 82-ю новеллу сборника повѣстей Малеспини.—Записка P. Duodo о Польшѣ была списана П. Я. Макаровымъ для Кулиша и была сообщена послѣднимъ Костомарову [4]).—Довольно значительное количество печатныхъ итальянскихъ брошюръ о козацкихъ подвигахъ въ концѣ XVII в. указано въ статьѣ Костомарова: „Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго творчества“ [5]).—Въ „Запискахъ Одесскаго Об-

---

[1]) Т. I, 1836.—О запискахъ Барбаро, Контарини и Caterino Zeno (1471 г.) см. въ книгѣ *P. Zurla*, Di Marco Polo e degli altri Viaggiatori Veneziani, vol. II, In Venet. MDCCCXVIII, p. 199 и слѣд.

[2]) Записки И. Р. Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи, т. II, Спб. 1869, стр. 719—746.

[3]) Повидимому, это описаніе было напечатано въ Венеціи въ 1502 г. и перепечатано Рамузіемъ См. *Amat di San Filippo*, Bibliografia de' Viaggiatori italiani, Roma 1874, p. 130.

[4]) Основа, 1861, № 10, стр. 41—42.

[5]) Русская Мысль, 1880, № 1.

щества исторіи и древностей“ былъ помѣщенъ переводъ [1]) доклада объ образѣ жизни и нравахъ Татаръ Перекопскихъ, Ногаевъ, Черкесовъ, Абхазцевъ, Мингреловъ и Грузинъ, относящагося къ 1624—26 гг. и составленнаго доминиканцемъ Giovanni da Lucca, товарищемъ д'Асколи, автора изданнаго нами памятника; французскій, не совсѣмъ полный, переводъ этой реляціи, принадлежащій Thevenot, былъ напечатанъ въ 1672 и 1696 гг. Въ переводъ этотъ были включены нѣкоторыя свѣдѣнія, которыхъ нѣтъ въ оригиналѣ. Итальянскій подлинникъ записки Giovanni da Lucca былъ напечатанъ лишь въ настоящемъ столѣтіи въ книгѣ Ciampi [2]): „Bibliographia critica delle antiche reciproche corrispondenze dell'Italia colla Russia colla Polonia ed altri parti settentrionali“ [3]) и можетъ представить интересъ для читателей „Описанія Чернаго Моря и Татаріи“ д'Асколи, потому что написанъ лишь восемью годами ранѣе [4]).

Что до произведенія д'Асколи, то, сколько намъ извѣстно, оно доселѣ не было издано. Оно найдено нами въ рукописяхъ Пражской королевской библіотеки въ числѣ Codices Italici и хранится подъ значкомъ: Bibl. Kinsk.: m. F. VIII. 380. Манускриптъ, помѣченный 1634 г., относится, повидимому, къ тому именно времени и, быть мо-

---

[1]) Т. XI. Г. Юрченко, которому принадлежитъ этотъ переводъ „Описанія Перекопскихъ и Ногайскихъ Татаръ, Черкесовъ, Мингреловъ и Грузинъ,“ Жана де Люка, пользовался лишь голландскимъ и французскимъ переводами и не зналъ даже точно, на какомъ языкѣ былъ написанъ оригиналъ „Описанія.“

[2]) О Чампи см. въ „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи,“ изд. Калачовымъ, кн. I, Спб. 1860.

[3]) T. II, Fir. 1839, p. 62 и слѣд.

[4]) Къ сопоставленію съ изданнымъ нами памятникомъ можетъ служить еще описаніе Колхиды или Мингреліи, составленное Lamberti Arcangelo (переводъ см. въ XI т. „Записокъ Од. Общества“), а также пригодны другіе матеріалы, помѣщенные въ тѣхъ же Запискахъ (т. II, VIII и IX), и равно въ польскихъ изданіяхъ. Отмѣтимъ, напр., выдержки изъ донесеній англійскаго посла въ Цареградѣ Sir Thomas Roe, помѣщенныя у *Niemcewicz-a*: „Zbior pamiętnikow o dawnej Polsce,“ t. V, w Puławach, str. 427—455; „La lettre d'un gentilhomme de monsier le Baron de Cesi, ambassadeur pour le Roy en levant. et un de ses amis. Touchant la prise de cinq galeres turques, et autres grand exploicts. Guerre faicts par les Cosaques et Polonois sur les Turcs et les Tartares“ [съ Парижскаго изданія 1620 г. перепечатано у *Ternaux-Compans,* Archives des voyages, t. II, Par. (1845), p. 352—354]; и т. п. Нѣкоторые подобные матеріалы хранятся въ рукописяхъ; см., напр., MS. 209 въ библіотекѣ Оссолинскихъ: Katalog rękopisów, zesz. II, 556 и слѣд.

жетъ, близокъ по происхожденію къ оригинальной рукописи [1]). Онъ состоитъ изъ пятидесяти листковъ въ форматъ книги in-8° [2]). Бумага этой рукописи плотна, гладка и вообще хорошаго достоинства; письмо довольно чистое. Переплетено это произведеніе въ красный сафьянъ, съ тисненіемъ золотомъ по краямъ. На оборотѣ верхней обертки наклеенъ гербъ Kinske. Судя по переплету, манускриптъ былъ въ значительномъ употребленіи.

Во время пребыванія нашего въ Прагѣ осенью 1879 г. мы лично списали наиболѣе заинтересовавшія насъ мѣста изданнаго теперь памятника. Не успѣвъ, по недостатку времени, снять полную копію, мы просили позаботиться объ изготовленіи ея А. О. Патеру. Г. Патера исполнилъ нашу просьбу со свойственною ему любезностію и сдѣланный по его порученію списокъ лично свѣрилъ съ подлинною рукописью, за что считаемъ долгомъ выразить ему нашу благодарность.

Авторъ изданнаго нами описанія Emiddio Dortelli d'Ascoli былъ доминиканскимъ монахомъ; онъ вошелъ въ составъ миссіи, снаряженной въ 1624 г. [3]), и во время составленія записки о Черноморьѣ жилъ по преимуществу въ Кафѣ, гдѣ состоялъ въ званіи „префекта Кафы, Татаріи и проч.“ [4]). Онъ принадлежалъ къ числу итальянскихъ миссіонеровъ, какихъ было тогда, повидимому, немало.

Тѣ скудныя данныя о d'Ascoli, какія дошли до насъ, почерпаются почти исключительно изъ его произведенія, въ которомъ по мѣстамъ онъ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ [5]). Былъ онъ любознателенъ—недаромъ говоритъ въ началѣ „Описанія“ о вообще присущемъ

---

[1]) Если судить по поправкѣ на л. 45, этотъ манускриптъ былъ переписанъ съ другаго, вѣроятно—съ черноваго.

[2]) За этими пятьюдесятью листками слѣдуютъ 16 листковъ чистыхъ, такъ что рукопись не заключаетъ ничего, кромѣ изданнаго нами „Описанія.“

[3]) См. стр. 29 изданнаго нами текста —О д'Асколи имѣется упоминаніе въ донесеніи Giovanni da Lucca, который называетъ нашего автора Emidio Portolli, Lett. Dom. Ciampi II, 62. D'Ascoli упоминаетъ, въ свою очередь, о Giov. da Lucca: стр. 40—„il Padre Gio: da Lucca, *mio compagno.*“—Католическая проповѣдь среди татаръ началась довольно рано—уже въ XIII в. См. *L. de Backer*, L'extreme orient au moyen-age, Par. 1877, p. 20 suivv.

[4]) Очевидно—prefetto *de le missioni:* ср. Ciampi, I, 63.

[5]) См. во вступленіи и на стр. 20.

человѣку стремленіи къ знанію—и довольно образованъ. Онъ часто приводитъ изреченія на латинскомъ языкѣ, ссылается на Метафизику Аристотеля, на какого-то философа, имъ не названнаго, на Vita di S. Clemente Papa, на какія-то Historie [1]) и на Св. Писаніе. Д'Асколи составилъ для Левантскихъ миссіонеровъ „обширный словарь на языкахъ итальянскомъ, греческомъ, турецкомъ и армянскомъ, со всѣми именами, глаголами, нарѣчіями, изреченіями, обрядами и готовыми обращеніями и отвѣтами, со включеніемъ болѣе необходимыхъ терминовъ, относящихся къ душѣ человѣка и церкви.“ Потомъ онъ изложилъ кратко для тѣхъ же миссіонеровъ всѣ догматы, противные ученію католической церкви, съ указаніемъ основаній, на которыя опираются эти догматы, и съ опроверженіемъ послѣднихъ. Онъ подробно пересказалъ далѣе исторію происшедшихъ при немъ замѣшательствъ въ Крыму [2]), свидѣтетемъ которыхъ онъ былъ [3]), а именно, исторію низложенія и умерщвленія хана Мегметъ-Гирея. Онъ включилъ этотъ разсказъ въ послѣднее изъ извѣстныхъ намъ его произведеній—описаніе Чернаго Моря и Татаръ, составленное для удовлетворенія любопытства тѣхъ, которые пожелали бы знать что-нибудь объ этихъ краяхъ.

Время написанія „Descrittione“—1634-й годъ—указано какъ въ концѣ его, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ „Описанія“ [4]). Составлено это „Descrittione“ по личнымъ наблюденіямъ автора во время десятилѣтняго пребыванія въ Крыму [5]), когда д'Асколи имѣлъ возможность многое видѣть какъ на Таврическомъ полуостровѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Черноморья [6]); сверхъ того, о многомъ онъ могъ слышать отъ очевидцевъ [7]).

Такимъ образомъ, „Описаніе Чернаго Моря и Татаріи,“ составленное д'Асколи, полагаемъ, не безъинтересно, какъ записка внима-

---

[1]) Въ этихъ Historie говорилось о Кафѣ—стр. 27.

[2]) Стр. 16.

[3]) Стр. 16, 20.

[4]) На стр. 26 читаемъ прямое указаніе: „questo Anno 1634;“ на стр. 44 упомянуто о 1633 г., какъ о прошломъ.

[5]) На стр. 3, 14, 25 прямо говорится о 10-лѣтиемъ пребываніи автора въ Татаріи.

[6]) Въ предисловіи онъ говоритъ, что ему приходилось много разъ плавать по Черному морю; между проч. онъ бывалъ въ Черкасіи (стр. 37).

[7]) Такъ, онъ ссылается на своего пріятеля генуэзца, который былъ беемъ въ Танѣ (стр. 23), и др.

тельнаго, толковаго и безпристрастнаго наблюдателя, хорошо изучившаго тѣ страны, о которыхъ онъ повѣствуетъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, отличаются вѣрностью и нерѣдко подтверждаются разсказами Giovanni da Lucca [1]) и другихъ путешественниковъ. Потому позволяемъ себѣ думать, что д'Асколи займетъ не послѣднее мѣсто въ ряду старыхъ писателей, оставившихъ намъ свѣдѣнія о Крымскихъ татарахъ, о козакахъ Польши и Московскаго государства и о разныхъ племенахъ Кавказскаго перешейка.

Изложимъ кратко содержаніе записки д'Асколи. Какъ показываетъ самое заглавіе ея, описаніе распадается на двѣ части.

Въ первой вначалѣ говорится о трехъ названіяхъ, какія носило встарину Черное море [2]) (Mar negro, Mar maggiore, Mare Pontico); и объясняются эти названія. Прозвище Mar maggiore возникло по тому, что въ это море впадаютъ наибольшія рѣки въ Европѣ, Дунай и Il Nipro, по турецки—Osu [3]). Ширина Днѣпра столь значительна, что артиллерійскій снарядъ не можетъ долетѣть съ одного берега до другаго. Изъ этой рѣки выплываютъ на своихъ чайкахъ (saichè) польскіе козаки для грабежа по Черному морю. Козаки же московскіе спускаются въ Великое море Танаисомъ. Названія Чернаго заслуживаетъ это море, между прочимъ, и въ переносномъ смыслѣ—по тѣмъ несчастіямъ, которыя причиняетъ крушеніемъ кораблей. Въ особенности чернымъ и страшнымъ является оно, говоритъ авторъ, въ наше время по причинѣ множества чаекъ, которыя въ теченіе всего лѣта не даютъ покоя ни на морѣ, ни на сушѣ. На самой границѣ Руси, подвластной Польшѣ, на р. Нипрѣ (по турецки Osà) есть стремнины и лѣса. Поселившіеся тамъ Россы, иначе именуемые козаками, лѣтъ 30 назадъ, чтобы мстить татарамъ, ежегодно грабившимъ ихъ, начали спускаться по этой большой рѣкѣ Osà, откуда получили названіе Osà Casach. Входя въ Черное море, они причиняли немало вреда приморскимъ мѣстностямъ Татаріи и остальному побережью и обирали мелкія суда на морѣ. Видя изъ года въ годъ, какъ легко достается имъ добыча, козаки умножились и дошли до того, что 10-ть

---

[1]) Нѣкоторыя подробности совпадаютъ у обоихъ.

[2]) Ср. о названіи „Черное море“ въ Géograahie d'Aboulféda, trad. de l'arabe en français par Reinaud, t. II, prem. partie, Par. MDCCCXLVIII, p. 38.

[3]) О названіи Днѣпра Azzou—ib., p. 80.

лѣтъ тому назадъ выступили въ количествѣ болѣе 300 (чаекъ), сразились со всѣмъ флотомъ султана и, по словамъ бывшихъ тамъ, если-бы посчастливилось, то въ день битвы не воротилась бы назадъ ни одна галера, такъ какъ козаки пробрались до Тимона della Reale [1]). Съ того времени и до настоящаго ежегодно выходитъ въ море 30, 40, 50 и болѣе (чаекъ), и козаки причиняютъ такой жестокій уронъ, что стали необитаемы берега всего Чернаго моря, за исключеніемъ мѣстъ, защищенныхъ хорошими укрѣпленіями.—Авторъ нѣсколько останавливается на опустошеніяхъ, производимыхъ козаками, говоритъ о смѣлости, какой исполнились послѣдніе, объ ихъ чайкахъ и атаманахъ, о присутствіи поляковъ среди козаковъ, о страхѣ, внушаемомъ послѣдними, о столкновеніяхъ турокъ съ поляками изъ-за козаковъ, о невозможности для поляковъ соблюсти договоръ съ султаномъ касательно укрощенія козаковъ и, наконецъ, объ общеніи козаковъ польскихъ съ московскими.

Итакъ, Черное море по справедливости носитъ такое названіе, умѣстное не только въ силу отсутствія хорошихъ портовъ на немъ и благодаря чайкамъ, но также и вслѣдствіе обманчивыхъ выходовъ изъ него.

Но то же море доставляетъ немало и благъ. Изъ него идутъ такіе товары, какъ хлѣбъ, разныя рыбы, соль, скотъ и рабы. Заговоривъ о торговомъ движеніи, имѣющемъ мѣсто на Черномъ морѣ, д'Асколи указываетъ главные торговые пункты Черноморскаго побережья; таковыми были Abbasa, гдѣ въ извѣстные годы происходила какъ бы ярмарка, и Тана; но посѣщеніе этихъ пунктовъ было сопряжено съ значительными трудностями.

Слѣдуетъ опредѣленіе длины и ширины Чернаго моря, разстоянія разныхъ приморскихъ городовъ одного отъ другаго и описаніе этихъ городовъ, начиная съ Анатолійскихъ, причемъ передаются и легенды о нѣкоторыхъ изъ нихъ; авторъ нѣсколько останавливается на Regli, Mastra (или Famastra) и Sinopi. Далѣе описываются по порядку прибрежныя, слѣдующія за Анатоліею, земли Георгіанъ и Мингреловъ; каждой странѣ удѣлено по нѣскольку строкъ. Заканчивается этотъ отдѣлъ свѣдѣніями о Тамани, послѣ чего авторъ переходитъ къ европейскому побережью Чернаго моря. Онъ перечисляетъ главные прибрежные пункты Ромеліи, отмѣчаетъ разстоянія ихъ, а также

[1]) См. объ этой битвѣ у *Костомарова*: Богданъ Хмельницкій, послѣднее изданіе, I, стр. 72 (подъ 1625 г.).

главныхъ городовъ сѣверно-черноморскаго побережья, и упоминаетъ о трудности плаванія по Черному морю вслѣдствіе отсутствія хорошихъ портовъ. Заключается первая часть „Описанія“ перечнемъ языковъ, которыми говоритъ населеніе береговъ Чернаго Моря.

Описавъ Черное море и его побережье, д'Асколи переходитъ къ Татаріи, имѣя въ виду не азіатскую область, такъ именуемую, а Сарматскую Татарію, которую называютъ Крымскою по имени древняго города Крыма, находившагося на ея территоріи, или Перекопскою по имени Перекопа. Прежде всего даются свѣдѣнія о Крымѣ и о Перекопскомъ укрѣпленіи, черезъ которое вела дорога въ Татарію и изъ послѣдней. Есть и другой путь изъ Татаріи—Араббаттскій, но обыкновенно имъ не слѣдуютъ въ виду неудобствъ, имъ представляемыхъ. Имъ воспользовался лишь Шаин-гирей шесть лѣтъ назадъ. Упоминаніе о послѣднемъ подало автору поводъ къ длинному отступленію, въ которомъ подробно излагается исторія столкновенія Магмет-гирея и Шаин-гирея съ знатнымъ ногайцемъ Кандемирромъ. Въ этомъ столкновеніи приняли участіе и казаки, приглашенные Шаин-гиреемъ. Ихъ совѣты были однако оставлены безъ вниманія, и въ результатѣ явилось торжество новаго хана Цамбех-гирея, присланнаго султаномъ, причемъ Магмет-гирей бѣжалъ въ горы, а Шаин-гирей ушелъ съ казаками чрезъ Араббатту. Онъ вновь предпринялъ было потомъ наступленіе вмѣстѣ съ братомъ, но послѣдній опять выказалъ непредусмотрительность и испортилъ дѣло, за что и былъ убитъ казаками; послѣ этого Шаин-гирей удалился въ Персію [1]). Сказавъ о дальнѣйшей судьбѣ послѣдняго, д'Асколи возвращается къ продолженію описанія Татаріи.

Татарія принадлежитъ Туркамъ и Татарамъ. Перечисливъ турецкія владѣнія (Кафу и др, города) въ Крыму и упомянувъ о томъ, что городъ Азахъ, или Тана, находился подъ управленіемъ бея, независимаго отъ Кафскаго баши, авторъ переходитъ къ владѣніямъ татаръ и говоритъ объ управленіи татарскихъ земель, о беяхъ, подвластныхъ хану, о мурзахъ, о татарской знати и приближенныхъ хана, о родѣ, изъ котораго происходятъ ханы, о доходахъ послѣднихъ

[1]) Ср. упоминаніе о дѣлѣ Sahingiraja въ „Instrukcja urodzonemu A. Piaseczyńskiemu, dworzaninowi i posłańcowi króla i. m. do Amurata cesarza tureckiego“ 1630 г., помѣщенной у *M. Grabowskiego* и *A. Przezdzieckiego*: Zrzódła do dziejów polskich, t. II, Wilno 1844, str. 194.

и монетѣ, которую они чеканили. Заговоривъ о ханскихъ финансахъ, д'Асколи останавливается на неблаговидныхъ способахъ пріобрѣтенія, къ которымъ прибѣгаютъ татары: онъ говоритъ о подачкахъ, получаемыхъ ханомъ отъ султана, князя Богданіи, великаго князя Московскаго и отъ поляковъ, о вторженіяхъ татаръ въ предѣлы Московіи и Польши и объ отпорѣ, встрѣчаемомъ въ послѣдней. Въ 1634 г. ханъ получилъ 30000 реаловъ отъ поляковъ за то, что не исполнилъ желанія великаго князя Московскаго, подстрекавшаго въ 1633 г., татаръ къ нападенію на Польшу; вопреки этой просьбѣ ханъ учинилъ набѣгъ на Московію. Старались ханы заполучить подарки и отъ другихъ государей.—Главные населенные пункты Татаріи: Кафа, Юслеве, Бахчисарай, Карасу, Балухлава, Манкупъ, Воспро и Перекопъ. При болѣе или менѣе подробномъ описаніи этихъ городовъ указываются ихъ достопримѣчательности (между прочимъ—церкви), составъ населенія, торговля, тѣ нападенія, которымъ они подвергались, въ особенности со стороны казаковъ польскихъ и московскихъ. Наиболѣе обстоятельно говоритъ д'Асколи о Кафѣ, въ которой жилъ. Перечисливъ главныя населенныя мѣста Татаріи, онъ упоминаетъ затѣмъ о развалинахъ разрушенныхъ городовъ и обращается къ мелкимъ поселеніямъ Татаріи, жители которыхъ почти поголовно входятъ въ ханское войско.—Слѣдуетъ описаніе татарскихъ набѣговъ и способа веденія войны татарами во время этихъ набѣговъ (между проч.—увода плѣнныхъ). За зло, производимое татарами, надъ послѣдними, по словамъ д'Асколи, началъ уже совершаться судъ Божій: во время каждаго набѣга въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ гибла третья часть татаръ [1]), и многіе изъ возвратившихся въ живыхъ поклялись не предпринимать болѣе такихъ походовъ въ Польшу. Авторъ высказываетъ надежду, что Московскій государь, который очень могущественъ, пріудержитъ нѣсколько татаръ. Татары не имѣютъ также охоты ходить и въ Черкасію, потому что населеніе ея очень воинственно.

Тутъ дается подробное описаніе Черкасіи и распрей между вла-

[1]) Ср. донесеніе Стан. Любомирскому о пораженіи татаръ въ 1624 г., писанное Сулишевскимъ и напечатанное у *A. Grabowskiego*: Starożytności historyczne polskie, t. I, Krak. 1840, str. 195—199; донесеніе о пораженіи татаръ въ 1629—ib. 240—242 и въ вышеуказанной „Instrukcja“ str. 193; „List x. Czetwertyńskiego do x. Jerzego Zbaraskiego strony rozprawy z Hanem d. 23 lutego r. 1626“—у *A. Grabowskiego*: Ojczyste spominki, t. I, Krak. 1845, 61—62; *Podgórski*, Pomniki dziejów Polski wieku siedmnastego, w Wrocławiu, 1840, 312—314; и др.

дѣтелями отдѣльныхъ участковъ, на которые она распадается, говорится о гордости Черкесовъ, придающихъ большое значеніе благородству происхожденія, объ ихъ наружности, нарядахъ, нравахъ (гостепріимствѣ) и бытѣ, ихъ брачныхъ союзахъ и семейной жизни. Между прочимъ, сообщаются интересныя свѣдѣнія объ участи родовъ тѣхъ католиковъ, которые послѣ завоеванія Кафы турками остались въ Татаріи и Черкасіи, откуда были ихъ жены, и продолжали считаться христіанами.

Послѣ этого отступленія авторъ возвращается къ Татаріи и говоритъ о томъ, что татары распадались на два племени: одни явились раньше, другіе же Ногаи—пришли изъ Скиѳіи всего 200 лѣтъ назадъ. Каждое племя различалось наружнымъ видомъ и образомъ жизни. Затѣмъ въ „Описаніи“ говорится о естественныхъ богатствахъ, которыми изобилуетъ Татарія, о ея растительности и животныхъ, о производствѣ въ этой странѣ, объ удобствахъ и неудобствахъ путешествія по ней и объ уменьшеніи ея населенія въ послѣдніе годы вслѣдствіе гибели во время набѣговъ, вслѣдствіе эпидемій, голода и обусловленнаго послѣднимъ выселенія. Заканчиваетъ д'Асколи описаніемъ видѣнныхъ имъ въ Крыму небесныхъ знаменій. Затмѣніе солнца было предвѣстіемъ кончины единственнаго сына хана, послѣдовавшей въ январѣ 1634 г. Но, заключаетъ авторъ, да будетъ угодно Богу, чтобы взошло новое солнце, и чтобы знаменія послужили къ добру.

Таково содержаніе памятника, нами изданнаго.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о методѣ, котораго мы придерживались въ изданіи итальянскаго подлинника. Мы старались точно воспроизвести текстъ рукописи, изъ которой онъ заимствованъ. Это тѣмъ удобнѣе, что вообще этотъ текстъ довольно исправенъ и заключаетъ немного промаховъ въ родѣ тѣхъ, которые мы исправили въ примѣчаніи на стр. 4 согласно со стр. 32, или на стр. 6 также согласно съ написаніемъ въ послѣдующемъ изложеніи. Ошибки, которыя легко могутъ быть замѣчены читателемъ, мы оставили безъ исправленія. Мы удержали также своеобразную, по сравненію съ принятою теперь, орѳографію „Описанія,“ сколь ни мало въ ней систематичности и выдержанности. Мы позволили себѣ лишь незначительныя отступленія отъ рукописи, имѣя въ виду сдѣлать текстъ болѣе

удобнымъ для чтенія; такъ, мы раскрыли нѣкоторыя сокращенія. Въ типографіи не нашлось знака, соотвѣтствующаго тому, который употребляется въ рукописи для передачи сокращеннаго начертанія, слоговъ съ *т* и *п*, и мы замѣнили этотъ знакъ оборотною запятою.

Возможно, что по мѣстамъ въ изданный нами текстъ вкралась невѣрная передача знаковъ препинанія, либо тѣхъ или иныхъ буквъ, но, къ сожалѣнію, мы были лишены возможности *лично* свѣрить *весь* изданный списокъ съ подлинною рукописью.

Лондонъ. $^{17}/_{29}$ ноября 1890 г.

Н. Дашкевичъ.

ОТДѢЛЪ III.

МАТЕРІАЛЫ.

DESCRITTIONE

DEL MAR NEGRO & DELLA TARTARIA

PER IL D. **EMIDDIO DORTELLI d'ASCOLI,**

Lett. Dom.: Prefetto del Caffa, Tartaria, &c.

1634.

La curiosità & desiderio di sapere è cosa connaturale all' Huomo, come ogn' un sà, & Arist. lo disse nel .i. test'. della sua Met.: che omnis huomo, natura scire desiderat, perche sapendo discorre, & discorrendo se stesso fa perfetto, & à gl'altri insegna, & da diletto & per tanto ciascheduno per naturale inchino, se inuidioso non fia, a questo il suo pensiero tenne, di manifestare à gl'altri quello, che sà, si come della sua sapienza il saccio Salom: ne insegna al 7. Capo. Quam sine fictione didici, & sine inuidia communico. Tutto questo, se bene intender si deue delle cose all' intelletto spettanti. Essendo per questo chiamato l' huomo Animale intelletuale, è raggioneuole, ò pur di cose, che in qualch' utilità ridondino, come quelle che alla Medicina spettano per la salute Hum.ª. Nulla dim.°. tal hora con altre tanto desiderio si desidera sapere di Siti. di Proprietà, & costumi de Lochi, & di Persone, & tanto maggte. q̃nto incognite, è lontano sono; Hora trouandomi già io nella Prefettura del Caffa & Tartaria per spatio di dieci Anni, & essendomi per questo conuenuto nauigar più uolte il Mar negro. Ben che l'officio mio ad altro tenda, che di raggionar d'Historie, è di Siti. Nulla d°. dopò hauer fatto un copioso Dittionario con ogni nome. Verbi. Aduerbij. Sentenze. Ceremonie, & compimenti di parlare, & respondere con le cose piu necessarie concernenti all' anima, & santa Chiesa in 4. linguaggi, cioè Italiano, Greco, Turco, & Armeno, per commodità di Missionarij in Leuante, & dopò hauer fatto un Compendio di tutti li Dogmi, che sin hora sono stati contrarij alla Sta. Ch. Cattca. Rom.. con li loro fondamenti & confutation d' essi, necessario da sapersi da Missionarij detti, m' è parso anco per sadisfattione di coloro, che uolessero sapere di quelle Reggioni descriuerne il presente libretto; et prima parlaremo del Mar Negro è poi, nauigando, ci ne passaremo in Tartª.

DESCRITTIONE DEL MAR NEGRO.

Il Mar negro come cosa particolare, con 3. sorte di nomi uien chiamato. Imperò che chiamasi Mar negro, Mar maggiore, & Mare Pontico & perche |come dice il filos| Primum, quod de unaquaq re sciendum est, est illud quod per nomen importatur. Però è da sapere, che si chiama Mar Pontico, perche una riuiera di questo Mare, che hora si chiama Trabisonda, era chiamata Ponto, loco più famoso & illustre di quelle Parti, ne gl' antichi tempi di donde ne fù chiamato Mar Pontico. Di questo nome, nella Vita di s. Clemente Papa se ne raggiona. Clemens, trans Mare Ponticum, in solitudinem Urbis Persona' [1]) relegatus est, et da Persone di quelle parti mi uien detto che hoggi giorno quei lochi ritengono il Nome di Ponto. dond^e^ Mar Pontico come si è detto.

Mar Maggiore uien chiamato, Perche come fonte & Padre da acqua à tutti gl'altri Mari, senza che altro Mare in quello entri, & ridonni.. Onde haue una sol bocca, per la quale con 18 miglia di Canale, se ne descende à Constantinopoli, è si diffonde poi nel Arcipellago, & oceano tutto. Et la marauiglia fia, che entrandoui dentro li Maggior fiumi dell' Europa, come il Dannubio che Tura in Turco è chiamato, Il Nipro, in Turco chiamato Osu, di tanta larghezza anch' egli, che da parte all' altra, non ui puo arriuar pezzo di artelleria, et per di doue li Cosacchi di Polonia, con le lor saiche à danneggiare il Mar negro, ne descendono, Il Tanai, che cala giu dalla Moscouia, per di donde uengono anco in questo istesso Mare li loro Cosacchi, à fare il med^mo^ come appresso piu chiaramente si dirà. Et tanti, & tant' altri fiumi, che ui entrano dalla Romelia, Tartaria, Circasia, Mengrelia, & dall' Asia, è pur il Mare non ha più che un esito che è il Canale di Constantinopoli, quale ne in larghezza ne in profundità, ne anco auanza il Dannubio, ò Nipro.

Se pure persuadere non ci uogliamo, che da questo gran Mare per occulti meati sotterranei si generano grossi fiumi, che in altre lontane parti spargono, già che nelli Sacre Carte è scritto, che flumina de Mari exeunt, ò forse per maggiormente uedersi uerificare quello che à tutti Mari comandò la sapienza eterna, nel 103. Salmo: Terminum posuisti, quem non transgredientur nec conuertentur aperire terram. Ma come disse à loro l' istesso omnipotente Iddio per

[1]) Chersonae?

bocca di Job. al 38. Cap°. usque huc venies, & non procedes amplius, & hic confringes tumentes fluctus tuos.

Si puo anco chiamare Mare maggiore, per l' altezza del sito, che sopra sta ad' ogn' altro Mare. Chiamasi poi il Mar negro con il più uolgato nome, non perche le Arene di questo Mare siano negre |come forsi alcuni si danno à credere| & che per questo faccino apparire le acque negre come del Mar rosso si legge. Perche è l'une e l' altre per loro stesse, & di lor natura, sono bianche. Ben è uero, che le acque di questo Mare più negre dell' altre appaiano, per la profondita di esso Mare, la qual è tale, che fa che le sue onde non si rompono, mà in alto si alzano, come monti.

Si anco appariscano negre, perche quelli che questo Mari nauigano, di raro uedono il Ciel sereno, mà sempre nuuole. Di modo tale che sempre coperto si uede d' un negro manto, che per questo più tosto Mare di Negromanti dir si dourebbe, che di Mercanti & Viandanti.

Mà per dire il uero, chiamasi con gran raggione Mare negro, dico per figura Metonomia, per gl' effetti negri, che produce. Poiche essendo questo Mare in alto sito posto, doue per consequento non mancano Venti ne fortune. È poi in oltre detto Mare stretto, & con molto pochi buoni Porti, & malageuolm.te situati, & posti, Questo fà si che ogni giorno si sente, che hor in questo, hor in quell' altro scoglio, il tale è tal Vascello, essersi rotti in modo tale, che questo Mare fà annegrir li cuori, di chi lo nauiga & ben spesse fiati, & cuori, & vestimenti delli loro Parenti. Mà se cattiuo sia stato sempre questo Mare ne gl' antichi secoli. piu negro, & formidab: senza comparat.ne. ne nostri tempi, si rende per le tante saiche, che tutta l' estate, per Mare, & per terra l'infestano. Poiche ne gl' ultimi confini della Russia, Prouincia sogetta à Polonia, ui sono alcuni, dirupi, & selue quasi in Isola, per il fiume Nipro, in Turco Osà. come si è detto |Questi Rossi| Altram.te. chiamati Cosacchi da 30. anni in qua, per uendicarsi de Tartari che ogn' anno andauano à depredarli, cominciarono con alcuni legni concaui, à descendersene, bene armati giù per quel grosso fiume Osà Di donde hanno tratto il nome di Osa Casach, & entrando nel Mar negro non poco danneggiauano li lochi maritimi di Tart.a. è del distretto del Mar negro, & in Mare ancora pigliauano alcuni piccioli Vascelli, & da Anno in Anno, uedendo facilitarseli l' impresa, ne faceuano di magg.ri. & in piu copia, & sono uenuti à

tanto, che già 10. Anni sono, ne uscirono più di 300. & combatterono con tutta l' armata del Gran sig^re^. & per uoce di tutti, che ui furono, si bonaccia fosse stata, nel giorno della giornata pur una Galera indietro non saria tornata, hauendo leuati sino al Timon della Reale, mà essendo stata gran fortuna, gl' andarono sopra con uele spiegate, è ne-soffondorno alcune. Però d' indi in poi sino al presente à 30. 40. 50. è più ogn' Anno n' escono in Mare & tanto crudel danno alla giornata fanno, che le Marine di tutto il Mar negro l' hanno reso affatto inhabitabili, se qualche luoco da buon Castello non sia difeso. Derocando. Abbruggiando. Saccheggiando, facendo Schiaui & amazzando & molte uolte anco le Città Murate, hanno assaltati, scalati, saccheggiate, & abbruggiate, come l' Anno passato fecero in Jusleue. Città unica murata del Kan, che oltre hauer rubbati quelche trouorno, ui diedero poi fuoco, che la 4. parte di essa resto abbruggiata nella più Mercàntil contrada; Et anco tal hora caminano giorno è notte per saccheggiare qualche ricco loco dentro tra^. come 4. Anni sono fecero à Carasio [1]), nel centro della Tartaria saccheggiando & abbruggiando molte Boutteghe, & ammazando, chi gli capitaua auanti, che anco tocco ad' un Sacerdote Armeno, è con loro fuggirono più di 150. Schiaui. Et non fanno danno per terra. Mà per Mare non ui uà sicuro qualsiuoglia grande, & ben armato Vascello, se per cattiua fortuna in lor s' incontrano, massimè poi se bonaccia fosse; Anzi è diuenuto il loro ardire, che non solo del pari, mà 20. di quelle saiche non temono 30. Galere del Gran sig^re^. come ogn' anno la uiua esperienza se ne uede, Et appunto 3. Anni sono, li Cosacchi 2. Galere pigliarono, & seguitarono le altre.

Queste saiche sono longhette à modo di fragate, capaci 50. di loro, le conducono con remi, è con li Venti, & accio resistino alle crudeli fortune, le cingono d' intorno all' orlo con la paglia, che sopra l' acque le sostengono. fanno frà di loro un Capo, che chiamano Atman, al quale portano incredibil obedienza, & lo lasciano, ò lo depongono, secondo che si disporta, è la fortuna lo prospera nelle imprese, è se sono signalati è degne, tutte le scriuono, per mandarle alla stampa. frà di loro ui sono molti Polacchi, che per caggione d' inimicitia, con questi Cosacchi si ritirano, & uiuono con loro al bene, è al male. sono insumma di tanto terrore, che non solo alla Tartaria

[1]) Carasù?

& à tutto il Mar negro, mà a Constant^op: istesso mettono ogn' Anno grandissimo spauento, che per caggione loro ui manda ogn Anno, ò tutta ò parte della sua Armata, Anzi per causa loro Sultan Osman passato Gran sig^re. gia 13. Anni sono fece la guerra contro li Polacchi, andandoui egli med^mo. con innumerabile Esercito in Persona. Mà dal Ser^mo. Vuladislao con l' istessi Cosacchi ne fù rotto è superato. Et questo Anno istesso per l' istessa caggione haue tentato farla Sultan Murat presente Gran sig^re. che già haueua mandato doi copiosi Eserciti. pensando anco andarui di Persona, mà poi per gra~ del sig^re. ne è sortita la desiata Pace, con patto è condittione, che li Cosacchi non eschino più in Mare con le lor Saiche. Mà difficilm^te. si potrà osseruare, perche li Polacchi istessi, per l'asperità del sito, doue habitano, non li ponno domare, se pur da loro stessi non uorrando per amore tràlasciare, Mà io non lo credo, perche sono poueri & hanno prouato, che Aquae furtiuae sunt dulciores. O` puro il Ser^mo Re di Polonia, non dasse à loro qualche buona paga, Mà hoc opus, hic labor per esser molt~: Visono poi anco gl' altri Cosacchi di Moscouia, fatte anco quelle dell' istessa guisa & se ne descendono-giù per il Tanai, & in Mare & in terra, fanno-come gl' altri.

Gl' uni poi & gl' altri Cosacchi, sono amicissimi frà di loro ancorchè li loro Prencipi fieram^te. combattino, Anzi dicesi per certo, che con li Cosacchi di Moscouia uine siano molti di Polonia, & credibil fia, Perche li Moscoui di loro natura, codardi & timidissimi sono, & nell' arte militare pochi esperti, Doue che alli Cosacchi conuien hauere Esperienza grande, & cuor di leone.

Aggiungesi in oltre à questo Mar negro, che per l' esito non ha se non una sol bocca ò Porta, mà non lungi da quella, dall' una & l' altra parte uì sono simili 2. false boche. Et spesse uolte arriuandoui Vascelli frà la notte oscura pensandosi andare per il dritto Canale si trouano à deponere il peso, è Passag^ri frà due rocche. Et ben spesse fiate li Pastori, che stanno sopra Monti nelle oscure notte o per necessità ò per malitia. ui fanno fuoco, & uisto da Marinari credendosi che sia il fanale pigliano dritto la strada, mà poi in breue tempo si trouano gabbati, & li pastori descendono à rubbare. Dunque. & per li cattiui Porti, & per le saiche, & per le false bocche liberam^te. conchiudano, che questo Mare, con molte gran raggio^ne. Mar negro, si deue chiamare, & dubito che per causa loro in breue

tempo, si tralasciarà à fatto la sua nauigat^ne. non ostante, che da questo Mare tante icchetti, & beni ne prouenghino.

Li Beni, che dal Mar negro uengono in Constant^op: sono molti, cioè frumenti dà Varna, dal Chieli, Balcich, & altri lochi, & scale maritime della Romelia d' intorno al Dannubio, che in tanta quantita ne fanno, che a tutto il Mar negro & à Constant^op: istesso ogn' Anno dà la bastanza.

Pesci, & particolarm^te. Morone, che sono simili alli sturioni [1]), che si pigliano nel Dannubio. in Asach. ò Tana. mà la maggior quantità al Vospro, & intorno le marine del Caffa che solo in Venetia ne fanno ogn' Anno più di 200 Botte in Salamora, che dicono Pastaria. senza gl' affumati, che chiamano Midie. che sono le Reni dell' istessi Pesci con un occhio ò medolo, più saporito, che non è il Tarantello.

Salé che si carica in Tartaria abbondantem^te. per Constant^op: & per tutto il Mar negro, Buttiri che per il piu si caricano in Taman, ò Matriga prima scala della Circasia. sotto il dominio del Gran sig^re. & gouerno del Bassa del Caffa; Questi Buttiri uengono dalli Tartari Schithi, che sono confinanti con Asach è con le Circasia, è dall' altra parte di q^tà. Tartaria; Cauiale che si fanno in Tumnech una giornata da Taman dentro Circasia, mà molto più boni in Asach è Tana, che non solo bastano à tutti lochi della Tart^a. & del Mar negro. mà à Constant^op: & dal Jsole dell' Arcipellago. Venendoci li Sciotli à farne acquisto. Si caricano anco per tutta la Tartaria in ogni scala, molti Vascelli di Coiri di Boui, & Bufali, che da questi Paesi, ne uanno anco in Italia, in Fiandra, in Inghilt: & Francia.

Come anco tanti schiaui che dalla Tart^a. Circasia, & Mengrelia in Constant^op: uengono. mà con tutto ciò, le scale doue più che in ogn' altra si sono fatti & fanno ricchi li Mercanti del Mar negro. due sono le principali. Vna è Abbasa, loco maritimo di Circasia, & confinante con la Mengrelia che sotto nome di Abbasa si uà anco à scale della Mengrelia, doue li Mercanti di Constant^op: & da altre parti del Mar negro, è Tart^a. ui uanno del mese di luglio. ò d' Agosto, Perche in quel tempo ui e come una fiera, & portandoui cose manuali suppellettili per la casa, & materia de Vestimenti di buon mercato, & Pesci affumati, che dalla Tart^a. ne uanno assai essendo il loro Mare senza Pesci; Ne caricano poi loro bonissimo miele. belissimo filo per

[1]) Очевидно—storioni.

cescire Tella, mà un poco uile, & schiaui, è cere, che tal guadagno fanno che chi ne porta 100. cauarà del ritratto 300 reali; Il mercato lo fanno dentro li Vascelli, facendo ogni Mercante bottega in quelli, Perche di fuori sarrebbero rubati, essendo tutti una mano de ladri. Et se tal hora à qualche principal Mercante per negotij conuerrà andare in Villa. prima si farà dare da loro alcuno nel Vascello per ostaggio, acciò nessuno gli sij fatto oltraggio. A questa scala non ui si uà ogn' Anno, per la prohibitione del Gran sig^re: perche quei Prencipi, non gli uonno dar caraggio. ne tam poco li puo soggiogare. perche alle Marine hanno cattive scale, quando poi si uedono con bisogno, mandano Ambass^ri. & ne ottengano licenza che ui si possi andare.

L' altro loco è la Tana |in Turcho chiamato Asach, è nelle scritture ò carte scriuono Assauu| soggetta al Gran sig^re. di magg^re. assai utilità, che sia Abbasa, facendosi incetta di quantità grande, di perfett^mo Cauiale, Morone, & altre pesci affumati, & tanto à buon mercato, che è impossib: à poterlo credere, In tanto che senza descendere al particolare prezzo di 100 reali che alcuno ne portarà, sopra quelli altri 300. & 400. ne guadagnarà; Che l' anno passato appunto un certo Capo Nicolo da Chiozza, che per la M~re. anco di Candia se fà chiamare dopò per la fortuna esserglisi rotto il Vascello 20 Cecchini di robba ricouerò, & con quelli ando dinouo alla Tana, & ne haue cauato da 300 reali, computatoci le spese per il Vitto.

Però questo Viaggio della Tana si rende grandem.^te. difficile per le gran secche, che si trouano, che pero non ui ponno andare grossi Vascelli, ne tam poco, le Galere, & il Mare è molto stretto, che per ogni poco di fortuna ò danno in terra, ò restano sù le secche. Et di più li Cosacchi di Moscouia gli stanno su gl' occhi, è sù le Porte, che si bene fanno diligenza per sappere, quando sono passati per il Mar negro. Nulla dimeno ben spesso à lor mal grado ui incapano nelle lor mani, è li spogliano & fanno schiaui, è se Turchi siano l' ammazzono, si christiani poi si riscattano. Purche non haueuano comprati schiaui, che in tal caso senza remissione l' ammazzano, come à molti Armeni interuenne l' Anno passato. Et senza dubbio, che infinito sarebbe il guadagno della Tana, se dalla Tana si facesse una caua, et per quella caua si passasse alla Volga, che in tal caso ui si cauaria un gran dannaro.

Quelli che ui uanno ad inuernare, ui fanno assai maggor. guadagno, perche si cauano pesci assai, non ui sono Mercanti, è le gente pouere, hanno quelche uuole per un pezzo di pane.

Il Mar negro è stretto & longo, la larghezza delle scale principali dall' Europa all' Asia da Caffa dico, à Sinopi sono 200. mig. & in altre parti dall' Europa all' Asia, ò come li Turchi dicono dalla Romelia all' Anattolia, non sono più di 300. mig. La longhezza di esso Mare poi per uoce commune di tutti esperti marinari sono 1500. & la sua circonferenza 3000. Però facendosi il compoto della distanza da Porto in Porto, tanto per parte del Asia, quanto dell' Europa, non si troua di tanta longhezza, se pure non uogliamo dire che la sua longhezza non si deue pigliare dalla Bocca di Costantop: mà fuori del Mar negro, dalla parte della Romelia, che il Mare à man sinistra declina, è sporge assai in fuori, come bensi uede nelle carte, che d' indi pigliando la sua longhezza sino à fascia della Mengrelia potrà facilmte. arriuare à detta somma, & per maggior più sua dilucidatione porremo tutti li Porti è sue distanze ad un per uno.

Però dall' Asia incomminciando, che dal Turco è chiamata Anatolia, mà si deue dire Anadolia, che uuol dire Madre grauida ò piena, per la fertilità & abbondanza di tutto quel Paese; Da Costantop: si uà à Chierp. m. 100 poco loco doue si caricano legne per bruggiare in Constantop. Da Chierp. à Regli 100. mig. Questa è Città antica & destrutta, con soprascrittione Greca sopra un' altissima muraglia. Al entrare per una Porta di essa, ui è una bellissima Cassa di marmo ben chiusa da ogni parte con grandissimo artificio, sostenuta da due collonne anco di marmo, & di sotto la Cassa ui si uede un buco uerso il capo di quella mà da parte, & senza artificio fatto. Hor dicono ò fauoleggiano loro, che un tal Re: haueua una sola diletta figliuola, & per destino de gl' Auguro, dopo morte un serpe doueua mangiarli il cuore & passando da questa vittà con immatura morte in tempo che uoleua collocarla in matrimonio, il doloroso padre per euitare l' altro infausto destino gli facesse fare la si fatta Cassa. Però di notte in notte un serpe salendo per una di quelle collonne con suoi scarpezzini denti, ui facesse un buco di se capace, di donde entrasse, è si mangiasse il tenero cuore della Regia Donzella. Da Regli à Mastra ò come la carta scriue, Famastra. Citta anco destrutta de Genuesi, come sopra la Porta della Marina, dalla soprascritte. & nomi chiaro si

uede,| mig. altri 100. In questa Città si uedono vestigij di superbissimi Palazzi, & uno per la grandezza delle pietre & ben polite si uede edificato senta calcina. Vi è una collonna di marmo di grosissima & longhissima misura, buttata in terra, & come artificiosam.te. tagliata per mezzo, li Turchi che ui capitano per passaggio, con pietre è con martelli, tolgono scaglietti & poluere da quella Collonna, con dire che quella fosse stata tocca & tagliata dalla spada di Hasret Hali, che dopò Mahmet fù il maggiore, al quale dasse Iddio una taglientissima spada con due punte; Si come li Turchi hoggi giorno costumano, à quelli che morono in guerra per mano di Christiani, mettergli sopra una spada di legno con due punte; Quella poluere dunque la portano alli loro Paesi & se ne seruono per rimedio contro la febre. Però io non credo punto, che Hasret Hali Arabo sia stato in quelle Parti, mà basta, che da uno sia uscita la prima uoce, che poi il Turco è facile à credere fauole.

Da Mastra à Chedros 50. m. Da Ch. à Inapoli altri 50. mig. non ui e cosa di buono. Da Inap: à Sinopi 200 mig. Quiui è bonissimo porto come Canale, ui si fabricano ogn Anno gran quantità di Vascelli, & anco Galere, mà queste riescono tropo greui, sporge una punta in fuori, che in ogni fortuna ageuolm.te. si puo pigliare, è scala principalissima per tutti, quelli, che uengono da quelle parti d' Asia, & della Persia, & di contro al Caffa in Tartaria facendosi il trahetto di 200. mig.

Da Sinopi il Mare declina à man dritta & si uà à Baura mig. 50. da B: à Sampson mig 50. da Sampson à Vnia mig. 80. da V. à Vuona mig. 70. da V. à Chieressonda mig. 70. da Chier. à Tripoli 35. mig. Quiui nascono Vini delicatissimi & di odor di muschio, da Trip. à Carola mig. 20. da C. à Diopoli 10 mig. da D. à Feros altretanto, da Fer. à Trabisonda. mig. 45. Questo Paese è abbondant.mo. di Vini, frutti è Naranci. Da Trab. à Surma mig. 20., da S. à Rise mig. 40, da R. à Gonia mig 100. In questo Paese, ui sono Boschi & selue di Vini & frutti, mà le gente sono doppoi malligni & cauilliosi, & questo Paese ancora si chiamo Aso, mà in fatti gl' homini sono Asini, da Gonia à fascia mig. 80. tutti li Porti sudetti nominati sono sotto il dominio del Turco. Mà à fascia comincia Paese di Christiani, & è de Giorgiani, il cui Paese maritimo è stretto, & gl' homini bellicosi, che portano S. Giorgio nelli loro stendardi, da fascia à Scauri 80.

altre mig. Paese di Mengrelia, frà questi doi Porti fà l' ouato il Mare, & torna uerso il Caffa. Il Principe di Mengrelia resiede in Tadian, che anco lui si chiama il Tadian, le sue Marine sono fortissime per la foltezza delli Bocchi, le cui piante mentre sono tenere l' intricciano, che fanno fortissime muraglie. da Scauri à Scurtia mig. 10, da S. à Eschi sogun mig. 20. da Eschis à Deruen mig. 40. da D. ad Abbasa mig. 50. da Abbasa à Mamatala mig. 50. da M. à Chielincich mig. 150, dindi 6. mig. si uà à Buiuch liman. da Buiuch liman à Varda mig. 30, da V. à Taman ò come la carta scriue Matriga mig 100. Questo Taman ò Madrica e l' ultimo termine da quella parte dell' Asia, Qual città fù fabricata da Genuesi, hora è sotto il gouerno del Bassa del Caffa, è situata in Isola & Isola è chiamata, nel principio della Circasia imperò che per una giornata d' intorno, è circondata dal Mare, & da doi fiumi. Vi sono dentro la Citta doi Castelli l' un difende l' altro da terra & non lungi l' uno dall' altro, anzi di uicino, mà con tale artificio, & architettura posti & sittuati che insieme l'un con l'altro non si ponno battere, l' uno guardando per faccia, & l' altro per cortello. In questa istessa Città doi Anni sono per sfondo fatto in occasion di pioggie, ui furono trouati sotterra alcuni corpi dismissuratissimi Giganti, in tanto che al Goldano fretto per parte di Madre del p̃nte Kan, tornando della Circasia, gli fu mostrato quel spettacolo, et uolse portarne il segno in Tartaria, & fù l'osso del Braccio dalla spalla sino al gubito di quattro palmi di longhezza, non si poteua abbracciar con due gran Mani, & pesaua ocche 18. che essendo l'oca due lib: & mezza delle n̄re, ueniua à pesar quel osso libre 54. Et il Kan con una grossa fune lo fe suspendere sopra la Porta del suo serraglio, & se io con occhi propij non l' hauessi ueduto, con gran difficultà l' harei creduto. Mà è tempo di seguitare il nostro incominciato uiaggio, restandoci la parte del Europa che li Turchi, & Greci la chiamano Romelia, forsi dalla Città Imperiale del Gran Costantino, dico Costant^{op}: quale fe chiamare noua Roma & cosi li Paesi coadiacenti Romelia, si come dalla Vecchia Roma, li contorni si chiamano Romagna; Nauigandosi dunque per la parte della Romelia da Costant^{op}: si troua Omidia mig. 50. da Om: à Gnada altretanto. da G. ad Athanata mig. 45. dà A. à Christos mig. 15. da C. à Sisopoli 10 mig. da S. à Poros 10. mig. da P. a Misseuuria mig. 18. da M: à Emona mig. 18. da Em: à

Varna mig. 60. da V. à Balcich. 18. mig. da Bal. à Caurna. 10. mig: da C. à Chieleuria altretanti mig. da Ch. à Bancalia 50. mig. da B. à Chioste 36. mig. da Ch. à Cara arman 36. mig. da C. à Bortitia 18. mig. da B: à Chetestes 18. mig. da Ch. à Selina 40. mig. da Sel. à Chieli 50. mig. da C. a Acriman mig. 50. da Acriman |che uuol dire di contro alla Tartaria di Crim, come si dirà nella sua descrit^ne.| si trahetta à Jusleue prima scala della Tart^a. mig. 250. da Jusleue à Baluch-laua mig. 100. da B. à Vsruf. mig. 100. da V. à Caffa mig. 100. da Caffa al Vospro mig. 100. che è l' ultimo termine per uia della Romelia, dal Vospro poi à Taman dell' Asia sono 18. mig. & ui è anco la punta di s. Gio: in Tart^a. che à Taman, non ui son più che sei mig. Questa è la nauigat^ne. per Giro, perche per trehetto ò golfo ordinario da Costant^op. à Jusleue sono 550. mig. & da Costant^op: a Caffa 700. mig. Mà di tanto numero de Porti numerati si marauigliarà ciaschuno con dire, di donde dunque tanto difficile si rende la nauigatione di questo Mare. In prontò è la Risposta che si bene in numero—sono assai, nelle fortune però non si ponno pigliare, perche sono posti senza spargere in fuori frà aspre rocche, oltre che pochissimi sono li buoni, Intanto che per il Viaggio dell' Asia, non ui è si non Sinopi & Trabisonda, da parte de Mengrelia, ui è solo Biuchliman; Per la Nauigatione poi della Romelia, non ui è altro che Carà arman. Nella Tartaria, ui è solo Baluch-laua ben degno Porto, & unico in tutto il Mar negro, mà nelle fortune malageuolm^te. si puo pigliare si dritto di lancio con uento in poppa non ui si arriui, per essere frà due altissime Rocche, e quali, & con la bocca stretta, che non ui puo entrare una Galera con distessi remi, Entrasi dentro serpendo, doue poi con ogni commodità come dentro un Bagno. 300. Galere ui ponno stare. Et di questo Baluch-laua nella sequente descrittione della Tartaria più à lungo se ne raggionerà.

Il corso dell' acqua di questo Mare hà la pendenza uerso di Constant^op: & per la parte della Romelia, Et perche l' acque sono assai, & la bocca d' onde esce, è sol' una & stretta, che non le può riceuere. pero arriuando alla bocca di Costant^op: parte ne entra nel Canale, & parte ne fa reflessione & ritorna uerso l' Asia, Et cosi nel uenire in Costant^op: per la parte della Romelia ò Europa si uà con la corrente, & partendo da Constant^op: per la parte dell' Anatolia ò Asia, si uà à seconda, sino à Sinopi 500. miglia.

E poi finalmen^te questo Mar negro, di otto linguaggi adorno, cioè Greco, Turco, Tartaro, Circasso, Abbasa, Mengrelo, & Armeno, & se bene la lingua Tartara ha qualche conuenienza con la Turca, & Abbasa con la Circassa, sono però frà loro lingue che discorrendo frà loro in lingue proprie materne, non s' intendono. Et questo basti al Mare. Mà arriuiamonci in terra, & uediamo la Tartaria che cosa sia.

DESCRITTIONE & RELATIONE DELLA TARTARIA, PER IL MED^mo: D: EMIDDIO DI ASCOLI DESCRITTA.

Non intendo io in questo breue compendio raggionare della gran Tartaria Asiatica che è nella Scithia, doue resiede Agder Kan. che uuol dire il Re Dragone, & di donde fu quel nomato Tamburlano, & l'altro che ne uenne, à deuastar l' Europa, quel dico gran Attila, che flagello di Iddio si faceua chiamare. Mà della Tartaria Sarmata, doue da già 10. Anni mi ritrouo. Qualè una Peninsola negl' ultimi confini dell' Europa per la parte di Settentrione, & sotto la stella T. Questa dunque Tartaria è chiamata Crimea, & Praecopensis. si chiama Tartaria di Crim, da Crim Città antica, mà hora destrutta. Lungi dal Caffa circa 20. mig. sono però quasi tutte in essere le Mura di questa Città di grand^mo. circuito. Vi è ancora una grande, bella, & artificiosa Porta di marmo, tutta in piedi. Vi si uede ancora di dentro un loco di studio, che chiamano Metrese, con lettere Persiane sopra la Porta, Perche loro erano padroni di quella Città, doue stauano li Mercanti loro prima che li Genuesi, edificassero il Caffa, & altre Città di Tart^a. Et con occasione di mercantie & reciprochi guadagni, erano amici frà di loro, venendo poi con il tempo in rotta, forsi perche uedeuano, che li Genuesi si faceuano troppo ricchi, & leuaua à loro il Pane, di quelle parti crebbe in loro l' inuidia, & cominciorono à malignarli. Mà li Genuesi che hanno hauuti sempre gran Copia de donari, conuennero con li Tartari, & gli diedero insieme fierissimo assalto, & li destrusse. La Città è un poco eminente di bellissima vista, & perfett^ma. aere, Vi sono delicatissime acque & in abbondanza. Vi è un deposito d' Huomo Tartaro appresso, di loro tenuto per

Santo, Li Kan ò Re di Tart[a]. quando si uogliano lasciar la Barba, auicinandosi alla vecchiaia, che altramente nudriscono li Mustacci solamente, vanno dico li Kan, con gran Pompa & committiua in questo loco, & ammazano quantità grande di Pecore & Boui, & l' offeriscono in Sacrificio |che loro dicono| *Curban,* pregando Iddio che gli ci concedi sanità, & longa uità, & ogn' altro lo saluta con il Bombarechi, che uuol dire con la buona uentura; Et le Genti & officiali suoi Principali lo presentano ò di qualche bel Cauallo, ò festa pretiosa facendo egli il medesimo & dando libertà à molti schiaui. Nell' istesso loco, ui sono molte tombe di Kan, perche anticam[te] si sepelliuano in Crim, Mà hora le loro sepulture le hanno ridotte in Bacchia Sarai loro ordinaria Seggia.

In questa Città ui sono d' intorno suauissimi fiori, & salutiferi semplici, & ogn' Anno dalla Primauera sino à luglio ui concorrono grand[mo]. numero di Genti, da ogni loco della Tartaria à farè molti bagni di acqua calda con fiori & semplici, che da molte infirmità l' huomo si libera. Et nel suo ristretto ui sono bellissimi frutti & quantità di herbaggi fuori di Crim, doi miglia da lungi frà Boschi & ne Monti ui è una chiesa di Armeni, con titolo di s[tà]. Croce |ò surp Cac.| come dicono loro, di grandiss[ma]. concorrenza & diuotione & con suauissime Acque, Tempio ben degno da stare in una Roma, con altre molte habitationi di grosiss[ma]. & altissima fabrica, di pietra, costrutta da doi fratelli Armeni che poi furono seppelliti nell' istessa Chiesa.

Chiamasi poi anco Tartaria Precopense dal castello Precope, in Turco chiamato Or, che è la Porta & chiaue della Tartaria, che per questo la Tartaria non è propriamente Isola come la fanno, mentre ui è loco per entrarui per terra ferma.

Circonda questa Tartaria 700. mig. delle 4. Parti 3. sono circondate dal Mare, cominciando da detto Precope, & una Parte dalle Paludi Meotide che dall altra banda arriuano 15 mig. lontano dall' istesso Castello. Queste 15. mig. è terra ferma, & anticamente ui erano fossate grandissime sino à Precope, in modo che da Tartaria non poteua entrare, ne uscire, nessuna Persona, se non passaua di sotto Precope. Mà hoggi giorno uiuendo li Tartari senza timore, & facendosi stimare formidabili, hanno lasciato riempire le dette fossate, in modo che hora ageuolmente ciascheduno à suo piacere puo uscire & entrare senza uerun timore del Castello, si come 7. Anni sono ne

usci Candemirro Nobile Tartaro Nogai, con sue Genti, quando Il Soldan Sciaingirai fratello di Mahmetgirai Kan, uoliua leuargli la Vita, & dalli un' Anno, ne usci l' istesso Kan Mahmetgirai essendogli uenuto sopra il nuouo Kan Zambechgirai, mandato dal Gran Sig^re^. per maneggio dell' istesso Candemirro, & questa sua uscita dal Ripieno di Precope, con 12. compagni fù da 20. giorni dopò il posesso di Zambechgirai, Kan.

Verò è poi che altre genti, & Mercanti che uanno per terra in Constant^op^: Boghdania, Polonia^&c^. passano per la Villa & Borgo di Or, ò Precope, & d' indi si sopiscono di robbe & uittouaglie per sei giorni di strada alpestre, oue si patisce grandemente anco di acqua, & molte uolte ui si trouano ladri, Tartari ò Cosacchi. Però si uà sempre con buona compagnia, & bene armati; Questo Castello è fortissimo & ben fornito di Pezzi è con fosse. Vi è un' altra strada per uscire dalla Tart^a^. che si chiama Arabbattà di contro Crim, & una giornata dal Caffa, mà per le paludi Meotide che ui è sentiero, che ui si può passare da chi sanno la strada, Però questa strada è inusitata, si per le paludi, che ui sono, si anco perche dall' altra parte sono Paesi alpestri & inhabitati, & pericolosi di ladri Circassi ò Nogai.

Da questa strada di Arabbatta, ne usci Sciaingirai soldano. 6. Anni sono con 4000. Cosacchi quando il Kan Mahmetgirai suo frello [1]) fù tradito da un squadrone di Tartaria andando à bacciar la Veste al p̄nte nouo Kan Zambechg. che già erà smontato in Caffà, la cui Historia della priuat^ne^ del Regno di Mahmetgirai con la sua uiolente morto, & trauagli di Sciaingirai suo frello & Reuolutioni della Tartaria l' hò già diffusam^te^ descritta, & per essere in qualche parte concernenti alle cose di Tartaria, breuemente questo fatto toccarò.

Da 12. Anni sono, un Nobil Circasso, cognato di Mahmetgirai, Kan, per pretese raggioni ammazzò un frello de Candemirro, ma non potendo farne per all' hora uendetta, aspettò il tempo & l' occasione, che fù 7. Anni sono Poiche andando il Kan Mahmetgirai per fare acquisto di Sciaui in Circasia, ui andò anco Salmascia frello di Candemirro & essendo arriuato da sei giornate dentro, fe un poco di dimora il Kan, & si fermo con quei nominati Circassi per rinfrescarsi, In tanto ui arriuò il suo Cognato Circasso, Et dopò esser stati otto giorni insieme con molta sodisfattione del Kan, presentan-

[1]) Повидимому—fratello.

dosi l' un l' altro Il suo Cognato si licentiò per tornarsene à Casa, Salmascia uedendosi l' occasione, con alcuni suoi fidati, se li misse al passo, & fe la uendetta col suo sangue. Il che inteso dal Kan, se ne dolse & resentì acerbam.te si per che l' amaua con tutto il cuore, si perche gli era successo per essere andato à visitar lui, mà molto maggiorm.te. per il poco respetto portato alla sua Persona, & al suo Cognato per amor suo. Et uedendo che Salmascia si era dato in fuga, spedì tosto un Corriero à Sciaingirai in Tartaria ordinandogli, che pigliasse Candemirro, & lo tenesse in buon Custodia, Perche questo fatto di Salmascia non poteua esser stato se non per suo consiglio come maggior fratello. Sciaingirai senza dimora, con molte sue Genti si misse all' espeditione. mà indarno riusci l' esecutione. Poichè prima di quel hora da Salmascia haueua riceuuto auuiso del successo, & se ne usci per Or, ò Precope fuora di Tartaria; la onde Sciaingirai, uedendosi quasi diluso, crudelmente sdegnato prese tutte le donne d' ambedoi fretti con tutti li loro mobili, Schiaui & animali & molto malamente le trattarono; Candemirro sdegnato anco lui per questo fatto; Dal Gran sig.re in Constant.op: fè ricorso. Proponendogli come Sciaingirai era Rebelle. Haueua intelligenza con li Cosacchi, & machinauano ambedoi contro di lui, & Mahmetg. Kan haueua mal gouerno, essagerando le particolarità etc. Però che quando n' hauesse hauuto commissione, si esibiua dargleli ambedoi nelle mani.

Il Gran sig.re. ricordandosi del' incontro, che haueua riceuuto da loro 4. Anni prima, come per molte altre sinistre relationi hauute contro di loro massimè di Sciaingirai, lo uolse priuare, et ui mandò il nouo Kan, Il p̃nte Zambechgirai con tutta l' Armata di Mare, del che hauuto prima notitia Sciaingirai mandò à chiamare 4000 Cosacchi, & arriuarono pochi giorni prima dell' Armata, & smontato il Kan in terra in Caffà secondo il solito, uennero à giornata, & in modo gli mostrò faccia, che ammazzo molti soldati dell' Armata, & anco molti Bei, & Pr̃oni delle Galere, In tanto che ancora gl' altri spauentati furono astretti tornarsene in Constant.op: con il Kan. & dalla Città ancora del Caffà, se fe presentar le Chiaui, se bene incontinente le restituì in poter loro. Ricordandosi dunque il Gran sig.re. di tutte queste cose, sapendo anco per altre esperienze il ualore di Candemirro, abbraccio uolontieri l' occasione, & gli ne diede ordine, è commissione con commandam.to. in scritto che ogn' un gli dasse aiuto in

suo seruitio, & subito se mise all' ordine, & per strada accommodo le sue partite, & se ne incaminò tosto uerso la Tartaria, Sciangirai hauuto auuiso, che Candemirro ueniua, & pensando fosse con poche persone, non sapendo il concertato gl' usci incontro fuori di Tartaria; Et se bene molte Valorose Genti erano con lui, Nulladimeno lasciandone la metà dalla parte del fiume Osù, o Nipro, che è il più uiccino fiume apresso la Tartaria, egli con altri passò dall' altra banda, & dopò poco uiaggio, scoperse Candemirro con poche genti gli ueniua incontro, & arriuando di uicino mostrando l' incontro esser stato à Caso, uoltò le spalle & se misse à fuggire, Sciaingirai altretanto si credeua, che ueramente fuggisse per timore, à tutta Carriera si diede à sequitarlo, & arriuato che fù ad' un certo Bosco trouo l' imboscata, da Candemirro tramata, & gli diedero adosso. Sciaing. uedendosi nel foco del tradimento con 3. di suoi si mise in fuga à buon ritorno & essendo per strada, mando un de suoi fidati con lr̃e alli Cosacchi che senza dimora. 4. ò 5000. di loro ben armati & con qualche piccioli pezzi d' artelleria se ne uenissero à trouarlo in Tartaria, promettendogli doni & danari, più che non haueua fatto per il passato, & egli se ne andò à ritrouar il Kan in Bacchciasarai, & in tanto à più potere cercò fortificarsi tenendo certo, che Candemirro l' haue-rebbe sequitato, come fù, che da 12. giorni dopò il suo arriuo, & dopò hauer Cantemirro fatto macello di molte Genti di Sciaing. nel Bosco con tutti li suoi Nogai, che erano con lui, & anco quelli, che erano dentro la Tartaria, & anco Salmascia con altri suoi, era tornato, arriuorono à Bacchciasarai, & l' assediorno, & altro Castello, non haueua per loro riparo, saluo, che doi pezzi, d' artelleria, che Sciaing. haueua posto sopra le Colline di Bacchciasarai. & li Nogai che sono inimicissimi del foco, che si spauentano sentendo una botta di semplice archibuggiata, mai tentarono entrarui dentro, che à man salua l' haueriano pigliati, & anco pensauano tenergli tanto l' assedio, che da loro stessi si fossero resi, che al soccorso de Cosacchi, non pensauano mai. Quali dopò 28. giorni d' assedio, arriuorono in Tartaria con 4. Pezzi piccoli d' artelleria. Et essendosi auuicinati una giornata lontano da Bacchciasarai, hauutone auuiso Candemirro, lasciò l' assedio di Bacchciasarai, andò per debbellare li Cosacchi, & farli schiaui, quali ualerosamente combattendo & caminando defendendosi, arriuorono. 5. mig. lontano da Bacchciasarai, & sparorno li loro Pezzi,

che furono sentiti da Sciaingirai, quale sparò anco li suoi, & gli rese la salua, & uscirono tutti fuori con allegrezza à riceuerli, & Candemirro con suoi Nogai, confusi à disperdersi.

Li Cosacchi furono humanissimam.te riceuuti da Sciaing. & dal Kan, & permise à loro, che piantassero l' insegna de Cosacchi con la † sopra le mura del suo Palazzo come defeso da loro, Perchè ancora temeuano de Nogai tanto più che haueuano seco un altro soldano inimico di Sciaing. Qual poi è stato ammazzato dal p̃nte Kan Zambechg. Mà tosto Candemirro arriuò in Caffà mostrando al Bassà l' intentione del Gran sig.re. certificandolo, che Sciaing. con li Cosacchi uoleuano prendere Caffa, & darlo à loro, & in oltre promettendogli molti schiaui, Perciò che era necessario, che tutti li Nogai entrassero dentro à defenderla. Piacque il partito al Bassà, & li chiamo tutti dentro, & furono tanto numero de Genti, con centenaia & miglaia di Carri, & d' animali che 3. giorni ui posero ad' entrarui dentro; mà con molto disgusto & timore della Città ricordandosi di quello gl' era successo l' altra uolta. Mà auanti che li Nogai peruenissero à questo termine li Cosacchi faceuano grand' instanza à Sciaing. che subbito al loro arriuo & che li haueuano rotti, & confusi douesse sequitarli alla coda, & non permetesse, che se reunissero; Sciaingirai non persuadendosi già mai, che Candemirro con suoi douesse essere riceuuto in Caffa, tenendo fresca memoria del passato, & si confidaua anco della buona correspondenza che era passata frà lui & il Bassa, che per Causa sua si faceua stimare, & sempre che gli scriueua, lo chiamaua con termine di Padre, per la Vecchiaia, passando li 75. Anni, non atteso alle parole delli Cosacchi, mà uolse che si reposassero & rinfrescassero per alcune giorni in Bacchciasarai, stimando impossibile che potessero più scampare delle Mani loro, frà tanto il Bassa mandò tosto auuiso per Mare al Gran sig.re. come in Tart.a erano arriuati tanti milla Cosacchi ad' instanza di Sciaing. & erano con lui per prendere con unite forze Caffà, & darlo à loro, ne haueua altro in sua difesa che Candemirro con le sue Genti. Però mandasse quanto prima l' Armata in soccorso, & prouedesse anco di nouo Kan, perche il p̃nte era Rebelle. Certificato dunque Sciaing. come Candemirro, Salmascia con tanti Nogai erano stati intromessi in Caffa, se ne sdegnò grauemente, & dopò 18. giorni con il Kan fretto con li Cosacchi, & altri tartari del Paese, & con alquanti Pezzi d' artelleria, si presentarno

auanti il Caffa, spedendo presto auuiso al Bassa, che non doueua ricevere li suoi Vassalli Rebelli. Però ò gli mandasse li suoi nimici fuora ò l' hauerrebbe per forza presi, Il Bassa gli rispose, che acciò non più fugisse, l' haueua ricevuti dentro, & del sicuro l' hauerrebbe hauuti nelle Mani, Mà essendo la Città del Gran sig^re. gl' era parso espediente dargli parte del tutto, persuadendogli che era necessario darlo, che altrim.^te la Città potrebbe patire Naufragio. Però hauesse hauuto un poco patienza che senza fallo hauerebbe hauuto l' intento. Il Kan, & Sciaing. crederono facilmente alle parole tanto più uedendo la lor potenza, che il Bassa non ne hauerebbe potuto far di manco. Li Cosacchi ostauano che non si douesse credere, mà si douesse dar dentro, con intentione anco di fare qualche Bottino. In tanto che Sciaing. si era anco ello condotto à farlo, mà sempre il Kan difficultaua, dicendo non hauer niente con le robbe del Gran sig^re. & cosi di giorno in giorno faceuano la mostra d' intorno le colline del Caffà, tirando tal hora, qualche pezzo in aere per dar timore, Vedendo. poi prolongarsi il negotio, & cominciando à sospettare, che non douesse uenire l' Armata, mà non se ne curaua, anzi l' aspettaua per fare qualche altra impresa, Ordinò Sciaing. 3. squadroni, Vno era comandato dal Kan Mahmetg. con tutti li suoi Nobili officiali & soldatesca ordinaria; Il 2°. dal me^mo Sciaing. con li Cosacchi, & Il 3°. da Memet Aga Nobile Tartaro del Paese, con altri Tartari, & questo staua uerso la Marina, & più uicino de gl' altri alla Città, & sempre mandaua à dire che se li mandasse li suoi nemici; mà ne haueua risposta, habbi ancora patienza per pochi giorni, & in tanto si faceua buone Guardie giorno è notte, hauendo introdotto dentro tutte le Genti & Bombardieri di Vascelli, Vedendo dall' altro canto Candemirro, che l' Armata non si uedeua, & il Kan si differiua, cominciò molto à temere, & dubitaua molto da Christiani, che erano dentro. Per il che persuase al Bassà, che haueua hauuto certo auuiso, qualmente tutti li Papassi Christiani unitamente haueuano mendati lettera al Sciaing. dicendogli che entrasse dentro, che loro l' hauerebbero fatti la lor parte, & che di già Sciaing. s' era fatto Christiano. Il Bassà diede facile credenza à Candemirro, fè tosto incarcerare tutti li Padri sacerdoti, tanto Greci quanto Armeni, al numero di 30. Et io solo andauo libero in ogni loco, si per essere forastiero, si anco per essere amato dal Bassà, che era franco calabrese di Policarpo, chiamato Mahmet Bassà, che ha-

ueua per moglie una soldana. fece dunque inferare con grosse Cattenne tutti li poueri Padri, con guardie alle Porte, che nessuno Christiano si accostasse à parlargli, & èssendo cosi stati per 5. giorni alli 28. di Giugno il Bassà die sentenza, che la mattina sequente tutti li Padri fossero impiccati, & tutta la notte, accommodorono li calpestri, & à loro li mostrauano; Mà il giusto & pietoso Iddio che non abbandona gl' innocenti, la mattina sequente giorno delli santi Apostoli Pietro & Paolo, comparve in Caffà due Galere, portando auuiso, che senza fallo l' Armata con il nouo Kan, auanti notte sarebbe arriuata, come fù, & li Padri furono liberati con 800. Reali di Pena, senza minima sospition di Colpa. Arriuato dunque il nouo Kan, Zambechgirai nell' hora di compietà, è su le 22. hore tosto fù accompagnato al suo ordinario alloggiamento nel Borgo fuori del Caffa, Perche non si permette, per qualunque occasione, che li Kan, ò Rè di Tartaria, pernottino dentro in Caffà, & la notte stete con buone guardie, è gran timore & il mondo nai pensaua, che egli tanto douesse Regnare, & Sciaing. ancora se ne burlaua, & quando la mattina, ò il giorno sequente ogn' uno aspettaua uedere sanguinosa giornata; Eccò che sù il far del giorno. Mehmèt Aga forse per hauer la notte riccuuto secretam.te qualche offerta, & di già egli è suo Visiere, & il factotum di Tartaria, con tutti li suoi principali Tartari, andò à bacciar la Veste al nouo Kan, & accettarlo come suo legitimo Rè & sig.re. Andò subbito il susurro ne Campi, squadroni, ò Tabburri |come il Turco dice| del Kan, Mahmetg. & di Sciaing. perilche, ammirato Mahmetg. & timendo di peggio, tosto abbandonè il suo Tabbur con quante cose militari, & prouisioni ui erano, & con buon cauallo sotto con 12. Compagni piglio la parte del Bosco, è delle Montagne che per 20. giorni, che dentro Tartaria stette non si pote trouare. Sciaing. anch' egli uedendo solo non poter far altro, con tutti suoi Cosacchi, & con alcuni pezzi, & bon triencerati, se ne usci per la strada del detto Arabbatta, che non u' era una giornata, che se hauesse uoluto uscir per Or, ò Precope cinque grosse giornate, poteua riceuere qualche sinistro incontro; Passato dunque dall' altra Parte, prese in sua Compagnia molti Circassi, & anco dopò uscito da Precope il fretto Mahmetg. & ritrouatosi con Sciaing. & sequitato da giorno in giorno, da molti suoi Amici, da Tartaria riuni di nouo poderoso Esercito, con animo dèliberato di rientrar per forza nel suo Regno, & si presentarono

alla faccia di Or, costituendo, & formando doi Campi, Vno sotto il commando di Mahmetg. con Tartari, Circassi, & alcune centenaia di Cosacchi, et l' altro commandato dall' istesso Sciaing. con li Cosacchi & alq^nti Circassi. Il nouo Kan, con Candemirro. è Nogai, erano ben preparati dall altra parte, stettero cosi pochi giorni senza combattere. Perche Mahmetg. speraua che molti Tartari del Paese douessero fuggir da lui, & si faceua intendere spesse fiate. Mà del suo pensiero accortosi l' astutto Candemirro, tenendo li Tartari del Paese in dietro, che non pasassero. Mandò poi molti ualorosi soldati di suoi Nogai al squadrone di Mahmetg. & peruennero sul tardi. Quali uisto da Mahmetg. diceua essere Tart. che fuggiuano à lui però se gl' aprisse la Porta, & lasciasse entrare li Cosacchi non uoleuano aprirgli, con dire, che dubbitauano di tradimento, tanto più per l' hora cosi incomputta. Mà alla fine l' impero del Rè preualse che gli diedero loco, & li fecero entrare. Mà si uidde poi incontinente, che non Patracchi amici erano quelli che ueniuano àd aiutarlo, Mà Nogai inimici, che ueniuano à tradirlo. Poiche cominciarono di buona maniera menare le mani, che anco il Campo de Candemirro gli sopra uenne adosso; li Cosacchi sdegnati fortemente contro Mahmetg. caggione di tutti questi mali, auanti che morissero loro, priuorno quello di Vità, & l' ammazorno; Sciaing. uedendosi da ogni parte confuso, & uedendo che ueramente Varij sunt euentus Belli, & non debemus canere uictoriam ante pugnam, licentiò li Cosacchi sodisfacendogli nel miglior modo che potè, & ringratiandoli. Egli con pochi Compagni se ne andò in Persia, doue prima era stato per spatio di 12. Anni, con suo molto grand' honore & nome, & egli ruppe il Campo Tartaro di cento milla di loro 20. Anni sono, che andorono in Persia per la parte di Circassia, per ordine del Gran sig^re. Essendo dunque ritornato in Persia. fù bene accolto dal Rè, et gli diede in gouerno una Prouincia, doue dopò esserui stato 3. Anni, ammazzò un' altro gouernatore d' un altra Prouincia, nel proprio suo loco, & dopò hauerlo spogliato di quanto haueua, se n' andò in Cumruch gl' ultimi Paesi della Circasia, dal Prencipe che è suo socero; Et poi doi Anni sono da per se stesso, se ne è uenuto in Constant^op: à mettersi nelle mani del Gran sig^re. sotto le Ali però delli Giannizzari, che il Jannizzar Agà l' andò à leuare dal Vascello, lo riceue nelle sue stanze, & l' accompagno dal Gran sig^re. facendosi promettere di non offenderlo con incredibile allegrezza

& honore fù riceuuto dal Gran sig^re. lo tenne appresso di se molti giorni, mangiando & raggionando insieme, Poi dopò molte promesse, è doni con due Galere lo mandò a Rodi, doue ancora si troua, Presentò anco Sciaing. superbissimi Doni al Gran sig^re. che gli furono molto cari inparticolare alquanti giouani & giouane Circasse, d' incomparabil bellezza, scusandosi insimili occasione delli suoi Eccessi passati, che per hauer fatto ricapito di Ghiaurri, |cioè di Christiani| haueua passato tanto gran trauagli. Promettendo per l' auenire di uiuere & morire da buon Monsolimano |cioè Turco| Inimico di quelli, è di Persiani. Mà è tempo, che se quello s' n'e andato à Rodi; noi ci ne torniamo in Tartaria.

La Tartaria dunque è dominata dal Tartaro, & dal Turco; Il Turco possiede Caffà con tutte quasi le Marine, da Jusleue in poi, che è del Kan; tutto dico quel stato, che ui possedeua il Genuese, in gouerno di detto stato ui risiede un Bassà nel Caffà, & per ogni tante Ville, ui manda un officiale, che chiamano Subbassi. Li principali lochi, che gouerna il Bassà, sono Caffà, Baluchlauà, Mancopa, Il Vospro, Taman, ò Matriga, in Circasia, & Tumruch una giornata lontano, sotto di lui era anco il gouerno di Asach, ò Tana, mà è gouerno separato, che dalla Porta ui manda un Bei, che non hà cosa alcuna da fare con il Bassà, & di presente ui è un Genuese mio amico; del resto sotto il Bassà sono Villaggi più è meno grandi, & tutti li suoi Vassalli sono Greci, & buona anzi la maggior parte renegati per gl' oltragi.

Il Kan di Tartaria, riesiede in Bacchciasarai, la cui descrittione sarà appresso.

Il dominio del Tartaro, è diuiso in 4. Principali Capi, cioè nel Kan, con suoi doi primi Soldani, & in 3. altri Principi della Tartaria, cioè Scirin Bei, Crim Bei, & Mancop. Bei, li quali hanno li loro stati, & Vassalli destinati dal Kan, Esigendo loro li tributi, & le decime, & hanno di loro plenaria giurisditione, & sono per heredità. Mà feuditarij del Kan, Però come tali per legitima occasione, li può priuare di Vità è di stati, & inuestirne chi gli piace.

Visono molti Baroni, & sig^ri di Villaggi, tanto frà Tartari del Paese, quanto Nogai, quali sig^ri lore chiamano Murusa che anco loro uanno per heredità, è sono tutti nobili.

Questi Prencipi, & Principali Murusà, caualcano con honorato

Corteggio, tutte le loro genti uanno armate con archi, è frezze, conducendo con essi loro liuurieri [1]) è falconi Perche la nobiltà di Tartaria si diletta grandemente di Caccia, & un officiale porta sempre un tamborrino legato al pomo della sella, se con occasione di Caccia occorosse à lontonarsi nelle selue, Essendoui in Tartaria molte specie di saluaticine, non mancandoui copia di Pernici, starne, è faggiani, et d' altri simili.

La nobiltà Tartara, non s' apparenta se non con nobili, & ogn' uno con gl' equali frà di loro, che mai Tartaro pigliarà per moglie li loro schiaue come fanno li Turchi, & se tal hora con quelle hauessero figliuoli li chiamano Tuman, & ogn' uno li uende quando uuole, che non li tengono per figliuoli.

Il Kan hà doi suoi officiali, quali sempre sono soldani, ò figliuoli, ò fratelli, ò dallà stirpe loro descendenti. Il primo si chiamo Galgà, che uuol dire il primo ad' andare in Guerra, Il 2°. si chiama Nuradino, ò Muradino, che uuol dire soldan delle gratie. Questi officiali sono fatti dal Kan, secondo la maggioranza dell età & con ordine di succedere l' un all' altro. In modo che si muore il Galgà; il Nuradin subentra. se muore il Kan, uiene constituito in suo loco il Galgà. se bene hoggi giorno l' Imp^re^. de Turchi se haue riseruato à se questa institutione, che mette, è leua il Kan quando, è chi egli uuole.

Il Rè, & soldani di Tartaria, sono di Nobili & antica famiglia, di Casa Corchis. dicono & fauoleggiano. che una Chos |che in Turco & Tartaro uuol dire Vergine| fosse ingrauidata dal splendore del sole, & generasse un figliuolo, dal quale descendono tutti loro. Tutti descendenti da loro, o siano nati da Kan, ò da soldani, ò dalle proprie moglie, ò dalle schiaue, Principi sono, con nomi di Girai. Mahmetgirai, Zambechg. Sciaing. & tutti equalm^te^ possono hereditare il Regno.

Con la Casa Ottomanna, ò Imp^re^. Turchesco, ui hanno questa Constitutione che estinguendosi la Casa Ottomanna, Il Kan di Tartaria heredità l' Impero del Turco.

L' entrata del Kan, frà scale, sali & Tributi, in danar contanti, potrando ascendere alla Somma di Centomilla reali, Biadi & frumenti dalle decime, ne raccoglie abbondantemente, delli Schiaui, che portano li Tartari dalla guerra, ne haue anco la decima, ò ne schiaui, è nel loro ualsente. Haue la Zecca de gl' aspri, che sono mezzo ramo, è

[1]) =levrieri.

mezzo argento. Non uuole che per la Tartaria ui corrino aspri del Gran Turco, ne anco in Caffà, & altro luoco del suo commando. hauendo frà loro questi Canni per mandargli l' abbondanza. Ne tam poco uuole che il Reale passi più di 80. hora perche li suoi asperi non currono fuori, di Tart^{a}. Li Mercanti che uengono da Costant^{op}: dall Asia ò da Persia, ò che ui uanno, à poco alterano il reale à 90. 100. 120. si che si riduce à doi per uno, cioè à 160. aspri il reale come appunto di p̃nte. Mà le robbe carissime, & quello è peggio dalli detti 160. asperi distruggendosi non si caua il reale, In tal caso dunque che il Kan si uede la sua moneta alterata, Batte nuouo aspro con altro impronto, & poi ne manda doue 20. milla doue 30000; & doue più & doue meno, in tutti lochi principali à raggione di 80. per grosso, & se ne fà dare tanti reali, Et sin hora in tempo mio in dieci Anni, si sono mutati cinque uolte, con grand utile suo mà danno del suddito.

Il Gran sig^{re} gli manda di Paga, sei milla Reali all' Anno, che se li piglia nelle scale.

Il Principe di Boghdania è in obligho di mandargli da 12. Botte di miele l' anno per fare beuenda con tutti li Boui, & spese, che sono necessarie à condurli dentro Tartaria.

Il Gran duca di Moscouia gli manda ogn' anno otto milla reali nelle lor monete, che chiamano |Nocrat| à 60. per reale, Et in oltre molti mazzi di Zobellini |che chiamano samur| & di altre pelle fine per il Kan, Soldani, Soldane, moglie del Kan, & ad' altri principali officiali, che anco ascendono à 25. milla reali, & questi gli li mandano acciò li Tartari non ui uadino à far le incursioni, mà loro riceuuto il Tributo, uanno anco à fare l' incursione. Si come in questi 10. Anni con consenso, anzi comandamento dell' istesso Kan, ui sono andati sei uolte, ne il Moscouo puo far dimeno di non mandare, per non incorrere in maggior male.

Il Polacco parimente soleua per l' istesso effetto, frà Panni è danari, mandargli 30000. reali; mà perche uedeuano, che dopò mandati l' andauano à rubbare sono già 30. Anni, che cessorno di mandare, mà hora con defendersi, hora con esserne fatti schiaui, hora con la uendetta dc Cosacchi hanno lasciate correre, sin tanto che per tutti li loro confini dalla parte di Tartaria hanno fatti fortini, che chiamano palanche. si che sentendosi l' andata de Tartari, che per

esserui passaggio ord^{rio} sempre ne hanno auiso, tutti li Villaggi conuicini si ritirono in quelle con le loro robbe, che andando li Tartari, non solo non ne pigliano, mà molti di loro ui ne restano, In modo tale, che in questi 10. Anni 5. uolte che ui sono stati, sempre frà morti è schiaui, ui ne sono restati la 3^{a}. parte. Si che ui hanno persa ogni speranza, & dicono Corel Saffi attese. Il Polacco è tutto foco; Vero è che quest' Anno 1634. ui è arriuato dal Kan un Ambass^{re}. Polacco chiamato Il sig^{re}. Stefano Nariaoschi. quale haue portato li 30000. reali, & dauantaggio. non però per obligo di conuention passata, ne tam poco per le Guerre, che il Polacco haueua con il moscouo; ne per timore, che anco doueua in Polonia andare il Gran sig^{re}, Mà per gratitudine del beneficio riceuuto. Poiche hauendo il Gran duca di Moscouia l' Anno precedentē mandato Ambass^{re}: al Kan, con maggiori donatiui lo pregaua, che uolesse mandare il suo Esercito contro Polonia, tanto più che il Gran sig^{re}. ui mandaua anch' egli grossissimo Campo & il Gran sig^{re}. istesso per molti Chiausi gli n' haueua mandato espresso ordine; Mà ueramente egli non poco dubitaua della sua Testa, uscendo dalla Tartaria, si perche si diceua, che Sciaing. uenisse per mare con l' Armata, si per le molte querele hauute massime per hauere ammazzato ingiustamente il Galgà soldano bellissimo & ualorosissimo Principe, quale haueua 4. altri fratelli, di Padre & Madre, non minor generosi di lui, & molto amati; Il Kan dunque per assicurarsi nel Regno, con un suo Vnico figliuolo, & un fratello per parte di Madre fece nel proprio Serraglio del Kan, sprouistamente ammazzar quel Soldano, dopò hauer insieme desinato, che hauendo tosto poi mandati per far amazzar gl' altri fratelli, hauutone quelli tosto nuoua del successo, con buoni Caualli sotto, se ne sono uenuti in Constant^{op}: cercando giust^{a} appresso Il Gran sig^{re}. Il Kan dunque per tutti suoi questi rispetti, mandò tosto Ambass^{re}. al Ser^{mo}. di Polonia, che gli si professaua Amico. [1]). Il Polacco non sapendo altri suoi occulti interessi, ritenne gl' Ambass^{re}. del Kan, & mandò li suoi con dirgli, che ne desideraua uederne uiui effetti, che sarrebbe stato, se in gratia sua mandaua il suo Ecercito in Moscouia, Il Kan che non hauerebbe mancato di mandargli buona corespondenza [2]) Il Kan

[1]) Здѣсь въ рукописи стоитъ сокращенное начертаніе, которое мы принимаемъ за *probo*.

[2]) Въ рукописи опять сокращенное начертаніе, которое мы принимаемъ за *perche*.

che in Moscouia ui haueua trouato sempre facilità & tanto più ne speraua per le Guerre p̃nti. Misse presto in Campo più di cinquanta milla Tartari, sotto la scorta del suo Vnigenito figliuolo, & di Salmascià fretto di Candemirro, & nell' istesso punto, mandò l' Esercito in Mosc: & gl' Amb: al Polacco, dandogli parte di quanto haueua operato in sua Amicititia, & Il successo del consertato fù, che in Moscouia presero 20000. Schiaui, & il Polacco gli mando li 30^{m}. reali; Costumano anco li Kan, mandarsi ad offerire ad altri Prencipi, promettendogli Mari è monti acciò gli mandino qualche dono; Cosi fece 4. Anni sono al Ser^{mo}. Gustauo Rè di Suetia: Quale gli mandò poi con proprij Sueti Amb: bellissimi Vasi d' Argento, indorati, con preggiatissimi lauori, & l' Anno prima Il ser^{mo}. Transiluano, Mandando simili Vasi. l' Anno passato mandò anco alla Cesarea Maesta Imperiale gl' Amb: Tartaro furono riceuuti con grand' honore, et molto regalati, che non si satiano di parlare delle sue grandezze, & Carezze |tanto più che in Tartaria non uedono queste cose, & promise a loro di mandare anco lui à ringratiare il ser^{mo}. Kan con qualche dono.

L' esito poi del Kan, per la sua Corte, Soldane per mille Archibuggieri pagati che tiene, donatiui à molti grandi della Porta Ottomanna, & à molti Chiaussi, che sono ogn' Anno mandati dal Gran sig^{re}. & à molti signori Circassi, che uengano à Visitarlo, che non ui ne mancano continuamente per la uicinanza, & sempre uogliono [1]); sistima che ò poco ò nulla gl' auanza. Pero alla fine sono Re che nulla gli manca.

Li lochi Principali habitati in Tart^{a} sono. Caffa, Jusleue, Bacchciasarai, Carassu, Baluch-laua, Mancupra, Il Vospro, & Precope.

Caffà è di 5. miglia di circuito con grosissimo Borgo, chiamato Topracala. la Città è una dentro l' altra, Poiche hauendone prima edificata una li Genuesi di 2. miglia di circuito, con buone muraglie & Bastioni, Crescendo poi li Populi d' intorno, la circondorno di nouo, come si uede, dicono l' Historie che Caffà prima si chiamaua Theodosia, fatta da Theodosio Imp^{re}. Però non ui è nessuno Vestigio, poiche tanto nella prima quanto 2^{a}. Città non si uedono altro, che Armi & nomi di Genuesi; La Città per tutta la parte di terra, è circondata con grandissime fossate mà senza acqua, per che da quella parte la Città hor sale hor descende. Le muraglie dopò le fosse sono doppie,

[1]) Слѣдуетъ сокращенное начертаніе=*pro, prode*?

ripiene di terra, & con molti Belluardi, è Bastioni. Però le Colline che gli soprastanno di uicino, & piene di molini, à uento, non la rende forte, mà furono fatte per defesa dalli Tartari, che costumano archi & frezze, & non istrumenti bellici; Vi sono però 2. forti Castelli, ambedoi uerso l' istessa parte, uno sopra la Porta di Tartaria della Città 2°. fatto da Genuesi, con le sue fossate, & ui sono molti & grossi Pezzi che defende la Città per la parte del Mare, l' altro è sopra una piccola Collina fuori del Borgo, fatto dal Turco, non molto grande in forma rotonda, fatta di mattoni, non Cotti, che ad' una hora, & dal Mare, & dalla terra la defende. La Città è in forma di mezza luna, & nel Corno sinistro ui è il Castello che risguarda il Porto, Quale se bene è esposto à Grecali & leuante, tiene pero il ferro, per li fanghi fortemente, che lo rende sicuro, che mai ui perisce Vascello. Caffà è Città abbondantissima di Carni, di Vini, & Pollami, Pesci, Laticini, & fruttami, Et per l' inuerno, ancora di Carboni, & legnami, In tanto che 500, 600, 800, & à mille Carri al giorno, che per la Porta della Tartaria ui sono entrati, & pure alla sera, non ui resta Carro che habbi cosa da uendere, Si che se la Tartaria è l' inferno, Caffà senzá altro sarrà la bocca d' esso. Mà principalmente la rende abbondant^ma^. il Mare d' ogni gratia d' Iddio che si puo desiderare, et poi la Città assai Mercantile concorrendoui Mercanti da Constant^op^: dall' Asia, & Persiani. La Città è habitata da Turchi, Greci, Armeni, & Hebreij. Li Turchi ui hanno da 70. Moschee, li Greci da 15. Chiese con il loro Metropolito, & gl' Armeni da 28. con il lor Vescouo ancora, & gli Hebrej ui hanno 2. scenofegie, Vna per Natione, li latini anco, se bene di presente, non ue ne sono in Caffà, Natiui, & habitanti, che per non esserui stato tanto tempo, sacerdote franco, se alcuno latino ui era restato, con occasione delle lor moglie Greche, anco loro al ritto Greco se ne sono passati, che ui ne sono non pochi di questi tali, & non credendo la perseueranza di latini continuamente temono à ritornare, per tema, non esser presi in dispreggio, Nulla dimeno per gratia dil sig^re^. sempre ui è conseruata una Chiesa sotto tittolo di san Pietro d' Italiani, che loro la chiamauano french Ecclisia, & è la più grande & la piu bella di quante se ne trouano nelle mani di Christiani, di bellissima fabrica di Pietra & tutta inuoltata. Conseruata però per Carità & con danari della Natione Armena. Poiche stando questa Chiesa in mezzo

frà le loro-non essendo nella n̄ra latino come si è detto, Il fisco Turco, come à lui ricaduta la uolse distruere, & di già ne leuò molte pietre dalle stanze coaderati à detta Chiesa, & alla Chiesa istessa, leuò li Tetti, che cosi stà hoggi per l' impotenza. Ciò uedendo gl' Armeni, da buon zelo mossi, la redemorono con ottocento grossi; Arriuandoui poi noi già dieci Anni sono con ogni amore, & cortesia ci restituirono in posesso, & communemente l' officiamo ciascheduno à suo tempo, senza impaccio, Il n̄ro Populo poi sono qualche schiauo Polacco, ò di Galera se con il Bassa si troua, ò tal' hora qualche mercante Sciotto, ò Venetiano, che uengono à far morone, ò Cauiali, & questo Basta di dire quanto al Caffà.

Il 2°. loco è Jusleue, fatta da Kan antichi, ne ui è uestigio se altro ui fosse prima Città murata in forma quadrata, tutta in piano uicino al Mare poco forte, per la muraglia, non troppo alto, & senza fossate, che però più uolte li Cosacchi l' hanno saccheggiata, in particolare l' Anno passato, & dopò il sacco, nel miglior loco ui posero fuoco, & ne restò abbruggiata la 4. parte, Mà doppò il fatto Mehmet Agà hora Vesir del Kan, ui principio & quest' anno à fatto finito, un superbissimo Can, ò Haruassaria per refugio di Mercanti, & d' altri della Città, con altissime Mure di pietra uiua, & grosse, con quatre ordine di Camere d' intorno, intorno, sotto è sopra, & tutte è uolta, con sentinelle & sferratore, che sopra le mura con gran siccurezza ui si puo Caminare, si che non ordinario alloggiamento, Can, & Carauassaria si deue chiamare, mà forte & sicuro, Castello, & più riguarda il Mare, che la terra; La Città è mercantile & ui concorrono da diuersi paesi li Mercanti, non è però come il Caffà.

Il 3°. loco è Bacchciasaraj seggia del Kan. quale è una Valle dentro due rocche equalmente alte mà non molto, perche dall' una & l' altra parte, ui si descende à basso, di sopra sono prati, & strade publiche, Questa Città non è murata, & non ha Castello, se non alcuni pezzi piccoli nel suo serraglio. da una parte di questa Valle ui si entra come da luochi publici, & strada ordinaria, dall' altra parte si uà ad' un Castello murato ben forte di sito, mà non da Castello, tenuto 2. miglia di lontano habitato da Hebrej che il giorno descendano alle Botteghe, in Bacchciseraij, & la sera se ne tornano à Casa, chiamato per nome Topracala, oltre poi questo Castello sono diruppi, Boschi, & selue.

Al mezo della strada, ò del Viaggio à qualche Castello, circa un miglio da Bacchciasaraij ui è dalla parte destra un altissima roccha, con facciata piana com' un Muro, nel mezo di essa rocca ui è una Chiesa antica della B: Vergine dentro la rocca tutta fatta con scarpello, come anco le scale per salirui, che fà buon sudare, à peruenirui, & è capace la Chiesa di Cinquecento persone, & è di grandissima diuotione concorrendoui in particolare per l' Assunta d' Agosto infinito numero di Christiani da diuersi luochi, della Tartaria, nell istessa roccha ui sono anco molte stanze per habitare fatte parimente tutte con scarpello, & detta Chiesa è officiata da Padri Greci. La Città di Bacchcisarai e lontano dal Mare una piccola giornata, uerso Baluch-laua, & ui sono acque delicatiss^me^. & abbondantissimi, che nascono & escono da quelle Rocche, senza minimo bisogno di condotti o di Canali.

Il 4. loco è Carasù, nel centro della Tartaria, terra grossa, mà non murata, fatta, & cresciuta ne tempi nostri per esser loco commodo, & di mercato, concorrendoui per ogni mercore et Giobia come ad' una fiera molte genti da diuerse parti di Tartaria, dell' entrata di questo loco uiue principalmente il Galga Suldano. In mezzo à questa terra ui passa un fiume Carasù chiamato che hà dato nome al luoco, & in nostro linguaggio l' istesso suona, che acqua negra, questo fiume gia 3. Anni sono partorì un Negro feto; Poiche grauido dalle souerchie acque, nelle montagne di modo si porfiò, che uomitando da banda, in modo inundò Carasù, che sradicò & portò uia più di 300. Case, portando uia quanto in esse si trouaua, restandone annegate più di 150. persone, essendo caso di notte, & d' improuiso, L' istesso loco l' anno auanti fù saccheggiato dalli Cosacchi con caminar per terra un giorno & notte, Abbruggiorno anco molte Botteghe, & ammazarono molti che gli capitorono auanti, & frà gl' altri un Padre Armeno che con la sua lanterna in Chiesa se n' andaua, & fuggirono con loro più di 200. schiaui.

Questo loco è molto sottoposto à Varie inflitt^ni^. & le locuste, come à suo loco si dirà, in nessuna parte hanno fatto tanto danno, quanto ne suoi contorni; Il Gran Turco haue molte uolte mandato commandam^to^. al Kan, che distrugghi questa terra Carasù, perche le suoi Vassalli, massimè forastieri habitanti in Caffà, con le lor famiglie se ne uanno alla giornata ad' habitare in Carasù & si perde

il Tributo |uiuà Karag| come dicono loro. Il Kan dopò tanti ordini gli rispose, che il Bassa gouerni con amore, & senza mal trattare li suoi Vassalli, che non solo quelli tomeranno. Mà anco delli miei in Caffà anderanno, Peresser Caffà Città di Mare, & abbondante, & non staranno in Carasù loco sterile più d' ogn' altro & uere sic est digna Regis Responsio. perche è pur uero, che senza comparatione con minor caraggio & maggior riposo, si uiue sotto il Tart° che il Turco.

Il 5°. loco è Baluchlaua, Questo loco è famoso per il Porto de cui si è raggionato nella discritione del Mar negro, & per la grandezza delle selue d' intorno, & si trouano legni per ogni forma, che è marauiglia grande, à uederlo, & ogn' anno ui si fabricano grandissimi Galioni per Allessandria caricandole anco di grossi traui, per quell' istesse Porti, & da pochi anni in quà, ui si fabricano anco Galere, che l' anno passato ui ne furono fatte cinque, & questo anno intendo si sia dato ordini per 6. mà è impossibile ad effettuarli per mancam.^to & penuria di Maestranza.

In questo loco ui nasce una sorte di Terra di colore di sapone, che loro chiamano Kil, che disfatta in acqua netta le mani imbrattate di ogli, & di lardumi, non si tosto operato & anco le cordure, & grassezza della stessa, più di qualsiuoglia perfetto sapone, ne uà in molti lochi, & anco in Constant^op: Questa Città in tempo di Genuesi era molto habitata, & sono in piedi li Vestiggij, Mà hora dishabitati, & solo ui habitano li operaij delli Vascelli, & questi ancora con occas^ne. di queste Galere, che bisogna lauorare per il Beylich à poco, à poco se ne uanno ad habitare in altre Ville, è il meno freddoso loco di Tartaria per l' sito.

Il .6. loco è Mancopa Castello frà Baluchlaua & Bacchcisaraj fortissimo per il sito inespugnabile sopra d' un monte, che d' intorno intorno ui sono rocche di pietra altissimi agguisa di muraglia, & senza scarpa, solo d' una parte, di donde si ua serpendo la strada per andarui mà non con Carri, Non gli sopra stà monte ueruno, che la possi battere. fù l' ultimo insomma, che si rese al Turco, è grande quanto honorata Città, & tutta piano, mà la marauiglia fia, che sopra, ò dentro di esso, non fonti ordinarij: mà botti & fonte grandiss^mi. di surgenti delicatiss^me. & limpidissime acque ui sono, che è cosa mirabile à pensar di donde essendoui profonde Valle d' intorno intorno. In sommo si uede ad litteram uerificata l' onnipotenza del

Creatore nel salmo 103. quando disse che super Montes stabunt acquae.

Quiui ui risiede il Cadij, che uuol dire Giudice mandato da Constantinopoli, la Città è quasi distrutta, & poco habitata, & quei pochi habitatori sono Greci, Turchi, & hebrej mà più hebrei, che ui conciano grandiss^ma^. quantità di Corami. In questo Castello, per timor delli Cosacchi, li Kan, & altri nobili di Tartaria, da quelle parti, ui conseruano le più preciose cose, che loro habbiano, & con tutto ciò 4. Anni sono, li Cosacchi di Polonia con far 4. mig. per terra frà li Boschi sù l' Alba ci entrorono dentro nell' aprir, delle porte, & fecero un solenne Bottino. Mà per esser d' intorno paese molto habitato, & non troppo da lungi la Porta, del Kan, si dilatò tosto per tutto la uoce, che con gran numero di genti gli furone sopra, si che molte cose portorono. Molti altri; come preuidi cacciator di Tigri ne buttauano, che molti si fecero richi, ascondendosi nelle selue, & lasciauano di seguitarli, & alquanti anco frà morti, & schiaui, ue ne restorono.

Il 7°. è il Vospro, in Turcho chiamato Chieist di cui anco nelli Porti dell altra descrittione se ne è fatto mentione. Questo loco dunque è un Castello murato, non moltò grande mà forte, con fossate, & ben tenuto per stare sule Porte di Cosacchi di Moscouia, quali molte uolte hanno tentati farui botta, mà sempre indarno che l' hanno sempre ribbuttati, mà certo l' fanno stare tutta l' estate giorno & notte Vigilanti. Dentro questo Castello ui è una Chiesa, non molto grande con titolo di s. Giorgio in mano di Greci, & ui è un altare con una Cuppula sostenuta da 4. collonne bellissime di Marmo, & di sopra di essa cuppola ui si uedono quantità grande di Ostrighe, & simili frutti di Mare incastrate, come da per loro istesse ui siano nati, le Genti di quel paese dicono hauere per traslatione & successioni, che quella Capella fasse trouata dentro il Mare.

Nella vita di s^to^. Clemente Papa, che fu relegato in questa Isola di Tartaria, habbiamo l' Historia d' una simil Capella fatta per opera Angelica, & dentro di esso il Corpo di s^to^. Clemente 3. mig. dentro il Mare; In modum Templi marmorei Angelicis manibus preparatum. Mà l' historia dice, che quello fosse stato in Chersona. Clemens trans mare Ponticum in solitudinem Vrbis Chersona relegatus est, qual Città è più di 250. mig. dal Vospro. Se puro transferito in santo Corpo in Roma per ordine di Nicolo primo quella Capella non fosse transferità iui, come loco più forte.

Dentorno al Porto, & Mare del Vospro, si piglia la maggior copia delle Morone.

L' 8°. loco è Precope, ò Or, di cui si è parlato nel principio di questa descritt^e. di donde uien detta Tartaria precopensis.

Altro loco di consideratione non ui è, in essere in Tartaria. Vi si uedono bene grandiss^mi. Vestigij di Città distrutte come Crim, di cui si è detto, di donde Tartaria Crimea. Sudach, una giornata lontano, alla marina esposta doue dicono, che ui eran Ville, & una Chiesa, & hoggi giorno sono in piedi le muraglie di molte. Nel ristretto di questa Città ui nascono boniss^mi. & forti Vini & in abbondanza, Quantità grande di bellissimi & delicatiss^mi. frutti di diuersi spetie, Pomi, Peri, Cotogni, Cerase, Viscoli, Prune, Nespoli, & altri simili, che resistono al fredo, quantunque in quel loco sia molto moderato per esser esposto, al mezzo giorno, & dalla parta di Tramontane, ui sono i Monti, è in somma il più delicioso loco di Tartaria. Mà hora ne anco ui se può godere le Vendemie, Perche li Cosacchi ui uanno à pigliar la decima; Chersona uicino à Baluchlaua mà affatto destrutta & abbandonata. Incriman che trà Città grandiss^a. di contro Acriman nella Romalia, sopra à Jusleuè, si che prima da Acriman si trahettaua à Incriman, mà fù dalli Cosacchi destrutta, che tra il primo ostaculo, che trouauano nel mare. Del resto per tutta la Tartaria sono Terre & Ville ordinarie mà molto spesse & in tanta quantità, che nel Reggistero del Kan, si trouanno registrate sessanta milla Ville, si che 2. per Villa solo che ne caualcassero in guerra, consideri ciascheduno, che potenza haue, che è la principal fortezza sua, & della Tartaria, per la quale si rendeua ad un hora all Europa, & all' Asia formidabile, mà per l' auenire, con l' aiuto del sig^re. nessuno piu puo temer di loro, che sono assai mancati di numero & conditioni, come nell' ultimo di q^tà. descritt^ne. si dirà.

Soleuano li Rè di Tartaria andare ogn' Anno due uolte, ò almeno uno, in guerra, mà più tosto rapina, che guerra chiamar si deue, cioè la estate ingrassati li Caualli, all' herba nella Primauera, & l' Inuerno, ò pur l' un, ò l' altra stagione, con comitiua di centomilla ò più ò meno persone, drizzando il Camino ò in Polonia, ò in Moscouia, ò in Circassia, che anco più uolte sono andati in Vngaria. Il modo che tengono nell' andare in guerra, ogn' uno conduce seco

almeno doi Caualli conducendono uno à mano per le garue nobbe, è portar Schiaui, & l' altro lo caualca & sentendosi il cauallo sotto debilitare, caualca nell' altro, et l' altro à briglia conduce per farlo riposare. Li loro Caualli sono senza ferri, che cosi costumano anco in Tartaria, accio non habbino occasioni di sentir dolore, ne de azzoppirsi si per strada gli cadesse ferri, la lora sella è leggierissima che non pesa b. libre, Italiane, di sotto la sella ui piegano un poco di feltro, che spiegato è lungo quasi per la lunghezza d' un huomo, Il corame, che cuopre la sella è con le balte, & è distaccato da quella, si che quando dormono, Il feltro spiegato è il Matarazzo, Il corame è il lincuolo, là sella è il cusino, & li Vestimenti sono le coperte, è cosi si riposano soauemente, le briglii anco loro sono leggierissime, solo con un sottile feretto per mordo, perche li loro Caualli, sono assai manzi, che non se ne troua nessuno che mordi, ò tiri calci, Mà al camino resistono cosa mirabile, che fanno come trottando cento miglia al giorno, & cosi caminano 3. et 4. mesi senza stancarsi; Et resistono grandemente alla fame, che s' è d' inuerno, che non trouino herba, anco alte neue fossero, tanto con li piedi zappano, finche trouono le radice, dell' herbe, è di quelli si nudriscono, che altrimente loro per strada non portano biadi, per sostentare li loro Caualli, Eglino ancora per loro Vitto costumano un poco di farina fatta di Ceui, ò di orzo, ò di grano, con un poco di latte, quagliato secco & agro, che loro chiamano togurt, & l' impastano in quella farina, & 6. ò otto libre di quella missura portano con loro con una scudella grande di legno, & un gran Cocchiaro, quando uogliono poi mangiare, distemperano un poco di quella farina con acqua, & ne mangiano 8. ò .10. Cocchiarate, & di longo para uia la strada.

Arriuati poi alli confini dell' nemico, Tutti li grandi fanno Consiglio di quello si deue fare, Poi Ahi quanto Cordoglio & dolore restando il Kan, o altro Prencipe, che li guida, in quel loro con 2, ò 3000. per Guardia del suo Corpo. gl' altri si diuidono in più parte, 4. ò 6. milla pigliano la parte destra, altretanti la sinistra, gl' altri entrando per mezzo si diuidono in più lingue si che ad' un hora in diuersi parti, chi piglia il Padre, è chi piglia la Madre, altri li figliuoli, & altre le figliuole, altri il zio, & altri il Nipote, altro prende il Marito, altro la noua sposa; Quel toglie dall aratro, l' altro da Casa; Che altro non si sente, che stridi, pianti, è lamenti, è con fune

& cattenne, è con manette l' attaccano, è maltrattano, & tal hora per terra à suon di bastonatte li fanno fortemente caminare, perche se robbe di condition trouanno, non le lasciano, E cosi carichi di questi spoglie se ne tornano, Et ueram.te ben gli conuienne il nome di Tartaro, che uiene dal uerbo Greco Taratto, che uuol dire perturbo che se uogliamo dire il uero, nessuno perturba tanto le persone come hò detto quã to loro; Arriuati poi in Tartaria, si rinoua altro dolore; Poiche se li diuidono frà di loro & all' hora si rinoua l' altro dolore Poiche à chi tocca la Madre à chi il figliolo, Altro piglia il marito, altro la sposa, & poi li portano à uendere in diuerse Città di Tartaria, & l' esponono al publico, come innocente pecorelle, al gusto di qualunque compratore, qual non lascia di uederle & maneggiarle, che non habbino di nascosto qualche essenzial difetto, & pur tal hora ui sono belle & honorate donzelle, che il russore della faccia, le fanno apparire più belle, & in tal Caso altro uà in Constantinopoli, Altro in Asia, quell' altro in Europa, l' uno uà in Leuante, l' altro all' occaso.

Mà sperò nel Sig.re. che Judicium Dei peruenit ad illos, poiche da 10. Anni in qua hanno per grazia d' Iddio, massime in Polonia, perso la strada come di sopra si accennò che in 5. Volte, che in 10. Anni ui sono stati, per ogni uolta la 3. parte, ò morti, ò schiaui ui ne sono restati, & di più ualorosi soldati, & tanto si sono spauentati, che molti che sono tornati hanno fatto giuramento di non uedere più quella strada, & dicono corel saffi, attese, cioè il Polacco è tutto fuoco.

In Circasia anco non ui uanno troppo, Perche sono Genti di forte modo bellicosi, & in tanto Il Kan ui uà, in quanto da qualche sig.re. Circasso per suo aiuto uiene chiamato per far uendetta contra qualch' altro potente, sig.re. suo nemico. Sperò anco che li Moscoui, hora che non hanno Guerra ui faranno anco loro qualche riparò, perchè è Sig.re. molto potente.

La Circasia è diuisa in molti Baronaggij, che loro chiamano Bei, Questi frà di loro sono più duellosi che Prencipi Christiani, & continuamente guerreggiano per occasione de ladroncinij, chi frà di loro il Padre non hà sicuro il figliolo, dal fratello, chi per le Giurisditioni. Chi per homicidio commesso, che ogni giorno n' occorre frà di loro, ò pur tal uolta per causa d' honore, & menanole mani

senza remissione, In tanto che ciascheduno non bastandogli li suoi Vassalli, Vi ricerca l' aiuto d' altro sig^re. suo aderente, si Viene poi à tale che uno di loro, resta superiore. Quell' altro poi, che si sente grauato, chiama il Kan, in suo aiuto. promettendogli 200. ò 300. Schiaui, Il Kan più che uolontieri abbraccia l' occasione, & subito mette in Campo 40. ò 50000. Soldati, & se ne uà da quel Signore che lo chiama, Quell' altro all' hora uedendosi à mal partito, comincia bene à pensare à fatti suoi, & per il meglio, si risolue componersi con il Kan per alquanti schiaue, & poi per mezzo suo fanno la Pace. è cosi è pur uero, che Inter duos litigantes Tertius gaudebit, che altrimenti il Tartaro poco potrebbe guadagnare dalli Circassi, se bene gli stanno sù gl' occhi massime se fossero uniti, Perche sono assai bellicosi, & hanno foltissimi Boschi & aspre Montagne, Però hora hanno anco loro aperte gli occhi, che da molti anni in quà non chiamano più el Kan.

Li Circassi si gloriano di Nobilissimo sangue, & il Turco istesso lo tiene in tal stima, & lo chiama con termine di Nobile huomo d' arme à Cauallo, dicendo Cerches Spahà, Et ueram.^te La Nobiltà, anco che uadino à solazzo per le Ville doue dimorano, compariscano sempre à Cauallo con giacchi à maglia, con morioni, con rose d' argento indorate, & con bellissimi & leggiadrissimi Caualli, di alta grandezza, mà snelli cosi anco loro snelli gentili et stretti in Cinta. Di bellissimo Sangue, di color uermiglio, con occhio negro, & inarchate cigli, massime le donne, che credo nel mondo se gli possi dare sopra l' altre il Vanto.

Le donne maritate dietro la testa ue ne accomodano un' altra ripiena di panni, che pare che caminano con doi Capi, le Zitelle poi portano in Testa le berrette & uanno con capelli sparsi, gli huomini uanno uestiti tutti ad un modo di color berretino, che altra tinta non sanno, Portano Veste longhe sin al ginocchio, le maniche sono larghe al Capo, stretto al polzo, & per longhe spaccate ò aperte, come costumano li spagnuoli, ò pur francesi con calzetta tirata, & scarpa attillata cuscita nel mezzo di sopra, ad un solo, senza ricchiezze, in nessun modo, si stringono, ò allauiano, & pareche siano colate, & fanno un Caminare leggiadro. Il ferraiolo è d' un pezzo senza cuscitura, stretto al collo, & largo da piedi, che à pena circonda la Vità, & secondo li Venti, ò le pioggie cosi lo Voltano, Mà

per ordinario sempre lo portano dal fianco sinistro, portando scoperto il braccio destro quasi spedito per poter combattere, & le loro Berrette sono negri senza falta, con Capelli longhi come Nazzareni.

Sono ciuilissimi ne costumi, con persone di Condit^ni^. parlano sempre con la berretta in mano, nell' arriuare, & partire costumano inchini con il piede dritto, come Corteggiani, sono amatori di forastieri nelle proprie Case, cioè che si à caso ui capita persona di condit^ne^. ò Mercante sia fuor di modo l' accarezza & honora, l' P̃ron doue arriua, le sue figliuole nobili bellissimi & donzelle che siano, non solo, non s' ascondono mà gli bacciano la mano, & hanno pensiero di tenergli politi li Vestimenti, & se ui è qualche rottura, nel miglior modo che ponno, li rapezzano, sono Virtuosissimi con l'ago & in tutti li negozij della Casa, Mentre il forastiero mangia, Il P̃ron di Casa lo serue à mense, & se persona di rispetto, con il Capo scoperto, ne occorre pregarlo che si sente, costumano tutti della Casa fare brindis ad forastiero comminciando il P̃ron, poi la moglie, figliuoli & figliuole inginocchiandosi ciascheduno mentre beue, & con l' Capo scoperto, & le donne quando beuono, con la man sinistra in segno si toccano la testa. Non hanno Vini perche non ui ne nascono, mà si trouano delle lebrusche, che è segno che ui ne nascerebbero, Mà beuono molzo, cioè beuanda fatta di mele, che ui ne è copia, fanno anco acqua uita dalle biadi, fanno anco un altra beuanda, che si chiama bosa, che è liquore di miglio cotto distemperato, con acqua però di miglio spogliato, Mentre il forastiero è in Casa, la sua robba, anco non sia serrata uiene ben custodità, Vscendo poi fuori per la Circasia & non sia accompagnato da persone conosciute, non solo sta sicuro della robba, che non sarrà più sua, mà anco porta pericolo d' esser fatto schiauo, & trasportato di lontano sarrà uenduto; Però il P̃ron suol dargli scorsa.

Pane di grano in Circassia non si costuma, che però ui ne seminano, Mà per pane usano miglio cotto nel Caldaio spesso & senza sale, che chiamano pasta, qual diuide in pezzi, & lo distribuisce per la mensa, & à me conuenne in Tumruch, una grossa giornata dentro Circasia mangiarne otto giorni, che mi parue molto insipido.

Occorrendo caso che l' forastiero torni nella Villa, doue sia stato, guardasi di non andare ad' alloggiare in Casa d' altra persona, anco ui fosse conuitato, Perche il primo Patrone lo piglia per punta

d' honore, quasi che di lui fusse stato mal trattato, deue dunque tornare nell' istesso loco che poi gli è permesso andare à mangiare, doue uien chiamato.

Il Nobile Circasso, non apparente se non con nobile & par suo & si guarda bene di non derogare alla sua conditione, che frà loro in questo ui è più puntiglio d' honore, che frà Italiani, & li Giouanni danno la Dote alli Padri, ò fratelli delli donne che Vogliono, cioè tanti buoni Caualli, tante corazze, tante belle spade, tanti Vestimenti, tante Tazze d' Argento, che li Padri ò fratelli dicono per esempio Voglio tanti Capi, di robba, de danari non si costuma, ne anco frà mercanti, Mà si commuta robbe; In Circassia ui sono bellissmi: pelli li Padri & fratelli poi danno la figliuola & sorella con quelli solo uestiti, che sopra portano, Queste poi zitelle, mentre sono donzelle conuengono à Conuiti, à festini, à suoni, à Canti, & Balli, che sono una Natione molto allegra, & ballano sempre con le punte di piedi cosa difficile, mà à uedere assai bella; Quando poi si maritano per molto tempo, & Anni, non si fanno uedere dalla Socera Cognati & stretti parenti, habitando in disparte, & in diuerse stanze anco siano nell' istessa Casa, & se a caso tal hora s' incontrano, uoltano & abbassano il Volto per nõ uedersi, passato poi questo tempo, fanno un pasto alla sposa, con un donatiuo, ò di bella Veste, ò pelliccia, ò che sia di sodisfattione della sposa, che pª. la uuol sapere, se n' è contenta, Poi in Casa la riceue con Bagi, & buoni auguri, & tal hora hauera 2. è 3. figliuoli, & da quel giorno in poi, la sposa haue facoltà d' andarui ad' ogni hora, & di mangiare insieme; Non però haue licenza di parlare, & rispondere ad' altri, alla sua presenza, ne anco con il marito, se non con Cenni, & cosi staranno per un Anno.

Poi il Suocero gli fà il 2°. pasto, & il 2° donatiuo più piccolo, & haue licenza di parlare quando gli occorre.

Tutte queste Ceremonie l' hanno ancora li nostri Christiani latini, di fecciala, che si fanno chiamare Cerchessi franchi. Quando Caffà fù presa dal Turco dalli mani de Genuesi circa 180. Anni sono, Molti Nobili di loro furono condotti in Constantinopoli & datagli una contrada da habitare uerso il Palazzo del Gran Constant°. Imperadore, & hoggi giorno si chiama, chieffe Mahalasi, & ui sono hora restate due famiglie in essere, Altri se n' andorono in Circassia con

occasione delle loro mogli, che molti le pigliauano in quelle parti, che hoggi giorno li Circassi dicono french Cardasc. ò nella propria lingua, cioè li franchi sono nostri fratelli. Altri ne restarono in Caffà quali per mancam.^to^ di rito, ò sacerdote latini, con occasione anco loro delle moglie Greche, sono passati al rito Greco. Altri poi restarono in Corte del Kan, à quali diede una Terra chiamata. Siuuritasc che uuole dire pietra pizzata quale ui è hoggi gior.^no^. & si scopre di lontano. diede anco à loro il Bei dell' istessa natione, & si chiamaua siuuritasc Bei & li Kan teneuano gran conto di loro, seruendosene per mandarli Ambass.^re^: in Polonia, & ad altri Prencipi Christiani li fece tutti spaha, cioè Nobile della Corte, li fece esenti da Tributo, Decimi, & altri aggrauj. solo obligati à caualcare in guerra con il Kan, Con il tempo poi il Bei li fece Turco, & molti sequitarono quella strada, & quelli pochi che ui sono restati. Perche Siuuritasc. è loco Vicino alla Corte. Per li Circassi Cognati, ò Parenti, che ueniuano dal Kan, & poi si ritirauano con loro, ne sentiuano molto incommodo. Però da 30. Anni sono con tutta la famiglia se ne andorono à fecciala, ancora mezza giornata lontano, Mà fuor di mano però loco più delicioso con il fiume, fontane, con delicate acque, & abbondanza di frutti et godono l' istessi Priuileggi, & Hanno l' istessi costumi & ceremonie de Circassi, eccetto che, per spada per timor del Kan, si seruono delle lingue, & del rancore, che non sono frà loro Vniti, se non quando beuono, che raccogliono Vini & mangiano Pane ordinario. sono 12. Casi, & hanno professati sempre rito latino, ò da Polonia, ò capitatoci dall' Italia, non però parlano Italiano, mà Turco, Tartaro, & Circasso. Sanno bene il pater Nostre, Aue Maria, in latino, Noi altri poi li confessiamo, & predichiamo in Turco, che è la lingua materna del Paese, Però gli huomini quando uanno in guerra con il Kan, lasciando quello, uanno con li Tartari à rubbare, & più che per Schiaui li tengono loro, & descendenti figliuoli in sempiterno senza mai speranza di libertà. se con danari non si ricomprano, facendo à quello coltiuare la loro posessioni, che loro non si degnano, ne anco andare à uederle. Ne uogliono sentire ne censure, ne mal acquisto, ne decreti, Però questi tali li mortificamo con non uolerli assoluere fin che non gli tagliano congruo tempo della seruitù. Soleuano anco pigliar moglie, & stare con quelli molti Anni, & hauer figliuoli, & poi chiamauano il Padre anco fosse greco, & si

faceuano sposare, mà à questo ci habbiamo rimediato, le Donne costumano quando si maritano di non farsi uedere come l' altre di Circassia. Mà quello è peggio, per tutto quel tempo, non Vogliono uenire in Chiesa, perche sarebbero uiste da Parenti, & in questo non bisogna gridare, che hò fatto assai à farne uenire in chiesa vna dopò 4. Anni credo che il medesimo & peggio farebbero le donne in Circasia secondo la regola filosofica. Propter quod unum quodque tale, & illud magis, che se le n̄re, che sempre hanno hauuti Padri Sacerdoti, che l' hanno instruiti costumano si barbare usanza ad' imita^ne^ delle Circasse, Molto più lungo tempo senza fallo si asterebbero quelle dalle Chiese. Mà non hanno ne Chiese ne Sacerdoti, Mà solo ui sono alcuni di loro in luoco di Religiosi che chiamano sciuguen, Quali Sciuguen, sanno leggere un pochetto in greco, che le p̄ri loro ò loro istessi impararono in Tartaria, & loro battezano & benedicono li Curbanj, ò sacrificij, fanno funtioni sopra li Morti, & simili del resto, Non ui è che dichi messa, ne ministri altro sacram.^to^ & non hanno lettere ne scritture, che per questo il Turco ingiuriandoli li chiama Cherces, chietabsis, che uuol dire Circasso senza libro, & senza lettere, & ueramente non sò perche li sacerdoti d' altri luoghi, non ci hanno potuto durare, se perche erano rubbati, à tutte l' hore, che non portano rispetto à nessuna persona, ò per che la lor lingua remessa, & quasi fischiando che tengo, che più difficile di quello non si troua al mondo; Pure noi siamo destinati di andare à coltiuare l' inclusa uigna di quelli Parti si piacera al Sig^re^ aprirci la strada Già anni sono ui mandai il Padre Gio: da Lucca mio Compagno à riconoscere il stato di Christianità in quelle parti, fu molto ben uisto, & ben trattato da quei signori offerendosi prontissimi à riceuere la n̄ra missione, & di già gl' operarij sono per strada, se piacera al Sig^re^ condurli à saluamento.

Ritengono alcune buone osseruat^ni^ de Christianità, poiche non mangiano Carne il Marte, Mercore, & Venere per tutto l' anno. Costumano li diggiuni, ò Vigilie, per la festa de santi. Apostoli nel mese di Giugni, Quelli d' Agosto, per l' Assunta della B. V: alcuni giorni per il santo Natale, & la Quadrag^ma^ grande, tutto al rito Greco, mà torniamo à Tartaria perche è hora, mà non è fuor della tela l' hauer raggionato di loro, perche dentro la Tartaria, Vi ne sono numero grande, & gran quantità di Ville, Imperò che la Tartaria, è

habitata da Tartari, Turchi, Circassi, Greci, Armeni, & Hebrei, li Tartari sono di due sorte, ò fattioni, cioè Tartari del Paese, antichi, & Tartari Nogai, che già circa 200. Anni uennero dalla Scithia 12. Murusa di loro con molta comitiuà condottoui da un Kan, nel ritorno da quelle parti, li Tartari del Paese chiamano Patrach, da un fiume cosi chiamato nella Tartaria, la cui sponda tutta dall' un' et l' altro lato ui sono infinite di Ville habitate da loro, mà poi sparsi per tutta la Tartaria, Al presente li Tartari Nogai non in numero, mà in ricchezze & dignità, sono li maggiori, & li 3. Prencipi della Tartaria hora sono tutti in mani delli Nogai, & li Kan danno le loro figlie alli figliuoli loro, & il primo di loro chiamato Scirin Bei, hà solo auttorità di metter mano al sangue Reggio, se ui occoresse atto di Giustitia.

Questi Tartari di queste due Nationi hanno frà di loro diuersi costumi, Impero che li Tartari Patrach, ò del paese, nel sembiante, non sono da gl' altri huomini differenti, di color bianco, ò triticeo, & di costumi, non discrepanti da gl' altri. Mà li Nogai sono di color oliuastro, & tirano al negro. Con faccia breue, le Tempia sono grande, & larghe gl' occhi piccoli, tondi è fuor dimodo incauati, che appena gli si uedono, Vedono però loro accutissimam.te che anco la notte frà dencissime tenebre uedono, le stradi per doue caminano; Quando nascono per 8 giorni non aprono gl' occhi, mà mouono alquanto le palpebre, per il che il Turco la chiama Cane Tartar chioppech, & in tanto mutano questa natura, in quanto apparentano con le Donne Tartare del paese; Hanno il naso schiacciato, & il mento breue, Dormano ranicchiati: & non compatiscono uedere la luce del fuoco; Hanno la panza longa, & le gambe corte, si che sopra il cauallo paiano Giganti, & in terra sono più piccole de gl' altri homini. Pero li Prencipi Nogai sono à piedi, & à Cauallo bellissimi Perche nascono da bellissime sig.re Circasse; li Tartari del Paese arano, & seminano, & mangiano Pane di fromento, ordinario, Mà li Nogai ne seminano, ne raccogliano, Ma si pascono di Carne mezo crudo, & particolarm.te di Cauallo, & beuono latte di Caualle ò acqua ordinaria, & tal uolta bosa, & si pure in questa Tartaria questi Tartari Nogai, molte ne uiuono ciuilm.te. nulla dimeno frà la plebe, ue ne sono però molti, che mai mangiano pane, Ma li Nogai della Schitia, non sanno che cosa uuol dire pane, Resistono poi anco grandemente alla fame questi

Nogai, che ponno commodamente stare 10. et 12. giorni senza mangiare, mangiano però tanto quando trouano, che non si uedono mai satij, & si è uista esperienza auanti questo Kan, che un di loro in un pasto si mangiò un grosso, & grasso Castrato. Li Tartari del paese habitano nelle Ville, et case ordinarie, Mà li Nogai, non hanno case stabile in Ville, Mà alla Compagna, sopra Carri, onde costumano di fare certe stanze, come Cuppule di Cappelle di legni sottili, come forme, & le coprono con feltro & le accommodano sopra Carri, doue cucinano facendoui sopra un spiraglio per il fumo, quale ponno coprire nelle pioggie & in quelli anco mangiano, & dormono, & ne fanno tante, quanto ricerca il loro bisogno, & con questi Carri tirati da Boui: uanno da loco in loco, secondo che hanno bisogno di pascoli per animali & tal hora conuengono insieme, in tanto numero che fanno Vista di grosissima Terra. Non si nega però, che li Prencipi & altri nobili Nogai, non habbino le Ville, & li Palazzi et poi la Tartaria quasi tutta piana, hauendo Monti solo dalla parte del Mare.

Il terreno è negro, & fertilissimo per li tanti animali à centenaia di migliaia, massime Caualli, Boue, & Pecore, & per consequenza ui si uedono Prati grandissimi, & grandissimi Pascoli, Vi si raccoglie Grani, & altre biade abbondantissimam.te & quantità di lini, che si fà in Tartaria, istessa finissima tela; In doi luochi di Tartaria si ui raccagliono abbondat.mi Vini, Vn loco si chiama Sudach, di cui si è raggionato frà li lochi principalli della Tartaria; Il 2°. si chiama Bel bech, non lungi da Bacchciasaraj. Il primo loco è sotto il dominio del Turco Il 2°. del Kan, li Vini di Bel bech non sono cosi amabili & potenti, come di Sudach, Vi sono Carni, pollami, Pesci, latticinij & frutti in abbondanza.

Vi sono due grandissimi Saline in stagni una al Capo della Tartaria, l' altra al piedi, cioè una al Vospro, & l' altra in Jusleue, che mantiene in abbondanza le riuiere dal Mar negro, & constantinopoli istesso, sal grosso & bianco, & spettano al Kan.

Si dice per certo, che ne Monti di Crim ui sia uena d' Argento, mà si teme della Potenza superiore. Il Viaggiare per la Tartaria per una parte è commodo, Perche costumano certe Carette fatte di uerghe, & rami sottili di albori, di sopra le coprano di store, & di feltro, che ui si può accommodare anco Tappeti, Vi si può dentro distendere commodam.te mediocre matrazzo Capaci di due persone, mà sen-

tandoui alla Turchesca di 3. & di 4. si che è molto commodo per sani & per infermi, & anco li mercanti mettono dentro le loro merci, anco commode Balle, & loro sentano alla bocca di quelle, & sono tirate da Caualli, ò da Camelli, che in Tartaria ue ne sono assai, mà non hanno un sol gruppo nel mezzo come gl' Asiani, & d' altre parti, mà con doi agguisa di pomo, & arcioni di sella, che molte uolte ui sentono sopra, come in morbida sella molti ne portano in Asia per razza, è poi malageuoli il uiggiare, Perche s' alloggia all' Hosteria della serena, & molte uolte bisogna alloggiare dal Piouano, Poiche per strada di luochi frequentati, ò nulla, ò pochissime Ville si trouano, che si sono tutti ritirati nelle valli, massime intorno alli fiumi, che ue ne sono sette, quantunque non troppo grandi, Non potendo asistere à gl' interessi di ui andanti, ò come lor dicono de Conacchi, non costumando Hosterie, si che per strada Ciascheduno si porta da mangiare, per se, & carrettone. Se poi tal hora si arriui in qualche Villa di Tartari, Con ogni Carità, & amore gli uien prouisto di quel tanto, che ponno senza danaro & rarissime uolte Il passaggiero per strada riceue oltraggio. Si che li Tartari, che fuori della Tartaria sono demonij con trascinare tant' animi, dentro la Tartaria paiano Angeli, Non resta però, che la Tartaria non sia l' inferno. Non solo per il sudetto maladetto esercitio, Mà per li tanti & tanti maladetti incantessimi fettocchierie, & Maleficij, & per le strade publiche delle Città principali, stanno li falgi, è Bachcci |come lor chiamano| quali, Altri con libri, altri con bardacche, ò uasi d' acqua, coperti, Altri con dadi, altri con fatte altre con frezze, uedono & dicono |pecunia mediante| quanto deue succedere di quel che cercano, ò bene, ò male, In particolare l' affascinar con gl' occhi, che loro chiamano Nazzarlich, nè hò uisto io stesso, effetti mirabili, & donne in particolare che per hauer detto à qualche creatura, oh che begl' occhi, hauergli subbito cominciato ò lagrimare, & doler gl' occhi, & restar ciecca. Per hauer detto à figliuola sopra il lauoro oh, come lauora bene questa figliuola incontinente hauergli tremato la mano, ò fatto male al detto, & simili.

Mà per tanti misfatti, & cose inique, che si fanno, Iddio da pochi Anni in quà, ne haue mostrato grandissimi segni, poiche pochissimi Tartari ui sono restati, che ò sono morti in guerra come sopra si è detto. Cinque Anni sono ui fù una crudeliss[a] Peste, che ne

scopò centenaia di migliaia. Quattro Anni continui, immediatam.te passati le locuste, sempre più con maggior numero, & anticipatam.te comparendo, hanno fatto incredibil danno che non solo à gli huomini, hanno caggionata Carestia grande, mà anco sono morti l' inuerno infinità d' animali, d' ogni sorte, per la penuria dell' herbe, è fieni, che non sono stati riserbati, & ui sono state grandissime neui cò estremi freddi.

Mà queste locuste, ò cocchirchie |come le chiama il Tartaro, è Turco| Il 4°. Anno sono comparse con modo inusitato, & prodigioso poiche non stauano confusamente come gl' altri anni, mà si uedeuano da loco in loco, numero infinito insieme adunate & triencerate; che non locuste, & animali senzati si mostrauano, mà Campi ordinati di Soldati, senza uedersene pur una frà il mezzo, & spatio di quelli squadroni, & inalzandosi, & mouendo loco, la prima d' un ordine, sequitauano l' altre tutte, del suo ordine, senza mouersi l' altre dell' altro ordine sin che il Capo di quelle, non si mouesse, & questo ordine teneuano l' altre tutte, che io stesso per strada ne fece esperienza. tirandoli alcune Pietre l' effetto di questo segni è stato che l' Inuerno parti da Tartaria Salmascia con la famiglia, accompagnato da molte spadre di Nogai, lasciando la Tartaria, & andando à ritrouare Candemiro, suo fratello nella Romelia, Et questo anno, l' estate per la fame, si sono partiti dalla Tartaria, da trenta milla persone con le famiglie, chi per Mare, & chi per terra nell' istessi paesi della Romelia facendo leuata à mille, à duo milla, ò più, ò meno secondo che si trouauono Tartari dell' istesso le Ville della Tartaria, per le Genti morti in guerra, per la Peste, & per altre persone fuggiti, per la carestia, non sono restate ne anco à uenti milla, & quelle malam.te habitate. Vi si sono uisti molti prodigij, che lungo sarei à raccontarle, mà d' uno non tacerò dà me molto attentamente osseruato, ciòe, che l' Anno passato 1633. nel mese d'. Agosto uolto si eclissò la luna, la p.a. la sera nel primo quarto circa le due hore di notte, per spatio d' un hora, & dauantaggio. La 2.a. nella quinta decima la matina, circa un hora, è mezza auanti giorno, Osseruai l' ecclisse trouandomi in Viaggio alla Villa de nostri Christiani, mà non la uiddi più. per essere anco subintrata la matutina luce, & anco il Monte mi ascosè il suo corso; Nel trigesimo poi giorno dell' istesso mese si oscurò il sole circa un hora è mezza di giorno, mà le

mutabiltà chè fece furono mirabili, quali breuemente descriuo, conforme curiosamente l' osseruai trouandomi in Campagna aperta nel ritorno del Viaggio. Apparue dunque il sole in forme quadrata, & cosi stette per spatio d' un buon credo, cantato; Poi tornò alla sua sferica figura, standoui per l' istesso interuallo. Poi si uidde Cinto d' una fascia negra nel mezzo di 4. dita larga, cosi perseuerando per l' istesso tempo, poi si oscurò la parte superiore tutta restando illuminata l' inferiore, & dopo il tempo come di sopra si tornò ad' illuminare la parte superiore, sino ad mezzo & si oscurò l' inferiore, come di sopra, & cosi stando per l' istesso tempo s' illuminò tutto, cosi presistendo per l' istesso tempo, & poi cominciando ad' eclisarsi d' intorno intorno coprendolo, come d'un sottil uelo, Mà in modo l' ascose, che non solo si uedeua più sole, mà ne anco minimo segno doue fosse il sole, che mai pote uederne segno per spatio d'un hora et mezza, che mi trouai caminando. Arriuato poi nella Città del Caffà desiderando molto curiosamente d' arriuarui à tempo per potere mostrare ad' amici questo gran prodiggio, et piacque à Iddio, che anco altri ne potesse dare testimonianza. Poiche m'incontrai con Armeni intelligenti, & con Hebrei, & chiamandoli alla spiaggia del Mare, che guarda uerso leuante, le domandai, se uedessero uestiggio doue, & in che sito si trouasse il sole, et dopò fattoui molta reflessione, & con il considerare l' hora, che poteua essere Non fù mai possibile |quelche non occorre in tempo di nuuole, che sempre se ne uede qualche uestiggio, & si osserua il suo corso| & in questo tempo che fù il suo Eclisse per spatio di due buone hore daua lume remesso & malinconico alla Terra. Quanto effetto sin hora se ne è uisto, è stato, che il sequente inuerno nel mese di Genaro, andando l' Vnigenito figliuolo del p̃nte Rè, ò Kan Zambechgirai, con il suo Esercito in Circassia, Arriuato al Vospro ultimo confine della Tartaria. la sera circa le due hore di notte si mise in letto con un dolor di Testa, & su la mezza notte senza che nessuno se ne accorgesse, si può dire subitaneamente passò all' altra Vità, & si eclisse per sempre il sole, non mandando più raggij Casa Conchis da questa parte; perche non haue di se lasciati figliuoli, Vn fratello solo, che haueua il Kan circa 3. anni sono, morì anch' egli senza heredi, & questo Kan è fuor di speranza, si che la Tartaria che era illustrata da tanti Soldani, hora

ui ne è sol uno fratello del Kan, per parte di Madre; Piaccia al sig^re^. ui risurghi nuouo sole, è nuoua luce, & in bonum monstra conuertantur.

AMEN 1634.

Сообщилъ К. Данковичъ.

Письмо канцлера Олбрахта Гаштолда къ земскому подскарбію Богушу Боговитиновичу въ началѣ XVI вѣка (1522—1530 гг.) о защитѣ г. Кіева отъ разоренія его татарами.

Печатаемый ниже документъ, письмо канцлера и Виленскаго воеводы Олбрахта (Альберта) Мартиновича Гаштолда къ земскому подскарбію Богушу Боговитиновичу, содержитъ въ себѣ указаніе на малоизвѣстный фактъ разоренія г. Кіева татарами въ началѣ XVI вѣка. Разореніе, говоритъ авторъ письма, было очень велико, такъ какъ городъ былъ беззащитенъ: въ немъ не было на ту пору ни ротмистра, ни какого-либо вооруженнаго отряда, а мѣстное ополченіе не могло, конечно, оказать никакой существенной пользы. Кіевскій воевода писалъ о беззащитности Кіева королю и членамъ Рады и просилъ о присылкѣ гарнизона; король назначилъ въ Кіевъ ротмистра Мыслимицкаго; на содержаніе ротмистра и отряда при немъ необходима была нѣкоторая сумма (величина ея въ письмѣ не опредѣлена) денегъ, выдача которой зависѣла отъ подскарбія Боговитиновича; о скорѣйшей выдачѣ-то этой суммы и проситъ канцлеръ подскарбія въ письмѣ, въ виду возможности новаго татарскаго набѣга и разоренія.

Полная дата документа не означена, а потому время разоренія Кіева и новаго ожидавшагося набѣга татаръ не можетъ быть пріурочено къ тому или другому году съ точностью; но такъ какъ Гаштолдъ былъ Виленскимъ воеводой съ 1522 г. по 1529 г., и одновременно почти съ нимъ должность земскаго подскарбія занималъ Богушъ Боговитиновичъ († въ 1530 г.), вступившій въ нее еще въ концѣ XV вѣка, то дату письма можно считать, по нашему мнѣнію, близкой къ половинѣ 1520-хъ годовъ, когда могъ совершиться также и фактъ, послужившій предметомъ письма. По всей вѣроятности, рѣчь идетъ здѣсь о двухъ набѣгахъ крымскихъ татаръ, о которыхъ упоминаетъ Д. Бантышъ-Каменскій[1]) въ своей „Исторіи Малой Россіи“ подъ 1522 г., когда потерпѣлъ пораженіе и взятъ былъ въ плѣнъ татарами Черкасскій староста Евстафій Дашкевичъ, и подъ 1526 г., когда литовскій гетманъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, прогнавъ отъ Кіева татаръ, разбилъ ихъ подъ Соколемъ. Кіевскимъ воеводой былъ въ эти годы Андрей Якубовичъ Немировичъ (1514—1539); онъ, вмѣстѣ съ Дашкевичемъ, также участвовалъ въ отраженіи татаръ кн. Острожскимъ.

Примѣчаніе. Письмо написано на полулистѣ, занимая на немъ половину лицевой стороны. Почеркъ относится къ началу XVI в.; тоже подтверждаетъ и водный знакъ бумаги: гербъ Сфорца (описаніе и изображеніе его см. въ таблицахъ и предисловіи къ „Archivum książąt Lubartowiczów Sanguszków. 1366—1506“. We Lwowie 1887 г. т. I).

---

[1]) Изд. 3-е, Москва 1842 г., т. I, 103 и 104.

Велможному пану брату и приятелю моему милому, пану Богушу Боговитиновичу, подскарбему земскому, маршалку и писарю господара короля его милости, державцы Слонимскому и Каменецкому, от Олбрахта Мартиновича Кгаштолда, воеводы Виленского, канцлеря его милости, чолом бьет; о здоровии твоеи милости, брата и приятеля моего милого, рад быхъ слышал на кождый час. Тыми разы писал до нас ротмистръ Киевский, который мает на Киеве мешкати, пан Мыслимицкий, о том, ижъ дей твоя милост ещо его на Киев не отправил, пенязей ему не дал, о чомъ вжо мы неоднокрот писали до твоей милости, абы твоя милост рачил ему пенязи дати и его, с поштомъ людей его, на Киев отправити, бо, пане подскарбий, тыми разы писал до господаря короля его милости и до панов рад пан воевода Киевский, поведаючи, иж поганство татарове шкоду великую замку господарьскому Киеву вчинили, а ротмистра жадного на Киеве нет; а прото и тепер абы твоя милость рачилъ ему пенязи дати и его, с поштом людей его, на Киев отправити без мешканя; паклиж бы твоя милост его отправити так борздо не хотел, чогож Боже уховай, естли бы ся шкода стала замку господарьскому Киеву, тогды не вем, на комъ ся то зостанеть. Писан в Тыхотине*), июн 9 ден.

---

*На оборотѣ листа надписано***): „Велможному пану брату и приятелю моему милому, пану Богушу Боговитиновичу, подскарбему земскому, маршалку и писарю господаря короля его милости, державцы Слонимскому и Каменецкому".

(Изъ отдѣльныхъ документовъ Кіевскаго Центральнаго Архива).

Сообщилъ *И Каманинъ.*

---

*) Годъ не означенъ; въ этомъ мѣстѣ въ письмѣ пробѣлъ.

**) Оборотная надпись представляетъ, по своей внѣшней формѣ, адресъ на письмѣ, сложенномъ въ конвертъ.

АКТЫ

ПО ИСТОРІИ МОНАСТЫРСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ

ВЪ МАЛОРОССІИ.

(1636—1730 гг.).

Сообщилъ А. Лазаревскій.

АКТЫ ПО ИСТОРІИ МОНАСТЫРСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ВЪ МАЛОРОССІИ. (1636—1730 гг.).

Монастыри были одними изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ въ старой Малороссіи. Отличительною особенностью въ исторіи ихъ замлевладѣнія было то обстоятельство, что послѣ освобожденія Малороссіи отъ польской власти, поземельные акты монастырей не были „скасованы козацкою шаблею“, какъ были „скасованы“ крѣпости другихъ землевладѣльцевъ. Громадныя земельныя богатства кіевскихъ монастырей, накопленныя при польскомъ владычествѣ, были ими сохранены, потому что Богданъ Хмельницкій, ставъ распорядителемъ освобожденной Малороссіи, охотно выдавалъ монастырямъ подтвердительные универсалы на ихъ земельныя имѣнія, причемъ не различалъ, кѣмъ и когда даны были монастырямъ тѣ имѣнія. Такимъ образомъ подтверждены были Хмельницкимъ не только акты, полученные монастырями „съ давнихъ вѣковъ отъ побожныхъ ктиторовъ, пановъ и христіанъ благочестивыхъ“, но и даренія, полученныя монастырями въ позднѣйшее время, въ концѣ перв. полов. XVII в. Подтверждая монастырямъ прежнія ихъ имѣнія, Хмельницкій давалъ имъ и новыя, отъ себя. Такъ, всѣ принадлежавшія католическимъ монахамъ имѣнія на лѣвомъ берегу Днѣпра Хмельницкій роздалъ ближайшимъ къ этимъ имѣніямъ православнымъ монастырямъ и, кромѣ того, давалъ послѣднимъ и земли никому до того не принадлежавшія [1]).

[1]) Поземельныхъ универсаловъ Б. Хмельницкаго, данныхъ монастырямъ, напечатано достаточное количество; разбросаны только они очень по разнымъ изданіямъ, начиная съ губернскихъ вѣдомостей. Впрочемъ, для знакомства съ этими актами достаточно и тѣхъ, которые напечатаны въ V-мъ томѣ актовъ, относящ. къ исторіи Западн. Россіи. (стр. 85 и слѣд.).

Получивъ отъ Хмельницкаго подтвердительные универсалы, монастыри затѣмъ безъ труда получали отъ послѣдующихъ гетмановъ новыя подтвержденія, причемъ въ этихъ подтвердительныхъ универсалахъ незамѣтно появляются новые мѣстности, не въ видѣ, однако же, новаго дара, но въ видѣ лишь подтверждаемаго стараго.... Въ этомъ отношеніи монастырскіе поземельные универсалы представляютъ много любопытныхъ чертъ того особаго умѣнія въ пріобрѣтеніи земельныхъ имуществъ, какимъ славились малорусскіе монастыри. При этомъ послѣдніе возбуждали противъ себя немало нареканій; такъ напр. уже въ нач. XVIII в. слышатся замѣчанія, что многіе изъ монастырскихъ поземельныхъ актовъ возбуждаютъ сомнѣніе въ своей подлинности [1])... Кромѣ пріобрѣтенія земель по жалованнымъ актамъ, монастыри очень часто пріобрѣтали ихъ двумя путями: путемъ „скупли“ и путемъ „займанщины“, которые были главными факторами въ исторіи землевладѣнія лѣвобережной Малороссіи. При займѣ свободныхъ земель, монастыри сталкивались съ сосѣднимъ населеніемъ и очень часто, занимая эти земли, подчиняли затѣмъ своему началу и сосѣднихъ крестьянъ. Монастырскіе притязанія нерѣдко поэтому возбуждали въ народѣ протестъ, но мѣстная власть далеко не всегда имѣла возможность устранять эти притязанія, даже при видимой ихъ незаконности: на бумажныя распоряженія монастыри мало обращали вниманія, а другихъ мѣръ мѣстная власть почти и не принимала, по своему безсилію. Въ судахъ тоже трудно было бороться съ монастырями, почти всегда имѣвшими въ числѣ своихъ монаховъ большихъ искусниковъ въ веденіи судебныхъ дѣлъ [2]). При такихъ обстоятельствахъ къ концу XVIII в. монастыри стали одними изъ крупнѣйшихъ поземельныхъ собственниковъ.

---

[1]) Русск. Арх., 1871 г., № XI, стр. 1895.

[2]) Въ письмѣ представителя Черниговскаго Борисоглѣбскаго монастыря, писанномъ ок. 1720 г. къ своему повѣренному, въ Глуховъ, читаемъ: „Если будетъ защо, кому знаете, поклонитись; посылаемъ десеть червоныхъ. Отецъ Константинъ имѣетъ приступъ и любовь у его мил. пана судіи (Чарныша?); нехай розговоритъ секретне зъ паномъ судіею и предложитъ зъ прошеніемъ отъ мене, дабы до далшого часу тая ие кончена була справа (дѣло шло о спорѣ монастыря съ крестьянами д. Осняковъ за земли). Кгдыжъ аще окончена будетъ, зъ великимъ грѣхомъ ихъ милостемъ будетъ, отъчого да сохранитъ ихъ Господь,—нимъ не такъ о землю, яко о душу всякого человѣка идется. Еще кому аще треба будетъ защо дати, озмѣте у отца Каллиста копѣйки—тыежъ гроши, толко не розсыпайте дармо“.... Докум. Борисоглѣбск. монаст., № 62, въ арх. Черниг. Казенной Палаты.

Печатаемые ниже акты представляютъ не мало любопытныхъ фактовъ изъ исторіи монастырскаго землевладѣнія, которое рано или поздно должно явиться предметомъ особаго изслѣдованія.

Мы предлагаемъ здѣсь вниманію изслѣдователей: I, поземельные акты Батуринскаго Крупецкаго монастыря, начинающіеся съ записи Юрія Оссолинскаго 1636 г., который, по просьбѣ Адама Киселя, подтверждаетъ „своему“ Батуринскому монастырю земли „подлугъ давняго вживания“ [1]). Въ числѣ трехъ универсаловъ Б. Хмельницкаго тому же монастырю, очень интересенъ данный имъ въ іюнѣ 1656 г., по которому, на основаніи какого то неизвѣстнаго акта п. Пясочинскаго, гетманъ подтверждаетъ Крупецкому монастырю пять селъ. Здѣсь важно отсутствіе акта Пясочинскаго, существованіе котораго можетъ быть сильно заподозрѣно, такъ какъ монастыри ревниво оберегали свои крѣпостные документы и щедро писали съ нихъ копіи. Въ универсалѣ Выговскаго *подтверждается* право монастыря на село Обмочевъ, но раньше, въ актѣ Оссолинскаго, упомянуты только „грунты“ въ селѣ Обмочевѣ. Въ подтвердительномъ универсалѣ Брюховецкаго видимъ хуторъ Корепецкій, о которомъ прежніе универсалы не упоминаютъ; а въ универсалѣ Скоропадскаго 1713 г. значится уже не хуторъ, а цѣлое село Коренецкая [2]).

II. Поземельные акты Новомлинскаго женскаго монастыря, начинающіеся любопытнымъ актомъ шляхтича Силича, по которому послѣдній, бѣжавъ въ войну Хмельницкаго на правый берегъ, отдаетъ покинутыя имъ въ „оплаканый часъ“ свои земли подъ Нов. Млинами на существовавшій тамъ „монастырёкъ“, при чемъ послѣдній поручается покровительству Крупецкаго монастыря. Изъ этихъ документовъ тоже неизвѣстно—когда и отъ кого монастырь получилъ *подтвержденное* гетманомъ Самойловичемъ право на села Пальчики и Атюшу.

III. Отрывокъ изъ дѣла о поземельныхъ спорахъ между Крупецкимъ и Новомлинскимъ монастырями представляетъ любопытныя черты

---

[1]) Оссолинскій называетъ Крупецкій монастырь „своимъ“, потому что былъ владѣльцемъ г. Батурина. См. Kubala, Ierzy Ossolinski, II, 132.

[2]) Печатаемые здѣсь акты Крупецкаго монастыря упоминаются въ Описаніи монастыря Льва Бѣлоусовича (Черниговъ, 1859 г.), но описаны тамъ неточно. Въ Описаніи Черниг. Епархіи преосв. Филарета Гумилевскаго (III, 300—303) акты пересказаны тоже неточно.

тѣхъ непріязненныхъ сосѣдскихъ отношеній между этими монастырями, которыя десятки лѣтъ длились изъ-за необозначенія точныхъ границъ въ подаренныхъ Новомлинскому монастырю Силичемъ земляхъ. Тутъ же встрѣчаемся и съ показаніемъ одного свидѣтеля (Павла Гриба) о той жестокости, которая иногда проявлялась со стороны монастырскихъ властей при округленіи ими своихъ имѣній.

IV. Слѣдствіе по жалобамъ жителей г. Сосницы и с. Кирѣевки на незаконное требованіе съ нихъ Спасскимъ Новгородъ-Сѣверскимъ монастыремъ десятины, на захватъ и присвоеніе себѣ ихъ полей, сѣнокосовъ и проч., захватъ, сопровождавшійся разнаго рода насиліями, представляетъ собою крайне любопытное судебное свидѣтельство о тѣхъ средствахъ, къ которымъ иногда прибѣгали монахи, для узаконенія своихъ земельныхъ захватовъ. Тутъ же мы встрѣчаемся и съ личностью одного изъ тѣхъ монастырскихъ „городничихъ“ [1]), которыхъ управительская дѣятельность создала этотъ особый типъ, крайне непривлекательный.

V. Отрывокъ изъ дѣла о поземельныхъ спорахъ между Печерскою лаврою и Братскимъ монастыремъ за Сорокошицкія земли рисуетъ неопредѣленность въ земельныхъ границахъ монастырскихъ имѣній, подававшую поводъ къ нескончаемымъ спорамъ, при разборѣ которыхъ свидѣтели давали иногда любопытныя показанія для исторіи заселенія тѣхъ или другихъ мѣстностей въ Малороссіи. Въ этомъ отрывкѣ, напр., находимъ интересный разсказъ о поселеніи одного изъ остерскихъ селъ—Косачовки. Тутъ же встрѣчаемся и со многими любопытными бытовыми чертами.

Печатаемые документы списаны съ копій, приложенныхъ къ судебнымъ дѣламъ, которыя въ отрывкахъ имѣются у насъ.

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) Монахи-„городничіе“ завѣдывали отдѣльными монастырскими имѣніями, въ которыхъ и жили, пользуясь всѣми аттрибутами своей почти безконтрольной власти надъ личностью и достояніемъ монастырскихъ „подданныхъ“.

I.

Поземельные документы Батуринскаго Крупецкаго монастыря.

(1636—1668 гг.).

1) 1636 г., 29 октября. Подтвердительный актъ Юрія Оссолинскаго вышеозначенному монастырю на давніе его „грунта“.

Георгій, грабя съ Тенчина, Осолѣнский, Рицкий, Аделский староста, ознаймую тимъ листомъ моимъ теперъ и на потомніе часи, ижъ панъ Адамъ Кисѣль, воевода Кіевский и Браславский, вносилъ до мене прозбу свою за отцемъ Іоаномъ ігуменомъ зъ братіею закону реліокгіи кгрецкой зъ маетности моей монастира моего Батуринского, старожитнимъ названимъ Крупецкимъ, абы подлугъ давнего вживання своего захованіе были въ кгрунтѣхъ, здавна дотого належитими, въ селѣ Обмочевѣ и Веровскіе, зо всѣмъ кгрунтомъ, и пожитками, и сѣножатми, и озерами, борокъ красний, зъ бортмы лѣсъ и осѣчъ по Усорочъ озеро, пущу, взявши отъ озера Стучокъ, до того жъ озера Усороцкого стягается по-надъ рѣкою Сеймомъ зъ обохъ сторонъ, перевозъ на Сейму Батуринскій, що уживалъ Четысъ, слуга мой, поля до опаханя и озера, сѣножати; и я, то бачачи, ижъ то здавна до того святого Николая належало, котороеся на прозбу его милости пана Адама Киселя, воеводы Кіевского и Браславского, все тое отдаю до монастиря моего Батуринского, даю такъ онимъ отцемъ, яко и наступцомъ, по нихъ будучимъ; и онихъ отцевъ всѣхъ вѣчне притомъ заховую, абы тамъ перешкоди не отъ кого не было, такъ и по мнѣ наступуючимъ антецессорамъ (sic) моимъ, кгдижъ то власніи свои добра тому мѣстцу убогому отдаю, дабы того спокойне зажи-

вали; а до того вижей описаного жадной нѣхто не имѣлъ справи, вѣчними варую часи и ствержаю, иначей не чинячи; на що, для лѣпшой вѣри и певности, далемъ тотъ листъ мой отцу ігумену зъ братіею с подписомъ руки моея. Данъ въ Кіевѣ, року Божого 1636, октовр. 29 [1]).

2) 1655 г., 28 апрѣля. Универсалъ гетмана Богдана Хмельницкаго тому же монастырю на с. Хмеловъ.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ, з войскомъ его царского величества Запорозкимъ.

Всѣмъ вобецъ и кождому зособна, кому о томъ вѣдать належитъ, вшелякой кондиции людямъ ознаймуемъ симъ унѣверсаломъ нашимъ, всей старшинѣ и чернѣ войска его царского величества Запорозкого, а особливе паномъ полковникомъ, сотникомъ, атаманомъ, ижъ ми, видечи убогий монастиръ Батуринский и для вшелякое помочи зданю, зо всѣмъ пожиткомъ придалисмо село Хмѣловъ; пилно приказуемъ всѣмъ селянамъ, в Хмѣлце (sic) мешкаючимъ, аби всѣ в Бозе господину отцу ігуменовѣ Батуринскому и одъ его зосланному были послушними и во всемъ слухали безъ всякого противства; зачимъ приказуемъ старшинѣ и черни, аби до помененнихъ селянъ Хмѣловскихъ жаденъ а нѣ до пожитковъ тихъ не втручался подъ срогостью войсковою. Данъ з Чигирина, апрѣля 28 д., 1655.

3) 1655 г., 11 марта. Универсалъ того же гетмана монастырю съ подтвержденіемъ акта, даннаго Оссолинскимъ.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ, з войскомъ его царского пресвѣтлого величества Запорозкимъ.

Вѣдомо чинимъ нашимъ симъ писанемъ, кому бы о томъ вѣдати належать будетъ теперъ и напотомъ, старшимъ и чернѣ войска Запорожского, а особливе паномъ полковникомъ, сотникомъ, асауламъ, атаманамъ, войтамъ съ посполствомъ и всякой кондиции людемъ, такъ и по насъ наступуючимъ паномъ сукцессорамъ нашимъ, ижъ

[1]) Подлинникъ былъ написанъ на польскомъ языкѣ. Настоящій переводъ акта сдѣланъ, конечно, монахами, при представленіи его гетманамъ.

прекладавъ намъ честний отецъ ігуменъ монастира светого Николи Крупицкого Батуринского привилей, данний отъ пана канцлѣра коронного на монастиръ старожитний надання отъ давнихъ часовъ надъ Сеймомъ рекою. Прето и мы владзею нашею велѣли все тое, ведлугъ привилея п. канцлѣра наданного, нѣчого в томъ не нарушати, и не отиймаемъ, и тимъ унѣверсаломъ нашимъ покрѣпляемъ, и ствержаемъ, абы въ томъ наданю жадний отъ старшини и черни и посполитства кривди и перешкоди не важилися чинити а нѣ в тое ся втручати; всего того съ покоемъ повинни уживати вишѣпомянутіе законники; пилно приказуемъ паномъ полковникамъ и сотникамъ сурово, абы тамъ своеволства и бунтовъ чинити не допущали, иначей не чинячи подъ срокгостю войсковою. Данъ в Корсунѣ, року 1656, марта 11 дня.

4) 1656 г., 13 марта. Листъ полковника Гр. Гуляницкаго тому же монастырю на мельницу на рѣкѣ Метьевкѣ.

Григорій Гуляницкій, полковникъ Нѣжинский и всего Сѣвера войска его царского величества Запорозкого.

Ознаймуемъ тимъ писанемъ нашимъ, кому би о томъ вѣдать належало, ижъ подалисмо млинъ на рецѣ Метяювцѣ, зъ давнихъ часовъ належный монастиру до заживаня, въ Бозе превелебному господину отцу Исихию, игумену монастира Батуринского, аби того млина спокойне заживали и нѣ отъ кого жадной и наименшой кривди и перешкоди поносить не мѣли, такъ отъ козаковъ, яко тежъ и отъ посполитихъ людей; на томъ имъ писанне даемъ при печати нашой и съ подписомъ руки власной. Дѣялось въ Борзнѣ, марта 13,1656. Григорый Гуляницкій, полковникъ Нѣжинский и Сѣверский, рукою власною.

5) 1656 г., 17 іюня. Универсалъ гетмана Богдана Хмельницкаго на Спасское поле, Божокъ, Любитовъ, Заболотовъ и Озаричи.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ, зъ войскомъ его царского величества Запорозкимъ.

Ознаймуемъ симъ унѣверсаломъ нашимъ старшинѣ и чернѣ войска его царского величества Запорожского, а особливе паномъ

полковникомъ, сотникомъ, атаманомъ и всякой кондиціи людемъ, ижъ дойшло намъ вѣдать своеволю и непослушенство отъ товариства нашего и кривди великіе чинячие велебнимъ отцомъ въ Спаскомъ полю и въ тихъ кгрунтахъ, належнихъ издавна къ тому монастиру Светого Спаса; кгдижъ показовалъ намъ велебний отецъ писмо, листъ, на тое отъ пана Писочинского наданий на тіе кгрунта, здавна належачіе и наданніе къ тому святому мѣстцу; прето і ми владзою старшинства нашего повторе тое ствержаемъ и покрѣпляемъ, даючи въ моць и во власть велебнимъ отцемъ Батуринскимъ тотъ монастирокъ для хвали Божой и для отпущенія грѣховъ нашихъ, яко и всего войска Запорожского, Спаское поле, Божокъ, Любитовъ, Заболотовъ, Озаричи зъ отчиною, съ сѣножатми, полями и зо всѣми пожитки належачими, къ тому всего того здавна належного, съ покоемъ абы отцеве заживали, кривди жадное ни отъ кого не поносячи, якъ отъ старшини и черни и отъ посполства, селяне всѣ абы всякое послушенство отдавали, безъ всѣхъ непослушенствъ и турбацій; приказуемъ сурово паномъ полковникомъ, сотникомъ, абы тамъ жадныхъ кривдъ и своеволь не чинить; всего того повинни глядѣть, своеволнихъ карать безъ жадного фолкгованя, хто бы крывду въ томъ моглъ чинити церкви Божой и отцемъ тамъ знайдуючимся, войсковимъ наиздомъ, подводъ брать, стацѣй,—всего того забороняемъ подъ срокгостю войсковою и подъ неласкою нашею, иначей не чинячи. Датъ (данъ?) въ Липовцу, 17 іюня, 1656.

Богданъ Хмельницкий, рукою власною.

6) 1658 г., 16 ноября. Универсалъ гетмана Ивана Выговскаго тому же монастырю на с. Обмочовъ и озера.

Іоанъ Выговский, гетманъ, зъ войскомъ его царского пресвѣтлого величества Запорожскимъ.

Ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ старшинѣ и чернѣ войска Запорожского, меновите пану полковникови Нѣжинскому, асауломъ, сотникомъ, атаманомъ и всему старшому и меншому товариству, въ томъ полку найдуючомуся, вшелякого стану и кондиціи людемъ, теперъ и напотомъ будучимъ, и кождому, кому тилко сказано будетъ, дойшло насъ вѣдати, же свояволя пустошеня чинятъ въ пущехъ и сѣножатехъ монастира Батуринского; прето мы, видѣвши

унѣверсалъ славной памяти Богдана Хмелницкого, антецессора нашего, наданний на кгрунта монастырскіе, ствердилъ и покрѣпилъ; такъ и ми въ томъ жадной отмѣни не чинимъ, ствержаемъ и покрѣпляемъ ведлугъ унѣверсалу Обмочевъ село и всѣ озера, волно имъ уживать и орендовать. Сотники и атамани городовіе и сѣлскіе и жаденъ козакъ справи жадной абы не мѣли до того; в спокойномъ держаню ихъ ствержаемъ, абы жаденъ и ногою не вступивъ у монастырскіе кгрунта, не тилко дуба зрубати, але и прута вирубати не позволяемъ, подъ зарукою тысечи копъ; а хто бы былъ въ томъ спречнимъ бунты своеволніи подиймати, на церковь Божію и на чернчиковъ похвалки на забойство, такового приказуемъ горломъ карати, иначей не чинячи. Данъ въ Чигиринѣ, року 1658, ноевр. 16 дня.

Звышменованный гетманъ рукою власною.

6) 1659 г., 1 ноября. Универсалъ гетмана Юрія Хмельницкаго на лъса по р. Сейму, озера, с. Обмочевъ и мельницу въ с. Веровкѣ.

Юрій Хмельнѣцкий, гетманъ, зъ войскомъ, его царского пресвѣтлого величества Запорожскимъ.

Ознаймуемъ симъ писаніемъ нашимъ паномъ полковникомъ, асауломъ, сотникомъ, атаманомъ и всему старшому и меншому войска Запорозкого его царского величества товариству, такъ же ратнимъ государскимъ людемъ, началнимъ и подначалнимъ будучимъ, и кождому, кому о томъ вѣдати надлежитъ, ижъ яко славной памяти панъ отецъ нашъ небожчикъ, зъ побожности своей, не хотѣлъ отдаляти старожитнихъ лекгацій, въ запустѣніи отъ давнихъ часовъ отнятихъ отъ монастира святого Николи старожитного, стоячого въ пущи надъ Сеймомъ рѣкою, унѣверсаломъ своимъ ствердилъ и покрѣпилъ, такъ и мы симъ унѣверсаломъ нашимъ ствержаемъ и покрѣпляемъ, абы нѣхто такъ зъ старшины и чернѣ войска его царского величества Запорожского, и ратнихъ людей, и отъ посполства помененимъ отцемъ въ держаню пущи по-надъ Сеймомъ зъ бортнимъ деревомъ, взявши отъ озера Стучокъ по бортного дуба, и сѣножатми, озерами, село Обмочевъ и со всѣми пожитками, Красній борокъ, лѣсъ Осѣчъ по Усорочъ, млинокъ вешнякъ Веровскій зъ ставомъ, зъ рибою и зъ арандарскою частю, такъ арендаръ, якъ и зъ

старшини и черни, абы разной справы и перешкоды не важилися чинити, футоръ Нацетовщину съ полемъ, сѣножатми и озерами, што оніе уживали, все тое ствержаемъ и до уживаня подаемъ, яко есть въ листѣ, наданномъ отъ небожчика славной памяти отца моего, доложено, найменшое отмѣни не чинимъ; съпротивній зась волѣ нашой срокгого караня отъ насъ не увойдетъ; приказуемъ пану полковнику, сотнику сурово, абы тамъ своявольѣ и бунтовъ чинити не допущали и своявольнихъ безъ жадной фолкги карали подъ неласкою нашою, срокгостю войсковою, скарги къ намъ болше не допущали, иначей нечинячи. Данъ въ Чигиринѣ, року 1659, наем. 1 дня.

Звышменованный гетманъ рукою власною.

8) 1668 г.,—мая. Универсалъ гетмана Ивана Брюховецкаго съ подтвержденіемъ правъ на имѣнія, данныя его предшественниками, и съ прибавленіемъ хутора въ Коренецкой.

Іванъ Бруховецкий, гетманъ, зъ вѣрнимъ войскомъ Запорожскимъ.

Ознаймуемъ симъ писанемъ нашимъ, кому о томъ вѣдати потреба укажетъ, а меновите пану полковниковѣ Нѣжинскому, асаулам, сотникамъ, атаманамъ и всей чернѣ войска Запорожского, въ полку его зостаючимъ, ижъ мы, прихиляючися до давнихъ правъ, привилиевъ и фундушовъ, отъ побожнихъ такъ монарховъ, яко и ктиторовъ, монастиреви святителя Христова Николая Крупицкому Батуринскому игуменомъ преднимъ со всею ихъ братіею, на тотъ часъ и въ нинѣшное и потомъ наступуючіе времена зостаючого, наданнихъ, не мнѣй тежъ, поглядаючи на потверженіе унѣверсали славной памяти антецессора нашего небожчика Богдана Хмелнѣцкого, гетмана войскъ Запорожскихъ, и іныхъ антецессоровъ нашихъ, и къ онимъ волю нашу стосуючи, симъ писаннемъ нашимъ, тежъ зъ побожности нашой, абы тая святая обытель цале и ненарушоне при правахъ своихъ зоставала, всѣ прежніе наданя на монастиръ, меновите: лугъ, пущи надъ Сеймомъ рекою зъ бортми, взявши отъ озера Стучокъ по бортнаго дуба, зъ сеними покоси и озерами: Старое, Заборошенное, Кривое, Лозовицю, Осѣчъ, зъ лѣсомъ по озеро Усорочъ, селце Обмочевъ со всѣми пожитками, Красній борокъ, млинъ вешнякъ въ Веровцѣ зъ ставомъ, надъ тоею рѣчкою Цетовщину,

шляхетскую землю, съ полемъ пашеннимъ, сѣножатю и озера; на хуторъ у Коренецкой, по-надъ рѣчкою Ромномъ, млинъ вешнякъ зо всѣми пожитками, зъ лѣсомъ зъ липовимъ, и по-надъ тоею жъ рѣчкою кутъ, къ тому жъ млиновѣ сѣножать островъ противъ Коренецкой [1]); въ селѣ Хмѣловѣ сѣчъ зъ садомъ, зъ лукою сѣножатною, два млинки по колесу вешняки на Будищахъ, зъ лѣсомъ около тихъ млиновъ зъ обоихъ сторонъ по пустую гребелку отъ Смѣлого и отъ Хмѣлова, село Хмѣловъ со всѣмѣ пожитками, зъ млинами вешняками и съ полемъ пашеннимъ по-надъ тоею жъ рѣкою, Божокъ зъ млинами вешняками, Любитовъ, Заболотовъ, Озаричи зо всѣми пожитками, село Спасское поле зо всѣми пожитками, пущею и зо всѣми угодіи до вишe описаннихъ селъ, млинковъ и кгрунтовъ, якося зъ давнихъ часовъ заховали и ограничовали, нѣчого не отиймуючи, описанними и уживанними, ствержаемъ и теперешнему велебному отцу Минѣ, ігуменовѣ Крупецкому Батуринскому, и по немъ наступуючимъ, со всею о Христѣ братіею, надаемъ, пилно и сурово приказавши, абы такъ панъ полковникъ Нѣжинскій, асаули, сотники, атамани и товариство войска Запорожского, такъ же войти и чернь поменованному отцу игумену Николскому Крупецкому Батуринскому и всей его братіи, теперъ и въ потомніе часи въ монастиру томъ зостаючимъ, а на послушаніе въ тіе села и млинки для отбѣраня пожитковъ посланной, а въ вишъименованныхъ селахъ, кгрунтахъ, сѣножатехъ, озерахъ, млинкахъ, якося виразило, и во всѣхъ приналежитостяхъ, у отбѣраню и уживаню пожитковъ монастиревѣ належачихъ, наименшою не било перешкодою и овшемъ отъ заходячихъ якихъ колвекъ трудностий, абы панъ полковникъ съ старшиною заступалъ и боронилъ, а викрочнихъ и непослушнихъ, и до насъ не отсилаючи, сурово каралъ, мѣти хочемъ и повторе приказуемъ. Данъ въ Гадячомъ, року 1668, мѣсяця мая 1 дня.

Вишменованный гетманъ рукою власною.

---

[1]) Въ универсалѣ Скоропадскаго 1713 г. сказано уже: „село Коренецкая, въ полку Прилуцкомъ, въ сотнѣ Красноколядинской“.

II.

Поземельные документы Новомлинскаго Кербутовскаго дѣвичьяго монастыря.

(1657—1688 гг.).

1) 1657 г., 22 іюня. Дарственный актъ шляхтича Криштофа Силича вышеозначенному монастырю на землю въ Киробертовщинѣ, около м. Новыхъ Млиновъ, и на сельцо Щебры.

Криштофъ Силичъ.

Вѣдомо чинимъ симъ писаніемъ моимъ всякой кондиціи людемъ, кому би о томъ вѣдать належитъ теперъ и на потомніе часи, жемъ, за благословеніемъ и позволеніемъ ясне въ Богу преосвященного его милости пана и пастира нашего Силвестра Косова, Божіею милостію православного митрополита Кіевского и Галицкого и всея Россіи, взявши благословеніе и позволеніе на тое дѣло святое, отдаю вѣчне кгрунтикъ свой власний, на которомъ самъ мешкалемъ, подъ Новыми Млинами, купленій за суму певную золотихъ 286—тисячи (?), въотчину Киробертовщину, пущи по-надъ Сеймомъ рѣкою зъ бортнимъ деревомъ, прозиваемимъ Бобрикомъ, и зъ иними озерами и сѣножатми, зъ пожиття (sic), што принадлежитъ на тотъ бокъ, лугъ, пущи къ Рижкамъ, взявши половину озера Хлехачовку, которое дѣлитъ изъ Обмочевомъ, и взявши отъ того озера Хлехачовки черезъ Оболоне в лугъ (до?) дороги, болотомъ отъ гори изнову на тотъ бокъ Сейму къ Рижкамъ впадаетъ; которий кгрунтикъ мой не пѣний доброволне на хвалу Божую отдаю, жеби тое не могло пустовать, иле хто того жеби не уживалъ, иле да яко жеби ся не оборочало тое подъ сей часъ оплаканній, проше велможностей вашихъ, отче ігуменъ Батуринскій, мий старанне о томъ светомъ убогомъ мѣстци не було спустошоно и тую веску Блаки (?) его мосцѣ била уволнена, приверна (привернена?) къ тому жъ мѣстцу убогому, проше, жеби отдано, жеби то при мѣстци светомъ зоставало вѣчне на хвалѣ Божой, жеби тамъ мешкали иноци мужского полу реліи грецкой, иначей не минея. Жона моя Зося отдае Чебрю [1]), веску подъ Глуховомъ, зъ полемъ и

[1]) Село Щебры въ Глуховскомъ уѣздѣ.

зъ кгрунтикомъ, якъ въ себѣ лежитъ; къ томужъ отдаемъ вѣчними часи, жебы нѣхто того не отдалялъ отъ того светого мѣстца велебному отцу Ісихию, ігумену монастира Батуринского, в кгрунта нѣхто не повиненъ утручатся, нѣ самъ я, а нѣ отъ кревнихъ моихъ, а нѣ отъ инихъ шляхтъ и людей; волно имъ уживать тое спокойно, яко свое власное, и на томъ кгрунте монастиръ фундовать безпечно, не варуючися; а хто би мѣлъ бить спречнимъ, въ томъ и сие мое писаніе касовать и убо тое наданне нендзное мое отимать, или турбовать, или кривду якую чинить, или пустошить тотъ кгрунтъ звишъописанний, покладаемъ заруки копъ двѣ тисячи; хто би въ томъ кривду чинилъ, полагаю клятву святихъ отъ 318 никейскихъ: да буди проклятъ въ сей вѣкъ и будущий, анаѳема и маранаѳа, аминь! Што для лѣпшой певности и вѣри, далемъ фундушъ мой съ подписомъ руки моей, и печатию. Дѣялося в мѣстѣ Брагинѣ, мѣсеца іюня 22 дня, року Божого 1657.

Звишъменованний, рукою власною.

Сей фундушъ пана Силича, наданний на монастирокъ подъ Новими Млинами, который отдаемъ госпожи ігумении Евгении Хлевинской изъ сестрами на томъ мѣстцу жить, и фундушъ сей поручаемъ и даемъ въ руки ей. Іеросхимонахъ Іоанъ Есифовичъ, ігуменъ монастира Батуринского, со всею о Христѣ братиею.

2) 1658 г., 6 іюня. Грамота архіепископа Діонисія Балабана, данная тому же монастырю въ охраненіе отъ притязаній неизвѣстнаго монаха.

Дионисий Балабанъ, милостію Божіею архіепископъ, митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Россіи.

Дойшла насъ скарга отъ панеи Евгеніи Хлевинской, игуменіи монастира Батуринского и Бобрицкого, такъже отъ пана сотника съ товариствомъ и мещанъ Новомлинскихъ, же нѣякийсъ законникъ смѣетъ, противъ виразной волѣ и унѣверсаловѣ нашему, турбовати велебную панну игуменію монастира Батуринского и Бобрицкого на себе, тамъ никому не знаемий и жадного права не маючий, привлащаючи манастиръ и игуменскій титулъ; зачимъ ми, при властности отъ панеи законници вцале заховуючи отъ вшелякой перешкоди и турбаціи, варуючи, ежели би ся болшей важилъ въ манастиръ Бобрицкий втручати и трудности якіе задавати, на самого его и кождого

воли нашой спротивного, архіерейское вкладаемо неблагословеніе, на що дали есмо наше писаніе съ подписомъ руки власной и печатію митрополитанскою. Року 1658, мѣсяца іюня 6 дня.

Рукою власною.

3) 1669 г., 8 іюня. Универсалъ гетмана Демьяна Игнатовича (Многогрѣшнаго) тому же монастырю, на огражденіе его отъ притязаній сосѣдей.

Демянъ Игнатовичъ, гетманъ, зъ войскомъ его царского пресвѣтлого величества Запорозкимъ.

Пану сотникови, атаманови зъ товариствомъ, войтови зо всѣмъ посполствомъ городовимъ Новомлинскимъ, до вѣдомости подаемъ: дошла насъ скарга отъ велебной въ Богу госпожи Евгеніи Хлевинской, игуменіи Батуринской, монастира Бобриковского паненского, о томъ, якобы жители Новомлинскіе, козаки и посполитіе люде, въ наданяхъ здавна отъ побожнихъ ктиторовъ на монастиръ Бобриковский въ кгрунтахъ, то есть озерахъ, станахъ, отчинахъ, поляхъ, сѣножатяхъ, займищахъ, мимо права и унѣверсаловъ, отъ бывшихъ гетмановъ наданыхъ, а звлаща и мимо жалованную его царского пресвѣтлого величества на тые кгрунта выданную грамоту, великое укривженіе въ ловенню рибъ и въ скошуваню сѣножатей шкоди чинятъ и тимъ обители святой немнѣй задаютъ прикрость. Прето мы, постерегаючи того впредъ обытель оная отъ такихъ людей своеволнихъ на кгрунтахъ помененныхъ не поносила ущербку по васъ (sic.), жадаемъ и сурово приказуемъ, абысте конечне такъ козаки, яко и посполитіе люде, въ вышмененныхъ кгрунтахъ монастирскихъ Бобриковскихъ найменшой шкоди задавати не важилися; а если би хто зъ козаковъ албо зъ посполитихъ людей якую колвекъ кривду въ помененныхъ озерахъ, отчинахъ, станахъ, поляхъ, сѣножатяхъ монастырскихъ еще хотѣлъ задати, теди таковий зъ кождыхъ за скаргою срокгого отъ насъ не уйдетъ караня, зъ утраченемъ своихъ маетковъ. Писанъ въ Батуринѣ, іюня 8, року 1669.

Демянъ Игнатовичъ, гетманъ войска его царского пресвѣтлого величества Запорозкого.

4) 1676 г., 21 ноября. Универсалъ гетмана Ивана Самойловича на земли Силичевскія, на перевозъ на р. Сеймъ, на сс. Пальчики и Атюшу и на мельницы въ с. Чеплѣевкѣ и друг.

Іванъ Самойловичъ, гетманъ, зъ войскомъ его царского пресвѣтлого величества Запорозкимъ.

Ознаймуемъ симъ нашимъ писаніемъ всѣмъ, кому вѣдати належитъ, особливе пану полковникови войска его царск. пресвѣтл. величества Запорозкого Нѣжинскому, сотникомъ Батуринскому и Новомлинскому, атаманѣ городовой и сѣлской и всѣмъ тамошнѣмъ обивателемъ: поневажъ прошлыи гетманы, здавна помножаючи хвалу Божію, респектомъ знищеня монастира паненского Батуринского, для подпори оному и Бобриковскому названному, за игуменіи честной госпожѣ Евѳеніи Хлевынской законницамъ перевозъ на Сейму, подъ мѣстомъ Батуриномъ, село Палчики зъ кгрунтами Жуковскими, такъже млинъ у Чеплѣевцѣ, другий подъ Новыми Млинами зъ однимъ каменемъ, третий также зъ однимъ каменемъ на Сейму, ихъ, купленный, четвертий въ селѣ Отюшѣ, яко и самое село Отюшу зо всѣми, угодіями надали, а притомъ и кгрунта рознии шляхецкии отъ небожчика Силича наданыи, то есть леси, сеножати за Сеймомъ, дерево бортное и озера при ихъ мененномъ монастиру и законницахъ заховали, въ которихъ теперъ свѣжо по многихъ заводахъ межи ими и отцами законниками монастира Крупицкого Батуринского и межи жителями Новомлинскими, за вѣдомомъ и позволенемъ нашимъ, певніи особы чинили розграниченіе и поставили копцѣ и знаки починили, жебы южъ кождий своего пилнуючи у ихъ поменении Силичовскыи кгрунта не впирался и монастиру святому не чинилъ прикрости, теды и мы, ихъ светобливымъ прикладомъ поступуючи, все тое, такъ перевозъ на Сейму и село Палчики зъ кгрунтами Жуковскими, и кгрунта Силичовскіи, якосе въ собѣ маютъ зъ сеножатми и деревомъ бортнимъ и озерами и лесами, яко и млини Чеплѣевскій, Новомлинскій, наданий и купленый, Батуринскій и Отюский, особливе и Отюшу село зъ кгрунтами шляхецкими при нихъ заховуемъ, а, повагою сего листу нашого ствержаючи, владѣти поменennими селами зо всѣми угодіями зъ ласки нашой войсковой и пожитки зъ нихъ брати позволяемъ и, въ чомъ абы нѣхто не важился имъ чинити жадной прикрости, сурово приказуемъ, особливе сѣл-

скимъ громадамъ розсказуемъ, жеби честной госпожѣ игуменіи и законницамъ помененного монастира вшелякого послушенства и повинности отдавати не отмовлялися. Данъ въ Батуринѣ, 21 ноеврия, 1676.

Звышменованный гетманъ, рука власна.

5) 1688 г., 17 декабря. Универсалъ гетмана Ивана Мазепы съ подтвержденіемъ права на прежнія имьнія.

Пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей ихъ царского пресвѣтлого величества войска Запорозкого гетманъ Іоанъ Мазепа.

Ихъ царского пресвѣтлого величества войска Запорозкого всей старшинѣ и чернѣ, особливе пану полковникови Нѣжинскому старшинѣ полковой, сотникамъ Батуринскому и Новомлинскому, атаманомъ городовымъ и войтамъ тамошнимъ и кождому, кому о томъ належитъ вѣдати, ознаймуемъ, ижъ просила насъ, гетмана, пречестная госпожа Трофимія Консевичовна, игуменія монастира дѣвича Батуринского Новомлинского, Бобриковскимъ нарицаемого, обще зо всѣми сестрами своими, абысмо потвердили нашимъ гетманскимъ унѣверсаломъ перевозъ и села тыи и кгрунта, нижей тутъ изображеныи, которыми она госпожа игуменія и передъ нею будучіи того монастира игуменіи зъ сестрами, владѣли и передъ симъ, за унѣверсалами антецессоровъ нашихъ, прешлыхъ войска Запорозкого гетмановъ. А такъ, мы, гетманъ, по милости всемогущого и вседѣйствующого Господа Бога, а по премочномъ монаршомъ ихъ царского пресвѣтлого величества указу, имѣючи власть въ Малой Россіи всякіи утверждати права и устроевати порядки, далисмо у себѣ мѣстце ей, пречестной госпожи игуменіи зъ сестрами прозбѣ, а иле въ слушной мѣрѣ до насъ занесенной, где яко для помноженія хвалы Божой, такъ и для вспартя недостатковъ ихъ монастирскихъ и уставичныхъ потребъ, заховуемъ при ней, игуменіи, и при монастиру ихъ дѣвичомъ и потверждаемъ симъ нашимъ гетманскимъ унѣверсаломъ перевозъ на рецѣ Сейму, подъ мѣстомъ Батуриномъ будучій, село Палчики зъ людми посполитими, зъ грунтами Жуковскими и зо всѣми до него прислушаючими належитостями, млинъ у селѣ Чеплѣевцѣ, на рѣцѣ Осотѣ, о трохъ колахъ стоячій, на рѣчцѣ Бобрику, мли-

нокъ подъ Новими Млинами, вишнячокъ зъ еднимъ каменцемъ, тамъ же подъ Новими Млинами на рѣцѣ Сейму у туцкого (?) коло млина ихъ законницъ купленое, въ селѣ Атюши млинокъ вешнячокъ, яко и самое село Атюшу зо всѣми угодіями и зъ людми посполитими, на греблѣ Батуринской, на рецѣ Сейму, млинъ о трохъ колахъ мучнихъ, а четвертый ступникъ найдуючийся; а при томъ кгрунта розніи шляхецкіи, отъ неякогось Силича имъ наданыи, то естъ сеножати, леси за Сеймомъ, дерево бортное и озера, въ которихъ по многихъ заводахъ межи ими законницами и отцами законниками монастира Крупецкого Батуринского и межи жителями Новомлинскими, за вѣдомомъ и позволеніемъ прешлого гетмана, певныи особы чинили розграниченіе и постановили копци и знаки починили, жебы южъ кождый, своего пилнуючи, у ихъ помененніе Силичовскіе кгрунта не втручался и мѣстцу святому жадной не чинилъ перешкоди, яко теди позволяемъ имъ, предречоной госпожи игуменіи зъ сестрами, тими перевозомъ, селами и млинами и кгрунтами всѣми вишепомянутими владѣти и всякіе отъ людей посполитихъ (опрочъ козаковъ) послушенство и повинность, а зъ млиновъ розмѣровіе приходи и зъ кгрунтовъ такъ же и зъ перевозу звиклие пожитки отбирати; такъ мѣть хочемъ и рейментарско приказуемъ, аби имъ въ томъ нихто зъ старшини и чернѣ жадной не важился чинити перешкоди, а войты селъ онихъ зъ людми тяглими, жеби имъ во всемъ били послушними; для той теди певнѣйшой поваги, подписомъ руки нашой и притисненемъ войсковой печати ствержаемъ сей нашъ унѣверсалъ. Данъ въ Батуринѣ, декемврія 17, року 1688. Звишъменованний гетманъ рукою власною.

III.

Слѣдствіе, произведенное коммиссіей, по назначенію Кіевскаго митрополита и консисторіи, для опредѣленія границъ спорной между Батуринскимъ и Новомлинскимъ монастырями земли, 5 февраля 1730 г.

Року 1730, месяця февраля 5 дня.

По указу великого господина ясне въ Богу преосвященнѣйшого киръ Варлаама Ванатовича, архіепископа Кіевского и Галицкаго и Малія Россіи, и по приговору всего освещенного духовного консистору, ми, нижейподписанніе, Евстратій, намѣстникъ Максаковскій, Василій Величковскій, протопопа Борзенскій, Іоанъ Джунковскій, намѣстникъ Батуринскій, по чолобиттю старицъ Новомлинскихъ, зъѣхавши въ дѣвичъ монастирь Новомлинскій ради осмотру и розграничення спорнихъ ихъ съ монастиремъ Крупецкимъ Батуринскимъ помежнихъ грунтовъ, и чинилисмо по самой сущой правдѣ розискъ, а якъ есть, о томъ нижей сего пункта слѣдуютъ:

1. За приездомъ нашимъ въ обитель дѣвичую, послалисмо отъ себе въ Крупецкій Батуринскій монастиръ отца Ѳеодора, священника Городисского, зъ указомъ консисторскимъ, предлагая его пречестности отцу ігумену, дабы два листа: единъ отъ писара судового Андрея Василіевича, другій отъ шляхтича Силѣча, лекговавшого старицамъ грунта наданніе, изволилъ видати; однакъ, его пречестностъ чрезъ уставника да писара своего прислалъ два листа: единъ писара судового Андрея самий ориеналний, неналежній до дѣвичой обители но до ихъ Крупецкой, а другой Силѣча шляхтича не ориеналній, але списокъ зъ оного.

2. Повторне помянутого священника Городисского посилалисмо съ писмомъ отъ себе писаннимъ, въ монастиръ Батуринскій, требуючи, чтобы отецъ игуменъ тамошній обявилъ такъ крѣпости свои подлинніе на грунта ихъ монастирскіе ради слѣдствія, съ подленними жъ крѣпостми дѣвичаго монастира, яко и два листа саміе ориеналніе, належніе до обители дѣвичой Силѣча шляхтича и судового писара; однакъ, онъ, отецъ ігуменъ, вмѣсто листовъ вишъпомянутихъ, прислалъ къ намъ листъ отвѣтний, якій при семъ розиску посилается.

3. Прислалъ отецъ ігуменъ своего посланного, чтобъ зъехатись намъ зъ нимъ посполу на мѣстце урочное ради разграниченя грунтовъ ихъ спорнихъ, где ми, совокупне зъехавшися, отецъ ігуменъ з братіею а госпожа ігуменія зъ сестрами, обявили имъ указъ зъ присланною къ намъ ихъ стариць челобитною; а по вичитанню указу и чолобитной, приехавши до граници Крупецкого монастира, прозиваемой дуба Недодѣля (sic). Тамъ обявлялъ отецъ ігуменъ крѣпости, чрезъ Оссолѣнского наданние, да унѣверсалъ крѣпостній же Богдана Хмелницкого, на кгрунта монастирскіе имѣючіеся (а болше жаднихъ крѣпостей о томъ въ ихъ законниковъ Батуринскихъ не имѣется); въ которихъ крѣпостяхъ и въ грамотѣ государственной, на монастиръ Крупецкій виданной, жадной, якъ ми подлинно изслѣдовали, о кгрунтахъ шляхтича Силѣча змѣнки не имѣется; а въ грамотѣ монаршой и въ унѣверсалахъ гетманскихъ, законницамъ дѣвичого Новомлинского монастира даннихъ, подлинно Силѣчовскіе грунта имъ подлежащіе, виражаетъ вѣчно владѣти.

4. На той границѣ отъ дуба Недодѣля предлагали мы отцу ігумену, чтоби любъ самъ съ нами совокупне ехавъ, любъ якого еромонаха отъ себе послать изволилъ; теди его пречестность самъ не поехалъ и отъ себе, ради розграниченя кгрунтовъ Силѣчовскихъ, нѣкого не зволилъ послати.

5. Отъехали ми отъ оной граници, требовали отъ госпожи ігуменіи добре свѣдомихъ старожилихъ людей о грунтахъ Силѣчовскихъ; а госпожа ігуменія представила такихъ, іменно: Павла Гриба, жителя Обмочовского, сотнѣ Батуринской козака, и Івана Стефанова Митяенка, жителя Костеровского, сотнѣ Новомлинской мужика, въ лѣтахъ престарѣлыхъ знайдующогося, да Івана Лимана, жителя Кербутовского, которіе съ нами совокупно ездили и заводили самою прамою границею Силѣчовскихъ грунтовъ, взявши отъ села Рижокъ, въ початку отъ мостищъ на озерѣ, прозиваемомъ Усорочѣ, ажъ до дуба Недодѣля, поки граничатъ грунта чернеческіе монастира Крупецкого; а отъ дуба Недодѣля просто дорогою по правомъ боцѣ до Грибовщини, а отъ Грибовщини до гатки лозовой, просто дорогою лѣтною и зимною, а отъ лозовой гатки, сказали они поменутіе обводщики, что то по лѣвомъ боцѣ лѣса чернеческіе монастирскіе, а на правую сторону дороги, луга, лѣса, озера и сѣножати все Силѣчовскіе суть, належніе до дѣвичого монастира Новомлинского.

6. Отецъ ігуменъ Крупецкій Батуринскій зъ братіею намъ же предложилъ тое, что ми, мовитъ, грунтовъ Силѣчовскихъ не знаемъ и не вѣдаемъ и ними весма не владѣемъ.

7. Приехавши къ озеру, прозиваемому Ровчище, совѣстию спрашивали менених людей, чіи тое озеро, лѣсъ и сеножати по-надъ тимъ же озеромъ и хто ними владѣетъ; теди они сказали, что се Силичовскіе грунта, до дѣвичого монастира падлежащіе, а владѣютъ ними законники монастира Крупецкого; и на номъ озерѣ Ровчищи (якъ они повѣдаютъ) отецъ Аѳанасій Евфимовскій, Крупецкого монастира намѣсникъ, заставши Семена Середенка, раки ловившого, приказалъ его взяти на цепъ, а жену его бити, виговоруючи: не ловите, мовитъ, въ нашомъ озерѣ раковъ! Которое озеро между грунтами Силичовскими знайдуется, а почему оніе законники тимъ озеромъ владѣютъ, того въ крипостяхъ ихъ не выражается.

8. На другій день, взявши зъ собою девяти человѣкъ, именно: Ивана Стефанова Митяенка, жителя Костеровского старожилого, Павла Гриба, жителя Обмочовского, Ивана Лимана, Грицка Лимана, Алексѣя Бондара и Івана Бондара, Грицка Супоню, Семена Середу, Петра Уласенка, жителей Кербутовскихъ, которіе заводили за Силичовскіе грунта, взявши отъ креста за верству отъ дѣвичого монастира озеромъ Клехачовкою; которое озеро пополамъ дѣлится зъ дѣвичимъ монастиремъ и жителми Обмочевскими ажъ до урочища, прозиваемого Кодакъ; а отъ Кодака Сеймомъ же ажъ до Лозовицы, на которой ми ставши спрашивали совѣстно вишшемененнихъ людей сторони Силѣчовскихъ кгрунтовъ. Теди оніе подъ сумненемъ сознали, что то пущи по томъ боку Лозовицѣ все монастира Крупецкого Батуринского, наданніе отъ шляхтича Осолѣнского, а посемъ боку шляхтича Силича, надане на дѣвичъ монастиръ; где, зъехавшись на озерѣ Лозовицѣ, отецъ ігуменъ зъ братіею и съ людми имѣлъ зъ нами розговоръ, а потомъ и спорилъ, мовячи: „не имѣетъ власти архіерей отъ насъ отнимати грунта да отдавать въ дѣвичъ монастиръ, понеже ми имѣемъ грамоты государевы“; и сказалъ отецъ ігуменъ: „не изволте розграничовать грунтовъ, покамисть ми въ катедри не примемо вконченя; тилко наши спорніе грунта изволте описати“.

9. Да тамъже, зъехавшись на озерѣ Лозовицѣ, обявлялъ намъ, что еще ми имѣемъ крѣпости Івана гетмана Бруховецкого, якой ради крѣпости и осмотреня зъехавши ми въ монастиръ Крупецкій Бату-

ринскій и въ келіи отца ігумена слѣдовали тотъ наданій на грунта ихъ унѣверсалъ; въ которомъ унѣверсалѣ виражаетъ, же кгрунта зостаютъ монастира Крупецкого Батуринского по озеро, прозиваемое Лозовицю, и оное озеро въ ономъ же унѣверсалѣ прописано, а о кгрунтахъ Силѣчовскихъ жадной взмѣнки въ ономъ же универсалѣ не имѣется.

10. Ми теди, видячи, таковий отъ отца ігумена зъ братіею его споръ о нерозграниченю грунтовъ шляхтича Силѣча, наданніе на монастиръ дѣвичъ Новомлинскій, а барзѣй поразумѣвшися подлугъ указу и инструкціи, присланной съ катедри, въ якой не виражаетъ, чтоби ми зъ Новомлинцями и Крупецкого монастира помѣжними грунтами чинили ограниченя, тилко межи двома монастирами Крупецкимъ и дѣвичимъ Новомлинскимъ, зачимъ ми, безъ висланнихъ отъ свѣцкой власти ясневелможнаго пана гетмана завладѣлихъ Силичовскимъ грунтомъ Новомлинцями, не дерзали розграничовать, а что моглисмо вишмененними людми розисковъ отъ явнихъ ихъ монастирскихъ грунтахъ, все праведно описуемъ, не наровя никакой сторонѣ, бойся Бога, въ самую сущую нравду, яко вишше сего нунктами отъ насъ виражено.

Допросъ и сознате Івана Стефанова Митяенка, жителя Костеровского, въ лѣтехъ престарѣлихъ знайдующогося, которій подъ совѣстію своею созналъ, что чулъ онъ отъ дѣда своего Ісаия Юревича такіе слова: когда онъ, Юревичъ, дѣдъ его, водилъ за границу чернцовъ монастира Крупецкого Батуринского, и якъ въ нихъ стала о розграниченю справа, где и по якіе урочища грунтовъ Силичовскихъ и Крупецкаго монастира границя имѣется, тогда чернцѣ реченного Юревича, дѣда Митяенкового, хотѣли списомъ пробити, когда би товариство не воспятили; а гди онъ же, Юревичъ, показалъ прикмету на границѣ у дуба Недодѣля, таковую—уголе, закопанное въ землѣ, и когда тое уголе нашли, въ тое время между собою чернци монастира Крупецкого, зъ черницями Новомлинскими учинивши помирковане, не возбраняли черницямъ грунтами Силичовскими, якъ граница идетъ, владѣти; що, яко праведно сказую, такъ своеручно крестомъ святимъ подписуюся +.

Признате Павла Гриба, жителя Обмочевского таковое: когда Юско Грибъ, сего Павла Гриба дѣдъ, еще за лядского владѣнія, за позволеніемъ Силѣча шляхтича, занялъ себѣ дуброву изъ сеножат-

ми и бортнимъ деревомъ, лежачую помежъ урочище лозовой гатки, которою дубровою и сѣножатми якъ, онъ самъ, дѣдъ мой, и отецъ, ажъ до ігуменства Гугуревича спокойне, не дознаючи жадной долеглivости, владѣли, а ігуменъ Гугуревичъ Батуринскій Крупецкій, за своего игуменства, нетокмо помянутіе дуброву и сѣножати и бортніе дерева до монастира Крупецкого усиловне отнялъ, лечъ и самого дѣда моего Ісая, о томъ обстоячого, на тихъ же грунтахъ убилъ до смерти; якого, взявши и привезши, погребли проводомъ христіянскимъ; которіе дуброва и протчіе угодія и по сіе время подъ ними, чернцями, содержуются; що, яко совѣстию признаю, такъ въ томъ своею рукою подписую святий крестъ +.

Предлагала госпожа ігуменія, что еще при первомъ розиску сего жъ (?) чинячомся пречестнимъ отцемъ ігуменомъ Крупецкимъ Батуринскимъ и отъ боку ясневелможного пана гетмана висланнимъ, когда требовали людей старожилихъ для свидѣтелства певного о грунтахъ Силичовскихъ, іменно: Андрея Попенченка, жителя Рижковского и протчіихъ, однакъ, панъ сотникъ Новомлинскій Іванъ Шишкевичъ, якъ тогда запретилъ, такъ и теперь, по требованію госпожи ігуменіи для свидителства и заводу граници, боячися предложеня пана сотника такого, что ежелибъ могъ кто зъ нихъ на такіе граници заводить, то обѣщалъ руки и ноги кіями поотбивати, не изволили к намъ явитися для свѣдительства.

Сей розискъ, нами нижейподписанними суще и праведно виведенний и сочиненний, въ разсужденіе благоразсмотрительное до зверхнѣйшой власти ясне въ Богу преосвященнѣйшаго архипастира нашего и всего освещенного консистору подается.

Къ сему розиску руки приложенни въ подлинномъ тако:

Іеромонахъ Евстратий, намѣстникъ Максаковскій, вмѣсто отца ігумена Максаковского.

Василій Величковскій, протопопа Борзенский.

Іоанъ Джунковскій, презвитеръ Покрова Богородици Батуринскій.

Ѳеодоръ Димитріевъ, попъ Городискій.

Сей розискъ справилъ Аѳанасій Чедневскій, протопопіи Борзенской писарь.

IV.

Слѣдствіе, произведенное на основаніи универсала гетмана Ивана Мазепы, по жалобамъ жителей г. Сосницы и с. Кирѣевки на незаконное требованіе съ нихъ Спаскимъ Новгородъ-Сѣверскимъ монастыремъ десятины, на захватъ и присвоеніе себѣ ихъ полей и сѣнокосовъ и проч., захватъ, сопровождавшійся разнаго рода насиліями. 29 ноября 1701 г.

Року Божого 1701, мѣсяца ноембра 29.

По росказанню и выразной воли ясневелможного его милости пана Іоанна Мазепи, гетмана войска его царского пресвѣтлого величества Запорозкого, въ унѣверсалѣ намъ, на подписѣ нижейменованымъ, отъ тогожъ его милости добродѣя въ Сосницу, для розезнання справъ о десятину, о кгрунъта, о сеножати и о розные кривди межи висоце въ Богу превелебнимъ его милостю отцемъ Никономъ, архимандритою монастыра всемилостивого Спаса, въ Новгородку-Сѣверскомъ будучомъ, и законниками того жъ монастыра, а особливе отцемъ Мардаріемъ, монахомъ того жъ монастыра, на тотъ часъ городничимъ села Спаского [1]), къ помененному монастыру прилеглого, и межи того жъ села жителми, зъ одное стороны, а зъ другое, межи панами Иваномъ Дорошенкомъ, сотникомъ, Антономъ Герасименкомъ, атаманомъ городовимъ, Омеляномъ Денисенкомъ, на тотъ часъ местце сотницкое, для неспособного здоровя презъ килко дный засѣдаючимъ, и межи всѣмъ товариствомъ Сосницкимъ, такъ тежъ и межи Кузмою войтомъ, Кириломъ бурмистромъ и цехмистрами: Ониском кравецкимъ, Наумомъ шевскимъ, Герасимомъ ковалскимъ, Опанасомъ Шостакомъ колачницкимъ, Федоромъ ткацкимъ, Иваномъ шаповалскимъ, Грицкомъ Чорненькимъ резницкимъ и Илкомъ гончарскимъ, также и межи знаменитыми обывателми Сосницкими, меновите: Остапомъ Бакуменкомъ, Иваномъ Весною, Савою Василевичомъ, Григоріемъ Коренкомъ, Остапомъ Повторацкимъ, Фомою Прокопенкомъ, Мискомъ Авраменкомъ, Герасимомъ Тандѣтникомъ, Петромъ

---

[1]) Нынѣ въ Сосницкомъ уѣздѣ; его не слѣдуетъ смѣшивать съ с. Спасскимъ, находящимся въ Кролевецкомъ уѣздѣ и принадлежавшимъ Крупецкому монастырю.

Мелешковичомъ, и межи всѣми мѣщанами и посполитыми людми, въ самомъ городѣ Сосницѣ и по хуторахъ, и въ селѣ Киріевцѣ мешкаючимы, въ супплѣкахъ обостороннихъ и въ пунктахъ, томужъ ясневелможному добродѣеви въ Батуринѣ поданыхъ, виражоние, точачихся, висланомъ даномъ, спецѣфековано. Кдисмо до города Сосницѣ пріѣхали и тамъ, обославши напередъ своею иннотестенціею велебного отца Генадія, намѣсника Свято-Спаского монастыра Новгородского, зъ прочіею братіею, самисмо на публѣчномъ мѣстцу городовомъ, то есть въ ратушу, ведлугъ звичаю, засѣли, где вся старшина товариская зъ козаками сотнѣ Сосницкое, старшина городовая, мѣстская зъ посполитыми людми, по той же волѣ рейментарской, собрание были, а особливе меноваиіи честніи отци: Генадій, намѣстникъ, Гедіонъ, соборний, отецъ Мардарій, городничий, и иніи, зъ манастыра Свято-Спаского посланіи, притомними зоставали; а такъ передъ презенціею тихъ всѣхъ помененнихъ старшихъ и мененнихъ особъ и людей згола передъ всѣмъ народомъ публѣце поважный ясневелможного его милости пана гетмана унѣверсалъ, въ руки намъ высланимъ даний, читати казалисмо; а по вичитанню унѣверсалу рейментарского, еще супплѣки обосторонные, томужъ ясневелможному его мил. пану гетману въ Батуринѣ въ руки зъ пунктами, особне зъ обоей руки писаними, также явне при всѣхъ своимъ порадкомъ читание были; а по вычитанню мененнихъ супплѣкъ, взялисмо передъ себе мы, высланіе, первий пунктъ супплѣки Сосницкое—стороны десятины—на совершенный розискъ и на скутечное розезнанъе, хотячи вѣдати, откуду тая десятина и за чіимъ позволеніемъ уросла, а такъ велебного отца съ братіею питалисмо явственно: если маютъ якое право на тую десятину одъ звѣрхнѣйшей персони собѣ даное? Которіе передъ всѣми публѣце намъ, высланнимъ, листъ одъ Никити сотника, одъ Федора атамана, отъ Омеляна Денисовича войта, отъ бурмистровъ, одъ всея громади и одъ инихъ трохъ персонъ въ томъ листѣ именами подписаный, де дата въ помененномъ Спаскомъ селѣ, року 1670, мѣсяца августа дня 2, собѣ и монастыреви даный, презентовали, такся въ собѣ слово до слова мѣючий: Ми, нижейподписание Сосницкие обиватели, вѣдомо чинимъ симъ писмомъ нашимъ, ижъ упросивши у висоце въ Богу превелебного его мил. отца Михайла Лежайского, архимандрити монастыра всемилостивого Спаса Новгородка Сѣверского, такъ отъ себе, яко

именемъ всѣхъ Сосничанъ войсковихъ и посполитихъ, на пахане поля, въ кгрунте маетности его милости села Спаского лежачие, поступилисмо одъ всѣхъ, ктоби колвекъ пахалъ на ныхъ, десятину его милости звичайную давши, безъ жаднихъ споровъ и вимовокъ, варуючи еднакъ то, же нѣхто пахаючий и пахати хотячий, надъ готовіе тие поля Спаские, новихъ розробляти поль и продати, безъ вѣдома и волѣ его милости отца архимандрита, не повиненъ подъ утратою всего своего засѣву; за позволенемъ техъ продати нѣкому на иншу сторону, только тимъ же села Спаского подданимъ его милости, такъ зъ войсковихъ, яко и посполитихъ людей, маютъ, также подъ утратою всего своего засѣву, на що и сее писане для певнѣйшой вѣри и крипости, такъ одъ себе зъ подписомъ рукъ нашихъ и печатми, яко и отъ всѣхъ Сосничанъ, котрие колвекъ пахатимутъ поля тие Спаские, его милости отцу архимандрити далисмо. Дѣялося въ томъ же селѣ Спаскомъ, мѣсяца августа дня 12, року 1670.

Подъ тимъ листомъ при печатѣ подписъ именъ таковий: до сего запису ми, урядъ мѣскій Сосницкій, руки свои подписуемъ въ тотъ способъ—Никита Литовченко, сотникъ Сосницкій; Федоръ Бѣличенко, атаманъ городовий зъ товариствомъ; Омелко Денисовичъ, войтъ зъ бурмистрами, зо всею громадою подписуемся, а особно тожъ товариство Сосницкіе: Василь Омеляненко, Романъ Глазуненко, Самойло Степановичъ руки свои подписуемъ. Сей тоди листъ при обецности всѣхъ людей читаний былъ; аже того листу авторъ головнѣйший, то есть Никита сотникъ, и Федоръ атаманъ, и Василь Омеляненко, товаришъ знатний сотнѣ Сосницкой, бо и сотникомъ передъ тимъ бывалъ, преставилися; тилко въ живихъ Омелянъ и Самойло, козакъ старинний и еще Иванъ Степаненко, которого имя любо подъ тимъ листомъ не подписано, тилко жъ тамъ въ Спаскомъ, где сотникъ и атаманъ были, на тотъ часъ и онъ знайдовался, обрѣтаются и въ ратушу на тотъ часъ притомними были. Прето ми, висланіе, питалисмо оныхъ виразне—чи на тотъ часъ зъ сотникомъ и атаманомъ, небожчиками, въ Спаскомъ были и если именемъ своимъ и всѣхъ Сосничанъ небожчика отца архимандриту поля на пахане просили?—албо ежели тимже сотнику, и атаману, и Василю Омеляненку просити на паханя поля у отца архимандрити позволяли, и ежели десятину отъ тихъ поль давати поступовали, и ежели того листу писара знаютъ, и ежли ему писати сей листъ велѣли, нако-

нецъ, ежли подъ тимъ листомъ имена свои, то есть онъ, панъ Омелянъ, свое и бурмистровъ и всея громади, такъ же и онъ, Самойло, прозиваемый Одноокій, своежъ имя писарчиковѣ подписовать велѣли?—На таковий нашъ вопросъ панъ Омелянъ такъ виразне и ясне одповѣдѣлъ предъ всѣми: ижъ а нѣ я самъ битностю своею, а нѣ бурмистри, а нѣ громада зо мною зъ небожчиками сотникомъ, атаманомъ и Василемъ Омеляненкомъ, и зъ Самойломъ, и зъ Иваномъ Степаненкомъ, въ тое время, якъ тотъ листъ неслушний якийсь писарчикъ писалъ, въ Спаскомъ бувалъ, и у отца архимандрити небожчика на пахане поля именемъ своимъ и всѣхъ Сосничанъ не просилемъ, а нѣ небожчикамъ тимъ же сотнику зъ товарищи просити поля на пахане позволялемъ, а нѣ злецалемъ зо всѣми людми Сосницкими, а нѣ десятини отъ того поля давати поступовалемъ зъ миромъ Сосницкимъ, а нѣ писара того листу фалшивого знаю, а нѣ въ очи его видѣлемъ, а нѣ писати ему сего листа велѣлемъ, наконецъ, а нѣ своего имени, бурмистровъ и всея громади подписовати казалемъ подъ тимъ же листомъ; бо ежели бимъ на тотъ листъ, въ Спаскомъ писаній, и на тие въ томъ листѣ выраженіе пунъкта позволялъ, то би тое все мусило быти въ ратушу, при бурмистрахъ и при всѣхъ гражданахъ Сосницкихъ, и мусѣлъ бымъ приказати належному на тотъ часъ будучому писаревѣ мѣскому Сергѣеви имя свое подписати; а той листъ не мѣского писара Сергия рукою, а не тежъ по немъ будучого писара Никона рукою есть писаний, босмо тихъ обоихъ писаровъ мѣскихъ умершихъ руки, которими въ книгахъ мѣскихъ справи розние за живота своего записивали, зискати велѣли и зъ тими руками двѣма писарскими руку того писара, который листъ въ Спаскомъ на десятину писалъ, прикладати и конфрон(това)ти казалисмо; зъ которихъ двоихъ рукъ писарскихъ, ни едина рука до руки того писара, що листъ въ Спаскомъ приватне писалъ, не пришла и подобною быти не показалася; до того тежъ онъ же Омелянъ сказалъ, ижъ ежели-би на тотъ листъ фалшивий мѣлъ зезволяти, то би мусѣла за его, на тотъ часъ войта, веленіемъ и печать мѣская притиснена быти. Да той же панъ Омелянъ тамъ же въ ратушу передъ нами, висланими, и предъ всѣми публице сказалъ: ижъ кгди после того ложного листу, въ Спаскомъ писаномъ, повернувшися зъ Спаского въ городъ, въ килка дний тиежъ небожчики сотникъ зъ товарищи мнѣ, на тотъ часъ войтовѣ, о томъ ли-

стѣ фалшивомъ и о десятинѣ при бытности якогось чернца Спаского, которого имени не помню, обявляли, заразъ я именемъ моѣмъ и всѣхъ обивателей Сосницкихъ, тому листу неслушному и таковому дѣлу, одъ небожчиковъ безправне учиненему, контродіковалемъ, мовячи голосно: „хороше нарадилисте всему миру Сосницкому: зъ лядзкого ярма вибилисмося, а теперъ чернецкое ярмо на себе и на насъ зложилисте“!—и, иншими словами моими того дѣла ихъ не похваливши, пречъ зъ ратуша пошолемъ. Тую всю рѣчь свою панъ Омелянъ, на образи глядячи, же то есть правда, крестнимъ знаменіемъ, на себе положенимъ, потвердилъ. По томъ визнанню пана Омеляновомъ, тутъ же притомне стоячи, Самуйло Степаненко Одноокий и Иванъ Степаненко, козаки старинние, въ лѣтехъ вижей седмидесятъ будучи, товариши Сосницкое сотнѣ, такъ сказали: ижъ небожчикъ сотникъ Никита и Федоръ атаманъ, и насъ двохъ зъ собою до Спаского взяли и ехать велѣли, а тамъ въ Спаскомъ застализмо небожчика отца Лежайского, еще архимандритомъ не былъ, але архидіякономъ, и, зъ нами поздоровкавшися, почалъ своихъ подданихъ Спаскихъ строфовати; жаловалистеся мовитъ, на людей Сосницкихъ, а теперъ похвалистеся. И было много мови межи намы передъ нимъ, а потомъ, отклонившися ему, пошлисмо до господи; а нашъ небожчикъ сотникъ зъ атаманомъ въ избѣ зосталися, бо мы зъ отцемъ Лежайскимъ и зъ Спасщанами въ сѣнехъ розмовлялисмо, а писара того, хто листъ писавъ, не видѣлисмо, тилко тое добре знаемъ, що тамъ въ Спаскомъ, а нѣ нашъ панъ войтъ Омелянъ, а нѣ писаръ нашъ мѣский не былъ, и онихъ не видѣлисмо, а нѣ до Спаского, а нѣ зъ Спаского едучихъ. Стороны зась десятини отецъ Лежайский въ розмовѣ въ сѣнехъ зъ нами жадной змѣнки не чинилъ, бо мы о томъ и приехали были до Спаского говорити, щобъ десятини, якъ всюда, и у насъ не бывало, такъ и теперъ щобъ не було. И такъ до господи своей пошлисмо, а зъ господи поехалисмо смеркомъ до дому, къ Сосницѣ; а после насъ небожчикъ панъ сотникъ, коли зъ Спаского виехалъ, чи въ ночи, чи назавтрее, не знаемъ. При тихъ двохъ особахъ свѣдоцтву еще и рѣчь Фоми Прокопенка, старинного зъ отца козака Сосницкого, въ глубокой старости будучого, предъ нами, висланными, визнанную, на писмѣ теперешномъ вираженую записати велѣлисмо, въ той способъ: ижъ, мовитъ, ни одинъ староста Спаский, чернецкий, до отца Мордария будучие, у

небожчика отца моего Прокопия и у мене десятини не брали, и отецъ Мардарий не биралъ, але недавно теперъ, меновите лѣтъ тому три, почалъ брати, и, вмѣсто десятини, якъ ему хотѣлося, пятую и шестую копу биралъ; и тое той же Фома подъ сумленемъ визналъ, ижъ не тилко, що отецъ его небожчикъ Прокопъ лѣта Збаразкого [1]), зъ войни пришовши, зъ нами синами своими чотырма, березнякъ и дубину для пахання ниви теребити почалъ, але и иншие сусѣди и козаки, то есть Лукашъ Колодка, Андрѣй Залузний и Сезонъ Солодовникъ зъ синами своими Мартиномъ и Федоромъ, Стефанъ Олѣйникъ, Семенъ Лапа, Никита Горкавий, Гришко Дѣдовецъ, Федоръ Рыдзелъ, Супрунъ Мартиненко, Савка, Мойсей Проценки и инние многие козаки, того-жъ року Зборовского [2]) и Збаразского, поле теребити и пахати разомъ, единъ на другого глядя, почали; а после тихъ отцевъ, ми, дѣти ихъ, и теперъ пашемъ, а десятини жадной, а нѣ отци наши, а нѣ ми, дѣти ихъ, до отца Мардария нѣкому не давали, бо тое поле отци наши нѣ въ кого не упросили, але сами руками своѣми козацкими давно, передъ писаннемъ того фалшивого листу двадцатма лѣтми, теребили, и пахали, и сумѣшъ держали, и уживали, и межи собою еденъ въ другого Спасчане у Сосничанъ, Сосничане у Спасчанъ, куповали и продавали, яко то Иванъ Бояринъ и Ларко, Спаские тяглие люде и иншие, въ хуторахъ Сосницкихъ кгрунта и хуторѣ за греблею Сосницкою и теперъ до сихъ часъ уживаютъ; а особливе небожчикъ Леонтий у Спасчанъ безъ контрадикции и безъ жадного спору отъ старшихъ монастырскихъ Спаскихъ покупилъ, по которого смерти тие, отъ него купление, кгрунта, безъ десятини сыну его Евдокиму, а отъ сына Евдокима теперешнему сотнику Сосницкому, пану Ивану Адрѣевичу Дорошенку, куплею достались; которого то листу обовязки и клявзули и десятина на тие давние нывя, передъ фалшивимъ тимъ листомъ въ Збаращину теребленіе, стягатися не могутъ. А на тотъ часъ, Збаразкого лѣта, еще а нѣ архимандрити а нѣ иное старшини духовное въ манастырѣ Спаскомъ не было, и безъ жадного упросу сумѣшъ Спасчане и Сосничане на тотъ часъ, нивя теребыли и орали и десятини не знали; але хибабъ на нывя, ведлугъ

[1]) Въ 1649 году.

[2]) Тоже въ 1649 году.

того листу неслушного, у отца Лежайского упрошеніе, тая десятина стягатися мусѣла, лечъ, якося вишей описало, же таковие новоупрошоніе поля нѣ у кого не найдутся, теди и десятини нѣ укого отцемъ Спаскимъ брати подобаетъ; а предъ ця смѣлъ и важился отецъ Мардарий безправне зъ такъ давнихъ нивъ и поль, нѣ укого неупрошонихъ, але здавна волнихъ, десятину кгвалтовне и вишше десятини збоже выбѣрати у людий Сосницкихъ. До такового отвѣту пана Омелянового и сознаня Самойлового, и Иванового, Фоминого, такъ вся старшина теперешная козацкая зо всѣмъ товариствомъ Сосницкимъ, на тотъ часъ въ ратуши будучимъ, яко и панъ войтъ зъ бурмистрами, цехмистрами и зо всѣми мѣщани, посполитими людми Сосницкими, згодне, согласно и единомислно, аки едиными устами, пристали и сознали, же на десятину и на таковий листъ, въ Спаскомъ писаний, не зволяли и у небожчика отца архимандрити на пахане поля не просили, бо не треба было просити, поневажъ свое власное поле отчистое, отъ отцевъ ихъ на початку войни козацкое Зборовского и Збаразкого лѣта витеребленіе, свободне, безъ десятини до сихъ часъ пахали; а у насъ, всѣхъ обивателей Сосницкихъ, ни у единого человѣка упрошеного у отца архимадрити ниви и поля не машъ и не найдуется, для чого яко и поля на пахане просити, такъ и листу на десятину писать, непотребная была рѣчь. А для лѣпшое въ той мѣре вѣри и крипости, всѣ едностайне товариство и посполство Сосницкое на тихъ рѣчахъ своихъ, же а нѣ листу менованого фалшивого писати, а нѣ десятини поступовати небожчику Никитѣ сотнику зъ атаманомъ Федоромъ, а нѣ поля просити позволялисмо и злецалисмо, на юраментъ забѣралися. Ми теди, вислание, стосуючися до истотной волѣ реѣментарской, въ унѣверсалѣ поважномъ специфѣкованое, где написано, же бисмо жадной децизии безъ вѣдома его милости не чинили нѣ въ единомъ пунктѣ совершенное, писалисмо дня 2 декавря, съ Сосници, до ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана, докладаючи стороны того юраменту, если високимъ разсмотреніемъ своимъ панскимъ велитъ намъ того юраменту слухати чи ли тежъ не слухать; а въ томъ писанню нашомъ всѣ роспроси взглядомъ листу того неправного, на писмѣ вираженіе, посилалисмо. А кгди поважний респонсъ одъ ясневелможного его милости пана гетмана дня 7 декавра, въ Сосницу, къ намъ ввечоръ принесенъ былъ, теди ми на день

завтрешний, то есть 8 декавра, всей старшинѣ и посполитимъ людемъ Сосницкимъ, до ратуша зобратися велѣли; яко жъ помененного дня при собранію всѣхъ обивателей и притомности велебнихъ отцевъ Спаскихъ, той респонсъ реѣментарский читанъ былъ; въ которомъ респонсѣ позволено намъ, висланимъ, юраментъ отъ обивателей Сосницкихъ ведлугъ желанія ихъ одобрати, для чого всѣмъ старшимъ и меншимъ обывателемъ Сосницкимъ наказалисмо, абы спромежку себе на виконане присяги трохъ особъ назначили и избрали; якожъ заразъ неотступне три особы старинніе, козаки вишейменованіе, Фома Прокопенко, Иванъ Степаненко, Самойло Степаненко, сами доброволне на своихъ и на пана Омеляновихъ рѣчахъ, наконецъ и на визнаню всѣхъ обивателей Сосницкихъ, присегу виконати поднялися; где до ратуша и пречестний Крестъ Господень зъ церкви божественнія для присяги принесенъ былъ, до которого кгди мененніе старинніе особы приступили и, ведлугъ роти нижейписаной, а передъ всѣми вичитаное, присягати хотѣли, которая рота такся въ собѣ маетъ: Мы, Иванъ Степаненко и Фома Прокопенко, козаки старинние, и я, Самуйло Степаненко, мужъ старинный, присягаемъ Господу Богу, во Тройци Святой Единому, такъ своимъ, яко и всего товариства и посполства Сосницкого именемъ, на томъ и ми два, Иванъ и Самойло, любосмо зъ небожчикомъ Никитою сотникомъ и Федоромъ атаманомъ Сосницкимъ, по ихъ, яко старшихъ, веленію, лѣтъ тому тридцать, до села Спаского ехали и тамъ зъ небожчикомъ превелебнимъ отцемъ Михайломъ Лежайскимъ, въ сѣнехъ того дому, въ которомъ онъ на тотъ часъ господою стоялъ, розмовляли, где и Спаские обивателе, призвани отъ тогожъ отца Лежайского, были, на которихъ отецъ Лежайский сварился, мовячи: жалувалистеся на Сосничанъ, а сами скрилистеся. А розмовлялисмо взглядомъ кгрунтовъ; однакъ, пана Омеляна на тотъ часъ войта и бурмистровъ и всей громади тамъ, въ Спаскомъ, не видѣлисмо, и зъ нами не ездили, и назадъ не поворочали; и на томъ присягаемъ, жесмо, после розмови въ сѣнехъ будучое, до избы не входили, але самъ сотникъ зъ атаманомъ въ избѣ седѣли; а ми, до господи пошовши, уже смеркомъ до Сосници поехали. О десятинѣ зась жадной змѣнки зъ отцемъ Лежайскимъ въ сѣнехъ не было, босмо для того и приехали были, щобъ десятина въ насъ, якъ не была, такъ и впередъ бы не бывало; писара зась того, который тотъ листъ писавъ на десятину, тамъ въ

Спаскомъ не видѣлисмо, и оному такъ войтъ нашъ Омелянъ, яко и мы, такого листу на десятину писати не велѣлисмо, и подъ тимъ листомъ именъ своихъ подписовати николи не казали, але тотъ листъ фортелнимъ естъ способомъ мимо зезволення наше написанъ; а мы зъ Спащанами умѣшъ [1]), такъ за Пѣсочинского, яко и за прежде бывшихъ ихъ милостей пановъ гетмановъ, до староства отца Мардаріа, безъ жадное трудности одъ законниковъ Спаскихъ и безъ жадное границѣ отъ прежнихъ лѣтъ, до сихъ часовъ, спокойне любезно и братерско, еденъ другого не турбуючи, тие нивя розроблялисмо и пахали. На остатокъ и на томъ присягаемъ, же того фортелного листу писара не знаемъ; тое тилко добре знаемъ, же не наши писарѣ сотеннии и мѣскии тотъ листъ писали, и ни оденъ зъ тихъ писаровъ въ Спаскомъ на тотъ часъ не былъ; а хочь небожчики сотникъ зъ атаманомъ въ Спаскомъ якому писарчикови, которого, опрочь ихъ двоихъ, нихто не видѣвъ, писати велѣли, тое оны учинили неслушне и неправне и фалшиве, бо безъ нашого и всѣхъ Сосничанъ позволення, онъ сотникъ и атаманъ устроили. Тутъ же и тое сознання Омеляново ми всѣ граждане сеею присягою потверждаемъ, такъ намъ Боже помози и невинная страсть Христа Спасителя нашего. Теди велебные отци Генадий намѣсникъ и отецъ Гедеонъ зъ прочиею братиею, видячи помененнихъ старушковъ, зъ охотою ко Кресту Святому на присегу приступаючихъ, не тилко о нихъ на виконаня юраменту вести, але а нѣ слухати присяги безъ консенсу и виразного докладу его милости отца архимандрити хотѣли, и просили въ той мѣре діляции до третего дня, нѣмъ посланецъ ихъ одъ его милости повернетъ зъ указомъ; за чимъ мы, высланіе, такъ слушной аффектации помененнихъ отцевъ мѣстце давши, на тую діляцію позволилисмо, а для досконалшое помененнимъ отцемъ о юраментъ науки, право въ статутѣ литовскомъ, въ роздѣлѣ четвертомъ, въ артикулѣ 81, написаное, вичитати казалисмо; которое тими слови истотне естъ выражено: а не хочетъ ли кто сторони своее противное до присяги вести, речъ свою тратитъ; а оний, хто мѣлъ присягати, не веденъ бы былъ до присяги, вже безъ присяги тую рѣчь ему всказаную одержати маетъ.—По которой росправѣ, ми, вис-

[1]) Вмѣстѣ.

ланіе, зъ Сосници въ Батуринъ повернулисмо. Тамъ въ Батуринѣ и самому ясневелможному его милости пану гетману висоце въ Богу превелебный его милость отецъ архимандритъ въ листѣ своемъ такую деклярацію черезъ отца Ѳеропонта прислалъ, же того юраменту въ настоящой справѣ не потребуетъ; а такъ ми, нижеписаніе, зъ докладу ясневелможного его милости пана гетмана, по обьявленню намъ деклярації, отъ его милости отца архимандрити присланое, прихиляючися до вишейцитованого роздѣлу и артикулу, таковий декретъ въ той справѣ феруемъ. Поневажъ высоце въ Богу превелебный его милость отецъ архимандритъ Свято-Спаский Новгородзкий никого зъ законниковъ своѣхъ монастырскихъ на ведене до присяги и выслухане оное и намъ на тую справу ординованого не прислалъ, овшемъ въ листѣ своемъ, ко ясневелможному его милости пану гетманови писаномъ, особъ зъ монастыра на термѣнѣ виконаня одъ Сосничанъ присяги ставити одказалъ зъ той причини, ведлугъ того жъ вишшеменованого роздѣлу и артикулу, противную сторону, то есть Сосничанъ присегнути мѣючихъ, одъ велебнихъ отцевъ Спаскихъ на екзекуцию присеги неведеную, тую рѣчь, о що процесъ правний идетъ и о чемъ рота присяги вишейписаная опѣваетъ, безъ присяги одержати всказуемъ, то естъ напередъ листъ одъ небожчиковъ Никити сотника и Федора атамана, Василя Омеляненка товариша, Сосницкихъ, касуемъ и всѣ пункта въ немъ писание аннѣгилюемъ и умерщвляемъ, то есть пунктъ прошеннія у небожчика отца Лежайского одъ Сосничанъ на пахане поля, пунктъ о даванню десятини, пунктъ о продаванню поль упрошенихъ и пунктъ о утратѣ засѣву аннѣгилюемъ, умерщвляемъ и нивочто обертаемъ; а всѣ признатя вишезаписание одъ пана Омеляна и Ивана Степаненка, одъ Самойла Одноокого и отъ Фоми Прокопенка, передъ нами словесно виражоние, на которие вишписание ти-жъ особы такъ именемъ своимъ, яко и всѣхъ обывателей Сосницкихъ поприсягнути хотѣли, яко слушние ствержаемъ, аппробуемъ, конфѣрмуемъ, роборуемъ и ратифѣкуемъ, поневажъ жаднимъ отнюдь нѣгде документомъ отцеве Спаские не довели того, щобъ який нѣбудъ человѣкъ Сосницкий, упросивши небожчика отца архимандрити на пахання поля Спаского, оное пахалъ и десятину зъ того упрошеного поля давалъ, але еще на тотъ часъ архимандритовъ въ монастыру Спаскомъ не бувало, якъ за славное памяти гетмана Богдана Хмелницкого, лѣта

Збаразкого, якося то въ контроверсияхъ вижей показало, нивя козаки Сосницкие и Спаские розробляли, теребыли и пахали; а десятини жадное до листу того фалшивого, не давали и жадное турбации одъ законниковъ не мѣли, а нѣ въ лѣсахъ, а нѣ въ борахъ, а нѣ въ сеножатехъ, а нѣ въ нывяхъ, але всего того сумѣшъ Сосничане, Спасчане, Кириювци спокойне заживали и братерско держали до отца Мардариева староства, и другъ у друга кгрунта куповали и продавали, що ся истотне прежде декрету въ реплѣкахъ обявило и специфѣковало; а листъ тотъ фалшивий лежалъ и свѣта не видѣлъ черезъ двадцать осмь лѣтъ, бо для явного фалшу оного, а нѣ на судъ, а нѣгде презентовати отцеве не смѣли, и ни единъ прежде бывший гетманъ оного потвердилъ, ажъ теперъ оний двѣ лѣтѣ тому, то есть року 1697, 12 августа, адъ маліе наррата законниковъ потвержений зосталъ, которая конфѣрмаціа выразною волею реѣментарскою знесена есть; а такъ яко отъ початку войни козацкой Сосничане безъ десятини сумѣшъ пахали поля и отъ нихъ згодне безъ жадной граници, за великихъ князей великоросийскихъ и великихъ государей царей, и за королей полскихъ Жыкгумента и Владислава, и за гетмана Богдана Хмелницкого, до сихъ часъ спокойне держали, и сумѣшъ спокойне уживали, такъ и теперъ и на потомъ прежде бывшимъ способомъ цѣле и неотменно держати и уживати зъ обохъ сторонъ повинни, подъ закладомъ на противную свѣцкую сторону двохъсотъ таляръ и подъ каранемъ войсковимъ, и на духовную сторону также подъ закладомъ таковоежъ сумми.

Сторони зась супплѣки Кириювское и кривдъ, кгрунтовъ, шкодъ, грабежовъ, побоевъ огнемъ и углями разженными людей Кириевскихъ въ бору печення, и сѣножати, и нывъ пахатнихъ, и черезъ греблю Кириевскую переѣзду забороненя, и въ водѣ до ловлѣ рибное недопускання, еще въ водѣ коноплей мочити, и на водѣ лѣтомъ и зимою бѣлой плоти хустъ прати недопускання, и хустъ въ полонки вкиданя, кгвалтовного на Кириювцахъ писма на чиншъ вимагання и иншихъ неслиханихъ кривдъ отъ отца Мардаріа и одъ людей субъординованихъ чиненя, тие-жъ старики и все товариство старшое и меншое Сосницкое вишъписаное, такъже и обывателѣ Кирѣевскіе, а меновите старинній отчичъ, то есть Семенъ, Василювъ сынъ, московское породы, називаемий Бритикъ, передъ нами, висланними, и предъ всѣми людми, при бытности отцевъ Спаскихъ, въ Ки-

риювце, дня третого декабра, сказали и визнали подъ сумленямъ, ижъ еще за держави московское, давное, Василь, отецъ его Симона, и отцевъ братъ Яско, Бритики, и отци ихъ, а его Симона дѣди, еще передъ Пѣсочинскимъ и за Пѣсочинского, каштеляна Киевского, дань медовую давали на его жъ Пѣсочинского; а сѣдѣли дѣди, и отцы, и дядко его домами своими на томъ боцѣ Убедѣ, где теперъ Кириювка село, въ бору, а Кириевки еще не було; якъ же Уласъ коваль зъ Носовки до Кириювки пришолъ, такъ его Пѣсочинский задержалъ при собѣ; до которого коваля и челядникъ его Олешко тамъ же пришолъ; а той Олешко ремесло мелницкое зналъ, и упросилъ ихъ обоѣхъ Пѣсочинский, щобы млинъ на Убедѣ подъ Кириевкою построили; яко жъ Пѣсочинский придалъ имъ двомъ людей зъ Сосницѣ и зъ Глухова, и зъ инихъ селъ, которие фундаментъ на млинъ копали въ Убедѣ и чинили, и млинъ оденъ зъ двома каменями, оденъ зъ питлемъ, а другий на разовий хлѣбъ, и третое ступное колесо виставили. И одъ того часу люде осѣдати въ Кириевци почали; черезъ которую греблю, при томъ млинѣ будучую, такъ за Пѣсочинского, яко и после Пѣсочинского, въ козаччину, волний переходъ до бору и до сѣножатей, по-надъ Убедю будучихъ, и волный вступъ мѣлисмо; и колко передъ тимъ старостовъ чернецкихъ въ Спаскомъ, яко то отецъ Гедеонъ и иншие старости бывало, нѣ одъ едного въ переходѣ черезъ греблю, намъ самимъ и товару нашому на пашу и по дрова жадное спони и перешкоди не бывало, ажъ до теперешнего старости Мардаріа, который скоро старостою зосталъ, то заразъ вимислние намъ утиски чинити почалъ: и черезъ греблю не пускаетъ нашихъ людий зъ возами къ бору, и на сѣножати, и на ночлѣгъ, и товару на пашу, привлащаючи собѣ неправне и неслушне и неналежне сѣножати и боръ. А на тамъ томъ боцѣ, тоесть греблѣ, многие обивателе Кириевские и землю межи боромъ пахали; которіе ныви и теперъ тамъ зостаютъ, меновите, ныви Ермолини и брата его Тишка, другая Безикова, третяя Халепина, четвертая Филимонова и иншихъ людей Кириевскихъ, которихъ было, що тамъ сѣдѣли, зъ десятокъ; а одъ тихъ нывъ жадного чернцомъ чиншу не давали; да той же Мардарий и полреки Убеди себѣ привлащаетъ; кошѣ мирские, на рибу заставленіе, кгвалтомъ беретъ; конопель мочити и хустъ прати невѣстамъ, зѣмою и лѣтомъ, забороняетъ, плаття въ полонки вкидаетъ, яко о томъ писаніе особно

кривди свѣдительствуютъ; що все не тилко той отчичъ Симонъ, але и атаманъ Трохимъ, и Фома войтъ, и Ермола, и Дмитро, Савка Гапощенко и всѣ обывателе Кириевские, признали; чого всего а нѣ за давной московщини, нѣ за Песочинского, а нѣ за новихъ воеводъ Московскихъ не бувало. Да еще той же атаманъ и войтъ, и козаки, и посполитие люде Кириевские казали, же передъ тимъ, до Мардарія, волно бывало за Песочинского, за Хмелницкого гетмана сѣножати на томъ боцѣ Убедѣ косити, и оденъ другому продавати; яко то: Дмитро, козакъ старинний, уже тому лѣтъ зъ двадцать, продавъ Савцѣ Гапощенку за десять золотихъ, а небожчикъ Уласъ коваль, дѣдъ Дмитрувъ, еще за Маховщини, лѣтъ тому болшъ сорока, Роману Ященку за шесть копъ сѣножать, на томъ же боцѣ Убедѣ будуччую, продалъ; еще Иванъ Нестеренко, козакъ, тамъ же на томъ боцѣ сеножать, при Убедѣ будуччую, Савцѣ Гапощенку за пять золотихъ продалъ; да еще Харко, козакъ, купилъ сеножать тамъ же за греблею у Ивана Шепеленка, козака, за шесть копъ того року, якъ на Самарѣ городокъ будовали; и еще Ермола козакъ на томъ же боцѣ греблѣ купилъ у Гордѣя Евфименка, козака Кириевского, сеножать за пять копъ и за осмь шаговъ; да еще Устимъ, человѣкъ тяглий Кириевский, тамъ же за греблею купилъ у Василя Шулги за два таляри сеножать; еще Якимъ козакъ тамъ же за греблею сеножать купилъ у Якима Зубченка, за золотихъ пять, тому третий рокъ, и инние многие люди Кириевские сеножати, на тамъ томъ боцѣ греблѣ будучие, здавна за свои почитали, уживали, и межъ собою продавали, и куповали, и зъ бору дрова возили до Мардария спокойне. Одъ тихъ теди вишейписанихъ доводовъ ясне и явне кождий познати можетъ, же той боръ и тие сеножати, и нивя, и вода, и риба до Кириевки належали, а не до чернцовъ, а меновите и зъ продажи, и зъ купли сѣножатей такъ за Хмелницкого и за московщини, и уже недавно, за небожчика отца Михайла архимандрити, якося вишъ написано; на тотъ часъ, якъ на Самарѣ городъ будовано, купля сеножати одъ козака Харка у Ивана Шепеленка стало кождому ясно видать, же безъ жадное контрадикции отцовъ Спаскихъ тоеся дѣяло; для того знать, що тие поля не монастырские были, и тереблено ихъ на тотъ часъ, и пахано, якъ еще архимандритовъ въ томъ монастыру не було; а нынѣ отецъ Мардарий тие сеножати напрасно и неналежно привлащати почалъ и

чинишъ кгвалтовную одъ частихъ грабежовъ и побоевъ вимислилъ, и на людехъ бѣднихъ винудилъ и викрутилъ. Свиридъ, козакъ старинний Спаского села, такъ взглядомъ кгрунтовъ, Кириевскихъ сказалъ: помятаю тое, ижъ за пановъ, то есть за Пѣсочинского, Спаское село держали езуити Новгородзкие, за которое ихъ держави перейшли были Бритики Кириевские черезъ греблю и почали дѣлати борти на пчолу; о чомъ довѣдавшися, езуити зогнали ихъ одтоль и не допустили болше бортей дѣлати; якъ же козаччина настала, такъ волно было всѣмъ, такъ Спасчанамъ, яко и Кириевчанамъ, въ боръ сумѣшъ ездити; въ який часъ и бортей много отчичовъ Спаскихъ порубано, а о млинахъ Кириевскихъ, якъ оны стали и якъ село Кириевка сѣла, не памятаю.

На тие рѣчи Свиридови Бритикъ Кириевский, отчичъ, такъ отповѣдѣлъ: правда то есть, же небожчикъ отецъ мой Василь и Яско дядко перейшли были за Убедь и уже бортей по пять видѣлали были, тилкожъ ихъ зъ того боку Убеди не езуити, яко Свиридъ кажетъ, зогнали, але самъ Песочинский, не велѣвъ имъ болше тамъ за Убедю дѣлати бортей, и Спаскимъ отчичомъ тотъ боръ попустилъ и заходи свои опимъ мѣти позволилъ; а отцевѣ моему Василю и Ясковѣ дядковѣ по томъ боку Убеди, на которомъ Кириевка седитъ, отчину мѣти и борти дѣлати повелѣвъ; але и хоть то на тотъ часъ бортей Бритикумъ не позволилъ дѣлати, але землю, и бору, и нивя сумѣшъ уживати позволилъ. Да тие жъ старики и всѣ старшое и меншое товариство и посполство Сосницкое и Кириевское повѣдѣли, ижъ до отца Мардария жаденъ староста Спаского села отецъ Гедеонъ, отецъ Павелъ Муховский, отецъ Ѳерапонтъ и иншие, же нѣякихъ подачокъ и нѣякого писма у Кириевцовъ одъ сѣножатей, одъ борку и одъ води не витягали и хустъ прати и конопель мочити не забороняли; тилко оденъ Мардарий, якъ наставъ старостою Спаскимъ, тие утиски Кириевцямъ почалъ чинити и за греблю не пускати, а нѣ въ боръ, а нѣ въ сеножати, а нѣ на ночлѣгъ, а нѣ скоту на пашу сплошь; и сумѣшь бору и кгрунтовъ спокойне и любезно заживали, а теперъ Мардарий, новий староста, людми и землею заколотивъ. Тое повѣдали атамани, войтъ и всѣ обыватели Кириевские предъ нами, висланими, и при отцу Генадию намѣснику, и отцу Гедиону, и инихъ монахахъ. Одповѣдѣлъ отецъ Мардарий, же для того забороняемъ ѣздити за греблю Кириевцямъ, бо то кгрунтъ Спаский.

А кгди мы, высланые, отца Генадія зъ братіею на тотъ часъ будучого, и отца Мардарія питалисмо и жадали, щобъ намъ право и документа на той борокъ, и сеножати, и на непускання за греблю людей Кириевскихъ, и на запрещеніе ловлення рыбъ въ ставу, показано; теди права жадного намъ, висланимъ, на тое не обявили, наветъ и унѣверсалу первоначалного на млини одъ гетмана, Спаскому монастыреви наданого, не презентовали, и теперь не знаемъ, который сперва гетманъ онымъ на млины унѣверсалъ видалъ, тилко сказали: всѣ люде тое знаютъ, же то Спаские кгрунта.

А для того знать права не показуютъ, бо тамъ въ унѣверсалѣ первомъ не написано, кромѣ млиновъ, а нѣ бору, а нѣ сѣножатей, а нѣ непускання за греблю людей, а нѣ въ водѣ ловли рыбной; да знать и для того, же подобно въ томъ унѣверсалѣ не написано, щобъ козаки мелники, третую мѣрочку держачие, пополамъ двѣма войсковими мѣрочками дѣлилися; для чого и Поручка, пять колѣсъ купивши, одъ выбѣрання розмѣру пополамъ одъ законниковъ Спаскихъ есть оддалений. Любо о томъ писмо одъ его милости пана гетмана теперешнего до отца архимандрити зъ канцелярии, видано было, щобъ пополамъ розмиръ Поручце, яко козаковѣ, даваний былъ; а они, законники, до сихъ часъ не даютъ и еще сына его на греблѣ, близко прошлой весны, отецъ Арсений, зъ мужиками будучий, не щадно билъ кіями, подъ часъ гаченя греблѣ.

Мы теди, нижей на подписе меноване, висланние межи Кириевского села обывателми, такъ зъ козаками, яко и посполитими людми, и межи Спаского монастыра велебними отцами, взглядомъ прежде писанихъ одъ отцевъ Спаскихъ, а особливе одъ отца Мардаріа городничого, кривдъ, шкодъ и налоговъ и утисковъ, Кириевцамъ починених, передъ нами речей, доводовъ и свѣдоцтвъ, зъ обоихъ сторонъ внесенихъ, пилно выслухавши и оные достатечне уваживши, а найбарзѣй розсмотрѣвши тое, ижъ отцеве Спаские жадного документа слушного на ловене рыби въ водѣ, на борки, на сеножати, на заборонене людемъ черезъ греблю переѣзду къ сеножатемъ, въ борокъ и къ нивямъ, и на заборонене въ водѣ прати хустъ, и на запрещене моченя въ водѣ коноплей, и на чиншъ, жадного права не маютъ и не показуютъ, але кгвалтовне своимъ вимисломъ безправне все чинятъ, и же кгвалтовне витиснули вимисломъ своимъ на людехъ Кириевскихъ чыншъ одъ кошеня сеножатей волнихъ, одъ ловлення въ водѣ

рыбъ, одъ переѣзду черезъ греблю и одъ иншихъ вишьписанихъ долегливостей, а на тее жадного права а нѣ одъ ясневелможного его милости пана гетмана и одъ иншой старшини не имѣютъ и не продукуютъ; а видячи, же Кириевцѣ зъ Сосничанами и Спасчанами сумѣшъ издавна тихъ часовъ, которихъ еще и архимадритовъ въ Спаскомъ монастырѣ не бувало, и за отца Лежайского, кгрунтовъ тихъ заживали: куповали, продавали, пахали и орали, засѣвали одъ маховщини (московщини?) и за лядзкой держави, за Хмелницкого, ажъ до Мардариевого въ Спаскомъ староства, якося то вижей показало зъ повѣстей и зъ свѣдоцтва стариннихъ людей; теди зъ тихъ причинъ всѣхъ вышевыраженихъ Кириевцевъ одъ чиншу кгвалтовного Мардариевого, неслушного и фалшиве, безъ позволенія старшихъ, самоволне вымишленого, Кириевцевъ уволняемъ и тое кгвалтовное и неправное на чиншъ писане, неавтентичное и неслушное, касуемъ и волний переѣздъ и переходъ черезъ греблю до бору, до сеножатей, до нывь, до копаня пенко ..... на ночлѣгъ зъ конми, на пашу, зъ товаромъ чинимъ, также до ловеня въ водѣ рыбъ, до волного праня невѣстамъ хустъ, до моченя коноплей волный приступъ Кириевцамъ, яко передъ тимъ бывало, одтворяемъ, безъ перешкодивъ одъ отцевъ монастыра Спаского и одъ городничихъ Спаскихъ, подъ закладомъ на отцевъ Спаскихъ, сему декретовѣ противнихъ, и на Сосницкихъ людей и на Кириевскихъ, двохъ сотъ талярей до скарбу войскового; а шматъ греблѣ Кириевские отъ того боку, где Кириевка стоитъ, Кириивцѣ предъ тимъ всегда гачували, такъ и теперъ гатити завше, ведлугъ звичаю давного, повинны.

Взглядомъ зась кривдъ одъ отца Мардарія такъ въ выбѣраню неслушное десятини, а не тилко десятини, але кгвалтовное въ збожахъ половины, албо якъ ему хотѣлося, такъ тайно въ поляхъ ночю, вмѣсто десятини збожа, якъ и въ грабежахъ кгвалтовнихъ, и въ побояхъ, и въ паленню людей огнемъ, людемъ рознимъ меновите: въ побытю сына козацкого Поруччиного киями, на греблѣ положивши, и въ вимаганю, и въ выбираню грошей, за грабежъ, и въ инихъ кривдахъ починенихъ, въ таковихъ всѣхъ кгвалтовнихъ кривдахъ, шкодахъ, грабежахъ, силкомъ у людей за грабежи грошми викупованю, висоце въ Богу превелебний его милость отецъ архимадритъ обителѣ всемилостивого Спаса отцу Мардарию предъ нами, висланими, справоватися не велѣлъ и на отвѣтъ и на судъ отцу Мар-

дарію ставати не казалъ, о чомъ ширей листъ, одъ тогожъ его милости отца архимандрити до насъ, висланихъ, писаний, а черезъ отца казнодѣю Спаского, отца Серафіона, до Кириевки дня третого декабра присланий, ширей опѣваетъ, же теди тое писмо самой поважной персоны и гоноровѣ ясневелможного его милости пама гетмана есть противное, зачимъ той пунктъ на розсмотрителную увагу самого его милости пана гетмана въ Батуринъ взялисмо; а межи отцемъ Мардариемъ и межи укривжоными одъ его людми, жадное росправы не чинилисмо, для нестання на судъ отца Мардария, за непозволенемъ архимандритовимъ. Писанъ въ Батуринѣ року, мѣсяца и дня вишейменованихъ.

V.

Показаніе стариковъ с. Сорокошичей по спору Кіево-Печерской лавры съ Кіево-Братскимъ монастыремъ о Сорокошицкой землѣ. 24 сентября 1704 г.

Року 1704, сентевр. 24. Свидѣтелство о кгрунтѣ и границѣ свято-печерской, отъ нижевыразившихся именами людей признаванное.

Сыла Лобасъ, имѣючый лѣтъ сто, съ прадѣда бывшый въ Сорокошицахъ, свято-печерскій подданый, а на сей часъ за Днѣпромъ въ Теремцяхъ, въ маетности Сопѣжиной, чрезъ войну татарскую жиючій, предъ нами, печерскими, и ихъ млт. братскими, отцемъ Досиѳеемъ Щотковскимъ, намѣстникомъ, и отцемъ Лялковскимъ, призналъ, же Сорокошицкая з Лутаевцями граница идетъ отъ урочища Звѣровой Кроваты въ Пѣщаный бродъ, а съ Пѣщаного броду тенма (?) на Лузки, где стоимо, власное печерское; и тое просо на печерскомъ кгрунтѣ сѣяно, которое панъ городничій пожавъ.

Семенъ Михиленко, Иванъ Щербина, зъ прадѣдовъ Глибовцѣ, поединцемъ отъ отцевъ братскихъ допрошуваны тымыжъ урочищами, которими Сила признаетъ, сказовали границю свято-печерскую зъ Лутавцями отъ Звѣровой Кровати на Лузки; и готовіи суть зъ Силою и изъ многими людми свѣдомцями, на томъ присягнути.

Сегожъ дня, зъ стороны Косачовской, лѣтъ собѣ пятдесятъ сказуючый, Максимъ Омеляненко съ Петромъ Жериборенкомъ и Веремѣемъ Дягиленкомъ, по сорокъ лѣтъ на свѣтѣ маючими, якъ стали

куди хотя внутръ свято-печерского звѣчного кгрунту границю на свою сторону сказовати, и, тое написавши, читано въ голосъ. Помененный Сила Лобасъ, мужъ столѣтный, розсмѣявся, и мы, свято-печерскіе, вопросили его: чого ты смѣешся?—отповѣдѣлъ: якъ мнѣ не смѣятися: смаркачъ, блазень брѣдитъ будучи молодый и незнаючый нѣчого, отводитъ; границю и все Глибовское займате неправедно; колибъ минѣ лзя, очи бы вибывъ! сѣмъ разъ присягну, що неправедно говорять. И на сіи слова нѣ отцы братскіи, нѣ Косачувцѣ нѣчого не отказали, но всѣ мовчали. Потомъ, того ради, что еще не приспѣлъ городничій Паколскій отецъ Владимиръ, приговорилисмо и утвердили з обохъ сторонъ, абы зехатися септеврія двадцять пятого, заутра, в пятницю.

Іеромонахъ Синесій пп., іеромонахъ Вакхъ пп., сегожъ року 25, в пятницю рано, з отцемъ Владимиромъ и отцемъ Вакхомъ, городничимъ, и Ероѳеемъ, священникомъ Сорокошицкимъ, и людми Навозкими и прочіими свядомцями праведной границѣ, якъ приѣздили подъ Косачевку, ихъ милость братскіе тогда с Косачевки віехали; за которими отъ насъ Іоанъ, священникъ Косачовскій, втропы посыланъ зъ договоромъ, для чого на словѣ не стоятъ и чого рады уеждаютъ совершенно, надлежащой справи не окончаючи, даби зволили возвратитися и прилѣжно о правдѣ инквѣровати. Тылко жъ мы, болшъ полдня ожидаючие ихъ повороту въ Косачувцѣ, отъ того священника не иншій отвѣтъ, тилко же не схотѣли возвратитися, услышавши, возвратилисмося в Сорокошичи, з надѣяніемъ, что може еще для окончення возвратятся, а понеже не имѣлисмо оныхъ вѣдомости нѣякой и одозву.

Септевр. 28. Къ написавшимся высше свѣдителствамъ, что отъ якихъ свѣдителей слышалисмо о праведной границѣ, виражаемъ: той же Сила Лобасъ, зъ дѣда и прадѣда бывшый житель Сорокошицкій, сказовалъ, що дѣдъ его на свѣтѣ живъ полтораста лѣтъ, а все въ Сорокошицахъ, чрезъ розные войны зъ свято-печерского подданства нѣгде не уходячи, сказуетъ бувало, що и его предки не запомнятъ, когда церковная печерская власть стала надъ Мневомъ, Навозомъ, Паколею, Сивками, Сорокошицами, Глибовомъ, Ошитками, Новосюлками, Тарасовичами, Сваромлемъ, Хотяновкою, Жарами, Лукоздами, Кеденемъ, Бѣлою Сорокою, Оревичами и къ нимъ Коревичами селомъ, а Окуниновъ зъ Глибовцювъ ставъ; Глибовцѣ, далеко не хотячи зъ Глибова въ кгрунта свои ходити, вийшло ихъ килко чело-

вѣка и тамъ теперъ, где седятъ, надъ озеромъ Окуниновомъ, осѣли въ Печерскомъ Глибовскомъ кгрунтѣ. А зъ Дубешень Сила сказуетъ, же самъ вивозывъ плыти на Десну монастырскіе; в Пуховцѣ з вѣку дворъ церковный и городничіи живали. А где теперъ Осняки, тамъ села не було; забувъ, якъ того человѣка звано, который единъ еднымъ тамъ живъ; и бувало до отца моего Олешка въ Сорокошицы и до Силы в Сивки, присилаетъ, абы лосювъ ишлы быти; и якъ бувало убютъ лося съ тимъ человѣкомъ, до монастыра отдаютъ Печерского всякую здобычъ. А дѣдъ его, Лобасовъ, въ Павшинщину умеръ, а отецъ въ Чудновщыну умеръ. Тилко жъ ему сказовали границю зъ Лутавцями Сорокошицкую одъ Звѣровой Кровати на Пѣщаный бродъ да на Лузки. И Глибовяне, не маючи зъ себе ухожей, упросили его мосцѣ; и самъ его мосць, виихавъ, мовитъ, и ласкою у нашихъ предковъ упросивъ, что Сорокошичане отъ лѣса Тужира впоперекъ до Лузокъ, а вдовжъ по край Лутавской границѣ, отъ Звѣровой Кровати на тые жъ Лузки, Глибовцямъ уступили зъ лѣсомъ, подъ которимъ теперъ Косачувка сидитъ.

А якъ Проскура Косачувку осажовалъ, Сила жъ сказуетъ, я, мовитъ, свѣдомъ добре. Найперше, зъ двома синами Иваномъ и Михалемъ, Косачъ осѣвъ за бугромъ, подъ лѣсомъ церковнымъ, на границѣ, противъ Лузокъ; до него пришовъ Михидъ, потомъ Омелянъ Дягилъ, а послѣ Якимъ зъ сиомъ Пилипомъ, такъ старики Глибовскіи зъ его мосцѣного указу, оттуль ихъ зогнали и едну хату спалили; оны осѣли у садка встягъ подъ лѣсомъ церковнимъ, а далѣй и оттуль перейшли, где теперъ сидятъ и огородами въ лѣсъ церковный Глибовскіи усунулися; а затимъ война наспѣла; а якъ Косачувка не була и шляху туди не було, але шляхъ бувъ на Сиварову криницю черезъ кгрунтъ Глибовскиі, на Звѣрову Кровать уз болотемъ отъ Моровщины и Короповщины, на Сокуллiи рога въ Карповщинѣ; якъ же Косачувка стала осѣдати, шляхъ прокладатися почавъ. Костюкъ, Мацюкувъ зять, лѣтъ сѣмъдесятъ маючій, Тараско Димченко, шѣстдесятъ лѣтъ отъ роду маючій, Иванъ Коношенко, мужъ въ 60 лѣтъ, предка своего Конха (?) кгрунтомъ владѣючый, и многіе люди старіи и молодіи, чувши отъ стариковъ своихъ, признаютъ, что Коношового кгрунту, якъ удѣлено Глибовцямъ, Сорокошитчины стойшли бортныи сосны. А Сила, старикъ столѣтный, сказуетъ, що у Звѣровой Кровати, якъ живъ у Сорокошичахъ, знавъ двѣ соснѣ Ко-

ношового кгрунту, и еще Косачувки не було; а Иванъ Усъ Глибовецъ, пахавъ поле за Перятиною, котрое хотятъ Косачувцѣ завладѣти; Семенъ Михиленко по отцю Мышцѣ, по дѣду Богдану а прадѣду Усу, и теперъ тимъ полемъ владѣетъ и всѣ люде признаютъ, что звѣчный то кгрунтъ свято-печерскій.

Всѣ Сорокошичане готови присягти, что, чували отъ своихъ предковъ и отцювъ, той кгрунтъ бувъ Сорокошицкый, а отданный Глыбовцямъ отъ предковъ, мовятъ, нашихъ, отъ Тужира до Лузокъ вширъ, а вдовжъ по надъ Лутовскою границею, отъ болота Мохового, где ягоды ростутъ, называючогося Звѣрова Кровать, на Лузки, якъ Сила Лобасъ признаетъ. И Глибовцѣ слово в слово тоежъ знаютъ и всѣ признаютъ, что носится звѣку тая повѣсть отъ стариковъ, що Сорокошичане нашимъ предкамъ отъ Перетятыни урочища уступили кгрунту до самихъ Лузокъ з лѣсомъ, подъ которимъ теперъ сидитъ Косачувка.

И Семенъ Михиленко, правнукъ Уса Глибовця, признаетъ, що двѣ роднѣ, една Шингѣріенковъ, другая Степунка Петрова сина, стрелцѣ, якъ осѣвшихъ Косачувцювъ попалили и въ другое отъ садкувъ зогнали, оны туды перейшли, где теперъ сидятъ; откуль такожъ хотѣли предки наши ихъ зганяти що у лѣсѣ Глибовскомъ селятся, да война зайшла; и до сего часу осидѣлися, кгрунта печерскіе пустошатъ, сѣна на болотахъ церковныхъ звѣчныхъ по подъ лѣсомъ печерскимъ косятъ, а Лутавская граныця боромъ съ печерскою идетъ; а въ болотѣ Лутавцямъ части не бувало, всѣ сказуютъ Глибовцѣ.

Данило Кика, межи Сорокошцями старѣйшій и трясучійся, якъ косилъ за Днѣпромъ бувъ, то тогда таковыхъ лѣтъ и разума зостававъ, що одъ подскарбіого кролевского въ Козелцѣ утѣкъ, признаетъ, что тотъ кгрунтъ, якій своятъ Косачувцѣ, звѣчный есть свято-печерскій, отъ Сорокошичцювъ отъ урочища Перетятины до Лузокъ, где границя зъ Лутавцями звѣчная, поступлена Глибовцямъ.

Нестеръ Найдюнъ, старикъ Глибовецъ, признаетъ, що за отца Иліи, економа печерского, якъ о границѣ зъ Косачувцями споръ бувъ, Тимухъ Щербина, звѣку Глибовскій, противъ Жерибора Хведора двома стами золот. викидався, если покажетъ рубежѣ; Жериборъ не показавъ, а Щербына свого дѣда сосну зъ рубежами показавъ; другіи рубежѣ въ колодѣ вирубано и плахи до манастыра ка-

зано взяти; а до третихъ рубежовъ Жериборъ не пошовъ, нашу правду видячи.

Мойсѣй Осипенко Сорокошицкій, лѣтъ пятдесятъ маючій, тое жъ що и Найдюнъ признаетъ, що якъ Щербина Тымухъ викидався на едномъ мѣстцу стами золотими, на другомъ мѣстцу стами золотими, рубежѣ звѣчные показуючи и въ колодѣ вирубано, Жериборъ не викидався, але говоривъ: черезъ сей разъ не будемъ сюды втручатися, а черезъ Косачувскіе; и жаденъ не були на рубежахъ.

Синъ Тимоха Щербыни Іванъ Щербына, зъ дѣда и прадѣда Глибовецъ, сказуетъ: отецъ его на двохъ мѣстцахъ по сто золотихъ викидалъ, край рубежовъ противъ Жерибора, а Жериборъ не хотѣвъ викидатися, и въ прадѣда моего Петра соснѣ бортной старинные рубежѣ мой отецъ показавъ; а другій рубежъ въ колодѣ отецъ Коновъ казавъ вирубати при Жериборе и до липы рубѣжной не пошолъ за сорома, тую липу Косачувцѣ зкритешемъ загубыли и поле выробыли и владѣютъ.

Дорошко Охванченко, зъ дѣда и прадѣда Навозкій, зъ сѣмдесятъ лѣтъ маючій, признаетъ: когда отецъ Илія, економъ свято-печерскій, на границѣ бувъ противъ Косачувцювъ, тогдѣ и Навозскіи старики Евхимъ Силенко, Власъ Величко, Луцко Скребенокъ, Гришко Федосѣенко, Игнатъ Савлукъ, Зѣнко Гришченковъ зять и я, Дорошко, були и видѣли, и чули; и готовъ я присягти на томъ, що якихъ свѣдкувъ паны Косачувскіи ставили, жаденъ противъ нашихъ, не доказавъ правди и тулко сорома набиралися; а далѣй еще одного чоловѣка, имени его не знаю, якъ поставили, той чоловѣкъ до своихъ пановъ ставъ говорити: воля ваша, панове; що хотѣте, чинѣте, а я правду буду говорити: якъ Исакъ Коляда Теремецкій и Максимъ, мельникъ Сорокошицкій, признаютъ границю, такъ и минѣ батко мой сказовавъ, що то праведная, звѣчная границя. И Косачувскій чернецъ, на того человѣка цикнувъ, сталъ палцѣ гризти. Громади наши крикнули: нехай говоритъ той человѣкъ; а чернецъ той стреливъ съ пѣстолета на нашихъ; и зачалася сварка и крикъ, и розихалися. После того, що на завтре дѣялося, не знаемъ мы.

По всѣхъ тихъ свѣдителствахъ первѣйшей свѣдитель столѣтной мужъ Сила Лобасъ зъ Теремецъ, подданій Сопѣжинъ, зъ многими свѣдителми Сорокошичями и Глибовцями, старими и молодими, всѣ признаютъ и готови крестъ святій и слова Христови лобызати, что

на якіи урочища именно отъ Мѣши болота, на сосну Хорушуху, на Бѣлый мохъ, на Сиворову криницю, боромъ суходоломъ у Язвину логомъ у Сторбурину ниву та въ Видрово болото, Косачувцѣ именуютъ границю, то тими урочищами зъ давного вѣку отъ тогда, якъ уступлени до Глибова отъ Сорокошичанъ кгрунту, Сорокошичцямъ и Глибовцямъ лежитъ граница, а не Лутавцямъ; а Лутавцямъ зъ Глибовцями отъ Звѣровои Кровати на Пѣщаной бродъ на Лузки, на садки по подъ лѣсъ свято-печерскій, въ которомъ лѣсѣ Косачувцямъ не должно нѣ наименшой части имѣти и безвинне лѣсы, бори пустошачи, на болотѣ свято-печерскихъ сѣножатей и вюнныхъ (?) користей, кгвалтомъ и розбоемъ уриваючи, людей волости Сорокошицкой у Карпиловцѣ на перевозѣ, у Косачовцѣ на доброволной дорозѣ и въ добрахъ свято-печерскихъ бютъ, обдираютъ и рабуютъ и похвалки убивати чинятъ, за праведную святопечерскую границю невинности. Всѣхъ свѣдителей написуютъся имена: я, Іероѳей, священикъ Сорокошицкій, людскому свѣдителству присутствующій и все написанное слышачій, за Силу Лобаса, мужа столѣтного, и за Дорошка Охванченка Навозского и за всѣхъ свѣдителей, отъ которихъ слышалемъ свѣдителство, подписуюся і имена ихъ своею рукою власною написую; а оны своими руками крести написали: Сила Лобасъ + написалъ, Дорошко Охванченко + написалъ, Гаврило Димченко Навозскій + написалъ, Семенъ Михаленко Глыбовскій +. Иванъ Щербина +, Костюкъ, Мацюковъ зять, Сорокошицкій +, Федоръ Оношко, за которого синъ его Микита своею рукою + написалъ. Данило Кика Сорокошицкій +, Гараско Димченко Сорокошицкій +, Іванъ Коношенко Сорокошицкій +, Нестеръ Найдюнъ Глыбовскій +, Мойсѣй Осипенко Сорокошицкій +, Василь Розлачъ Сорокошицкій +, Гришко Мощенко, войтъ Сорокошицкій +.

Я, Феодоръ, священникъ Глыбовскій, за Глыбовцовъ, парафіянъ моихъ, подписуюсь и власною моею рукою имена ихъ написую, а они крестъ святій при именахъ своѣхъ кладутъ: Иванъ, войтъ Новоглыбовскій +, Пилипъ Корнѣенко +, Семенъ Вороненко +, Гараско Бобитенко +, Феодоръ, войтъ Староглыбовскій +, Артемъ Матвѣенко +, Семенъ Степаненко +, Артемъ Смолко +, Федоръ Дудка +.

Іеромонахъ Синесій пп.—Іеромонахъ Владимиръ пп.—Іеромонахъ Вакхъ пп.—Іероѳей, попъ Сорокошицкій.

АКТЫ

ПО УПРАВЛЕНІЮ МАЛОРОССІЕЮ

гр. П. А. Румянцева, за 1767 г.

Сообщилъ М. Ѳ. Владимірскій-Буда новъ.

Акты по управленію Малороссіею гр. П. А. Румянцева, за 1767 г.

Одинъ годъ управленія Малороссіею гр. П. А. Румянцева (1767).

При назначеніи своемъ на должность Малороссійскаго генералъ-губернатора, гр. П. А Румянцевъ, поставленъ былъ въ исключительно-трудныя условія: онъ принялъ новую должность въ замѣнъ уничтоженной гетманской власти. Несомнѣнно, въ Малороссіи оставалось не мало поклонниковъ бывшей гетманщины, и гр. Румянцевъ долженъ былъ на своемъ лицѣ кынести всѣ непріязненныя чувства и придирчивыя требованія, которыми обыкновенно сопровождается ломка государственныхъ упрежденій. Мало того: ему, какъ довѣренному лицу государыни-преобразовательницы, не приходилось мириться и съ наслѣдствомъ, оставленнымъ гетманщиною, т. е. приходилось измѣнять порядки, установленные при гетманахъ, особенно такіе, которые нельзя не признать злоупотребленіями, или какіе онъ признавалъ таковыми.

Когда опубликованъ былъ манифестъ о созывѣ депутатовъ въ коммиссію составленія новаго уложенія, то Румянцевъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сгруппировать всѣ важнѣйшіе пункты замѣченныхъ имъ несовершенствъ и противозаконій, господствовавшихъ въ Малороссіи и обратить на нихъ вниманіе коллегіи и депутатовъ коммиссіи.

Съ этою цѣлію онъ отправилъ 25 іюля 1767 года въ Малороссійскую коллегію обширную и содержательную „*Записку объ усмотрѣнныхъ въ Малой Россіи недостаткахъ*, о исправленіи которыхъ въ Малороссійской коллегіи трактовать можно“. Въ ней Румянцевъ касается почти всѣхъ существенныхъ юридическихъ и экономическихъ сторонъ тогдашней Малороссіи.

Гетманщина до послѣднихъ временъ своего существованія удержала въ своихъ государственныхъ учрежденіяхъ то переходное положеніе, которое наступило послѣ сверженія польской власти, когда явилась неизбѣжная смѣсь новыхъ—козацкихъ порядковъ съ старыми—польскими. Такъ, въ отношеніи къ судебнымъ учрежденіямъ, при присоединеніи Малороссіи, было предположено ввести суды земскіе и гродскіе (существовавшіе въ эпоху польскаго правительства). Но кто же подлежитъ этимъ судамъ? Въ тоже время сдѣлана была оговорка: „а товариству войсковому судиться, гдѣ три человѣка козаковъ, тогда два третьяго судятъ". А такъ какъ вся Малороссія составляла, при Богданѣ Хмельницкомъ и его ближайшихъ преемникахъ, одно „товариство войсковое", то причемъ тутъ земскіе и гродскіе суды? Какъ военное общество, Малороссія раздѣлилась на полки и сотни, въ которыхъ и устроились полковые и сотенные уряды и суды безъ всякаго раздѣленія администраціи и суда. Между тѣмъ постепенно среди военнаго общества зарождается и слагается гражданское: изъ старшины возникаетъ шляхетство, изъ жителей городовъ мѣщанство, изъ сельскихъ обывателей—т. н. посполитые, т. е. крестьяне; являются частныя недвижимыя имущества; тогда не только начало суда двумя третьяго, но и полковые и сотенные суды уже не годились. Не отступая отъ формъ польско-литовскаго права, въ Малороссіи были учреждены въ 1763 г. земскіе, гродскіе и подкоморскіе суды; но они до 1767 г. введены были далеко невездѣ. Въ городахъ на тѣхъ же началахъ установились магистратскіе и ратушные суды. Вся эта пестрая смѣсь органовъ подчинялась т. н. „главному суду", отношенія котораго къ Малороссійской коллегіи оставались неясными и самая организація измѣнялась волею мѣстныхъ правителей, напр. гетм. Разумовскаго, который ввелъ, по подобію польскихъ трибуналовъ, выборъ депутатовъ (по 1-му отъ каждаго полка) въ этотъ судъ.—Румянцева, какъ военнаго человѣка, всего больше поражало смѣшеніе военныхъ судовъ съ гражданскими, и вообще эта пестрая путаница учрежденій, изъ которой вездѣ являются „затрудненіе и нерѣшимости". Преобразователь рекомендуетъ Малороссійской коллегіи подумать объ устройствѣ аппеляціоннаго суда, или отдѣльно отъ коллегіи, или въ видѣ департамента ея, объ отдѣленіи компетенціи коллегіи отъ власти генералъ-губернатора, объ учрежденіи среднихъ инстанцій, лучшемъ устрой-

ствѣ низшихъ инстанцій, съ выѣздомъ судовъ на сессіи для удобствъ разсѣяннаго населенія; наконецъ объ учрежденіи адвокатовъ при судахъ для помощи невѣжественному населенію съ оффиціальною отвѣтственностью за ихъ дѣйствія.—Впрочемъ (въ томъ же году) Румянцевъ, не ожидая результатовъ своего проэкта въ коллегіи, преобразовалъ по своему главный судъ [1]) и сдѣлалъ замѣчательное распоряженіе объ адвокатахъ [2]).

Въ сферѣ администраціи Румянцеву казалось невозможнымъ довольствоваться военнымъ раздѣленіемъ Малороссіи на полки и сотни, а равно обойтись безъ всякихъ особыхъ учрежденій для управленія финансами, полиціею и коммерціею. Надо помнить, что все это происходило до изданія учрежденій о губерніяхъ и у Румянцева не было готовыхъ образцовъ и въ прочихъ частяхъ имперіи. Въ этой сферѣ онъ успѣлъ въ томъ же году сдѣлать одно, именно раздѣлить Малороссію на т. н. коммисарства, независимо отъ полковъ [3]). Относительно правъ госуд. службы, Р—въ, вопреки воззрѣніямъ Екатерины, не признавалъ полезнымъ начало избранія чиновниковъ населеніемъ и особенно возмущался безпорядочностію степеней службы и способомъ вознагражденія чиновниковъ надѣленіемъ урядовыхъ имѣній. Въ сѣверной Россіи надѣлъ помѣстьями изчезъ еще при Петрѣ В. „Имѣній одному достается чрезмѣрно много, другой ничего не получаетъ; отсюда лихоимство и насилія надъ подчиненными“, говоритъ онъ.

Другая сторона порядковъ старой Малороссіи, именно права состоянія, задавала преобразователю цѣлый рядъ не менѣе трудныхъ вопросовъ. И здѣсь поражала неопредѣленность переходныхъ формъ, столь нетерпимая для организаторскихъ умовъ XVIII в. Новообразующееся шляхетство не успѣло еще ни обосновать своихъ правъ, ни сложиться въ корпорацію и стояло въ рѣзкой противоположности съ общимъ козацкимъ строемъ населенія Малороссіи. Поэтому къ шляхетству стремились причислить себя и всѣ козаки, кромѣ „происшедшихъ изъ мужиковъ“, т. е. получившихъ козацкій грунтъ по женитбѣ. Всѣ прочіе козаки пользуются процессуальными привиле-

[1]) См. № 13.
[2]) См. № 16 и 17.
[3]) См. № 21.

гіями наравнѣ съ шляхетствомъ. Все вниманіе Рум—ва, какъ государственнаго и военнаго человѣка, устремлено на центральняй классъ общества, т. е. козаковъ; онъ вспоминаетъ пункты Богдана Хм, по которымъ козаками были признаны реэстровые, призванные къ дѣйствительной службѣ, а не цѣлыя семьи ихъ съ женами и дѣтьми; по ук. 1736 г. велѣно было признавать таковыми 20,000; но въ 1767 г., когда Р—въ писалъ свою записку, было, по его счету, уже 71,704 казачьихъ хаты. Не смотря на такое увеличеніе козацкаго населенія, большія массы его выходили изъ своего состоянія, будучи „порабощаемы владѣльцами", вопреки ук. 1723. По словамъ Р—ва, многіе козаки сами бѣжали отъ службы въ частное подданство, а сотенная старшина прикрывала это беззаконіе, ради корысти, обращая въ свою пользу имущества бѣжавшихъ. Так. обр. Р—въ ставитъ вопросы какъ о способахъ вступленія въ козачье званіе, такъ и выхода изъ него.

Нѣчто подобное замѣчалось и въ городскомъ состояніи: многіе города попали въ частное владѣніе; жители ихъ, спасаясь отъ притѣсненій, бѣжали изъ городовъ въ козаки. Города безлюдѣли и нищали, тѣмъ болѣе, что недвижимыя городскія (ратушныя) имущества, неприкосновенность которыхъ ограждена указомъ 1728, почти всѣ розданы или захвачены въ частныя руки.

Так. обр. двумъ главнымъ классамъ общества—козацкому и городскому грозило разрушеніе; центръ тяжести общественной жизни переносится на шляхетство и крестьянство. Вопросъ о крестьянствѣ становился самымъ насущнымъ и важнымъ. Рум—въ, во исполненіе инструкціи, данной ему Императрицею, обратилъ особое вниманіе на этотъ предметъ. Его поразило безпорядочное передвиженіе нѣкоторыхъ слоевъ сельскаго населенія, впрочемъ не особенно значительныхъ по количеству. Бродили лишь худшія, безхозяйныя толпы, которыя подсосѣживались къ козакамъ „и людямъ простаго стану", а часто совсѣмъ переходили за границы Малороссіи, въ Новороссійскія поселенія къ хорватамъ, въ Запорожскія степи, въ татарскіе улусы и за близкій Днѣпръ въ польскіе предѣлы, гдѣ составляли гайдамацкія банды. Вотъ эта-то, хотя и не очень значительная, но весьма безпорядочная часть сельскаго населенія обратила на себя преимущественное вниманіе Р—ва. „Простой народъ, говоритъ онъ, мнимымъ въ свободѣ своевольствомъ доведенъ до крайняго не-

радѣнія о своемъ собственномъ, лѣности и распутства, ибо многіе, оставляя свои пахатныя и другія земли, бродятъ изъ мѣста на другое и, чтобъ удобнѣе провожать жизнь праздную и распутную, остаются навсегда безъ средствъ, подъ именемъ подсосѣдковъ, работая лѣниво за кормъ и напой виномъ". Признаемъ, что эта мрачная картина вѣрна дѣйствительности; но выходъ который былъ предложенъ Екатериною въ инструкціи ея Р—ву, состоялъ именно въ томъ, чтобы крестьяне осѣдлые, „вольности своей чрезъ то не лишились". Р—въ только предлагаетъ подумать объ уничтоженіи подсосѣдства.

Полицейское государство XVIII в. придавало большую важность экономическимъ мѣрамъ государства. Румянцевъ, какъ государственный дѣятель того вѣка, съ понятнымъ изумленіемъ смотрѣлъ на экономическіе порядки Малороссіи. „Строеніе въ городахъ, пишетъ онъ, вездѣ деревянное, безпорядочное, видъ безобразный имѣющее. Къ сожалѣнію все, что̀ ни дѣлается подъ видомъ полиціи, есть совсѣмъ развращенное и только народъ отягощающее". Пожалуй, многіе провинціальные города и другихъ частей имперіи, имѣли тогда не менѣе „развращенный" видъ; но въ чемъ дѣйствительно Р—въ былъ правъ, это полное отсутствіе мануфактурной промышленности въ Малороссіи; накакихъ культурныхъ растеній, кромѣ табаку, не имѣется, несмотря на заботливость Петра В. о разведеніи плантацій въ этой благодатной странѣ. Лѣса, находящіеся по б. ч. въ монастырскихъ и урядовыхъ вотчинахъ, безъ всякаго присмотра „выводятся", т. е. истребляются, особенно на винокуреніе. Когда въ 1721 г. позволено было курить вино всякому, то этотъ „промыселъ учинился генеральнымъ и безпредѣльнымъ, такъ что въ одномъ Глуховѣ, городѣ не весьма великомъ, 166 шинковъ находится"; Р—въ предлагаетъ ограничить этотъ промыселъ на основаніи Литов. статута (розд: XIV арт. 33). Дороги, кромѣ Кіевской, содержимой казною, совсѣмъ не проѣзжи. Сборъ съ проѣзда по плотинамъ, уступленный мѣстному населенію, продолжаетъ взиматься владѣльцами, а гати не исправляются. Извѣстно, что и послѣ Р—ва и весьма долго спустя такіе порядки мало измѣнились въ странахъ старой Малороссіи.

Не менѣе вниманія удѣлялъ XVIII-й вѣкъ дѣлу народнаго образованія въ связи съ призрѣніемъ бѣдныхъ. Р—въ признается, что

школы въ Малороссіи есть, „однакожъ онѣ отнюдь не на такихъ правилахъ основаны, каковы Ея И. В-ву угодно подавать къ исправленію народа“.

Такой всесторонней критикѣ подверглись со стороны новаго реформатора порядки старой гетманщины; такія широкія измѣненія предполагалъ этотъ послѣдній—измѣненія, частію вызванныя дѣйствительными и глубокими язвами прежняго порядка, частію подсказанныя ему привычнымъ примѣромъ Великороссіи и реформаторскими тенденціями XVIII в.

Но не дожидаясь окончанія коммиссіи и, можетъ быть, не надѣясь на сочувствіе и содѣйствіе тогдашняго малороссійскаго общества, Румянцевъ спѣшилъ многое сдѣлать собственною властію; при этомъ часто онъ выходилъ изъ скромныхъ рамокъ роли администратора и становился законодателемъ, установлялъ своими распоряженіями весьма важныя учрежденія для цѣлаго края безъ предварительнаго утвержденія своихъ мѣръ верховною властію. Въ этомъ онъ слѣдовалъ по стопамъ прежнихъ гетмановъ, впрочемъ въ духѣ совершенно противоположномъ. Такъ Разумовскій (какъ сказано) установилъ выборъ депутатовъ по одному отъ каждаго изъ 10 полковъ въ генеральный судъ; Рум—въ отмѣняетъ это распоряженіе и, въ замѣнъ того, вводитъ въ судъ непремѣнныхъ членовъ по назначенію (для ясности дѣла мы издаемъ здѣсь и распоряженіе Разумовскаго [1]).

Печатаемые нынѣ документы взяты изъ сборника подлинныхъ распоряженій Румянцева (за его собственноручными подписями), хранящагося въ архивѣ Кіевской археографической коммиссіи, за 1767 г. [2]). Извлекаемъ изъ этого сборника болѣе интересные документы. Здѣсь, кромѣ упомянутаго, читатель найдетъ распоряженія по поводу избранія депутатовъ въ коммисію (между прочимъ такія, которыми дополняются уже существующія въ печати свѣдѣнія о событіяхъ въ Нѣжинѣ и Погарѣ, вызванныхъ упомянутымъ избраніемъ).

М. В.-Будановъ.

---

[1]) См. № 12. Сообщеніемъ его обязаны И. В. Лучицкому.

[2]) № 395 Арх. Кіев. Арх. Ком.

I.

О невыборѣ отдѣльныхъ депутатовъ въ Коммиссію Уложенія 1767 г. въ малолюдныхъ городахъ Малороссіи.

Малороссійской коллегіи. Для малаго числа жителей, въ которыхъ городахъ не назначилъ я быть выбору депутата по силѣ манифеста къ сочиненію проекта новаго уложенія, чтобъ не обратилось то имъ въ тягость, рекомендую во всѣ таковыя мѣста, которые только въ Малороссіи городами называются, предложить отъ коллегіи, дабы жители оныхъ, и не избирая депутата, о всѣхъ своихъ нуждахъ и желаніяхъ, которые они при семъ случаѣ представить хотятъ, прямо ко мнѣ писменно отзывались; чрезъ что самое возьмутъ они участіе съ протчими гражданами. Марта 31, 1767 году. Чернѣговъ. Графъ Румянцевъ.

II.

О собраніи дѣйствовавшихъ въ Малороссіи законовъ для руководства избираемымъ депутатамъ въ Коммиссію Уложенія.

Малороссійской коллегіи. Испытаніе о разныхъ дѣлахъ малороссійскихъ освѣдомляетъ меня, что многія грамоты и указы, для Малороссіи изданные, и отъ гетмановъ притомъ здѣланныя на нѣкоторые случаи установленія, вышли изъ наблюденія здѣсь, по забвенію ли, либо несвѣдѣнію каждого объ оныхъ, такъ что и въ су-

дебныхъ мѣстахъ прямого употребленія тому не стало. Но какъ нынѣ въ комисію сочиненія проекта нового уложенія отъ оной коллегіи, по присланному указу, надлежитъ отправить депутата, давъ ему достаточные наставленія о принадлежащихъ дѣлахъ, чтобъ онъ, о всемъ совершенное имѣя свѣдѣніе, безъ справокъ и наставленій впредь, яко уполномоченный, въ подлежащемъ мѣстѣ прямыя учинить объясненія могъ,—то къ таковому случаю за нужно нахожу Малороссійской коллегіи предложить, дабы въ оной всѣ грамоты и указы, для сей земли по разнымъ временамъ выданные, отъ самой поддачи подъ Россійскую державу гетмана Богдана Хмелницкого, такъ же сего гетмана и по немъ бывшихъ всѣ статьи, и отъ нихъ самихъ какія были во время гетманства установленія и всякія письменныя справки, объясняющіе состояніе прежныхъ дѣлъ и обычаевъ, отискать въ самой скорости и, росписавъ оные со всякою точностію, приготовленные имѣть для настоящей надобности въ оныхъ; не менше же и древный образъ производства войсковыхъ и земскихъ судебныхъ дѣлъ и дачи крѣпостей проискать въ архивѣ. Априля 9 1767 гогу С. Парафѣевка. Г. Румянцевъ.

III.

Записка гр. П. А. Румянцева о томъ, что должно имѣть въ виду при составленіи инструкціи депутату, избранному отъ Малороссійской коллегіи въ Коммиссію для составленія новаго уложенія. 1767 г. іюля 25.

Малороссійской коллегіи. Предлежащее отправленіе выбранного отъ коллегіи депутата требуетъ отъ насъ, чтобъ изъявляя усердное о благѣ приватномъ во общемъ попеченіе, отвечали мы и возложенной на насъ должности и довѣренности въ разсужденіи государьскихъ и государственныхъ интересовъ, и потому снабдѣли его не токмо къ вѣдѣнію ему надобными, состояніе дѣлъ малороссійскихъ, донынѣ по разнымъ временамъ перемѣняющихся, обясняющими справками, но и полнымъ наставлѣниемъ, показавъ всѣ недостатки и неустройства, и къ поправленію первыхъ, а къ истребленію послѣднихъ, надежныя средства, и тѣмъ исполнили высочайшую

и всѣмилостивѣйшую ея императорского величества волю. Я потому приложенною при семъ особливою запискою сообщаю Малороссійской коллегіи всѣ усмотренныя недостатки, отъ злоупотребленія правъ и установленій государственныхъ и другихъ своевольствъ вкравшіяся, которыи до нынѣшняго времени лишали народъ покою и благоденствия, хотя всѣ святоусопшие всероссійские монархи, а особливо нынѣ благополучно царствующая государыня, доставлять ему сіи выгоды всечасно искали; рекомандую притомъ, чтобъ составляющія ту коллегію господа члены, зделавъ на то свои примѣчанія и къ превращению всего въ желаемый добрый и государству (въ которого, яко целого, общемъ благѣ и собственное края сего, яко части его, добро заключается) полѣзный порядокъ споспѣшествующия изобрѣвъ способы, увѣрили правителство въ хорошемъ мнѣніи о ихъ благоразуміи и въ дѣлахъ свѣта искуствѣ; и какъ можетъ быть въ сей приложенной запискѣ не все еще потребное вмещено, но иногда что либо мною, какъ человѣкомъ, проронено, то и въ семъ не сомнѣваюсь, что господа члены, руководствомъ ревностного своего усердия, познавъ таково упущение, немедлѣнно мнѣ для пополненія сообщить не преминутъ. Г. Румянцовъ.

Записка о усмотрѣнныхъ въ Малой Россіи недостаткахъ, о исправленіи которыхъ въ Малороссійской коллегіи трактовать должно.

1) О правительствѣ и судахъ. При вступленіи Малой Россіи подъ державу всероссійскихъ государей, жалованою грамотою постановлѣно: войско Запорожское содержать по прежнимъ правамъ и привилѣгиямъ, каковы имъ даны отъ королей полскихъ и великихъ князей литовскихъ, и ихъ нарушать ни въ чемъ не велѣно; и шляхтѣ въ Малой Россіи оставшейся суды земския и гродскія отправлять по правамъ ихъ чрезъ выбираемыхъ ими старшихъ; а товариству войсковому судится: гдѣ три человека козаковъ, тогда два третьяго судятъ; но всѣ тѣмъ судамъ принадлежащія дѣла со временемъ вошли въ правленія войсковыя; отчего судъ генералный и другія здесь правленія названы войсковыми неизъвѣстно; да и какие те войсковыя права, по которымъ козакамъ судится велѣно, въ архивахъ и нигдѣ освѣдомится не можно. Въ книгѣ же статута Литовскаго кня-

жеского, именуемой здесь Малороссійския, розделъ второй—о службѣ военной гласящей, привилегіею въ 1569 году отрешенъ; въ 1763 году имяннымъ ея императорскаго величества указомъ о опредѣленіи въ Малой Россіи настоящихъ подкоморьевъ, поступать по правамъ точно повелѣно; но при учрежденіи земскихъ и гродскихъ судовъ причислѣны къ разбору оныхъ и дѣла казачьи и вовсе, въ противность артикулу 1-му роздела 4-го, выбираются въ земския уряды изъ людей казачей и поселянской породы. А какъ сіи суды не по обширности земли ниже по числу судящихся во оныхъ, но по полкамъ расположены, въ Полтавскомъ же и во-все не учреждены; слѣдственно, отъ сихъ разнообразныхъ правленій и смешенія воинскихъ, гражданъскихъ и земскихъ дѣлъ произходятъ вездѣ затрудненія и часто нерешимости. Малороссійская коллегія и подчиненныя оной присудъственныя мѣста нерѣдко себя въ сихъ обстоятельствахъ находятъ.

Для того надлежитъ разсуждать, каковому императорскому правителству въ Малой Россіи по настоящему состоянію быть, къ поспѣшествованію въ отправленіи дѣлъ, колико департаментовъ, и въ которомъ изъ нихъ, такъ какъ и у генерала губернатора особо, какимъ дѣламъ быть вѣдомымъ?

Объ апеляціонномъ судѣ—особому-ли ему быть, либо къ сокращенію процессовъ одинъ изъ департаментовъ коллегіи на то опредѣлить?

О посредственныхъ между главнымъ правительствомъ и нижними судами; о нижнихъ судахъ—каковымъ быть и на одномъ-ли мѣстѣ или, для облегченія обывателямъ, въ другия по временамъ переѣзжать; такожъ въ которомъ исъ тѣхъ посредственныхъ и нижнихъ судовъ, кому по званіямъ и по какимъ дѣламъ судиться?

Отъправленія ради государственныхъ дѣлъ въ разсужденіи доходовъ, полиціи, экономіи и коммерціи, какимъ и гдѣ быть помѣстнымъ правленіямъ?

2) О раздѣленіи Малой Россіи на части. При учрежденіи недавно вышеписанныхъ судовъ, дабы сходственнѣе земскимъ правленіямъ переименовать полки, раздѣлить на повѣты. Не безъзрезонно подлинно при семъ случаѣ измыслить, какимъ образомъ именовать части, Малую Россію составляющія, и коликимъ имъ быть, ибо подъ име-

немъ полковъ, названіемъ военнымъ людямъ приличнымъ, заключаются всѣ и всякаго званія и полу люди.

3) **Объ опредѣленіи присяжныхъ адвокатовъ.** Прошенія и доношенія пишутся въ Малой Россіи безъ наблюденія надобной на то формы; нерѣдко проситель и писатель не отыскиваются, и отъ лица многихъ безъ уполномоченія часто и затѣянно таковыя подаются.

Къ приведенію сего въ доброй порядокъ не безполѣзно бы было опредѣлить вездѣ при судахъ присяжныхъ адвокатовъ, которые бы всѣ и всякіе въ судъ входящія прошенія и доношенія, на основаніи законовъ, токмо одни сочиняли и за исправность оныхъ отвѣчали.

4) **О государственныхъ доходахъ.** Государственные доходы чтобъ точно положены и единовременно въ казну сбираны были, о томъ по благоприсоединеніи гетманомъ Хмельницкимъ прошено; но отъ времени въ другое, при разныхъ вновъ учрежденіяхъ и перемѣнахъ, оные донынѣ въ надлежащій порядокъ приведены не были.

5) **О городахъ.** Многіе города и мѣстечка розданы владѣльцамъ, чего въ статьяхъ гетманскихъ и правахъ не написано. Жители въ городахъ, опасаяся таковыхъ раздачъ и другихъ притѣсненій, принуждены были писаться въ казаки, и торгуютъ и промышляютъ противу права, натурально съ многими неудобностями и безъ успѣховъ; а гражданское все бремя лежитъ на оставшихъ, коль въ числѣ малыхъ, столь и бѣдныхъ людяхъ. Гражданское же начальство должности своей въ охраненіе правъ и привилегій не токмо не наблюдаютъ, но подъ разными видами имѣнія и доходы городскія присвоили, частію въ собственность, а другія подъ именемъ урядовъ. Слѣдственно, городы стали пусты, публичныя строенія сами въ себѣ изошли, подъ именемъ городовъ обратились разныхъ тамъ живущихъ владѣльцовъ въ деревни; хотя право генералное и всѣ привилегіи согласно гласятъ, чтобъ всякой, ктобы не былъ въ городѣ домъ имѣющій, всякое бремя гражданское неслъ и правленію гражданскому послушенъ былъ.

Ратушныя деревни почти всѣ во владѣніяхъ партикулярныхъ состоятъ, которыя по указу въ 1728-мъ году изъ верховнаго тайного совѣта не токмо раздавать запрещено, но и розданныя изъ владѣний возвратить велѣно, яко тѣ маетности точно на украшеніе и содержание городовъ были наданы.

Строеніе въ городахъ вездѣ деревяное, безъпорядочное, видъ безобразный имѣющее и для огня крайне опасное.

Въ книгѣ Статутѣ, роздела 3-го въ артикулѣ 36-мъ, предохранения ради дороговизны съѣстнымъ и питейнымъ припасамъ, по временамъ точныя цѣны установлять, а мѣры и вѣсы равныя имѣть велѣно; но сіи обои установленья безъ всякого наблюденья остаются; не менше и книга „Порядокъ правъ гражданскихъ“ о всемъ томъ, что къ цѣлости, безъопасности, чистотѣ и украшению городскому служитъ, достаточно наставляетъ; но, къ сожалѣнію, все, что ни дѣлается подъ видомъ полиціи, есть совсѣмъ развращенное и токмо народъ отягощающее. Художества и ремесла вездѣ по привилегіямъ быть и цехи свои имѣть должны, но толко изъ тѣхъ или мастерство, по перемѣнѣ нравовъ и обычаевъ, мало надобное, либо же безъ всякаго поправленія въ своемъ первоначальномъ состоянiи остается. Нерѣдко сіи мастеровые и другіе мѣщане, прямо въ противность гражданскихъ своихъ ползъ, ради винокуренія вписываются въ козаки, а протекціи ради—подъ владѣльцовъ.

Надлежитъ разсуждать, каковымъ образомъ города, яко нужную въ разсужденіи внутренныхъ торговъ и промысловъ вѣтвь общенародной ползы, привестъ въ цвѣтущее состояніе и принадлежности градские имъ по прежнему присвоить?

6) О плантаціяхъ и манифактурахъ. Климатъ и свойства земли, ко многимъ плантаціямъ способствующія, безъ всякаго въ натурѣ испытанія поныне остаются, исключая одинъ табакъ, но и въ томъ начали уже оказываться разныя небреженія; а чаятелно, что многія травы, особливо же къ краскамъ удобныя, могутъ съ успѣхомъ здесь быть заведены. Такъ и разныя манифактуры, яко пенковыхъ полотенъ, коженые и шерстяные; хотя для сихъ послѣднихъ и были здесь заведены силезскія овцы, по указу безсмертной памети государя императора Петра Великаго въ 1722 году, безъ заплаты присланныя, но и сіе вовсе не въ то обратилось, для чего было начато.

Надлежитъ трактовать, какія, гдѣ по способности завесть произращенія и манифактуры, къ ползѣ и выгодѣ государственной, чрезъ искусныхъ и способныхъ къ тому людей.

7) О лѣсахъ. Лѣсы, по болшей части, въ монастырскихъ и урядовыхъ вотчинахъ лежащія, безъ всякого присмотру выводятся, и о

содержаніи и употребленіи оныхъ по свойствамъ никакова въ семъ искуствѣ понятія здѣсь не имѣютъ.

Надлежитъ имѣть разсужденіе, какимъ образомъ употреблять оные по свойству и надобности и какъ предостеречь не токмо оныхъ (sic) крайнее чрезъ неумѣренную ситну вина опустошеніе, но и размноженіе, гдѣ ихъ недостаточно, изыскивая искусныхъ к тому людей, стараніе прилагать.

8) **О винномъ промыслѣ.** По прежнимъ гетманскимъ статьямъ, реестровымъ казакамъ дозволено продавать вино на аренды бочкою, а квартами подъ наказаніями запрещено. Грамотою же 1721 году велѣно шинковать всякому имѣющему въ томъ промыслѣ свободность; а полковникамъ и старшинамъ продавать въ собственныхъ своихъ маетъностяхъ и во дворѣхъ, а козакамъ въ домѣхъ ихъ, заплатя покуховное; слѣдственно не генерално старшинамъ и казакамъ, но имѣющимъ въ томъ свободность; а нынѣ сій промыселъ учинился генералнымъ и безпредѣлнымъ, такъ что въ одномъ Глуховѣ, городѣ не весма великом, 166 шинковъ находится; въ правахъ же малороссійскихъ роздѣла 14 артикуломъ 33-мъ, за-уголные шинки искоренять, по причинѣ происходящихъ въ нихъ своеволствъ, и токмо при болших и проѣзжихъ дорогахъ корчмы имѣть, держа во оныхъ при томъ и ѣстныя припасы, предписано. Таковое заключеніе сего промысла въ предѣлахъ весма основано было на благоразуміи, ибо чрезъ то отъимался способъ къ чрезмѣрному пьянству, въ коемъ обращаяся здѣшній простый народъ не токмо теряетъ охоту къ трудолюбію, но часто и жизни безвременно лишаются; умалчивая, что множество пьяныхъ во снѣ и въ бѣшенствѣ по дорогамъ въ городахъ и поселенияхъ къ омерзѣнію всегда видѣть случается.

Надлежитъ трактовать, какимъ образомъ промыселъ винокуренія и шинкованія ограничить и кому имъ ползоватся следуетъ и предостеречь всѣ вышеписанныя вредныя слѣдствия.

9) **О дорогахъ и построенныхъ на нихъ плотинахъ.** Дороги (кромѣ Кіевской, на коронномъ иждивении содержащейся), болшия и проѣзжия, вовся неудобны къ переѣздамъ и великую трудность наносятъ всѣмъ, по причинѣ плотинъ съ мелницами, построенныхъ на нихъ, такъ называемымъ общимъ шарваркомъ, изъ которыхъ прежде собиралась половина доходу въ казну, а въ 1755-м году сей зборъ въ облехченіе народу отставленъ; но хотя тѣ, кому сборъ, на-

зываемый „часть войсковая“ жалованъ, отъ другихъ и понынѣ берутъ; а владелцы, где сіи части не отданы, ими ползуяся, должны бы были сами таковыя плотины содержать и починивать; но они, рачà единственно о своей прибыли, общенародныхъ выгодъ пренебрегаютъ, а взысканіе съ нихъ не дѣлается.

Надлежитъ разсуждать, какимъ образомъ къ лучшей выгоде дороги содержать и починивать и какое учрежденіе о таковыхъ плотинахъ зделать.

10) О дворянствѣ. Въ дворянское достоинство по правамъ и установленіямъ, особливо по артикулу 26 роздѣла 3-го, равнымъ образомъ и по гетманскимъ статьямъ, жаловать за знаменитыя услуги по удостоеніямъ оставлено единственно власти государевой. Но здѣсь и самые козаки (не выключая тѣхъ, кои изъ мужиковъ, по приобретенному женидбою или иннымъ какимъ либо образомъ грунту, въ казаки входять) въ семъ достоинствѣ почитаются, пользуяся въ судахъ однимъ правомъ и, дворянамъ токмо свойствѣнными, преимуществами, и будучи везде по судамъ имянуемы, такъ какъ и самы себя называя, шляхтичами.

Нередко же, къ сожалѣнію оказывается, что въ Малой Россіи по временамъ и объстоятелствамъ люди простородные переменяютъ себѣ названья и присвоиваютъ часто себя, по воли и желанію, къ знатнымъ и благороднымъ фамиліямъ—поступокъ вездѣ индѣ не токмо непозволѣнный, но и непростителный.

Надлежитъ разсмотрѣть и розыскать, отъкуда сие злоупотребление взяло прямо свое начало, и притомъ разсудить, кому точно по правамъ симъ преимуществомъ пользоватся, въ чомъ оное состоитъ, кого, безъ предосуждения сей степени чести, по заслугамъ, тому удостоить можно, и какимъ способомъ пресѣчь выше объявленныя самозванія.

11) О духовенствѣ. Монастырския имѣнія управляются безпредѣлно по произволѣнію властей, натурально, не съ выгодою для подъданныхъ, ниже о нихъ раченіемъ; особливо чинъ монашеский, для необходимыхъ экономическихъ правлений удаляяся отъ общежительства и правила своего, обращается прямо по такъ называемымъ городничествамъ въ свѣтскихъ упражненіяхъ, паче же по дѣламъ тяжебнымъ въ приказныхъ местахъ стряпая, въ доказательствахъ и изобличеніяхъ, вовсе монашескому чину несвойственно и паче

предосудительно другимъ досады причиняютъ, или иногда и сами терпятъ.

Надлежитъ разсуждать, какимъ образомъ, здѣлавъ къ пропитанію и снабденію церквей и обителей достаточное опредѣленіе, всѣ монашествующихъ имѣния къ кароннымъ, яко болшою частию къ тѣмъ принадлѣжащія, присоединить. Бѣлому же церковному сану отъ приходовъ точныя доходы постановить, а отъ владѣнія и вновь приобретѣнія недвижимихъ именѣй тѣмъ, кои не из дворянъ, по силѣ указовъ 1728-го и 1734-го годовъ, отказать.

12) О училищахъ для юношества и о призреніи къ бѣднымъ. Къ обученію юности здесь хотя и есть школы и такъ называемая в Кіевѣ Академія, однакожъ онѣ отнюдъ не на тѣхъ правилахъ основаны, каковы ея императорскому величеству угодно подавать къ исправлѣнію народа. Равнымъ образомъ, къ призренію болныхъ и увечныхъ, а иногда и поврежденныхъ въ умѣ, хотя, какъ сказываютъ, и есть больницы, однакожъ оныя токмо въ названіи, а въ построеніи нигдѣ нѣтъ; но всѣ таковые, а паче заразительными болезними одержимые, на публичныхъ площадях и болшихъ улицахъ, въ доказателство крайнѣго о нихъ небреженія, лѣжатъ; въ спасеніи же во грехи впадшихъ и изъбавляющихъ себя от стыда и поношения, иногда въ первомъ параксизмѣ, умерщвленіемъ своего плода должность христианского человѣколюбия вовсе упущена, какъ таковыхъ убиствъ по дѣламъ весма много, къ сожалѣнію, оказывается.

Надлежитъ трактовать, какимъ образомъ для ползы общественной нужныя завесть училища, такожъ какія къ призренію нищихъ и къ отвращенію произходящихъ убійствъ здѣлать учрежденія, и не способно-ли для таковыхъ Богу угодныхъ дѣлъ обратить каковый либо монастырь.

13) О чиновникахъ. Настоящее званіе старшинъ употребляется по благоразсужденію въ отправлѣніи службы и дѣлъ, а не по настоящей должности, которой, начавъ отъ первого до послѣдняго, никто не имѣетъ для себя точно постановленной и предписанной. Самый образъ произвожденія отнюдъ не имѣетъ въ себѣ такова поощренія, каковое въ службѣ, а особливо военной, приличествуетъ, тамъ отличныя заслуги достоинства и старшинство и милости монаршей повышеніе доставляютъ; въ Малой Россіи, напротивъ того, получаютъ чины по выборамъ или по исканіямъ; первый образъ, хотя подлин-

но похвалный, но точно приличествуетъ магистратскимъ чиновникамъ. По статьямъ гетмана Хмелницкого войсковымъ чиновникамъ уравнительно жалованье денежное, а некоторымъ и мелницы на содержаніе опредѣлены были; но послѣ, когда на уряды сихъ чиновъ велѣно определить деревни, то нѣкоторые, имѣя великия маетности и управляя оными по своему произволѣнію, безъпредѣльно обогощаются, другие отъ посредственныхъ содержать себя могутъ, а третіе вовсе ничего не имѣютъ, откуда прямо родятся лихоимства и насиліе над подчиненными, о которыхъ, къ сожалѣнію, доказываютъ многія слѣдствія и несоображаемыя неистовства.

И для того нужно весма, чтобъ всемъ коронным служителямъ, а особливо военнымъ, опредѣлены были степени, и потѣмъ жалованье и въ произвожденіи в чины сходственно с прочими Россійской имперіи по заслугамъ, достоинствамъ а и старшинству, изключая земскихъ и магистратскихъ, поступаемо было.

14) О казакахъ. Козаки часто бываютъ подвержены убыткамъ отъ корыстолюбивыхъ старшинъ въ подрядахъ и дѣланіи болшою частию негодныхъ, но дорогихъ ружейныхъ, мундирныхъ и аммуничныхъ вещей; равнымъ образомъ, число ихъ для службы отъ времени гетмана Хмельницкого назначено было и именуемые реестровые, которые всегда на службѣ были, имели жалованье и зъ доходовъ, собираемыхъ изъ всехъ малороссійскихъ маетностей, чемъ доказывается, что одни токмо персоны, а не целые домы служили, какъ то и въ недостаткѣ велѣно писать из мещанских и поселянских дѣтей токмо, а не целыми домовствами. Въ 1735-мъ году, по имянному указу, опредѣлено число ихъ двадцатъ тысячъ, и по опредѣленію тогожъ году, называемою формою, росписано имянно, съ какого имущества собою или съ подмогою служить, и какія ружейныя, мундирныя и аммуничныя вещи имѣть; и учинены всемъ, действительно на службу выбраннымъ, смотровыя списки; настоящее же число ихъ составляютъ 71,604 хаты, какъ въ полкахъ, такъ и въ сотняхъ, въ числѣ неровно раздѣленныя, и въ службѣ изъ нихъ являются часто поставные и безприсяжныя, под именемъ наймитовъ, отъчего при командированіяхъ и въ отправленіи службы происходятъ непорядки, а главному начальству находятся многія затрудненія.

Въ разсужденіи сего надлежитъ трактовать, какимъ образомъ козаковъ въ службу писать выборныхъ къ удобнѣйшему той отправле-

нію, на полки въ равномъ числѣ раздѣлить, сходственно съ славою и честію побѣдоносного россійско-императорскаго войска ополчить и вооружить, на каковыхъ доходахъ ихъ содержать, и какое съ оставшимися за опредѣленнымъ числомъ распоряженіе здѣлать.

15) О артилеріи. Генеральная войсковая артилерия въ немаломъ числѣ состоитъ, и хотя г-днъ генеральный обозный и кавалѣръ Кочубѣй и протчия во оной находящияся старшины о приведеніи еѣ въ лутшее состояние стараются, но количество и калибры ея не соотвѣтствуютъ здѣшнему состоянію войска и настоящему въ полѣ употреблению и никакого аншталта не имѣютъ.

И для того, при устроеніи войска, надлежитъ и въ оной надобный аншталтъ, сходно съ употребленіемъ ея, здѣлать.

16) О писаніи въ казачее званіе. Указомъ безсмертной памяти государя императора Петра Великаго въ 1723-мъ году велено казакамъ, порабощеннымъ владѣлцами, о казачествѣ бить челомъ въ Малороссійской тогда бывшей коллегіи и, чьи предки и онъ самъ службу служили, тѣхъ писать въ козаки, доказывая то прежними реэстрами и компутами, а въ недостатке ихъ, свидетелствами стороннихъ. Въ 1746-мъ же году, указомъ Правителствующаго Сената повелѣно всемъ владѣлцамъ, за кѣмъ таковыя козаки въ подданствѣ состоятъ, немедленно для описания ихъ къ отправленію службы объявлять; по которымъ указамъ токмо слѣдуется въ природѣ ихъ, а въ образѣ, каковымъ они лишилися козачества, за кемъ настоящее ихъ недвижимое имениѣ состоитъ, упущается; и хотя, с одной стороны, владелцовъ вовсе извинить не можно, что они казаковъ во владеніяхъ своихъ и понынѣ много имѣютъ, однакожъ козаки сами болше въ томъ виновны, что они въ свое время о порабощеніяхъ не искали, а ежели отъ службы бѣжали, укрываяся отъ оной, какъ много и изъ дѣлъ оказывается, то казни и наказанія достойны; старшины же сотенные, користи ради, сошедшихъ имуществомъ ползуяся, охотно, конечно, имъ на сие позволяли, ибо рѣдко, или никогда о таковыхъ бѣглыхъ не репортовали.

Надлежитъ разсуждать, коимъ образомъ въ семъ пункте, общественного добра ради, единожды навсегда на мѣре поставить и темъ самимъ пресѣчь всѣ и всякія родящияся неустройства.

17) О грекахъ. Живущіе въ городѣ Нѣжинѣ греки, хотя имѣютъ пожалованныя имъ высочайшия грамоты, которыми позволѣно

имъ въ братствѣ между собою и челядью своею ссоры разбирать и судить, но, чтобъ оное братство дѣлало особливое какое правлѣніе, того не видно. Сверхъ того, они, имѣя домы и грунты и отправляя вездѣ свободно торгъ, не несутъ никакихъ должностей. Многіе же изъ другихъ иностранцовъ и самыхъ малороссіянъ, поселився въ Нѣжинѣ, чтобъ укрыть себѣ отъ должной по званію службы и повинности, вписываются подъ вѣдомство греческаго братства.

Надлежитъ разсуждать, какимъ образомъ данныя симъ грекамъ привилегіи согласить с правами и привилегиями городскими, безъ нарушеній сихъ послѣднихъ.

18) О простомъ народе. Простой народъ мнимымъ въ свободѣ своевольствомъ доведѣнъ до крайняго нерадения о своемъ собственномъ, лѣности и распутства, ибо многія, оставляя свои пахотныи и другія земли, бродятъ изъ места на другое и, чтобъ удобнѣе провождать жизнь праздно и распустную, остаются навсегда безъ грунтовъ, под имѣнемъ подсусѣдковъ, работая лѣниво за кормъ и напой виномъ.

Надлежитъ разсуждать, какимъ способомъ исправить сіи пороки, общенародному добру вредящія, обязать его мѣроположеніями, з сътороны владѣлцовъ и ихъ самихъ взаимно полезными, какимъ средствомъ предохранить побѣги ихъ за границу и пресѣчь такъ называемое подсосѣдство, а особливо у людей простого стану.

19) О розданныхъ селахъ и деревняхъ. Въ Малороссіи всѣ почти села и деревни, коронѣ принадлѣжащіе, состоятъ въ партикулярныхъ владеніяхъ под именемъ свободныхъ розданными; а по гетманскимъ статьямъ, гетманомъ старшинамъ за службы делать награжденіе дозволѣно въ мельницахъ и деревняхъ; однакожъ, бить челомъ государю о грамотахъ въ подтвержденіе къ тѣмъ, на которыя даны грамоты, быть не отъемлемымъ; сей пунктъ былъ уже вовся без примечанія и трудно было таковыя конфермаціи и испрашивать; одно, что можетъ бытъ и заслугъ притомъ недоставало, а другое, что по чрезвычайности удержатцабы и давно велѣно было. Таковыя надачи гетману Апостолу вовсе делать запрещено; всѣмъ же гетманамъ статьями и грамотами всѣ государевы указы, опредѣленныя и впредъ опредѣляемыя, исполнять велѣно. Слѣдственно, сей указъ, без точной онымъ отмены, силу свою имѣлъ равно всѣмъ протчимъ указамъ, которыи и не отменены.

Надлежитъ разсуждать, коимъ образомъ таковыя злоупотребленія предупреждены и государское въ томъ право сохранено быть могутъ.

20) О недвижимыхъ именіяхъ. Именія здесь раздѣляются на три свойства, а именно: наслѣдныя и благоприобретенныя, подъ именемъ вотчинъ, и для службы наданныя, то естъ, козачіе грунты; и хотя имяннымъ указомъ въ 1737-мъ году повелѣно запретить покупку и другими образами присвоеніе сихъ послѣднихъ до будущаго государева соизволенія, а изъ покупленныхъ отправлять козачью службу тѣмъ, кто на нихъ живутъ и ими ползуются, однакожъ сей высочайшей указъ вышелъ изъ должного наблюденія и понынѣ остается въ небреженіи; и въ судахъ купчіе на недвижимыя добра, продаваемыя и укрепляемыя отъ людей служиваго и простого состоянія, такъ какъ отъ шляхетства приемлются и въ выпись изъ нихъ безъ различія дается.

Надлежитъ разсуждать, кому, какими именіями владеть, и что, кому точно въ собственность заключать, въ покупкѣ и продаже какъ поступать, каковымъ ближайшемъ образомъ въ пресѣченіе всѣхъ нетолько тяжбъ, но и междуусобій, доставить всякому свое и ограничить оное непременными знаками, и гдѣ таковымъ нужно надобнымъ документамъ въ записке быть. Дня 25-го іюля 1767 году. Г. Румянцевъ.

VI.

Кассація выборовъ депутата въ Коммиссію Уложенія 1767 г. отъ шляхетства Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ и объ отрѣшеніи отъ должностей избирателей этихъ повѣтовъ.

Малороссійской кольлегіи. Нежинского и Батуринскаго повѣтовъ шляхетство, будучи созваны мною въ Нежинъ, вслѣдствие публикованного всевысочайшего ея императорскаго величества манифеста и приложенныхъ притомъ обрядовъ для выбору отъ оныхъ повѣтовъ предводителя и ко отъправлению в Правителствующій Сенатъ депутата, выбрали прежде въ предводители земского судью Се-

лецкого, а потомъ, по учиненіи предъ Богомъ клятвы, евожъ и въ депутаты; но не давъ ему тогдажъ полномочія и не сочиня наказа, какъ по обряду приложенному при всевысочайшемъ манифестъ точно предписано, своеволно разъѣхались, отложа для сочиненія того цѣлой м-цъ, по прошествіи котораго по съѣзде отважились учиненной свой подъ клятвою пред Богомъ безпристрастной выборъ уничтожить и, вмѣсто депутата Селецкаго, со дня выбора под собственною ея императорскаго величества всевысочайшею властію уже состоящего, выбрать другаго—Григорыя Долинскаго. Я, получа о семъ, прямо въ противность манифесту и обрядамъ, здѣланномъ поступкѣ рапорты и приписывая сей проступокъ одной слабости предводителя, неразумению и непонятию силъ манифеста и приложения, старался привесть ихъ къ действителному оныхъ выполнѣнию, но всѣ мои даваемыи къ тому руководства не произвели въ сихъ кривотолкахъ никакова действа, но, напротивъ, оне вздумали прямо моимъ ордерам упорствовать; для чего я сей ихъ второй выборъ уничтожилъ, приказавъ темъ, кои при прежнемъ своемъ выборѣ остались, Селецкому давъ полномочие и наказъ, отправить ево в Правителствующій Сенатъ; а всехъ изъ нихъ, при должностяхъ военныхъ и земскихъ находящихся, о коихъ имянной списокъ при семъ прилагаю, яко въ явномъ пороке оказавшихся, по власти, данной мне отъ ея императорскаго величества, моей всемилостивѣйшей государыни, и именно по силе генералного губернаторамъ наставленія четвертой статьи, какъ къ нимъ никакой доверенности иметь не можно, отъ должностей, при какихъ кто из нихъ есть, отрешить и впредь не определять, ибо о поступленіи с ними по законамъ я Правительствующему Сенату представилъ.

Малороссійская коллегия имеетъ дать, куда надлежитъ, указы, и на те ихъ места приказать на время определить другихъ способныхъ, до настоящего выбора. Числа 5 іюня 1767 года. Г. Румянцевъ.

Списокъ бывшимъ при второмъ выборѣ, въ противность Всевысочайшего манифеста и обряда, въ депутаты подкоморія Григорья Долинскаго:

Подкоморий повету Батуринского Григорий Долинский
Подкоморий повету Нежинскаго Андрей Жураковский
Бунчуковой товарищъ Яковъ Троцкий
Полковой писарь Яковъ Почека
Отставной капитанъ Илья Пагуновъ
Полковой Нежинский асаулъ Николай Занкеевичь
Полковой асаулъ Дмитрей Григоровичь
Полковой асаулъ Григорей Кленусъ
Хоружий полковой Иванъ Армашевский
Писарь земский повету Батуринского Филипъ Щигловский
Хоружий полковой Федоръ Каневский
Сотникъ полковой Батуринский Дмитрий Стожко
Сотникъ полковой Григорей Лахневичь
Сотникъ Вахмуцкий Михайло Яновичъ
Сотникъ Ивангородский Иванъ Григоровский
Сотникъ полковой Нежин. Яковъ Волотковской
Сотникъ Карпъ Забела.

Войсковые товарищи:

Петръ Жураховский — Алексей Костенецкий
Николай Рыба — Иванъ Комашинский
Антонъ Кленусъ — Иванъ Велентий.

Войсковые канцеляристы:

Илья Пироцкий — Иванъ Мозаракинъ
Сотникъ компанейский Яковъ Демидовский
Поветовый возный Нежинский Степанъ Марчевский.

Войсковые канцеляристы:

Владимиръ Забела — Григорей Аксютовъ
Павелъ Наумовъ

Войсковой генералной артилерии канцеляристъ Петръ Христиановичъ.

Значковой товарищъ Радионъ Гулевичъ
Бунчуковаго товарища сынъ Иванъ Шишкевичъ
Повету Нежинского коморникъ Кондратъ Балбинский
Возный градский Иванъ Сполать-Богъ
Возный сотник второй полковой Нежин. Леонтей Шпаковский
Значковой товарищъ Пантелеймонъ Лобода
Возный сотни четвертой полковой Федоръ Нестеренко
Возный сотни Прохороской Андрей Годило.
Возный сотни первой полковой Иванъ Арандаренко
Возный градск. Нежинский Михайла Самойловский.

Значковые товарищи:

Иванъ Медовникъ
Иванъ Чуйкевичъ
Иванъ Виродарский
Иванъ Веснинский
Иванъ Езучевский
Василей Дроздовский
Сидоръ Черный
Никита Писаровский
Михайла Дияментовский.

Обшитованный значковой товарищъ Андрей Голунка
Значковаго товарища сынъ Карпъ Гриченко
Значковый полку Нежинс. товарищъ Павелъ Полишко
Значковый товарищъ Петро Сполать-Богъ, а вместо ево, неумеющего грамоте, по его велению, сынъ ево Иванъ Сполать-Богъ подписался.
Возный сотни Зенковской Григорей Романовский.

Г. Румянцевъ.

V.

Указъ Прав. Сената о томъ же.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Правительствующаго Сената господину генералъ-аншефу Киевскому генералъ-губернатору, Новороссійской губерніи главному командиру и кавалеру Воейкову. Правительствующему Сенату генералъ Малороссійской генералъ-губернаторъ и кавалеръ графъ Румянцовъ представлялъ: полку Нежинского въ повѣтахъ Нѣжинскомъ и Батуринскомъ шляхетство въ назначенное время къ выбору вслѣд-

ствие Высочайшаго Ея Императорскаго Величества учреждения коммисіи сочиненія проэкта новаго уложенья манифеста, предводителя и депутата, съехавшись выбрали, на основаніи приложеннаго при томъ обряда, между собою въ предводители, а потомъ, по учиненіи присяги, и въ депутаты судью земского Лаврентья Селецкого, а на мѣсто ево въ предводители отставного полковника Ивана Тарнавиота; но не давъ Селецкому полномочия, ниже сочиня наказъ, самоволно разъехались, отложа все сие на цѣлой мѣсяцъ; послѣ того на срокъ, собою положенной, вторично съехавшись, приступили къ сочинению наказа, оставя прямую общественную ползу, коснулись, вмѣсто обяснения своихъ нуждъ и отягощеній, разсуждать о такихъ обстоятелствахъ, которыя во всемъ противны точной силѣ и разума помянутого манифеста; тогда нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и выбранной депутатъ Селецкой, въ томъ имъ противорѣчили; но они, озлобясь на сихъ, отважились въ тоже время нарушить подъ присягою здѣланную довѣренность первому ихъ депутату Селецкому, со дня его выбора единственно уже подъ Всемилостивѣйшею Ея Императорскаго Величества протекциею состоящему, и, ползуяся простотою предводителя полковника Тарнавиота, заставили его въ противность обряда выбрать другова депутата, подкомория Григорья Долинскаго. Генералъ графъ Румянцовъ, увѣдомяся о сихъ безпорядкахъ и раздорахъ, не оставилъ ихъ увѣщевать въ точномъ исполненіи всего въ Высочайшемъ манифестѣ и приложенияхъ предписаннаго, повинуясь въ семъ выборѣ высокомонаршей Ея Императорскаго Величества волѣ, и чтобъ они, уничтожа послѣдней выборъ депутата Долинского, отправили конечно депутатомъ Селецкаго; но всѣ ево увѣщаніи не произвели въ сихъ заблужденныхъ никакова дѣйства. И какъ потому не токмо выбранной ими предводитель полковникъ Тарнавиотъ, но и протчие владѣлцы явились прямо упорными, то онъ ихъ за то, по данной от Ея Императорскаго Величества власти, силою генералнаго губернаторамъ наставления 4 статьи, отъ должностей и командъ отреша, Правителствующаго Сената просилъ, въ охранение съ званиемъ его связанной власти, въ сихъ ихъ явныхъ ему оказанныхъ ослушаній о сатисфакціи. Вслѣдствие чего, по указу Ея Императорзкаго Величества, Правителствующій Сенатъ, во уважение всѣхъ обстоятелствъ, *Приказали:* первой сихъ повѣтовъ выборъ депутата Селецкого подтвердить, похваля притомъ его и согласныхъ съ нимъ

владѣлцовъ усердие, а второй, яко совсѣмъ противной манифесту, уничтожить; равно какъ и предводителя полковника Тарнавиота по усмотренной неспособности его къ сей должности, которую онъ уже и нарушилъ неисполнениемъ по манифесту, отъ оной отрешить; а хотя онъ за то подлежалъ еще и болше штрафу, но какъ отъ генерала графа Румянцова засвидѣтелствовано, что преступление его не отъ вымыслу, но отъ одной простоты произошло, то в семъ единомъ разсужденіи его отъ далнѣйшого штрафа и освободить. Впротчемъ же, что принадлежитъ до прошения графа Румянцова о сатисфакции надъ тѣми, которые его повелѣнию ослушны оказались, то во уважение возложенной на всѣхъ губернаторовъ довѣренности и въ предупреждение подобныхъ сему непорядковъ и ослушаній командирамъ, токожъ чтобъ и другие простотою и невѣжествомъ въ такияжъ непокорства входить не могли, въ сатисфакцию ему генералу графу Румянцову, представляемыхъ отъ него ослушниковъ, равно какъ и тѣхъ, которые въ согласіи съ ними повелению ево упрямство учинить отважились, отослать воинскихъ на воинской, а гражданскихъ и неслужащихъ на гражданской судъ, которымъ велѣть надъ виновными, заключа сентенціи, подать въ Малороссійскую кольлегию, а оной, разсмотря, съ своимъ мнѣниемъ представить Сенату. О чемъ къ нему, генералу графу Румянцову, и въ Малороссійскую кольлегию также въ предъупреждение подобныхъ сему произшествій въ тѣхъ городѣхъ, гдѣ донынѣ еще депутаты не выбраны, ко всѣмъ губернаторамъ послать указы, о чемъ сей и посылается. Июля 31 дня, 1767 году.

На подлинномъ указѣ подписано тако:

Оберъ секретарь Николай Самойловъ

Секретарь Тихонъ Бакьевъ

Канцеляристъ Александръ Брызгаловъ.

Секретарь Иванъ Андреевъ.

Съ подлиннымъ читалъ канцеляристъ Данила Скрыгинъ.

VI.

Распоряженіе о слѣдствіи по тому же дѣлу.

Малороссійской коллегіи. По представленію мнѣ отъ оной коллегіи, далъ я ордеръ Ростовскаго карабинерного полку полковнику

фонъ-Зытману, чтобъ онъ съ полученія онаго немедленно въ Малороссійской коллегіи явился для принятія указу объ опредѣленіи его отъ оной къ произвожденію воинскаго суда надъ бывшими въ городѣ Нѣжинѣ при вторичномъ выборѣ депутата, на мѣсто полковника князя Хованского, который, по болѣзни ему случившейся, продолжать того не можетъ. 1767 году, августа 14. Графъ Г. Румянцевъ.

VII.

О безпорядкахъ при выборахъ головы въ гор. Погарѣ.

Малороссійской коллегіи. Разсматривая произведенное въ силу ордера моего господиномъ бригадиромъ и Малороссійской коллегіи членомъ княземъ Мещерскимъ слѣдствіе по жалобѣ земского писаря Песоцкого, сотника Погарского Владимера и войскового товарища Григорьея Соболевскихъ, бывшого войта Погарского Понаса, значковыхъ товарищей Гетуна, Сорокы, сотенныхъ атамана Джуры, писара Гетуна, хорунжаго Семеки, куреннаго атамана Левдика, сотеннаго квартирмейстера Андрѣевскаго, козаковъ Ивана Пушкарева и Ивана Гречановскаго, мещанъ Стеблинскаго и Силченка, на выбраннаго головою города Погари мещанина Привалова въ непорядочномъ и обряду противномъ выборѣ его и непристойныхъ поступкахъ,—нашелъ я, что всѣ таковыя неправедные доносы послѣдовали единственно отъ непознания самихъ себя, неразумѣнія прямого общаго блага, однимъ словомъ, отъ крайняго ихъ невѣжества, которое открывается найпаче въ отвѣтахъ, гдѣ они поставляютъ себѣ во оправданіе, что всякое прошеніе не есть погрѣшность; не разсуждая что прошеніе, затѣянное въ обиду другому или затрудняющее вышнее начальство, есть конечно преступленіе, которое заслуживаетъ наказаніе; инные же, какъ-то писари земской Песоцкой и сотенной Гетунъ показываютъ, что по причинѣ скораго отправленія не поняли на чемъ подписались. Въ разсужденіи сего, упуская имъ такову по невѣжеству погрѣшность, рекомендую Малороссійской коллегіи приказать ихъ свободить исъ подъ караулу (подлинное же слѣдствіе при семъ приложено), а войтъ Понасъ по имѣющимъся къ нему другимъ дѣламъ имѣетъ оставатся здесь подъ карауломъ. Числа (?) Іюля 1767 году. Глуховъ. Г. Румянцовъ.

VIII.

О превратныхъ толкахъ, возбужденныхъ въ Малороссіи манифестомъ о созывѣ депутатовъ въ Коммисію Уложенія 1767 года.

Малороссійской коллегіи. Дошло мнѣ, коль неожидаемо, столь крайне удивительно и не токмо слышать, но самымъ опытомъ уже извѣдать, что такіе невѣжды здѣсь еще, къ сожаленію, находятся, кои, между другимъ, отваживаются разсуждать и о дѣлахъ государственныхъ, о которыхъ, какъ сами признаются, ни свѣденія, ни прямого понятия притомъ не имѣютъ, превращая оныхъ силу и разумъ въ различные глупымъ и невѣждамъ свойственные толки, какъ-то и о всевысочайшемъ ея императорскаго величества манифестѣ и приложенныхъ притомъ обрядахъ о выборѣ депутатовъ, бывшимъ, и за негодность отрешеннымъ, писаремъ Щигловскимъ дѣлалось; о чемъ уже и слѣдуется. Я таковыя поступки за прямо противныя всевысочайшимъ узаконеніямъ и точию прошлаго 763 года, мая 4-го состоявшемуся и всенародно публикованному всевысочайшему имянному указу считаю. И какъ ея императорскаго величества всевысочайшая воля при опредѣленіи моемъ въ генералы-губернаторы въ Малую Россію чрезъ всемилостивѣйшій указъ отъ 10-го ноября 764 года есть всемъ извѣстна и что между первыми должностьми мнѣ храненіе законовъ и добраго порядка въ народѣ удержаніе предписано, то я Малороссійской коллегіи рекомендую: во всѣ полки и въ суда земскіе послать указы и велѣть тѣхъ полковъ отъ полковыхъ канцелярей во всѣхъ сотняхъ обнародовать, дабы всѣ и всякой о томъ вѣдая, отъ всякихъ таковыхъ до нихъ не принадлежащихъ разсужденій удержались, а старались единственно, прямо исполняя всевысочайшія установленія, прилежать по должности званія своего, въ службѣ и въ дѣлахъ полезныхъ упражняться, а не въ праздности и невѣжествѣ. Яко съ таковыми, буде бы кто въ томъ и въ неисполненіи всего по всевысочайшимъ именнымъ указамъ и государственнымъ постановленіямъ изобличился поступлено будетъ по строгости законовъ, ибо мнѣ не подтверждать оные, но въ исполненіе приводить должно; и о семъ для вѣдома и къ исполненію въ судъ генеральной, въ генеральную щотную коммисію, въ канцеляріи скарбу войсковаго и генеральной артилеріи особо указами предложить. Ч. 13 іюня 1767 года. Глуховъ. Г. Румянцевъ.

IX.

Распоряженіе Румянцева о томъ, чтобы подводная и другія повинности не были возлагаемы на однихъ козаковъ, а частныя владѣнія не были отъ нихъ освобождаемы.

Малороссійской коллегіи. Между непорядками, которые отъ времени въ другое болѣе открываются, примѣтилъ я и то въ проѣздъ мой, что въ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ подводы наряжаются изъ однихъ токмо козаковъ, а посполитые во всѣхъ почти владѣльческихъ маетностяхъ дѣлаются свободными; сіе подаетъ мнѣ причину дѣлать заключеніе, что при всѣхъ другихъ случаяхъ по надобностямъ въ подводахъ для проѣзжающихъ и другихъ къ службѣ касающихся необходимостей въ урядовыхъ и помѣщичьихъ маетностяхъ мужики минованы, а козаки единственно отягощены бываютъ, вовся и прямо въ отмѣну бывшихъ здѣсь прежде сего распоряженій. А какъ выборные козаки, обязаны будучи къ отправленію и содержанію военной службы, отъ всякихъ подводъ и повозокъ освобождены, подъ помощи киже изъ грунтовъ своихъ ту тягость равно съ владѣлческими, а не излишно несть долженствуютъ, то въ разсужденіи сего Малороссійской коллегіи рекомендую, дать всѣмъ сотеннымъ правленіямъ указы, чтобы какъ во время переѣзду моего и другихъ кого либо по службѣ государевой, съ подорожними отъ надлежащихъ правителствъ и началниковъ, такъ и въ случаѣ каковыхъ либо чрезъзвычайныхъ государственныхъ надобностей, лошади и къ нимъ проводники взимаемы были, не освобождая мужиковъ и не отягощая подпомощниковъ, но равномѣрно располагая по числу хатъ, держа въ томъ очередь и записную книгу, дабы при случаѣ жалобы сотенные старшины, наблюдая равномѣріе въ таковыхъ нарядахъ, могли отвѣтствовать. 1767 году, іюля 27. Нѣжинъ. Г. Румянцевъ.

X.

Распоряженіе Румянцева по дѣламъ о чародѣйствѣ.

Малороссійской коллегіи. Доказываемое чародѣйство на содержащихся въ сотенномъ Глуховскомъ правленіи: дѣвку Евгенію До-

рошенкову и женщину Параскевію Партилиху въ заломѣ отъ первой на поляхъ ржаной и яринной соломы и о изученіи другою таковому ея злодѣйству, открываетъ крайнюю слѣпоту и суевѣрство, еще до сихъ поръ сохранившіесь въ простомъ народѣ. Я не могу столко не удивлятся, сколко и сожалѣю, что въ предосужденіе благонравію, съ одной стороны, градскія благоучрежденія не устращаютъ злотворствовать, съ другой же, всѣ въ церквахъ подаваемые отъ духовныхъ началствъ просвѣщенія не отгоняютъ невѣжества, противного самому разуму и вѣрѣ, чтобы симъ бреднямъ, уловляющимъ слѣпыя токмо души, не толко находить увѣрающихся, но что болше, производящихъ оные съ успѣхомъ къ страху и для обману простолюдству. Помянутыхъ злодѣекъ Малороссійская коллегія имѣетъ отослать въ судъ генералный къ осужденію по правамъ гражданскимъ, въ артикулах права майдебурского на страницах 20 и 27 напечатанныхъ; а дабы предохранить многихъ простолюдиновъ, чтобы они не имѣли опасносты и вѣры къ симъ лживымъ случаямъ невредящимъ отнюдь никого, и ничего по себѣ незначущимъ, то сегожъ времени послать публикаціи во всей Малороссіи и оные обнародовать, такъ въ подлежащихъ мѣстахъ, яко и по нѣсколко разъ въ церквахъ, объясняя для всякого, дабы никто по простотѣ не могъ болше думать, чтобъ таковыя чародѣйства имѣли какую силу вредящую; что иногда отъ воображенія вкоренившегося въ сихъ лжесплетеніяхъ страждутъ многія болше, нежели сами въ себѣ сіи вымыслы опасны. И для того гдѣбы изъ таковыхъ чародѣевъ кто могъ быть признанъ, оного заразъ подъ карауломъ присылать въ Глуховъ въ коллегію для жестокого наказанія, обнадеживая притомъ всѣхъ таковыхъ здѣсь награжденіемъ, которые учнутъ объявлять о всякомъ родѣ волшебствующихъ и вперяющихъ тѣмъ страхъ простолюдинамъ. 1767 году, августа 4-го. Г. Румянцевъ.

XI.

О прекращеніи волокиты въ судахъ.

Малороссійской коллегіи. По поданнымъ мнѣ доношеніямъ, которыя у сего прилагаю[1]), учинить въ оной коллегіи должное раз-

[1]) Въ сборникѣ распоряженій гр. Румянцева ихъ не оказалось.

смотрѣніе, и уважая при томъ жалобы многихъ о долговременной волокитѣ по ихъ дѣламъ, такъ здѣсь, какъ и въ нижніе суды дать повелѣніе, напоминая, что всякая тяжба, бѣднымъ особливо людямъ, не менше чувствителна, какъ и приключенные обиды, о коихъ просятъ; дабы потому вездѣ прилежность и тщаніе судей въ доставленіи искателямъ справедливости соотвѣтствовали возложенной на нихъ должности; небреженіе жъ, напротивъ, о своемъ званіи не оставалось бы безъ взысканія строжайшого. Мая 17, 1767 году. Глуховъ. Г. Румянцевъ.

XII.

Распоряженіе гетмана К. Г. Разумовскаго о преобразованіи генеральнаго суда. 1760 г., ноября 17.

Ея імператорскаго величества Малия Россіи обоихъ сторонъ Днепра и воискъ Запорожскихъ гетманъ, дѣйствителный камергеръ. імператорской санктпѣтербурской академіи наукъ президентъ, лейбъ гвардіи измайловского полку подполковникъ и обоихъ россійскихъ імператорскихъ ординовъ святихъ апостола Андрея и Александра Невскаго, такожъ полского бѣлого орла и голстинского святия Анни кавалеръ, Россійской имперіи графъ Кириллъ Разумовскій.

Г—ну полковнику гадяцкому, жителствующимъ въ полку Гадяцкомъ бунчуковимъ товарищомъ, полковой того полку старшинѣ, сотникамъ, войсковимъ и значковимъ товарищамъ и всѣмъ, кому вѣдати надлежитъ, симъ нашимъ универсаломъ предлагаемъ.

Імѣя ми всевысочайше отъ ея імператорскаго величества ввѣренную намъ въ Малой Россіи гетманскую власть, съ таковимъ ея імператорскаго величества въ пожалованныхъ за собственноручнымъ ея величества подписаніемъ грамотахъ, въ первой 749 году декабра 15 дня о избраніи гетмана, а во второй 751 году мая 29 на утвержденіе намъ гетманского достоинства, соизволениемъ, даби Малоросийской народъ лутчимъ порядкомъ и совершенимъ радѣніемъ управляемъ и при своихъ іздревле приобрѣтенних волностяхъ и правахъ наилутче охраненъ и содержанъ былъ, обязанно себе видимъ оное височайшее ея імператорскаго величества соизволеніе приводить въ надлежащое исполненіе къ дѣйствителному сохраненію утвержденних Малой Россіи правъ, и хотя уже мы нѣкоторие въ силѣ

правъ по судамъ малороссийскимъ распоряжения учредили, отъ коихъ каждой доволную чувствуетъ ползу, но усмотря, яко въ Малой Россіи всѣ для процескихъ дѣлъ суды не въ такомъ состоятъ распорядкѣ, какъ въ правахъ узаконено, а особливо главное въ Малой Россіи судное мѣсто, названний генералний судъ, куда по аппеляціяхъ отъ нижних судовъ множайшимъ числомъ дѣла собираются, не въ надлежащемъ въ силѣ правъ основании нынѣ состоитъ, отъ чего не токмо на каждое почти того генералного суда рѣшеніе аппеляции умножились, но и между рѣшенными на произвожденіе дѣлъ частыя къ намъ заходятъ жалобы; по правамъ же книги статута устоновленно быть для дѣлъ земскихъ суду земскому, для разбору же о всякихъ злочинствахъ и кримѣналу подлежащихъ дѣлахъ—гродскому, да, въ случае надобности, въ разобраніи смѣжнихъ грунтовъ межей—подкоморскому, и отъ каждого аппеляция дозволенна прямо въ трибуналной судъ; нинѣ же въ Малой Россіи и несходственно съ правами и продолжително для судячихся сторонъ введены аппеляции, ибо отъ сотенного суда къ полковому, а отъ полкового въ генералній, а отъ генералного суда въ генералную войсковую канцелярию и къ намъ происходятъ аппеляции, и во всякомъ предписаномъ мѣстѣ требуется времени на разсмотрение каждого входящого по аппеляциямъ дѣла, чрезъ что обѣ судячиеся стороны какие дознаютъ трудности и медления, о томъ всякому доволно извѣстно. И сего ради, въ пресѣченіе таковихъ излишно происходимихъ нинѣ аппеляций, къ скорѣйшому доставлению всякому обиженному справедливости, наипачеже въ соблюденіе всевисочайше утвержденихъ Малой Россіи правъ, пока о протчихъ малороссийскихъ судахъ распорядокъ въ силѣ правъ учиенъ будетъ, нинѣ за нужнѣйше почли мы судъ войсковий генералний въ Малой Россіи учредитъ на слѣдующемъ по правному узаконению основании:

1-е, Опредѣляемъ отнинѣ быть въ присудствии въ судѣ войсковомъ генералномъ двенадцяти персонамъ, во первихъ двумъ судьямъ генералнимъ, а съ ними десяти персонамъ, коихъ десяти вибирать ежегодно въ полкахъ малоросийскихъ и съ каждого полку по одному персонѣ; и даби изъ начала слѣдующого 761 году въ вишеопредѣленомъ числѣ персонъ въ судѣ генералномъ засѣданіе къ разсмотрению и рѣшению дѣлъ могло начатся, для того скоро, получа въ полку Гадяцкомъ сей нашъ унѣверсалъ, назначить къ собранию въ полковой городъ

срокъ не далѣе 10 слѣдующого декабра сего году и на тотъ срокъ созвать въ полковую канцелярию того полку старшинъ полковихъ, въ нероскомендированіи отъ полку состоящихъ, такожъ сотниковъ и значковихъ товарищей, а особливо чрезъ сотенние уряды дать знать бунчуковимъ і войсковимъ товарищамъ, въ томъ полку жителство и владѣние свое імѣющимъ, требуя, чтобъ они на тожъ означенное время съихались и въ полковую канцелярию собрались; и за таковимъ собраниемъ всѣмъ обще вибрать изъ бунчуковихъ товарищей или старшинъ полковихъ, или изъ настоящихъ сотниковъ, жителей своего полку и владѣніе въ ономъ імѣющихъ, одного персону для присудствия въ судѣ генералномъ, и то избрание подписать; а кто имяно вибранъ будетъ, къ намъ репортоватъ. А тому вибранному персонѣ дать знать писмено, чтобъ онъ, пріуготовивъ себе, слѣдовалъ въ Глуховъ и явился здѣсь слѣдующого 761 году въ генварѣ м-цѣ, гдѣ, начавъ зъ 16 генвара 761 году, быть долженъ безъотлучно у того присутствия до будущого августа м-ця. Впред-же на другие года къ такому избранию персонъ въ полкахъ малороссійскихъ назначаемъ время навсегда ежегодно августа м-ця первихъ чиселъ. Чего ради, какъ будущаго 761, такъ и послѣдующихъ годовъ, завремено, прежде наступления августа м-ця, во всякомъ полку давать знатъ, чтобъ конечно до 10 числа августа всѣ того полку вишпомянутие чины, какъ то всѣ бунчуковие товарищи, старшини полковие, сотники, войсковие и значковие товарищи, имѣющіе въ томъ полку свое жителство и владѣние, съихались сами въ полковой городъ, и въ полковой канцелярии обще таковожъ избраніе одного персони зъ бунчуковихъ товарищей или изъ старшинъ полковихъ, либо сотниковъ, для присудствия въ генералномъ судѣ безупустително чинили и тому вибранному персонѣ давалибъ писменно знать, чтобъ онъ, приуготовя себе, слѣдовалъ къ бытию у присудствии в судѣ генералномъ і явился къ тому конечно не позная 1 сентября, исъ котораго времени долженъ будетъ у того присудствия въ судѣ генералномъ битъ чрезъ цѣлой годъ безотлучно. Буди би кого изъ вышъ помянутихъ чиновъ къ такому ізобранию на назначенное время въ собрании не било, то, оного избрания затѣмъ не продолжая, тѣмъ чинамъ, кои въ собрании будутъ, учинить избрание и отправить по вышизображенному; а и вибраной персона не долженъ

никакихъ въ томъ отговорокъ приносить и отъ такова всему обществу нужного дѣла отказиватся.

2-е. Въ каждомъ малороссійскомъ полку, въ томъ числѣ и въ Гадяцкомъ, вибрать къ онному присутствию одного персону, къ тому достойного, добросовѣстного, права вѣдающого, жителство и владѣние свое въ томъ полку имѣющого, изъ бунчуковихъ товарищей, или изъ старшини полковой, либо сотенной, и тому вибранному персонѣ бытъ у вишъ помянутого въ судѣ генералномъ присудствия чрезъ слѣдующий 761 годъ до 20 июля безотлучно; а впредъ, погодно вибирая таковимъ же порядкомъ, развѣ би при избрании и на другой годъ на того же самого персону обще всѣ согласились, и онъ самъ къ тому приступилъ. Оная же бытность у присудствия въ судѣ генералномъ вибранного персони содержанна имѣетъ быть (за) знатную воисковую службу.

3-е. Буди бъ для какой причини избрание къ тому присудствию персони не совершилось или уже вибранной за болѣзнею либо смертию прибыть не могль къ присутствию, въ такомъ случаи, не дожидаясь неприбывшихъ, должни г—да суди генералніе зъ собравшимися отъ другихъ полковъ вибранними къ тому персонами въ наступаючий 761 годъ зъ 10 генвара, а впредъ зъ 1 сентября, засѣданіе свое въ судѣ генералномъ начинатъ, однакожъ о неполномъ собрании докладивать отъ суда генералного намъ.

4-е. Ежели бъ чие изъ господъ генералнихъ судей или изъ вибраннихъ отъ полковъ персонъ собственное дѣло въ судъ генералний пришло къ разсмотрѣнию, то оное дѣло мимо того судѣ, чие оно есть, разсматриваемо бытъ должно протчими всѣми, а тотъ судя при разсмотрении его дѣла у засѣдания бытъ не имѣетъ, но въ то время вийтить изъ суда.

5-е. Кто изъ судей или писарей полковихъ вибранъ былъ би въ которомъ полку для присудствия въ судѣ генералномъ, то до возвращения его къ своему мѣсту оставшіеся при полку другие полковие старшини по разсмотрению вашему, г—на полковника, отправлять дѣла имѣютъ. Къ тому жъ, буди бъ въ судѣ генералномъ случилося по аппеляции такое дѣло, на рѣшении которого въ полковомъ судѣ вибранной изъ полку старшина полковий подписался, то оной уже въ судѣ генералномъ при разсмотрении и рѣшении того

дѣла бытъ не долженъ, а протчие всѣ то дѣло разсмотрѣть и рѣшить имѣютъ.

6-е. Какъ генералніе суди, сверхъ указной присяги, по которой съ пожалования въ чинъ приводятся, должни приведени быть въ генералной войсковой канцелярии въ присудствии генералнихъ старшинъ къ особливой присяги по напечатанной въ статутѣ трибуналнимъ судямъ формѣ, такъ и ежегодно избираемие отъ полковъ къ присудствию въ судѣ генералномъ, за прыбитиемъ ихъ къ тому присудствию, прежде вступленія въ оное должни приводими жъ быть въ судѣ генералномъ къ присяги по той же напечатанной въ статутѣ трибуналнымъ судямъ формѣ, въ присудствии судей генералнихъ.

7-е. Засѣдать и подписиватся на дѣлахъ въ судѣ генералномъ имѣютъ, во первихъ, суди генералніе, потомъ вибранніе съ полковъ персони по старѣйшинству чиновъ своихъ, а сентенсии свои по дѣламъ обявлять, начиная отъ меншого чина; дѣла слушать и разсматривая рѣшать по реестру, чие прежде ввойшло въ судъ генералний. А при разсмотрении и рѣшении всѣхъ дѣлъ поступать по присяги своей справедливо и не изъ домислу своего, но токмо изъ писменного по дѣлу произвождения чинить въ силѣ указовъ ея імператорскаго величества и правъ книги статута рѣшения. А когда случилось би при рѣшении какова дѣла въ сентенсияхъ несогласие, тогда таковіе имѣютъ писмено подавать свои мнѣния съ яснимъ показаниемъ, какихъ ради причинъ они съ протчими несогласни, которіе имѣютъ быть намъ представлени для крайней резолюции.

8-е. И понеже сие учрежденіе генералного суда, какъ въ сохранение утвержденихъ малороссийскихъ правъ, такъ послѣдователно и всему малороссийскому обществу къ немалой ползѣ въ получении обиженной сторонѣ справедливой и безъ всякого продолжения сатисфакции, въ силѣ вишепомянутихъ височайшихъ грамотъ опредѣлить мы за необходимо нужное признали, а особливо, даби производившиеся до сего многие аппеляции и чрезъ то излишніе затруднения пресѣчени были, для того за таковимъ учреждениемъ суда генералного происходить должно таковимъ порядкомъ: когда въ ономъ генералномъ судѣ каково дѣло разсмотренно, и всѣми судями согласно рѣшителний приговоръ учиненъ и подписанъ будетъ, то, за обявленіемъ о томъ истцу и отвѣтчику, ежели обѣ стороны доволни будутъ, чинить исполнение въ силѣ правъ, не докладивая

намъ; ежели же которая сторона обявитъ себе, по вислушании приговора, недоволнимъ, въ такомъ случаи, не дѣлая экзекуции, судъ генералний имѣетъ представить намъ, съ обясненіемъ дѣла, краткимъ экстрактомъ для крайней и скорѣйшей резолюции, и таковимъ порядкомъ въ ономъ генералномъ судѣ всѣ дѣла по аппеляциямъ, изъ нижнихъ судовъ вшедшіе и еще нерѣшеніе и впредь входящіе и какие отъ насъ къ произвождению и рѣшению въ судѣ генералномъ уже опредѣленни, и впредь по какой надобности опредѣлятся, за собраніемъ къ присудствию вибранихъ къ тому отъ полковъ малороссийскихъ персонъ, и вступление въ оное присудствие, сначала слѣдующаго 761 года происходить должни; а по колодничимъ дѣламъ поступать въ судѣ генералномъ, какъ и до сего происходило.

9-е. Протчое, что еще нужное и полезное къ порядочному и безъостановочному за собраніемъ такова генералного суда произвождению дѣлъ усмотренно будетъ, о томъ отъ оного генералного суди зъ мнѣніемъ, за подписомъ всѣхъ будучихъ въ засѣдании, представить къ намъ на апробацию. Вамъ же о всемъ вишеизображенномъ для знания и во всемъ полку Гадяцкого публѣкования къ надлежащому исполнению симъ унѣверсаломъ нашимъ предлагаемъ, о получении которого зъ симъ же нарочнимъ имѣете къ намъ репортовать. Въ судъ же войсковий генералний и въ протчие малороссийские полки такови жъ унѣверсали нами послани. 1760 году, ноября 17 дня Гетманъ Графъ К. Разумовский [1]).

XIII.

Отмѣна Румянцевымъ распоряженія гетм. Разумовскаго о выборѣ депутатовъ отъ полковъ въ составъ генеральнаго суда.

Малороссійской коллегіи. Выбираемые повсегодно отъ всякого малороссійского полку для засѣданія въ судѣ генералномъ чиновники отъ сего времени не нужны болше къ сей должности.—Изъ послѣдняго учрежденія о судѣ генералномъ бывшаго гетманомъ графа Кирилла Григориевича Разумовского на тогдашное время видѣть могу, что ихъ предписано выбирать изо всѣхъ здѣшныхъ чиновъ; но

[1]) Изъ бумагъ И. В. Лучицкаго.

нынѣ всякаго оставить надлежитъ безпрепятственно въ исправленіи его должности, предлежащей каждому по его званію.

Дѣла же свидѣтелствуютъ, что во всѣ годы продолженія сего постановленія рѣдко было когда полное собраніе въ судѣ сихъ всѣхъ десяти депутатовъ, а болше могли они въ неприбытіи и отлучкахъ своихъ виговариваться всякими причинами. Въ примѣчаніи на все сіе и дабы порядочному и скорому теченію дѣлъ споспѣшествовать лутшимъ образомъ, что̀ на мое попеченіе положено отъ ея императорскаго величества, опредѣлены отъ меня будутъ вскорѣ въ судъ генералный для отправленія дѣлъ непремѣнные члены.

И для того отъ коллегіи предложить во всѣ полки, чтобъ по прежнему обряду на слѣдующее время оставлено уже выбирать присыланныхъ до сего депутатовъ. 1767 года, августа 11-го дня. Г. Румянцевъ.

XIV.

Назначеніе непремѣнныхъ членовъ въ генеральный судъ.

Малороссійской коллегіи. Прошедшаго м-ца августа отъ 11-го числа оная коллегія вѣдаетъ изъ моего предложенія, что я, въ поспѣшествованіе лутчимъ образомъ порядку и теченію дѣлъ въ судѣ генералномъ, положилъ опредѣлить въ оный непремѣнныхъ членовъ. Къ тому нынѣ избраны мною по извѣданнымъ достоинствамъ и способности каждаго и до будущаго впредъ въ семъ правительствѣ точнаго учрежденія опредѣляются къ отправленію въ оном дѣлъ: надворный совѣтникъ Григорей Фридрикевичь, земскій судья Сергій Дергунъ, бунчуковые товарищи Александръ Безбородко и Петръ Симоновскій. По сей должности производить имъ жалованья на всякій годъ: Фридрикевичу полное по его чину—четыриста пятдесятъ рублей, Дергуну такъ, какъ онъ нынѣ по моему опредѣленію получаетъ, Безбородкѣ и Симоновскому каждому по триста рублей. Въ разсужденіи, что сіе судебное мѣсто естъ отдѣленный токмо департаментъ коллегіи, то потому и быть ему подъ надзираніемъ господина прокурора Малороссійской коллегіи, къ которому по силѣ регламента и состоявшихся указовъ подавать о всѣхъ дѣлахъ по данныхъ до-

ношеніяхъ ежемѣсячные вѣдомости, такъ о рѣшенныхъ, яко и вшедшихъ, а тѣмъ паче о таковыхъ, по которымъ на учиненныя рѣшенія отъ обоихъ сторонъ неудоволства не показано, или аппелляціи быть не должно и, слѣдовательно, ко исполненію подлежатъ.

Присемъ вновь опредѣляемые члены конечно должны чувствовать, коль великая къ нимъ довѣренность въ возлагаемой на нихъ важной должности обязуетъ быть ихъ прилежными, рачителными, единодушными въ благоразсужденіяхъ, хранить безпристрастіе и всякую добродѣтель непорочного судьи, исполняя праведними успѣхами надежду, которую имѣть могу, что ихъ тщаніе и прилежные труды умалятъ число просителей, прекратятъ волокиту и рачительно поищутъ истребить причины противящіеся всякаго дѣла скорому окончанію. Малороссійская коллегія, давъ знать о семъ суду генералному, предложить притомъ имѣетъ, дабы показанные члены, со дня полученія того, за приведеніемъ ихъ къ судебной присягѣ, вступили въ отправленіе своея должности. 1767 году, сентября 25 дня. Г. Румянцевъ.

XV.

Распоряженіе Румянцева о томъ, чтобы суды принимали безпрепятственно иски на бывшаго гетмана Разумовскаго, безъ особаго разрѣшенія на то отъ Малороссійской коллегіи.

Малороссійской коллегіи. Жена надворнаго совѣтника Григорея Фридрикевича Анна Фридрикевичева представляетъ мнѣ, что на поданномъ отъ нея въ Правителствующій Сенатъ объ отдачѣ неналежно, въ числѣ пожалованныхъ господину генералъ-фелдмаршалу и кавалеру графу Кирилловичу Григориевичу Разумовскому маетностей, наслѣдственного ея села Митченокъ челобитной учинена помѣта, что надлежитъ ей, въ силу права малороссійскаго книги статутъ, розд. 4, артик. 3, и рѣшителныхъ пунктовъ верховнаго тайнаго совѣта, гетману Апостолу 1728 года данныхъ, о показанной претенсіи просить сперва въ нижнемъ судѣ по порядку, о чемъ и Малороссійской коллегіи указомъ дано знать.

А какъ она, Фридрикевичева, желая искать о той своей пре-

тенсіи по порядку въ судѣ земскомъ повѣту Батуринского, извѣстилась, что на его сіятелство графа Кириллу Григориевича Разумовскаго поданное въ прошломъ октябрѣ м-цѣ отъ войсковыхъ товарищей Бутовичевъ въ судъ земскій повѣту Глуховского исковое по равной же претенсіи доношеніе, съ приложеніемъ учиненной въ Правительствующемъ Сенатѣ на ихъ челобитной въ такой же силѣ, какъ и на ея помѣты, не принято безъ особливого отъ Малороссійской коллегіи повелѣнія, то потому и она, Фридрикевичева, предварително проситъ, чтобъ при подачѣ ея прозьбы въ судѣ земскомъ повѣту Батуринского, гдѣ означенное село Митиченки положеніемъ состоитъ, не могло такойже послѣдовать остановки.

Малороссійская коллегія, имѣя о томъ, какъ вышеписано, изъ Правителствующаго Сената указъ въ извѣстіе, каковы надписи по симъ челобитнимъ здѣланы, предложить имѣетъ по содержанію оного въ означенние земскіе Батуринского и Глуховского повѣтовъ суда, дабы въ первомъ доношеніе помянутыхъ Бутовичевъ, а во второмъ просителки Фридрикевичевой прозьба по порядку приняты были и надлежащее разсмотреніе и рѣшеніе по онымъ чинено по силѣ законовъ. 1767 году, декабря 4-го дня. Г. Румянцевъ.

XVI.

О злоупотребленіяхъ по должности со стороны адвокатовъ, которые были учреждены при коллегіи и генеральномъ судѣ для помощи козакамъ и казеннымъ крестьянамъ въ веденіи дѣлъ.

Малороссійской коллегіи. Несносная волокита и разорение козаковъ и коронныхъ местечекъ, селъ и деревень посполитыхъ и видимыя трудности отъ неискусныхъ стряпчихъ въ теченіи дѣлъ на судѣхъ требовали, что я определилъ, въ охранение высочайшихъ интересовъ и для помощи беднымъ людямъ, лишеннымъ способовъ защищать ползу свою, четырехъ адвокатовъ при Малороссійской коллегіи и судѣ генералномъ. Примѣчаю, однакожъ, что въ чѣмъ мое учрежденіе употребленные къ тому люди не на тотъ конецъ обратили, чтобъ произвесть тѣ успехи, которые чрезъ оныхъ имѣлъ я намерение доставить. Ибо мнѣ извѣстно, что постановленные адво-

каты противъ коронныхъ интересовъ производятъ дѣла и соединенные съ тѣмъ козаческие и коронныхъ и посполитыхъ людей иски оспариваютъ, взявъ полномочие съ противной стороны, чего имъ подолжности никто и не воспрящаетъ. Такие ихъ поступки противъ своего званія Малороссійская коллегія сей-часъ пресѣчь имѣетъ и, призвавъ всѣхъ адвокатовъ, приказать, чтобъ они противъ всякихъ коронныхъ дѣлъ и козаческихъ исковъ о своихъ имѣніяхъ, не смѣли брать участія съ противной стороны, ибо ихъ звание (по которому получаютъ жалованье) предохранять всякую коронную ползу, а не оспоривать оную; для чего и суду генералному предложить, дабы во ономъ по дѣламъ казаческимъ и коронныхъ посполитыхъ въ разсужденіи именія ихъ, не по купли, но по природному праву имъ принадлежащихъ, препоручали адвокатамъ безъ всякихъ ихъ на то малѣйшихъ расходовъ, и наблюдать со всякою строгостию, чтобъ адвокатъ, которому принять таково дѣло повелено будетъ, соотвѣтствуя своему званию, со всякимъ тщаниемъ исправлялъ на него возложенное, и ни подъ какимъ видомъ не вступалъ въ обезателства каковы либо, противъ вышеписанныхъ дѣлъ, которые по званию адвоката защищению токмо его принадлежатъ; впрочемъ же служить имъ между партикулярными людми въ тяжбахъ, да и между казаками въ накупленныхъ имениях не возбранять. Числа 3-го марта 1767 году. Глуховъ. Г. Румянцовъ.

XVII.

Распоряженіе Румянцева о точномъ опредѣленіи компетенціи земскихъ судовъ и о назначеніи для козаковъ при гродскихъ и земскихъ судахъ адвокатовъ.

Малороссійской коллегіи. Отъ состоявшагося высочайшего имянного ея императорского величества на представленія бывшаго гетманомъ его сіятельства господина генералъ-фелдмаршала и кавалера графа Кириллы Григорьевича Разумовскаго указа, которымъ повелѣно учредить подкоморыхъ и поступить по правамъ малороссійскимъ,—я нахожу, что судамъ земскимъ при учрежденіи изъ того времени оныхъ не здѣлано нужныхъ предписаній по обстоятелст-

вамъ сея провинціи, какія дѣла ихъ разбору принадлежатъ, и которые исключены быть должны; понеже для разного состояния людей здѣсь и разные введены законы. Извѣстно, что право полское, въ книгѣ статутѣ и конституціяхъ изданное, для шляхетства токмо испрошено; право магдебурское предоставлено гражданству, а козаки суды себѣ выговорили въ статьяхъ. Однакожъ, на сіи раздѣленія никоторая здѣсь власть не имѣла примѣчаній, и дошло до того, что суды земскіе, судя всѣ дѣла по книгѣ статуту, привлекаютъ къ тому и козаковъ, о которыхъ нигдѣ въ той книгѣ и не упомянуто. Гражданъ такожъ, подлежащихъ въ магистратѣхъ праву магдебурскому, призываютъ, и такъ въ тѣхъ, яко и въ другихъ отсуживаютъ имѣнія во многихъ случаяхъ, гдѣбы имъ нетолко въ разсмотреніе вступать, но и принять прозьбы не слѣдовало. Ради сего неустройства во всякое время обращаюсь я между бѣдствующими просителями, съ которыхъ паче козаки чувствителныя приносятъ жалобы, что многіе по своей простотѣ, не вѣдая силы законовъ, подпадаютъ своими поступками строгимъ взысканіямъ, что иной, за нестанье по позву на срокъ ему неизвѣстный или отлучку отъ суда, будучи командированъ, лишается своего иску и имѣнія, противныежъ стороны, стараясь уловить ихъ незнаніе, по своему сведѣнію правныхъ обрядовъ, одерживаютъ болше симъ образомъ надъ ними право. Я имѣлъ не одно доношеніе отъ мѣщанъ и козаковъ и видѣлъ, сколь первыхъ имѣнія въ городахъ, магистраты имѣющихъ, суды земскія отказуютъ за другихъ, минуя магистратскій судъ, гдѣ право гражданское безъ употребленія остается. Послѣднихъ такожъ приговариваютъ къ штрафамъ и лишаютъ грунтовъ, несмотря хотя они отъ своихъ началниковъ представляютъ къ защищенію своему оправданія. Соображая по сему, сколь всѣ здѣшніе суды, не будучи ограничены въ своей должности законами, на то предписанными, въ разборъ дѣлъ неподлежаще одинъ другово входятъ и, приступая къ исправленію сего непорядка, на первой случай рекомендую Малороссійской коллегіи, выписавъ съ правъ, какія дѣла судамъ земскимъ на разсмотрѣніе опредѣлены, запретить онымъ, чтобъ отнюдь въ гражданскія дѣла не вступали, и мѣщанъ, коимъ судимимъ должно быть въ магистратѣхъ, къ суду земскому не привлекали; а для чего инако до сего дѣлано, взять отъ всякаго суда на то отвѣтъ.—Отъ козаковъ непрестанные прозьбы требуютъ, чтобъ, предохраняя ихъ ползу, со-

пряженную интересу государеву, въ разсужденіи ихъ имѣнія, съ коихъ они служатъ, опредѣлить во всякомъ гродскомъ и земскомъ судѣ, гдѣ они свои дѣла имѣютъ, адвокатовъ, дабы они отъ простоты и законовъ незнанія не терпѣли волокиты и дѣйствительной иногда обиды. Но какъ еще при нижнихъ судахъ адвокаты не установлены, то, до учрежденія оныхъ, предложить отъ коллегіи полковымъ канцеляріямъ, чтобъ отъ оныхъ опредѣлено было по одному, изъ людей исправныхъ, которыебъ всякое дѣло по закону производили въ земскомъ и гродскомъ судахъ и за справедливость оныхъ обстоявали, на основаніи таковомъ, какъ я предписалъ для адвокатовъ при судѣ генералномъ, не требуя, въ уваженіи ихъ бѣдности и службы, ничего себѣ въ заплату, чтобъ симъ пособіемъ, по крайней возможности, успокоить козачего званія просителей, которые вездѣ съ воплемъ приносятъ мнѣ жалобы о своихъ обидахъ. Марта 20, 1767 году. Топаль. Г. Румянцевъ.

XVIII.

О безпорядкахъ въ полковыхъ и земскихъ судахъ.

Малороссійской коллегіи. Настоящее время мнѣ не позволяетъ присудствовать въ коллегіи и вступать въ разсмотрѣніе дѣлъ, точно до меня принадлежащихъ; а по дошедшимъ до меня доношеніямъ и прозбамъ къ сожалѣнію видить принужденъ, коимъ образомъ въ нѣкоторыхъ полковыхъ и земскихъ судахъ, не взирая на всѣ такъ часто дѣланные подтвержденія, дѣла нетолко къ вящему разорепию бѣдныхъ иногда и безъ того просителей медленно, но и безъ всякаго наблюдения порядка, предписаннаго въ правахъ, производятъся. Малороссійская коллегія во всѣ мѣста объ ономъ имѣетъ подтвердить, чтобы всѣ въ судахъ и у дѣлъ находящіеся отвѣчали званіямъ своимъ точнымъ и прямымъ отправлениемъ своихъ должностей безъ всякого упущения. Инако же, съ таковыми о себѣ и должности нерачащими поступать по строгости законовъ безъ упущения. 3 марта, 1767 года. Глуховъ. Г. Румянцевъ.

XIX.

Распоряженіе Румянцева о томъ, чтобы не вызывать судей низшихъ инстанцій въ высшія при переносѣ рѣшенныхъ ими дѣлъ въ эти послѣднія.

Малороссійской коллегіи. Предводитель шляхетства полку Нѣжинского и подсудокъ земскій Левицкій представилъ мнѣ въ разсмотрѣніе, что по дѣлу имъ рѣшенному въ судѣ земскомъ повѣту Нѣжинского по иску козаковъ сотни Дивицкой Бровковъ о грабительствѣ въ нихъ господиномъ обознымъ генералнымъ Закревскимъ движимаго имущества, требуетъ его судъ генералный по силѣ права, разд. 4-го артик. 40, въ оный судъ на очное мовенье, которому естли отлучиться, то въ теченіи дѣлъ имъ разбираемыхъ будетъ не безъ остановки.

Сколько многіе артикулы въ семъ правѣ, изданные по другимъ видамъ обстоятелствъ княжества Литовскаго, нежели каковы имѣетъ здѣшная провинція, не могутъ нынѣ быть употреблены по точной ихъ силѣ, такъ не менше и вышписанный артикулъ 40 разд. 4-го, установленный для призыву судей нижныхъ предъ судъ главный, можетъ произвесть здѣсь трудности, какъ, напротивъ, въ Польшѣ удобно исполняется, гдѣ суды земскіе и главный трибуналъ отправляютъ свои дѣла по временамъ для того опредѣленнымъ, а не безпереривнымъ теченіемъ, какъ въ сей землѣ. А такъ въ Польшѣ есть время удобное судьямъ повѣтовымъ, когда трибуналъ разсматриваетъ ими рѣшенныя дѣла, быть самимъ притомъ для словеснаго объясненія. Но здѣсь, если судей, рѣшившихъ дѣла, призывать при аппеляціи въ судъ генеральный, то тѣмъ остановитъ суды, гдѣ они всегдашно присудствуютъ.

И для того Малороссійской коллегіи о таковомъ призывѣ судей, установленномъ въ книгѣ статутѣ для главного суда, разрѣшить по законамъ: нужно-ли то употреблять или дѣла самыя при разсмотрѣніи могутъ являть, оправданію-ль или обвиненію подлежатъ рѣшившіе оныя? Октября 25, 1767 году. Въ Глуховѣ. Г. Румянцевъ.

XX.

О возвращеніи въ войсковой скарбъ (казну) денегъ, выданныхъ въ подарокъ Нарышкину и его свитѣ, когда онъ (Нарышкинъ) пріѣзжалъ въ Малороссію съ объявленіемъ о возшествіи на престолъ имп. Петра III.

Малороссійской коллегіи. Я, исполняя Правителствующаго Сената отъ 20 числа прошедшаго іюня ко мнѣ присланной указъ, коимъ повелѣно: взятые въ 1762-мъ году изъ войсковаго скарбу и отданные присланному тогда въ Малороссію со обявлениемъ о возшествіи на престолъ бывшаго императора дѣйствителному камеръгеру Нарышкину десять тысечъ рублевъ и, сверхъ того, отъ всякаго полку по пятисотъ, да свитѣ ево по сту рублевъ, какъ сами войсковые старшины и полковыя канцеляріи во мнениях своихъ признали оныя денги поднесенными въ даръ отъ народа къ изъявлению радости его и почтения, а народная радость натурално не можетъ инако и лутче доказана быть, какъ употреблениемъ къ тому собственнаго иждивенія, а не выдачею потребной на то сумъмы изъ войсковыхъ доходовъ, которые именнымъ указомъ 728 года употреблять велѣно толко на дѣйствителные войсковые расходы, да и по силѣ грамоты 764 года войсковой скарбъ названъ прямо принадлежащимъ казнѣ государевой,—то посему обстоятелству всѣ таковые неуказные издержки на щотъ казенной ни по какому праву приняты быть отнюдь не могутъ, но должны неотменно возвращены паки въ казну съ техъ людей, кои на выдачу оныхъ денегъ незаконно поступили. Малороссійской коллегіи рекомендую всехъ сихъ денегъ съ кого надлежитъ о взысканіи и въ казну о возвратѣ, учиня опредѣление, послать, куда слѣдуетъ, указы. 31 Іюля, 1767 году. Глуховъ Г. Румянцевъ.

XXI.

Раздѣленіе Малороссіи на комисарства, установленное Румянцевымъ.

Малороссійской коллегіи. Всякія раздѣленія частныя въ Малой Россіи, какъ-то: полковъ, сотень и изъ послѣднихъ состоящихъ по-

вѣтовъ, основанны не были на томъ положеніи, которому должно быть въ разсужденіи равного числа жителей и разстоянія мѣстъ. Сей непорядокъ причиною, что въ нѣкоторыхъ селахъ козаки надлежатъ къ одной сотнѣ, а посполитые вѣдомы въ другой. Посему и комисарскіе зборы не всѣ платятъ въ ближайшій къ себѣ повѣтъ, но принуждены выстатчать оные въ отдаленное мѣсто, гдѣбы съ лутчею удобностію другіе производить могли. Отвращая сію трудность, тяготившую многихъ, учинилъ я росписаніе, присовокупленное къ сему, во всей Малой Россіи комисарствъ для сбору окладныхъ денегъ по способности положенія сотень и по уравненію числа хатъ въ такой пропорціи, какую только отъискать было возможно въ нынѣшное время къ сему расположенію. Рекомендуя Малороссійской коллегіи во всѣ сіи комисарства опредѣлить въ повѣтахъ, выбрать въ непремѣнные комисары людей способныхъ, опредѣливъ на первой случай имъ по сту по пятидесятъ, канцеляристамъ и кассирамъ ихъ по сороку рублей въ годъ, снабдя ихъ также наставленіями, на сей случай положенной ихъ должности касающимися, и дозволивъ имъ употреблять сотенныхъ возныхъ въ разсужденіи могущихъ случиться комиссій по ихъ должности, и о исполненіи того дать повелѣнія. Декабря въ 4 день, 1767 года. Г. Румянцевъ.

Раздѣленіе въ Малой Россіи комисарствъ по способности положенія сотенъ и по уравненію числа хатъ, въ послѣдней 1764 года ревизіи написанныхъ. Учинено ноября 30 дня 1767 года.

Званіе комисарствъ.

Стародубовское: Три полковые и Мглинская сотня.

Новгородское: Почепскія, Бакланская, Погарская и Новгородская сотни.

Топальское: Топальская и Шептаковская сотни и мѣстечки: Семионовка, Ропскъ и Горскъ.

Глуховское: Глуховская, Ямпольская, Воронежская и Королевецкая сотни.

Черниговское: Чернѣговская, Бѣлоусовская, Выбельская, Слабинская, Любецкая, Ройская, Городницкая и Седневская сотни.

Козелецкое: Козелецкая, Остерская, Моровская, Голышевская, Мринская, Носовская, Кобиская, Веркіевская, Заиковская и Девицкая сотни.

Батуринское: Прохоровская, Борзенская, Шаповаловская, Батуринская, Новомлинская, Бахмацкая, Поповская, Конотопская и Коропская сотни.

Березинское: Березинская, Столинская, Синявская, Менская, Киселевская, Волинская, Сосницкая и Понурницкая сотни.

Кіевское: Кіевская, Бобровицкая, Гоголевская, Бориспольская, Воронъковская и Барышевская сотни.

Переяславское: Переяславскія, Терехтемировская, Березанская, Басанская, Яготинская, Бубновская, Липлявская, Пѣщанская и Домонтовская сотни.

Золотоношское: Золотоношская, Гелмязовская, Крапивянская, Ирклѣевская, Каневская, Чигириндубровская, Жовнецкая и Горошинская сотни.

Пирятинское: Лукомская, Яблуновская, Пирятинская, Чернузская, Куренская, Городижская и Снятенская сотни.

Нѣжинское: 3 Нѣжинскія, Ивангородская, Прилуцкія, Монастыриская и Иченская сотни.

Иваницкое: Иваницкая, Корыбутовская, Красноколядинская, Сребрянская, Варвинская, Жоравская и Переволочинская сотни.

Гадяцкое: Гадяцкія, Костянтиновская и Смѣлянская сотни.

Роменское: Роменская, Сенчанская, Лохвицкая, Янишпольская, Глинская и Хмеловская сотни.

Лубенское: Лубенскія, Потоцкая, Омелницкая, Городижская, Хорольская и Голтвянская сотни.

Миргородское: Миргородскія, Остаповская, Бѣлоцерковская, Богацкая, Устивицкая, Ярсковская, Шишакская и Сорочинская сотни.

Полтавское: Полтавскія, Великобудижская, Решетиловская и Опошенскія сотни.

Зѣнковское: Зѣнковскія, Рашевская, Комишневскія, Лютенская, Ковалевская, Куземинская, Грунская, и Веприкская сотни.

Г. Румянцовъ.

КЪ ИСТОРІИ

ВОДВОРЕНІЯ ВЪ КІЕВѢ УНІИ.

Сообщилъ О. Н. Левицкій.

Къ исторіи водворенія въ Кіевѣ уніи.

До настоящаго времени во всѣхъ историческихъ сочиненіяхъ объ уніи принимается, какъ установленный фактъ, положеніе, что въ первые 13—14 лѣтъ послѣ Брестскаго собора унія не имѣла въ Кіевѣ никакого успѣха: королевскія распоряженія о передачѣ митрополиту Михаилу Рагозѣ Кіево-печерскаго монастыря остались неисполненными, благодаря энергическому сопротивленію архимандрита Никифора Тура; кіевское духовенство не признало уніи и отказалось подчиниться власти уніатскихъ митрополитовъ; попытки уніатовъ овладѣть кіевскими церквами были отражены при помощи городского населенія, дружно поддерживавшаго свое духовенство,—и только въ февралѣ 1610 года, когда не было уже на свѣтѣ стараго кіевскаго воеводы князя Константина Острожскаго, а его должность занялъ крутой и энергичный Станиславъ Жолкевскій, уніатскому оффиціалу Антонію Грекокичу удалось отобрать у православныхъ главнѣйшую святыню Кіева, соборный храмъ св. Софіи.— Помѣщаемые ниже документы содержатъ въ себѣ указаніе на такіе факты, которые вынуждаютъ нѣсколько измѣнить означенное положеніе или, по крайней мѣрѣ, принимать его впредь съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Въ первомъ изъ этихъ документовъ сообщается, что въ мартѣ 1605 г. Софійскій намѣстникъ уніатскаго митрополита Ипатія Потѣя, нѣкто панъ Якубъ Крушинскій, истребовавъ отъ кіевскаго гродскаго уряда возныхъ, послалъ съ ними протопопа Ивана Мужиловскаго отобрать у священника Филиппа двѣ „нагорныя“ кіев-

скія церкви: Софійскую и Николаевскую-Десятинную[1]) за то, что онъ, еще при жизни митрополита Михаила Рагозы (умершаго лѣтомъ 1599 г.) самовольно взялъ съ престола св. Софіи серебряный ковчегъ съ св. мощами и передалъ его бывшему то время кіевскому протопопу Ивану Островецкому, по смерти котораго эта святыня перешла въ руки кіевскихъ мѣщанъ, отказавшихся возвратить ее въ церковь. Кромѣ этой, очевидно, главной вины, за о. Филиппомъ водились будто-бы и другіе грѣхи: онъ разорялъ Софійскій храмъ—продавалъ тесаный камень (можетъ быть, мраморъ?) съ церковныхъ колоннъ и лѣстницъ, велъ блудную жизнь и былъ нерачителенъ къ службѣ Божьей. Священникъ Филиппъ безпрекословно подчинился волѣ митрополичьяго намѣстника, отдалъ вознымъ ключи отъ обѣихъ церквей и получилъ отъ нихъ квитанцію въ пріемѣ церковной утвари. Такъ же покорно выслушалъ онъ объявленное протопопомъ Мужиловскимъ запрещеніе ему совершать священнослуженіе и даже возлагать на себя епитрахиль—до тѣхъ поръ, пока не станетъ онъ на судъ митрополичій и не оправдается въ означенныхъ обвиненіяхъ, подъ угрозою, въ случаѣ неповиновенія, изверженія изъ сана и взысканія значительной денежной „вины“ въ пользу кіевскаго воеводы и митрополита.—Изъ другого акта мы узнаемъ, что въ это же самое время Ипатій Потѣй велъ съ кіевскими мѣщанами тяжбу по поводу удержанія ими ковчега съ св. мощами и достигъ того, что король въ ноябрѣ 1605 г. послалъ мѣщанамъ особый „листъ“ съ приказаніемъ немедленно возвратить захваченную святыню и передать ее въ руки кіевскому протопопу Ивану Мужиловскому, который въ этомъ документѣ именуется прямо „оффиціаломъ ксендза митрополитовымъ“.

Такимъ образомъ оказывается, что еще въ 1605 г. въ Кіевѣ прожпвалъ митрополичій уніатскій намѣстникъ п. Якубъ Крушинскій

---

[1]) Кромѣ ихъ, священникъ Филиппъ держалъ въ то время еще двѣ „нагорныя“ же церкви, которыя въ нашемъ документѣ не названы по имени, но ихъ легко опредѣлить по другимъ современнымъ указаніямъ: то были—церковь св. Василія (нынѣшняя Трехъ-святительская), и Воздвиженская, стоявшая гдѣ-то вблизи нынѣшней Андреевской церкви. Онѣ не были отобраны у о. Филиппа, вѣроятно, потому, что не находились въ подаваньи митрополитовъ, хотя впослѣдствіи уніатскій митрополитъ Іосифъ Вельяминъ-Рутскій настойчиво претендовалъ и на эти церкви (въ то время уже лежавшія въ развалинахъ или даже совсѣмъ уничтоженныя), равно какъ и на церковь св. Спаса (тоже „нагорную“ каменную), развалившуюся еще въ 1580-хъ годахъ.

и при немъ „оффиціалъ“, кіевскій протопопъ Иванъ Мужиловскій, что этотъ Крушинскій свободно и открыто пользовался принадлежащимъ ему, какъ намѣстнику, правомъ „подаванья“ (а потому и „отбиранья“) издавна находившихся въ митрополичьемъ вѣдѣніи нагорныхъ кіевскихъ церквей и что въ осуществленіи этого права оказывалъ ему законное содѣйствіе мѣстный замковый урядъ, не смотря на то, что воеводой кіевскимъ состоялъ еще въ то время могущественный защитникъ православія, князь Константинъ Острожскій.

Любопытно было бы выяснить: съ какого же именно времени уніатамъ удалось овладѣть въ Кіевѣ древней митрополичьей каѳедрой? Судя по тому, что хранившійся въ церкви св. Софіи ковчегъ съ св. мощами былъ взятъ православными еще при жизни Михаила Рагозы, можно было бы заключить, что и водвореніе въ Кіевѣ уніи совершилось при томъ же митрополитѣ. Но этому заключенію противорѣчатъ факты, извѣстные изъ письма князя К. Острожскаго къ кіевскому духовенству отъ 13 сентября 1603 г. [1]). Изъ него видно, что въ томъ году духовенство кіевское избрало священника Ивана Мужиловскаго „старшимъ межи собою, протопопомъ“ [2]), что послѣдній ѣздилъ по этому поводу къ князю Острожскому за „конфирмаціей“, каковую и получилъ вмѣстѣ съ „благословеніемъ на то старшинство“, и потому князь (видимо, дѣйствующій въ данномъ случаѣ по праву *экзарха*, предоставленному ему патріархомъ константинопольскимъ) пишетъ о немъ рекомендательное письмо кіевскому духовенству и проситъ оказывать новоизбранному протопопу надлежащее послушаніе. Нечего и упоминать о томъ, что Мужиловскій могъ быть избраннымъ въ эту должность и получить отъ князя Острожскаго „конфирмацію“ только лишь потому, что никто, очевидно, не сомнѣвался въ твердости его православныхъ убѣжденій; слѣдовательно, измѣнить имъ и получить за то титулъ уніатскаго митрополичьяго „оффиціала“ Мужиловскій могъ только впослѣдствіи, вѣроятно въ 1604 г. Не понятно лишь то, какъ могли стерпѣть эту измѣну кіевскіе мѣщане, духовенство и самъ воевода кіевскій и вмѣстѣ экзархъ константинопольскаго патріаршаго престола, князь К. Острожскій.

---

[1]) Оно помѣщено въ IV т. „Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи“, подъ № 158.

[2]) Очевидно, по смерти прежняго кіевскаго протопопа Ивана Островецкаго, о которомъ упоминается въ одномъ изъ нашихъ документовъ.

Впрочемъ, изъ послѣдующихъ событій видно, что Софійскій храмъ на этотъ разъ не долго оставался во власти уніатовъ, если въ февралѣ 1610 года послѣднимъ снова пришлось отбирать его у православныхъ. На этотъ разъ о протопопѣ Мужиловскомъ нѣтъ и помина, а въ роли митрополичьяго уніатскаго оффиціала является извѣстный Антоній Грековичъ. Хотя это насиліе возбудило въ Кіевѣ всеобщее негодованіе и было судебнымъ порядкомъ опротестовано духовенствомъ, мѣщанами и православными дворянами кіевскаго воеводства, а козаки въ 1618 г. пустили даже Грековича подъ ледъ „воды пити“, но никому не удалось передѣлать то, что сдѣлалъ этотъ отважный „разстрига“, и Софійскій храмъ болѣе 23-хъ лѣтъ послѣ того оставался въ рукахъ уніатовъ.

Ор. Левицкій.

I.

Донесеніе возныхъ объ отобраніи у кіевскаго священника Филиппа церквей Софійской и Десятинной и о наложеніи на него протопопомъ Иваномъ Мужиловскимъ запрещенія священнослуженія—между прочимъ за то, что онъ взялъ съ престола Софійской церкви ковчегъ съ св. мощами и передалъ его бывшему протопопу Островецкому, по смерти котораго ковчегъ этотъ достался кіевскимъ мѣщанамъ.

Выпис с книг кгродских воеводъства Киевского.

Лѣта Божого нароженя тисеча шестсотъ пятого, м-ца марца тридцать первого дня.

На вряде его королевское милости кгродскомъ Киевскомъ, передо мною, Станиславомъ Викгурою, понаместникомъ Киевскимъ, от его милости пана Вацлава Вилгорского, подвоеводего Киевского, на местцу врядовомъ будучимъ, ставши очевисто, возные енералные, шляхетъные Марек Барановский и Павелъ Гуторовичъ ку записаню до книгъ кгродских киевских сознали и того сознаня своего квит с печатми и с подписомъ руки одного Марка Барановского подали, писаный тыми словы: Я, Марекъ Барановский, а я, Павелъ Гуторович, возные енералные воеводства Киевского, сознаваемъ тымъ нашимъ квитомъ, иж року тепер идучого тисяча шестъсот пятого, м-ца марца двадъцать осмого дня, были есмо зослаными з ойцемъ протопопою киевскимъ Иваномъ Кузминомъ Мужиловъскимъ от па-

на Якуба Крушинского, наместника Софейского, на гору митрополю Софѣйскую, до попа Филипа, который на той горѣ Софѣйской чотыри церкви держалъ, которому то попу росказал пан Крушинский две церкви отъ него отобрат: одну Софейскую, мурованую, а другую Миколскую Десетинную, а то для тых причинъ, же тот помененый попъ Филипъ смелъ и важился прошлыхъ часовъ, есче за небожъчыка Махайла Рагозы, митрополита киевского, в той церкви светого Софея (sic!), с престола взявши скринку з мосчами светых ойцовъ, оную протопопе зошлому киевскому отцу Ивану Островецкому до рукъ отдалъ; по зейстью с того света того протопопы, месчанове киевские ее на ратушъ до себе взяли и тепер ее у себе держатъ; с подворницею Андреевою Кравъцовою злегсе и з нею живетъ через тые вси часы, за чимъ фала Божая в тых всихъ чотырохъ церквяхъ устала, и не была служба Божая черезъ тот увесь постъ великий; до того каменье тесаное по сдолбахъ (по столбахъ?) и сходахъ рознымъ людемъ пороспродавалъ. Которые мы тые две церкви вси у помененого попа отобравши и ключъ отъ нихъ у него взявши, с книгъ и з рѣзъ своими квитами есмо его квитовали; где на тот часъ при насъ помененый отецъ протопопа киевский заручилъ тому попу Филипу, подъ неблагословенемъ Божимъ и винами на его милость пана воеводу киевского сорока копами грошей литовскихъ, а на его милость отца митрополита двадцатма копами грошей литовъскихъ, абы патрахиля на свою шию не клалъ и жадныхъ справъ духовныхъ абы ся не важилъ и не справовалъ, аж се справитъ помененый помовъ на себе. На што даемъ сесь квитъ нашъ, под печатми нашими и с подписомъ руки мене, Марка Барановского. Писанъ у Киеве, року тисеча шестсотъ пятого, м-ца марца двадцать осмого дня.—Которое ж то очевистое сознане возныхъ енералных выш помененых до книгъ кгродскихъ киевскихъ ест записано, с которыхъ и сесь выписъ под печатю моею на то ест выданъ.

Писанъ у Киеве.

Андрей Суринъ, писар кгродский киевский.

Подлинникъ на бумагѣ съ именною печатью писаря А. Сурина.

II.

Листъ короля Сигизмунда III кіевскимъ мѣщанамъ съ приказаніемъ возвратить въ Софійскую церковь серебряный ковчегъ съ св. мощами. 1605 года, ноября 16.

Жикгимонтъ третий, Божю милостью король полский, великий князь литовский, руский, пруский, мазовецкий, жомоитьский, инфлянтский и шведский, кготский, вандалский дедичный король.

Славетнымъ войтови, бурмистрови, райцомъ, лавникомъ и всѣмъ мещаномъ места нашого Киева, вѣрне намъ милымъ, ласка наша королевская. Славетные, верне намъ милые! Далъ намъ справу в Бозе велебный отецъ Ипатей Потей, архиепископъ митрополитъ киевский, галицкий и всея Руси, ижъ дей неведат якимъ способомъ, если через выданье вамъ от которого попа незбожного, албо сами взяли есте з олтара в церъкви светое Софѣи катедралное, митрополии его, скрынку сребрную з реликвиями и костьми светыми и держите ее у себе на местцу непристойнымъ и такимъ святостюмъ незвыклымъ, на ратушу, а не хочете ее до церкви отдати, о што васъ не разъ упоминалъ протопопа киевъский и официалъ ксендза митрополитовъ, абысте ее з ратуша выдали и на местце светое положить допустили; але вы, ничого на тое не дбаючи, и до тых часовъ не хотели есте того удзялат. А прето росказуемо вамъ, под закладомъ на насъ, господаря, двема тисячъми копъ грошей литовских, абы есте тую скрынку сребрную з реликвиями светыми официялови ксендза митрополитовому, протопопи киевскому, отцу Ивану Мужиловскому до рукъ отдали и абы то в церкви Божой трвало конечне, иначей не чинячи. Писанъ у Кракове, року тисяча шестсотъ пятого, м-ца ноября осмогонадцат дня, а панованья кролевствъ наших: полского шестогонадцат, а шведского второгонадцат року.

Sigismundus Rex.

(Мѣсто печати).

Оригиналъ, писанный на бумажномъ листѣ, съ сюргучною печатью, хранится въ архивѣ Свят. Синода.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРІИ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Сообщилъ С. Т. Голубевъ.

I.

Грамота Сигизмунда I къ кіево-печерскому архимандриту Софронію, въ коей король, основываясь на часто доходившихъ до него слухахъ (жалобахъ кіево-печ. братіи), съ укоризною указываетъ на злоупотребленія, допускаемыя означеннымъ архимандритомъ при управленіи обителію и извѣщаетъ его о порученіи митрополиту Макарію произвести слѣдствіе по поводу этихъ злоупотребленій.

1541 г. іюля 13.

Żygmont, Bożą miłoscią Krol Polski, Wielkie Xiąze Litewski, Ruski, Pruski, Żmudzki, Mazowiecki, y inszych.

Archimandrycie monastera Przeczystey Bożey Matki Peczarskiemu Sofroniemu. Iż przedtym wiele razy przychodzili do nas te słuchy, że ty, będąc archimandrytą w tym monasterze Przeczystey Bożey Matki, niesprawniesz się tak, iakoby na twoią osobę duchowną przynależało, oto bowiem ty tam wiele rzeczey takowych, czego za przedtym, za pierwszych archimandrytow, nigdy nie bywało; nad to, że chwała Boża w cerkwi nie według dawnego obyczaiu idzie, starcom też, kryłoszanom y zasłupnikom, sługom y ludziom maietnosciey monasterskich od ciebie wielkie obciężliwosci się stanowią; przedtym kryłoszan po niekilku dziesiąt na kryłosach w Cerkwi bywało, a teraz po iednemu starcu na kryłosach stoi, y wszystkich tam pieszczernikow, kryłoszan y zasłupnikow, sług y ludziey monasterskich rozegnałes, czyniąc nad niemi ciężkosci niepomiarkowane, a insze y teraz poymani, w łancuchu okowani, w kazni twoiey siedzą, y gdy ktorego z nich złapasz, tedy takowych z mieysca nie wypuskasz aż pierwiey za wielkiemi trudnos-

ciami ku przysiędzy przywiedziesz na tym, aby się na ciebie Nam, Hosudaru, nie żałowali, y dla takich tez ciężkosciey ci starcy z tego monastera Pieczarskiego rozeszli się precz. Naypierwiey kryłoszanin Michał y Połatnik Bohdan, Harasim swiaszczennik, Alexi swiaszczennik, Kalist swiaszczennik, Bazyli, Jozef, Demian swiaszczennik, Tychon swiaszczennik, Jozef swiaszczennik, Anton swiaszczennik, Harasim, Josef y Awrami słupnicy, Nektary y Herasim klucznicy, z sług: Roman, Herman, Harasim, Jefrem, stroiciel bywszy, Filo(n), Miroha, Makari, Lazarz, Horasim powar, Auxenty, Arseni, Hermanko mały, Andryan swiaszczennik, starzec Sergii; a gdy ktory z nich, dla wielkiey ciężkosci twoiey, ze sług z monastera wyidzie, ty wszystką maietnosc ich do siebie zabierasz, mieniąc iżby to, iako odbiegłosc, na ciebie przychodziła, ktore też dochody z maietnosciey na monaster przychodzą, iako dań miodowa y groszowa, ... ryby, y inne rzeczy, ty to wszystko odsyłasz na Wołyń do dzieciey y do przyiacioł swoich, a tam w monastyrze dla potrzeby monastyrskiey nic nie zostawuiesz, gdzie indziey y miode posprzedawał, do tego ieżeli gdzie dla potrzeby swey z monasteru odiezdzasz, tedy odtąd xięgi, y srebro, cyne też y innych wiele rzeczy niektorych z sobą wywozisz, a to zas w całosci do monasteru nie przychodzi. A gdy też ktory zacny człowiek rodzicow swoich wpisuie w pomiennik, y na szto złoto albo srebro, także y insze rzeczy, żetony, na monaster daią, ty to wszystko na swoy pożytek bierzesz z monasterza, a insze do schowania posyłasz, a to by miało na trzy częsci rozdzielono bydz: tobie z kryłoszany, y zasłupnikami, y insi także maią nieznosne szkody temu monasterowi, y obciężliwosci y krzywdy wielkie starcom y poddanym tamecznym przez ciebie się stanowie, co nam dziwno iest, iż nie maiąc żadney bacznosci, naprzod na łaskę (naszą?) Krolewską, iż my cię obrawszy y postanowili na tym swiętym poważnym mieyscu, gdziebys miał się dobrze y bacznie na wszystko postępowac, a ty przeyzawszy obyczay y sprawę, starożytną, ktora się z dawnych czasow w tym Domu Bożym zachowuie, wiele rzeczey niesłusznych tam czynisz, co by z ciebie pochodzic nie miało, dla czego iuż ten monaster ku wielkiemu upadkowi y szkodzie przyszedł, czegobysmy nie radzi mieli, aby takowe mieysca poważne, a podania naszego Krolewskiego monastyry, do takowego nieporządku y niesprawnosci przychodzic mieli, y niechcąc iuz więcey tego, takowych obciężliwosci y żałob tych, ktore do nas przychod-

zą, tobie cierpiec, a chcąc z dowodow y rozsądku iawnego o takowe rzeczy wiadomosc naszą krolewską miec, pisalismy do metropolity I. M-ci Makarego, aby on tego między wami dopatrzył y, wysłuchawszy z obu stron rzeczey waszych, aby y nam wiedziec dał, a my iuż, wyrozumiawszy tego wszystkiego, z onym [postąpimy tak, iako?] będzie wola nasza krolewska; ieżeli bys na te rozkazanie nasze, przed metropolitą I. M-cią stac y tego się sprawic niechciał, wiedz pewnie, iz iuz ony monaster z rąk twoich wezmiemy, a damy temu, kto będzie według woli y rozkazania naszego Krolewskiego w tym sprawowac się. Pisan w Wilnie, w Roku Bożego Narodzenia tysiąc pięset czterdziesci pierwszego, miesiąca Jula trzynastego dnia, indicta czternastego.

(Съ копіи, хранящейся въ Архивѣ Греко-Уніат. митроп. при Св. Синодѣ, по прежнему каталогу, подъ № 607.—Означенною грамотою при своихъ работахъ пользовались: студентъ *Константинъ Малевичъ* въ сочиненіи: *Кіево-печерская Лавра въ XVI и въ началѣ XVII вѣка.* Вильна. 1878 г. стр. 18; Преосв. *Макарій* въ *Исторіи Рус. Церкви;* т. IX, стр. 276; и мы въ своемъ изслѣдованіи о *Кіев. митрополитѣ II. Могилѣ;* примѣч. къ докум. № 1).

Примѣч. Свѣдѣнія о кіево-печерскихъ архимандритахъ за XVI стол. (не говоримъ уже о болѣе раннемъ времени) не отличаются полнотою и обстоятельностію. Въ частности не много извѣстно и о *Софроніи*, столь сильно порицаемомъ въ помѣщенномъ нами документѣ. Въ *Описаніи Кіево-печерской Лавры* (изд. 2, стр. 141) говорится, что сей Софроній переведенъ изъ Дорогобужскаго монастыря около *1536 года,* при чемъ ближайшими его предмѣстниками считаются: *Іоакимъ*, поступившій на кіево-печерскую архимандрію *въ 1532 г.* изъ Выдубицкаго монастыря; *Геннадій*, упоминаемый около *1535 г.*; *Протасій II,* переведенный изъ Дорогобужскаго монастыря около того жъ *1535 г.*, и *Іоакинфъ*, братъ кіевскаго митрополита Макарія, *съ 1536 года.* Но мы имѣли уже случай замѣтить *(Кіев. митрополитъ П. Могила,* т. I, въ прилож. примѣч. къ докум. подъ № I), что извѣстные въ настоящее время документы не оправдываютъ (въ большинствѣ случаевъ) ни указанной хронологіи, ни даже самаго преемства нѣкоторыхъ изъ означенныхъ кіево-печерскихъ архимандритовъ; а теперь добавляемъ, что и самыя имена—по крайней мѣрѣ двухъ архимандритовъ—оказываются перепутанными. Такъ изъ королевской привилегіи, данной *8 февр. 1535 г.*, князю Юрью Семеновичу Слуцкому „на подаванье монасты-

ря печерского въ Кіевѣ на одну особу", видно, что въ то время кіево-печерскимъ архимандритомъ дѣйствительно былъ *Геннадій* [1]); но изъ другой королевской грамоты отъ *10 февраля 1536 г.*, явствуетъ, что онъ былъ не *преемникомъ*, а *предшественникомъ Іоакима*. Въ этой грамотѣ, между прочимъ, читаемъ: „Поведилъ предъ нами воевода виленскій, канцлеръ нашъ, староста Бельскій и Мозырскій, панъ Ольбрихтъ Мартиновичъ Кгаштольдъ, ижъ нареченый архимандритъ печерскій *Геннадій*, будучи въ хоробѣ, спустилъ тую архимандрию печерскую игумѣну монастыря Выдубѣцкого *Якимью* и на закладъ свой взялъ в него полтораста копъ грошей и жадалъ насъ панъ воевода за тымъ Якимъемъ, абыхмо его при томъ монастыри зоставили до живота его" (что король и *чинитъ*) [2]). Но вскорѣ, въ томъ же 1536 г. Іоакимъ умираетъ, и король своею грамотою отъ *15 генв. 1537 г.* отдаетъ кіево-печерскую архимандрію, по просьбѣ кіевскаго митрополита Макарія (подкрѣпленной ходатайствомъ королевы Боны), его брату *Пацку* [3]).

Что это за *Пацекъ?*

Намъ извѣстенъ доселѣ неизданный документъ—грамота короля Сигизмунда I, съ датою 1538 года, января 26, индикта 11, выданная по просьбѣ *кіево-печерскаго архимандрита Пафнутія* [4]). Прежде мы предполагали (Петръ Могила, I, 250), что этотъ *Пафнутій* и *Пацекъ* одно и тоже лице [5]), но кажется, отъ этого мнѣнія должно рѣшительно отказаться. Мы съ полною увѣренностію думаемъ, что уважаемый нами издатель королевской привилегіи на кіево-печерскую архимандрію (якобы) *Пацку* не вѣрно прочиталъ это имя: безъ сомнѣнія, въ подлинникѣ стоитъ *Яцку*, т. е. (въ переводѣ на русскій языкъ) *Іоакинфу*,—каковое чтеніе будетъ вполнѣ согласоваться и съ вышеприведеннымъ указаніемъ преосв. Евгенія относительно имени кіево-печерскаго архимандрита, *бывшаго братомъ кіевск. митрополиту Макарію*. Такимъ образомъ управленіе

---

[1]) Матеріалы для исторіи Кіевской Митрополіи. (Оттискъ изъ *Кіев. Епарх. Вѣд.* за 1873 г.) стр. 41.—Девятый индиктъ при этой грамотѣ ошибоченъ: въ февралѣ 1535 г. индиктъ *былъ 8-й*.

[2]) *Ibid.* стр. 42.

[3]) *Ibid.* стр. 42—43.

[4]) Архивъ Греко-уніат. митрополитовъ при Св. Синодѣ; по прежнему каталогу № 144.

[5]) Преосв. Макарій *(Истор. Рус. Церкви.* IX. 274) склоненъ былъ думать, что *Пацекъ* нужно читать (пореводить)—*Ипатій*. Авторъ *Кіево-печерской Лавры въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи* (Кіевъ. 1886 г.) высказываетъ предположеніе (стр. 105), что *Пацекъ* и *Иларіонъ I* (1551 г.) одно и тоже лице. Но это, очевидно, недосмотръ: забыта хронологія.

Яика (Іоакинфа) кіево-печерскою обителію было тоже не продолжительно и *Пафнутій* является новымъ лицемъ въ ряду кіево-печерскихъ архимандритовъ, ближайшихъ предшественниковъ Софронія.

Но въ числѣ этихъ предшественниковъ, гдѣ же помѣстить Протасія II, всѣми изслѣдователями о кіево-печерской Лаврѣ—со словъ преосв. Евгенія—относимаго ко времени *около 1535 г.?*

Думаемъ, что его слѣдуетъ вовсе вычеркнуть изъ каталога кіево-печерскихъ архимандритовъ, ибо имѣемъ твердое основаніе считать указаніе преосв. Евгенія на *Протасія II* не вѣрнымъ (скорѣе не точнымъ). Безъ сомнѣнія, имя этого архимандрита прочтено *ошибочно:* мы полагаемъ, что *Протасій II* и *Пафнутій—одно и тоже лице.* Представляемъ доказательства. У Преосв. Евгенія (а со словъ его и у другихъ) о Протасіѣ II дословно говорится слѣдующее: „переведенъ изъ Дорогобужскаго монастыря *около 1535 года.* Онъ получилъ граммату королевскую на волость *Зебровичи* и на таможенный сборъ-на-Днѣпрѣ; а самъ завѣщалъ Печерскому монастырю многія свои села и деревни въ Литовскомъ княжествѣ". Указанія эти, во всей ихъ полнотѣ, документально не могутъ быть провѣрены; но о болѣе опредѣленномъ и важнѣйшемъ изъ нихъ мы имѣемъ свѣдѣніе; именно мы знаемъ, *когда* и *благодаря чьимъ стараніямъ* имѣнье *Зебровичи* упрочено было за кіево-печерскою обителію. Упомянутая нами грамота, выданная королемъ Сигизмундомъ I, по просьбѣ архимандрита Пафнутія, 26 янв. 1538 г.,—есть именно грамота, трактующая объ означенномъ предметѣ. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ: „Bił nam czołem archimandrit Pieczarski Przeczystey Bożey Matki *z Kijowa Pachnuty* y kładł przed nami list sądowy woiewody Kijowskiego Hetmana naszego D[wor]nego, Dzierżawcy Swiętowskiego y Owruckiego Pana Andrea Jakubowicza Niemirowicza, w ktorym opisano iest, że on iemu skarzył się na dworzanina naszego kniazia Władzimirza Putywlskiego, że on na imenie cerkownię na imie *Zebrowiczc*, ktore starosta Czerkaski y Kaniewski niebozczyk pan Eustafi Daszkowicz na ten monaster Pieczarski zapisał, nasławchy mocno, gwałtem, ludzi pobił, y szkody y grabieży wielkie im uczynił. Kniaz Włodzimirz naprociwno temu powiedział, że te imienie własna oyczyzna y dziedzieczna iego y kiedy on z Moskwy wyszedł, tedy we wszystkie imienia niebożczyka oyca iego y u te imienie Zebrowicze za zoskazaniem naszym dworianin nasz kniaz Andrey Nieledynski iego uwiązał".... Далѣе слѣдуетъ изложеніе разбора означенной тяжбы, прекращенной заявленіемъ князя Путивльскаго объ уступкѣ имъ кіево-печерской обители спорнаго имѣнія *Зебровичи*, въ каковомъ смыслѣ кіевскимъ воеводою и составленъ былъ судовой листъ. Просьба архим. Пафнутія передъ Сигизмундомъ I состояла въ томъ, чтобы этотъ листъ былъ *утвержденъ его королевскою грамотою, и эта просьба архимандрита королемъ*

была уважена.—Такимъ образомъ, если примемъ во вниманіе, во 1) что Протасій II, въ званіи кіево-печерскаго архимандрита не упоминается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ доселѣ документовъ; 2) что его настоятельство въ кіево-печерской обители пріурочивается къ такому времени, когда мы документально знаемъ, что тамъ былъ архимандритомъ Геннадій; 3) что дѣяніе, приписываемое ему, совершено было архимандритомъ, посящимъ другое имя—имя *Пафнутія*, при чемъ послѣдній, теперь *документально* извѣстный, при перечнѣ кіево-печерскихъ архимандритовъ *вовсе опускается*,—принимая во вниманіе все это (а также вообще часто замѣчаемую неточность указаннаго труда преосв. Евгенія при изложеніи имъ свѣдѣній о кіево-печ. архимандритахъ), мы съ увѣренностію и отстаившемъ свое предположеніе о превращеніи *Пафнутія* въ *Протасія* [1]).

Пафнутій тоже не долго управлялъ кіево-печерскою обителію. Не позднѣе второй половины 1539 года архимандритомъ ея мы видимъ уже *Софронія*, сохранявшаго это званіе не далѣе начала 1542 года.

Но здѣсь опять приходится упомянуть о новомъ, доселѣ неизвѣстномъ кіево-печерскомъ архимандритѣ.

Существуетъ документъ съ датою отъ *4 декабря 1539 года* [2]): это судебное рѣшеніе по жалобѣ попа Подгородскаго святого Николы Притискаго и Васильевскаго *Якова Лызы* „о томъ, что отецъ архимандритъ Печерскій, игуменъ Михайловскій и намѣстникъ Софійскій черезъ старожи-

---

[1]) Что подобныя превращенія (ошибки при чтеніи документовъ) дѣло у насъ обычное, это провѣряющимъ изданные документы по подлинникамъ хорошо извѣстно. А къ чему можетъ приводить ошибочное чтеніе подлинниковъ см. (указываемъ для примѣра) нашу замѣтку по поводу реферата, читаннаго на III Археол. съѣздѣ о новыхъ якобы данныхъ относительно имени жены князя К. К. Острожскаго (Труды Кіев. Дух. Акад. 1877 г., № 9). Въ доказательство, какъ велики бываютъ разночтенія документовъ, изданныхъ по *одному и тому же списку*, укажемъ хотя одинъ примѣръ:

А. З. Р. П. № 231, стр. 398.	*Матер. для Исторіи Кіев. Митр. стр. 40.*
„и о пописованье скарбу церковного Пречистоѣ Богоматери и всихъ церквей окрестныхъ, *и о проводъ* и похованье тѣла мертвого“, и т. д.	„и о попысованье скарбу церковного пречистое Богоматере и всихъ церквей окрестныхъ *годоваго*, и о похованье тела мертвого“, и. т. д.

[2]) Главный Варшавскій Архивъ (Центральный бывшаго Царства Польскаго). Liber Tribunal. Palatin. Kijov., № 20, стр. 1133—1137. (Въ полномъ видѣ документъ будетъ помѣщенъ въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ нашихъ Матеріаловъ).—Упоминается Іосифъ Ревута, *какъ кіево-печерскій архимандритъ*, въ одномъ и изданномъ уже документѣ съ датою тоже отъ *начала декабря (2 ч.) 1539 г.* (Арх. Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, № XIV).

тные границы в землю святого Николы (ниву около *Скоморошекъ)* уступуются и кривды великие куничъникомъ Васильевскимъ делаютъ". Судъ для изслѣдованія по этому дѣлу выѣхалъ на означенную землю св. Николы Притискаго, при чемъ въ числѣ лицъ, приглашенныхъ судьями для точнаго опредѣленія границъ спорныхъ угодій, кромѣ кіево-михайловскаго игумена Сильвестра и Софійскаго намѣстника Василія Пацкевича, находился „Есифъ Ревута Архимандрытъ Печерскій". Такимъ образомъ, въ началѣ декабря 1539 года настоятельство въ кіево-печерскомъ монастырѣ принадлежало *Іосифу Ревутѣ,* который, слѣдовательно, является *занимавшимъ означенное мѣсто какъ-бы одновременно съ Софроніемъ.*—Какъ объяснить это обстоятельство?

Думаемъ, такъ.

Состояніе кіево-печерской обители за разсматриваемое время представляло печальную картину. На настоятельство въ этомъ, владѣвшемъ большими помѣстьями монастырѣ, смотрѣли какъ на доходную статью, какъ на средство *скорой* и *вѣрной наживы.* Поэтому архимандричьяго званія домогались (въ большинствѣ случаевъ) не лица, подготовленныя къ прохожденію высокихъ іерархическихъ обязанностей, а искатели богатства, исключительно занятые только мыслію объ извлеченіи наибольшей доходности съ церковныхъ имѣній. Правда, еще въ 1522 г. мы видимъ со стороны кіево-печерской братіи попытку упорядочить дѣла обители, завести въ ней „водле обычаю и закону Греческаго общину" и упрочить право выбора архимандрита безъ вмѣшательства свѣтской власти,—но попытка эта, не смотря на согласную съ желаніями братіи королевскую грамоту, не имѣла успѣха. Къ числу недостойныхъ,—вѣрнѣе—наиболѣе недостойныхъ кіево-печерскихъ архимандритовъ указаннаго времени принадлежалъ и *Софроній.* Въ грамотѣ короля (данной его преемнику по архимандріи Вассіану) говорится, что „онъ (Софроній) будучи въ томъ монастырѣ, не добрѣ ся справовалъ, старцамъ тамошнимъ великіе обтяжливости и шкоды чинилъ, и подданныхъ тежъ монастырскихъ кривдилъ и шкодилъ и всякіе доходы монастырскіе на свой пожитокъ привлащалъ, а на потребы церкви Божьи бачности не мѣлъ". (А. З. Р. П. № 216.) Кіево-печерская братія принесла жалобу на своего архимандрита кіевскому воеводѣ Андрею Якубовичу Немировичу. Послѣдній нашелъ обвиненія столь серьезными, что „монастырь вынялъ зъ моцы" Софронія, а самаго его „въ замку осадилъ". *(Кіев. митр. Петръ Могила,* прилож. № 1). Донося обо всемъ этомъ королю, воевода заявляетъ, что онъ поручилъ (временное) управленіе монастыремъ одному изъ кіево-печерскихъ братій *Геннадію Бодеши-чу.* Но архимандрія печерская была столь привлекательнымъ мѣстомъ, что устраненіе съ нея Софронія не могло не вызвать искательства со стороны

нѣкоторыхъ лицъ по возможности скорѣе занять его, да и монастырская братія, очевидно, не желала медлить съ избраніемъ новаго архимандрита на мѣсто нелюбимаго (а теперь заключеннаго) Софронія. Вотъ въ это-то время и былъ избранъ на архимандрію *Іосифъ Ревута*, который, впрочемъ, какъ не получившій королевской привилегіи, не былъ *полноправнымъ архимандритомъ*. Настоятельство Ревуты было не продолжительно. Король, по жалобѣ Софронія, освободилъ его изъ заключенія и онъ снова занялъ кіево-печерскую архимандрію. Но волненія въ обители не прекращались. Жалобы на Софронія къ королю слѣдовали одна за другою. Результатомъ этихъ жалобъ и было помѣщаемое нами рѣзкое письмо Сигизмунда I къ Софронію. Послѣднему на этотъ разъ не удалось оправдаться. Въ упомянутой грамотѣ короля, данной на кіево-печерскую архимандрію Вассіану, о Софроніи говорится, что онъ, „будучи при насъ господари въ нѣкоторыхъ *выступѣхъ своихъ знайденъ былъ*“, и „для его нерядное справы“ „тотъ монастырь Пречистоѣ Богоматере Печерское зъ рукъ его“ *взятъ*.

Можно было бы сдѣлать еще нѣсколько поправокъ и дополненій относительно кіево-печерскихъ архимандритовъ за первыя десятилѣтія XVI столѣтія. Но, оставляя это до другаго времени, теперь ограничимся слѣдующимъ замѣчаніемъ: кромѣ двухъ кіево-печерскихъ архимандритовъ первой половины XVI ст., не занесенныхъ въ каталоги, но упомянутыхъ нами въ изслѣдованіи о *Кіев. митр. Петрѣ Могилѣ* (I. 250)—*Гедеонѣ* и *Акепсимѣ* (въ рук. Ахіmij), какъ непосредственно слѣдовавшихъ за Антоніемъ,—къ числу означенныхъ архимандритовъ самаго начала XVI столѣтія, кажется, должно отнести еще нигдѣ неупоминаемаго *Ѳеодосія* (коего должно отличать отъ *Вониловича*).

Мнѣніе наше опирается на слѣдующихъ данныхъ и соображеніяхъ.

Въ кіево-печерской Лаврѣ сравнительно недавно отысканъ (считавшійся утереннымъ) древній помянникъ сей обители. Въ предисловіи къ нему довольно опредѣленно указывается время его составленія. Именно говорится, что въ то время, когда безбожный царь *Менкирѣ* съ поганы агаряны плѣнилъ Кіевъ, „пръвый поминникъ“ згорѣлъ, вмѣстѣ со многимъ церковнымъ имуществомъ. „Мы жъ—заявляетъ составитель—по днехъ нѣколикыхъ изъ ихъ поганьства изшедше и пакы начахомъ имена писати, ихже помняше, еже исперва написаны быша“. Нѣсколько ниже помѣщенъ уставъ относительно поминованія въ обители усопшихъ,—при чемъ составитель замѣчаетъ: „А сіи Уставъ написахомъ по повелѣнію господина отца нашего и пастыря архимандрита печерьскаго кѵръ Ѳеодосіа [на верху и на поляхъ красными чернилами и другою рукою: *Вониловича*] и еже о Христѣ брати старцевъ печерьскаго монастыря“.—Такимъ образомъ, означенный памянникъ началъ составляться съ конца XV столѣтія. Большая часть его пи-

сана уставомъ и одною рукою; затѣмъ слѣдуютъ позднѣйшія приписки. Въ начальныхъ отдѣлахъ помянника, между прочимъ, читаемъ: „*Архимандриты печерьскыи:* Іоанна. Азарію. Варсанофіа. Давыда. Авраама. Никифора. Игнатіа. Николоу. Макаріа. Їѡ. Іоасафа. Θеодосіа. *Филарета. Θеодосіа. Селивестра. Васіана*“. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что первыя 13 именъ (до Филарета включительно) писаны *одною рукою,* а послѣдніе три—*иными и притомъ разными.* Всѣ первые двѣнадцать кіево-печерскихъ настоятелей занесены преосв. Евгеніемъ (а вслѣдъ за нимъ и другими) въ каталоги и притомъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ перечисляются въ помянникѣ; въ послѣднемъ опущенъ только одинъ архимандритъ Никита, относимый къ 1399 г. и поставляемый между Авраміемъ (около 1396 г.) и НикифоромъI (1416—1434 гг.). Изъ послѣднихъ же четырехъ архимандритовъ изслѣдователи упоминаютъ только о трехъ — *Филаретѣ, Сильвестрѣ I* и *Вассіанѣ I,*—т. е., вслѣдъ за *Θеодосіемъ Войниловичемъ* ставятъ *Филарета,* а непосредственно за нимъ *Сильвестра I* и *Вассіана I.* Такимъ образомъ, Θеодосій, отличаемый въ помянникѣ отъ *Войниловича* и поставляемый здѣсь между Филаретомъ и Сильвестромъ, *опускается.*

Помянникъ, какъ видимъ, сообщаетъ намъ имя новаго, доселѣ неизвѣстнаго кіево-печерскаго архимандрита, съ приблизительнымъ обозначеніемъ времени, куда онъ долженъ быть относимъ,—и мы полагаемъ, что этому указанію помянника должно придавать значеніе *современнаго историческаго свидѣтельства.* Внимательное разсмотрѣніе помянника даетъ основаніе думать, что неизвѣстный его составитель, взявшійся за это дѣло по порученію архимандрита Θеодосія (Войниловича), продолжалъ оное и по возобновленіи сгорѣвшаго уписа, т. е. постепенно заносилъ въ синодикъ имена вновь преставлявшихся лицъ. Составитель пережилъ Θеодосія Войниловича и своевременно занесъ его въ помянникъ; пережилъ онъ и слѣдующаго архимандрита Филарета, тоже своевременно внесши его имя въ уписъ для поминовенія. Но—надо полагать—при преемникѣ Филарета онъ скончался и имя этого преемника (Θеодосія), равно какъ имена и двухъ слѣдовавшихъ за нимъ архимандритовъ, *Сильвестра* и *Вассіана,* своевременно занесены были въ помянникъ другими лицами. При такой постановкѣ вопроса (а иную трудно предположить) указаніе помянника—повторяемъ—получаетъ значеніе современнаго и притомъ *достовѣрнаго* историческаго свидѣтельства.—Слѣдуетъ, пожалуй, отмѣтить и тотъ фактъ, что составитель помянника, упоминая о своемъ трудѣ, какъ начатомъ по порученію Θеодосія, *не обозначаетъ* фамиліи послѣдняго: она выставляется противъ имени сего архимандрита чрезъ извѣстный промежутокъ времени. Является естественное предположеніе: не сдѣлана-ли означенная прибавка при *Θеодосіи II* (преемникѣ Филарета) и именно для отличія двухъ соименныхъ архимандритовъ?

II.

Привилегія, данная польскимъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ Виленскому Покровскому священнику Іоанну на кіево-печерскую архимандрію.

1546 г. іюля 28.

Żygimont Awhust, Bożiu miłostiu Korol y Weliki Kniaz. Czynim iawno sim Naszym listom. Bił nam czołom sweszczennik cerkwi swetoie Pokrowy u Wilni Jowan y prosił u Nas archimandryti monastyra Swetoie Preczystoie Peczerskoie u Kiiewe, kotoruiu od Nas derżał archimandryt Wasian y u tych czasow zmer, oczomżo y Woiewoda Wilenski, Derżawca Bobruyski y Borysowski, Pan Jan Juriewicz Hlebowicza y pry Jeho Miłosti Kniazi y Panowe y Zemiane Kiiewskii zakonu Hreczeskoho Nas o tom za nim żadali, y hodnost ieho na to opowedili; ino My na żadanie Pana Woiewody Jeho Miłosti Wilenskoho y na prozbu Kniazey, Panow y Zemian Kiiewskich zakonu Hreczeskoho y na czołombitie ieho z łaski Naszoie to wczynili, tot monastyr, archimandrytiu Swetoie Preczystoie Peczerskoie u Kiiewe onomu sweszczenniku Pokrowskomu Joanu dali so wsimi płaty, dochody, pożytki, imeni, seły y słuchami, ludmi cerkownymi, z danmi hroszowymi y medowymi y zo wsim po tomu, szto pered tym zdawna k onoy archimandryti monastyra Peczerskoho prysłuchało y prychożywało, y iak predki ieho, perwszyi archimandryty Peczerskii, to derżali, maiet on, buduczy na tom mestcu, za Nas Hospodara Boha prositi y w dełach czerkownych dobre sia sprawowati, y Nam Hospodaru weru y prawdu swoiu wo wsem zachowywati y wo wsem sia na tom mestcu tak raditi y sprawowati, iakoby było z Naszym Hospodarskim dobrym y zemskim pożytocznym, a bratiu czerncow onoho monastyra maiet on u poczestnosti meti y tak ich chowati, iako y za predkow ieho, perwszych archimandrytow, bywało, a bez prawa żadnoho z nich nemaiet karati y u wezenie sażati; ale kotoryi z nich w czom wystupit, ino s prawa duchownoho, wedle obyczaiu zakonu ich Hreczeskoho y dowodu słusznoho, maiet onyi winnosti swoieie wterpeti y karanie od neho za to pryniati, a bratia też czerncy maiut ieho, iako Otca y Pastyra swoieho, wo wsem u pocztiwosti derżati y posłuszenstwo k nemu me-

ti, iako zdawna bywało; a kotoryi dochod na połatnikow y kryłoszan, zastolpnikow, starcow y staryc u w onom monastyry z imeney cerkownych prychożywał, ino maiet on y teper z płatow y pożytkow imeney cerkownych i z Kryłosa za tot dochod ich dosyt im czyniti y to im społniati po dawnomu, kak budet y pered tym bywało; a szto też budet dochodu z cerkwi im prychożywało w to sia on nemaiet ustupowati y maiet to im oddawati; a ktomu on czerncow czużozemcow z Wołoch y z Moskwy nemaiet do toho monastyra pryimowati, odno (przy)byłcow z Panstwa Naszoho Kniazstwa Welikoho Litowskoho; a bez woli y wedomosti Naszoie Hospodarskoie y Woiewody tamoszneho nemaiet on do Moskwy po dan, ani po żadnuiu inszuiu recz posyłati; a szto sia tknet Panow Woiewod Kiiewskich, ino nemaiut Panowe Woiewody ieho niwczom zniżati y w imenia, płaty y wsi pożytki monastyrskiie y sprawy cerkownyie niczym sia ustupowati y żadnych wiezdow do monastyra meti, lecz tolko wodle Priwilia Korola Jeho Miłosti Pana otca Naszoho, archimandrytom Peczerskim y wsey Brati onoho manastyra danoho, maiut Panowe Woiewody Kiiewski tolko raz abo dwa na wroczystyi swiato na hod do toho monastyra wieżdczati koli ieho sami pozowut archimandryt y starcy, maiut ieho odnoho czestowati, a darow nikotorych niemaiut iemu dawati, a bolszy toho Woiewodowe w tot monastyr nemaiut ieżdczati, y maiet Pan Woiewoda Kiiewski y Kniazi y Panowe y Zemiane Kiiewskii wo wsem u poczciwosti ieho derżati, iako y predkow ieho perwszych archimandrytow Peczerskich, a My tez nemaiem ieho z onoho monastyra ruszati y nikomu toie archimandryti Peczerskoie pod nim dawati aż do ieho żywota, gdy sia on w tych reczach, wyszey menenych, wodle toho listu Naszoho zachowaiet. I na to dali iesmo iemu sei Nasz list, do kotoroho y peczat Naszu kazali prywesiti. Pisan u Wilni, pod Let Bożeho Narożenia 1546, meseca Jiul 28 den. Indykt 4.

(Копія *Метрики Вел. Княж. Литовскаго*, хранящаяся въ Главномъ Варшавск. Архивѣ—Центральномъ бывш. Царства Польскаго; № книги 61, л. 288.—Очевидно, подлинникъ грамоты писанъ былъ на западно-русскомъ нарѣчіи и копистъ буквально воспроизвелъ ея текстъ польскими буквами).

Примѣч. Іоаннъ, бывшій Покровскій Виленскій священникъ, во всѣхъ перечняхъ кіево-печерскихъ архимандритовъ не обозначается. Правда, преосв. Макарію извѣстна была дарственная запись[1]) Іоанна Матѳеевича Покровской Виленской церкви, гдѣ онъ называетъ себя *бывшимъ* іеремъ сей церкви, а „теперь" (2 авг. 1546 г.,—время составленія записи) „волею Божею нареченнымъ архимандритомъ пречестныя Лавры Пречистыя Богороца Печерскыя"; но преосв. Макарій предполагалъ (*Истор. Рус. Церкви*, IX, 277), что этотъ Іоаннъ и извѣстный кіево-печерскій архимандритъ *Иларіонъ*, при которомъ возобновлено было общежитіе въ Лаврѣ, есть одно и тоже лице,—т. е., *Іоаннъ*—это мірское имя упомянутаго лица, а *Иларіонъ*—принятое имъ при вступленіи въ монашество. Мы въ своемъ сочиненіи о *Кіев. митрополитѣ П. Могилѣ* (I. 248, 251) не смѣшивали этихъ двухъ архимандритовъ, считая Іоанна Покровскаго Виленскаго *непосредственнымъ предшественникамъ* Иларіона I, но, основываясь на двухъ однородныхъ рукописныхъ замѣткахъ, не совсѣмъ вѣрно понятыхъ, ограничили время настоятельства Іоаннова однимъ 1550-мъ годомъ.—Помѣщаемая нами грамота точно обозначаетъ *начало настоятельства* (оффиціальное утвержденіе на ономъ) Іоанна Матѳеевича въ кіево-печерской обители; что же касается до упомянутыхъ рукописныхъ замѣтокъ, то они, опредѣленно указывая на время его удаленія съ архимандріи, вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ несомнѣнное свидѣтельство, что этотъ архимандритъ есть лице, отличное отъ Иларіона I.

Достаточно провести одну изъ этихъ замѣтокъ[2]).

Въ рукописной книгѣ, хранящейся въ Кіево-Выдубецкомъ монастырѣ, помѣщенъ, между прочимъ, перечень нѣкоторыхъ документовъ и королевскихъ грамотъ, выданныхъ (преимущественно) кіево-печерской обители. Здѣсь при обозначеніи содержанія „привилеовъ королевскихъ" подъ № 7 читаемъ: „Привилей Короля Жикгмонта Августа въ Краковѣ ноеврія ѕі҃ ҂афн року съ подписомъ руки самого короля Его Мил. и Комаровскаго, секретаря Кор. Мил., которымъ привилеемъ король Августъ привѣлиовалъ Иоанна Покровскаго Виленского на Архимандрицтво, черезъ него до короля Августа мимо волное изобране одержаный, зноситъ, а Архимандрицтво Печерское Іларіону, черезъ *чернцовъ* и обывателей земли кіевской згодне,

---

[1]) Напеч. въ *Археогр. Сборн. документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-зап. Руси*, т. 6, № 25. Въ оглавленіи эта запись не точно названа *духовнымъ завѣщаніемъ*.

[2]) Другая замѣтка есть буквальный переводъ на польскій языкъ помѣщаемой нами замѣтки. Польс. замѣтку (въ сокращенномъ видѣ и съ опечаткою въ мѣсяцѣ) см. въ нашемъ сочиненіи—*Кіев. митроп. Петръ Могила* (I. 248—249).

подлугъ привилею, монастыреви тому отъ короля Жикгимонта стараго наданаго, па Архимандрицтво Печерское избраному, подтверждаетъ".

III.

Духовное завѣщаніе луцкаго и острожскаго епископа Ѳеодосія Гулевича.

1555 г. ноября 16.

Воймя Божъе стався. Я, Феодосей, владыка Луцкий и Острозкий, ознаймую и чиню явно тым моим листомъ, хто на него посмотрит, або чтучи его услышитъ, нинешним и на потом будучим, кому будет потреб того ведати, ижъ будучи мне у хоробе моей еще за целого розума и за доброе памети моее, а розумеючи то, ижъ каждому чоловеку нѣт на свете ничого певнейшого, яко час смертный, ижъ ест речъ прироженая, хотечи то за живота своего мети и на том тастаменте моемъ упевнити, абы приятели и сынове мои по животѣ моемъ, кгды пан Богъ с того света душу мою збереть, во всем так чинили и справовали, яко будет на том тестаменти моем нижей описано, ни в чомъ его не нарушаючи и не отступуючи, еднося такъ кажный з детей моих мает заховати, яко ест остатняя воля моя. Напервей поручаю душу мою Богу Сотворителю во Тройцы Единому, и зятю моему пану Гаврилу Василевичу Бокею а сыну моему милому Григорю Гулевичу, тымъ есми росказалъ по души моей паметку чинити и обыходы церковные, подле закону светого хрестянского, дѣлати. Тѣло мое грешное ма быт положоно у притвори Благовесценя Господня, который предѣлъ у церкви соборной светого Иоанна Богослова в замку Луцъком. На упис вечистый и на сорокоустъ годовый на церковъ соборную светого Иоанна Богослова маетъ дано быти десетъ копъ грошей, на манастыр светого Спаса а на манастыр светое Пречистое по две копе грошей, а на манастыр светого Василя в Луцъку копу грошей, на церковъ светого чудотворца Христова Николы къ манастыру Жидичинскому пят копъ грошей, на церковъ святого Михайла в Рожищох дати вола, а на церков Чесного Креста в Теремном дати вола, на церковъ Благовесченя Пречистое в Полоной дати вола; тые волы на тые церкви мают даны быти с тых дворов, где тые цер-

кви Божи сутъ. А што се дотычет маетности моее, речей рухомых и долгу того, который маю у князя Константина его мил. Константиновича Острозкого, маршалка Волынское земли, старосты Володимерского, чотырох сот копах грошей, в которой суме пнезей заставил ми его мил. имене свое Тороканово под Дубном а двѣ селѣ Вербча у волости Степанской, на которую заставу и листы его милости записные в себе есми мѣлъ. Ино я тую суму, вышей описаную, сыном моимъ Григорю, Михайлу, Роману, Василю Гулевичомъ за служъбы ихъ, которие они противко мене, отца своего, подле воли моее поволне показовали, дал и даровалъ, и тые именя заставные, вышей помененые, имъ поступил, и листы записные, которые есми от князя Константѣтина его милости на то мелъ, имъ есми отдал, то естъ имъ чотыромъ по сту копъ грошей литовское личъбы. Сыну моему Григорю шата моя отласовая чорная, кунами подшита, а крижъ золотый з ланцухом золотым; а сыну моему Михайлови шуба моя адамашки чорное, брушками лисими подшита, а еванъгелие мое, на обе стороне сребром оправное, позлотистое, а детемъ его десетъ ложокъ сребрных; а сыну моему Роману шата моя табину чорного, сиберками подшита, а внуку моему, сыну его Демяну, ланъцушокъ золотый, в котором важит дванадцат золотыхъ; а сыну моему Василю адамашки чирвоное тринадъцат локот на шату, а дванадцат локот отласу на золоти. И што тежъ есми на тот час мѣлъ грошей готовых двесте и двадцат копъ грошей литовское личбы: с тых пензей дал есми зятю моему милому пану Гаврилу Василевичу Бокею и цорце моеи Мари сто копъ грошей литовских, а запона великая венацкое роботы, а три коберци солъгацких; а братанне моей паней Лучиной Черневской паней Овдоти Михайловне петнадцат копъ грошей литовских, три волы, а три коровы; а слугам моим Василю Рогачовъскому мает быти дано десет копъ грошей; а што тежъ первей дал есми ему у дворе моем церковном Полонскомъ двесте копъ жита, которого онъ еще с того гумна ничого не побрал, тое жито и тепер он мает къ своим рукам, яко свое властное, взяти, нихто ему того боронити не мает; а служебнику моему Федору Павловичу Мезоцъкому мает дано быти десет копъ грошей; а служебникомъ моим маетъ быти роздано десѣт копъ грошей водле заслуги их, яко будутъ розумети зят мой пан Гаврило Бокей и сынъ мой Григорей; а хлопятом моим: Кордышу две копе грошей,

Степанкови, Баранови, Мокренскому, Гордыни, тым по копе грошей; духовнику моему игумену Жидичинскому отцу Никанъдру мает дано быти три копы грошей. А к тому тот кубокъ сребреный позлотистый з накрывкою, который мелъ есми от князя Костянтина его мил., и сребра, што ест неробленого три гривны, шуба голая завыйковая и шубка брушковая лисяя, фурстатомъ крытая, и тежъ цын, мед, ковры солгацкие, кони ездные, возники, иле их естъ, быдло рогатое и што колвекъ мело бы се найти речей рухомых, то все даю сыном моим Григорю, Михайлу, Роману, Василю, тымъ чотыром, маютъ то они кажную речъ од мала и до велика, ровно розделити. Што се дотычет именей моих отчизных и купли моее именъя Радошина, которое есми купилъ на вечност, оставую всим сыномъ моимъ Григорю, Михайлу, Роману, Василю и Янушу, которая отчизна и купля моя ни въ чомъ, никому не заведена; нижли што ся ткнет золота, серебра, шат, коней, быдла и грошей готовых и иных всяких рухомых речей, яко сут вышъше описано в симъ тастаменте моемъ, до тых речей рухомых Янушъ Гулевичъ, сынъ мой, ни которого дѣла и приступу у права мети не маетъ. А што есми виненъ жиду Луцъкому Батку Мисановичу двадъцатъ копъ и две копе грошей, который долгъ мой в реестръ его рукою своею есми написал, то маетъ с тых же грошей готовыхъ ему быти заплачено. А меды прѣсные, мяса в бочках солоные и старые, и мед кислый, тымъ всимъ поручил есми обходы и памет чинити по души моей сыну моему Григорю и зятю моему пану Гаврилу Бокию, до того вже никоторый сынъ мой ани хто с приятелей моихъ жадного уступу мети не маютъ. Которые тежъ дворы мои церковные сынове и служебники мои на выхованъе од мене мели, с тых дворовъ я самъ платы грошовые и дани медовые на себе биралъ, с чого вже сыновe и служебники мои никому личъбы давати и справоватисе невинъни. А корчмы пивные и медовые, которые есми оранъдовалъ по именъяхъ моихъ церковныхъ, тые корчмиты водълугъ арендъ моихъ вживати корчмъ маютъ. И на твердостъ того тестаменъту моего и печат есми свою к нему приложилъ и просилъ есми его милости велможъного кнежати князя Костентина Костентиновича Острозъского, маршалка Волынское земли, старосты Володимерского, а пана Петра Ивановича Чаплича Шпановъского, суди повету Луцъкого, а пана Яро[фе]я Гостского, а пана Юхна Стряковъского, которые

панове их милост за прозъбою моею печати свое приложили к сему моему тестаменту. Писанъ в Тороканове под лѣт Божего народженя тисеча пятъсотъ пятдесятъ пятый, м—ца ноября шестогонадцатъ дня. [У того тестаменъту печатей притисненыхъ пятъ].

(Изъ земск. луцкой книги, хранящейся въ Кіев. Центр. Архивѣ подъ № 2833; л. 740—743).

Примѣч. 1) Свѣдѣнія о луцкихъ и острожскихъ епископахъ, со времени раздѣленія митрополіи до 60-хъ годовъ XVI столѣтія, крайне скудны, вслѣдствіе чего въ церковно-историческихъ трудахъ, гдѣ рѣчь касается сихъ владыкъ, встрѣчается много сбивчиваго, неопрѣдѣленнаго, неточнаго.—Въ частности, немного извѣстно и о луцкомъ епископѣ Ѳеодосіи Гулевичѣ, духовное завѣщаніе котораго мы помѣщаемъ.

Въ своей *Исторіи Кіев. Духов. Академіи* (вып. I. 131—132) мы говорили, что означенный Ѳеодосій (родной дѣдъ извѣстной фундаторши кіево-братскаго монастыря Елизаветы Гулевичевны) „не предназначалъ себя съ юныхъ лѣтъ къ духовному званію: состоялъ первоначально на государственной службѣ, былъ женатъ, имѣлъ довольно многочисленное семейство и только овдовѣвши въ болѣе или менѣе преклонныхъ лѣтахъ перемѣнилъ свѣтскую одежду на святительскую мантію,—что въ разсматриваемое время, въ средѣ южно-русской аристократіи, было явленіемъ обычнымъ, заурядным“.—Свѣтское имя Ѳеодосія было *Ѳеодоръ*.—Въ составленномъ *1 мая 1528* спискѣ дворянъ земли Волынской съ обозначеніемъ, сколько каждый изъ нихъ обязанъ былъ выставить вооруженныхъ воиновъ, между прочимъ, читаемъ: „панъ Михаилъ Гулевичъ—три кони“; „панъ Федоръ Гулевичъ—чотыри кони“ [1]). Послѣдній, по всей вѣроятности, и есть нашъ Ѳеодоръ (=Ѳеодосій) Гулевичъ. Указаніе на занятіе имъ какой-то общественной должности находится въ одномъ изъ тоговременныхъ актовъ, гдѣ сынъ нашего епископа Григорій Ѳеодоровичъ Гулевичъ, между прочимъ, выражается, что „подворе в Луцку надъ ровомъ“, доставшееся ему по раздѣлу „на полу“ съ братомъ Михаиломъ, есть „*выслуга отца нашого*“ [2]).— Вступленіе Ѳеодосія Гулевича на луцкую епископію должно быть относимо ко времени не ранѣе *1540 года* и не позднѣе слѣдующаго—1541-го. Подъ

---

[1]) Акты, изд. Виленс. Археогр. Ком. т. XIII, стр. 19 и 21.

[2]) Луцкая град., запис., поточ. и декретовая кн. 1564 г., хранящаяся въ *Кіев. Центр. Архивѣ* подъ № 2038. (л. 28 об.).

присяжною грамотою галицко-русскаго, львовскаго и подольскаго епископа Макарія Тучапскаго кіевскому митрополиту Макарію,—датированною *22-мъ февраля 1540 г.*,—мы, между прочими, подписями встрѣчаемъ и подпись *Арсенія, епископа луцкаго и острожскаго* (А. З. Р. Ш. № 201). Но въ грамотѣ короля Августа, писанной въ слѣдующемъ 1541 году къ нѣкоему Турчановичу по поводу обидъ, чинимыхъ церковному имѣнію *Буще* (Buszcza), съ титломъ епископа луцкаго и острожскаго упоминается уже *Θеодосій Гулевичъ. (Арх. Тригурс. мон.).*

Нѣкоторые доселѣ обнародованные документы немного представляютъ данныхъ для характеристики дѣятельности Θеодосія Гулевича во время управленія его луцкою епископіею. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ октябрѣ 1545 г. онъ принималъ участіе въ назначенной королемъ коммисіи для разсмотрѣнія жалобы архимандрита Жидичинскаго монастыря Макарія на князя Масальскаго о присвоеніи послѣднимъ монастырскихъ земель и нанесеніи другихъ обидъ монастырю (Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. VI, № XIX); что въ іюлѣ 1547 г. имъ полученъ былъ отъ короля листъ съ запрещеніемъ посылать своихъ слугъ для сбора серебщизны въ имѣніяхъ Жидичинскаго монастыря, такъ какъ—по давнему обычаю—это право принадлежало архимандритамъ означенной обители (Ibid. № XXI); что въ февралѣ 1548 г. ему сдѣлано было кіев. митрополитомъ Макаріемъ внушеніе—не воспрещать бывшему Воскресенскому луцкому священнику отправленія службъ въ церкви Клеванской, находившейся въ имѣніи князя Чарторыйскаго. (А. З. Р. Ш. № 7).

Въ неизданныхъ доселѣ документахъ, касающихся Θеодосія, находятся нѣкоторыя указанія на тяжбы, веденныя имъ съ разными лицами (упомянутымъ Турчановичемъ, Малиновскимъ) по поводу ихъ нападеній на имѣнія, принадлежавшія луцкой епископіи. Узнаемъ также, что небезупреченъ былъ и самъ Θеодосій въ общемъ недугѣ того времени—желаніи захватить чужое: есть жалобы на него за нападеніе на луцкій Васильевскій монастырь и присвоеніе помѣстій послѣдняго. (*Архивъ Тригур. монастыря;* отчасти—*Sprawy y dyspositie władyctwa Łuckiego pod Ostrogem*, въ *библ. Кіев. Дух. Ак.*, № 476—Муз.)

М. А. Максимовичъ сообщаетъ, что Θеодосій Гулевичъ „возобновилъ своимъ иждивеніемъ древнюю церковь св. Димитрія, которая долго послѣ того считалась принадлежащею дому Гулевичей". *(Собран. сочиненій.* II. 174). Авторъ не указываетъ источника, откуда онъ заимствовалъ это свѣдѣніе; но, кажется, оно должно быть принято съ нѣкоторою *поправкою*. Мы не отрицаемъ, что Θеодосій Гулевичъ своимъ иждивеніемъ могъ возобновить означенную церковь, и имѣемъ неоспоримыя данныя, что она считалась принадлежащею фамиліи Гулевичей: была ихъ *родовою церко-*

вію[1]). Но мы думаемъ, что послѣднее могло быть не *слѣдствіемъ* возобновленія Дмитріевской церкви Ѳеодосіемъ, а *причиною:* этотъ епископъ потому и заботился о сей церкви, что она была его собственностію. Мы уже сказали, что Ѳеодосію (Ѳеодору) Гулевичу за его „выслугу" дано было (королемъ) *подворье въ Луцкѣ*, при чемъ вмѣстѣ съ правами на оное, очевидно, переданы были права и на находившую здѣсь „церковь мурованую заложеня святого Дмитра". Такимъ образомъ, Ѳеодосій Гулевичъ былъ *патрономъ* этой церкви, что́ *вовсе не имѣло отношенія къ его епископскому сану.* Мы считаемъ нужнымъ отмѣтить этотъ фактъ въ особенности потому, что имъ объясняется дальнѣйшая печальная судьба Дмитріевской церкви.

Въ концѣ XVI и началѣ XVII стол., во время оживленной религіозной борьбы, вызванной въ юго-зап. Руси преимущественно пропагандою католицизма и уніи, многовѣтвистая фамилія Гулевичей (Воютинскихъ, Дрозденскихъ, Поддубецкихъ, Перекальскихъ, Букоемскихъ и просто Гулевичей) не оставалась безучастною къ означенной борьбѣ. При этомъ не всѣхъ Гулевичей мы видимъ въ одномъ и томъ же лагерѣ: въ данномъ случаѣ мы замѣчаемъ въ сей фамиліи какъ-бы два противоположныя теченія. Съ одной стороны, мы видимъ ревнителей православія, твердо державшихся праотцевской вѣры, борцевъ за нея. Къ такимъ лицамъ, принадлежали, между прочимъ: *Демьянъ Романовичъ Гулевичъ*, присутствовавшій на извѣстномъ брестскомъ (православномъ) соборѣ 1596 г., осудившемъ отступниковъ владыкъ и вообще унію; *Иванъ, Романъ и Петръ Гулевичи*, члены луцкаго братства; *Вацлавъ, Ѳедоръ и Яцко Гулевичи-Воютинскіе*, тоже члены означеннаго братства, (*Памятники Кіев. Комм.* I, отд. I, № 5, стр. 12, № 31, стр. 222); *Андрей и Юрій Гулевичи*—члены учредители люблинскаго братства (*Арх. Юго-Зап. Россіи* ч. II, т. 4, стр. 38—39); извѣстная *Елизавета Гулевичевна Лозкина*, фундаторша кіево-братскаго монастыря; *Петроній Гулевичъ Воютинскій*—архимандритъ Почаевскаго монастыря (Арх. Ю. Р. ч. I, т. VI, № CLXXV); Сильвестръ (въ мірѣ Семенъ) Гулевичъ-Воютинскій, епископъ Перемышльскій[2]), и многіе другіе.

---

[1]) Въ одномъ документѣ (отъ 25 апрѣля 1571 г.) войскій Владимірскій Василій Гулевичъ, *сынъ* епископа Ѳеодосія, заявляетъ: „ижъ дей ку великой а пилной потребе моей взял и позычыл и руками своими отличилъ у пана Демьяна Стефановича, *попа церкви нашое отчизное Дмитровского, протопопа луцкого*, осмъдесят копъ и чотыри копы грошей личбы литовское". (*Кіев. Центр. Архивъ*, № кн. 2145; л. 118).—Другія цитаты см. ниже.

[2]) Въ привилегіи короля, данной Семену Гулевичу-Воютинскому на Перемышльскую епископію (*Кіев. Центр. Арх. № кн. 2150; л. 738 об.*), король называетъ луцкаго епископа Ѳеодосія *дѣдомъ* Симеона (dziad iego). Но Симеонъ Гулевичъ-Воютинскій, сынъ земскаго луцкаго подсудка Михаила Гулевича-Воютинскаго, былъ, по всей вѣроятности, внукомъ Ѳеодосію *двоюроднымъ*.

Но не всѣ Гулевичи оставались вѣрными праотцевской вѣрѣ. Все болѣе и болѣе усиливающаяся пропаганда католицизма по временамъ перетягивала въ свой лагерь нѣкоторыхъ членовъ и этой „родовитой“ фамиліи. Въ актахъ того времени встрѣчаются и такія духовныя завѣщанія Гулевичей, гдѣ говорится о разныхъ ихъ пожертвованіяхъ въ пользу католическаго духовенства и дѣлаются распоряженія, чтобы бренные останки жертвователей были *„pochowany w kosciele Nayswiętszey Panny Maryi u oycow Dominikanow“* (см., напр., *Кіев. Центр. Арх.* книгу подъ № 2132, л. 242). Къ числу такихъ окатоличенныхъ (и ополяченныхъ) лицъ изъ означенной фамиліи принадлежалъ въ первой половинѣ XVII стол. и Димитрій Гулевичъ, *которому по наслѣдству перешли права на упомянутую нами церковь св. Димитрія въ г. Луцкѣ.*

Димитрій Гулевичъ приходился *роднымъ правнукомъ* епископу Ѳеодосію, внукомъ младшему сыну послѣдняго *Василію Ѳедоровичу Гулевичу* и сыномъ—*Андрею Васильевичу Гулевичу* отъ его брака съ *Раиною*, дочерью брацлавскаго каштеляна и луцкаго старосты Александра Семашка [1]). Послѣ смерти отца *Димитрій Андреевичъ Гулевичъ*, какъ единственный *сынъ*,—по крайней мѣрѣ, *единственный* оставшійся въ живыхъ,—получилъ бо́льшую часть принадлежавшихъ Андрею Васильевичу помѣстій, такъ какъ почти всѣ дочери послѣдняго (а сестры Димитрія), за исключеніемъ только одной, *„панны Галшки“*, были уже пристроены; именно, находились въ замужествѣ: *Александра*—за Матвѣемъ Чарлинскимъ, *Полонія*—за Яномъ Гораіномъ и *Анастасія*—за княземъ Василіемъ Масальскимъ. *(Кіев. Центр. Арх., № кн. 2124; л. 580 об.).*

Димитрій Андреевичъ и его незамужняя сестра во время смерти отца не достигли еще совершеннолѣтія и надъ ними учреждена была опека, состоявшая изъ родственниковъ покойнаго Андрея Гулевича. Около 1621 года Димитрій достигъ совершеннолѣтія и въ слѣдующемъ году отправился (кажется, по совѣту своихъ бывшихъ опекуновъ) „до турецкое земли“, примкнувъ къ отправлявшемуся тогда посольству во главѣ съ княземъ Збаражскимъ. *(Кіев. Центр. Арх. кн. подъ № 2133, л. 655).* Въ 1623 г. мы видимъ Димитрія Гулевича возвратившимся на родину, а *29 августа того-же года* уже вступающимъ, подъ именемъ *Ипполита*, „do zakonu kaznodziejskiego Dominika swiętego klasztoru Naswiętszey Panny Maryi Łuckiego“. *(Ibid. № кн. 2133, л. 227 об.).* Завлекши въ свой орденъ главнаго наслѣдника богатыхъ помѣстій, Доминикане, разумѣется, не замедлили

---

[1]) Указанія на документальныя данныя въ подтвержденіе приведенной генеалогіи см. въ I вып. нашей *Исторіи Кіев. Дух. Академіи* (стр. 135—136).

воспользоваться богатствомъ своего новаго собрата. 2 октября того-же 1623 г. Ипполитъ Гулевичъ предоставляетъ пріору означеннаго кляштора и всей братіи полномочіе на веденіе дѣлъ по своему имуществу *(Ibid.)*, а спустя недѣлю, 9 октября, и окончательно передаетъ оное въ полное распоряженіе луцкихъ Доминиканъ. При этомъ, подробно перечисляя даруемыя помѣстья (село Коршовецъ, фольваркъ и село Вербяевъ, фольваркъ и село Полгановъ), Гулевичъ въ число ихъ включаетъ „такъ же и дворъ в замку луцъкомъ околномъ *зъ церковою мурованою Святого Дмитра*, з мурованемъ, будованемъ и грунтами и всими принадлежностями и пожитками, жадныхъ пожитковъ и приналежностей въ тых маетностях *и дворе и церкве*, въ замку луцкомъ будучих, собе, а ни сестрамъ рожонымъ, а ни брати, кревным, близким и повиннымъ . . не зоставуючи, яко се тые помененые маетности *и двор з церквою* з стародавна в своих границах, обходех и уживаню маютъ". *(Ibid. № кн. 2133, л. 235—237* [1]).

Переходъ значительныхъ помѣстій изъ фамиліи Гулевичей не обошолся безъ протестовъ со стороны лицъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ,— и первѣе всего ближайшихъ родственниковъ Ипполита. Но дѣла съ ними, благодаря нѣкоторымъ денежнымъ сдѣлкамъ, Доминиканами въ значительной степени были улажены. *(Кіев. Центр. Арх., кн. подъ № 2139, л. 933—935).* Бо́льшія споры возбуждала передача Доминиканскому кляштору церкви св. Димитрія съ принадлежащими ей угодьями. Хотя до указанной передачи въ церкви этой отправлялось богослуженіе *православными священниками* (Памят. Кіев. Ком. т. I, отд. I, стр. 1), тѣмъ не менѣе заявилъ притязаніе на нее луцкій *уніатскій* епископъ Іеремія Почаповскій. Разумѣется, главнымъ образомъ, онъ домогался угодій Дмитріевской церкви, такъ какъ все цѣнное [„злото, сребро, келихи, крижы, антиминсы, сосуды, аппараты, орнаты, ризы, евангелія коштовне оправные", и проч.] было заблаговременно забрано изъ нея новыми ея *патронами. (Арх. Юго-Зап. Россіи* ч. I, т. VI. №№ CCXXIII—CCXXIV). Любельскимъ трибуналомъ въ 1628 г. искъ уніатскаго епископа признанъ былъ неправильнымъ,— что́ однако не прекратило тяжбы, длившейся до конца прошлаго столѣтія *(Kuck starożytny i dzisiejszy. T. I. Steckiego.* 1876 r. str. 200). Но, безъ сомнѣнія, прискорбнѣе всего было для *православныхъ*, что храмъ, столько столѣтій принадлежавшій ихъ вѣроисповѣданію, перешелъ въ руки иновѣрцевъ,—и мы видимъ попытки со стороны ревнителей *благочестія* отоб-

[1]) Кромѣ того Ипполитомъ Гулевичемъ переданы были Доминиканамъ права и на другія довольно многочисленныя имѣнія, которыя не находились въ его владѣніи, но на которыя онъ заявлялъ притязанія (т. н. *спорныя* имѣнія).

рать его отъ Доминиканъ. Въ инструкціи Волынскимъ посламъ, отправлявшимся на конвокаціонный сеймъ послѣ смерти Сигизмунда III († 1632), между прочимъ, читаемъ: „Cierkiew w zamku Łuckim świętego Dmitra zdawna od Panów Hulewiczów fundowana y, aby przy domu ych na wieky podawanie do tey cerkwi swiesczennika, pod posłuszenstwiem patriarchi Konstantinopolskiego będącego, zostawało, warowana, a teraz swieżo per vim iest odięta y spustoszona, w czym sie y nabożeństwu Greckiemu y domowi Panów Hulewiczów wielkie praeiudicium dzieie, o czym, prolixitatem vitando, Panom posłom, tego wiadomym, zlecamy, aby dostateczne to przyłożyli, i żeby ta cerkiew, ze wszystkim, co iey należy, gdyż żadnych dóbr s którychby pożytek iść miał, nie masz, domowi *Panów Hulewiczów, nie w unii będących*, sprawili". (*Арх. Юго-Зап. Рос.* ч. II, т. I, № XVI, стр. 189—190).—Тоже самое желаніе высказывается и въ извѣстномъ *Laudum*'ѣ Woiewodstwa Wołyńskiego отъ 29 авг. 1632 г. (Ibid. № XVII, стр. 204)....

Чуствуемъ, что не въ мѣру разростается наше примѣчаніе, но считаемъ небезполезнымъ сдѣлать еще посильныя разъясненія относительно ближайшихъ преемниковъ Ѳеодосія Гулевича по луцкой и острожской епископіи.

Духовное завѣщаніе Ѳеодосія Гулевича подписано было имъ *16 ноября 1555 года*. Можно думать, что эта подпись сдѣлана была уже серьезно больнымъ епископомъ, *передъ самою его кончиною:* самое бо́льшее за нѣсколько дней до нея; потому что *въ томъ же 1555 году* не только состоялось избраніе на луцкую епархію новаго епископа, но воспослѣдовало и утвержденіе его королемъ въ этомъ званіи.

Кто былъ этотъ епископъ, преемникъ Ѳеодосія Гулевича, и сколько времени продолжалось его управленіе луцкою епархіею?

Это былъ не *Іоасафъ*, какъ думаютъ лучшіе знатоки з.-р. церкви (*Очеркъ западно-рус. церкви, И. А. Чистовича*, ч. I, 174), но *Іосифъ*. Такъ онъ называется въ одномъ рукописномъ документѣ—Sprawy y dispositie władyctwa Łuckiego pod Ostrogiem [„Podanie władyctwa Oycu *Iozephowi*"....] [1]; такъ называетъ его Сигизмундъ Августъ въ грамотѣ отъ 29 апрѣля 1558 г. [„przyszedszy przed nas obliczne władyka Łucki y Ostrożski *Ioseph*"... et. cæt.] [2]; такъ онъ самъ именуетъ себя въ дарственной записи на церковное имѣніе подъ Острогомъ *Точивеки*, данной своему дьяку *Гришкѣ Сестрену* [Мило-

---

[1]) Связка докум. изъ Тригурскаго монаст. въ библіотекѣ Кіев. Дух. Академіи. (Муз. № 476).

[2]) *Ibid.* Въ той же связкѣ находится копія напоминальнаго отъ имени короля листа земянамъ земли Волынской Михаилу и Роману Гулевичамъ о возвращеніи награбленнаго ими имущества въ церковномъ имѣніи Бущѣ. Этотъ листъ выданъ 12 октября *1558 г.* по жалобѣ *луцкаго и острожскаго епископа Іосифа.*

стыю бо҃ю и прч҃тое его мт҃ре и свт҃го апостола и еваг҃елиста хр҃това иѡа҃на бг҃ослова Иѡсифъ, еписко҃ лꙋцкий и ѡстро҃скй, Ѡзнаймꙋемо.... et caet.] [1]); съ этимъ именемъ извѣстенъ онъ и ближайшему своему преемнику по епископіи [2]).

Послѣдній извѣстный намъ документъ, выданный епископомъ Іосифомъ, есть упомянутая дарственная запись Григорію Сестрену. Она датирована *20 февраля 1559 года.* Слѣдовательно Іосифово управленіе луцкою епархіею, начавшись въ концѣ *1555 года,* продолжалось, по меньшей мѣрѣ, *около трехъ съ половиною лѣтъ* (по меньшей мѣрѣ, до начальныхъ мѣсяцевъ 1559 г.).

Послѣ Іосифа на луцкой епископской каѳедрѣ мы видимъ *Марка Васильевича Жоравницкаго.* Въ церковно-историческихъ трудахъ свѣдѣнія о немъ находятся слѣдующія: проф. Н. Иванишевъ въ извѣстной своей статьѣ, помѣщенной въ качествѣ предисловія къ I ч. I т. *Архива Юго-Зап. Россіи,* говоритъ (XXV), что Марко Жоравницкій управлялъ луцкою епархіею съ *1561 по 1567 г.,* и что онъ не посвящался въ духовный санъ. Преосв. Макарій *(Истор. Рус. Церкви,* IX. 339—340), проходя молчаніемъ вышеупомянутаго нами Іосифа, непосредственнымъ предшественникамъ Марка Жоравницкаго считаетъ *Никифора,* (якобы) упоминаемаго въ 1564 году: онъ говоритъ, что это фактъ *несомнѣнный,* документально извѣстный. Такимъ образомъ, вышеприведенное указаніе проф. Иванишева относительно обозначаемаго имъ промежутка времени, къ которому должно быть пріурочиваемо управленіе луцкою епархіею Марка, подрывается. Затѣмъ, преосв. Макарій, согласно съ г. Иванишевымъ, думаетъ, что Жоравницкій управлялъ епархіею не посвящаясь, а кончину его относитъ къ 1567 году, въ каковомъ году означенная епархія (якобы) отдана была королемъ Ивану Борзобогатому. Согласно съ преосв. Макаріемъ говоритъ объ этомъ предметѣ и И. А. Чистовичъ *(Очеркъ исторіи западно-рус. церкви.* I. 174).

Вышеприведенныя свѣдѣнія требуетъ значительныхъ поправокъ и разъясненій.

Во первыхъ, управленіе Марка Жоравницкаго луцкою епархіею было болѣе продолжительно, чѣмъ принято думать. *Несомнѣнно,* что онъ получилъ означенную епархію *не позднѣе* второй половины *1560 г.* Первый извѣстный намъ документъ съ указаніемъ на Жоравницкаго, какъ епископа луцкаго, есть запродажная запись Василія Микитевича Ржищовскаго,

---

[1]) *Ibid.*

[2]) Грамоты вел. князей литовскихъ, изд. В. Б. Антоновичемъ и К. Козловскимъ № 51, стр. 113—116.

гдѣ онъ заявляетъ, что продалъ за полтораста грошей третью часть двора Ржищева „его милости *пану Марку Васильевичу Жоравницкому, божю милостю владыцѣ луцкому и острожскому*, и дѣтемъ его милости". Запись эта писана „в Свинюсех, под леты Божего нароженя *тисеча пят сот шестдесятого, м-ца ноября десятого дня*". (Луцкая гродс. записцовая и поточ. книга, хранящ. въ *Кіев. Центр. Архивѣ* подъ № 2036; л. 40). Затѣмъ мы постоянно встрѣчаемся съ Маркомъ Жоравницкимъ, какъ луцкимъ епископомъ, не только въ 1561—1566 гг.; но и въ 1567-мъ и въ *теченіе всего 1568 года*. Послѣднее документальное упоминаніе о немъ встрѣчается *30 декабря* означеннаго года. *(Кіев. Централ. Архивъ.* № книги 2042; л. 427).—Марко Жоравницкій, очевидно, скончался *не ранѣе* начала *1569 года;* но и не позднѣе,—потомучто *28 апрѣля сего года* мы видимъ уже нареченнымъ луцкимъ епископомъ *Ивана Красенскаго* [....„року теперешнего шестдесятъ девятого м-ца априла двадцатъ осмого дня в четвергъ писалъ и присилалъ до мене Петра Хомяка, подстаростего луцкого, *наменены владыка луцкій и острозскій панъ Иванъ Красенскій* бояръ своихъ"....et caet.] [1]). — Такимъ образомъ, управленіе Марка Жоравницкого луцкою епархіею продолжалось *около 9 мѣсяцевъ*.

Во вторыхъ, невѣрнымъ намъ кажется мнѣніе, что Марко Жоравницкій до самой своей кончины управлялъ луцкою епархіею, не посвящаясь въ санъ епископа. Правда, долго онъ не посвящался, но послѣдніе *три года,* кажется, былъ уже полноправнымъ (посвятившимся) епископомъ. Прямаго указанія на фактъ посвященія нѣтъ. Свое мнѣніе мы основываемъ на слѣдующихъ данныхъ. Прослѣдивъ довольно многочисленные рукописные акты, имѣющіе то или другое отношеніе къ Марку Жоравницкому, мы замѣтили, что во всѣхъ этихъ актахъ, по 1565 г. включительно, Жоравницкій почти постоянно титулуется *нареченнымъ* епископомъ [„панъ Марко Васильевичъ Жоравницкій, нареченный владыка луцкій и острозскій"]; иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ, слово *нареченный* опускается, но положительно *ни въ одномъ актѣ* до 1566 г. онъ не называется *отцемъ* епископомъ, *отцемъ* владыкою. Между тѣмъ, начиная съ означеннаго года, мы не знаемъ *ни одного акта*, гдѣ бы къ епископскому титулу Жоравницкаго прибавлялось слово—*нареченный*. Въ подавляющемъ числѣ актовъ онъ титулуется—его милостью *отцемъ* епископомъ луцкимъ и острожскимъ, *отцемъ* владыкою луцкимъ и острожскимъ. Правда, въ немногихъ актахъ слово *отецъ* опускается,—именно въ тѣхъ, гдѣ рѣчь заходитъ о епископѣ сторо-

---

[1]) Гродская луц. запис., поточная и декрет. книга 1569 г. *(Кіев. Центр. Арх., № 2043, л. 185).*

ною,—но—повторяемъ—нигдѣ, ни въ одномъ актѣ, не встрѣчается прибавки къ титулу Марка слова—*нареченный*. Такое явленіе нельзя объяснять простою случайностію: оно, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ іерархическомъ положеніи Жоравницкаго произошла перемѣна,—именно онъ, наконецъ, посвятился и получилъ право на *полный епископскій титулъ* [1]).—Къ сказанному присовокупимъ еще слѣдующее: извѣстна уже въ печати грамота Марка Жоравницкаго, которою онъ подтверждаетъ упомянутую нами выше дарственную запись своего предшественника, епископа Іосифа, данную боярину Григорію Сестрену (Siestrzanu) на имѣніе Точивеки. Въ этой грамотѣ, датированной *12-мъ января 1567 года*, самъ Жоравницкій какъ бы оттѣняетъ свое настоящее іерархическое положеніе, *какъ полноправнаго епископа*, отъ предшествующаго. Онъ пишетъ: „Miłoscią Bożą y Przeczystey Jego Macierzy y Swiętego apostoła ewanielista Chrystosowa Ioanna Bogosłowa, my, *Marko, episkop Lucki y Ostożsky*, czynim iawno tym naszym listem.... iż z łaski Bożey y hospodarskiey *będąc nam obdarzonym miejscem tym stolicą Episkopii Luckiey y Ostrożskiey ieszsze narecznym episkopem*, pokładał przed nami (Hrehory Siestrzan) list, daninę przodka naszego episkopa Luckiego y Ostrożskiego, nieboszczyka Iozepha“.... (на имѣніе Точивеки). Затѣмъ Марко Жоравницкій заявляетъ, что онъ, ни въ чемъ не нарушая дара своего предшественника, оставилъ боярина Сестрена при томъ имѣніи; а въ *настоящее время* (teraz),—продолжаетъ Жоравницкій,—когда означенный бояринъ „bił nam czołem, abychmo iemu na to imienie Toczywieki *list nasz pod pieczęcia stolicy naszey episkopskiey dali*, gdzie będąc nam w tym miescie episkopskim czas niemały, bacząc ochotne y pilne służby iego ku sobie y Cerkwi Bożey, y za prozbą y czołem biciem

---

[1]) Отмѣчаемъ акты за 1561—1565 г., гдѣ упоминается о Маркѣ Жоравницкомъ, какъ *нареченномъ* епископѣ луцкомъ и острожскомъ. *Годъ 1561.* № кн. (въ Кіев. Центр. Арх.) *2035*, лл. 13; 174 об.—176; 231 об.—232; 242 об.—243; 259.—*Годъ 1562.* № кн. 2036, лл. 31 об; 39; 53; 84; 114; 122.—*Годъ 1563.* № кн. 2037, лл. 22; 104 об. 105; 133; 159.—*Годъ 1564.* № кн. 2038, л. 139. За эти годы Марко Жоравницкій титулуется епископомъ безъ слова *нареченный* (но и безъ прибавленія—*отецъ*), если не ошибаемся, только два раза въ 1562 г. (лл. 146, 178). Въ 1565 г. тоже два раза встрѣчаемся съ М. Жоравницкимъ безъ прибавленія къ его титулу слова—*нареченный* (№ кн. 2039, лл. 213; 223—224), но и здѣсь онъ еще не называется *отцемъ* епископомъ, *отцемъ* владыкою. Эту послѣднюю прибавку мы почти постоянно видимъ начиная только съ 1566 года. [См. означеннаго года книгу подъ № 2040, лл. 79; 184 об.; 339; 411 об.; 438 об.; 481; 495; 502 об.; *кн. 1567 г.*, № 2041, лл. 10; 25; 48 об.; 107; 198 (1 мая); 200; 256; 423; *кн. 1568 г.*, № 2042, лл. 118; 132; 133 об.; 150; 264; 283; 365; 421; 427]. Упоминаніе въ весьма немногихъ дукументахъ о М. Жоравницкомъ въ 1568 г. безъ прибавленія къ титулу *обычнаго* ужъ въ то время слова *отецъ* (№ кн. 2042, лл. 305; 312; 321;], разумѣется, простая случайность.

iego, tosmy udzielali y tym listem naszym to imienie Toczywieki iemu daiem y podtwierdzamy“ [1])....

Такимъ образомъ, установивъ фактъ *непрерывнаго* управленія луцкою епархіею Марка Жоравницкаго за время *отъ 1560 по начало 1569 г.*, какъ же мы поступимъ съ *Никифоромъ*, якобы несомнѣнно занимавшимъ означенную епархію *въ 1564 году?*

Не подлежитъ сомнѣнію, что его слѣдуетъ исключить изъ каталога луцкихъ епископовъ за указанное время; а почему—представляемъ доказательства.

Свое мнѣніе объ *Никифорѣ*, какъ документально извѣстномъ луцкомъ епископѣ въ 1564 году, преосв. Макарій основывалъ на мѣновомъ листѣ пересопницкого игумена Иларіона. Здѣсь послѣдній, между прочимъ, заявляетъ, что король пожаловалъ его, богомольца, „манастыромъ Святое Пречистое у Пересопници и тымъ имѣньемъ, которое жъ придано ку церкви Божіей и святому монастырю, на имя Чемеринъ“. Это имѣніе Иларіонъ, „за дозволеньемъ отъ господаря короля его милости и съ митрополитовымъ *и владыки Луцкого Никифоровымъ*“, промѣнялъ пану *Петру Яновичу, старостѣ луцкому, маршалку Волынское земли*, на его имѣнье Дядковичи. — При составленіи мѣновой записи присутствовали: „*владика Луцкій Никифоръ*, а князь Ѳедоръ Четвертинскій, князь Василій Козевичъ, князь Иванъ Путятичъ, городничій Луцкій, Олехно Порицкого сынъ, Ламанъ хоружій Луцкій, Яцко Ѳалелей и иншихъ людей добрыхъ много“.—Запись писана: „*въ Луцку, іюня 18 дня, индикта 7. Подъ лѣты Рожества Христова 1000 лѣтъ и 500 лѣтъ и 60 лѣтъ 4-го году*“ [2]).

Если примемъ во вниманіе, что запись напечатана Виленскою археогр. коммиссіею съ пергаминнаго *подлинника*, что указанный *1564 годъ* здѣсь вполнѣ согласуется съ *выставленнымъ при немъ индиктомъ*,—то, съ перваго взгляда, дѣйствительно трудно заподозрить достовѣрность *даты* означеннаго документа. Между тѣмъ дата выставлена издателями означенной мѣновой записи *невѣрно*, съ ошибкою во времени *на три четверти столѣтія!* — Для подтвержденія сказаннаго нѣтъ надобности документально доказывать, что присутствовавшія при составленіи записи лица уже скончались (по отношенію къ нѣкоторымъ изъ нихъ это сдѣлать нетрудно): достаточно констатировать, что Петръ Яновичъ, съ которымъ архимандритъ Иларіонъ входилъ въ соглашеніе о перемѣнѣ по-

---

[1]) Грамоты вел. князей литовскихъ, изд. В. Б. Антоновичемъ и К. Козловскимъ, № 51.

[2]) Археогр. сбор. докум., относящихся къ исторіи с.-зап. Руси, т. VII. № 16.

мѣстій, былъ луцкимъ старостою *не въ 1564 году* (тогда носилъ это званіе князь *Богушъ Корецкій)*, но въ 80-хъ годахъ XV столѣтія, приблизительно въ періодъ времени отъ 1487 по 1491 г. Въ 1492-мъ и слѣдующихъ годахъ мы видимъ его занимавшимъ уже болѣе высокій постъ—троцкаго воеводы [1]), а въ 1564 году его, безъ сомнѣнія, давно уже не было и въ живыхъ.—Но кромѣ того, въ подтвержденіе нашего мнѣнія можно указать на документъ, не только наглядно свидѣтельствующій объ ошибочной помѣтѣ издателями упомянутой мѣновой записи Иларіона, но возстановляющій и самую дату оной *(точнѣе*, способствующій возстановить ее).

При взаимныхъ соглашеніяхъ, подобныхъ указанной мѣнѣ помѣстьями, когда одинаково заинтересованы обѣ стороны, та и другая сторона (притомъ каждая отдѣльно) желаютъ получить юридически оформленный актъ состоявшейся сдѣлки. Такъ бываетъ теперь, такъ было и въ разсматриваемое время. Поэтому пересопницкій архимандритъ Иларіонъ и луцкій староста Петръ Яновичъ, согласившись обмѣняться помѣстьями, *одновременно* дали другъ другу мѣновыя записи. Запись Иларіона, какъ мы видѣли, напечатана *(съ оригинала)* въ *Археогр. сборникѣ, документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси* съ датою *18 іюня, индикта 7, 1564 года.* Но напечатана—притомъ гораздо ранѣе—(тоже съ оригинала) *въ Памятникахъ, изданныхъ временною* (кіевскою) *коммиссіею для разбора древнихъ актовъ* мѣновая запись по означенному дѣлу и Петра Яновича (I, отд. II, № 1). Здѣсь, подобно Иларіону, Яновичъ заявляетъ, что онъ „с господаря его милости дозволенемъ а з митрополитовымъ и *владыки луцкого Никифоровымъ* менял с игуменомъ пересопницкимъ з Ларионом тым всем своим именем на имя *Дядковичи*"; при составленіи записи присутствовали *тѣже лица*, которыя обозначены и въ мѣновой записи Иларіона (за исключеніемъ князя Ивана Путятича, въ изданіи кіев. коммиссіи опущеннаго, можетъ быть, вслѣдствіе порчи въ этомъ мѣстѣ оригинала). Но дата записи Яновича, сходная съ Иларіоновою въ *мѣсяцѣ, числѣ* и *индиктѣ*, на многія десятилѣтія разнится въ годѣ: послѣдній здѣсь обозначается 1490-мъ [по҃ лєты рожєства хв҃а ҂а҃ лѣ҃ и у҃ лѣ҃ и ч҃ лѣ҃.].

Впрочемъ, по поводу и этого документа нельзя не сдѣлать замѣчанія. Хотя кіевскою археогр. коммиссіею запись Яновича тоже напечатана съ подлинника, но и здѣсь при обозначеніи даты вкралась ошибка, хотя от-

---

[1]) Въ 1483—1486 гг. званіе луцкаго старосты носилъ *Олизаръ Кирдѣевичъ* (А. З. Р. I. 83). Луцкимъ старостою Петръ Яновичъ впервые упоминается въ документѣ отъ 31 іюля 1488 г. (А. З. Р. I. 92). Въ званіи троцкаго воеводы онъ упоминается въ актахъ 1492 г. и слѣдующихъ лѣтъ *(Ibid.* №№ 103, 113, 114, 118, 120, 126).

носительно времени и весьма незначительная: мы думаемъ, что записи составлены были не въ 1490 году, а въ предыдущемъ—*1489-мъ*, такъ какъ индиктъ 7 падаетъ именно *на послѣдній*. Что̀ въ данномъ случаѣ ошибка вкралась *не въ индиктъ, а въ годъ*, это едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Издателями и той и другой записи индиктъ прочитанъ *одинаково*. Кромѣ того мы имѣемъ подъ руками двѣ давнія копіи (польскими литерами) записи Яновича,—копіи, писанныя *независимо одна отъ другой*, причемъ обоими копіистами индиктъ подъ означеннымъ документомъ выставленъ тоже *седьмой*.—Не то видимъ относительно года. Издатели Археогр. сборника читаютъ его (переводя славянскія цифровыя буквы на современное правописаніе): „1000 лѣтъ и 500 лѣтъ и 60 лѣтъ 4-го *году*“; издатели кіев. комиссіи: „$\overline{\text{х}}$ лѣ и $\overline{\text{у}}$ лѣ и $\overline{\text{ч}}$ лѣ“; одинъ копіистъ: „$\overline{\text{х}}$ лѣ и $\overline{\text{у}}$ лѣ и $\overline{\text{з}}$ лѣ“; (далѣе очень не разборчиво; конецъ же ясно: *hodu)*; другой копіистъ: „Tysiacz lit y czotyrysta lit y dewiatdesiat lit semnadczatoho *hodu*“. Очевидно, что индиктъ въ обѣихъ запискахъ написанъ былъ явственно, сохранился хорошо и потому читался легко. Но годъ въ конечныхъ частяхъ, по неясности ли начертанія или вслѣдствіе порчи документовъ въ конечныхъ частяхъ, при чтеніи встрѣчалъ большія затрудненія, отчего и прочтенъ былъ всѣми—какъ издателями такъ и копіистами—различно. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе, что и издатели записи архимандрита Иларіона и копіисты записи Яновича въ датѣ сихъ документовъ указываютъ: во 1-хъ, тысячелѣтіе, во 2-хъ, столѣтіе, въ 3-хъ, десятилѣтіе и, въ 4-хъ, прибавку къ послѣднему: такого-то *года*. Эта, такъ сказать *четверо-частная дата* съ яснымъ чтеніемъ въ концѣ слова—*годи*, есть тоже вѣское доказательство ошибочности *трехъ-частной* даты записи Яновича и въ изданіи кіевской комиссіи,—каковая дата, какъ мы сказали, должна быть поправлена на *1489-й* годъ [2]).

2) Духовное завѣщаніе луцкаго епископа Ѳеодосія Гулевича занесено было въ земскія луцкія книги 18 генваря 1638 года луцкимъ земскимъ писаремъ Маркомъ Гулевичемъ съ заявленіемъ, что означенный документъ находился прежде у оо. Доминикановъ, которыми въ настоящее время „ин

---

[1]) *Рукоп. архивъ Почаевской Лавры,* въ настоящее время находящійся въ библіот. Кіев Дух. Академіи.—„Дѣло о фундушѣ бывшаго Пересопницкаго и Клеванскаго монастырей“, № $^1/_2$ (первые два документа).

[2]) Еще одно детальное замѣчаніе. Въ обоихъ изданіяхъ (Кіев. и Виленс. археогр. ком.) въ числѣ лицъ, находившихся при составленіи разсматриваемыхъ нами документовъ, упоминается (какъ мы видѣли) *Ламанъ*, хоружій луцкій. Это имя дурно прочтено; должно поправить: *Демьянъ*, какъ—безъ сомнѣнія вѣрно—прочелъ его *одинъ* изъ упомянутыхъ нами копіистовъ мѣновой записи Яновича.

фасіе юдиции естъ отданый". (Очевидно, къ Доминиканамъ „тестаментъ" Ѳ. Гулевича попалъ черезъ упомянутаго ихъ собрата Ипполита Гулевича). Въ тотъ же день и въ тѣже луцкія книги Маркомъ Гулевичемъ занесено было духовное завѣщаніе (тоже прежде находившееся у Доминикановъ) и войскаго Владимірскаго Василія Ѳеодоровича Гулевича. Хотя документъ этотъ не имѣетъ прямаго отношенія къ исторіи западно-русской церкви, но какъ составленный отцемъ знаменитой фундаторши кіево-братскаго монастыря, притомъ характерный по своему содержанію, заслуживаетъ изданія въ полномъ видѣ,—что̀ мы и дѣлаемъ.

Духовное завѣщаніе Василія Ѳеодоровича Гулевича.

Jmie Boga wszechmogącego, nawyszego Boga, niechay będzie chwalone od wszystkiego stworzenia po wszystkie czasy, na wieky, amen. Ja, Wasili Hulewicz, woysky Włodzimiersky, będący wszystek czas żywota mego na tym swiecie nie swoiem tylko, wedle przezrzenia y rzędu tego iednego wszechmogącego niesmiertelnego Boga, żyłem iako człowiek, wszystkie swoie sprawy przypusczaiąc na wolą y rząd Boga wszechmogącego aż do stoku lat moich, spłodziwszy w zakonie swiętym małżenskim dzieci, ktorych mi naywyższy dał, tak syny, iako y dziewky, wychował y rządził iemi, ile mi od Boga dano było. Dziewky zamąż pooddawał: Hanne starszą, co teraz za kniaziem Jurem Puzyną, tey posak wszystek, iako y wyprawe zupełną, oddał: Boh day, szczęsliwi byli z dziatkami swoiemi długo w opatrznosci Boga wszechmogącego; srzednią doczkę swoie, Halke, oddałem był za pana Pocieia Krzysztopha, ktory iuże s tego swiata zszedł, a żona iego, dziewka moia Halszka, pani Pocieiowa, ma odemnie zapis na ymieniu moim Nieswieczu na tysiąc kop groszy liczby Litewskiey y rumatiey ze wszystkiemi rzeczami swoiemi, tak stadem, iako y bydłem wszelakim, małem y wielkim, nietelko swiniami, ale y ze wszelakim ptastwem domowym, y ze zbożem w gumnie złożonym y na polu zasianym, iak iest na liscie moim, iey odemnie danym, y dostatecznie opisano; a trzecią dziewkie swoie, Dobrusiu, nazwane Boną, oddałem za pana Adama Bołobana, ktorey wyprawe wszystkie zaraz oddałem rzeczmi ruchomymi, złotem, srebrem, szatami, stadem, bydłem, co pan Bołoban z dziewką moią a małżonką swoią do rąk swoich wzieli, tylko tysiąc kop liczby Litewskiey [1]) zostaie im iescze na Twierdinach y Mołczanowie, krom iesli by się warowali zapisu moiego pierwszego, com dał Andrzeiowi synu moiemu na dziesięc tysięcy złotych polskich dla oprawy posagu żonie iego, tedy ma list drugy ode mnie na Sutysku y iego przysiołky: Witawa, Dwor, siolo Jankow, iako iest na liscie moim opisano. Synowie moie Andrzey, Michayło y Bene-

[1]) Въ рукописи: Litewskich.

dict nie maią y nie mogą w tym zapisie moym żadney krzywdy y przekazy czynic, zwłaszcza Jendrzey, gdzie by ex nunc Sutysko ze wszystkiemi przysiołky, po tey stronie Bohu leżącemi, według zapisu mego panu Bołobanu y z dziewką moią, a siestrze swoiey Dobrusi, dzierżenie przekazował y im ustąpił w tey tysiącu kopach posagu Dobruszyno, albo w Twerdyniach y w Mołczanowie, prawem swoim zapisu ych pierwszego nie psował, to ieszcze oni maią po staremu w tym tysiącu kop swoich na Twerdyniach y Mołczanowie używac y patrzyc, aż do oddania spełna tey tysiąca kop posagowych, według zapisu mego. A iż na ten czas, iako człowiek lietny, zapadłem w chorobe takową, ktora koniec żywota moiego ukazuie, acz maiąc to na baczeniu, abych po smierci nie zdał się bydz komu rządzącem, telkoż mie do tego prorok pobudza, ktory y krolu mowił, abys rosprawił dom swoy. Ja będąc szlachcicem niebogatym, widze, maiąc syny, miedzy ktoremi miłosci nie upatruie, choc iedna matka porodziła, ale nie ieden obyczay dała; o Andrzeiu upatruie, Michayłu widze, Benedictu rozumiem, że mnie nie wszystkie powinnosc synowską oddaią y posłuszenstwo, bacze, że umiem y mogłbym kożdemu, wedle zachowania ych, częsc maiętnosci swoiey, co mnie Bog moy, krom dziedzizny y oyczyzny, wedle przeyzrzenia swego dac y udzielic raczył, tym, iako nabyciem swoim, wedle prawa swego, roszafowac iakim chcąc obyczaiem: lecz będąc blizky konca, maiąc na to wzgląd, abym nikomu złosci złoscią nie płacił, mowił y napominałem, aby synowie moi przy żywocie moim mnie tym pocieszyli, imienie moie, rospisawszy na trzy częsci, miedzi sobą rowno rozdzielili y naznaczyli, co ktoremu po żywocie moim bydz ma, abych się tym ucieszył, aby po smierci moiey do folwarkow, do sioł nie wbiegali, na poczty, na prawo nie nakładali, urzędu tym nie zapomagali; to bydz nie mogło: nietylko roskazac, ale uprosic u nich o to nie mogł; bo bacze, że wszystkiem iem ydzie abo szło o Zaturce, co sami nie rozumieią, że u mnie Zaturce iako sibilla twarz nadobna, a zzadu pleczy wygnili, że pluca widziec; z iedney strony popy nad prawo y sprawiedliwosc ucisneli, a z drugiey strony Iego M. pan woiewoda Brzescky tymże sposobem,—co dzieci moie wiedzą, iednosz na osadu baczą, ale na kłopoty nie oglądaią się. S tey ia tedy przyczyny, zabiegaiąc niesnaskam ych, iako zyczliwy ociec ych, uważnie y ich maiętnoscią swoią tym sposobem rozdzielam, żem pierwey wszystkiego pozwalaiąc ym żenic się y posagu żonam swoim oprawowac kożdemu po dziesięc tysięcy złotych: Andrzeiowi, synowi starszemu, na dworze y siele na Lubitowie y iego przysiołkow w Lipkach y w Ostrowie, Korosniewie, k temu na dworze y siele Twerdynach, na dworze y siele Mołczanowie; a drugiemu synu swemu Michayłu tymże sposobem dla oprawy posagu napisałem także dziesięc tysięcy złotych na dworze y siele Kaczynie y iego przysiołky w Kowalowszczynie, w Samboiusczynie, Liczynach, Czerwiencze y Horodisczu, a własney oy-

czyznie y dziedziznie swoiey, ktore mi w rozdziałku od braci moich po smierci oyca została, na trzecią część położyłem Zaturce, Zubzielney, przezywaiemey Semerenky, Serniky, Smolihow, k temu Szelwow, Wolica Szelwowska nazwana. Pliskow, Rohowicze, Tworenicze, iako maiąc wzgląd na [p]eni rozne y trudnosci, a rzkomo po więcey tę część uczzymałem, na ktorą także Benedictu pozwalaiąc żenic się, także na dziesięc tysięcy złotych, iako Andrzeiowi y Michayłowi, posagu żenie swoiey oprawic listem dał,—to tym sposobem, aby się, kiedy się pożenią, posagy z żon swoich na części swoie zniesły, iakoby te listy moie żadney przekazy w rozdziałku imienia moiego iem nie czynili, ale kożdy powinien będzie posagy żony swoiey na część swoie, ktora mu z rozdziałku zostanie, zniesc będzie powinien, y tak porownanie uczyniwszy maiętnosci swoiey. Isz Michayłu synu swoiemu pozwolilem był posag żenie swoiey oprawic na oyczyznie y dziedziznie moiey w Kaczynie y iego przysiołkach, ktore on dzierżąc niesłusznemi postępkami swoiemi lud rozegnał y maiętnosc na głowę spustoszył, y chociaż rozumieiąc, że to część w rozłożeniu ymienia mego była nalepsza a ludna y spokoyna y żaden (z) synow moich ią by nie gardził, by była cała, k temu, yż Michayło tey szkody y rozegnania ludzi naprawic y nagrodzic nie może, s tych przyczyn na część iego ten dział Kaczyn ze wszystkiemi przysiołkami—Lubitowem y z Lipkami, Twerdyny y Mołczanow, iako się wyżey pomieniło, na część Michayłową oddzielam y daie wiecznemi czasy; a synu swoiemu Andrzeiowi starszemu także oddzielam y daie wiecznemi czasy Sutysko y z iego przysiołky—Witawą y Jankowem, Szelonami, Borszkowem, Szychiczowcami, z Oszyłowcami, z Mitianowem, z Uchowcami, Berezową Łuką, k temu z Tywrowem,z[Lu]niczą,Liubiankami, także y Dzonkowem y ze wszystkiemi iego siedlisczami, ktore są wszystkie w powiecie Bracławskim, k temu do tegoż na część Andrzeiowę, tu, w powiecie Luckim, sioło Nieswiecz. Ktore wsi sioła, ta maiętnosc moia pomieniona, nabycie moie własne, w ktorem ia moc mam wedle woli y podobania swego szafowac, komu chcąc oddac, przedac, darowac, tym prawem część trzecią wszystkiey, maiętnosci moiey synowi moiemu Andrzeiowi oddzieliłem y oddaie; strony Korszowca to iużem dawno An drzeiowi zapisał y oddał, acz on, iako syn powolny, na czas potrzeby moiey tego Korszowca był odstąpił, mnie go do szafunku oddał, na urzędzie się mnie z niego był zrzekł, ia tedy, odprawiwszy potrzebe swoie, zas iemu wszystkie listy poodawał y ten Korszowiec s podziękowaniem iemu oddał y tem testamentem moim iemu oddaie y ztwierdzam, iako własne kuplą moie, ktorą kupił od pana Moisieia Murzyna Czahadaiewicza. A trzecią część maiętnosci swoiey, także nabycia swoiego własnego, Zaturce, Zubielno, nazwane Semierenky, Serniky, Smolihow, Szelwow, Plisko, Rohowicze, Tworenicze, to wszystko, iako własne nabycie y kupno swoie, daie y wiecznie odpisuie synu swo-

iemu Benedictu na trzecią częsc działu iego. Po żywocie moim oni sami y potemky ich dzierżec y używac maią na wieczne czasy. A co się dotycze stad moych swierep, tak w Zaturcach y w Szelwowie, y iako y w Lubitowie, ktorych liczba na regestrze u mnie w szkatule moiey iest, tyie synowie moy maią miedzy siebie rownie rozdzielic. Strony długow moich, com winien Halscze Pocieiowey, Dobruszy Bołobanowey, paniey Demianowey Hulewiczowey, teraz nowo dał ich Benedictu synu swemu mamran na sto kop groszy litewskich liczby, pomoc iemu czyniąc na żołnierską; k temu wininem sam, nie pamiętam wiele, panu Gerzu y panu Dłuhaczu, arendarzom swoim Zatureckym, com natrawił u nich w Zaturcach, nie pamiętam wiele. Te wszystkie długy moie synowie moie, porachowawszy miedzy siebie na trzy częsci, powinni ich będą zapłacic. Strony piąciu tysięcy na Nowosiołkach, ktore mi się dostali po dziewce moiey Maryi, paniey Janowey Bokyiowey, na tych zostawuie, daie y daruie dziewkom kniazia Puzyninym tysiąc złotych polskich, paniey Pocieiowey Halscze, dziewce moiey, drugą tysiąc złotych polskich, trzecią tysiąc złotych nā tychże Nowosiołkach zapisuie dziewce moiey Dobruszy, paniey Adamowey Bołobanowey, a pięcset złotych polskich tamże na tey summie Nowosieleckiey zapisuie paniey Iwanowey Bakowieckiey, paniey Hannie Prokopownie Białostockiey, bom to na posag iey obiecał; iedno to zlecam tego doyrzec dziewce swoiey Halscze, paniey Krzysztofowey Pocieiowey, żeby tego z rąk swoich nie pusczali, ażby pan Bakowiecky pierwey to żenie swoiey na maiętnosci swoiey oprawił. Ostatek tey summy pułtora tysiąca złotych polskich zostawuie przy synach swoich na zapłacenie długow moich: strony długu pana Jana Bokieia Pieczychwostskiego, tysiąc złotych polskich na imieniu iego Pieczychwosciech, to zostawuie synu swoiemu Benedictu na okupienie Rohowicz od kniazia Iwana Stepanowicza Rożynskiego, gdyżem y tę częsc Rohowicką Benedictu naznaczył y tę pieniądze tysiąca złotych s Pieczychwost Benedict ma sobie do rąk swoich wziąc; strony długu pana Zahorowskiego niebosczyka Chwedora, ktory mam od pana Chwedora Bokieia, czternascie set kop groszy litewskiey liczby, to odpisuie na długi swoie synom swym, ktore maią w tym użyc szwagra mego pana Andrzeia Dachnowicza, aby te sprawe, tak s panią Fedorową Zahorowską, abo s kim się sprawa okaże, potomky pana Zahorowskiego, bądz y potomky pana Filipa Bokieia, bom ia za te sprawe panu Andrzeiowi Dachnowiczowi obiecał dac, iesli ią odprawi porządnie, pięc set złotych polskich, s tych że pieniędzy, ktore się mnie tego podiął.—Strony sług moich, naprzod Owerka, karlika moiego, temu oddaie posciel y szatky moie, iakie na ten czas mam, y iego samego wolnym s poddanstwa y służby czynie, komu zechce wolno iemu służyc y tak obracac, iako wola iego; Iwanu Połowieckiemu, diaku moiemu, po żywocie moim ma bydz dano źrebiec stadu mego; Odynkowiczu chłopcu

żrebca stada mego; Pilipu Krzywemu y Siemienowi piekarzom po pięciu złotych, albo po żrebczyku iakiemu dac; Waskowi y Kiriłowi woznicom po żupanu białem y po dziesięciu złotych dac; Janu dworniku, co teraz w Zaturcach, co zasłużył, według umowy, co iemu winno zapłacic; k temu Radtka Kuryłowicza, Andrzeia Sliwku, Pilipa kucharza, Siemiona piekarza y Kulsana balwierza, tych wolnemi ze wszystkiem ych potomstwem czynie, niechay, gdzie chcą, idą y, komu chcą, służą. Rzemiesnikom tym, ktorym ia był w Sutyscze poiednał na rozne roboty y na budowania, iesli by im co było niedopłacono wedle intercyz, aby im syn moy Jendrzey, iako ten, ktoremu się Sutyska dostanie, popłacił.—A co się dotycze listow przywileiow na maiętnosc moie, te synowie moy, każdy na swoie maiętnosc maią między się rozebrac. Co się dotycze arendy Zatureckiey, ktorą na ten czas dzierżą żydowie Torczynscy pan Gerz y pan Jakob, ta sprawa między nami iest wszystka na pismie, dla Boga synow prosze y napominam, aby do roku pewnego, iako iest w arendzie naznaczono, s pokoiem wydzierżeli, bo mnie iuż od nich zapłata spełna doszła y ieszczem ym został winien, com, mieszkaiąc w Zaturcach, gotowemi groszmi y żywnoscią nabrał, na co oni listy ode mnie maią, to im ma byc zapłacono; a co pan woiewoda Brzescky u mnie w Szelwowie część Bohuszowską gwałtownie odiął z arendy pana Gerza y pana Jakuba, to się im iuż ode mnie nagrodziło y z obliky wytrąciło, wedle arendy. Co ia wszystko chcąc miec zapewne y nieodmienne rzeczy, aby na tym wszystkim synowie moi wyżey mianowani y dziewky moi przestali, tym testamentem moim ostatniey woli moiey y tą ordinatią moią każdemu z nich utwierdzam y ten testament moy ostatniei woli moiei, obyczaiem wyżei opisanym sprawowany, y tę ordinatią moią we wszystkich punkciech y okolicznosciach ich utwierdzam y umacniam tak, żeby powszechnosc osobliwosci, a osobliwosc powszechnosci ni na czym nic nieuimowała ani ubliżała, a yżby większą moc y pewnosc miało to rozrządzenie ostatniey woli mey, ten testament moi ręką swą podpisuię y pieczęc przykładam. Przy czym byli y tego będąc dobrze swiadomi, za oczewistą prozbą moią, pieczęci swe do tego testamentu przycisnąc y ręce podpisac raczyli Ich M-sc panowie przyiaciele moi, pan Michayło Hulewicz Woiutynski, pisarz ziemski Lucky, p. Maciey Stempkowski, podstarosci Łucki, p. Jakim Liniewsky a p. Wasili Okorsky. Pizan w Zaturcach, roku Panskiego tysiącznego szescsetnego pirwszego, miesiąca junia. [У того тестаменту при печатех подпис рукъ тыми словы: Василей Гулевичъ, войский Володимерский, власная рука. Maciey Stempkowsky, podstarosci Łucki, mp.] (*Кіев. Центр. Арх. № к. 2833, л.л. 743—747.*)

IV.

Письмо польскаго короля Сигизмунда Августа къ кіевскому митрополиту Сильвестру, въ коемъ, основываясь на жалобѣ кіево-печ. архимандрита Иларіона (Песочинскаго), приказываетъ ему—митрополиту—возвратить несправедливо отнятыя у кіево-печ. обители угодья и не нарушать ея правъ по отношенію къ кіево-никольскому монастырю.

1561 г., апрѣля 24.

Zygmunt August, Bożą miłoscią Krol Polski, Wielkie Xiąze Litewski, Ruski, Pruski, Żmudski, Mazowiecki y innych.

Archiepiskopowi Metropolicie Kiiowskiemu, Halickiemu y wszystkiey Rusi Sylwestrowi, a w niebytnosci iego samego w Kiiowie iedno namiesnikowi iego tameyszemu.—Tych czasow przyiezdzał do nas Archimandryt Kiiowski monastyra S. Preczystey Pieczarskiego Łaryon, żałuiąc o tym, iż się dey imionam tego monastera od xiąząt, panow, boiar y dworzan naszych w odeymowaniu sioł, w zabraniu gruntow, y też w naiazdach, gwałtach, boiach, grabieżach y w inszych wielu rzeczach wielkie się krzywdy y szkody dzieią, a on, iako będąc osoba duchowna, słuszney obrony w tym czynic niemoże; dla ktorych dey krzywd wszystkie imiona tego monastera zniszczeli, y służby dey ziemskiey z onych imion służyc niezczego, iakoż dey ktory monaster w Kiiowie S. Mikołaia Pustynskiego z dawnych czasow w sprawie y pod błogosławienstwem Archymandrytow Kiiowskich Pieczarskich bywał y zawsze dey Ihumenow oni do tego monastera ustanowłiwali, a Metropolici dey żadnego wstępu do tego monastera niemiewali, to pak dey y teraz w ten monaster swiętego Mikoły Pustynnego, nimaiąc dey do tego niczego, wstępuiesz się, Ihumena y czerncow tego monasteru pod błogosławienstwo swoie przywracasz y za to dey na niego y na swiaszczenniki monastera Pieczarskiego listy swoie niebłogosławione wydaiesz, a ktomu dey namiesnik twoy Kiiowski Sofieyski własne ziemi monastera Pieczarskiego ludzi Teterewskich paszenne y bartne zabrał, y pola stare, przerobki y nowiny, dąbrowy własne monasterskie, blizko monastera, gwałtownie odeymuie y ludziom twoim tameyszym daie, ku

niemałey krzywdzie y szkodzie tego monastera; ieno acz kolwiek według postanowienia y uchwały seymowey o imieniu zaręki dawane byc nie maią, ale iż ten monaster Pieczarski podawanie nasze gospodarskie y w opiece naszey iest, a takowe się krzywdy y ucisnienia imionom tego monastera dzieią: Przeto, Przeto (sic) namowiwszy my się z Panami Radami naszemi Ich Moscią, y natym wystanowiwszy, iż słusznie o to zaręka dana bydzma, posłalismy dworzanina naszego Wasyla Mackowicza y roskazalismy iemu wszystkie sioła, ludzi, ziemie, y tez drzewo bartne y wszystek grunt, imienie tego monastera, od kogo kolwiek pociągniony, iakie mu Archimandryt sprawę da, mocno zas ku imieniem monastyrskim przywrocic, iakoż y ten monaster Swiętego Mikoły Pustynnego y one ziemie y paszenne bartne ludzi Teterewskich, y też pola stare, przerobki, nowiny y dąbrowy, przez tego namiesnika twego zabrane, z dzierżenia twego mocno wziąwszy, zas ku monastyru Pieczarskiemu przywrucic y dzierżec podac; twoia by Mosc, Oycze Metropolito, a w niebytnosci iego samego w Kiiowie, tobie, namiesniku iego tameyszy, przykazuiemy, abys, o tym wiedząc, temu dworzaninowi Naszemu w tym przeciwnym nie był y niektorey niebespiecznosci zdrowiu iego uczynic nie smiał, ten tyż po podaniu w dzierżenie tego monasteru Pustynskiego y po stwierdzeniu onych ziem przez niego ku monasterowi, iuż u ten znowu monaster, w Ihumena y w czernicy tego monastera, y w one ziemi, y w inne niektore grunta monasterskie, niwczym się nie ustępował y bezprawnie pod się ne zabierał, pod zakładem naszym tysiąca kopami groszy; wiedzże, iesli bys na ten monaster y na onę ziemie ktore prawo y listy miał, tybys się w tym prawem obchodził.—Pisan w Wilnie, lata Bożego Narodzenia 1561, miesiąca Apryla 24 dnia.

(*Съ копіи, хранящейся въ Архивѣ греко-уніат. митр. при Св. Синодѣ*, по прежней описи № 149.—Документомъ отчасти пользовались: К. Малевичъ въ сочиненіи о *Кіево-печерск. Лаврѣ въ XVI и нач. XVII стол.* стр. 28, и мы въ изслѣдованіи о *Кіев. митр. П. Могилѣ*, прилож. стр. 25).

Примѣч. 1) Кіево-печерскій архимандритъ Иларіонъ II Песочинскій, приносившій (какъ видно изъ помѣщаемаго документа) королю жалобу на кіев. митрополита Сильвестра по поводу посягательствъ послѣдняго на пра-

ва и имущественныя владѣнія Лавры,—лице сравнительно извѣстное въ исторіи означенной обители. Изслѣдователи разногласятъ только о времени поступленія его на архимандрію. Преосв. Евгеній (*Описан. кіево-печ. Лавры*, изд. 2, стр. 141), говоритъ, что Иларіонъ Песочинскій „упоминается въ королевскихъ грамотахъ 1559 и 1566 г.“, и считаетъ его непосредственнымъ преемникомъ по архимандріи *Софронія*. Послѣдующіе писатели, занимавшіеся изученіемъ прошлаго кіево-печерской обители, на основаніи вновь обнародованныхъ документовъ, значительно восполнили допущенный въ данномъ случаѣ преосв. Евгеніемъ пробѣлъ въ каталогѣ кіево-печ. архимандритовъ; именно, послѣ Софронія полагаютъ—какъ предшественниковъ Иларіона II Песочинскаго—*Вассіана*, *Иларіона I* и *Іосифа* [они, такимъ образомъ, опускаютъ только *Іоанна Покровскаго Виленскаго*, котораго—какъ мы видѣли [1])—слѣдуетъ помѣстить между Вассіаномъ и Иларіономъ I]. Но начало настоятельства Песочинскаго въ Лаврѣ опредѣляется ими различно. Такъ, г. Е. Шпаковскій (*Труды Кіев. Дух. Акад.*, 1875 г. т. Ш. стр. 194.) относитъ оное къ *концу шестидесятыхъ годовъ* XVII стол., а г. К. Малевичъ заявляетъ (безъ указанія источника), что Иларіонъ II въ первый разъ упоминается въ грамотѣ *1554 года*. (Кіево-печ. Лавра въ XVI и нач. XVII стол., стр, 26). Послѣднее мнѣніе раздѣляется и авторомъ *Кіево-печ. Лавры въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи* (стр. 105). Уважаемый составитель послѣдняго сочиненія, а также г. Малевичъ при своихъ работахъ довольно широко пользовались и рукописнымъ матеріаломъ, находящимся въ Архивѣ греко-уніат. митрополитовъ при Св. Синодѣ. Поэтому, очень можетъ быть, что они имѣли подъ руками документъ *1554 года* (прибавимъ отъ себя *начала* 1554 г.) съ именемъ Иларіона, кіево-печ. архимандрита. Но если такъ,—то это не Иларіонъ II Песочинскій, *но Иларіонъ I*, извѣстный возстановитель общежитія въ Лаврѣ, скончавшійся, какъ надо полагать, *въ началѣ* упомянутаго года (доказательства см. въ нашемъ сочиненіи *Кіев. митр. Петра Могила*, т. I. *приложс.* стр. 22). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что *4 октября 1555 года* кіево-печерскую архимандрію занималъ еще предшественникъ Иларіона II *Іосифъ*, такъ какъ къ указанному времени относится заключенное симъ архимандритомъ условіе съ князьями Микитиничами о поляхъ Тарасовскихъ и сборѣ меду съ села Доброшневичъ. (*Рукоп. книга, заключающаяся въ себѣ докум. кіево-печ. обители; въ Лавр. библ., № 246*).—Первый извѣстный намъ документъ съ именемъ Иларіона II (Песочинскаго), какъ кіево-печерскаго архимандрита,

[1]) См. выше документъ подъ № 2.

есть письмо отъ него и всей подвѣдомой ему братіи къ кіев. митрополиту Сильвестру Бѣлькевичу, въ коемъ они поздравляютъ послѣдняго съ избраніемъ на митрополичью каѳедру и извѣщаютъ о посылкѣ подарковъ. (*Кіев. митр. П. Могила.* I. прилож. № IV.) Письмо это составлено 10 фев. 1557 г.; но изъ его содержанія видно, что настоятельство Иларіона Песочинскаго началось нѣсколько ранѣе указаннаго времени (слѣдовательно, съ очень большею вѣроятностію, должно быть относимо къ *1556 году.*)

2) Съ половины XVI столѣт., когда кіево-печерская Лавра, *отчасти* успокоившаяся отъ внутреннихъ неурядицъ вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ своихъ (нерѣдко корыстолюбивыхъ) архимандритовъ и вмѣшательства въ ея дѣла свѣтскихъ властей,—замѣтно начинаетъ богатѣть: нѣкоторые кіевскіе митрополиты, не безъ зависти смотря на возроставшее матеріальное благосостояніе сей обители, дѣлаютъ попытки къ подчиненію ея своей власти. Но попытки эти всегда встрѣчали сильное сопротивленіе со стороны кіево-печерскихъ архимандритовъ и братіи, желавшихъ ограничить свои отношенія къ представителямъ южно-русской церкви исключительно только іерархическимъ подчиненіемъ и внѣшними знаками уваженія—поздравленіями, посылками подарковъ, и т. п.—Помѣщаемый нами документъ достаточно иллюстрируетъ высказанную мысль.

V.

Отрывокъ изъ письма львовскихъ братчиковъ къ константинопольскому патріарху Іереміи съ извѣстіями о дѣлахъ, касающихся братства, а отчасти и всей з. рус. церкви, и разнообразными просьбами, стоящими въ связи съ этими извѣстіями.

Въ началѣ 1591 г.

. . . Прочее глаголати о сихъ, пастыру нашъ, яко твои есмы, даже попеченіемъ твоимъ избавимся от навѣтуемыхъ на ны; о иныхъ же всѣхъ прегрѣшеніихъ си боголюбезнѣйшій епископъ прощения прилежнѣ отселѣ прося, и абие то приемля, яко рачитель покаяния, вмѣняя стократицею добродѣйство о прежней злобѣ, и всяко ничтоже таковая ему успѣша ко забытію злонравиа, любовозритенъ бо ест и удобезден на первая любимая ему похоти сердца, всяко убо въ сердци сокрывает утаену злобу, со очищеніемъ внѣуду, еже есть недугъ не

уврачеван души. Не сый рачител благосовѣтник старѣйшинъ, хотящихъ ему быти на ползу священнолѣпных.—Буди же ти и о сихъ нашихъ начинаніихъ вѣдомо, о учителемъ преизящне, яко в настоящая благодатио Божію хощемъ поновляти храмыны общея нашея ползы: дом на убогия, странноприятелице, дом братскій, дом на стамбу, дом на школу, и прочая тим потребная, пачеже церковь состарѣвшу хощем иную вмѣсто сея создати, помощию Всесилного и яже ко нему ходатайством: о успѣянии сем ваша святыя молитвы да будутъ нам споспѣшеством реченным; тебѣ же ся молимъ, святѣйшій отче, сопоспѣшниче благимъ, даруй нам благодать нищетѣ нашей, яже ест молитвенная помощь. Воспрійми трудолюбие, молимся, напиши послание воеводѣ Молдавскому и Мултанскому и прочимъ, ихже, яко пастыр, вѣси, вспомозания дѣлма сим предреченнымъ благим вещем сооружитися, пачеже на созданіе всечестнаго храма Успения Пречистыя Богородицы. Молимся святости твоей, аще мощно благодати сей быти, написати послание молитело ко подвигу благовѣрному цару великия России, князю великому“ [1]) „извѣщение лѣпо быти подробну о прежде реченых, да якоже ест рачитель благочестія, надѣемся, благодатию Божею, благохотна его быти тщателя симъ благим; прочее же ко преспѣянию симъ предаем благому ти совѣту.—Извѣщаем же святости твоей, яко настоящаго лѣта хощет быти собор во предрѣченном градѣ литовскомъ Берестю м-ца июня 24-го. Сего ради молимъ святительства твоего, духомъ касающееся краснѣм ти ногамъ преподобия (твоего?), о отче, тростное вѣтрило божественныхъ учительства протягъ, доброму нашему кормчию кормило священно правителне и весло разсужения Богодухновенным излияниемъ начертания от преподобныя ти руки священнолѣпно тому подавъ, даже такову крѣпость от Бога пріемый и тобою, началным пастырем, не точию от треволнения спасти корабль, но и от самыя бездны невидения исторгнути возможет. Паки дерзающе молимся, святѣйшій, извѣсти архіепископа нашего честным си посланием, даже всѣхъ законныхъ благоподвижен будет и трезвязя о сих, да не яко благонадежни суще восуе истопление постражем во единомъ корабли малым нѣким нерадѣніемъ добраго корм-

[1]) Пробѣлъ въ подлинникѣ.

чия; пачеже о двоеженцех да извѣщенъ будет святостию ти, даж отнюд отчужит сих священнаго жребия. Молим же и о послании всему собору обще о прежреченных молително, даже и ко нашим благимъ начинаніемъ усердни и сопоспѣшници нищетѣ нашей будут. Яко сия зиждемо во имя общея ради пользы, о нихже извѣстиши пастырства словом благоразумия. Пачеже о созидаемѣй церкви, молимся, яже въ ней священолѣпне строителству быти. Первѣе о крестильници. Аще посредѣ церкви лѣпо ей быти. Слышахом убо от нѣких Христолюбец греков, яко во церкви престола святительства твоего посреди церкве сей быти, и сие паки во уму приемше, яко же типик рече: „во навечерие просвѣщения исходим ко крестилници,“ ея же во церквах наших отнюд нѣстъ. И сего ради не вѣмы, каково крещение содѣвает іерей; но аще где прилучится внѣ церкве или в дому, понеже различными крещенми крещаютъ, не согласующесь во молитвахъ надъ крещаемымъ и въ прочіихъ не поряду священнодѣйствие послѣдуютъ; тако же и о вѣнчании брачившихся, и о погребаниих умерших, о маслосвященіи, и о водосвящении, и о прочиих, купно рещи, велико несогласие и разнодѣйствие в послѣдовании имутъ,—о них же, молимся прилежнѣ, научи ны и настави на стезю праву послѣдования чину церковного. О них же и преосвященный архіепископъ нашъ зѣлне тщашеся честным посланием вопрошати святости твоея, тыж отсюду единому согласию быти въ Божіихъ церквахъ наставленіемъ святости твоея священным чиноводствіемъ. Мы же во истинну не вѣмы. Аще Архиепископъ или мы важимъ писаниим нашим, токмо молимся научи ны о сихъ всѣхъ, святость твоя, пачеже и священниковъ нашихъ, даже сподобимся от пастырства твоего сия видѣти, пачеже честнѣ облобызати. Не яко отвѣты приемлюще о вопросимыхъ, но паче священнолѣпныя заповѣди во общую нашу ползу. Тѣм же и молимся, Христа ради, честнѣйшій нашъ отче, исполни изобилиемъ си от богодухновенных божественныхъ алчбу и нищету нашу книжную, посли нам, святость твоя, послѣдования книгъ: типикъ церковный, требникъ, служебникъ, и прочіи, ихъ же на ползу вѣси послѣдованию, яко невѣдящи намъ изрещи; и о семъ молимся, о 14 послании великаго Апостола Павла, истолкованныя Іоанномъ Златоустымъ, всяко убо тщахомся о сихъ изобрѣсти, но не возмогохъ, ниже во монастырахъ нашихъ. Також и о сем вопрошаемъ святительства твоего, о поученіи, яже во всятой Литоргіи абие по прочитаніи евангельскомъ, пре-

же яктения и херувина: вина же—народа ради, да не безплодным сим отходити от Божественныя службы, понеже нѣцим от дальнѣйших обители приходяще, и абие по святой литоргіи отходять, не послушающе божественнаго поученія ради далечайшого шествиа во домы тщащимся; и паки слышание прияхомъ во умѣ, яко сий древній обычай есть Божественныхъ отецъ. Сего ради о всѣхъ сихъ молимся, владыко нашъ, научи ны, да будемъ извѣщени и единодушни и о сих, ни вочесомъ же претыкающесь. Молимъ же ся да обрящемъ благодать предъ тобою, пастырю нашъ, о написании благословения ко созиданию начинаемыя церкви, къ сему же и о мощи святыхъ мученикъ, яко да по священнымъ канономъ созидаемъ быти со полученіемъ честныхъ мощей. По всѣхъ же сихъ извѣщаемыхъ пастырству твоему, о божественная и честная версто, молимся отвсюду буди заступая стадо свое, уратуй и на внѣшняя волки удареніемъ с пращи богодухновенныхъ ти словесъ, жезломъ пастырски богословия противнымъ грозя, о всякомъ погибающимъ взыскание творя, аще и внѣ ограды сут, подобаетъ бо ми, рече, и иная овца привести, яже не суть отъ двора сего; се бо, рече, благаго пастыря знаменіе есть, якоже ни о единой не не брещи, но всякимъ трудомъ и подвигомъ о погибения малѣйшаго пещися, помнящи благаго Пастыремначальника. Тѣмже, святѣйшій отче, и богопротивнымъ латиномъ, внѣшнимъ соборныя церкве, не презри, пиша противу ересемъ и злоумию ихъ, или книги пошли от пастырства своего со печатю и подписомъ руки, да аще мощно будетъ и свѣтомъ твоего благословения во стамбу вложити. Се же не ино что таково, но общаго человѣческаго ради спасенія, яко много належит род еретическій на святую нашу восточную церковь, пачеже от ихъ злохитрства, хулы возглаголюще въ своихъ новѣхъ писанияхъ на святое наше благовѣрие и благочестие. И противу симъ книжицамъ, ихъ же во стамбу вложиша о новѣмъ календари злохитрие езуите, хуляще старѣйшая наша пастыря, о нихъ же утѣшаемся, и рѣша, яко святительство твое на сие есть изволилъ и благословилъ, даже отсюду писанием пастырства посты[жены] будутъ о своемъ лукавствѣ, хуляща на святыя наша отци и учителя. Такоже и о Арменахъ, иже въ градѣ нашемъ, прилежнѣе молимся святительству твоему, не не брези о нихъ, пастыру добрый, ниже честнымъ твоимъ посланіемъ презирая сихъ, но и нынѣ всяко молимся, о святѣйшій отче, посѣти сихъ простѣйшихъ любезнымъ си посланиемъ, наказуя ихъ о

нечестивыхъ догматехъ и зловѣрию ихъ, изобличая имъ злочестивыя ихъ ереси, и о прочиихъ от злоумия держащимся ихъ; таже будет сие вина спасению ходатайствена человѣколюбиемъ Божіимъ и споспѣшенствомъ Духа Свтого. Еще же сему дарованию сподобиши ихъ, о отче, тростію и черниломъ начертаемыхъ от благоглаголиваго ти языка. Всяко теплѣйши будутъ ко учительству соборныя церкве нашея, по малу ко симъ приходяща, от нихъ же испадоша. И о сем паки вопрошаемъ пастырства твоего: аще что сего будетъ или кая полза, еже зѣло желаютъ, даже совокупляемся с ними и брачимся со дщерями ихъ, яко зде во градѣ нашемъ множайша суть, и вси въ соужичествѣ сродства, и не имут кому отдавати дщерей своихъ, сами же собою кровомѣшения боятся. О сихъ всѣхъ извѣщенныхъ и просимыхъ нами молимся святительству твоему благопріятнѣмъ симъ быти, а не вотще; вопроси бо, рече, отца твоего, и возвѣститъ тебѣ, и старци твои, и рекутъ тебѣ. Твое бо бѣ воистинну твое, о чудный нашъ отче, и твоея священныя душа свойственно, еже отъ насъ, ненаказаныхъ дѣломъ и словомъ ненаученныхъ, учителнаго и увѣтнаго слова просити. Тѣмъже уповахомъ на Господа прияти скоро и облобызати, яже нами уповаемая честныхъ учительствъ начертания, наставляющихъ во истинну хотящихъ послѣдовати неврелестно. Молимжеся, о священная наша главо, учителемъ изрядный, и духовнѣ касаемся честнымъ ти колѣномъ преподобия, даже худое сие писание приймеши отъ насъ недостойныхъ, презирая всяко невѣжество и грубость, словесъ художества не имуще, яко в чину учимыхъ еще суще. Такоже и ты, о добрый нашъ пастыру, посѣщай ны всяцемъ образомъ стадо свое, словомъ и дѣломъ. Аще и мали есмы не не брези о насъ. Отецъ бо, рече, небесный благоволи о тебѣ, да не убоишись. Но всяко пекійся о насъ буди Господа ради. По пастырству пастушески, по отческу отчески, и молися о насъ ко Господу, яко да вси будемъ едино о имени Его и молитвами твоими спасемся и благаго жребия получимъ соединяеми о Христѣ Іисусѣ. Аминь.

(*Изъ рукописнаго сборника, содержащаго въ себѣ старинную переписку Львовскаго братства съ разными лицами.*—Означенный сборникъ хранится въ Архивѣ Льв. Ставропигіальнаго Института подъ № 398, гдѣ уцѣлѣвшая часть письма занимаетъ л.л. 91—93.)

Примѣч. 1) Въ помѣщаемой конечной части письма львовскихъ брат-

чиковъ къ константин. патріарху дата не обозначена; но она приблизительно опредѣляется безъ затрудненій. *Во первыхъ*, для этого находятся нѣкоторыя указанія въ самомъ письмѣ. Именно, здѣсь братчики заявляютъ о своемъ *намѣреніи* приступить къ постройкѣ церкви Успенія Пресвятой Богородицы (вмѣсто „состарѣвшейся"), [1]) каковая постройка, какъ извѣстно, *начата была въ 1591 году*; затѣмъ они извѣщаютъ патріарха, что *„настоящаго лѣта* хощетъ быти соборъ *во градѣ Литовскомъ Берестѣ м-ца іюня 24-го."* Постановленіе западно-русскихъ іерарховъ собираться на соборы „въ кождомъ року мѣсяца іюня, водлугъ старого календару" состоялось 20 іюня *1590 года* на Брестскомъ соборѣ (А. З. Р. IV. № 25) и впервые было выполнено въ слѣдующемъ 1591 г.—*Во вторыхъ*, извѣстенъ въ печати документъ съ датою отъ *17 мая 1591 года*: соборная грамота конст. патріарха Іереміи къ кіев. митрополиту Михаилу Рагозѣ, заключающая въ себѣ отвѣтъ на нѣкоторые вопросы по церковнымъ дѣламъ (А. Ю. и З. Р. II. № 159). Сличеніе содержанія этой грамоты съ содержаніемъ помѣщаемаго нами письма показываетъ, что первая написана по поводу послѣдняго,—есть то учительное наставленіе митрополиту отъ имени патріарха, о коемъ его просили братчики.—Сопоставленіе всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ и приводитъ къ заключенію, что разсматриваемое письмо писано было *въ началѣ 1591 года*.

2) Церковь Успенія Пресв. Богородицы, составлявшая предметъ гордости львовскихъ братчиковъ, строилась около 40 лѣтъ и стоила очень дорого. Разумѣется, затрата громадныхъ суммъ, требовавшихся на сооруженіе и украшеніе храма, превышала средства львовскаго братства, къ тому же въ матеріальномъ отношеніи значительно истощеннаго вслѣдствіе того гнета, какой въ это время приходилось ему испытывать со стороны латино-уніатской партіи. Означенная церковь строилась и доведена была до конца преимущественно благодаря *щедрымъ пожертвованіямъ благотворителей*. Въ помѣщаемомъ нами письмѣ братчики, передъ началомъ постройки храма, просятъ патріарха, чтобы онъ обратился съ ходатайствомъ о воспособленіи на это богоугодное дѣло къ „воеводе молдавскому и мултанскому," а также „ко благовѣрному царю великия россіи." Но братчики тогда же, и неоднократно впослѣдствіи, обращались къ означеннымъ благотворителямъ съ просьбами о помощи и непосредственно. Просьбы эти

[1]) Такъ говорится въ помѣщаемомъ письмѣ. Но не описка-ли это, и не слѣдуетъ ли читать—*сгорѣвшей*, такъ какъ извѣстно, что братская церковь въ 1571 г. была истреблена пламенемъ (*Лѣтопись Львов. братства Д. Зубрицкаго, подъ означенныхъ годомъ*), каковое обстоятельство и побудило братчиковъ къ построенію новаго храма? (Впрочемъ, у братчиковъ была церковь, которую они называли *старою*.)

были нетщетны. Въ особенности часто и щедро жертвовали на постройку львовской Успенской церкви молдо-влахійскіе господари изъ фамиліи Могилъ: сначала Іеремія и Симеонъ, а впослѣдствіи—Миронъ Могила Бернавскій. О пожертвованіяхъ братству первыхъ двухъ лицъ мы говорили въ своемъ сочиненіи о *Кіев. митр. П. Могилѣ* (I. 10—11). Приведемъ здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ хозяйственныхъ книгъ львовскаго братства о вспомоществованіяхъ Мирона Бернавскаго. Въ началѣ 1627 года посланъ былъ братствомъ „къ господару земли Молдавской Мирону Бернавскому Могилѣ" нѣкто Лукіанъ Васильевичъ. Результатомъ этой поѣздки было пожертвованіе воеводою 11 бочекъ селитры, продажа которой доставила братчикамъ 4746 злотыхъ. (*Рукоп. Львов. Ставр. Инст.*, подъ № Е. 438). 17 марта 1629 года Бернавскимъ прислано было на постройку церкви 3000 злотыхъ (Ibid.), а къ концу этого года сумма всей переданной симъ господаремъ „ялмужны" простирались уже до 10.046 злотыхъ. (*Ibid.*) Въ 1629 году Бернавскій лишенъ былъ престола и поселился въ Польшѣ, выхлопотавъ у Польскаго правительства *индигенатъ* [1]) (права польскаго дворянства), но и въ это бѣдственное для себя время онъ не переставалъ благодѣтельствовать братству; такъ въ январѣ 1630 г. прислано имъ было „для благолѣпія церковнаго и священнодѣйствія сосудовъ (въ оконченную постройкою церковь) сребра злотистаго штукъ 10", а въ слѣдующемъ году ко времени освященія храма: „крестъ древеный, дробно рѣзаный, рызы среброглавны и стихарь такжешъ, и келимъ перскій, пестрый, долгій, до стѣны запрестолной." (*Арх. Львов. Ставр. Инст.*, № EEE. 484). [2])

---

[1]) *Главный Варшав. Архивъ* (бывш. царства Польс.) Liber. Conc. № 177., л. л. 15—16.

[2]) Въ инвентарѣ (1637 г.) церковныхъ вещей, принадлежавшихъ львовской Успенской церкви, есть указанія и на другія пожертвованія, сдѣланныя въ разное время Мироном Бернавскимъ Могилою означенному храму. Отмѣчаемъ эти указанія:

а) „Евангеліе [напрестольное] Виленского друку, все в срѣбро злоцѣстое дѣломъ злоторацкимъ прекрасно оправное и церкви Божой благовѣрным Господарем Міроном Бернавским даное, якъ само в собѣ естъ съ папером важитъ грывенъ. . 26. лот. 10."

б) „Келихъ срѣбрный злоцѣстый, дискос, лышка, звѣзда; всѣ четыры штуки важат грывен 4, лот. 3. Тое далъ за спасение свое христолюбивый господар Іо. Мирон, воевода Молдавскій."

в) „Кадилница срибриая вся суто злотистая з двома ланцушками сама в собѣ немалая, роботы доброи, которую отдал церкви Божой христолюбивый господар пан Міронъ, воевода Молъдавский, важит грывенъ . . . . . 8. лот. 4."

г) „Каця, котрую христолюбивый господар пан Міронъ Бернавскій за спасение свое церкви отдал, вся суто злоцѣстая . . важитъ . . . . . грывен 8. лотъ 4."

д) „Лямпа малая срѣбно злотистая, гладкая, з ланцушками трема и з вершкомъ гладкимъ, покрывка зъ колцемъ; тую (при иномъ срѣбрѣ) прислалъ в Бозе представшыйся

Нескудны были жертвы на львовскую Успенскую церковь и со стороны московскихъ государей. Такъ, вслѣдствіе просьбы братчиковъ (А. З. Р. IV. № 34), царь Ѳеодоръ Ивановичъ пожаловалъ имъ въ сентябрѣ 1592 года: пять сороковъ соболей и пять сороковъ куницъ на постройку церкви, пятьдесятъ золотыхъ угорскихъ на позолоту царскихъ дверей и на крестъ, 20 рублей на причтъ и 10 руб. на больницу (*Допол. къ Акт. Истор. I.* № 139). Были посылаемы пожертвованія на построеніе Львовской церкви и другими московскими государями. Даже Дмитрій Самозванецъ довольно щедро надѣлилъ просителей отъ имени львовскаго братства. [1])

Въ 1629 году Львовская Успенская церковь была окончена построеніемъ, какъ гласитъ надпись на камнѣ надъ главнымъ входомъ въ нее: „Храмъ сей честный совершися року Божія ҂ахкѳ." — Надписями же въ самой церкви братство желало отблагодарить и увѣковѣчить память своихъ главныхъ благотворителей—храмоздателей. Такъ надъ хорами церковными помѣщена слѣдующая надпись: „Твоя отъ твоихъ тебѣ, Царю Христе, рабъ твой Мѵронъ Бернавскій, воевода Молдовлахіи, совершеніе храма сего любезнѣ приноситъ. Пріими убо милостивнѣ, распныйся плотію Іисусе, Слове Божій, и всѣхъ ктиторъ освяти, храмъ сей и люды зловѣрія избави. Року ҂ахкѳ." Въ главномъ куполѣ, подъ соотвѣтствующими гербами, помѣщены слѣдующія (золотыми литерами) четыре надписи:

1) Всесвѣтло кралствующу Жигімонту третему начало и съвершеніе пріятъ сія церкви.

хрыстолюбивый господар Мѵрон Бернавскій; важитъ . . . . . грывен 1, лот. 11."

е) „Кѵотъ . . . весь срибрнозлотистый о трохъ вежах, на верху на каждои крест, запечатаный з розными святостями. Той кіотъ при иншом срибрѣ прислалъ в Бозе преставлшыйся хрыстолюбивый ктітор Мірон Бернавскій, господар землѣ Волоское, за спасение свое; важитъ . . . . . грывен . . 10.

(Означенный инвентарь находится въ библ. Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 2170. Полное его заглавіе:" Инвентар си́рѣч порѧдное описа́нѧ ве́щей ѡбрѣтающихсѧ в скарбцы цр҃ковном при храмѣ Ѹспенїа Прс҃тыѧ Прⷭ҇но Дв҃ы Марїа во градѣ Лво́вѣ въ мѣстѣ списаный въ рокѹ зъбавенномъ ҂а҃хлз марта в҃і днѧ мною негодным рабом Бж҃ым Константином Медзапетою, на сей часъ писарем братскимъ. Зъ старого инвентара и҆ з прибытком. Под лѣты старѣишых во братиѧх зацне славетныхъ: П. Гаврилиѧ Ланкгиша, Пн҃а Григорыѧ Романовича, Пн҃а Миколаѧ Добранского, Пн҃а Алеѯандра Протоповича.)

[1]) Въ „Книгѣ справъ братскихъ" (№ 435. 13. стр. 3) читаемъ: „1608 мар. 3. Стался зуполный рахунокъ з сумы тоее, которую привезли отъ царя Дмитрія Московского—950 зол. пол." (*ср. Лѣтопись Льв. братства, Зубрицкаго, подъ означеннымъ годомъ.*)

2) Пресвѣтлыи царъ и великіи княз Москвороссіи Θеѡдоръ Ивановичъ бысть благодатель церкви.

3) Ясно свѣтлыя двоица воиводъ Молдавскихъ памет Іеремеи Сѵмеѡна Могилъ ктѵтореи церкви.

4) Ясно свѣтлыи Господаръ воивода Молдавски Мірон Бернавскі Могила съвершител церкви. [1])

Въ 1630 г. шли хлопоты по снабженію новопостроеннаго храма церковною утварью, [2]) а въ началѣ слѣдующаго года, именно 16 генваря, въ воскресенье, состоялось и самое торжество освященія церкви. На это торжество въ сопровожденіи своей свиты (съ *пѣвчими*) прибылъ и кіево-печерскій архимандритъ Петръ Могила, фамиліи котораго львовское братство такъ много было обязано при своемъ храмозданіи.—Въ братскихъ приходо-расходныхъ книгахъ сохранилось нѣсколько небезъинтересныхъ замѣтокъ, имѣющихъ отношеніе къ разсматриваемому событію. Приводимъ эти замѣтки:

„Рок. 1631 генв. 14. Гды отецъ Владыка [львов. епископъ Іеремія Тиссаровскій] до св. Юря въехал, тогды послали му брацтво през п. Михаля Инбуневского пучту [ucztа = угощеніе] зл. 2. грош. 6.“ (*Арх. Льв.*

---

[1]) Надписи приведены Петрушевичемъ въ *Сводной Галицко-русской лѣтописи съ 1609 по 1700 г.* (стр. 67—68), но съ нѣкоторыми пропусками и неисправностями [крупнѣйшая изъ послѣднихъ: *Павелъ* вмѣсто *памет*],—что, очевидно, зависѣло отъ крайне неразборчивой славянской вязи, которою отображены означенныя надписи. Сравнительно исправнѣе послѣдніе четыре надписи приведены во *Временникѣ Института Ставропигійского* за 1867 г. (стр. 64—65.)

[2]) Львовская Успенская церковь по утвари и вообще церковнымъ принадлежностямъ должна быть причислена къ числу самыхъ богатѣйшихъ храмовъ въ юго-западной Россіи разсматриваемаго времени. Изъ вышеуказаннаго инвентаря, составленнаго братскимъ писаремъ Медзапетою, мы видимъ, что въ „скарбцѣ церковномъ при храмѣ Успенія Богородицы“ находилось: *Евангелій напрестольныхъ—девять*, изъ коихъ *шесть* были оправлены въ позолоченое серебро; *крестовъ—шеснадцать*, изъ коихъ одинъ изъ *чистаго золоть*, украшенный драгоцѣнными камнями; *девять*—серебряные, одинъ—мраморный въ серебряной оправѣ и остальные—деревянные, обложенные серебромъ; *келиховъ* (съ дискосами и звѣздицами)—*девять*: изъ нихъ *семь*—серебряные, большею частію позолоченые; *кадильницъ и кацій* шесть (одни серебренныя, остальные посеребренныя—„срѣбрно—бѣлыя“; *лампадъ* („лампъ“) *серебряныхъ двьнадцать*; *коронъ* и *вьнцовъ* къ образамъ *шестнадцать*,—изъ нихъ большая часть серебряные, иногда украшеные каменьями; двѣ *коруны* венчальныхъ „срѣбрныхъ позлотистыхъ“ [„нецо с мелцомъ, в кождои корунѣ по 16 каменей простыхъ рознои форбы; важатъ обѣ зо всѣмъ грыв. 3. лот. 13]; *кготовъ и мгрницъ* срѣброзлотистыхъ *четыре; лѣхтарей серебряныхъ—шесть паръ*. (Затѣмъ въ инвентарь занесено довольно значительное количество разныхъ мелкихъ серебряныхъ вещицъ).—Значительная часть этой церковной утвари поступила въ братскую львовскую церковь (въ разное время) путемъ пожертвованій.

Ставр. Института, № Е. 438; отдѣльный листокъ, вложенный въ означенную рукоп. книжку).

„1631 генв. 15. Въ суботу предъ посвященіемъ церкви владыцѣ учта рыбы и хлѣба коштуетъ . . . . . злот. 2. грош. 6.“

„Отцу архимандриту Печерскому Петру Могилѣ . . . . . 2 з. 24 гр.“

„Генв. 16. Коштует бытность владычая през килко дней так, що отецъ Василей выдал подчуючи владыку, такъ теж п. іереивъ, кушнѣ, кухаркамъ и спѣвакамъ владычимъ и от. архимандритовым, всего на все вышло . . . . . зл. 75 гр. 22.“ [1])

„18 генв. в второк, по посвяченю обѣдъ брацкій на владыку, черницовъ, поповъ, шляхту, з пивом, медом, винами 8 гарцев и за горѣлку всего на все коштует . . . . . 41 зл. 14½ гр.“

„Тогдыж у во второк отцу архимандриту Печерскому струцель и рыбъ куплено . . . . . за зол. 2. гр. 24.“

„Архимандритовымъ спѣвакамъ, которые докучали о нагороду за спѣваніе, далемъ . . . . . зл. 4.“

„Попъ нашъ о. Василій реистръ прислалъ, иж въ суботу перед освященіемъ церкви вечеру далъ владыцѣ, котрая коштуетъ . . . . . зл. 8.“

„Въ суботу туюж вина 7 кварт по грош. 24 далемъ . . . зл. 5 гр. 18.“ [2])

3) Прошеніе братчиковъ къ константинопольскому патріарху имѣло цѣлію, между прочимъ, уврачеваніе тѣхъ недуговъ, которые вносили крайнее разстройство въ дѣла западно-русской церкви и сѣтованія на которые съ конца XVI стол. все чаще и чаще начинаютъ раздаваться изъ устъ ревнителей православія (двоеженство священниковъ, поврежденіе церковной обрядности, недостатокъ религіозно-просвѣтительныхъ средствъ, разшатанность нравственныхъ принциповъ, и т. п.). Изъ особенностей сохранившейся части письма отмѣчаемъ слѣдующія:

α) Вопросъ о мѣстѣ, гдѣ *должна быть устроена крестильница:* „аще посредѣ церкви лѣпо ей быти.“ Вопросъ созрѣлъ у братчиковъ вслѣдствіе дошедшихъ до нихъ слуховъ „отъ нѣкіихъ христолюбецъ грековъ, яко въ

---

[1]) *Арх. Львов. Ставр. Институт.*, № кн. Е. Е. Е. 484.

[2]) Ibid. № Е. 438. (отдѣльный листокъ).—Приведенныя нами хозяйственныя замѣтки, достаточно характеризуя *бытовую сторону*, имѣющую отношеніе къ означенному торжеству львов. братчиковъ,—даютъ возможность констатировать еще тотъ фактъ, что кіево-печ. архимандритъ П. Могила не *присутствовалъ* на обѣдахъ и вечеринкѣ, даваемыхъ отъ имени братства владыкѣ, духовенству и другихъ лицамъ,—фактъ, въ связи съ нѣкоторыми другими данными, имѣющій значеніе для характеристики *аскетическихъ взглядовъ* этого іерарха.

церкви престола" констант. патріарха „посреди церкве сей [крестильницы] быти",—и на основаніи словъ типика: „во навечерие просвѣщения исходим ко крестилницы",—„еяже—заявляютъ братчики—во церквахъ нашимъ отнюдъ нѣстъ."—Здѣсь со стороны братчиковъ видно нѣкоторое недоразумѣніе. Еще съ IV в., когда стали устрояться христіанскіе храмы на открытыхъ мѣстахъ, при нихъ стали сооружать *и особыя мѣста для крещенія*. Но они устроялись преимущественно въ отдѣльныхъ зданіяхъ, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ храмовъ, а если иногда находились и въ самомъ храмѣ, то не *по срединѣ* его, а въ боковыхъ притворахъ или (что рѣже) въ какомъ либо изъ боковыхъ кораблей церкви. (*Очерки изъ исторіи христіанскаго храма*. Н. Красносельцева. Казань. 1881 г. вып. 1-й. стр. 335 и слѣд.,— гдѣ см. и цитаты). Тоже самое видимъ мы и въ послѣдующее время (см. *Второе посѣщеніе св. Авонской горы Василія Григорьевича Барскаго*, изд. Палест. Общ. стр. 26, 133, 212.) Выходы для водоосвященія въ навечеріе Богоявленія (и въ первыя числа каждаго мѣсяца) совершались именно къ этимъ водоосвятительницамъ (крестильницамъ), посрединѣ коихъ обыкновенно находилася *чаша*—φιάλη, λουτήρ. „Ἐξέρχονται εἰς τὸν λουτῆρα τοῦ μέσι αὐλοῦ τῆς ἐκκλησίας"—читаемъ въ Προφητολόγιον'ѣ 1203 г. [1])—Подобныхъ крестильницъ въ юго-западной Руси разсматриваемаго времени не было. К. Саковичъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи Ἐπανόρθωσις *abo Perspektiwa* говоритъ (стр. 1): „*krzcilnic w cerwiach* (православные западно-руссы) *nie maią*, ale tak nad ziemią dziecie obnażone oblewaią, a czasem y barzo zimną wodą"... et caet. Авторъ Λίθος'α, опровергая или ослабляя нападенія Саковича на западнорус. церковь, по поводу приведеннаго заявленія о крестильницахъ замѣчаетъ: „Ieżeli takich (krzcilnic) iaka była przy krzscie ś. Konstantina wielkiego, o ktorey Durantus lib. I. cap. 19., tedy pewne nie tylko w ubogich Ruskich cerkwiach, ale y w naydostatneyszych Rzymskich kościołach ich nie naydziesz. Ale żeby penitus żadne naczynia dla krzstu w cerkwiach nie były według przemożenia, asserete, Kassiane, wzdrygay się".—(стр. 7—8) К. Саковичъ на бывшемъ у него подъ руками экземплярѣ Лиѳоса (находится въ библ. Варшавскаго Университета) противъ означеннаго мѣста написалъ слѣдующее: „Ani w Kiiowie, ani w Wilnie, *ani we Lwowie*, y nigdzie zgoła nie wiedzielismy tych krzcilnic, a iesli te iuż znayduią się, to chwalę. Lecz ia to mowie, że takich krzcilnic nie macie, iako w kościele Rzymskim, z ktorych y nad ktoremi kapłan dzieci krzci, gdzie y woda święcona y Chrismo znayduie się, y nie poydzie to w profonowanie, y nie potrzeba się

[1]) Копія съ рукописи библіотеки бывшаго крестнаго монастыря въ Іерусалимѣ, № 39,—списанная А. А. Дмитріевскимъ (находится въ его портфейлѣ). Срав. *Церковный Уставъ* (типикъ) И. Мансветова. Москва. 1885 г. стр. 160—161.

obawiac o iaki casus, żeby albo nie zalac dziecięcia, pogrążaiąc go, albo żeby ono dziecie posmrodziło się w tey waszey krzcicielnicy"...

β) *Просьба къ патріарху о присылкѣ св. мощей* (разумѣется, частицъ мощей), *вызванная предполагаемою постройкою новаго храма.* Здѣсь, надо полагать, испрашиваются мощи не для антиминса (въ чемъ надобности пока еще не предвидѣлось), а для закладки церкви,—для положенія ихъ подъ подъ-престоліе.—Что касается до частицъ св. мощей и вообще свято-чтимыхъ предметовъ, то ими Успенская церковь львовскихъ братчиковъ въ 30-хъ г.г. XVII столѣтія была не скудна. Къ 1637 году въ означенной церкви, какъ видно изъ вышеупомянутаго инвентаря, находились слѣдующія частицы мощей: 1) св. великомученика Пантелеимона; 2) св. Ипатія; 3) св. первомученика Стефана архидіакона; 4) святого [„для старости—заявляетъ составитель инвентаря—не могу прочитати которого святого"]; 5) св. Іоанна Крестителя; 6) св. Марка евангелиста; 7) св. Луки евангелиста; 8) св. Петра апостола; 9) св. апостора Андрея; 10) св. апостола Іакова; 11) св. Іакова праведника; 12) св. мученика Евстафія; 13) св. мученика Пантелеймона; 14) св. Макарія; 15) св. Поликарпа; 16) святыхъ Гервасія и Протасія; 17) св. Григорія Назіанзена; 18) св. мученика Лаврентія; 19) св. Иларіона; 20) св. Кирилла; 21) св. Екатерины; 22) св. Елизаветы; 23) св. Софіи; 24) св. Христины; 25) св. Іакова „Персенина"; 26) св. Христины мученицы, и 27) св. Маріи Египетской.—Нѣкоторые изъ этихъ мощей вложены были въ кіоты; большая часть вдѣлана въ особенный, довольно значительныхъ размѣровъ крестъ, сооруженный, „за совѣтомъ всѣхъ братій" изъ чистаго серебра, пожертвованнаго разными „благодателями".—Кромѣ того въ львовской Успенской церкви находились разныя святыни: „отъ Христова гроба; отъ горы Елеонская, где родися Пречистая; отъ горы Голгофы, где Гелена нашла крестъ; отъ горы, где ся Христосъ молилъ; отъ Іордана, где ся Христосъ крестилъ; отъ Вифлеема, где ся родил Христосъ."—Былъ также „и воскъ отъ гроба Спасителева." Всѣ эти святости (земля и проч.) были „запечатованы", вмѣстѣ съ нѣкоторыми частицами мощей, въ кіотѣ, пожертвованнымъ господаремъ Мирономъ Бернавскимъ.

γ) *Просьба о присылки съ подписомъ патріаршей руки сочиненія, направленнаго противъ латино-уніатовъ съ цѣлію напечатанія его* (просьба, очевидно, вызванная усилившеюся пропагандою католицизма.)

δ) *Просьба о присылки богослужебныхъ и право-учительныхъ книгъ*, вызванная поврежденностію церковной обрядности въ юго-зап. Руси и вообще недостаткомъ здѣсь религіозно-просвѣтительныхъ средства.[Реэстръ книгъ, находившихся въ Львов. Братствѣ въ 1601 г. напечатанъ нами въ прилож. къ сочиненію *Кіев. митрополитъ П. Могила*, № XXI; въ 1630-хъ г.—какъ видно изъ реэстра книгъ, составленнаго около 1638 года (хранится *въ ар-*

живъ Льв. Ставр. Институт.) и инвентаря Медзапеты, значительно пріумножилость. Приводимъ соотвѣтствующее мѣсто изъ реэстра [1]) въ полномъ видѣ.

Книги розные славенскіе.

Бесѣды Злат. на Іоана част а̃. Бесѣды Златоуста на Дѣяния, трои книги друку кіевского. Бесѣды Злат. на д̃і посланий Апостолских, трои книги. Бесѣды Злат. на Матѳ. и на Марка Евангелистовъ. Бесѣды Злат. на Матѳ. и Іоанна Евангелистовъ, красно оправные. Бесѣды Злат. на Дѣяния и на д̃і посланій зъ московского писани. Бесѣды Злат. на Іоана Евангеліе. Бесѣды Злат. на нѣкоторые слова Апостол., in quarto. Бесѣды Злат. на Матфея. Бесѣды Злат. на Іоана, част к̃. Бесѣды Злат. на Матфея Соборникъ на вес постъ. Соборникъ на Пятдесятницу. Соборникъ на часть Псалмовъ. На празники слова и на Апокалипсисъ толкованіе. Соборникъ ѯ̃ дневный въ началѣ святого поста. Соборникъ през вес год празник Господнихъ, богородичных и святым великим. Соборникъ святого Василия. Соборникъ словъ душеполезныхъ Анастасія и Іоанна мниха. Соборникъ— различные жывота святых, in quarto. Дамаскинъ книга. Никонъ книга невеликая. Шестодневникъ на Бытейские слова. Дионисій Ареопаіта славенскій. Маргарыт книжка, in quarto. Во святых отца Грыгорыя, иже въ Омарынъ градѣ сотвореных чудесъ. Василіа великого (о постничествѣ?) друку острогского. Златоустаго толкование Палтыри Давида пророка. Афанасия святого толкованія Палтыры. Библия славенская острогского друку. Библия другая тогож друку. Зъ Библей є̃. книг Моисеовыхъ. Псалтыр толкована, красно оправная. Правила святых отцов двои. Феофилактъ на всѣ а̃ Евангелисты толкованыи. Максима инока книга. Діонисий Ареопагыта. Соборникъ на паргаменѣ. Евангеліе учытелное. Евангеліе учытелное крилоское. Евангеліе учытелное друку стрятинского. Евангеліе учытелное другое, друкованое. Евангеліе учытелное виленскаго друку. Евангеліе учытелное Кірылового прекладаня. Евангеліе книга. Поучения розная от бесѣдъ Златоустаго нѣчто. Соборничокъ, in quarto. Іоанъ Лѣствичникъ, in quarto. Апокалипсис толковый, in quarto. Премудрости Соломона друку празкого. Псалтыр виленского друку, на десту. Псалтыр тогож друку, на десту. Двѣ Псалтыры лвовского друку, in quarto. Псалтыр виленская на пул десту. Псалтыр красно и злотом мѣсцами пстро покрыта. Псалтыр и Часослов писаный вкупѣ. Псалтыр невязаная, старая. Псалтыр с Типиком, мѣсцами злотом прописана. Часословъ друку острогского. Часословъ друку лвовского, in octavo. Часослова острозкаго част. Мѣнея избранная кіевского друку. Апостолы два

[1]) Реэстръ и инвентарь почти дословно сходы. Въ послѣднемъ не достаетъ только одной книги, что̀ въ своемъ мѣстѣ будетъ отмѣчено.

друкованые. Апостолы два писаные на паперѣ. Апостолы два писаные на перкгаменѣ. Служебникъ друку стрятинского, in quarto. Лѣкарство духовное, in quarto, на паргамѣне. Тестаментъ друку острозкого. Молитвы острозкого друку in octavo. Служебникъ писаный старый. Истолкованіе Евангеліи розных, in octavo. Молитвы дневные друкованые, in octavo. Библия острозкого друку въ червономъ аксамитѣ, осма нарожницами и двома клавзулами (w skarbcu iest) срибрными украшена, тую даровал церквы отецъ Василий Боярскій, священникъ мѣстский, w skarbcu iest. Отецъ Захарыя Копыстенскій, Архімандрыт кіев., двѣ книги до скарбцу даровалъ на апостола Павла посланіе, а другое на святых апостолъ Дѣянія омѣліи Златоустаго. Двѣ триоди кіевскаго друку. Трефолой кіевскій невязаный, на долѣ в склепе. Трыод постная писаная. Трыод цвѣтная писаная. Трыод постная друкованая з пуклями. Трыод цвѣтная друкованая зъ пуклями. Охтоикъ друку острозкого. Уставъ церковный новописаный в церкви. Первогласникъ писаный. Два пятогласники писаные. Двѣ Псалтыри толкованые, красно оправные, in folio. Мѣнеи мѣсячные, мартъ и апрылъ вкупѣ. Март и апрылъ другая. Май. Май и іюнъ вкупѣ. Іюнъ особный. Іюнъ на паргаменѣ. Іюлъ. Іюлъ и августъ вкупѣ, Августъ. Септеврый. Септеврый. Октобрый in folio. Октобрый in quarto. Ноемврый. Ноемврый на паргаменѣ. Декемъврый. Генвар и февраль вкупѣ. Генвар и февралъ вкупѣ. Прологъ наиболшый мартовой на паргаменѣ. Потом чтыры прологи на паргаменѣ. Уставъ Ерусалимский, на четвертнѣ. Уставъ писаный старый, in quarto. Книжка Азаріева о вѣрѣ единой, кіевскаго друку, съ Омиліей погребовою, in quarto. [1]) Каноны Богородицы, писаны, in quarto. Требникъ Стрятинский. Служебникъ друку Мамоничовскаго, просто оправный. Часословъ Мамоничовский. Ірмолои нотованыи. Помяникъ на полдесту. Богородичник в политурѣ на десту. Служебникъ писаный зъ осма пуклями срибрными, табличка зъ распятием и клавзулѣ двѣ срѣбные (w skarbcu). Служебникъ Мамоничевский, аксамитом чырвоным (w skarbcu) покрытый, зъ осма нарожницами великими. Таблица великая зъ распятиемъ въ посродку и зъ двома клавзулами, а тое все срѣбрное. Служебникъ вкупѣ и требникъ друку виленского, w skarbcu, самымъ толко аксамитомъ чорнымъ покрытый. Шест охтаевъ новыхъ друку лвовского, без богородичников. Трефолой друку лвовского. Трефолой кіевского друку. Три Евангелии учытелныи. Апостол толкованый. Дорофѣей. Діание Грегорыево, in quarto. Повчения розные in quarto. Слова

[1]) Этой книги въ инвентарѣ Медзапеты нѣтъ.

избранныа из Библіи, in quarto. Мѣнея подраная. Триод на пергамѣнѣ постная. Устав московскій. Прелогъ московскый. Соборникъ албо поучения. Евангелие Матфея и Лукы. Псалтыр друку лвовского. Два служебники друку стрятинского in quarto, а другии in octavo въ церквы. Трефолой в церквы. Часослов и мѣсяцослов. Апостолъ в церкви. Требники в церкви. Евангелие на папѣрѣ реаловомъ великое. Два прологи Московского друку, в каждымъ по 6 мѣсяцій.

Книги грецкие розные.

Іоана Златоустаго осмъ томовъ, каждые особно. Мѣней чтыры, всѣхъ дванадцати мѣсяцей. Діонисий Ареопаита. Типік албо уставъ грецкий отца Петра Могилы, митрополита киевскаго. Анѳологіонъ. Пендикостаріонъ. Анѳолокгионъ другий. Тріодионъ. Параклѣтики. Евхолокгионъ. Пендикостаріонъ. Анагностиконъ. Новый тестаментъ. Никифоръ, греколатінон. Новый тестаментъ другій. Адилон писаная в полѣтурѣ. Литургии грецкое початокъ. Псалтиріонъ. Органон Арыстотелѣсъ. Опера Лукіянѣ. Псалмы вѣршемъ друкованые, малые. Евангелие грецкое, in quarto. Евангеліе зас грецкое ин кварто. Евстафіа Архіепископа книга, in folio. Вивліофика Фотіа, in folio. Плутархос. Алкіviадус, in folio. . . . . Fucydides. Pauli Egmina(?). Xenophon. Eusebius. Opera Aristotelis вшыстко грецкие. Virgilius, Georgicorum, in quarto. Aristotelis de arte, in quarto. Hesiodus, in quarto. Appiani Historia grecolatina. Генвар и феврал грецкии (sic). Анфологион грецки. Бесѣды Іоана Злат. на Деян. и послания Апостол. грецкии великии. Damastiyn greckiy in folio y z łaciną Eustafia Archyiepiskopa Salonickiego, in folio, sama grecka. Oratorum veterum orationes, sami greckiy, in folio. Platona opera fylosofa, sama grecka, in folio. Ioana Chrysostoma greko-łatina, in folio. Enchirydion Alexandra, in quarto, greko-łatyna. Eurypidis tragoedyum, greko-łatino, in quarto. Pindarus in quarto, sama grecka. Demostinowa sama grecka. Ermoenowa sama grecka. Testament greckiy in octavo. Organon tis filosofias, sami greckiy in octavo. Iana Chrysostoma greko-łatyna in octavo. Apopryfy grekolatina, in octavo. Arystotel grekolatyno in octavo. Gramatyka grecka lwowskiego druku, in octavo. Fukydida, xięska w paliturze czerwoney, sama grecka. Epiktita stoyka filosofa Enchirydyon grekolatino, in octavo.

Книги латинские.

Sabelitius łacinskiy in folio. Oryienes łacinsky in folio. Dykcyonar łacinski, in folio. Oryienes łacinsky in folio. Cornelius łacinsky gramatyka. Jelyiaska proroka, greko latyna, in octavo. Aristotela greko latyna, in octavo. Matey Maloficarum łacynska, in octavo. Wirgilleusz łacynski, in octavo. Em-

manuelis, sama łacyna, in octavo. Tigurus w paliturze bialey xiąska in octavo. Biblia greko latina in octavo. Biblia greko latina in octavo. Dyalektycae et retorycae precepta, w paliturze, latyna sama. Chronografyia latyna, in octavo. Ovidius, latyna, in octavo. Gramatyka greko latyna, in octavo. Ovidius xiąska łacyna, in octavo. Oracyuszowa xiąska latina, in octavo. Ovidius, xiąska łacyna, in octavo. Cyceronowa, łacyna sama, in octavo. Walenteo Maxyma xiąska łacina, in octavo. Gramatyka, xiąska greco latyna, in octavo. Apolonii Alexandrini, greko latina, in quarto. Gramatyka greko latyna, in octavo.

Книги полские.

Жывот Пана Езусовъ. Кроника Бѣлского на пулдесту. Студнѣца жывота. Сумма ї приказаній Божскихъ. Старый Закон. Бѣблея полска на десту. Десятеро приказаня. Гисторыя Венгерская. Псалтыр полский. Рай духовный. Чыстецъ. Постила полскаа. Грамматика Кленарди. Седмъ Псалмовъ. Цассые Панские. Поздровляня панны Маріеи. Езусъ Сѣрахъ. Диспутация Любелска. Вѣридарня жыдовскии. Роздзялъ книжка. Модлѣтвы. Авреліушъ. Авкгустинъ. Конституции в чырвонои полѣтурѣ, на долѣ в склепу. Библия полская, in folio. Годѣнъки наисветшей Панны. Артыкулы братства святыя Ганны. Катехизмъ. Модлитвы розне. Модлитвы другіа. Конституцѣи полские. Кроника ческа Вялска. Постила Бялобурискего Вялска. Быблия ческа Вялска.]

ε) *Вопросы, предложенные объ Армянахъ, находившихся въ Львовѣ*, имѣютъ значеніе для характеристики отношеній къ нимъ львовскихъ братчиковъ.

Письмо львовскихъ братчиковъ къ патріарху Іереміи, безъ сомнѣнія, не осталось безъ отвѣта. Хотя его грамоты *собственно къ братству* мы и не знаемъ, но извѣстна уже упомянутая нами грамота Іерѣміи къ митрополиту М. Рогозѣ (А. Ю. и З. Р. № 154), о которой просили сего патріарха братчики и въ которой онъ даетъ отвѣтъ на вопросы, предложенные въ помѣщенномъ нами письмѣ. Грамота эта краткая и отвѣтныя извѣщенія въ ней носятъ общій характеръ, не отличаясь обстоятельностію (отвѣчаемъ—говоритъ патріархъ—„кратносложне.“). Наставленіе патріарха (въ сей грамотѣ) относительно брака съ Армянами (онъ дозволяется только подъ условіемъ ихъ *перекрещиванія*) вполнѣ гармонируетъ съ господствовавшими въ Византіи строгими взглядами на „армянскую ересь.“ („крещеніе ихъ, яко не суще.“)

VI.

Оффиціальное донесеніе польскому королю Сигизмунду III кіевскаго подчашаго Лаврина Лозки о томъ, что архимандритъ кіево-печерскаго монастыря съ капитулою не допустили его ввести митрополита (уніатскаго) И. Поцѣя во владѣніе „добрами", принадлежащими кіевской митрополіи и онъ—Лозка—передалъ Поцѣю только Кіево-софійскій соборъ и Выдубицкій монастырь.

1600 г. 15 іюля.

Naiasnieyszy a miłosciwy Krolu, Panie, Panie, a Panie moy miłosciwy!

Uniżone służby moie miłosciwą łaskę Waszey krolewsky M-sci, mego miłosciwego pana, pilnie zaliecam. Za roskazaniem Waszei Krulewskiey M-ci, mego miłosciwego Pana, iezdziłem do Kijowa, abym był te dobra, kture należą Jego Mosci Oycu Ipateiewi Pocieiowi, mitropolitowi Kijowskiemu, odebrawszy y oddał; a gdym sam do Kijowa przyechał, pan Pletenecky, ktury się byc mieni Archimandritem Pieczerskim, i z kapitułą Pieczerską, nie będąc posłuszni roskazaniu Waszey Krolewskiey M-sci, naszego miłosciwego Pana, tych mi dobr bronily i uwiazania nie postąpili, powiadaiąc, że na tem iakiesci przezyski maią; iam im, iako nieposłusznem, mandat Waszey Krolewskiey M-sci dał i rok za szesć niedziel przed Waszą Krolewską Moscią oznaimił. To też Waszey Krolewskiey M-sci, panu memu miłosciwemu, oznaimuie, iż koscioł Swiętey Sofyi i drugi monastyr Wydubicky ze dwiema wioskami Jego M-sci oycu mitropolitowi podał. Na ten czas, nie maiąc co dalei pisac, nanizsze służby moie do miłosciwey łaski Waszey Krolewskiey M-sci pilnie zalecam. Data z Kyowa. An. 1600, Juli 15.

Waszey Krolewskiey M-sci nanizszy
sługa

Lawryn Lozka, podczaszy i dworzanin Waszey Kr. M-sci.

(Съ подлинника, хранящагося въ *Архивѣ Греко-уніат. митрополитовъ при Св. Синодѣ;* по новой описи № 3361.)

Примѣч. По поводу помѣщеннаго документа мы считаемъ не лишнимъ остановиться на двухъ вопросахъ: во 1-хъ, въ какомъ видѣ перешелъ во владѣніе уніатовъ кіево-софійскій соборъ и, во 2-хъ, когда именно они овладѣли этимъ соборомъ.

1) Основываясь на давнихъ свидѣтельствахъ, что церковь святой Софіи перешла при митр. Петрѣ Могилѣ въ веденіе православныхъ въ очень жалкомъ видѣ, въ *руинахъ* („tylko nie do gruntu tak spustoszała, odarta y opadła") [1]), изслѣдователи очень долгое время обыкновенно приписывали ея разореніе уніатамъ. (см., напр., *Описаніе Кіево-соф. собора* преосв. Евгенія, изд. 1825 г., стр. 34.) Но П. Г. Лебединцевъ въ своемъ прекрасномъ рефератѣ, читанномъ на III Археогр. съѣздѣ „О св. Софіи Кіевской", констатировалъ, что этотъ храмъ былъ сильно разоренъ еще ранѣе введенія въ юго-зап. Россіи уніи и уніаты только *довершили его запустѣніе.* Референтъ дѣлаетъ любопытную ссылку (требующую, впрочемъ, точной цитаты) на документъ половины XVI стол., именно на рапортъ къ королю кіевскаго городничаго, гдѣ послѣдній упоминаетъ, что *на кровлѣ св. Софіи ростутъ деревья.* Правда, при митрополитѣ Ильѣ Кучѣ софійскій намѣстникъ панъ Богушъ Гулькевичъ—Глѣбовскій „своими власными пѣнезми учинилъ немалый поратутокъ и подпоможене въ оправѣ великоѣ церкви святоѣ Софіи, ее покрылъ и побилъ" (А. З. Р. III. 83); но вскорѣ „недбалость" кіевскихъ митрополитовъ, доходившая до того, что архіепископія кіевская при митрополитѣ Онисифорѣ Дѣвочкѣ очучилась въ рукахъ какого то „жолнѣра" и при томъ „еретика", была причиною все бо́льшаго и бо́льшаго упадка означенной кіевской святыни. „Въ 1596 г. Геденштейнъ, секретарь короля Сигизмунда III, засталъ кіево-соф. храмъ въ такомъ жалкомъ видѣ, что въ немъ уже не совершалось богослуженіе."—Мы вполнѣ раздѣляемъ высказанное уважаемымъ изслѣдователемъ мнѣніе о запустеніи св. Софіи кіевской еще до перехода ея къ уніатамъ. Съ своей стороны для вящщаго подкрѣпленія этого мнѣнія мы приведемъ свидѣтельство современника—очевидца, писавшаго объ означенномъ храмѣ *за годъ* до оффиціальнаго провозглашенія на Брестскомъ соборѣ религіозной уніи. Мы имѣемъ въ виду кіевскаго бискупа Верещинскаго, который въ изданномъ имъ *въ 1595 году* сочиненіи—*Sposob osady nowego Kijowa*—о Кіево-софійскомъ соборѣ, между прочимъ, сообщаетъ нижеслѣдующія свѣдѣнія: „Kijow w zamku swym stolecznym miał nayosobliwszy kościoł grecki, nazwany z grecka *Sophia.* Sam kościoł wewnątrz dziwnemi i niewysławionemi kamyczkami tak pozłotistymi, iako i smelcowa-

[1]) *Patericon,* С. Коссова, изд. 1635 г. стр. 181.—Сравн. панегирикъ поднесенный Петру Могилѣ въ 1633 г.—„Mnemozyne sławy, prac" et caet.

nemi rozmaitych fabr, miasto malowania są osób świętych, nader też subtelnym micerstwem wykonterfetowane, byś też na żywe osoby miał patrzyc człowiecze. A iest w wierzchu dwiemanaścioma wież zawierszony, a trzynasta bania nakształt laterni iest śrzod kościoła i zewnątrz kamyczkami, takież subtelnych rozmaitych farb figury czterych ewangelistow i inszych apostołow, sadzeniem zubtelnem wykonterfemowane, która to bania iasności wielkiej dodaie prawie wszystkiemu kościołu. . . . . *który teraz, ach niestety, iest nietylo przez bydłie, szkapy, psy, a swinie barłogi sprofowany, wespółek i z ozdobą kościelną niepomalu naruszony,* która od doździów niszczeie przez zle pobicie, *ale i na poty przez zły dozór metropolitow kijowskich, a przez oziablośc panow greckich, temi czasy począł się nabardziey walić,* ktoremu by ieszcze mogł się snadny ratunek dac, gdyby się chcieli panowie greckiey wiary z metropolitami swemi znowu P. Boga rozmiłować..." [1])

2) Рѣшеніе втораго вопроса—когда уніаты овладѣли кіево-софійскимъ соборомъ, а въ связи съ этимъ и сколько времени владѣли имъ,—представляетъ нѣкоторыя затрудненія, вслѣдствіе неопредѣленности и противорѣчивости (по крайней мѣрѣ, *кажущейся противорѣчивости*) источниковъ.

Установилось было и долго держалось мнѣніе, что означенный соборъ заняли уніаты въ 1596 г., т. е., при самомъ введеніи уніи, и *непрерывно* владѣли имъ до 1633 г., до вступленія на кіевскую митрополію Петра Могилы (см. напр., *Описаніе Кіево-соф. собора,* преосв. Евгенія. Кіевъ. 1825 г., стр. 34.) Но сравнительно въ недавнее время мнѣніе это признано несостоятельнымъ, какъ несогласное со вновь обнародованными источниками.—Въ А. Ю. и З. Р. помѣщены протестаціи запорожскихъ казаковъ (№ 36) и кіевскихъ священниковъ (№ 37) противъ Антонія Грековича, оффиціала уніатскаго митрополита, о томъ, что онъ, прибывши въ началѣ 1610 года въ Кіевъ, дѣлаетъ насилія здѣшнему духовенству, стараясь подчинить его власти означеннаго митрополита. Въ послѣдней протестаціи священники, между прочимъ, заявляютъ, что они въ первую недѣлю поста, „кгды соборъ у церкви святого Софія водле стародавняго звычаю припадалъ, ... *того дня соборомъ въ той церкви службу божую мивали.*" Но

---

[1]) Далѣе Верещинскій говоритъ о стольже печальномъ состояніи и кіевской латинской каѳедры. Приводимъ это мѣсто: „Toż się dzieje i z biskupstwem Kijowskim a z katedzą iego, ktorey i szczątku nie masz. Iakoż Kijow, będąc więcej niż przez sto lat bez biskupów swych własnych, żyli też na świece iako owce bez pasterza, nie maiący (iakom ia zastał) ani iednego kapłana, kościoła i ołtarza, oprócz kapliczki iednej na zamku, gdzie urzędnicy zamkowi na wzgardę w nią zawieraią szkapy swe, a drugi kościołek Dominikanów i z zakonnikiem iednym"...

Грековичъ, въ виду несогласія священниковъ признать его своимъ протопопомъ и подчиниться уніатскому митрополиту, не допустилъ ихъ отправить соборное служеніе во св. Софіи. „Што мы—заявляютъ священники—всѣ міромъ, то естъ поспулствомъ такъ тутошнимъ, яко зъ околичныхъ далекихъ сторонъ, на тотъ соборъ згромажонымъ, видечы, ижъ насъ до соборное церкви святого Софія отправовать хвалы Божое не допущено, освѣдчившы, порядкомъ звыклымъ фалу Божую у Кіевѣ у церкви тежъ соборной светое пречистое отправовали и порядкомъ звыклымъ стародавнымъ мили и одправовали.“—[1]) Кромѣ того издатель *Матеріаловъ для исторіи Кіев. митрополіи*, въ примѣчаніи къ одному изъ документовъ (стр. 17) упоминаетъ (безъ желаемой, впрочемъ, цитаты) о сдѣлкѣ уніатскаго митрополита Ипатія Поцѣя съ православными относительно сдачи ему Кіево-софійскаго собора, заключенной въ 1609 году.

На основаніи вышеприведенныхъ данныхъ и дѣлается выводъ, что на первыхъ порахъ *унія въ Кіевъ не могла проникнуть: всѣ кіевскіе священники оставались вѣрными православію, не признавая надъ собою власти уніатскаго митрополита*,—причемъ въ дѣлѣ охраненія въ этомъ городѣ православія значительная доля заслуги приписывается князю К. К. Острожскому, бывшему въ то время кіевскимъ воеводою. Отмѣчается тотъ фактъ, что когда въ 1603 году, по открывшейся надобности, кіевское духовенство избрало себѣ протопопа Ивана Мужиловскаго, то послало свой выборъ къ князю, который и *благословилъ* Мужиловскаго „на то старшинство“,—благословилъ, очевидно,—добавляютъ изслѣдователи—какъ экзархъ патріаршій. Поэтому только послѣ смерти князя Острожскаго уніатскому митрополиту Ипатію Поцѣю въ 1609 году, во время пребыванія своего въ Кіевѣ, удалось заключить съ православными сдѣлку о передачѣ ему Кіево-софійскаго собо-

---

[1]) Протестація кіев. священниковъ занесена была въ гродскія кіев. книги 26 марта 1610 г.—Спустя почти 5 мѣсяцевъ, именно 20 авг., въ свою очередь занесъ протестацію противъ кіев. духовенства и Антоній Грековичъ. Онъ жаловался, что „войтъ и вся рада съ послполствомъ“ противились его назначенію на должность протопопа, а „священники, кгды отъ него были реквированы, абы зъ нимъ службу Божую въ первую недѣлю въ постъ великій служити до церкви светое Софіи пошли, не хотѣли.“ (А. Ю и З. Р. II. № 41.). – Если будетъ со временемъ второе изданіе А. Ю. и З. Р., то въ этомъ документѣ должны быть сдѣланы слѣдующія поправки: Во фразѣ—„На врадѣ кгродскомъ *Кіевскомъ* въ замку Володимерскомъ,“—слово—*Кіевскомъ*—должно быть опущено.—Вмѣсто: „въ той мѣрѣ се утекли. . . . (ин)формованьемъ“,—должно быть: „въ той мѣрѣ се утекли и за информованьемъ“.—Вмѣсто: „навѣтъ и пер. . . . своихъ наставлять,“—должно быть: „навѣтъ и *персей* своихъ наставлять“.—Вмѣсто: „а мы такого . . . . и боронить;“ должно быть: „а мы такого *щитить* и боронить.“ (Исправлено по кн. въ *Кіев. Центр. Арх.* № 974, л. л. 556—558.)

ра, послѣ чего былъ назначенъ сюда въ качествѣ митрополичьяго оффиціала (протопопа) А. Грековичъ. (*Истор. Рус. Церкви, преосв. Макарія.* X. 336. 390—391.)

Но, не смотря на столь сильную, повидимому, аргументацію, мы отдаемъ предпочтеніе прежнему мнѣнію о владѣніи уніатами Кіево-софійскимъ соборомъ съ *1596 года:* оно требуетъ только—какъ думаемъ—нѣкоторыхъ поправокъ и разъясненій.

Первѣе всего считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній по вопросу о распространеніи уніи или, точнѣе, о томъ, гдѣ она могла имѣть и имѣла относительный успѣхъ.

Извѣстно, что унія въ западной Руси была дѣломъ немногихъ лицъ и преимущественно іерарховъ, изъ корыстныхъ видовъ подчинившихся папскому престолу. Большинство, масса народная съ ненавистью относилась къ этой, насильственно навязываемой ей уніи и по возможности сопротивлялась ея распространенію. Но протесты не вездѣ могли быть успѣшны, а *индѣ и не возможны.* Могли успѣшно противодѣйствовать уніатской іерархіи корпораціи хорошо сплоченныя, самостоятельныя или покровительствуемыя своими православными патронами; могли отражать, и дѣйствительно отражали притязанія уніатскихъ властей, во 1-хъ, *братства*, и до измѣны іерарховъ не допускавшія ихъ вмѣшательства въ свои внутреннія дѣла; во 2-хъ, монастыри, тоже еще до уніи пользовавшіеся бо́льшими или меньшими правами автономіи; въ 3-хъ, тѣ городскія церкви, которыя находились подъ коллективнымъ патронатомъ мѣщанскаго, далеко не безправнаго сословія (бу́де оно было твердо въ вѣрѣ); наконецъ, въ 4-хъ, и сельскія церкви въ тѣхъ помѣстьяхъ, гдѣ владѣтелями (a eo ipso *и патронами* церквей) были дворяне, оставшіеся вѣрными праотцевской вѣрѣ. Здѣсь, повторяемъ, борьба съ уніею могла быть и была энергичная и успѣшная. Но иную картину видимъ, напр., въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя находились во владѣніи *пановъ*, перешедшихъ въ унію и естественно желавшихъ привлечь къ ней и своихъ подданныхъ,—что́, принимая во вниманіе тогдашнія права *патроновъ* надъ церквами, было дѣломъ не всегда особенно труднымъ. Почву довольно благопріятную для себя находила унія и въ тѣхъ плохо сплоченныхъ и притомъ высоко цѣнившихъ житейскія выгоды (а ихъ унія предоставляла) городскихъ общинахъ, которыя въ предшествовавшее время достаточно деморализированы были въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Но, разумѣется, всего менѣе возможно были отстраненіе уніатскихъ іерарховъ отъ тѣхъ церквей, въ особенности каѳедральныхъ, *которыя были во время введенія уніи въ безспорномъ ихъ владѣніи.* Ревнители православія могли протестовать противъ уніи, не подчиняться своимъ прежнимъ пастырямъ, какъ из-

мѣнникамъ праотцевской вѣрѣ, охранять отъ ихъ вторженія свои приходскія и патронатскія церкви,—но они не могли лишить уніатскихъ іерарховъ, *сильныхъ своими юридическими правами и поддержкою верховной власти,* не могли лишить ихъ *храмовъ, пріуроченныхъ къ занимаемымъ ими каѳедрамъ.* Такъ было по всюду—во всѣхъ епархіяхъ,—такъ, очевидно, должно было случиться и въ Кіевѣ: здѣшній каѳедральный соборъ долженъ былъ остаться во владѣніи митрополита Рогозы *и посль принятія имъ уніи,* подобно тому какъ онъ *находился въ его владѣніи и прежде нея.*—А что̀ такъ было и на самомъ дѣлѣ,—представляемъ доказательства.

Извѣстно, что митрополитъ Михаилъ Рагоза при переходѣ своемъ въ унію получилъ отъ короля право на владѣніе кіево-печерскою Лаврою, издавна прельщавшую кіев. митрополитовъ своими богатствами; извѣстно, также какое сильное сопротивленіе оказала эта обитель Рагозѣ; *извѣстны и довольно многочисленные памятники этой борьбы.* Ставимъ вопросъ: отчего же неизвѣстно *ни одного подобнаго памятника о борьбѣ означеннаго митрополита изъ-за Кіево-софійскаго собора,* — неизвѣстно, не смотря на то, что подобными памятниками уніатскіе митрополиты (какъ видно изъ ихъ архива) весьма дорожили?—Да—думаемъ—просто потому, что такой борьбы и не было: владѣніе Рагозы и его преемниковъ Кіево-софійскимъ соборомъ не оспаривалось. Дѣйствительно, когда въ половинѣ 1599 года митроп. Михаилъ Рагоза скончался, то—какъ было въ обычаѣ того времени—составлены были описи находившихся въ его вѣдѣніи церковныхъ вещей. Въ числѣ этихъ описей есть и „Spisanie rzeczy cerkownych rizniсe cierkwie *S. Sophiy w Kiiowie, ktore się zostali po nieboszczyku Rahoze, metropolite Kyiowskim,* za wiadomością p. Hurina, namiesnika na ten czas będącego Kyiowskiego.“ [1]) Изъ этого оглавленія (а равнымъ образомъ и изъ самаго текста) видно, во 1-хъ, что Кіево-софійскій соборъ находился во владѣніи Рагозы до самой его кончины и, во 2-хъ, что у митрополита былъ здѣсь намѣстникъ.—Помѣщаемый нами документъ свидѣтельствуетъ, что уполномоченный королемъ кіевскій подчашій Лавринъ Лозка для ввода И. Поцѣя во владѣніе кіево-печерскимъ монастыремъ,—какъ это было и съ его предшественниками, исполнявшими подобныя порученія,—потерпѣлъ полную неудачу. Но онъ *безпрепятственно передалъ во владѣніе митрополиту Кіево-софійскій соборъ* и Выдубицкій монастырь. Это было въ іюлѣ *1600 года.* Донесеніе Лозки не слѣдуетъ понимать такъ, что означен-

[1]) *Матеріалы для исторіи кіев. митрополіи* стр. 10.

ный соборъ только съ половины 1600 г. *переданъ былъ* уніатскому митрополиту,—или, что онъ, будучи по смерти Рагозы захваченъ православными, *вновь возвращается* И. Поцѣю. Означенная передача есть обычный формальный актъ ввода, дѣлаемый при вступленіи на извѣстную епархію, архимандрію и т. д. (въ данномъ случаѣ на митрополію) новаго лица. Въ документѣ—повторяемъ—важно указаніе, что фактъ передачи св. Софіи уніатскому митрополиту совершился *безпрепятственно*, ни съ чьей стороны не вызвавъ протестовъ.

Отъ 1605 г., марта 31-го, намъ извѣстна выпись изъ книгъ гродскихъ воеводства кіевскаго, заключающая въ себѣ донесеніе возныхъ о томъ, что они, по порученію софійскаго намѣстника Якуба Крушинскаго, вмѣстѣ съ кіевскимъ протопопомъ Иваномъ Мужиловскимъ, ходили ни софійскую гору къ попу Филиппу, которой на означенной горѣ „держалъ" четыре церкви. Изъ этихъ церквей двѣ—„одну Софѣйскую мурованую, а другую Микольскую Десятинную",—возные, по приказанію означеннаго намѣстника, отъ Филиппа отобрали, за то, во 1-хъ, что онъ еще при жизни митрополита Рагозы „въ той церкви святого Софея, с престола скринку з мощами светыхъ отцевъ" взялъ и передалъ ее бывшему протопопу кіевскому Ивану Островецкому (послѣ смерти котораго она взята кіевскими мѣщанами и хранилась ими въ ратушѣ), во 2-хъ, за блудную жизнь, и, въ 3-хъ, за нерачительность къ церкви Божіей и даже хищничество по отношенію къ ней („каменье тесаное по столбахъ и сходахъ рознымъ людемъ пораспродавалъ".) Возные въ отобраніи церквей дали попу Филиппу квитъ, а протопопъ Мужиловскій „заручилъ тому попу, подъ неблагославенемъ Божимъ и винами на его милость пана воеводу киевскаго сорока копами грошей литовскихъ, а на его милость отца митрополита двадцатма копами грошей литовскихъ, *абы патрахиля на свою шию не клалъ* и жадныхъ справъ духовныхъ абы ся не важилъ и не справовалъ, аж се справитъ помененый помов на себе." (*Арх. Греко-уніат. митроп. при Св. Синодѣ*, въ связкѣ копій № 39.)

Отъ 18 ноября того же 1605 года дошло до насъ еще два документа, имѣющіе отношеніе къ разсматриваемому вопросу; а именно:

а) Письмо отъ имени польскаго короля Сигизмунда III къ кіевскимъ мѣщанамъ съ приказаніемъ возвратить извѣстную уже намъ (изъ предшествующаго документа) „скринку сребрную з реликвиями и костьми светыми", находившуюся „въ ратушѣ".—Король пишетъ, что о возвращеніи означенной святыни „не разъ упоминалъ (мѣщанъ) *протопопа киевъскій и официалъ ксендза митрополитовъ*," но эти напоминанія не имѣли успѣха; „а прето—заявляетъ король—расказуемо вамъ, подъ закладомъ на насъ, господара двема тисячъми копъ грошей литовскихъ, абы есте тую скрынку

сребрную за реликвіями святыми *официалови ксендза митрополитовому, протопопови киевскому, о. Ивану Мужиловскому* до рукъ отдали и абы то в церкви Божой трвало конечне, иначей не чинечи.“ (*Архивъ греко-ун. митроп.*, связка № 39.)

б) Письмо того же короля къ кіевскому бискупу Христофору Казимерскому, Яну Аксаку, земскому судьѣ воеводства кіевскаго, и Якову Крушинскому, коморнику граничному кіевскому. Король пишетъ, что ему „далъ справу велебный въ Бозе отецъ Ипатей Потей, архіепископъ митрополитъ Киевскій, Галицкій и всея Руси, иж кгды кгрунты певные з людми на них оселыми, названые слобода Софейская, з давных часовъ до церкви катедралное метрополіи киевское светое Софее належачие, урядницы подвоеводие киевскіе ясне велможного Конъстантина княжати Острозского, воеводы киевского, забрали и до замъку нашого киевского привернули, теды самъ княжа, воевода киевскій, на листехъ своихъ отвористыхъ до килку подвоеводих своих пишучи, признаваетъ тые кгрунты слободы Софейское быт властные церковнои, в которыхъ листех своих подвоеводим расказуе, абыся в тые кгрунты, ани в люде тамъ тое церкви Софейское не вступовали, которые листы пана воеводы киевского отецъ митрополит перед нами показовалъ и просил нас, абыхмо тые кгрунты з людми, на тых кгрунтех оселыми, *до церкви* привернуть казали.“—Далѣе король заявляетъ, что онъ не привыкъ („не звыкли есмо“) церковныя до́бра „привращать на свой пожитокъ“ и, будучи „верховнымъ оборонцею“ церкви, всемѣрно заботится о томъ, чтобы она не терпѣла несправедливости. Вслѣдствіе этого король приказываетъ всѣмъ тремъ лицамъ, поименованнымъ въ началѣ письма,—или по крайней мѣрѣ двумъ,—отправиться на отнятые кгрунты Софійскіе и тамъ, на мѣстѣ, черезъ разспросы „вѣры годныхъ обывателей“ удостовѣрившись, дѣйствительно-ли тѣ грунты принадлежатъ Софійской церкви (=отцу митрополиту),—о послѣдующемъ донести ему—королю, дабы онъ „потомъ, што власне церковного есть, церкви привернуть росказалъ“. (*Съ оригинала, хранящагося въ библіотекѣ Кіево-соф. собора*; указаніемъ на этотъ документъ мы обязаны П. Г. Лебединцеву.)

Изъ приведенныхъ документовъ явствуетъ:

1) что Кіево-софійскій соборъ находился въ указанное время въ *безспорномъ владѣніи* уніатскаго митрополита Ипатія Поцѣя;

2) что здѣсь пребывалъ *митрополичій намѣстникъ*—Яковъ Крушинскій, который впослѣдствіи (а можетъ быть и одновременно съ симъ намѣстничествомъ) занималъ должность граничнаго кіевскаго коморника;

3) что протопопъ Иванъ Мужиловскій, избранный на эту должность кіевскимъ духовенствомъ въ 1603 году и утвержденный въ семъ званіи

княземъ Острожскимъ (А. З. Р. IV № 158) считался (въ 1605 г.) *оффиціаломъ уніатскаго митрополита и повиновался его приказаніямъ;*

4) что нагорный священникъ Филиппъ *признавалъ надъ собою властъ Ипатія Поцѣя*;

5) и что, не смотря на управленіе Кіевомъ, въ качествѣ воеводы, князя К. К. Острожскаго, государственные чиновники (возные) *исполняли требованія уніатскихъ властей.*

Отъ 31 марта 1608 года извѣстно письмо короля Сигизмунда III къ кіевскому подъ-воеводѣ Вацлаву Велигорскому съ приказаніемъ не вступаться въ Софійскую слободу и другія „добра", принадлежащія къ *Софійской церкви и митрополіи,*—письмо, изъ котораго узнаемъ, что хотя предшествующая попытка И. Поцѣя возвратить къ кіево-софійской каѳедрѣ означенную слободу едва-ли увѣнчалась успѣхомъ, но что самая каѳедра и по сіе время оставалась въ его безпорномъ владѣніи. (*Оригиналъ въ библіотекѣ Кіево-соф. собора.*)

Изъ второстепенныхъ свидѣтельствъ, подкрѣпляющихъ вышеприведенныя данныя объ означенномъ соборѣ, какъ находившемся *постоянно* во власти уніатовъ и до 1609 года, [1]) укажемъ еще на тотъ фактъ, что въ сознаніи *ближайшихъ по времени* лицъ, имѣвшихъ случай коснуться даннаго вопроса,—*въ сознаніи этихъ лицъ св. Софія,* будучи утрачена православными со времени перехода митрополита Рагозы въ унію, *непрерывно* оставалась во власти уніатскихъ митрополитовъ до 1633 года. Такъ, въ одномъ ихъ помянниковъ кіево-печерской лавры, читаемъ—между прочимъ—слѣдующее:

„Родъ преосвященнаго митрополита Петра Могилы, воеводича земли Молдовлахійской, архимандрити Печерскаго, іже церковъ соборную святой Софіи, *подъ унѣятами до чтиридесятъ лѣтъ бывшую*, тщаніемъ своимъ ко благочестію паки отискавъ и падшую зѣло своимъ промысломъ и великимъ иждивеніемъ воздвиже, и благолѣпно украси. Такожде монастырь Выдубицкій и церковъ святого Спаса въ Печерскомъ. Многоже о благочестіи потрудивъся и церкви многа полезная оставивъ, на вѣчный животъ преставися в лѣто отъ Рождества Христова 1647, мѣсяца январіа 1 дня."

Въ виду сказаннаго, не теряютъ историческиго значенія и находящіяся подъ куполомъ Кіево-соф. собора на восточной и южной сторонахъ слѣдующія надписи: а) надпись на восточной сторонѣ, составляющая про-

---

[1]) Владѣніе уніатовъ Кіево-софійскимъ соборомъ съ 1609 г. до половины 1633 г.—фактъ общеизвѣстный, разъясненій не требующій.

долженіе предшествующей (на сѣверной): „и освященъ Θеопемптомъ митрополитомъ Кіевскимъ тойжде святый храмъ [премудрости Божія],и даже до лѣта 1596 правовѣрными митрополитами отъ Востока содержимъ бысть. Въ лѣто же то отступникомъ Михаиломъ Рагозою въ запустѣніе и разореніе прійде, и даже до лѣта 1631 [должно быть: *1633*] въ томъ пребысть; б) продолженіе сей надписи на южной сторонѣ: „въ тоже лѣто благодатіею Божіею, егда царствовати нача Владиславъ четвертый, Великій Король Польскій, благочестивыя Церкви восточныя сыномъ возврати и отдаде и." (*Описаніе Кіево-соф. собора, преосв. Евгенія*, стр. 34—35.)

Если же, такимъ образомъ, Кіево-софійскій соборъ не только съ 1609 года, *но и до этого времени, съ самаго начала уніи*, находился во власти уніатскихъ митрополитовъ, то какъ же объяснить тотъ, по видимому, очень странный фактъ, что кіевскіе *православные* священники, по крайней мѣрѣ, разъ въ году *соборне совершали въ немъ богослуженіе,* о чемъ они сами свидѣтельствуютъ въ указанной нами, протестаціи?

Объясненіе, по нашему мнѣнію, возможно слѣдующее.

Хотя безспорно, что св. Софія кіевская, *какъ каѳедра митрополичья,* по принятіи митрополитомъ Михаиломъ Рагозою уніи ео ipso должна была остаться и дѣйствительно оставалась въ его власти, но тѣмъ не менѣе унія въ Кіевѣ успѣха не имѣла. Къ ней могли примкнуть только немногіе, бо́льшею частію должностныя лица, безъ сомнѣнія, въ расчетѣ на выгоды житейскія. Подавляющее большинство кіевлянъ пребывали вѣрными православію. Опираясь на это несочувствіе къ уніи народной массы и кіевское духовенство могло стойко бороться противъ стремленія уніатскихъ митрополитовъ подчинить его своей власти. Такъ, если смотрѣть на дѣло *въ общихъ* чертахъ, было и въ дѣйствительности. Но здѣсь замѣчаются нѣкоторыя *частныя особенности,* вызванныя бо́льшею (сравнительно съ мірянами) связью, существовавшею между митрополитомъ и кіевскими священниками, и *болѣе сложными отношеніями между тѣмъ и другими.*—Хотя кіевскіе митрополиты разсматриваемаго времени не жили въ Кіевѣ и хотя—какъ мы видѣли—св. Софія кіевская находилась въ плачевномъ положеніи, тѣмъ не менѣе при ней, какъ митрополичьей каѳедрѣ, было (какъ и при другихъ каѳедрахъ) нѣчто въ родѣ капитулы. Въ Кіевѣ жилъ митрополичій намѣстникъ, былъ протопопъ, вѣдавшій дѣла духовенства и утверждавшійся въ этой должности митрополитомъ, отправлялось священными при каѳедрѣ богослуженіе. Эти лица находились въ ближайшей зависимости отъ митрополита,—зависимости по отношенію къ извѣстнымъ священникамъ *усилившейся еще отъ того,* что нѣкоторыя нагорныя церкви находились въ *непосредственномъ завѣдованіи* (патронатствѣ) *митрополи-*

товъ, назначавшихъ къ нимъ настоятелей *по личному своему усмотрѣнію.*— Теперь ставимъ вопросъ: какъ должны были отнестись къ митрополиту, по принятіи имъ уніи, эти, наиболѣе зависившія отъ него лица?—Разумѣется, слѣдовало-бы отъ него, какъ измѣнника православію, отшатнуться, хотя бы это и повлекло за собою лишеніе прежняго своего положенія. Но не всегда и не во всѣхъ людяхъ мы видимъ такую похвальную стойкость. Есть и были люди, которые изъ за житейскихъ выгодъ склонны поступаться лучшими своими убѣжденіями, склонны на сдѣлку съ совѣстію. Надо полагать, что такія, хотя и весьма немногія, лица нашлись и среди кіевскаго духовенства въ разсматриваемое нами время. Такъ, безспорно къ подобнымъ лицамъ принадлежалъ *нагорный* священникъ *Филиппъ,* признавшій надъ собою власть уніатскаго митрополита. Былъ такимъ лицемъ и Иванъ Мужиловскій. Избранный въ 1603 году въ протопопы кіевскимъ духовенствомъ и получивши *благословеніе* на эту должность отъ кіевскаго воеводы князя Острожскаго, онъ,—очевидно, считая свое новое положеніе юридически непрочнымъ,—входитъ въ сношеніе съ уніатскимъ митрополитомъ Ипатіемъ Поцѣемъ и въ 1605 г. мы видимъ его уже дѣйствующимъ въ качествѣ *оффиціала* (=протопопа) этого митрополита—уніата. Но, повторяемъ, число такихъ лицъ и между кіевскимъ духовенствомъ было весьма незначительно. Всѣ кіево-подольскіе священники (а ихъ было большинство), какъ менѣе зависимые отъ митрополита, оставались вѣрными православію, хотя давленіе на нихъ со стороны митрополичьихъ намѣстниковъ съ цѣлію привлеченія къ уніи и было дѣлаемо, и митрополиты долгое время не переставали считать кіевское духовенство юридически подчиненнымъ себѣ.

И такъ унія въ Кіевѣ была слаба. Она держалась только около митрополичьей каѳедры—св. Софіи, имѣя здѣсь двухъ-трехъ представителей митрополита.—Прежде, до введенія уніи, въ воскресенье на первой недѣли великаго поста (недѣля православія) въ св. Софію стекалось множество народа. Кіевское духовенство соборне совершало здѣсь богослуженіе, заканчиваемое обычнымъ чиномъ православія. Кіево-софійская слобода оживала. Около храма шла торговля. Медъ и горѣлка, изготовленныя въ изобиліи, лились рѣкою.—Но вотъ наступаетъ недѣля православія *въ 1597 г.* (а за нимъ и слѣдующіе). Св. Софія по прежнему принадлежитъ митрополиту, но этотъ митрополитъ измѣнилъ праотцевской вѣрѣ, сдѣлался апостатомъ-уніатомъ. Соберутся-ли православные священники, по давнему обычаю, отпраздновать обычное торжество въ этомъ храмѣ?

Основываясь на вышеуказанной протестаціи кіевскихъ священниковъ, отвѣтъ долженъ быть утвердительный: въ обычное время они отправились во св. Софію для совершенія въ ней богослуженія.—Безъ сомнѣнія, духовенство

въ данномъ случаѣ поступало такъ *по традиціи*, нарушить которую *безъ внѣшняго давленія* со стороны уніатскихъ властей оно не желало,—анологичные примѣры чему можно указать и не въ одномъ Кіевѣ (т. е. въ церквахъ, находившихся въ вѣдѣніи уніатовъ, при крайней слабости въ извѣстной мѣстности латино-уніатскаго вліянія, продолжали совершать богослуженіе православные священники). [1]) Между тѣмъ на первыхъ порахъ введенія уніи, именно до 1608 года, серьезнаго давленія на кіевское духовенство со стороны представителей уніатской власти, какъ оказывается, не было. Поэтому, когда стекалось въ недѣлю православія къ Кіево-софійскому собору множество народа, прибывавшаго на торжество даже изъ окрестныхъ мѣстностей, и являлось для служенія духовенство—возможно-ли было немногочисленному, изъ нѣсколькихъ лицъ состоявшему стаду пастыря-уніата—воспрепятствовать отправленію означеннаго торжества?—Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что почти всѣ кіевскіе священники, хотя пребывали въ православіи, но *юридически* считались находившимися подъ властію уніатскаго митрополита и эта *двойственность* отношеній могла служить для лицъ, завѣдывавшихъ Софійскимъ соборомъ, какъ бы оправданіемъ (передъ митрополитомъ) въ указанномъ, ежегодно совершавшемся фактѣ служенія сихъ священниковъ въ означенномъ соборѣ. Не говоримъ уже о томъ, что стеченіе массы народа и торгъ, производившійся около св. Софіи, былъ небезвыгоденъ для храма или, точнѣе, для питавшихся отъ него.

Такъ дѣло продолжалось до 1608 года. Уніатскіе митрополиты, безъ сомнѣнія, хорошо сознавали ничтожность своего вліянія въ Кіевѣ и вообще безпочвенность здѣсь уніи, хотя по временамъ и дѣлали попытки (безъуспѣшные) къ подчиненію себѣ кіевскаго духовенства. Но послѣдовавшая 13 февраля означеннаго года кончина кіевскаго воеводы князя К. К. Острожскаго—„столпа православія“, и назначеніе на его мѣсто паписта Станислава Жолкѣвскаго, оживила надежды уніатскаго митрополита и вообще сторонниковъ уніи къ упрочненію ея въ Кіевѣ. 11 августа того же года Ипатій Поцѣй, поздравляя Жолкѣвскаго съ избраніемъ на кіевское воеводство, выражаетъ свою радость по этому поводу, такъ какъ прежній воевода былъ схизматикъ и притѣснялъ его—митрополита: не допускалъ до визитацій, поодбиралъ маетность, не дозволялъ ему пріѣжать и жить въ Кіевѣ. Письмо заканчивается просьбою о *протекціи и оборонѣ* уніатовъ

---

[1]) А иногда даже православное духовенство признавало надъ собою и власть уніатскихъ митрополитовъ при условіи сохраненія послѣдними якобы всѣхъ, заведенныхъ древностію православныхъ традицій. (см. А. Ю. и З. Р. II. № 29.)

въ Кіевѣ. (*Архивъ греко-уніатскихъ митрополитовъ при Св. Синодѣ,—связка* № 39). Вскорѣ Ипатій Поцѣй рѣшился и лично посѣтить означенный городъ. Ближайшимъ поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Въ 1608 году нѣкоторые кіево-печерскіе иноки принесли королю жалобу на своего архимандрита Елисея Плетенецкаго и старшую братію о томъ, что въ обители незаконно расходуются денежные доходы безъ вѣдома и въ ущербъ ихъ—меньшей братіи; когда же они выставляютъ это на видъ своимъ старшимъ, „отповѣди жадное не относятъ, але за то везенемъ, битьемъ и розными иншими способами бываютъ отъ нихъ караны и з монастыра виганяны." Этою неурядицею и воспользовался король, чтобы еще разъ сдѣлать попытку къ подчиненію кіево-печерской обители юрисдикціи уніатскаго митрополита. Онъ письмомъ поручилъ послѣднему, отправившись въ Кіевъ, произвести дознаніе по поводу означенной жалобы кіево-печерскихъ иноковъ на мѣстѣ и учинить въ обители порядокъ „ведлугъ каноновъ, правъ, привилеевъ и звычаевъ давныхъ"; вмѣстѣ съ симъ поручалось Поцѣю обозрѣть и прочіе монастыри и церкви кіевскіе, а также привести и ихъ въ надлежащій порядокъ. (А. Ю. и З. Р. II. № 28). Въ тотъ же день король послалъ свой листъ кіевскимъ мѣщанамъ съ приказаніемъ, чтобы они оказывали свое содѣйствіе митрополиту Поцѣю при обозрѣніи имъ (przy wyzytach) кіевскихъ церквей. (*Арх. греко-уніат. митроп.*, св. № 39). Безъ сомнѣнія подобныя же приказанія посланы были и гражданскимъ властямъ г. Кіева.—Принимая во вниманіе приведенныя данныя, нѣтъ основаній отрицать посѣщеніе митрополитомъ Поцѣемъ означеннаго города въ концѣ 1608 г. (хотя *прямыхъ* указаній относительно этого и не имѣемъ.) Разумѣется, личный пріѣздъ Поцѣя въ Кіевъ долженъ былъ убѣдить его въ безуспѣшности всякихъ попытокъ къ подчиненію своей власти кіевскихъ монастырей, въ особенности же кіево-печерской Лавры. Но на кіевское духовенство, можетъ быть не безъ содѣйствія гражданской власти, какъ показываетъ дальнѣйшій ходъ событій, сдѣлано было довольно сильное давленіе. Положимъ, оно не имѣло желаемыхъ для митрополита послѣдствій; уніи въ Кіевѣ не помогло также и назначеніе отца Поцѣемъ, въ качествѣ своего оффиціала, такого фанатика—уніата, какимъ былъ А. Грековичъ. Но съ этого времени яснѣе опредѣлились отношенія (что въ это время замѣчается и въ другихъ мѣстахъ) между обѣими сторонами—православною и уніатскою, и *служеніе* для кіевскихъ священниковъ во св. Софіи сдѣлалось возможнымъ только подъ непремѣннымъ условіемъ принятія ими уніи. Такъ какъ на послѣднее они не согласились, то *доступъ въ митрополичью каѳедру имъ и былъ воспрещенъ.* (или, по другой редакціи, они при существованіи означеннаго условія, сами не пожелали туда идти, не смотря на приглашеніе Грековича).

Таково наше мнѣніе по данному вопросу.—Слѣдовало бы сдѣлать еще разъясненіе глухаго указанія на какую то (упомянутую нами) сдѣлку И. Поцѣя о передачѣ ему якобы православными Кіево-соф. собора въ 1609 году, но до приведенія въ извѣстность самаго документа, считаемъ это не благовременнымъ. Лично мы думаемъ, что подъ этою сдѣлкою (информаціею) едва-ли не разумѣется извѣстное намъ по Архиву греко-ун. митрополитовъ взаимное соглашеніе между И. Поцѣемъ и кіево-печерскимъ архим. Елисеемъ Плетенецкимъ относительно точнѣйшаго разграниченія помѣстій, принадлежавшихъ означеннымъ лицамъ, какъ представителямъ извѣстныхъ учрежденій (т. е. митрополіи и кіево-печ. архимандріи.)

VII.

„Ляментъ албо мова“ отъ имени православныхъ львовскихъ мѣщанъ къ польскому королю Сигизмунду III объ облегченіи того невыносимаго гнета и притѣсненій, какіе испытываютъ они—„русскіе люди“—въ „русскомъ городѣ“ Львовѣ отъ поляковъ.

1609 г. генв. 2.

Наяснѣйшій Милостивый Кр!

Чтырей народовъ въ самой мурѣ мѣста Лвова суть фун(д)ованы, которые и теразъ помешканя свои там, тежъ костелы, церкви, и наветъ божницѣ свои жидове, маютъ, свое вичумъ и церкви набоженства своего во Лвовѣ.

За тымъ Полскій, Орменскій и Жидовскій. Полскій народ весполъ з Рускимъ едного сутъ права и едны онера носятъ. Орменскій зась свой особный, и жидове потом свой особный рядъ и присудъ маютъ.

Утяжени естесмо мы, народъ русскій, отъ народа полского ярмом надъ Египъскую неволю, же насъ лечъ безъ меча, але горѣй нѣж мѣчем с потомствъ выгубляютъ, заборонивши нам пожитков и ремеслъ обходовъ вшелякихъ, чимъ бы толко человѣкъ живъ быти моглъ, того не воленъ русинъ на прирожоной земли своей руской уживати в томъ то рускомъ Лвовѣ.

Маемо екземпля албо указъ войска Ваш. Кор. Мил. досыть огромного и страшливого каждому околичныхъ панствъ неприятелеви;

в которыхъ то войскахъ видимо, же бывали и сутъ Гетмани, Ротмистрѣ, Полковники, Сотники, десятники е ц. [1]) и, о еденъ бокъ з народом полским становши, завше вѣрне и менъжне вшеляких неприятелей Коронныхъ и Маестату Ваш. Кор. Мил. громятъ.

А заж панове цехмистрове и ремесници Львовские: шевцѣ, кравцѣ, рѣзники, поворозники, гончары, е ц., е ц., е ц., цось зачнѣйшого о собѣ падъ войска Ваш. Кор. Мил. быти розумѣют, же насъ в цехахъ своих веспол з собою мѣти не хотят? Видимо и щось болшого, то естъ Маестатъ Ваш. Корол. Мил., яко рай Божій розмаитыхъ народов древы уквѣченый, межи которыми напродъ Росскій достоинъства мѣсцъ сенаторских, воеводства, каштеляне и инъшихъ преложенъствъ на собѣ вѣрне носятъ, и бокъ Ваш. Кр. Мил. ато(чи)ли сут. А заж панове райцѣ Львовские и цехове Львовские, щось болшого над то себе быти розумѣютъ, же насъ, народу руского, при боку своемъ мѣти не хотятъ, але съ потомствы нас выгубляютъ?

Наяснѣйшій Мил. К.!

Бысмы были и немотное быдло, албо овцѣ якие, предсяжъ до В. К. М. волати бысмы мусѣли. Бронь насъ, пастыру добрый, от тых, што нас фортельми с потомствы выгубляютъ, а дай нам пашу якую, а бери з нас дани, то есть волну, молоко и насъ самыхъ ку потребе, ведле уподобаня своего, поневажъ естесмы и мы понеконд добро речи Посполитое.

Просимъ справедливости святое и ратунку, абысмо до ровныхъ волностей з народомъ Полским были припущены.

Примѣч. Означенный „ляментъ“ помѣщенъ въ инструкціи, данной православными львовскими мѣщанами и предмѣщанами своимъ уполномоченнымъ, отправляемымъ на Варшавскій сеймъ 1609 г. Краткое упоминаніе объ этой инструкціи, хранящейся въ Архивѣ Ставропигійскаго Института во Львовѣ, находится въ *Лѣтописи львовск. братства* Д. Зубрицкаго подъ означеннымъ годомъ. Здѣсь не совсѣмъ точно только инструкція названа составленною отъ имени означеннаго братства.

Ляментъ въ литературномъ отношеніи, разумѣется, далеко уступаетъ однороднымъ по содержанію документамъ, напр., извѣстной знаменитой рѣчи Лаврентія Древинскаго, произнесенной на сеймѣ 1620 г., нѣкоторымъ

---

[1]) т. е. *et caetera.*

„супликамъ“ Виленскаго братства и т. п. Но едва-ли онъ не превосходитъ послѣднія по своей *внутренней силѣ* и *до іроніи жгучей горечи*, его проникающей. Мы видимъ передъ собою хартію, писанную *кровію сердца:* это дѣйствительно *вопль* людей, угнетенныхъ „ярмомъ надъ египѣскую неволю!“

Изъ наставленій, данныхъ посламъ, отправляемымъ на сеймъ, заслуживаютъ *особеннаго* упоминанія слѣдующія:

а) Послы должны первѣе всего просить короля, чтобы онъ даровалъ православнымъ мѣщанамъ г. Львова права, которыми пользуются здѣсь поляки. Если король не соизволитъ на это, то просить его объ уравненіи въ правовомъ отношеніи съ Армянами; если и на это не согласится, то ходатайствовать по крайней мѣрѣ *о сравненіи съ жидами*, такъ какъ и они имѣютъ во Львовѣ бо́льшія вольности (=права), нежели русскіе. „А если бы“—читаемъ далѣе въ инструкціи,—„бронь Боже, и такъ не хотѣло, якъ жидомъ, волности намъ допустити, рады (=совѣта) не машъ: только *волного листу о перестя до Волохъ набыть просити!* Лечъ то жартъ“ (=смѣхъ),—заявляютъ православные по адресу одного изъ своихъ недоброжелателей,—„*але злый то жартъ*, пане Познанскій!“

б) Ходатайствуя по разнымъ дѣламъ братства, послы должны избрать опытнаго руководителя изъ юристовъ. Но „еслибы прокураторъ не хотѣлъ, албо омыллъ, или ся надражалъ и не ставалъ для того, *ижъ есть паписта, то удатися до Евангелицкихъ прокураторовъ, и такъ для перестроги мыти при папѣжнику и Евангелика.*“

VIII.

Извлеченіе изъ письма уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина Рутскаго къ „о. Георгію Майеру (Majir), Общества Іисуса, ректору коллегіи Августанской“, съ извѣстіями объ убійствѣ козаками въ Шароградѣ протопопа—уніата и о событіяхъ, вызвавшихъ и сопровождавшихъ оное.

1622 г. іюня 25 д.

Oppidum hoc vocatur Szarogrod. E hoc, inquam, oppido venerant duo sacerdotes Rutheni, reddendo obedientiam nomine suo et aliorum consacerdotum suorum, quam quidem ab ipsis acceptavi, et unum (sic) illorum titulo et dignitate Protopopae seu Archipraesbiteri. Rediit is et Unionem palam proclamare coepit. Quidam ex seditiosis—instrumenta diaboli cosacos, quorum una forte turma tunc erat in vicinia, induxere, ut zelo religionis, puta schismatis, ingrederentur. Praesbite-

ros—apostatas,—ita unitos illis appelare placuit secum,—adduxerunt in oppidum, in quod alias non facilis cosacis potuisset ingressus, sed tunc forte mortuus erat capitaneus dicti oppidi catholicus et suffectus alius schismaticus. Ingressi ergo nocte cosaci domos sacerdotum unitorum occupant, ipsos ligant, omnem supellectilem et quidquid rerum habebant dirripiunt, domos diruere attentant, vinctos perducunt ad tribunum cohortis, qui sua manu impegit acinacem in collum protopo(pae), et quia uno ictu decollare non poterat, fune ad fluvium praeterlabentem trahi et in eo demergi martyrem Christi jubet, quod et perficitur a ministris impietatis; diluculo venit capi(ta)neus et reliquos praesbiteros, quos adhuc superstites et mortem expectantes invenit, e manibus erripuit, et cosacos egredi ex oppido iubet; egressus est sceleratus centurio et 3 ab oppido miliaribus a Tartaris cum sua cohorte caesus est: ipse occisus, caeteri—partim occisi, partim capti, modicum quod ex illis fuga subduxit. Ille, qui induxerat ad hoc perpatrandum sacrilegium cosacos, fuit cum cosacis, rediit incolumis, sed uno post reditum die subitanea morte interiit. Martyris corpus latini, qui in illo oppido habent domos circa 300, ex aquis eduxerunt, tandem et Rutheni uniti, animis resumptis, recurrerunt et corpus martyris magna solemnitate in esclesia P-pali sepelierunt. Tandem iidem praesbiteri, qui evaserunt gladium tyrannorum, uno excepto, quem timor mortis apostatare fecit, miserunt ad me unum sacerdotem seniculum, prope septuagenarium, qui in magna pauperitate (omnia enim a cosacis direpta sunt), per pedes confecit 130 non tam Polonica, quam Ruthenica, quae maijora sunt, milliaria forte et Sveticis in Germania majora, hunc, inquam, miserunt s(ignifi)cando ista omnia. Praeterea se esse et fore, Deo juvante, constantes in s. Unione, ut habeam curam illorum; magnae admirationi et consolationi nostris Vilnensibus unitis est ista legatio. Haec scribo, quae scio, talia esse nova gratiora R. P. V., quam de Tartaris caesis, de Turcis profligatis, de quibus et scribent alii, sed hoc, quod ego scripsi, nullus scribet alius, et caet. Vilnae. A. 1622, d. 25 iunii.

Joseph Vel. (Rutski), Metropolita (Kiioviensis.)

(*Изъ рукописнаго сборника, хранящагося въ библіотекѣ Кіев. Дух. Академіи; коллек. преосв. Макарія, № А а. 210, л. 97.*)

Примѣч. 1) Краткое упоминаніе объ убіеніи въ Шарогрдѣ уніатскаго протопопа находится въ сочиненіи—*Supplementum Synopsis*—, изданномъ Виленскимъ православнымъ братствомъ въ 1632 году, ко времени избирательнаго сейма по смерти короля Сигизмунда III (напеч. нами въ 1 ч. т. VII *Архива Юго-Зап. Рос.*, стр. 577—649). Здѣсь, при изложеніи препирательствъ между православными и уніатами предъ коммиссіею, избранною королевичемъ Владиславомъ для умиротворенія означенныхъ сторонъ (при его личномъ предсѣдательствѣ),—говорится, что уніатскій митрополитъ Іосифъ Вельяминъ Рутскій, перечисляя въ своей рѣчи притѣсненія (urazy), испытанныя уніатами отъ православныхъ, упомянулъ, между прочимъ, „coś o *Szarogrodzkim iakimś protopopie* y nieiakimś czerncu w Przemyślu zabitym“.... Въ этомъ мѣстѣ, очевидно, рѣчь Рутскаго сокращена до послѣднихъ предѣловъ. Бо́льшій намекъ (хотя тоже краткій и неопредѣленный) на указанный фактъ находится въ отвѣтѣ православныхъ уніатскому митрополиту. Вотъ, относящееся сюда мѣсто въ полномъ видѣ: „Piąty uraz, ktorym się uraził xiądz Rutski, protopopy iakiegoś Szarogrodskiego czy utopienie, czy zamordowanie,—odpowiadamy na to, że tak tego nie wiemy, czy szarey, czy białey, czy iakiey farby ten grod, bo żaden z nas (рѣчь ведется отъ лица Виленскаго братства) znać y od porodzenia swego tam nie był, tak y protopopy tego nigdy nie widziliśmy y nie znali“.—Помѣщаемый нами отрывокъ изъ письма Рутскаго даетъ подробныя, хотя отчасти и одностороннія, свѣдѣнія относительно указаннаго факта.

2) Шарогродъ находился въ Подольскомъ воеводствѣ, повѣтѣ Летичевскомъ, при рѣкѣ Мурашкѣ (*Baliński i Lipiński*, Starożytna Polska, 1843 г. t. II, str. 1051—1056). Для характеристики состоянія православія и уніи въ этомъ городѣ за время, близкое къ убіенію здѣсь уніатскаго протопопа, имѣетъ нѣкоторое значеніе грамота львовскаго епископа Іереміи Тисаровскаго къ шарогродскимъ мѣщанамъ. Помѣщаемъ ее здѣсь въ полномъ видѣ [1]).

---

[1]) Сообщеніемъ копіи съ этой грамоты мы обязаны любезности проф. Н. И. Петрова. Подлинникъ ея прежде находился при Рождество-Богородичной церкви села Слободы Шаргородской; затѣмъ въ 1869 г. мѣстнымъ благочиннымъ препровожденъ былъ къ преосв. Леонтію, епископу Подольскому и Брацлавскому. Преосвященный же передалъ грамоту въ мѣстную семинарскую библіотеку, гдѣ она должна-бы находиться и теперь.—Въ копіи дата не обозначена. Можетъ быть копіистъ (студентъ Академіи) по неразборчивости не прочелъ ея; но она, на оборотѣ грамоты, хотя и ошибочно, значится. Именно здѣсь позднѣйшею рукою сдѣлано слѣдующее надписаніе: „List do mieszczan Szarogrodskich pisany od Mytropolita (sic!) Lwowskiego, aby żadnego z tych, ktorych wyraża, nie mieli ich za popów y niwczym nie słuchali onych. An. 1681. d. 30 7-bra, w Puczatychczach pisany po rusku. № 1. Fas. 17. L. M. D. K. M. I“.—Очевидно, что лицемъ,

Еремія Тиссаровскій, зъ ласки Божее епископъ Лвовскій, Галицкій и Каменецкій, ексархъ Константинополскій.

Сыномъ о святомъ Дусѣ смиренія нашего шлахетнымъ паномъ мѣщаномъ шаргородскимъ, всѣмъ сполне предержащимся и неотступно стоящимъ при благочестивыхъ догматахъ святыя восточныя церкви и преданіяхъ святыхъ богоносныхъ отецъ, святыхъ вселенскихъ седми соборовъ, миръ и благословеніе.—Ижъ дошла до насъ вѣдомость, же священници шаргородстіи Матѳей и Андрей, съ нѣкоторыми единомыслными своими, погордѣвши единою преданіями отеческими, а забывши присяги своее при поставленіи на священство отъ насъ учененное, надто свѣжо часу бытности нашее у васъ прошлое зимы спису на руки данного: непрестаютъ крамолки всѵенать, и вамъ вѣрнымъ Богу и церкви его возмущать и колотить, новины вносятъ въ церковь Божію подойржанныя и давно одъ нее оттятые и отверженные. Для чего одъ насъ епископа еще на онъ часъ зъ Мурахвы извѣщены были, абысте ихъ а нѣиншихъ, хто въ томъ краю, за поповъ не имѣли; которые листы подобно до вѣдомости васъ, вѣрныхъ, не вѣмы прощо, не пришли; прото, яко на онъ часъ, такъ и теперъ съ повинности своее пастырское пишем и повелеваем, абысте ихъ, выше помѣненныхъ Матѳея и Андрея, Ларіона, Хоменка прозвищемъ, и Грабыну, и иныхъ единомысленниковъ ихъ, яко подойржаныхъ въ церкви Божей и новые науки въ нее провожающихъ, за поповъ у себе не смѣли мѣть, а ни ихъ при церквѣ вашей держать, а ни терпѣть; а гды жъ що бы они дѣйствовали, то все не важно, ни благословенно, а ни священно: и той, хто бы отъ нихъ що, або ихъ за поповъ пріймовалъ и важити смѣлъ, подъ такое же неблагословеніе и отлученіе зо всѣмъ домомъ своимъ подпадаетъ. Для того пишем и росказуем, абы сей листъ нашъ до всѣхъ вѣдомости доходилъ, же бы его прочитуючи, переписовали и иншимъ правовѣрнымъ и на сторонѣ живущимъ до вѣдомости доносили, абы, о томъ вѣдаючи, съ помѣненными особами, яко члонками, неисцѣльно недугующими, жадное сполечности не мѣли. На васъ же, правовѣрніи, да будетъ милость Божія и Пречистыя Его Матере, и нашего смиренія благословеніе, и молитва да будетъ зъ вами всегда. Аминь. Писано въ Пучатыцахъ на замку.

сдѣлавшимъ означенную подпись, дата невѣрно прочтена: Іеремія Тиссаровскій, избранный во Львовскаго епископа въ 1608 г., скончался въ этомъ санѣ въ 1641 г. Вѣроятно, въ грамотѣ дата обозначена была славянскими буквами и, судя по ошибкѣ копіиста, стоялъ ҂ахн҃і (1618) годъ.

IX.

Опредѣленіе духовнаго суда кіево-печерскаго архимандрита съ капитулою относительно пустынно-никольскаго игумена Серапіона Бѣльскаго и двухъ чернцевъ (Никодима Силича и Епифанія), обвинявшихся въ тяжкихъ преступленіяхъ.

1626 г. іюля 29.

Выпись с книгъ судовыхъ монастыря Печерского Киевъского.

Лѣта отъ нароженя Сына Божого тисеча шесть сотъ двадцать шестого, мѣсяца июля двадцать девятого дня.

Въ Лаврѣ Печерской Киевской, передъ нами, смиреннымъ Захариею Копистенскимъ, милостію Божіею и Пресвятой Богородицы Дѣвы Маріи и преподобныхъ отецъ нашихъ Антоніа и Ѳеодосіа молитвами архимандритомъ, и пречестною капитулою, отцы и братіами монастыря святого Печерского Киевского, ставшы обличне честныи отцы и братіа монастыря святаго Николы Пустынского, имены въ протестаціяхъ менованые, подносили третій позовъ по чéстного господина отца Серафиона Бѣлского на день сегоднешній выданый; который, за поднесенемъ стороны поводовое, былъ читаный. Гды теды за третимъ позвомъ справа тая припала, Серафионъ и помочники его Никодимъ Силичъ, Епифаній, чернцы, не становалися, противными и не послушными и упорными противъ Бога и противъ старшихъ показуючися, а сторона жалобливая настояла и о судъ и о выкокъ противъ таковымъ просила. Мы теды, судъ духовный, архимандритъ съ пречестною капитулою, нарядившисе и намовивъшисе с преподобными игуменами, а вырозумѣвши тую всю справу и жалобу и пилне учинки таковые злые уважившн, судимо: поневажъ священникъ Серафионъ, прозываемый Бѣлскій, находится въ чину иноческомъ выступнымъ, братіи взгоршаетъ, пьянствомъ се збытнимъ забавляетъ, до шкоды монастырь приводитъ, а честныхъ отцевъ и братію, которые ихъ упоминали и правду мовили, з монастыря повыгонялъ, братію бьетъ, на люди стреляетъ, якожъ Анъдрѣа Предримерского зъ самопалу пострелилъ, братолюбіе и церковь з церковю роздираетъ, котораго грѣхи, ведлугъ Іоанна Златоустого, и

кровъ мученическая не змываетъ, права вечистыи и старину святую, межи монастыремъ Николскимъ и монастыремъ Печерскимъ укгрунтованыи, надто в фундаціи самои захованыи, нарушаетъ и псуетъ,— а предѣлъ отцевъ кто разоряетъ, проклятъ есть, яко писаніе мовитъ,— на послушаніахъ монастырскихъ въ повѣреныхъ собѣ грошахъ невѣрность показалъ, яко онъ предатель Іюда, вмѣсто обороченя ихъ на потребы и справы общіи монастырскіи; мимо вѣдомость и позволене отцовъ и старцовъ, иноковъ монастыря Николского, подступне и здрадливе на свою особу привилѣй собѣ на монастырь и на всѣ имѣніа монастыря Николского выправилъ: ігуменове монастыря Николского отъ самое фундаціи безъ привилея бывали. А указуется, ижъ тотъ привилей собѣ справилъ духомъ злымъ любоначалия и абы по своей воли монастыремъ обладалъ и провента оного користалъ, а старци иноци монастыря Николского, абы оного рушити и до належное звѣрхности и суду передъ архимандрита монастыря Печерского потягати не могли, што з шкодою и утратою монастыря Николского великою муситъ приходити, надто дату и тяжаръ великій през то на монастырь и на иноковъ Николскихъ впровадилъ. А што се ткнетъ Якимия, теды тотъ привилей, ижъ подступне собѣ его выправилъ, ижъ шкодливый монастыреви былъ, откиненый есть и в уваженю не былъ; бо архимандритове на тотъ часъ Печерскіи и старцы Николскіи противъ тому привилееви и противъ Якимиеви спротивилисе такъ, ижъ мусилъ тотъ привилей положити, и по томъ Якимію около двадцати игуменовъ безъ привилію, толко за благословеніемъ и поданемъ[1]) архимандритовъ Печерскихъ игуменовали, яко се указуетъ з листовъ святое памети Василія княжати Острозского, воеводы Киевского, и з листовъ становеня межи игуменами и старцами Николскими архимандритомъ Печерскимъ, и такъ презъ неуважене тыхъ тамъ привилеевъ а през доброволное застановеня з обѣхъ сторонъ и презъ уважене зверхности и права през архимандритовъ Печерскихъ тотъ привилей знесеный и скасованый есть; тотъ теды Серафионъ до великаго безчиніа и сваволного житіа барзо почалъ приводити, такъ ижъ того року уробилъ замордоване и замучене брата монаха Тимоѳея, которого Серафионъ самъ пер-

[1]) Въ рукописи: „и его данемъ“,—что очевидная описка.

вѣй мучилъ, яко в протестаціи мовитъ, а потомъ зась, яко братія даютъ справы, за росказанемъ его Никодимъ Силичъ з Епифаніемъ чернцемъ и з катом Киевскимъ замучили и замордовали, которому катови ку мученію того небожчика Тимоѳея чернца своими руками помочниками были, который то змученый чернецъ Тимоѳей, видячи себѣ близкого ку смерти, о сповѣдника и о причастіе пречистыхъ таинъ Христовыхъ просилъ, а Никодимъ Силичъ и Епифаній того му не допустили, а ни сповѣдника, а ни таинъ Христовыхъ не казали дати. А въ монастыряхъ и при церквахъ не толко духовныхъ, але ани свѣцкихъ, бы и нагоршихъ злочынцовъ, мучити и тратити права духовныи и свѣцкіи забороняютъ; который то учинокъ непобожный и немилосердный, ведлугъ каноновъ святыхъ отецъ и ведлугъ права посполитого, такъ принципала, яко помочниковъ срокго приказано есть карати; о которыи то злые учинки, будучи слушне и належите Серафионъ през насъ позываный, противенство, взгарду и непослушенство явное показалъ, въ чомъ и против праву духовному и свѣцкому, которое на каждого инока зверхность архимандричая маетъ, выкрочилъ; за гордость и противенство Богъ з неба ангеловъ зверглъ во преисподняя, и Саулови царство отнялъ и Давидови тихому и покорному отдалъ. Прото мы архимандритъ и пречестнал капитула монастыря Печерского Киевского и с преподобными игуменами в Духу Святомъ, повагою и моцу каноновъ святыхъ, правомъ Ставропигіи патріаршей, водлугъ чину и уставъ нашихъ иноческихъ Василія Великого и прочіихъ наставниковъ иноческихъ, и водлугъ правъ, звязковъ и застановеня, межи Николскимъ и Печерскимъ монастырями будучихъ, того то смиренного инока Серафиона з игуменства и строителства, которого слушне и канонне не маетъ, гдыжъ през святое памети предка нашего Іелисея Плетенецкого, архимандрита Печерского, декретованый и зложеный есть, повторе складаемо и злѣтуемо и отъ сполечности церковной братской отлучаемо, и абы священнодѣйствія и священныхъ ризъ не касался, и абы въ церковь не дерзалъ входити, а ни вкупѣ з братіами молитися. Бо если игуменове церковъные отцы в своихъ монастыряхъ маютъ владзу давати таковое запрещеніе, отлучаючи отъ священнодѣйствія, немнѣй и архимандритове таковуюжъ на подлежащихъ собѣ владзу маютъ; приказуемъ тежъ и вспоминаемъ духовною властію честнымъ братіямъ инокомъ такъ монастыря Николского Пустынского, яко и

всѣхъ монастырей, абы з онымъ, яко з отлучонымъ, жадное сполечности и общованя не мѣли, канонови святому повинуючися, который приказуетъ: иже общается отлученному, и той самъ отлученъ есть. Ку тому и освобожаючи монастырь Николскій и старцовъ и имѣнія отъ той неволи и тежару нечистого, узнаваемъ и судимъ, абы Серафионъ той свой привилей братіи положилъ и зречене оного в городе Киевскомъ учинилъ, ведлугъ формы, которая се подастъ. Але надто того Серафиона, яко инока, многымъ таковымъ злымъ учинкомъ повинного, для спасенія его, водлугъ регулы нашое мнишеское, въ затворъ постничества сказуемъ. Который ажъ бы, яко инокъ, во смиренія затворъ нейшолъ, теды оного, яко сбытне гордаго и противячагося Богу и власти старшаго, зверхности и судиямъ свѣцкимъ на уцѣлумудреніе отдати мусимо, яко собору Антиохійского канонъ пятый учитъ, и яко блаженный Ѳеодоръ Балсомонъ, патриарха Антіохійскій, на той же канонъ в выкладе своемъ и в выкладе канонъ Апостолскихъ 31 замыкаетъ и разсуждаетъ, и яко собору Карѳагенского канонъ 52 приказуетъ читати о томъ и у правилахъ Матѳея канонисты состав 300, гл. 11; который то Серафионъ ачъ колвекъ самыми тыми злыми учинками, т. е., же церковъ роздираетъ, ижъ свѣцкимъ поступкомъ на началство духовное наскочилъ, же кровъ пролялъ, Андрея Предремирскаго пострелилъ, инока на смерть замучилъ, Станислава, слугу его м. пана подвоеводего, побилъ, з стану священнического декретованый и зверженый есть, еднакъ мы поважне и разсудне, собѣ въ томъ поступаючи, ужилисмо и уживамо Преосвященныхъ и Боголюбезныхъ Архиереовъ до святой обители Печерской на судъ зверженіа з священства, такъ того Серафиона, яко и Никодима Силича; а ижъ церковь святого Николы и монастырь Пустынскій презъ приведене ката и през окрутное мученіе инока и презъ выляне крове есть осквернены, теды церковь маетъ быти замкнена и жадное набоженство отправоватися не маетъ, ажъ первѣе Серафионъ и Никодимъ Силичъ и Епифаній, яко братоубійцы и кровепролійцы въ затворъ пойти, водлугъ декрету, вправлени будутъ, и ажъ первей мѣсто тое, монастырь Николскій, очищенъ и посвященъ будетъ презъ насъ архимандрита, который позволеніе маетъ отъ святѣйшого патриархи церкви посвящати; а тѣло замордованого инока Тимоѳея, въ лѣсе закопаное, маетъ быти вынято и честно до монастыря отпроважено, и водлугъ чину иноческого по-

гребено, на що мы честныхъ отцовъ и братію отъ капитулы нашое зослати маемо. А што се дотычетъ Никодима Силича, который, с постригу своего з монастыря Межигорскаго утѣкши, по разныхъ мѣстцахъ безчинно валался и волочился, а наконецъ, въ товариство злое тому Серафионови прилѣпившися, шкоду монастырови чинилъ, братію побивалъ и в монастырю на братію стрелялъ, наконецъ поменованого Тимоѳея чернца мучилъ и катови приводомъ и помочникомъ былъ: теды того Никодима, яко братоубійцу, яко приводцу ката и помочника его, отъ священства, отъ священныхъ ризъ отлучаемъ и запрещаемъ, надъто и в затворъ постничества сказуемо. Который такъ укрѣпленъ быти маетъ, абы южъ болшъ не бѣгалъ и не волочился, людей не погоршалъ, с пулганы не ходилъ и не стрелялъ. Также Епифаніа чернца кровопролійцы и участника замордованя небожчика Тимоѳея чернца въ затворъ крѣпкій и в покуту, водлугъ его дѣлъ, всказуемо. А надъто во всѣхъ монастыряхъ и церквахъ тотъ нашъ судъ оголосити приказалисмо, оповѣдуючи, абы того Серафиона Бѣлского, Никодима Силича и Епифаніа за таковыхъ осуженцовъ и яко заклятыхъ мѣли, абы з оными жадное сполечности и общенія, а ни духовныи, а ни свѣцкіи не мѣли, а хто бы колвекъ такъ отъ священного, якъ и мирского стану з оными общовалъ, помочи и рады имъ додавалъ, теды заразъ тогожъ часу на таковыхъ клятва, анаѳема, маронаѳа, презъ святѣйшихъ Патриярховъ, в привиліахъ Ставропигіи положеная, вкладается и растягается и всякаго святого общенія ихъ лишаетъ. А если бы тыи Никодимъ Силичъ и Епифаній тому судови нашему не покаралися и в затворъ постничества святого не вошли, теды и тыхъ, яко и Серафиона, ведлугъ права, судови свѣцкому подаемо, водлугъ вышей помененыхъ каноновъ.—Писанъ в монастырю Печерскомъ. Выдано на оголошене монастырей и церквей.

Захаріа Копыстенскій, милостію Божіею Архимандритъ Лавры Печерское Киевское.

(Изъ рукописнаго сборника, находящагося въ Московской Синодальной Типографской библіотекѣ подъ № $^{3791}/_{442}$, л.л. 22—24.)

Примѣч. Помѣщаемый документъ чрезвычайно важенъ не только потому, что представляетъ собою единственный извѣстный доселѣ памятникъ

судебнаго разбирательства кіево-печерской капитулы за первыя десятилѣтія XVII в.; но и по обилію заключающихся въ немъ историческихъ данныхъ. Въ частности, важное имѣетъ значеніе сдѣланная здѣсь, на основаніи фактовъ, характеристика пустынно-никольскаго игумена Серапіона Бѣльскаго и черница Никодима Силича, какъ значительно уясняющая послѣдующія отношенія къ симъ лицамъ кіев. митрополита П. Могилы,—причемъ жестокія мѣры послѣдняго „къ безбожнымъ черницамъ" никольскимъ значительно утрачиваютъ ту мрачную (неблагопріятную для Могилы) окраску, какая придается имъ въ извѣстномъ лѣтописцѣ Ерлича.

X.

Грамота кіевскаго митрополита Іова Борецкаго на учрежденіе въ г. Немировѣ (Брацлавскомъ) церковнаго братства при храмѣ Воскресенія.

1626 г., ноября 9.

Во имя Отца і Сына і Святаго Духа, Святыя Живоначальныя и нераздѣльныя Тройцы. Аминь.

Всѣмъ посполите, так духовного, яко и свѣцкого стану, кому колвек належати будет, побожным и християнским людем. Вѣдомо чиним, иж мы с повинности Пастырства, Митрополитанства Киевского, объехавши парофію нашу и бывшы в повѣте воеводства Браславского, в мѣсте ясне освѣцоных их мил. княжат — князя Юря, каштеляна Краковского, и князя Криштофа, конюшого Коронного, Збаражских, Немировѣ, с побожности и людзкости пановъ шляхты, посполитого чоловѣка, и всѣх весполъ пановъ мѣщанъ Немировских велице утѣшилисмо ся, которым блгословенія Іерусолимского от с-тѣйшое столицы Митрополіи Киевъское повѣншовавши, кгдыс мы в них обачили великую охоту до Церкви Христовы и до помноженя хвалы Божое, а хотячим тым болше онымъ до побожности християнское сердце и горячости причинити, видячи так згодную любовъ священниковъ, яко теж и их мил. пановъ мещан Немировских парофѣи

Воскресенія Христова, а мяновите: пана Ивана Бондуря, пана Карпа Охременка и п. Ѳедора Гришчанка, брати старших уписных, здалося смиренію нашему, за волею и побудкою Всесвятого и Животворящего Духа, братских звязков у них залецити и любовъ нерозерваную церковнаго брацства, и ведлуг порядку иных мѣст, так въ Коронѣ, яко и Великом Княздтвѣ Литовскомъ и Руском, в державѣ наяснѣйшого кроля Полского и народѣ нашом Россійском, который завше в послушенствѣ патриархи вселенского столицы Константинополскее и был и найдовался, благословити. Якож иж коштом не малым збудовали храм Божій Воскресенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа в Немировѣ, церков рынковую, отновивши и належнымъ святителским митрополитанским благословенством притомне посвятити давъши, далей о порядках и неуставичной хвале Божой, такъ в той нынѣ посвячоной, яко и въ иных церквах, якобы в них люде духовные им самим, и при нихъ учители дѣткам ихъ побожные и учоные найдоватіся могли, а не могучи снаднѣйшого способу до такового предсявзятя своего найти, прикладом иных мѣст Кр. Его Мил., яко то: Вилна, Киева, Лвова, Люблина, Могилева, Винницы, и инших княжских и панских,—жадали смиренія моего, абысмо имъ, на знакъ бытности своее и навѣженя пастырства Митрополитанского в мѣсте их, повагою уряду святѣйшое столицы Митрополіи Киевъское и всея Россіи, позволили и благословили братство церковное, брацство милосердіа, заложити и до оного звязком любовным, кто колвекъ изволит, приступити, и порядком ухваленым присмотрѣвшися, яко им досыт чинити каждый повиненъ крестным поцилованіем, ствердити, и в реестръ братскій вписоватис, и о церквах Божіих, о помноженю хвалы Божое през учители духовные, о побожное и учтивое дѣтокъ своих при науках выховане и цвичене, посполитыми уфалными складками и брацким коштом промышляти и старане чинити. В чом смиреніе наше, мудро уважное и святобливое жадане побожности их зрозумѣвши, до просбы и стараня ихъ лацно прихилитися судило, якож охотне прихиляемся, братство церковное, братство милосердіа, при церкви Воскресенія Христова ринковой, в мѣсти Немировѣ, молитвы и набоженство звыклое и ведле потребы ухваленое, то ест, молебенъ за ясне освецоныхъ кн. ихъ мил. Збаразских и державцовъ и за всѣх братій пяток кождый в той церкви отправовати, и домъ особный для схожокъ що неделных, кром напою, для по-

рядку и ухваленых схожекъ и складокъ братскихъ мѣти, и овшем пожитечномъ церкви Божое и выхованю святобливых дѣток своих и о школных науках промышляти, и милосердных учинках, яко найпилней, христіанско и спокойне, в притомности духовника братского, которого зараз подаем и залецаем их мил., господина Атноніа Василевича, протопопу нашего Немировскаго, литоргію Божію отправовати, Слово Божіе што недѣли проповѣдати повѣраем и полѣцаемъ, во всяких, якосмо рекли, христіянских цнотах братіам того церковного братства цвичитися и помнажати зычачи, тое братство святое церковное, брацство милосердіа, в Немѣровѣ быти статися повагою святителскою позваляем, и благословеніем святѣйшого престола Митрополіи Киевъское от Іерусалима благословляем, и всякого противника и того святого нами зачинатися и быти благословеніа брацтва разорителя, нарушителя и лукаваго клеветника, и непокалянного лаятеля, и злоречителя, вѣчной анаѳемѣ и проклятію отдаемъ. Што все тым привилеем вѣчно мѣти о имени Христовѣ хотячи, при печати Митрополитанской, подписом руки нашое ствержаемо. Писанъ у Богоспасаемом градѣ Браславли, в лѣто от сотвореня свѣта 7134, от втѣленіа Бога Слова 1626, мѣсяца Ноемвріа 9 дня.

(Изъ рукоп. сборника, хранящагося въ Московской Типогр. Синодальной библіотекѣ, №№ $^{3791}/_{442}$; листы 25—26).

Примѣч. Новоучреждаемое въ 1626 г. съ благословенія митрополита І. Борецкаго Немировское братство слѣдуетъ отличать отъ *одноименнаго* съ нимъ братства въ г. Немировѣ, находившемся въ воеводствѣ Бѣльскомъ на разстояніи 40—45 верстъ отъ г. Львова.

XI.

Протестація отъ имени уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина Рутскаго на православнаго митрополита Петра Могилу о томъ, что послѣдній вмѣстѣ съ своею капитулою и слугами, „наѣхавши“ на церковь св. Николая Десятинную, приказалъ раскидать ее, а всѣ сокровища и украшенія забрать.

1636 г. марта 29.

Выпис с книг кгродскихъ воеводства Киевского.

Лѣта Божого нароженя тисеча шестсот тридцат шостого, м-ца марца двадцат девятого дня.

На враде кгродском, в замку Его Королевской милости Киевскомъ, передомною, Яномъ Млотковскимъ, наместникомъ замку Киевского, ставшы очевисте, урожоный панъ Станиславъ Корсакъ, именем высоце в Бозе Превелебъного Его милости Отца Иосифа Вельямина Руцкого, Архиепископа Митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси, в унии светой будучого, и капитулы Его милости, оповедал и соленитер протестовалсе противко Превелебному в Бозе Его милости Отцу Петрови Могиле, в унии небудучому, метрополите Киевскому, Архимандрыте Печарскому, и всей капитуле его милости о то, ижъ Его милость отецъ Могила, ничого недбаючы на успокоене в релии розрозненыхъ рускихъ и на срокгост права посполитого и на вины в немъ описаные, але и овшемъ лехце собе поважаючы, моцно, кгвалтомъ, самъ особою своею и с капитулою, з слугами, бояры и подданымі своими в року теперешънемъ, тисеча шест сотъ тридцат шестомъ, м-ца марца десятого дня, наехавшы на церковъ светого Миколы, названую Десетинною, з довечныхъ вековъ пры Метрополите Киевском в унии будучую, на предместю Киевъскомъ, на горе Софийской, в паркане самомъ будовъную, которую церковъ роскидати росказал, а скарбы все и охендоства церковные забрал на сто тысечей золотыхъ полскихъ, и церковъ помененую во владзу и поссесыю свою кгвалтовне забрал, а его милости отца Руцкого з спокойного держаня и уживаня тое церкви выбил; о которое кгвалтовное выбите с церкви вышъ помененое и о кгвалтъ за тымъ походячый, такъ же и о шкоды, протестансъ

офяровал Его милости отца Руцкого и капитулу его милости о тое правне чынит, зоставивъшы однакъ его милости отцу Руцкому, Митрополите Киевъскому унияцкому, и капитуле его милости волное поправене лепъшести тое протестацыи, еслибы того была потреба; а на тот час просил, абы тая его теперешняя протестацыя до книг прынята и записана била, што отрималъ; с которых и сес выпис под печатю кгродскою Киевъскою естъ выданъ. Писанъ у Киеве.

(Слѣдуетъ неразборчивая подпись чиновника, выдавшаго означенную выпись).

(Съ подлинной выписи, хранящейся въ библіотекѣ Кіево-софійскаго собора).

Примѣч. Кіево-Никольская Десятинная церковь принадлежала къ нагорнымъ церквамъ, находившимся въ непосредственномъ вѣдѣніи (патронатствѣ) кіевскихъ митрополитовъ; поэтому, когда,—на основаніи извѣстныхъ *Punctow uspokoienia* (1 нояб. 1632 г.), возвращавшихъ кіевскую митрополичью каѳедру православнымъ,—П. Могила въ іюлѣ 1633 года отбиралъ отъ уніатовъ Кіево-софійскій соборъ, то одновременно съ симъ взята была имъ вмѣстѣ съ другими нагорными церквами и Десятинная Никольская (см. наше сочиненіе—*Кіев. митроп. П. Могила*, т. I, *прилож.* № LXXXVII). Хотя уніаты протестовали противъ такого, по ихъ выраженію, *насильственнаго захвата* кіевской митрополичьей каѳедры съ пріуроченными къ ней церквами, но такъ какъ на сторонѣ православныхъ въ данное время была не только *матеріальная сила*, но и *юридическія права*, то эти протесты не имѣли никакихъ осязательныхъ послѣдствій. Такимъ образомъ, помѣщаемая нами протестація 1636 года не заключаетъ въ себѣ—какъ можетъ показаться съ перваго взгляда—указанія *на время отобранія Никольской* Десятинной церкви отъ уніатовъ (что имѣло мѣсто, какъ сказано, въ 1633 г.): она свидѣтельствуетъ только еще объ одной безсильной попыткѣ къ протесту противъ указаннаго совершившагося факта,—протесту, вызванному рѣшеніемъ Могилы разобрать (очевидно, какъ состарѣвшуюся) церковь святаго Николая Десятиннаго. Точное обозначеніе времени, когда это случилось, собственно и составляетъ наиболѣе существенное фактическое указаніе въ помѣщенномъ нами документѣ. (Безъ объясненій, понятно, давать вѣру сдѣланной въ протестаціи оцѣнкѣ якобы присвоенныхъ Могилою сокровищъ и украшеній означенной церкви—*не слѣдуетъ*).

XII.

Удостовѣрѣніе, выданное архимандритомъ Дубенскаго монастыря Кассіаномъ Саковичемъ ректору Владимірской школы Прокопію Хмѣлевскому въ томъ, что онъ—Саковичъ—, по преклоннымъ своимъ лѣтамъ и слабости здоровья, добровольно уступаетъ послѣднему настоятельство въ означенномъ монастырѣ.

1639 г. авг. 24.

Ja, Kassian Sakowicz, Archimandrita Dubienski, wisitator duchowienstwa Russkiego, w jedności ś. będącego, w Kluczu Dubienskim y Ołyckim, zeznawam tym dobrowolnym pismem moim, komu o tym wiedzieć będzie należało, iż, maiąc wzgląd na podeszłe lata moie y osłabienie zdrowia mego, ktore nadwątlałe iest pracami koło iedności swiętey y reformaciey monasterow Dubienskich, to iest S-go Spasa y Czesnego Kresta y monastyra panienskiego, życząc sobie przy recolectiey zakonney po tych pracach w pokoiu na oznaczonym od zwierzchności duchowney mieyscu z przysług cerkwie Bożey dalszego pożycia, a nie chcący monasterow Dubienskich bez successora pewnego zostawić byłem, na tymże upatrzywszy wielebnego oyca Prokopia Chmielowskiego, zakonika reguły ś. Bazilego wielkiego, na ten czas rectora szkoły Włodzimierskiey, pobożnego kapłana y katholika statecznego y onegom Xiążęciu Jego Mosci Panu Koniuszemu Coronnemu, w ktorego dobrach y collatiey te monastyry są, pomienionego na swoie mieysce comendował, prosząc Xięcia Jego Mości, aby onemu monastyr Dubienski ś-go Spasa y z inszemi pomienionemi do rządzenia raczył za dobrowolną cessią moią podać. Co Xiąże Jego Mosc uczynił, że beneficium to conferować raczył pomienionemu wielebnemu Oycu Chmielowskiemu,—tedy ia, wysz pomieniony Archimandrita, dobrowolnie tego monasterza świętego Spasa ustąpiłem y ustąpuię zarazem de facto ze wszystkiemi dobry, fundatiami y przynależnosciami, obiecuiąc sobie po wielebnym oycu Chmielowskim, że iako miałem pilne staranie o pomnożeniu chwały Bożey y pozyskaniu dusz do jedności świętey, tak też y on będzie miał y o dokonczenie murow, ode mnie zaczętych, będzie się starał. Trib y porządek nabożenstwa cer-

kiewnego taki, iaki za mnie był, zachowa y w dobrym rządzie zatrzyma. [Dla tym] lepszey wiary do tey dobrowolney cessiey moiey ręką [własną podp]isałem się y pieczęć przycisnąłem. Dan we Włod[zimierzu] A. D-ni 1639, augusta 24.

Собственноручная подпись: *Kassian Sakowicz, Archimandryta Dubieński.*

(Съ подлинника, находящагося въ библіотекѣ Кіев. Дух. Академіи между документами изъ Архива Почаев. Лавры).

Примѣч. Кассіанъ, въ мірѣ Каллистъ, Саковичъ, бывшій нѣкоторое время (1620—1624 гг.) ректоромъ кіево-братской школы,—лице, хорошо извѣстное въ исторіи западно-русской церкви. Нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о немъ см. въ нашей *Исторіи Кіев. Духовной Академіи* (вып. I, 214—216) [1].

---

[1]) а) Въ означенномъ сочиненіи мы говоримъ, что Кассіанъ, въ мірѣ Каллистъ, Саковичъ родился въ Подтеличѣ отъ *православнаго* священника. Послѣднее мнѣніе оспаривается нашимъ высокочтимымъ рецензентомъ А. И. Соболевскимъ, который утверждаетъ, что отецъ Саковича былъ уніатомъ. *(Журн. Министр. Народн. Просв.* 1887 г. № 3). Но это со стороны рецензента—недоразумѣніе, полагаемъ, убѣдительно разъясненное нами въ отвѣтѣ А. И. Соболевскому, напечатанномъ въ *Трудахъ Кіев. Духовной Акад.* за тотъ же 1887 г. въ № 5.

б) Въ томъ же сочиненіи мы высказываемъ *предположеніе*, что К. Саковичъ принялъ монашество *въ Кіевѣ*. Это предположеніе находитъ фактическое подтвержденіе въ собственноручныхъ замѣткахъ самаго Саковича, сдѣланныхъ на принадлежавшемъ ему экземплярѣ *Лиѳоса* (находится въ библіотекѣ Варшавскаго Университета; замѣтки эти приготовлены нами къ печати). Здѣсь Кассіанъ, между прочимъ, говоритъ: „A żem u was schismatikow *w Kijowie habit zakonny był przyiął*, y nie będąc y iednego dnia in probatione, zaraz w sowierszenny czyn czerniecki był postrzyżony", et caet. (замѣтка на стр. 344).

в) Перечисляя въ хронологическомъ порядкѣ ректоровъ кіево-братской школы *(Исторія Кіев. Дух. Акад.* I. стр. 213 и слѣд.) мы непосредственно за Кассіаномъ Саковичемъ (1620—1624 гг.) полагаемъ *Мелетія Смотрицкаго* (1626—1628 гг.) и затѣмъ уже *Ѳому Іевлевича* (1628—1631 гг.),—каковой распорядокъ вызвалъ серьезныя возраженія со стороны того же А. И. Соболевскаго. Къ сказанному относительно этихъ возраженій въ упомянутомъ нашемъ отвѣтѣ, въ настоящее время мы имѣемъ возможность сдѣлать одно фактическое указаніе, до извѣстной степени подтверждающее, по крайней мѣрѣ, то наше положеніе, что Іевлевичъ не былъ непосредственнымъ преемникомъ по ректурѣ *Саковичу* (разумѣется, подъ условіемъ, что ректура не оставалась довольно долгое время вакант-

Въ помѣщенномъ документѣ Саковичъ заявляетъ, что онъ, вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ своихъ и ослабѣвшаго здоровья, добровольно уступаетъ занимаемую имъ Дубенскую архимандрію Прокопію Хмѣлевскому. Но едва ли такъ дѣло было въ дѣйствительности. Петръ Могила, въ своемъ *Лиѳосѣ*, полемизируя съ Саковичемъ (какъ авторомъ направленнаго противъ православія сочиненія—*Перспективы)* не разъ *подчеркиваетъ*, что Кассіанъ былъ *низложенъ* съ Дубенской архимандріи, и это обстоятельство поставляетъ въ непосредственную связь съ воспослѣдовавшимъ вскорѣ за симъ переходомъ его (изъ уніи) въ католицизмъ. „Рокі—читаемъ въ первой предмовѣ къ Лиѳосу (посвященіе Бржозовскому)—Archimandrią Dubieńską zawiadywał, poty unia miała zbawienie, a skoro ieno Archimandrią mu *wzięto*“... et caet. Тоже говоритъ и уніатскій полемистъ противъ *Перспективы* Саковича—пинскій епископъ Пахомій Оранскій: „Nie starszyć (Кассіану) *Dubieńską wprzod Archimandryą odięli*, ale twoie postępki“); и въ другомъ мѣстѣ: „*Po złożeniu* z Archimandryey Dubieńskiey, iako drugi Chain, łukąc się po rożnych mieyscach“.... et caet. *(Zwiarcadło*, изд. 1645 г.).—Сопоставленіе приведенныхъ данныхъ съ удостовѣреніемъ Саковича, выданнымъ Хмѣлевскому, даетъ основаніе думать, что разладицы, начавшіяся у Кассіана съ уніатами (точнѣе съ уніатскими властями, на что́ у П. Оранскаго тоже есть указанія), *давленіе*, оказываемое на него ими (разъ Кассіану въ бытность Дубенскимъ архимандритомъ пришлось посидѣть и „въ темномъ карцерѣ“), и вслѣдствіе этого предстоявшая опасность потерять занимаемое мѣсто,—все это побудило Саковича пойдти на встрѣчу ожидавшемуся факту, по возможности ослабивъ его значеніе выборомъ себѣ преемника и, безъ сомнѣнія, небезвыгодною для себя сдѣлкою съ нимъ. Кажется, какъ на такую именно сдѣлку, и должно смотрѣть на помѣщенный нами документъ.

ною); а именно: „*въ 1625 году Ѳома Іевлевичъ состоялъ еще студентомъ* (Краковской Академіи?),—о чемъ свидѣтельствуетъ (оставшееся доселѣ неизвѣстнымъ ни нашимъ ни польскимъ библіографамъ) его сочиненіе подъ заглавіемъ: *Labirint abo droga zawiolana, gdzie piękna mądrość z powinności swey P. P. Mohilowianom y im niektorym w przedsięwzięciach swych podobnym krotszą y daleko lepszą drogę pokazuie, napisana przez Thomasza Iewlewicza studenta nauk wyzwolonych. Do Bractwa młodszego Mohilowskiego, nowo poczętego, ku sobie cale uprzeymego et c. et c.—W Krakowie w drukarni Franciszka Cezarego. Roku P. 1625.* (Въ сборникѣ старопеч. брошюръ, хранящемся въ Москов. Типогр. библіотекѣ, № 4217).